ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

РУССКАЯ АРМИЯ

А.Н. КУРОПАТКИН

Annotation

Генерал А.Н.Куропаткин — личность неоднозначная. Обладая несомненными организаторскими способностями и занимая в 1898—1904 годах пост военного министра, он сделал много хорошего для развития русской армии. Но, будучи главнокомандующим русской армии в Маньчжурии, он не проявил себя как полководец в войне с Японией (1904—1905), за что подвергался критике современников и последующих исследователей этого великого противостояния. В то же время интересны взгляды самого Куропаткина на прошлое и будущее русской армии, которые он изложил в своем труде, написанном в 1910 году.

- А.Н. КУРОПАТКИН
  - Об авторе
  - Внутреннее положение России в конце XIX века
  - Последствия ослабления русского племени
  - Внешнее положение России в конце XIX века
  - Военное положение России в конце XIX века
  - Иноземные влияния в России в XVIII и XIX столетиях
  - Выводы из деятельности русской армии в XIX столетии
  - Меры по усилению внешнего положения России
  - Меры по усилению внутреннего положения России
  - Меры по усилению военного положения России
  - Заключение
- notes
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24

- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71

- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118

- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165

- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212

- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259

- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305

А.Н. КУРОПАТКИН
РУССКАЯ АРМИЯ

Об авторе

Куропаткин Алексей Николаевич (17.03.1848—16.01.1925) — генерал от инфантерии (1901), генерал-адъютант (1902), почетный член академий: Императорской Николаевской военной, Михайловской артиллерийской, Александровской военно-юридической и Императорской военно-медицинской; почетный старик и почетный казак многих станиц казачьих войск: Семиреченского, Сибирского, Оренбургского, Донского, Амурского и Терского; почетный гражданин города Плевны. Кавалер всех российских орденов — до Св. Александра Невского, с бриллиантовыми знаками включительно, в том числе Св. Георгия 3-й и 4-й степеней и многих высоких иностранных наград. Родился в Холмском уезде Псковской губернии (ныне Торопецкий р-н Тверской обл.) в дворянской семье — его отец был отставной капитан. Воспитывался в 1-м кадетском корпусе, затем поступил в Павловское военное училище, которое окончил в 1866 году с производством в подпоручики. В 1866—1871 годах служил в Туркестане, участвовал в завоевании Средней Азии. За отличие при штурме Самарканда и в других сражениях награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны 3-й степени с мечом и бантом и произведен в чин поручика. В 1869 году назначен ротным командиром, а в 1870-м за отличия по службе произведен в штабс-капитаны.

В 1871-м поступил в Николаевскую академию генерального штаба, которую окончил в 1874 году первым, получив научную командировку в Германию, Францию и Алжир. Находясь в Алжире, принял участие в экспедиции французских войск в Большую Сахару и за отличия награжден кавалерским крестом ордена Почетного легиона. В 1875—1877 годах снова служил в Туркестане, участвовал в Кокандском походе, при взятии Уч-Кургана во главе небольшого отряда ворвался в укрепление противника, за что награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов — офицер для поручений при штабе действующей армии, а затем начальник штаба 16-й пехотной дивизии, где стал ближайшим помощником М. Д. Скобелева. Отличился в сражениях под Ловчей, Плевной и при переходе через Балканы. В бою под Плевной получил сильную контузию, его посчитали убитым. Газета «Московские ведомости» в № 220 даже опубликовала некролог. В ноябре 1877 года А. Н. Куропаткин был произведен в подполковники. За боевые отличия в эту кампанию его наградили орденами Св. Станислава и Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 3-й степени с мечом и следующим чином полковника, а также золотой саблей с надписью: «За храбрость».

В 1879—1883 годах он снова служил в Туркестане, где, участвуя во 2-й Архангельской экспедиции, являлся одним из ближайших помощников ее руководителя генерала М. Д. Скобелева. В январе 1882 года за отличия в боевых действиях против текинцев 34-летнего А. Н. Куропаткина произвели в генерал-майоры с утверждением в должности начальника Туркестанской стрелковой бригады.

В 1883—1890 год служил при Главном штабе. В 1886 году был отмечен царем Александром III за «особые труды» по разработке проектов «Об особых правах и преимуществах гражданской службы в отдельных краях Империи» и «Об устройстве управления в Туркестанском крае». В 1888 году успешно командовал сводной дивизией в лагерном сборе Одесского военного округа и в Варшавском округе — отрядом войск во время маневров. В марте 1890 года произведен в генерал-лейтенанты.

В 1890— 1897 годах Алексей Николаевич являлся начальником Закаспийской области. За время его управления этот пустынный край, не имевший ни дорог, ни городов, со слабыми зачатками промышленности, с полудиким кочевым населением, промышлявшим более всего грабежом и разбоем, стал более благоустроенным, здесь успешно развивалось земледелие,

торговля и промышленность, появились крупные селения и города. Возникли школы, проведена реформа судебной части, привлечены многочисленные переселенцы из внутренних губерний. В 1895 году Куропаткин был послан во главе чрезвычайного посольства в Тегеран для сообщения персидскому шаху о вступлении на престол Николая II.

С января 1898-го до февраля 1904 года Куропаткин возглавлял военное министерство. Со второй половины XIX века русская армия значительно отстала в боевой готовности от армий европейских стран. Переустройство армии, начатое еще Д. А. Милютиным, требовало колоссальных денежных средств, выделить которые в короткий срок не представлялось возможности из-за проводимых одновременно широких неотложных реформ всего государственного строя страны. Ко времени, когда Куропаткин стал военным министром, Россия по росту затрат на оборону государства шла впереди других держав. Однако и эти значительные ассигнования являлись далеко не достаточными для устранения долголетней запущенности русской армии, тем более что и соседние государства продолжали непрестанно развивать свои вооруженные силы.

При отпуске кредитов военному ведомству незадолго до Куропаткина начал применяться так называемый предельный бюджет, по которому средства на расходы военного ведомства не отпускались ежегодно, но распределялись по смете на 5 лет. Последняя в своем окончательном виде неизбежно урезывалась по финансовым соображениям. Так, на пятилетие (1899—1903) сверхсметный расход на наиболее неотложные мероприятия исчислялся предшественником Куропаткина генералом Ванновским в 455 млн рублей, а было отпущено всего 160 млн рублей.

Став военным министром, Куропаткин нашел много начатых и незаконченных мероприятий, а также новых, вполне подготовленных, но не проведенных из-за недостатка средств. Таким образом, собственно по военной части имелась масса ценного материала, достаточного для составления плана дальнейшей деятельности военного министра. С другой стороны, общей политической программы для согласования с ней деятельности военного министерства не существовало; напротив, между военным министром и его коллегами по другим ведомствам имелись существенные разногласия во взглядах на очередные задачи военного ведомства. Общности программ военного и морского министерств также не было.

При таком положении Куропаткин решил при постановке задач для дальнейшей работы министерства опереться на исторические исследования деятельности русских вооруженных сил в XVIII и XIX веках, определив, как выводы из этого исследования, задачи русской армии в XX столетии. Сделанные таким образом выводы легли в основание составленного в министерстве плана мероприятий по дальнейшему усилению армии в 1899—1903 годах. Ввиду недостаточного ассигнования на сверхсметные расходы этого пятилетия (всего 160 млн рублей) военное министерство должно было проявить особую осторожность при удовлетворении многочисленных нужд армии, и поэтому естественно, что удовлетворение многих потребностей первостепенной важности не могло подвигаться с желаемой быстротой.

Военный министр Куропаткин был убежденным сторонником системы своих предшественников, ставя на первый план скорейшее усиление нашего военного положения на западной границе. Однако до этого генерал Ванновский не мог не считаться с новой обстановкой, сложившейся на Дальнем Востоке после Японско-китайской войны (1894—1895), последствием чего явилось усиление военного положения России на дальневосточной окраине. Усиление это вошло и в план мероприятий на 1899—1903 годы.

В Европейской России увеличение армии ограничилось завершением начатой Ванновским организации резервных войск. А военное министерство при Куропаткине занялось улучшением личного состава и быта армии, увеличением ее мобилизационной готовности, переустройством некоторых органов управления, развитием материальной части в пределах отпущенных на это

средств.

Главные мероприятия, проведенные Куропаткиным, сводились к следующему. Были поставлены задачи улучшения командного состава армии, а также условий его службы и быта: значительно увеличено денежное содержание строевым офицерам, возросли квартирные оклады; улучшена работа офицерских собраний и экономических обществ; приняты меры к омоложению армии установлением пределов возраста для строевых офицеров и для кандидатов на высшие должности; введены новые правила чинопроизводства, что внесло большую справедливость и равномерность прохождения службы; значительно расширены права офицеров на отпуска. Для поднятия общего уровня образования офицерского корпуса двухлетний курс юнкерского училища был преобразован в трехлетний; открыто 7 новых кадетских корпусов; учреждены курсы для подготовки офицеров-воспитателей для кадетских корпусов; переработано положение об Академии генерального штаба с обращением ее в специальную Школу офицеров генерального штаба (прежде она занималась комплектованием офицеров генерального штаба и выполняла роль военного университета), внесены изменения в ее программу; переработан штат академии и возведены новые здания. Увеличены сроки прикомандирования офицеров генерального штаба к строевым частям. В общем все меры по улучшению укомплектования и быта офицерского состава поглотили более половины всей 160-миллионной прибавки к пятилетнему бюджету.

Военный министр Куропаткин обратил внимание и на нижние чины армии. Русский солдат в отношении пищи, одежды, жилища и содержания был обделен по сравнению с солдатами других армий: даже предметы первой необходимости он приобретал за свой счет. Удовлетворить все нужды солдатского состава армии оказалось невозможным из-за недостатка средств. Проведенные Куропаткиным мероприятия были направлены главным образом на поднятие нравственного уровня солдат: по удовлетворению религиозных нужд, отмене телесных наказаний, организации бесед, чтений, игр. Было улучшено казарменное положение, введены чайное довольствие и походные кухни, дано большее развитие солдатским лавочкам и чайным, утверждена новая табель довольствия в военное время. Были повышены требования по приему новобранцев, чтобы в армию набирались физически здоровые и крепкие люди. Меры к привлечению сверхсрочнослужащих унтер-офицеров оказались малоуспешными из-за недостатка средств.

В мобилизационном отношении: увеличена готовность войсковых частей, улучшена подготовка чинов запаса, увеличен запас офицеров, обеспечено формирование ополченских частей, издано новое положение о военно-конской повинности; впервые произведена фактическая проверка призыва запасных и поставки лошадей. В отношении обучения войск: увеличено число войск, привлекаемых в подвижные сборы (пехота — на 25 %), расширено применение больших маневров, выделено свыше 1,5 млн рублей на покупку земельных участков для учебных целей. В организационном отношении: штабы Петербургского, Московского, Одесского, Киевского, Туркестанского и Приамурского военного округов преобразованы по образцу западных пограничных округов.

Главный штаб также переформировали для согласования с преобразованными штабами округов; в его составе были сформированы управления: генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, военных сообщений и военно-топографическое. Толчком для этого мероприятия послужили военные действия в Китае 1900 года, руководимые из Петербурга и потребовавшие организации оперативной и статистической части на более широких основаниях, чем прежде.

Преобразованы управления азиатских военных округов: Омский и Иркутский округа соединены в Сибирский; а Закаспийская и Семиреченская области присоединены к Туркестанскому округу; в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях войска изъяты

из ведения военных губернаторов; сформированы управления 8 армейских корпусов и во всех учреждены должности корпусных интендантов; из арендованной у Китая части Ляодунского полуострова образована Квантунская область с управлением, близким к военно-окружным. Упразднены особые финские войска, кроме гвардейского батальона, входившего в состав гвардейской стрелковой бригады; при этом для Финляндии проведен новый устав о военной повинности.

В войсках Европейской России продолжалось постепенное введение конных ординарцев; образованы команды штабных самокатчиков. По артиллерийской части: закончено перевооружение ручным огнестрельным оружием и выполнено перевооружение полевой артиллерии скорострельными пушками (за счет особого ассигнования); началось испытание пулеметов и сформированы первые пулеметные роты, продолжалось постепенное снабжение новыми образцами орудий крепостей и осадной артиллерии. Ввиду огромной потребности в крупных орудиях всех крепостей удовлетворение ее шло медленно, тем более что Обуховский завод работал исключительно для флота. В ожидании новых орудий с других крепостей снималось вооружение для Порт-Артура.

По инженерной части: продолжалось усовершенствование существующих крепостей в пределах отпущенных на это средств; сооружены новые крепости — Порт-Артур, предмостные укрепления у Рожан и Ломжа (закончено ядро крепости, форты же остались невозведенными); спроектировано укрепление Влодавы и усиление восточного фронта Висло-Наревского плацдарма. В общем, Куропаткин имел в виду создать огромный, недоступный вторжению укрепленный район на нашем передовом театре: Новогеоргиевск, Варшава, Ивангород (по р. Висле) — западный фронт; Иван-город, река Вепрж, Коцк-Влодавский озерно-болотистый район — южный фронт и, наконец, северный фронт — по Нареву с крепостями Новогеоргиевск, Зегрж, Пултуск, Рожаны, Остроленка, Ломжа — крепость Брест-Литовск; продолжалась постройка стратегических шоссе; значительно продвинуто казарменное строительство; увеличено число воздухоплавательных частей; производилось испытание автомобилей.

По интендантской части: впервые применен опыт закупки провианта у производителей (помещиков и земств); введено широкое производство консервов; издано положение о полевых хлебопекарнях; учрежден интендантский офицерский курс.

По отношению к казачьим войскам: улучшено материальное положение офицеров; облегчен денежным пособием исправный выход на службу казаков; спроектирован и начат ряд мер, направленных к поднятию благосостояния казаков, в частности по земельному устройству.

Особый интерес представляют меры по увеличению боевой готовности русской армии на Дальнем Востоке. Вступив в управление министерством убежденным сторонником усиления в первую очередь военного положения на западном фронте, Куропаткин остался верен этой идее даже и в то время, когда явно надвигавшаяся угроза на Дальнем Востоке приковывала внимание правительства в эту сторону. Данное обстоятельство не могло не отразиться на интенсивности мероприятий военного ведомства на дальневосточной окраине. Усиление войск на Дальнем Востоке шло под давлением развивавшихся событий и велось не присылкой организованных соединений, а путем переформирования существующих частей с добавлением укомплектований, выделенных войсками Европейской России (свыше 30 тыс. чел.). Даже события 1900 года (Боксерское восстание), собравшие в Китае 100-тысячную русскую армию, не были использованы для усиления нашего восточного фронта и привезенные войска были быстро эвакуированы.

Незадолго до Русско-японской войны 1904—1905 годов по настоянию местного начальства на Дальний Восток было направлено по одной бригаде от X до XVII корпуса, но без обозов, т. е. части , не готовые к походу. Склонность к импровизации и нерешительность Куропаткина

проглядывали уже в этих мерах. Только в конце 1903 года военное министерство решило потребовать на новые формирования сверхсметный кредит, но вместо просимых 30 млн рублей получило всего 3 млн. С 1899 по 1904 год общее усиление войск в Приамурском округе, Маньчжурии и на Квантуне составило около 40 тыс. человек; кроме того, на 18 тыс. человек увеличена охранная стража Восточно-Китайской железной дороги. В начале 1904 года в Европейской России было начато формирование батальонов для восточно-сибирских пехотных полков, но эти части начали прибывать уже после объявления войны. Всего в 1903 году дальневосточные владения имели 128 батальонов, за которыми в Сибирском округе стояло 40 резервных батальонов. В подкрепление им из Европейской России намечались 2 полевых и 2 резервных корпуса. Назначение в состав будущей армии большого числа резервных войск явилось следствием недостаточной оценки противника, но исправить эту ошибку во время войны было уже не во власти Куропаткина. Создание крепости в Порт-Артуре, рассчитанное на 10 лет, в силу особо неблагоприятных условий шло медленно. На составление и утверждение проекта крепости ушло два года; китайская смута 1900—1902 годов и холерная эпидемия оказали свое неблагоприятное влияние на ход работ, а отпускаемые ежегодно кредиты были урезаны, что препятствовало развитию работ в полном объеме.

Тем не менее, возвратившись в 1903 году из поездки на Дальний Восток и в Японию, Куропаткин был вполне удовлетворен результатами личной проверки нашего стратегического положения. «Мы можем быть вполне спокойны за участь Приамурского края, мы ныне можем быть спокойны за судьбу Порт-Артура, и мы вполне надеемся отстоять Северную Маньчжурию, — докладывал он. — Ныне можно не тревожиться, если даже большая часть, например, японской армии обрушится на Порт-Артур. Мы имеем силы и средства отстоять Порт-Артур, даже борясь один против 5—10 врагов».

В таких бодрых выражениях обрисовал Куропаткин обстановку на Дальнем Востоке за несколько месяцев до начала войны. Уверенность его в достаточности принятых мер находит подтверждение в плане мероприятий на пятилетие (1904—1909), по которому из 130 млн рублей, отпущенных вдобавок к бюджету, на нужды Дальнего Востока предназначалось только 7 млн. Последовавшие события показали, что оптимистичные расчеты Куропаткина были весьма верны: ко времени сосредоточения маньчжурской армии (к сражению под Ляояном) силы противника не превзошли ее численность. Порт-Артур же пережил два генеральных сражения, из которых каждое могло привести к его освобождению.

Ошибся генерал в другом: он просмотрел решимость Японии воевать и почти втрое преуменьшил то напряжение сил, на которое оказалась способна эта страна. Последнее не имело бы существенного значения, если бы Ляоянское сражение было выиграно. Что касается первой ошибки, то она имела роковое значение, так как помешала сделать все возможное для избежания войны. В этой ошибке Куропаткин несет значительную долю ответственности и как военный министр (недостатки военной агентуры), и как член особого комитета по делам Дальнего Востока. Конвенция об уступке нам Порт-Артура и Даляньваня заключена 15 марта 1898 года; следовательно, Куропаткин имел еще возможность выступить с возражениями, но взамен этого предложил занять и всю южную часть Ляодунского полуострова.

В маньчжурском вопросе Куропаткин в разное время держался различных взглядов. До Боксерского восстания он полагал нужным ограничиться экономическим подчинением Маньчжурии; с 1900 по 1903 год энергично проводил мысль о необходимости задержать очищение этой провинции и присоединить в той или иной форме ее северные части, взамен чего в конце 1903 года предлагал поступиться Квантунской областью и Южно-Маньчжурской железной дорогой.

В корейском вопросе взгляды Куропаткина также не отличались ясностью и

устойчивостью. Во всяком случае, в журналах Порт-Артурских совещаний, подписанных им, не видно его возражений против рокового Ялуцзянского предприятия. В конце 1903 года начались осложнения с Японией, приведшие к войне.

Общественное мнение единогласно указывало на Куропаткина как на желаемого вождя. За ним были туркестанские походы; за него говорил боевой опыт Русско-турецкой войны 1877—1878 годов и Ахал-Текинской экспедиции под руководством незабвенного «Белого генерала» — М. Д. Скобелева; за ним прочно установилась репутация талантливого администратора.

Озаренный лучами скобелевской славы, Куропаткин казался естественным наследником скобелевского умения владеть людьми и бросать их в бой на смерть или победу. Искусные действия Куропаткина на Курских маневрах 1902 года в роли командующего Южной армией подтверждали возлагавшиеся на него надежды[2].

8 февраля 1904 года последовало назначение его командующим Маньчжурской армией при следующем всемилостивейшем рескрипте: «Алексей Николаевич. С 1898 г ., состоя во главе военного ведомства, Вы, со свойственным Вам трудолюбием и настойчивостью, усердно работали над выполнением целого ряда одобренных Мною преобразований в деле усовершенствования армии и ее управления и были на страже боевой готовности вооруженных сил России, обеспечивающих преуспевание государства. Труд Ваш еще не закончен. Но пробил час, когда Мне суждено было призвать часть Моей доблестной армии на защиту достоинства России и ее державных прав на Дальнем Востоке. Зная Ваши блестящие военные дарования, стратегическую подготовку и выдающуюся боевую опытность, Я признал за благо вверить Вам ответственное командование Моей армией, действующей в Маньчжурии против японцев, освободив Вас для сего от обязанностей военного министра. Да поможет Вам Бог успешно совершить возлагаемый мною на Вас тяжелый, с самоотвержением принятый Вами подвиг. Расставаясь с Вами и желая выразить Вам Мою глубокую признательность за шестилетний просвещенный труд Ваш на пользу Моей дорогой армии, жалую Вам бриллиантовые знаки ордена Св. благоверного великого князя Александра Невского, кои повелеваю Вам носить по установлению. Напутствуя Вас на Дальний Восток в действующую армию, поручаю Вам передать Моим доблестным войскам Мой царственный привет и Мое царственное благословение. Да хранит Вас Господь!»

Задача Куропаткина как полководца была нелегкой. Высокому напряжению материальных и духовных сил японского народа Россия противопоставила армию, недостаточную по численности и с серьезными недочетами в качественном отношении. Из этой армии мы имели на месте сравнительно ничтожные силы, находившиеся притом в периоде переформирования. Увеличивать эти силы мы могли лишь путем подвоза за 10 тыс. верст по единственной железнодорожной колее, тогда как в распоряжении противника были все морские пути и средства.

Очевидно, что столь неблагоприятные условия для русской армии могли быть сглажены только крупным полководческим талантом. «Только бедность в людях заставила Ваше Величество остановить свой выбор на мне», — телеграфировал Куропаткин после своего назначения 13 октября 1904 года главнокомандующим вместо генерал-адъютанта Алексеева, отозванного в Санкт-Петербург. Эта неуверенность в себе, неуверенность в армии, недочеты которой ему, как военному министру, были лучше других известны, и сознание трудности обстановки, по-видимому, тяготели над духом Куропаткина.

Для роли полководца ему, вероятно, недоставало творчества, величия духа, умения быстро оценить обстановку, смелости в решениях, непреклонности воли в достижении поставленной цели. Судя по взгляду, выраженному Куропаткиным в его указаниях войсковым начальникам 15 апреля 1904 года, выжидательная позиция и пассивность генерала объяснялись принятым им

решением не вступать в бой ранее, чем будут собраны вполне определенные и полные сведения о противнике. Такое решение не могло не породить чрезмерной осторожности и не убить дух смелого почина. Разработке плана наступательной операции предшествовал обыкновенно запрос мнений старших начальствующих лиц с принятием затем среднего решения, в котором за робко поставленной целью не видно было твердой решимости достигнуть ее. И действительно, первый натиск врага тушил наступательный порыв и приводил к обычной пассивности. «От Ляояна не уйду, Ляоян моя могила», — говорил Куропаткин перед первым генеральным сражением. «Пришло для нас время заставить японцев повиноваться нашей воле», — гласил приказ перед сражением на реке Шахе. Но за Ляояном и Шахе последовали Сандепу и Мукден.

По справедливости можно сказать, что во всех этих боях не упорство русской армии было сломлено японцами, а дух ее вождя. Боязнь поражения как бы заглушила в нем жажду победы. Нерешительность Куропаткина отражалась и в его директивах частным исполнителям; достаточно припомнить его сбивчивые указания генералу Стесселю относительно обороны Цзиньчжоу, явно двусмысленную директиву генералу Штакельбергу перед Вафангоу («овладеть Цзиньчжоуской позицией», «не доведя дело до решительного столкновения») или изменчивую задачу генералу Зарубаеву у Дашичао (то решительный бой, то арьергардный). При выполнении операций инициатива не только корпусных командиров, но и командующих армиями была стеснена. Армии управлялись общими диспозициями, а если и получали особую директиву, то все же сильно связывались в ее выполнении: «…чтобы операция не приняла более значительных размеров, что желательно» (Сандепу). Постоянно увлекаемый деталями, в ущерб главному, Куропаткин не мог воздержаться даже от непрерывных мелочных указаний, распоряжаясь передвижением батальонов, охотничьих команд и орудий.

Нерешительность в постановке цели и склонность к преувеличению сил противника ни разу не дали Куропаткину осуществить принцип сосредоточения превосходящих сил на театре войны. В ударе у Вафангоу из 100 батальонов армии участвуют только 36; в период боя у Дашичао войска распределяются поровну между восточной и южной группами, оказываясь везде слабыми для достижения решительного результата; при наступлении у Сандепу из трех армий активно действует только одна. Накануне генеральных сражений взамен суворовского «снимай посты, опорожняй коммуникации» десятки тысяч бойцов выделялись из армии для охраны тыла или на второстепенный театр (перед Мукденом 16 батальонов с артиллерией, 34 сотня и 10 тысяч укомплектований).

Излишняя впечатлительность Куропаткина к слухам и демонстрациям приводила его в бою к быстрому израсходованию резервов. В минуту действительной необходимости приходилось их создавать выдергиванием частей со всего фронта армии, образуя случайные отряды со случайными же начальниками. В Мукденском сражении отряд генерала Лауница состоял из 53 батальонов, принадлежавших 43 пехотным полкам, 16 дивизиями 11 корпусам всех трех армий. Естественно, что эти импровизированные резервы, составленные притом из войск, уже бывших в бою, не всегда были способны проявить требуемую от них энергию. Склонность к импровизации проходит вообще через всю кампанию: названиями «отрядов» пестрит все описание войны, которая без преувеличения может быть названа «войной отрядов».

А. Н. Куропаткин не уделял внимания моральному состоянию армии. Он не объезжал позиции перед решительным сражением, не говорил с войсками, не появлялся перед солдатами в критические моменты боя. Даже в своем известном приказе о переходе в наступление на реке Шахе он не воздержался от некоторого выражения сомнения в успехе («Если окажется недостаточным присланных уже полков» и т. д.). Кроме этого приказа не было ни одного хотя бы письменного обращения к армии, потрясенной небывалым ходом войны.

Невниманием к моральному аспекту была проникнута вся система ведения войны с ее

девизом «терпения». Обычное чередование приказов «упорно обороняться» и «отступать» систематически подрывало в войсках веру в собственные силы, в своего вождя и в возможность успеха. Далекие от понимания стратегической или технической обстановки, солдаты инстинктивно сознавали бесполезность понесенных жертв. По убеждению Куропаткина, войска наши «крепли в неудачах», по мнению иностранных военных агентов, только историческая выносливость русского солдата могла выдержать многие месяцы столь своеобразную школу.

Несмотря на это, в каждом большом бою солдаты горели высоким воодушевлением, которое, по-видимому, мало учитывалось Куропаткиным в его решениях. Приказ об отступлении от Ляояна служит наиболее ярким показателем того, насколько мало было духовного общения между русской армией и ее вождем. В своих трудах после войны А. Н. Куропаткин указывал на недостаток инициативы и энергии у старших начальников, из которых часть явно не соответствовала назначению. Однако сама система Куропаткина в управлении операциями не могла способствовать развитию самодеятельности в ее исполнителях. С другой стороны, Куропаткин был облечен всей полнотой власти для устранения несоответствующих начальников, но в применении этой меры он использовал то излишнюю мягкость в явный ущерб делу (вопрос об отозвании генералов Стесселя, Случевского, Гриппенберга), то очевидную несправедливость (отрешение генерала Штакельберга от командования корпусом после Сандепу).

При оценке деятельности А. Н. Куропаткина как полководца необходимо, конечно, иметь в виду, что полная власть главнокомандующего принадлежала ему всего 4,5 месяца из 16; кроме того, ему приходилось считаться с указаниями из Санкт-Петербурга. Впрочем, эти указания были, скорее, попытками вывести Куропаткина из его пассивности и ничем не напоминали печальной памяти венского «гофкригсрата», с которым приходилось бороться А. В. Суворову. Если Тюренчен и Вафангоу можно еще считать до некоторой степени навязанными Куропаткину, то в остальных операциях он располагал полной свободой действий. Трагедия Куропаткина заключалась не в том, что ему дали задачу, непосильную для полководца, а в том, что его духовные силы оказались слабыми, чтобы справиться с ней. Призванный уравновесить своим талантом недостаток боевых средств, он вынужден был ожидать нарастания этих средств, чтобы возместить ими отсутствие полководческого таланта.

Судьба не дала Куропаткину второго испытания — с новой армией и при новой обстановке; она обманула и его надежду на продолжение борьбы. Отрицательное отношение народных масс к войне отняло и у правительства решимость продолжать борьбу. Высокие администраторские дарования Куропаткина выразились в отличном обеспечении продовольствием и медикаментами армии. Несмотря на слабую пропускную способность сибирских путей, подвоз с базы был урегулирован; кроме того, в широкой мере были использованы местные средства. Благодаря заботам Куропаткина, русская армия во все время кампании была сыта и хотя и некрасиво, но одета. Широко были привлечены экономические общества, при их содействии офицер мог достать себе все необходимое. Несмотря на затруднительность эвакуации больных и раненых, санитарная часть была настолько хорошо поставлена, что впервые за все войны, веденные Россией, умерших от болезней было меньше, чем убитых и умерших от ран.

После войны Куропаткин был назначен членом Государственного совета. Он поселился в своем имении Псковской губернии Холмского уезда. Как военный писатель А. Н. Куропаткин был широко известен в России и за границей. Первые его литературные труды относятся ко времени пребывания в Алжире, откуда последовал ряд его корреспонденции в «Военный сборник» — «Письма из Алжирии», «Очерки Алжирии» и «Верблюжий обоз» (Военный сборник, 1875); затем как результат командировки появился «Военно-статистический обзор Алжирии» (Военный сборник, 1876) и «Пища французских войск в Алжирии» (1877).

Впоследствии все эти статьи вошли в одну книгу «Алжирия» (1877), в которой рассказывалось о новой французской колонии и содержалось много практических сведений, полезных для наших туркестанских войск.

Путешествие А. Н. Куропаткина в Кашгарию вызвало появление книги «Очерки Кашгарии» (1878), в которой в числе других сведений впервые была рассмотрена военная организация этой страны. Переизданная в 1897 году под названием «Кашгария», книга удостоена Императорским русским географическим обществом малой золотой медали. По возвращении с Русско-турецкой войны 1877—1878 годов в Туркестан Куропаткин в небольшой книге «Туркмения и туркмены» (1879) описал край, ставший через год театром военных действий.

Опыт Русско-турецкой войны вызвал появление в 1881—1883 годах ряда статей в «Военном сборнике» под заглавием «Ловча, Плевна и Шейново». В 1885 году исправленное и дополненное собрание этих статей вышло отдельной книгой — «Ловча и Плевна». В этом труде дано талантливое описание действий отряда генерала М. Д. Скобелева и раскрыты причины наших неудач под Плевной. Поход генерала Скобелева в Ахал-Теке получил описание в труде «Завоевание Туркмении», помещенном первоначально в «Обзоре войн» Г. А. Леера и вышедшем отдельным изданием в 1899 году.

После Русско-японской войны появился четырехтомный труд «Отчет генерал-адъютанта Куропаткина» (1906), составляющий свыше 125 печатных листов, с несколькими атласами. Первые три тома заключают описание трех главных сражений войны: Ляояна, Шахе и Мукдена; том 4 озаглавлен «Итоги войны». Лично им написаны только два последних тома. Причиной появления «Отчета» было стремление автора скорее изучить опыт войны и отчасти желание оправдаться от обвинений, возводимых на него как на военного министра и полководца. Несмотря на неполноту (объясняемую спешностью издания) и некоторую односторонность изложения, труд представляет большой интерес из-за обширности материала и высокого авторитета автора, столь близко стоявшего к событиям. Последний том заключает весьма ценные выводы из войны, дающие готовый план переустройства русской армии. Этот том переведен на немецкий язык. Труд А. Н. Куропаткина «Задачи русской армии», в котором им дается своеобразная трактовка исторических путей России и будущих задач русской армии, вышел в 1910 году и вскоре завоевал большую популярность у широкого круга читателей. Рассуждения автора о внутреннем и внешнем положении России в конце XIX века, изобилующие яркими фактами, аргументами и статистическими данными, а также его выводы о положении русской армии в XV—XIX столетиях и предложения по усилению России в XX веке не только остаются интересными, но и во многом актуальны для настоящего времени.

Сохраняя номинальную должность члена Государственного совета Российской империи, А. И. Куропаткин был не у дел вплоть до Первой мировой войны. С сентября 1915 года — командир гренадерского корпуса, с февраля по июль 1916 года — командующий войсками Северного фронта. С июля 1916-го по март 1917 года — генерал-губернатор Туркестанского края. Под давлением Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Куропаткин был отстранен от должности и последние годы жизни провел в родовом имении Шешурино, учительствуя в местной школе, построенной когда-то на его деньги, и занимаясь приведением в порядок своих записей и дневников. В 1918—1919 годах отверг предложение французского посла в Петрограде эмигрировать, а белогвардейцев — выступить против Советской власти.

Внутреннее положение России в конце XIX века

Заключение о внутреннем положении России в царствование императоров Александра I, Николая I и Александра II ♦ Программы по внутренним и внешним делам России императора Александра III ♦ Земские начальники ♦ Мнение государя относительно процента евреев в учебных заведениях и классической системы образования ♦ Меры по развитию материальных сил русского народа ♦ Быстрый рост фабрично-заводской промышленности ♦ Причины упадка земледельческой деятельности русского населения в Центральной России: 1) Причины естественные, зависевшие от климата и почвы. 2) Причины, зависевшие от деятельности правительственной власти. 3) Причины, зависевшие, отчасти, от самого населения ♦ Причины упадка в конце XIX века фабрично-заводских предприятий

Историк В. Ключевский дает рельефное представление о положении России в XIV столетии, когда началось энергичное собирание Руси московскими князьями: *«ВXIVвеке создалось всемогущее государство на самой скудной материальной основе».* Благодаря всемогущей власти князя, содействию правящих классов и духовенства бедное русское население, как изложено в предыдущих главах, при крайнем напряжении своих сил и средств начало выполнение исторических задач России. Но скоро выставление сильных армий, при объединении населения, начало встречать все больше и больше трудностей: обремененное непосильными ему сборами и натуральными повинностями, земледельческое население стало разбегаться и этим лишало служилый класс возможности отбывать возложенную на него за полученную землю воинскую повинность; тогда с целью удержать население на местах, его прикрепили к земле. «В прикреплении крестьян к земле самым страшным образом высказалось банкротство бедной страны, не могшей своими средствами удовлетворить потребности своего государственного положения»[3]. Прикрепить крестьян к земле представлялось в то время необходимым и потому, что в XIV—XVII столетиях низшие классы были главными плательщиками податей и главной силой для отбывания всех натуральных повинностей, в том числе и военной. По замечанию В. Ключевского, «все высшие классы дружно стремились к переложению возможно большей части податей на беднейшую часть населения».

С перенесением в начале XVII столетия Филаретом на Русь бюрократической системы положение населения в материальном отношении не улучшилось, ибо финансовая политика была основана на простой эксплуатации народного труда в пользу казны.

Большое число войн, веденных Россией в течение XIV, XV, XVI и XVII столетий со всеми соседями, не могло не отразиться замедлением экономического роста Московской Руси. Смутное время окончательно расстроило не только частные хозяйства, но и государственное хозяйство. Деятельность царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича несколько утвердила внутреннее положение России, но еще в конце царствования Михаила Федоровича выборные русские люди на земском соборе 1642 году дружно свидетельствовали, что Русь XVII столетия «оскудела, обеднела и военная ее сила пришла в расстройство». Они жаловались, что уже тогда иноземцы стали теснить русскую торговлю, просили освободить их от иноземцев, ввести скорый и праведный суд и подати брать по состоянию, т. е. ввести подоходный налог. Начавшаяся в конце XVII века смута на Руси, своеволие стрельцов, неудачные походы в Крым

Голицына, интриги царевны Софии только увеличили расстройство внутренних дел. Россия в начале XVIII столетия крайне нуждалась в отдыхе, но, очевидно, Петру Великому было не к лицу давать этот отдых. Петр Великий получил тяжелое и расстроенное наследие, и притом дурно защищенное, ибо существовавшая военная система ополчения, стрельцов и разных полков иноземного строя оказалась мало пригодной для борьбы с серьезным противником. Великому преобразователю пришлось формировать постоянного типа армию, что вызывало потребность в больших расходах. Как изложено выше, Петр вынужден был установить на удовлетворение военных нужд особую подушную подать. Лихорадочная внутренняя деятельность Петра по переустройству России и водворению в ней иноземных порядков, устройство Петербурга, постройка дорог, каналов, верфей — все это отвлекало массу рабочих рук от обработки земли и занятия промыслами и ослабляло силы населения. По мнению В. Ключевского, при Петре весь народный труд был повернут фронтом к северо-западу. Можно однако думать, что, если бы Петр Великий ограничился только внутренней деятельностью, он справился бы со взятой на себя задачей устроить к лучшему положение русского племени, но враги внешние, особенно шведы, не дали ему времени ни организовать армии, ни упорядочить начатую реформу по переустройству России. Поражение под Нарвой было началом тяжелой 21-летней войны со Швецией. Кроме борьбы со шведами, Петру пришлось делать два похода к Азову и пережить неудачу Прутского похода.

В предыдущих главах указано, в каком расстройстве находилось внутреннее состояние России при преемниках Петра. Приходилось уменьшать армию, распускать офицеров, сокращать, по возможности, расходы. В особенности, по внутренним делам, Россия пережила тяжелые годы во время владычества всесильного Бирона и иноземцев, захвативших власть в свои руки и не стеснявшихся в средствах для личного обогащения. В веке Екатерины внешнее положение России стало блестящим, но само возвышение могущества России в военном и в политическом отношениях носило в себе опасность.

К концу царствования Екатерины II в 1787—1790 годах против России готовилась коалиция нескольких держав.

В веке Екатерины, с целью обсуждения законодательных мер, нужных России для улучшения ее внутреннего положения, были вызваны со всей русской земли представители. В привезенных ими с собой наказах Екатерина II могла познать истинное положение населения России. В этих наказах: «выступала неприкрашенная действительность, по которой значилось, что государственные и общественные успехи, достигнутые Россией в течение веков, ограничиваются поверхностью и до деревни еще не дошли ни суд, ни администрация и население всех сословий остается без всякой защиты закона: „Кто кого сможет, тот того и разоряет"».

По этим наказам население ожидало получить *суд и близкое к нему управление*[4]. Население хлопотало, чтобы можно было дома совершать и свидетельствовать всякие документы, размежевывать местными землемерами спорные земли и иметь в ближайшем городе нужные справки. Население хлопотало также, чтобы можно было у себя дома учиться, лечиться и иметь кредит. Представители родового дворянства добивались захватить в свои руки администрацию, суд и лишить другие сословия права иметь крепостных крестьян.

Милюков свидетельствует, что в комиссии об уложении, открытой в 1767 году, настроение было серьезное и деловое. «Уровень деловой подготовки, понимание собственных интересов был очень высокий».

Дворянская группа состояла из 160 человек, противники дворян — из 207 человек. Эта последняя партия отстаивала торгово-промышленные свободы против правительства и дворян. В то же время представители купечества стремились ограничить торговую деятельность крестьян

из крепостных. Купцы боролись против фабрик, на которых работа производилась крепостным трудом. В общем, работы комиссии остались без результата для улучшения положения массы населения. Как изложено в предыдущих главах, Екатерина II после всех либеральных начинаний и заявлений только еще туже затянула петлю крепостного права и даже обратила в крепостных большое количество свободных людей в Малороссии и в восточных приуральских губерниях. Расходы на войны, расходы по устройству вновь завоеванных местностей, роскошь в верхах общества, щедрые подарки временщикам, вместе с огромными, по современной стоимости денег, расходами по ведению войн привели к тому, что блеск царствования Екатерины для верхов населения и иностранцев сопровождался тяжелым экономическим и духовным гнетом массы населения. Поэтому недовольство росло. Смута сеялась по всей русской земле. Голод стал часто посещать различные местности России. Особенно тяжел был 1787 год, когда даже в Москве приходилось раздавать хлеб жителям.

В то же время несомненно, что Екатерина II любила Россию и русский народ. Но, по Милюкову, народолюбие Екатерины II выражалось в чрезмерном восхвалении России. По ее мнению, уже тогда русский народ стоял приблизительно на одном уровне с другими народами Европы. Государыня говорила: «Наши законы самые простые, ясные, разумные. Граждане наименее стеснены. Какой современный народ может похвастаться, что в целом своем составе был призван к составлению своих законов». Она же говорила: «Всей Европой признано, что нет народа более сильного и неутомимого». Екатерина II упорно отвергала, что Россия плохо населена и бедна. Неумеренная лесть и ложь, окружавшие императрицу, закрывали от государыни истинное положение русского народа.

В конце царствования Екатерины II в ней развивали подозрительность, указывая на революционные замыслы ее подданных, стращали существованием заговоров на ее жизнь. Производились многочисленные аресты. Бюст Вольтера, которого Екатерина считала своим учителем, был вынесен из Эрмитажа[5].

Чтобы усилить положение дворян-помещиков, Екатерина запретила крестьянам жаловаться и ввела военные экзекуции. Последовало приказание литераторам защищать крепостное право. На сцене театров положение крестьян представлялось в извращенном виде. Государыня слушала, как на сцене крестьяне пели: «Дав оброк, с нас положенный, в жизни мы живем блаженной, за господской головой».

Барин в ответ поет: «Коль крестьяне мной довольны, сам собой доволен я».

Крестьяне отвечают: «Будем вечно прославляти господина своего, он нас станет защищати, мы помрем все за него»[6].

Действительность не отвечала этой идиллии. Бунты в разных местностях России, даже в Москве, особенно бунт Пугачевский, напомнили о действительном положении массы населения. Пришлось ослаблять действующие против турок войска и посылать лучших того времени генералов, чтобы усмирить бунт, охвативший широкий район приволжских губерний.

На основании изложенного можно сделать вывод, что в XIX столетие Россия вступала тяжко обессиленная и взволнованная внутри, вступала неустроенная не только по отношению к присоединенным в течение XVIII века местностям, но неустроенная еще в коренных русских губерниях. Наследие, перешедшее к императорам Павлу I и Александру I, прежде всего, нуждалось в устройстве дел внутренних, в поднятии благосостояния масс, для чего нужен был продолжительный покой.

Император Павел I верно оценил тяжелое внутреннее положение России и искренно хотел облегчить именно положение масс. Его начинания, к сожалению, имели отрывочный и путанный в этом деле характер. Скоро увлеченный к тому же внешними предприятиями, он не мог что-либо исполнить существенное.

Император Александр I в начале своего царствования тоже имел много благих намерений, но был окружен людьми, не знавшими Россию, и в числе коих были и враждебно к России настроенные (Чарторыжский).

Относительно лиц, окружавших и влиявших на Александра I, А. Пыпин[7] пишет, что направление их мыслей было якобинское и вольтерианское. «У всех был идеалистический либерализм. Первый период царствования Александра I, с 1801 по 1810 годы, историк его царствования Н. Шильдер называет *эпохой колебаний».*

«Действительно, за это время в государственной жизни России происходят беспрерывные колебания как во внутренней, так и во внешней политике; по всем отраслям управления империей замечается полная неустойчивость взглядов; резкие переходы от одной политической системы к другой. Все эти явления обусловливаются исключительно одной личностью императора Александра, обладавшего свойством нередко колебаться в одно и то же время между двумя совершенно различными настроениями, без всякой последовательности в избранном им раз направлении»[8].

Второй период царствования, с 1810 по 1816 год, сосредоточивается на борьбе с Наполеоном. Внутренние дела были отодвинуты на задний план. Третий период, с 1816 по 1825 год, Н. Шильдер называет *периодом реакции.* В третий период, при торжестве Аракчеева во всех делах, внутреннее положение России не могло заметно улучшиться. Таким образом, за все длинное царствование императора Александра I его деятельность по внутреннему устройству России была заметна только в первом периоде его царствования, вернее, только в первых годах его царствования. Все население не только столицы, но и всей России приветствовало с радостью вступление на престол молодого государя, обворожительного наружностью и скромностью. Ужасные мысли о тюрьмах, пытках, ссылках рассеялись как зловещие призраки; их заменила надежда на народное благосостояние и на личную безопасность. Уповал и Александр, что он сделает Россию счастливой, что он отдаст ей лучшие годы, лучшие силы[9]. Судорожной, болезненной деятельностью Павла I все отрасли государственного управления были приведены к 1801 году. «В неописанный беспорядок», поэтому первые заботы нового правительства сосредоточились на отмене перемен, внесенных императором Павлом в учреждения своей матери, и возвращении сословиям и обществам присвоенных им прежде прав. «Первый год царствования Александра I почти каждый день царский указ уничтожал какую-нибудь несправедливость, насилия, стеснения, произвол и открывал свободный путь к новой благотворной деятельности»[10]. Между прочим, 19 марта издан указ, чтобы полицейские чиновники «отнюдь из границ своей должности не выходили, а тем менее не дерзали причинять никому никаких обид и притеснений». 22 марта разрешено свободно впускать в Россию и выпускать из нее желающих. 24 марта отменено запрещение на вывоз за границу хлеба и вина. 31 марта отменено запрещение ввозить в Россию из-за границы книги и музыкальные ноты. Жалованная грамота дворянству, отмененная Павлом, восстановлена.

Из мер, касавшихся крестьян, упомянем разрешение казенным крестьянам пользоваться лесами, в чем они были затруднены лесным ведомством.

Историк пишет: «Без преувеличения можно сказать, что в 1801 году не было правительства в Европе, которое было бы столь исполнено добрыми намерениями, столь занято общественным благом, как русское»[11].

Государь одобрил записку, поданную ему Каразиным, в которой указывалось на необходимость обеспечить за помещичьими крестьянами человеческие права. Был образован негласный комитет под председательством государя, в который вошли: граф Строганов, Новосильцев, князь Чарторыжский и граф Кочубей.

В этом комитете было постановлено:

> «1) Изучить действительное состояние государства в настоящем его виде,
>
> 2) произвести затем административные реформы по различным частям управления и, наконец,
>
> 3) увенчать все эти преобразования конституцией, которая ручалась бы за прочность административных реформ.
>
> В одном из последующих заседаний комитета император Александр указал на желанную цель, в которой он стремился при обсуждении реформ: обуздать деспотизм нашего правительства»[12].

Но все эти начинания были быстро поглощены внешними делами, в особенности борьбой с Наполеоном в 1805—1806 и 1807 годах.

О конституции, в то время совершенно несвоевременной, помечтали, но для освобождения крестьян ничего серьезного не было сделано в течение 60 лет после всех этих разговоров и мечтаний.

Из частных мер, улучшивших положение населения, заслуживает упоминания: указ 1803 года, которым разрешалось отпускать крестьян на волю с землей, причем они обращались в свободных хлебопашцев. При Александре I крестьяне прибалтийских губерний получили личную свободу без наделения их землей.

Войны, веденные в царствование Александра I, в особенности Отечественная война, тяжко отразились замедлением роста экономической жизни центральной России. Но заселение южной окраины шло довольно успешно, и там начинало формироваться зажиточное население. Шло непрерывно и заселение восточных областей и Сибири.

Вместе с расходами по содержанию войск в Царстве Польском, в балтийских провинциях, в Финляндии, вместе с начавшейся борьбой на Кавказе окраины России начали притягивать к себе не только внимание правительственной власти, но и соки коренного русского населения.

Финансы государства находились в расстройстве. Особенно с 1815 года многие неотложные нужды армии и флота оставались неудовлетворенными.

Вступивший в 1825 году на престол император Николай I обладал неуклонностью и твердостью характера; цели, которые преследовались государем в течение 29-летнего его царствования, были возвышенны. Уже в самом начале царствования государь озабочивался преобразованием управления России и освобождением крестьян. Войска, финансы, наука и искусство, народное благосостояние были предметом особой заботливости монарха.

В высокой степени важно свидетельство такого государственного деятеля как Н. Бунге, что свобода действий самого императора Николая I была связана воззрениями и стремлениями как его сотрудников, так и окружающих его лиц. Одни не сочувствовали предположенным преобразованиям, другие не умели их осуществить. Несочувствующие, в особенности предположениям государя об освобождении крестьян, останавливали государя зловещими предсказаниями на счет будущего и ссылками на общественное мнение, под которым разумели толки нескольких столичных гостиных.

Не допуская обсуждения государственных и общественных вопросов ни в печати, ни в совещаниях сведущих людей, государь, сам того не замечая, подчинялся влиянию ближайшей среды. По мнению Н. Бунге, среда эта состоит обыкновенно из некоторых министров и высших должностных лиц, наиболее приближенных ко двору, отличающихся династической преданностью, но редко обладающих разносторонним образованием и основательным знанием России.

Такие лица или приноравливались к веяниям минуты или, не понимая того или другого дела, восставали против него.

В результате, при всем желании знать истину о фактическом положении государства и настроении населения, государь получал по этим важным вопросам лишь неверное понятие.

Но была и другая весьма серьезная причина недостаточности достигнутых императором Николаем результатов по устройству внутренних дел. Эта причина заключалась в увлечении им европейскими делами в ущерб дел русских, император Николай I, по мнению иностранных историков, все время являлся представителем воинственной политики и предоставлял себе право вмешиваться во внутренние дела других государств в целях противодействия революционным движениям, охватывавшим Европу и разразившихся революцией почти во всех европейских государствах в 1848 году.

В целях европейской политики (считая и балканские дела европейскими) император Николай I вел войны в 1828—1829 годах с Турцией, в 1849 году против венгров, в 1853—1856 годах против Турции и коалиции европейских держав. В то же время России приходилось вести тяжелую войну на Кавказе, воевать с Персией и подавлять в 1830 году восстание в Польше.

Напряжение сил России во всех этих войнах, особенно восточной, было так велико, что не могло не отразиться на расстройстве внутреннего положения государства.

Война 1855 года показала, как отстала Россия в военном отношении. В политическом отношении дела велись так неудачно, что союзников мы не имели, а врагов явных и тайных имели слишком много.

Бывший министр финансов Н. Бунге так рисует внутреннее положение России ко времени вступления на престол императора Александра II:

> «Ко времени Крымской войны пути сообщения находились у нас в плачевном состоянии. Железных дорог было построено, включая и Царство Польское, всего 963 версты. Шоссейных дорог за исключением Царства Польского, Кавказа и Финляндии существовало всего 5625 верст.
>
> Личность и имущественные права 20 млн крепостных крестьян не были достаточно ограждены законом. Администрация наша была продажна, и, начиная от полицейских служителей до губернаторов, за редкими исключениями, все получали содержание от питейных откупщиков. Суды наши были полны «неправды черной».

Образование наше давало тощие плоды, общественного мнения не было, а печать высказывала только то, что разрешала цензура, часто невежественная и тупая. Все сословия говорили и действовали по указаниям администрации, не обнаруживая самостоятельных мыслей и убеждений. Все местные учреждения были чем-то вроде механизма, который приводился в движение приставленными к нему чиновниками».

Лица, в руках коих при императоре Николае I находилась правительственная власть, скрывали от него истинное международное и внутреннее положение России, император, как изложено выше, имел неверное мнение относительно готовности Австрии и Пруссии поддержать его требования по делам Ближнего Востока.

От государя была скрыта отсталость нашей армии и флота от армий европейских государств. Эта отсталость происходила вследствие скудости средств государственного казначейства и недостаточности поэтому денежных отпусков на переустройство технической части армии и флота.

Начатая при этих условиях война 1853—1856 годов слишком поздно открыла глаза рыцарю-государю на истинное положение России в середине XIX столетия: военное и международное.

Пораженный глубокой горестью, государь скончался, оставив своему сыну и преемнику тяжелое наследие.

Перед вступлением на престол императора Александра II недовольство населения правительственной деятельностью 1825—1855 годов выражалось в самых разнообразных формах и приводило некоторых представителей интеллигенции к возмутительному для русского чувства желанию неудач в Крымскую войну, так как эти неудачи могли открыть правительству глаза.

Оценка внутреннего положения России в последние 50 лет так сложна, что требует совершенно самостоятельной работы, особенно трудной ввиду близости событий, о которых пришлось бы говорить. Поэтому ниже я коснусь только тех сторон внутренней деятельности правительственной власти и населения, которые наиболее повлияли на ослабление русского племени в коренных губерниях России и ослабление военной мощи России.

После Крымской войны император Александр II произвел ряд реформ, которые коснулись устройства земского и городского хозяйства, суда, армии, финансов, печати, школы, путей сообщения. Но величайшей из реформ было освобождение 22 млн людей от крепостной зависимости. Эта реформа справедливо принесла императору Александру II титул Царя Освободителя.

При производстве столь важной реформы ближайшие сотрудники государя, задаваясь высокой целью скорейшего пробуждения общественной жизни, дали крестьянам самоуправление в таких широких границах, которые не соответствовали развитию крестьян.

Выборные от крестьян были ответственны перед сходами крестьян, и этим сходам было предоставлено бесконтрольно распоряжаться разделом и переделом земель, ссудо-сберегательными кассами, запасными хлебными магазинами, распределением налогов и повинностей. Крестьяне, перейдя после сильной помещичьей власти к самоуправлению, при отсутствии опекаемой и направляемой власти, начали испытывать неурядицу в своем общественном быту и терпеть от произвола своих выборных. Еще в короткий период деятельности мировых посредников существовала власть, которая могла ограждать нарушенные права как крестьян, так и бывших помещиков, но при дальнейших переменах — мировых судьях, земских начальниках — обособленность крестьянского быта сохранилась, а попечительство к увеличению достатка крестьян и поддержанию их нравственности не создавалось.

Это попечительство с внешней стороны выражалось заботами земства об увеличении школ, улучшении врачебной части, улучшении путей сообщения, но распорядительные органы земства — земские управы, являясь, главным образом, приходо-расходчиками земских сумм, не имели какой-либо власти к улучшению многих важных сторон жизни крестьянского населения.

К тому же деятельность земств скоро пришла в столкновение с деятельностью администрации, что отразилось на умалении размера и значения земской деятельности и повлияло на уход из числа земских деятелей многих горячо преданных делу лиц. Явилось стремление обратить земские управы в канцелярии, а председателей и членов земских управ — в чиновников. Не вполне удачными оказались и старания создать в лице уездного предводителя дворянства власть, объединяющую различные интересы уезда.

В действительности предводитель дворянства обратился в председателя многочисленных собраний и комиссий без фактической власти. Общее стремление всех министерств освободить свои учреждения на местах от влияний губернаторов повело к тому, что и губернаторы обратились в чиновников, занятых главным образом текущей перепиской и председательством в большом числе управлений, комитетов, комиссий; создание на местах независимых от администрации представителей ведомств судебного, финансов, народного просвещения, государственного контроля, земледелия и землеустройства повело к тому, что на Руси не

оказалось ни *начальников губерний,* ни *начальников уездов.* На местах, в уездах и в губернских городах, завелось много лиц, не подчиненных губернатору и сносившихся непосредственно с петербургскими канцеляриями.

Властей развелось много, но объединение их деятельности было перенесено со всей обширной России в Петербург. Последствия — известны: бумаг и отчетов писалось много, но масса русского населения была лишена близкой, сильной и попечительной власти, была лишена национальной, патриотической школы, была лишена руководства и поддержки в пользовании землей, со связанными с земледелием промыслами. Отделенные от других сословий рядом перегородок, крестьяне-земледельцы тщетно пытались при общинном землевладении и трехпольном хозяйстве обеспечить свое существование и уже в 80-х годах прошлого столетия начали выбиваться из сил и слабеть материально и духовно. Упадок значения церковного прихода и роли духовенства способствовал подготовлению почвы для восприятия разрушительных учений заграничного происхождения.

В 60-х и 70-х годах прошлого столетия главное внимание правительства было сосредоточено на реформе административных и судебных учреждений, на развитии разных промышленных предприятий и постройке железных дорог.

Забот со стороны правительства об устройстве земледельческой России в первые 20 лет после освобождения крестьян проявлено было совершенно недостаточно. «Великим актом 19 февраля 1861 года правительство как бы исчерпывает свои заботы, свои обязанности к деревенской России, выведенной на путь самых сложных социально-экономических отношений, от которых одинаково терпели оба наши коренные сословия»[13].

При помощи привлеченных из-за границы иностранных капиталов создалось много промышленных предприятий, появилось большое число кредитных учреждений. Так как цены на хлеб были хорошие, акциз с вина возрастал, то можно было думать, что Россия вступила на прочный путь экономического подъема.

Но произведенные особой комиссией под председательством гр. Валуева и несколькими земствами исследования о положении сельского хозяйства, особенно относительно центральных губерний, показали, что сельское хозяйство в них падает и население изнемогает под бременем накопившихся недоимок. Эти недоимки все росли и в некоторых губерниях достигли 200 %, а в отдельных уездах 570 % годового оклада.

Задолженность землевладельцев к 1880 году превысила 400 млн руб.

В 1884 году государственный контролер установил: «неудовлетворительное положение населения и общий застой в торговле». Земские исследования того же времени, произведенные в 22 губерниях, обнаружили возрастание числа безлошадных крестьянских хозяйств.

«Параллельно упадку с.-х. промысла, параллельно хозяйственному упадку крестьян и землевладельцев шло обогащение капиталистов и случайных людей, наживших себе в короткое время колоссальные состояния на постройке железных дорог, на учреждении банков и других промышленных предприятий и на биржевой игре»[14].

Н. Бунге в следующих строках характеризует внутреннее положение русских губерний через 20 лет после введения реформ императора Александра II:

> «Многие преобразования, за первой вспышкой восторга, приносили с собой долю разочарования. Освобожденные крестьяне, ценя и понимая все благо дарованной им свободы, не находили в самоуправлении прочного земельного устройства, достаточного ограждения от неправды, произвола общины и господствующих в ней кулаков и мироедов, а в некоторых случаях, хотя и более редких, чем прежде, от самовластия местной администрации. Помещики, в свой очередь, хотя и были

материально вознаграждены за отошедшую от них землю, но не находили вознаграждения за утраченную власть и чувствовали себя разъединенными с крестьянами, с которыми они имели столько общих интересов. Города и земства роптали, не видя в правительстве ни защиты против злоупотреблений собственного самоуправления, ни содействия к разрешению вопросов, не предусмотренных положениями — городовым и земским. Губернская власть чувствовала свой деятельность парализованной изъятием из ее ведения дел, возложенных на местное самоуправление, и предоставлением разным губернским ведомствам большей самостоятельности, вследствие непосредственного, прямого подчинения их центральной администрации. Свобода печати нарушалась запрещениями говорить даже о предметах, которые не имели никакого отношения ни к верховной власти, ни к религии, ни к нравственности (одно время нельзя было свободно рассуждать о классическом к реальном образовании). Судебные уставы действовали наравне с проявлениями административного произвола; учебная реформа водворила ультраклассицизм вопреки господствовавшему настроению общества, и поборники ее оскорбляли общественное мнение, утверждая, что лица, не получившие классического образования, не могут быть развитыми и способными к самостоятельной умственной работе».

Заговор кучки злодеев и изменников 1 марта 1881 года имел успех, и Царь Освободитель, горячо любивший Россию, давший свободу 20 млн своих подданных, безгранично ему преданных, погиб от рук преступных изуверов.

2 марта 1881 года вступил на престол император Александр III Миротворец.

Программы по внутренним и внешним делам России императора Александра III

Короткое по времени царствование императора Александра III должно было оставить глубокий след в истории России и русского народа. Истинный богатырь русской земли, император Александр III руководящим девизом своего царствования поставил: «Россия для русских». Для достижения такой цели, составлявшей возврат к русской национальной политике XVI, XVII и XVIII веков, император Александр III, по словам бывшего во время его царствования министра финансов Н. Бунге, признавал необходимым принять следующую программу действий:

1) *удовлетворить народному чувству, по которому Россия должна принадлежать русским;*

2) освободить нашу внешнюю политику от опеки иностранных держав;

3) упорядочить и скрепить внутренний строй управления;

4) развить духовные и материальные силы русского народа. Для достижения этих целей в русском государстве должны были господствовать:

а) русская государственность, т. е. русская государственная власть и русские учреждения, примененные, где то требовалось, к бытовым условиям инородцев и окраин;

б) *русская народность,* освобожденная от иноплеменного преобладания;

в) русский язык как общегосударственный;

г) уважение к вере, исповедуемой русским народом и его государем.

Являясь истолкователем мыслей государя, Н. Бунге признавал, что, следуя путем,

указанным державным вождем русского народа, требовалось добиваться, чтобы иноплеменники стали со временем сынами русской земли, а не оставались вечно ее приемышами.

Государственные учреждения и законы, по мнению Н. Бунге, не должны были во что бы то ни стало ломать исторически сложившийся строй жизни иноплеменников в ущерб их благосостоянию и без пользы для всего государства. Государственный язык должен был стать господствующим без насильственного искоренения всех других языков и наречий инородцев и иноплеменников.

Государственная церковь должна быть ограждена и уважаема без стеснения свободы совести иноверцев и даже сектантов.

Ниже будет изложено, насколько ближайшие сотрудники государя оказались соответствующими для выполнения предначертаний государя и какие в действительности получились от работы этих сотрудников результаты.

В указанных выше направлениях проведено в жизнь несколько важных мероприятий, но программа русского сердцем и всеми помыслами государя не встретила поддержки во всех чинах высшей бюрократии и интеллигентных слоях русского общества, и поэтому результаты деятельности государя к достижению основного девиза его царствования «Россия для русских» оказались недостаточными и непрочными.

Из мероприятий прошлого царствования, которые имели отношение к увеличению значения русского племени, русского языка и русского закона, отметим следующие: в 1887 году запрещено иностранцам в 10 польских губерниях западной полосы России владение и приобретение земельной собственности. В прибалтийских губерниях в течение 5 лет последовательной работы русский язык сделался господствующим в школе, в делопроизводстве, в сношениях местных учреждений с местным и центральным управлениями. Там же проведены, кроме того, реформы: судебная и административная.

По польскому вопросу новых мероприятий почти не было принято, но установлено более строгое наблюдение за исполнением ранее изданных законов, имевших целью ослабить польское землевладение.

Из мероприятий по упорядочению и скреплению внутреннего строя управления при императоре Александре III в числе других мер была учреждена должность *земских начальников.*

Земские начальники

В Высочайшем указе правительствующему сенату от 12 июня 1889 года, значилось: «В постоянном попечении о благе нашего отечества, мы обратили внимание на затруднения, представляющиеся правильному развитию благосостояния в среде сельских жителей империи. Одна из причин этого неблагоприятного явления заключается в отсутствии близкой к народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы в себе попечительство над сельскими обывателями с заботами по завершению крестьянского дела и с обязанностями по охранению благочиния, общественного порядка, безопасности и прав частных лиц в сельских местностях»[15].

Таким образом, основной задачей деятельности земских начальников ставилось правильное развитие благосостояния в среде сельских жителей. Для достижения этой цели признавалось необходимым создать в лице земских начальников правительственную власть в одно и то же время твердую и попечительную. Эта власть должна была в числе других обязанностей охранять безопасность и права частных лиц. Для выполнения таких важных и сложных обязанностей

земским начальникам были предоставлены права как административные, так и судебные.

Излюбленный представителями судебного ведомства принцип строгого отделения судебной власти от административной был нарушен: земский начальник объединил оба вида власти. Первоначально большое число лиц, вполне соответствующих, поступило на должность земских начальников и горячо отдалось служению на пользу населения. Но скоро прилив охотников к занятию этих должностей уменьшился, а из числа наиболее энергичных и опытных лиц многие стали оставлять должности земских начальников. Вместо них пришлось назначать случайных людей, потерпевших неудачу на других поприщах деятельности.

Неудачная деятельность некоторых земских начальников, неосмотрительно выбранных, повела к тому, что само учреждение института земских начальников начало признаваться неудачной мерой.

Поклонники отделения судебной власти от административной ныне торжествуют победу. Само правительство присоединилось к их мнению, и ныне земские начальники, кажется, будут заменены другими должностными лицами.

Между тем, если деятельность земских начальников не удовлетворила общим ожиданиям и не дала тех результатов, которые были предуказаны в Высочайшем указе 12 июня 1889 года, то тому были многие причины.

Наши юристы не только борются против строгого отделения судебной власти от административной, но и против предоставления чинам администрации права налагать взыскания в административном порядке. По отношению земских начальников им первоначально не удалось отстоять ни одну из этих позиций: земские начальники получали не только судебные права, но и право наложения взысканий в административном порядке.

Но юристы не сдались и несколько лет тому назад добились лишения земских начальников права накладывать наказания в административном порядке на подведомственных им крестьян, не занимающих должностей по сельскому управлению. Земский начальник сохранил право арестовать волостного старшину, но был лишен права арестовать крестьянина, например, оказавшего ему неуважение или производящего беспорядок. Это право осталось в то же время за волостным старшиной и сельским старостой. По странной логике, то, что признавалось возможным доверить волостному старшине и сельскому старосте, казалось опасным доверить земскому начальнику.

Проживая последние четыре года большей частью в деревне, свидетельствую, что такое ограничение предоставленных ранее земским начальникам прав послужило к вреду для дела. В особенности это ограничение отразилось на умалении важной деятельности земских начальников, *«попечительного» о* населении характера, и способствовало прикреплению земского начальника к кабинетной деятельности и обращению в чиновника[16].

Другая причина, по которой деятельность земских начальников не оправдала возлагавшихся на них надежд, заключалась в обременении их большим числом полицейских обязанностей без подчинения им чинов полиции. Деятельность земских начальников затруднялась массой дополнений и разъяснений по министерству внутренних дел к первоначально изданному положению о земских начальниках.

Судебные и полицейские функции отнимали так много времени, требовали такой большой письменной работы, что земским начальникам оставалось мало времени на главные из своих обязанностей, определенные указом 12 июня 1889 года: *способствовать развитию благосостояния в среде сельских жителей.* Для выполнения этой задачи требовались объезды селений, полей, заботы о приведении в порядок выгонов, покосов, заботы о проведении канав, о благоустройстве селений, требовалось попечительство о более производительном труде населения, противодействие распаду крупных семей, противодействие пьянству, упадку власти

родителей, упадку религиозности, требовалась охрана продуктов труда земледельцев от обесценения их разными скупщиками и посредниками и т. д.

Объединяющая деятельность земских начальников власть в лице предводителей дворянства оказалась недостаточной. Но и в губернии такая власть в лице губернаторов не могла быть производительной. Губернаторы, в подчинении которых находились нескольких десятков земских начальников, были поставлены в невозможность руководить деятельностью каждого из них. А в иных случаях эта деятельность даже затруднялась требованием со стороны губернаторов от земских начальников большого числа отчетных сведений, например, видов на урожай с обмером площадей посева и пр., что было и вовсе не по их силам.

Наконец, в числе причин, обесценивших должность земского начальника в мнении многих наиболее подходящих к этой должности лиц, надо упомянуть закрытие для земских начальников дальнейшей служебной дороги.

Относительно положения земских начальников С. Бехтеев в своем труде «Хозяйственные итоги» помещает следующие строки:

> «Будь должность земского начальника с его обширными правами и с еще более обширными обязанностями поставлена правильно, она, несомненно, дала бы блестящие результаты и в отношении упорядочения крестьянского сословного управления.
>
> В настоящее время земский начальник, выбираемый каким-то особым способом, занимает исключительно привилегированное положение среди всех других должностей империи. За деятельностью его нет никакого надзора, он один вне всякого контроля. Губернатору, по горло занятому массой дел, надзор за деятельностью сотни лиц, на сотни же верст от него действующих, неосуществим. Председатель уездного съезда — предводитель дворянства, тоже в этом отношении бессилен, прежде всего потому, что закон его к этому не обязывает и обязать не может. До момента назначения, раз на всю жизнь, земский начальник зависит от предводителя, а затем роли меняются. Предводитель становится лицом, судьба которого зависит от земского начальника, каждого отдельно и всех вместе. Как люди власть имущие, они, конечно, имеют и возможность, пользуясь своим влиянием, сажать и спихивать предводителя на дворянских выборах. Поэтому и узаконение надзора предводителя бесполезно, ибо он неосуществим.
>
> Существовавший прежде в съездах мировых судей товарищеский весьма строгий надзор не существует. Нет также и прежде существовавшего общественного надзора и контроля, выражавшегося в возобновительных выборах через каждые три года.
>
> Прибавим к этому, что для чиновника — земского начальника, в отличие от всех других чиновников, закрыты все служебные перспективы, и что на службу он может смотреть как на пожизненную пенсию, с возможностью определять размер своей деятельности только своим личным желанием, своим досугом и своей совестью, легко поддающейся, как у всякого человека, соблазнам спокойствия, а подчас и лености»[17].

По мнению С. Бехтеева, вполне разделяемому и мной, земским начальникам следовало открыть дорогу для занятия должностей предводителей дворянства, председателей земских управ, членов губернской управы, вице-губернаторов и губернаторов.

Таковы, в общем, те сложные причины, по которым земские начальники не могли дать ожидаемого от их деятельности результата. Таким образом, воля государя императора Александра III дать сельскому населению России твердую правительственную власть, близкую к

народу и попечительную о нем, *не была его сотрудниками выполнена:* надежды, что земские начальники помогут развитию благосостояния сельских жителей, — не оправдались в сколько-нибудь достаточной мере. Для блага России надо надеяться, что при готовящейся замене института земских начальников другими должностями будут неуклонно приняты к руководству и исполнению приведенные выше столь определенные и важные требования указа 12 июня 1889 года.

Деревне нужен не чиновник — их и так в уезде слишком много, а попечитель о всех неотложных нуждах сельского населения, защитник его и в то же время строгий и властный начальник для тех элементов деревни, которые ныне распустились.

Страх юристов-теоретиков перед нарушением излюбленного ими принципа полного отделения власти судебной от административной не должен служить препятствием к принятию мер, необходимых для устройства и успокоения деревни.

Если указанный принцип имеет серьезное основание по отношению к населению, обладающему значительной культурой, то неуклонное применение этого принципа к населению невежественному приносит только вред.

Все народности в первые периоды их развития управлялись властями, объединявшими в себе власть судебную и административную. Житель наших азиатских окраин не понимает положения начальника, который лишен права быстро разобрать спор, ссору между подчиненными ему жителями и наказать виновного.

Относительно других мер по развитию духовных сил русского народа государь император Александр III высказал свой волю: а) о необходимости ограничить наплыв в средние и высшие учебные заведения евреев, лишавших русское население значительного числа вакансий в этих школах, и б) об ограничении вреда, приносимого классической системой образования, отнимавшей у русских детей и юношей время к лучшему познанию их родины и время, необходимое для физического развития молодых организмов. По этим двум вопросам, как и по вопросу о земских начальниках, русский самодержец, твердый характером и убеждениями, тоже оказался бессильным, чтобы одолеть отпор стоявших в то время у власти бюрократов-западников.

В числе либеральных верований деятелей XIX столетия находилось и мнение, что школа создает нового человека. Это верование применили и к евреям. Начали поощрять поступление их в русские школы: низшие, средние и высшие, содержащиеся на казенный счет, надеясь, что этим путем еврейский вопрос получит гуманное и выгодное для России разрешение. Евреи жадно схватились за предоставленное им право и начали наполнять русские школы в ущерб образованию русского племени. Число обучавшихся евреев в гимназиях в 1865 году было 3,5 % всех обучавшихся. В 1885 году число это дошло до 11 %, в то время как евреи составляют только 4 % от всего населения России. За те же 20 лет число евреев, обучавшихся в университетах, увеличилось в 14 раз.

Между тем, по свидетельству начальствующих лиц с разных мест и разных служебных положений, знания, приобретаемые евреями, служили главным образом к эксплуатации в разных видах русского населения, и «другим человеком» еврей, окончивший школу, не становился.

И. В. Гурко, занимая пост генерал-губернатора, представил из Одессы ходатайство ограничить прием евреев в учебные заведения *сообразно численному отношению евреев к общей массе населения.*

Государь император Александр III начертал: *«Я разделяю это убеждение»* — и приказал ходатайство И. В. Гурко внести в комитет министров. Что же вышло? Комитет министров тянул это дело два года, назначил особую комиссию, в которой восторжествовало опасное для России

мнение, что с государственной точки зрения евреи должны быть равноправны.

Наконец, в 1887 году при министре Делянове были определены нормы числа евреев в учебных заведениях: 10 % в черте еврейской оседлости, 5 % вне черты оседлости и 3 % в столицах.

Так как евреев по последней переписи вне черты еврейской оседлости находилось около одного процента, то значит, еврейскому населению доступ в правительственные учебные заведения в местностях, где они могли жить лишь в виде исключения, *был облегчен в пять раз* сравнительно с остальным, в том числе и русским, населением.

В 1889 году Делянов самовольно разрушил и эту перегородку, сдерживавшую наплыв евреев в учебные заведения: он разрешил принимать лучших учеников из евреев без нормы.

Относительно ослабления вреда от увлечения на Руси классической системой образования тоже сказалось бессилие самодержавной власти побороть косность представителей в особенности министерства народного просвещения.

В обществе давно сознавался вред классической системы преподавания для средне-учебных заведений, а между тем родителей заставляли отдавать детей в классические гимназии, ибо только с окончанием курса этих гимназий появлялась возможность попасть в университеты, даже на факультеты математический и по изучению естественных: наук.

После долгого обсуждения этого вопроса мнением Государственного Совета было постановлено о необходимости преобразовать классическую систему уменьшением числа уроков по древним языкам и отменой переводов с русского на древние языки. *Государь император высочайше утвердил мнение Государственного Совета,* и, казалось, надлежало без нового обсуждения этого важного постановления заняться приведением в исполнение решения высшего государственного учреждения, утвержденного верховной властью. На самом деле получилось иное решение. По свидетельству Н. Бунге, «вслед за высочайшим утверждением мнения Государственного Совета педагоги заявили о невозможности ослабить изучение грамматических форм древних языков, и достигнут один только результат — формально отменено преподавание естествознания в гимназиях».

Меры по развитию материальных сил русского народа

Для развития материальных сил народа при государе императоре Александре III принято несколько важных мер, и в числе их — учреждение крестьянского банка и закона о фабричных рабочих. Но особенно важной мерой к поднятию благосостояния русского населения должен был послужить переход, по воле государя, к *национальной экономической политике.* Так как меры, принятые русским правительством в период 1882—1900 годов, привели по отношению к земледельческому населению центральных губерний к результатам, обратным тем, которые ожидал как государь Александр III, таки его сотрудники, надо несколько подробнее остановиться на этом вопросе.

В течение XIX столетия наше министерство финансов несколько раз переходило от одной системы к другой. В последний период царствования императора Александра II финансовое ведомство придерживалось политико-экономических теорий свободной торговли.

Понижение таможенных пошлин на ввозимые из-за границы изделия оказалось выгодным более нас культурным соседям и замедляло рост отечественной промышленности, не находившей еще сил бороться против дешевых заграничных изделий. Система эта обрекала Россию на поставку за границу главным образом сырья и замедляла использование естественных

богатств России. Покровительство русской промышленности путем возвышения таможенных пошлин на иностранные товары и другими поощрениями, в том числе сокращением заграничных заказов, вместе с большей степенью бережливости в государственных расходах, казалось, должны были дать самые благоприятные результаты. По воле государя Александра III следовало стремиться, чтобы Россия стала совершенно независимой от иностранных рынков во всем, что нужно для ее существования[18].

При переходе к национальной экономической политике можно было остановиться на одной из трех систем:

1) Обратить главное внимание на развитие сельскохозяйственной деятельности населения со всеми подспорными к нему промыслами (добыча зерна и других сельскохозяйственных продуктов: льна, хлопка, плодов; скотоводство с молочным хозяйством, птицеводство, лесоводство, виноградарство и пр.).

2) Руководствуясь опытом Америки, одновременно развивать как сельскохозяйственную, так и фабрично-заводскую деятельность населения.

3) Обратить главное внимание на развитие фабрично-заводской промышленности (на добычу и выделку металлов, каменного угля, на хлопчатобумажную промышленность, нефтяную промышленность и пр.).

Быстрый рост фабрично-заводской промышленности

Министерство финансов выбрало последнюю из этих трех систем, обратив главное внимание на развитие в России фабрично-заводской промышленности, уделив сравнительно ничтожные денежные средства для подъема сельскохозяйственной деятельности русского населения. Одновременно с привлечением в Россию иностранных капиталов для основания новых и развития существовавших фабрично-заводских предприятий решено было приступить к постройке сети железных дорог. С целью более быстрой постройки этой сети были сделаны колоссальные займы, увеличившие наш государственный долг за И лет, с 1892 по 1903 годы, на два миллиарда руб.[19]. Постройка этих дорог дала сильный толчок развитию — путем казенных заказов — фабрично-заводской деятельности по добыче металлов, выделке рельс, мостовых принадлежностей, подвижного состава, добыче топлива.

В издании министерства финансов «Россия в конце XIX века» помещены нижеприводимые данные, указывающие на огромный рост в России за последние 10 лет прошлого столетия различных видов промышленности. С 1887 по 1897 год различные производства возросли в России:

Стоимость в тысячах руб.

1887 год

Волокнистые вещества — 463 000
Питательные продукты — 375 000
Обработка дерева — 25 000
Горная и горнозаводская промышленность — 156 000
Металлические изделия — 112 000

1897 год

Волокнистые вещества — 946 000

Питательные продукты — 648 000
Обработка дерева — 102 000
Горная и горнозаводская промышленность — 393 000
Металлические изделия — 310 000

По всем группам, считая и перечисленные выше, стоимость выработанных продуктов и изделий в миллионах руб. составила:

в 1887 году — 1334 000 000 руб.
в 1897 году — 2 839 000 000 руб.

Число рабочих, привлеченных к фабрично-заводской деятельности, не возросло в такой же мере: с 1424 тыс. человек, работавших на фабриках и заводах в 1887 году, число их дошло в 1897 году всего до 2098 тыс.

Распределение общей суммы горной и фабрично-заводской промышленности по группам производств указывает, что главное место занимают: обработка волокнистых веществ — 33 % всей суммы производства, обработка питательных продуктов — 22,8 %, горная промышленность — 13,9 %, металлические изделия — 10,9 %. В частности, успех разных производств достигнут следующий:

Каменного угля в 1887 году добыто 4500 тыс. тонн на сумму 14 млн руб., в 1889 году добыто угля 12 000 тыс. тонн на сумму 45 млн руб. Но все еще 25 % потребного каменного угля в конце прошлого столетия привозилось из-за границы.

В чугунно-плавительной промышленности, в период 1850—1877 годов, ежегодный средний прирост был 6500 тонн, в период 1887— 1897 годов этот ежегодный прирост составил 125 тыс. тонн. Выделка стали производилась в 1887 году на 22 млн руб., а в 1897 году — на 156 млн руб.

Добыча нефти составляла в 1887 году 2733 тыс. тонн, а в 1897 году—8304 тыс. тонн. Производство продуктов из нефти в 1887 году составляло 18 млн руб., а в 1897 году — 52 млн руб.

Производительность фабрик по обработке хлопка составляла в 1887 году 237млн руб., а в 1897 году — 430 млн руб. Производительность фабрик по обработке льна тоже возросла, хотя и не в большой степени: в 1887 году было 30 млн, а в 1897 году — 42 млн руб. Нельзя не обратить внимания, что родная для Руси льняная фабричная промышленность ныне составляет только *1/10* часть промышленности хлопчатобумажной.

Согласно отчетным данным таможенного ведомства[20], результаты товарообмена России за последние три года XIX столетия представляются в следующем виде:

В миллионах руб.
1897
Вывоз — 696,2
Привоз — 542,6
Баланс — 153,6+

1898
Вывоз — 699,4
Привоз — 598,4
Баланс — 101,0+

1899 (по 1 ноября)
Вывоз — 428,0
Привоз — 474,3
Баланс — 46,3-

Сокращение вывоза в 1899 году произошло главным образом вследствие недорода хлебов.

По мнению представителей министерства финансов, наша развивающаяся промышленность по удовлетворении внутреннего спроса найдет выход в вывозе русских изделий за границу.

> «Постоянно увеличивающееся население большинства крупных западно-европейских государств не может обойтись без русского хлеба, а их промышленность без сырья, получаемого из России. С другой стороны, русская обрабатывающая промышленность, постепенно развиваясь и усиливаясь благодаря приливу иностранных капиталов и технических знаний и в значительной мере удовлетворяя потребностям внутреннего рынка, должна принять еще большие размеры и *выступить, наконец, на широкий международный рынок.*
>
> Особенно богатая будущность предстоит производству и сбыту тех предметов обрабатывающей промышленности России, сырой материал для которых может дать наша родная земля, естественные богатства которой неистощимы и, при разумной эксплуатации, всегда могут поддержать покупательную силу народа, умело ими пользующегося»[21].

Необычайно быстрое развитие в течение последних 10 лет XIX столетия обрабатывающей промышленности вместе с оживлением деятельности по товарообмену с иностранными рынками как бы указывали на прочное экономическое положение населения России. Быстрый рост доходов, поступавших в государственное казначейство, увеличение вкладов в сберегательные кассы свидетельствовали о том же. Расходные сметы по всем министерствам тоже росли, но, за покрытием всех расходов, в кассе государственного казначейства, в течение последних лет XIX столетия, ежегодно оказывались значительные остатки, образовавшие «свободную наличность». Остатки эти были так велики, что, например, в 1898 году составили 220 млн руб., в 1899 году 204 млн руб. и в 1900 году ПО млн руб. Таким образом, этих остатков только за три последних года XIX столетия получилось свыше полумиллиарда руб.

Но таковые результаты оказались блестящими только по внешности: многие серьезные явления напротив того указывали, что еще до Русско-японской войны, к первым годам XX столетия, экономическое положение значительных и важнейших в нашем государстве групп населения не только не улучшается, но идет к ухудшению. Рассмотрим ниже причины этого опасного явления.

Причины упадка земледельческой деятельности русского населения в Центральной России

Эти многообразные причины могут быть подразделены на три группы:

1) на причины естественные, зависевшие от климатических и почвенных условий и бедности недр земли;

2) на причины, зависевшие от деятельности правительственной власти;

3) на причины, зависевшие от деятельности самого населения.

В настоящее время в печати появилось несколько довольно обширных исследований экономического положения населения коренных русских губерний, и общий вывод в этих исследованиях один и тот же: *земледельческая деятельность великорусского населения центральных губерний Европейской России за последнее время падает.*

Причины естественные, зависевшие от климата и почвы

Коренные русские губернии, населенные великорусским племенем, находятся в климатическом отношении в худших условиях, чем губернии, расположенные южнее и западнее. Земледельческий период, например, в Екатеринославской губернии, сравнительно с Псковской, значительно больший, что позволяет в лучшей мере пользоваться почвенными богатствами, рабочей силой населения и разводить более выгодные в торговом отношении зерновые хлеба, овощи, фрукты и кормовые средства. Из технических растений напротив того почва и климат средней и частью северной России дают лучший сорт льняной пряжи. Вторым невыгодным отличием местностей средней (и северной) России от южной служит самая почва: вместо южного чернозема и лессовой почвы среднеазиатских владений основной почвой средней России (и северной) являются относительно бедные: глина, песок, смеси их: суглинок и супесь, а также так называемый белозем. В то время как на востоке, на юго-востоке и даже западе Европейской России найдены значительные минеральные богатства в каменном угле и различных рудах, найдена нефть, в срединной России до сих пор, за незначительными исключениями, таких богатств еще не найдено.

Отдаленность среднего района России от морей[22] тоже является невыгодной стороной этого района в экономическом отношении сравнительно с южными и западными местностями России, примыкающими к морям Черному и Балтийскому.

Суровые зимы среднего района требуют сравнительно с южными местностями более солидных, а потому и более дорогих построек для человека и животных, требуют больше топлива, требуют увеличения расхода на теплую одежду.

Продолжительная зима прекращает сельскохозяйственную деятельность населения в поле на большее время, чем в более южных местностях, и земледельцу средних (или северных) русских губерний приходится зимой искать подспорных к земледелию занятий, а при отсутствии их — бездействовать. Между тем недостатки минеральных богатств затрудняют промышленное развитие центральной России.

Прибавим, наконец, что более холодный климат требует большее количество пищи для человека и животных, чем климат более теплый, и заготовку корма для скота на зиму (чего на юге иногда не знают). Несмотря на приведенные выше невыгодные особенности центральных (и северных) местностей России сравнительно с южными, коренные русские губернии, с Москвой в центре, составлявшие Московскую Русь XV—XVII столетий, имели свои выгодные особенности, которые помогли развиться поселившимся в них славянским племенам в могучий великорусский народ и дать чудный материал для армии.

Уже в XII веке славянское население из Киевской Руси, как изложено во II главе настоящего труда, начало переселяться из лучших по климатическим и почвенным условиям местностей киевского района в бассейн верхней Волги. Вместо чернозема и мягкого климата переселенцы нашли бедную сравнительно почву и суровый климат, но они предпочли этот район киевскому, как более обеспечивавший их от врагов внешних и в то же время достаточно богатый дарами природы, чтобы удовлетворять скромные потребности первых обитателей зарождавшейся в то

время Московской Руси.

Большая часть поверхности была покрыта лесами, обильными всяким зверьем и дикими пчелами. Многочисленные речки, реки, озера были многоводны и рыбны. Население долгое время было настолько малочисленно, сравнительно с занятой им территорией, что в занятиях земледелием было не стеснено выбором удобных участков земли. Пахали без удобрения, а по истощении почвы переходили на другие участки земли (переложная система). Даже когда земледелие стало главным занятием населения, все же охота и рыбные промыслы составляли важные подспорные занятия. Суровые условия жизни и хозяйства способствовали выработке выносливости, находчивости и способности к упорному труду в великороссе. Борьба с природой, соседями и зверьем вырабатывала мужество.

С образованием служилого сословия, ставшего землевладельческим классом, и с прикреплением крестьян к земле эта земля продолжала кормить население и давать средства к постепенному устройству русского государства и ведению многочисленных войн. Но уже в XV, XVI и XVII столетиях требования с земли московского района часто превышали ее производительные силы. Несколько лет перерыва в войнах позволяли в то время земледельческому населению быстро оправляться. С увеличением населения вырубались леса, увеличивались пашни и луга, уменьшались лесные богатства, уменьшался охотничий промысел, исчез сбор дикого меда, но взамен, вместе с развитием сельскохозяйственной деятельности, возникли кустарные производства: льняные, пеньковые, изделия из дерева, кожи глины и металлов в весьма многих пунктах и в больших размерах. Многие из помещичьих имений явились центрами, где кроме земледельческой деятельности были прочно организованы винокуренные заводы, мельницы, кузницы, столярные, токарные производства, ткацкие — из льна, пеньки, шерсти, маслобойни, пильные заводы, выгонка дегтя и пр.

Население жило в значительной степени натуральным хозяйством, добывая продукты питания, одежды, обуви. Помещики тоже во многом обходились своими силами и средствами, делая огромные заготовки разных продуктов в годовой пропорции и обеспечивая, в своих интересах, достаточные продовольственные запасы до нового урожая и для своих крепостных. Водные пути были настолько многоводны, что еще в XVI столетии при походах на Казань войска прямо из Москвы двигались на судах к Волге и далее этой рекой к Казани. Многие грунтовые пути стали очень оживленными и богатыми трактами, по которым двигались огромные обозы. Масса селений по этим трактам заключала зажиточное население.

Трехпольная система хозяйства, при обилии земли сравнительно с населением и обилии выгонов и лугов, давала возможность вести сельское хозяйство с выгодой (много скота, много удобрения, даровой труд).

При малом спросе на русский хлеб за границей хлеб оставался в стране, и нередки были случаи, что урожаи предыдущих годов лежали в амбарах и даже в скирдах.

Пока помещики проживали в своих поместьях, а хлеб, полученный с земли, не вывозился за границу, а возвращался в землю, эта земля средней России кормила не только помещика и мужика, но и правительство.

Причины, зависевшие от деятельности правительственной власти

В предыдущих главах изложено, что создание могущественного русского государства главным образом потребовало жертв и усилий от великорусского племени. Эти жертвы были так велики, что уже к концу XVII столетия население Московской Руси настоятельно нуждалось в

отдыхе. Ход событий в XVIII столетии, напротив того, вызвал новые жертвы от населения, и к концу XVIII столетия нужда в перерыве внешней деятельности и обращении внимания на поднятие экономического достатка населения стала еще настоятельнее. Но и XIX столетие отдыха населению не дало. Огромные жертвы, принесенные русским населением на внешние предприятия в XIX столетии, были тем более тягостны, что приносились не только в видах укрепления русского государства, но главным образом для устройства и укрепления положения других государств и народов.

С этой, чуждой русской национальной политике, целью русские люди в XVIII и XIX столетиях обильно проливали кровь в Турции, Австрии, Пруссии, Италии, Швейцарии, Голландии, Франции.

Выше было указано, что в XVIII и XIX столетиях, в течение веденных Россией войн было выставлено до 10 млн воинов, из коих многие сотни тысяч или вовсе не возвратились домой или вернулись инвалидами. Такой расход живой силы, вместе с расходами, уплаченными населением России на ведение войн, не мог не отразиться на замедлении развития во всех отношениях коренного населения России.

Присоединенные к России, необходимые для ее будущего развития окраины на юге, на Кавказе, на западе, а также и польские губернии потребовали тоже больших расходов от русского населения для устройства и содержания в них войск, устройства крепостей и пр.

Содержание многочисленных войск в губерниях бывшего Царства Польского, очень выгодное для польского населения, совершалось тоже за счет платежных сил и средств преимущественно русского населения и не могло не способствовать ослаблению достатка этого населения.

В предыдущих главах было изложено, что жертвы, которые были принесены русским населением для создания и укрепления России в тех случаях, где они вызывались требованиями русской национальной политики, были хотя и тяжелы, но вполне необходимы.

Со второй половины XVII столетия уже возникло у русской правительственной власти сознание необходимости улучшить положение главного работника русской земли — землепашца.

В особенности обращало на себя внимание положение миллионов русских людей, находившихся в тяжелой крепостной зависимости. Сознавалось, что достигнуть улучшения положения массы населения возможно только после освобождения крестьян и организации свободного труда на земле, составлявшей собственность крестьян. Благодетельные реформы 1861 года и имели эту цель, но достижение ее предполагалось возможным лишь путем предоставления надельной земли не отдельным лицам, а целым общинам.

Как изложено выше, правительство, освободив крестьян и предоставив им широкие права по самоуправлению, не дало населению сильной попечительной власти, не дало возможности легкого выхода из общины, отделило крестьян перегородкой от других сословий, и в результате высокое начинание по идее — *общинное владение* землей — явилось источником не движения вперед, а застоя.

Жизнь настоятельно требовала перехода от примитивного способа обработки земли к более совершенному, принятому во многих русских хозяйствах, а денежных для сего средств и знаний не только у крестьян средней России, но и у бывших помещиков и других землевладельцев не было. Казалось бы, впереди других забот правительству надлежало прийти именно на помощь землевладельческой России организацией широкой правительственной помощи:

1) Для увеличения сельскохозяйственных в населении знаний.

2) Для снабжения земледельческого населения необходимыми денежными средствами, для приобретения более совершенных орудий производства, чем соха и деревянная борона, для

возделывания земли лопатами, для отделения зерен от мякины и пр.

3) Для снабжения населения лучшего качества семенами. Для снабжения населения лучшими, в хозяйственном отношении, породами лошадей, коров, овец, свиней, птиц.

4) Для показа населению, как обращаться с новыми орудиями, как возделывать землю, как переходить от трехполья к многополью, как пользоваться более совершенными кормовыми средствами, чем луговое сено, и пр.

5) Так как эти меры могли быть полезны только земледельцам и землевладельцам, сидящим на земле, не связанной общинным владением, то и для перехода крестьян-общинников к более производительному пользованию землей надлежало принять меры к переходу их от общинного к хуторскому хозяйству. Невозможность перейти к более совершенному хозяйству на наделах в 2—6 десятин, разделенных на 30,100 и даже 200 отдельных полос, разбросанных по всему общинному владению, уже давно стала очевидной. Отсутствие особой заботливости о таких ремешках земли даже у хороших хозяев легко объяснялось тем, что улучшенные его трудами и затратами полоски, при существовании права передела земли, могли перейти к другим хозяевам. Но только в последние годы наше правительство решило признать, что почти 50-летний период (после освобождения крестьян) существования общинного владения землей достаточен как переходная ступень к более производительному пользованию землей.

6) По отношению к землевладельцам, бывшим помещикам, правительству надлежало принимать заботливые меры, чтобы сохранить принадлежащие им земельные участки, ибо на таковых легче, чем на крестьянской земле, можно было перейти к усовершенствованному ведению хозяйства, что послужило бы для массы населения очевидным примером выгодности нового вида хозяйства и давало бы ему верный заработок в качестве рабочих, арендаторов и поставщиков разного вида запасов.

7) Со стороны правительственной власти необходимо было принятие мер, чтобы продукты земледельческого труда населения не обесценивались скупщиками этих продуктов и разными посредниками между производителем продукта и потребителем его.

8) Необходимо было также принять меры, чтобы остановить чрезмерную делимость крестьянских наделов, приводившую к невозможности вести хозяйство.

9) По отношению к средней и северной земледельческой полосе России, в которой земледельческая деятельность населения в поле прерывается на несколько месяцев снежным покровом, особой заботой правительства надлежало поставить дальнейшее развитие существовавших на Руси с незапамятных времен подспорных к земледелию кустарных промыслов. Требовалось затем изыскание способов к развитию, не требовавших затрат больших капиталов, производств, связанных с земледелием, в целях возвысить стоимость продуктов земледельческой деятельности населения по производству зерновых хлебов, молочному хозяйству, животноводству, птицеводству, рыболовству, пчеловодству, садоводству, огородничеству, лесному хозяйству и пр.

10) Развитию заводско-фабричной промышленности, конечно, должно было уделяться должное внимание, но *это развитие должно было идти в помощь земледельческому хозяйству,* а не отнимать от него средств государственного казначейства, ибо при наличии таковых эти средства, собранные с масс населения, прежде всего и должны были направляться к поднятию благосостояния масс, а не отдельных лиц или предприятий. Помогая росту заводско-фабричной промышленности, надо было непрерывно помнить, что самая действенная помощь этой промышленности заключается не в разных льготах, пособиях, казенных заказах, запретительных таможенных пошлинах, уменьшенных тарифах на перевозки, возвратах пошлин и пр., а в *поднятии покупной способности масс населения.*

11) Наконец, правительству, как ни обширны были предъявляемые различными

ведомствами требования об отпуске денежных средств, надлежало основывать свой финансовую систему на знакомстве, прежде всего, с платежной силой населения в каждый период исторической жизни этого населения и брать с населения под разными видами деньги без подрыва благосостояния населения. По отношению к земледельческой России, при обложении земли сборами выше того, что земля, *сохраняя доходность земледельческого вида занятий,* могла уплачивать, надо было опасаться кризиса. Этот кризис должен был наступить, когда доходность земли, и без того уменьшенная рядом неблагоприятных условий, исчезла во многих хозяйствах вследствие обременения их прямыми и косвенными обложениями властью государственной, земством, представителями торговли и промышленности и различными посредниками.

Не задаваясь целью подробного рассмотрения, что сделано правительственной властью по всем вышеприведенным пожеланиям, остановимся лишь на некоторых из них.

В первые годы царствования Александра III принято было несколько мер, направленных к подъему народного благосостояния. Прежде всего, податная система, при которой главную тягость обложения несло земледельческое население, а торгово-промышленные классы были обложены весьма слабо, была заменена более справедливой.

В декабре 1881 года выкупные платежи были сокращены на 12 млн руб. В 1882 году завершен выкуп в казну наделов всех крестьян, вышедших из крепостной зависимости. В 18 83 году последовало распоряжение о постепенном, в течение нескольких лет, упразднении подушной подати с крестьян. Только эта подушная подать давала государственному казначейству 55 млн руб.

Эти меры позволили увеличить земские сборы на производительные нужды населения на 13 млн руб. в год.

Отказ от подушной подати в то время, когда наш бюджет не выходил из дефицита, был очень большой жертвой. Только за 1881—1887 годы общий дефицит по сметам составлял 171 млн руб.

По мнению министра финансов Н. Бунге, причина неудовлетворительного состояния государственного хозяйства объясняется упадком хлебных цен, сопровождавшимся уменьшением доходов у помещиков и крестьян, а следовательно, и общим безденежьем, отразившимся на ослаблении спроса на произведения обрабатывающей промышленности и на сокращении потребления.

С. Бехтеев подробно останавливается на значении падения хлебных цен для России.

Он признает, что пагубное последствие этого падения «проявлялось с большей быстротой, чем благие последствия правительственных мероприятий»[23].

в 1881 г .
Вывоз хлеба за границу
202 799 322 п.
Выручено денег за этот хлеб
242 281 532 р.
Средн. цена за пуд
111,4к.

в 1886 г .
Вывоз хлеба за границу
278 546 550 п.
Выручено денег за этот хлеб

233 349 791 р.
Средн. цена за пуд
83,7 к.

в 1887 г .
Вывоз хлеба за границу
617 242 000 п.
Выручено денег за этот хлеб
369 383 000 р.
Средн. цена за пуд
59,3 к.

Количество народного труда, расходуемого на ежегодно увеличивающееся количество вывозимого хлеба, очевидно, пропорционально росло, цена же этого труда ежегодно падала, пропорционально обесценивая продукт труда; таким образом, естественно, что народный труд в области сельского хозяйства с каждым годом становился менее прибыльным, менее производительным. А это прискорбное явление не могло не отразиться на всем народном хозяйстве.

Невыгодность земледельческого труда тяжело отразилась на поместном дворянстве.

Общая площадь дворянского землевладения с 79 млн десятин в 1859 году уменьшилась до 55 млн в 1896 году. Ежегодная убыль с течением времени возрастала: по расчету С. Бехтеева, если это явление не будет остановлено, то через 70 лет все дворянство станет безземельным.

Вследствие падения хлебных цен, несмотря на отмену подушной подати и понижение выкупных платежей, эти платежи все же оказались непосильными.

Неудачный результат правительственной деятельности 1861—1882 годов, когда надеялись поднять экономическое благосостояние страны привлечением из-за границы денег для разных предприятий, не заботясь о сельском хозяйстве и о деревенском населении, казалось бы, должен был послужить на пользу.

Действительно, пять лет — с 1882 по 1887 год — можно было думать, что, поддержанные крепкой волей императора Александра III, его министры и обратят внимание именно на подъем, прежде всего, земледельческого населения России, составляющего главную основу и силу русского государства.

В действительности путь, на который была направлена уже начинавшая голодать Россия, с 1887 года круто повернулся от развития сельскохозяйственной деятельности к развитию заводско-промышленной. Вот какое мнение по этому повороту на старый путь высказывает С. Бехтеев.

«1886 годом заканчиваются мероприятия, направленные на создание внутреннего рынка для нашей обрабатывающей промышленности и на прочное обеспечение постоянного, естественного, непрерывного роста доходов казны, без истощения имущественных ресурсов земледельческого населения.

С 1887 года заботам об увеличении доходов казны и развитию обрабатывающей промышленности дается первенствующее значение, и этими задачами поглощаются все другие.

Несмотря на ужасающее падение хлебных цен, интересы разоряющейся деревни отходят на второй план»[24].

Такой невыгодный для России курс был принят, по мнению С. Бехтеева, вследствие ошибочного мнения по отношению к России о возможности не считаться с нормальным ходом экономического развития каждой страны, указывающим, что только при развитой

сельскохозяйственной деятельности возможно быстрое развитие обрабатывающей фабрично-заводской промышленности.

Этим нормальным ходом проходили все европейские государства, и только по отношению к России бюрократы-западники попробовали сразу сделать скачок с целью догнать Европу в промышленном отношении, надеясь, что одновременно сама собой оживится и земледельческая Россия.

П. Маслов, автор статьи «Развитие земледелия и положение крестьян до начала XX века», относительно причин оскудения крестьянского земледельческого населения высказывает следующее мнение:

> «При освобождении крестьян из крепостной зависимости правительство наделило их землей в недостаточной степени, но в то же время почти все государственное хозяйство построило на тех налогах, которые должен был уплачивать крестьянин.
>
> Наряду с платежами за землю своим бывшим землевладельцам, крестьяне должны были нести всевозможные повинности государству, причем значительная часть этих повинностей была превращена в денежную форму, а сами повинности увеличились в огромной степени.
>
> Вместо подушной подати и государственного земского сбора крестьяне стали платить: выкупные платежи, государственный земский сбор, местные земские сборы и повинности, мирские сборы, подушную подать, сборы рекрутские, продовольственные и т. д. и т. д.
>
> Все эти платежи местами в несколько раз превышали доходность земли, и там, где не было промысловых заработков, ставили крестьян в безвыходное положение: они должны были на каких угодно условиях работать на соседнего землевладельца или арендовать его землю, продавать на рынке свой хлеб, хотя бы необходимый для собственного продовольствия.
>
> Дореформенное государственное хозяйство так же, как и благосостояние землевладельцев, было построено на развитии денежного крестьянского хозяйства, на развитии в нем товарного производства.
>
> Крестьянское хозяйство должно было сделаться той курицей, которая несет золотые яйца. Но для этого требовались и соответствующие условия, при которых хотя бы часть крестьянства могла развивать производительные силы своего хозяйства, только при этом условии оно могло выдержать все бремя платежей и налогов, которыми было обременено.
>
> Между тем правовые нормы, которые слагались после реформы, совершенно не соответствовали условиям, в которые было поставлено крестьянское хозяйство: толкая крестьянина на рынок, бюрократический строй лишал его главного орудия экономической борьбы при капиталистическом строе, лишал самой элементарной гражданской свободы, сохранив опеку над личностью крестьянина и передав ее от помещика отчасти «миру», отчасти «бюрократии».
>
> Это противоречие между экономическими условиями и правовыми отношениями, слабо чувствовавшееся крестьянами после реформы, постепенно все более и более обострялось.
>
> Другое противоречие бюрократического строя, также постепенно обострявшееся, заключалось в росте государственных налогов и арендной платы за землю, падавших на крестьян при одновременном падении производительных сил крестьянского земледельческого хозяйства. Эти противоречия в своем развитии, в конце концов,

привели к экономическому и политическому кризису»[25].

Тот же автор относительно причины упадка земледельческой части населения в центральных местностях дает следующее объяснение:

> «Несмотря на неблагоприятные условия для развития большей части крестьянских хозяйств, некоторые из них все-таки успешно боролись за свое существование, копили деньги и, как мы видели, реализовывали их, затрачивая на покупку земли. На окраинах слой зажиточного крестьянства был многочисленнее, так как там лучше были условия для перехода к капиталистическому хозяйству. В центральных районах „хозяйственных“ крестьян было меньше, потому что условия для развития были менее благоприятны. Поэтому здесь крестьяне, копившие деньги, затрачивали их не на земледельческое производство, а только на покупку земли или на торговлю и промышленность. Условия для ведения капиталистического производства были слишком неблагоприятны. На почве всеобщей нищеты могло процветать только первоначальное накопление в форме ростовщичества и кулачества, которое еще не вело к организации рационального капиталистического хозяйства. Между тем как на окраинах и даже в Сибири „хозяйственный“ мужик расширял запашку, улучшал технику сельского хозяйства введением улучшенных орудий, а на западе — в Прибалтийском крае и Литве — повышал культуру земли, в центральном земледельческом районе накопляющийся капитал не выходил из сферы торговых и ростовщических операций и, в лучшем случае, затрачивался лишь на покупку земли.
>
> В промышленном районе капитал накапливался на почве эксплуатации промыслов, и здесь многие бывшие крепостные превратились в крупных фабрикантов, организовавших предприятия с тысячами рабочих. Таким образом, при общих неблагоприятных условиях, если и происходило накопление капитала, то земледелие центрального земледельческого района от этого не улучшалось».

Ю. Жуковский в своем труде «Население и земледелие» дает, между прочим, такие данные:

Из общего состава населения Европейской России 41 % производит хлеба менее, чем нужно для защиты от голодной смерти, и должен существовать посторонними заработками.

39 % всего населения Европейской России производят от 16 до 20 пудов хлеба на душу в год и должны существовать впроголодь. Таким образом, только 20 % населения Европейской России вполне обеспечены хлебом (считая по 2—5 четвер. в год на душу)[26].

«Наше хозяйство, преувеличенным вывозом за границу хлеба, на счет недостаточного питания собственного населения, достигает того, что вместо 59 % полных работников, какое могло бы доставить это население, мы имеем только 21 %»[27].

Чтобы достаточно обеспечить продовольствием все население, пришлось бы отказаться от вывоза хлеба. По мнению Ю. Жуковского, в сущности, нам вывозить нечего.

Вывозя 17 млн пудов пшеницы и 18 млн пудов ржи, «мы содержим, по крайней мере, 17 млн чужих рабочих в разных государствах Европы, которых, по меньшей мере, могли бы содержать у себя дома. Вывозя, мы вывозим в то же время наши отбросы, на которых мог кормиться скот, вывозим наше удобрение, нашу почву»[28].

По сведениям комитета министров, у владельцев показано 30 млн десятин пашни; из них озимых при трехполье составляет 10 млн десятин. При среднем урожае в 5 четвертей с десятины, весь вывоз покрывается владельческим хлебом.

«Естественный исход для нашего земледелия из его настоящего затруднительного

положения может заключаться в образовании нового разряда хозяев — арендаторов — и в обращении поместных владельческих хозяйств в арендные хозяйства среднего размера»[29]. Это будет выгодно и правительству и владельцам.

(Германия, имея население в 52 млн душ, может прокормить сбором со своих пашен только 26 млн душ)[30].

Выше было указано, что для лучшего использования земледельческого труда населения и в целях перехода от трехпольного хозяйства к более интенсивному, необходимо было *дать населению необходимые для ведения такого хозяйства знания и дать средства к приобретению орудий производства.* До начала XX века наше правительство, занятое другими делами, не уделяло этим важным вопросам достаточного внимания и средств.

В России, как и в других странах Европы: Германии, Франции, сельскохозяйственные учебные заведения возникли в конце XVIII века. Но дело это развивалось в России чрезвычайно медленно и носило мало практичный, случайный характер.

Так, в 1866 году в Петербурге был основан *земледельческий институт, не имевший ни хутора, ни поля.* Через 13 лет этот странный институт окончил свое существование.

Высшее сельскохозяйственное образование в России с 1840 по 1899 год, за 60 лет, получило всего 1006 человек, т. е. в среднем в год по 18,6 человек[31].

Среднее сельскохозяйственное образование с 1826 по 1899 год, т. е. за 73 года, получило лишь 4216 человек, в среднем в год по 59 человек.

Низших сельскохозяйственных школ 1-го разряда с 1880 по 1900 год открыто: 28 казенных и 12 частных. Всего окончило в них курс 1602, в среднем в год по 107 человек.

В 14 низших сельскохозяйственных школах, открытых с 1867 по 1899 год земствами и частными лицами, окончило курс всего 284 человек.

Кроме того, к 1900 году, по почину земств и частных лиц с субсидией от казны открыто до 20 низших сельскохозяйственных школ и несколько школ по специальным предметам. Но, в общем, число школ так ничтожно, что многие уезды земледельческой России не имеют до сих пор ни одной сельскохозяйственной школы.

В средних сельскохозяйственных школах дворян всего 16 %.

Весь расход на сельскохозяйственное образование в России *составлял лишь 1,6% общего расхода на учебное дело*[32].

Под влиянием Запада наше правительство признавало возможным расходовать в средних и высших заведениях только на обучение иностранным языкам, в том числе и мертвым, значительно большую сумму денег, чем на поднятие уровня сельскохозяйственных знаний свыше ста миллионов населения, занимающегося в России сельскохозяйственным трудом. Такое явление становится тем более необъяснимым, что суммы, которые расходовались на обучение ненужного русскому земледельцу греческого и латинского языков, собирались главным образом с этих же земледельцев.

Для контраста укажем, что в Америке, которая одновременно с нами приступила к организации высшего сельскохозяйственного образования, к 1900 году существовало 65 только высших учебных заведений: университетов, земледельческих колледжей, земледельческих институтов, в которых даются сельскохозяйственные знания, приспособленные к практическим требованиям жизни.

Расходы и заботы правительства до начала XX века на организацию кредита, особенно мелкого, для земледельцев и землевладельцев для улучшения их хозяйств, расходы по заведению опытных станций, образованию складов сельскохозяйственных машин, расходы на научные исследования, необходимые для сельского хозяйства и проч., были совершенно недостаточны.

Энергия и знания такого человека, как путешественник Пржевальский, расходовались на подробное изучение в течение нескольких экспедиций не имеющего к России отношения бассейна озера Куку-Нора в Тибете, тратились на эти исследования суммы свыше 100 тыс. руб., и в то же время только в последние годы сделано было неожиданное открытие в Архангельской губернии обширных площадей, пригодных для культуры (луга).

Причины, зависевшие, отчасти, от самого населения

Отсутствие поддержки со стороны правительственной власти после освобождения крестьян как бывших помещиков, так и бывших крестьян привело к тому, что деятельность как тех, так и других не дала результатов, которые были необходимы России.

Со стороны поместного дворянства большим укором в истории России будет служить распродажа ими родовых поместий, в результате беспорядочного хозяйства и еще чаще в результате жизни не по средствам и утраты привычки к деревне и любви к ней.

Еще Великая Екатерина учредила государственный заемный банк с капиталом в 22 млн руб., отчисленных из казны, с целью, *«чтобы каждый хозяин, имея деньки за малые проценты и выплачивая свой долг легчайшим образом, был в состоянии утвердить свои земли и основать непременный навсегда доход своему дому».*

Екатерина II сама стояла во главе этого учреждения, но в то же время и сама подавала пример роскошной жизни, которому следовали дворяне, расходуя полученные из банка суммы не на «утверждение навсегда доходов своему дому», а на костюмы, пышные выезды, карты, вино и проч.

С. Бехтеев, по поводу открытия заемного банка, пишет, что благодетельная в принципе мера не поправила положения землевладельцев: «дворянство по-прежнему продолжало начинать свой жизнь запутыванием своих дел на службе вне имений, в столице».

Долги дворянства в веке Екатерины быстро возрастали, и многие имения попали в руки различных кредиторов.

Император Павел I манифестом 1797 года учреждает вспомогательный банк для дворянства с целью «дать ему возможность выкупить имения свои из рук корыстолюбивых ростовщиков, заплатить все свои долги и тем, возвращая доброе имя и полное к себе доверие, усугубить попечения свои на распространение всякого рода полезного хозяйства».

«Весь ряд кредитных учреждений, созданных с 1754 года, не мог, однако, изменить течения дел к лучшему. Легкость совершения займов способствовала увеличению задолженности; естественное дробление имений в свой очередь способствовало уменьшению средств дворянства, а предъявляемые к нему требования как служилому сословию росли пропорционально росту и блеску теперь уже обширного государства»[33].

Меры помощи дворянству кредитом на относительно легких условиях продолжаются всю первую половину XIX столетия, и тем не менее в 1859 году общая задолженность дворянства равнялась 425 млн руб., выданных под залог 7107 тыс. душ, на общее число 10 800 тыс. мужских душ, находившихся во владении помещиков в 1857 году. Ко времени освобождения крестьян 69 % крепостных уже были заложены[34].

Освобождение крестьян от крепостной зависимости ускорило потерю дворянами принадлежавшей им земли.

За 30 лет, с 1863 по 1902 год, у дворян убыло 24 млн десятин, что составляет около третьей части всех земель, находившихся в руках дворян к 1861 году.

За последнее время продажа дворянских земель пошла с особой быстротой. Только с 3 ноября 1905 года по 1 января 1907 года было предложено крестьянскому банку купить почти девять миллионов десятин земли на сумму свыше одного млрд руб. 80 % этой земли принадлежало дворянам[35].

Защитники дворян указывают, что такое явление произошло по вине правительства, которое, освободив крестьян, не пришло одновременно на помощь дворянам с дешевым кредитом и, главное, не дало возможности для дворян-землевладельцев приобрести необходимые им сельскохозяйственные знания[36].

> «Уже на другой день после 19 февраля 1861 года все дворянство всей России одновременно должно было заботиться о добыче денег. Переходная форма временно-обязанного труда не могла отвечать потребностям положения. Эта форма труда ни по качеству, ни по количеству не удовлетворяла потребностям. Тягостное было это время для дворянства, мучительное со стороны имущественной, а еще более со стороны моральной. То было время осмеяния сословия, несколько веков несшего на себе тягости государственного устроения. Все сословное, все, носившее на себе следы служения родине на поле брани, все военное подвергалось осмеянию. И вот этим-то людям, не по заслугам забытым, пришлось идти с поклоном о закабалении своих имений для получения денег на ведение хозяйства к разбогатевшим людям свободных состояний.
>
> Затруднения поместного дворянства были усугублены несогласной с условиями займов в прежних государственных кредитных учреждениях, и потому незаконной, насильственной ликвидацией прежних долгов этим учреждениям, а равно и расплатой с дворянством не деньгами, а выкупными свидетельствами, обесцененными на бирже более, чем на треть стоимости»[37].

Несомненно, что причины эти способствовали утрате дворянами принадлежащих им земель. Но мне представляется, что основной причиной падения дворянского землевладения следует признать совмещение двух несовместимых занятий, возложенных на дворян с XVI столетия: вести сельское хозяйство и отбывать государственную службу вне своих имений.

В предыдущих главах изложено, что уже при московских великих князьях и царях такое совмещение приводило к тому, что и служба (военная) отбывалась неудовлетворительно н хозяйства расстраивались. Но до XVIII столетия все же дворяне-землевладельцы были привязаны к земле и проводили в своих имениях большую часть жизни. С Петра I начинается усиленное привлечение дворян в города, особенно в столицу, не только для несения военной, но для несения всех видов службы. Они, путем общения с иноземцами, путем западной школы, перенесенной на русскую землю, попадают под влияние, которое отдаляет их от всего русского, в том числе и от принадлежащих им имений. Дворянские дети чем были выше по рождению и средствам, тем в большей мере воспитывались на заграничный манер. Чуть не с колыбели окруженные иностранцами, гувернерами и гувернантками, многие из них не говорили или плохо говорили по-русски, и этим родители готовы были гордиться!

Знание иностранных языков, танцев, хороших манер долгое время было поставлено выше знания России, любви к своей родине.

Заведенная роскошь жизни при русском дворе в царствование императриц и роскошь жизни разных вельмож-фаворитов давали пример всему дворянству.

К расточительной жизни дворянства внутри России в XIX столетии прибавилась мода на поездки за границу. Насколько эта мода дорого обходится в настоящее время, видно из того, что

расходы русских путешественников за границей исчисляются в огромную сумму до ста миллионов руб. в год[38]. Сколько же миллиардов руб. вывезено русскими людьми за XIX столетие за границу! И в числе этих сумм значительная часть взята была с земли: продажей, закладом ее или по требованиям от управляющих присылки во что бы то ни стало денег, нужных для поездки за границу. В значительной степени общей особенностью дворян-землевладельцев можно признать неуменье сводить концы с концами. Как в их квартирах «всегда не хватает одной комнаты», так и в их бюджетах, расход превышает доход, и для покрытия дефицита приходится прибегать к мерам, ухудшающим и уменьшающим дворянское землевладение.

Но среди дворян, несмотря на все трудные условия, многие остались после 1861 года в деревне, вполне приспособились к новым условиям жизни, горячо и умело относились к ведению хозяйства, любили это дело, учились, применяли новые культурные приемы обработки, усовершенствованные орудия обработки, заводили улучшенные породы скота, добивались хорошего удобрения, хороших семян и проч. и создали массу культурных оазисов по всей России, принеся этим большую пользу своей родине.

Революционные беспорядки 1904—1906 годов, разгром дворянских усадеб и экономии пошатнули хозяйство и в этих культурных оазисах, устоявших ранее среди общего падения дворянской земледельческой деятельности. Ныне, даже среди отличных сельских хозяев, любящих деревню и земледельческую деятельность, обнаружилось стремление уйти из деревни, ликвидировав свои дела, уйти из родных углов, которыми владели много поколений их предков. Они уходят потому, что при отсутствии строгой и сильной власти на местах не только их деятельность, но даже сама жизнь в некоторых губерниях недостаточно обеспечена.

Масса дворян и ныне проживает еще в деревне, частью вынужденная к тому отсутствием других средств к существованию. Многие из них после долгой борьбы с хозяйственными неудачами не могли добиться, чтобы их земля стала доходной. Не имея ни знаний, ни кредита на переход к улучшенным способам обработки, такие помещики сводят концы с концами увеличением арендной платы, продажей леса, продажей и закладом участков своих имений. Сами они еще найдут средства дожить свой век, не покидая родных углов, но утратили давно веру, чтобы доставшаяся им от родителей земля могла дать надежное обеспечение к существованию их детям. Правительство почти не создало таких русских школ, где бы дети дворян научились лучше своих родителей воспользоваться естественными богатствами земли, но зато открыло массу гимназий, училищ, институтов, лишенных практического и национального характера, пригодных для приготовления космополитов-чиновников, но не деятелей в деревне. Окончание курса в этих заведениях дает много бесполезных и мало полезных для жизни знаний, но зато дает право поступления в университеты и на государственную службу.

Эта приманка отрывает навсегда массу детей дворян-землевладельцев от родной им земли. Мальчик всей душой полюбил деревню, полон интереса к работе в поле, в саду, любит простых, грубых, но хороших сердцем людей, производящих эти работы, любит животных, а его отрывают от всего этого и на долгие годы посылают зубрить латинский и греческий языки. Мало того: чтобы дать своим детям образование, *отрывающее их от земли,* родители стесняют себя во всем, продают и закладывают участки земли, которые при других условиях доставили бы этим детям обеспеченный кусок хлеба.

Таким образом, в числе причин, способствовавших упадку дворянского землевладения, необходимо поставить на видное место неправильно и невыгодно для земледельческой деятельности поставленную правительством школу.

Обратное возвращение дворян к земле еще возможно, но оно станет прочным только тогда, когда работа дворян на земле будет вполне ограждена от чьих бы то ни было насилий и станет выгодной. Когда благодаря приобретенным знаниям, помощи правительства к заведению

улучшенного хозяйства и другим мерам земля в средней полосе России снова сделается доходной, работа на земле для крупных и мелких дворян снова станет более привлекательной, чем служба в разных канцеляриях и в разных ведомствах. Продолжая давать людей по призванию для армии, дворяне еще с большей пользой для отечества поработают на земле. Но для этого необходимо в числе других мер, чтобы работа дворян на местах, на земле, связанная и с земской службой, начала признаваться вместе с военной службой наиболее для дворян почетной.

Часть мелких землевладельцев-дворян и ныне мужественно борются с отсутствием средств перевести хозяйство на более выгодную систему и начинают лично работать на земле наряду с другими рабочими. Этот тип дворян-землевладельцев очень симпатичен и при немедленной поддержке обещает образование на Руси большого количества дворянских фермерских хозяйств. Для успеха этого типа хозяйств желательно скорее отказаться от созданного на Руси понятия *о черной работе и о чернорабочих.* Надо, чтобы каждая земледельческая работа считалась самой *чистой и почетной.* Когда это понятие вкоренится в уме и сердце родителей дворян-землевладельцев, они приготовят своим детям более счастливое и обеспеченное существование, чем ныне. Их сыновья, не попавшие на военную службу, не будут стремиться из деревни в чиновники, кондукторы на железных дорогах, сидельцы в винных лавках, урядники, разнообразные должности вне деревни, на частную службу, не будут висеть на шее родителей без дела в деревне, а возьмутся за плуг, косу и топор. С открытием правительством сельскохозяйственных школ работа таких дворян станет более продуктивной. Девушки-дворянки пройдут курсы молочного хозяйства, птицеводства, пчеловодства, курсы приготовления разных запасов впрок: сушка плодов, овощей, приготовление солений, варений, сушка грибов, копчение мяса, рыбы и пр. Вместо медленного высыхания в ожидании женихов за вышиванием никому ненужных безделушек и чтением романов, такие девушки помогут своим родителям сохранить еще нерастраченные ими родовые углы.

Недавно я читал, что в одной из стран Европы, кажется в Швеции, предположено установить законом, чтобы ни один пастор не мог венчать девушку, даже княжеского рода, если она не представит аттестата в умении шить белье, гладить его, готовить пищу и мыть полы. Идея эта заключает в себе глубокий смысл, ибо рушит в корне понятия о *чистой и черной работах.*

В результате по отношению к дворянам необходимо признать, что утрата почти половины земли, которой они раньше владели, и расстройство значительной части оставшейся земли в их владении частью зависело от того, что правительство не только не принимало меры к прикреплению дворян к земле, но, напротив того, в XVIII и XIX столетиях усиленно отвлекало дворян от земли.

Переходя к рассмотрению в общих чертах причин расстройства земледельческой деятельности в средней и частью северной полосе России крестьянского земледелия, прежде всего, отметим, что если неумелое распоряжение со стороны дворян доставшейся им землей объясняется отчасти и деятельностью самой правительственной власти, то неумелое распоряжение крестьян своей землей еще в большей мере, чем у дворян, зависело, как изложено выше, от той же причины.

Исследователи экономического положения России к началу XX столетия в общем сходятся во мнении, что при лихорадочном росте добывающей промышленности, при оживлении и сельскохозяйственной деятельности в окраинных местностях и на юге, центральное земледельческое население России и население восточных губерний ослабевало. Причин тому было много. Вместе с освобождением крестьян они получили слишком обособленное положение и, как указано выше, были лишены попечительной о них, направляющей их деятельность и поддерживающей порядок сильной власти.

Общинная система пользования землей при обременении скудного дохода с земли податями и повинностями почти лишала даже самых предприимчивых крестьян возможности улучшить свое хозяйство, перейти от трехпольной к более производительным его формам. Правительство, так заботливо толкавшее вперед промышленное развитие России, не принимало сколько-нибудь достаточных мер, чтобы путем развития показных полей, школ, выдачей на льготных условиях земледельческих орудий, семян и проч. научить крестьянина получать лучший урожай с его земли, и недостаточно заботилось о развитии у крестьян подспорных к сельскому хозяйству и связанных с ним промыслов. Напротив того, быстрое промышленное развитие России не всегда служило на пользу населению. Сильное повышение пошлин на ввозимые из-за границы товары вызвало ответное со стороны европейских государств повышение пошлин на вывозимый из России хлеб, что повело к понижению цен на хлеб.

Падение цен на хлеб разными исследователями рассматривается как одна из основных причин экономического упадка земледельческого населения центральных и восточных губерний.

Быстрое развитие хлопчатобумажной промышленности отразилось на уменьшении значения производства льна, составлявшего важное подспорье в хозяйстве земледельческого населения нечерноземных губерний. Трехпольное хозяйство и обработка земли примитивной сохой сохранились и в конце XIX века для огромной массы населения коренных русских губерний[39]. Население этих губерний быстро возрастало в численности, но соответствующей увеличению населения производительности земли не было достигнуто. Напротив того, во многих местностях, вследствие увеличения населения, произошло дробление наделов земли в такой мере, что уменьшенные в два, три раза первоначально отведенные наделы уже не могли прокормить населения. Началось обращение в пашни выгонов и лугов, что, без введения в севооборот посевов кормовых трав и корнеплодов, повело к уменьшению кормовых средств для скота и к уменьшению поэтому количества скота. Когда количество удобрения уменьшилось — уменьшились и урожаи.

Вырубка лесов повела к недостатку топлива. В некоторых центральных губерниях, например, в Рязанской, стали по нужде употреблять вместо топлива навоз с соломой, что тоже уменьшило урожайность земли. Рост арендной платы, несмотря на уменьшение доходности земли, продолжался.

Вырубка лесов, в числе других причин, способствовала также изменению климатических условий. В результате начался ряд недородов. Не сдерживаемое ни церковью, ни школой, ни опекой властей, крестьянское население в трудные годы не только не увеличивало энергии к труду, но опускалось и в пьянстве искало утешения. Пропивались и щедрые пособия от казны, часто приносившие населению не пользу, а вред. Огромное количество праздничных дней в году и отсутствие обеспеченной работы в зимние месяцы довершает перечень главных причин, повлиявших на обеднение земледельческого населения центральных местностей России.

В России крестьяне-земледельцы не могут вести свое хозяйство с выгодой не только потому, что не умеют увеличить производительность земли, но и потому, что до сих пор не организована охрана результатов крестьянского труда, и образовалась целая серия посредников-хищников между трудом производителя хлеба и других сельских продуктов и ртом потребителя. Посредники продают произведения труда крестьянина (или бывшего помещика) по максимальной цене, а крестьянин получает от них за свой труд минимальную цену. Главные барыши между этими двумя ценами на продукты выпадают на долю посредников. Таким образом, наши крестьяне внутренних губерний не только не умеют более производительным, чем их деды, способом использовать землю, но и то, что они получают с земли, обесценивается отсутствием организации по сбыту произведений населения с устранением посредников[40].

Необходимо также прибавить недостаточную защиту результатов земледельческого труда от краж, поджогов, причем виновные редко находятся.

В числе основных причин, повлиявших на ухудшение земледельческой деятельности крестьянского населения в коренных русских губерниях, можно отнести следующие:

1) Разрушение сильных семей и раздел первоначальных наделов на новые наделы, настолько малые, что они не могут, при примитивном способе хозяйства, прокормить семью.

2) Разделение этих малых наделов на огромное число узких полос, крайне затрудняющих обработку почвы; парным плугом, например, на многих из таких полос нельзя сделать несколько борозд без того, чтобы не задеть при поворотах лошадьми соседних полосок.

3) Распашка лугов и выгонов.

4) Отсутствие во многих случаях заботы о заведении не только садиков, но и огородов. Уменьшение количества скота. Празднование слишком большого числа дней в году.

5) Неумеренное употребление многими особенно в праздничные дни водки. Пропивание не только заработков, но и предметов инвентаря, одежды, скота.

6) Недостаточное уважение к чужой собственности, что особенно часто проявляется по отношению к землевладельцам или особо зажиточным из крестьян.

7) Увеличившееся с 1905—1906 годов неповиновение младших членов семьи старшим.

8) Самовольный уход парней и девок из семей на заработки в город.

9) Пьянство, драки и увечья между деревенской молодежью.

10) Уменьшение страха к властям и уменьшение религиозности.

11) Расширение потребностей без соображения со средствами. У крестьян, как и дворян, тоже создалось неуменье жить по средствам. Крестьянину приходится покупать обувь, часть одежды, керосин, лампы, чай, сахар, соль, баранки, орудия труда: косы, топоры, принадлежности сохи, плуга, железные бороны, водку, табак, спички и проч. Крестьянки стали выше средств наряжаться: жакетки, полусапожки, калоши, довольно ценные платки, платья, безделушки — почти все покупное.

Расходы на предметы не первой необходимости и водку ухудшают питание крестьян и делают их физически слабее.

Все эти причины влияют на ухудшение как нравственного, так и материального положения крестьян.

Ныне приняты довольно энергичные меры к исправлению некоторых из этих зол. Многие тысячи более энергичных хозяев освобождаются из мертвых тисков общины и расходятся на углы. Эти новые хуторяне нуждаются в особенно заботливой опеке в первое время. Без опеки и охраны многие из них могут пострадать от слепой злобы тех или других элементов деревни. Громили усадьбы, могут начать громить и хутора.

Но и новые хутора, если не будет проведен закон о праве наследования только старшим сыном, через короткий промежуток времени обратятся в такие малые участки, которые даже при хуторном хозяйстве не обеспечат семьи. Необходимо, чтобы сотни тысяч хуторов, совершенно прочно поставленных, вместе с усадьбами других землевладельцев, составили главную силу земледельческой России.

Выше приведенные общие выводы могут быть подтверждены нижеследующими фактическими данными, взятыми из трудов лиц, исследовавших экономическое положение России:

«Самый неотразимый и тревожный симптом упадка центра — это слабое, граничащее с застоем, движение прироста населения. В 11 лет с 1885 по 1897 годы население центральных губерний России увеличилось на 2,88 %, в год на 0,26 %, когда общий прирост населения по всей России в год составлял 1,38 %. Население западных окраин возрастало в год даже на 2,2

%[41]

По исследованию бывшего товарища министра внутренних дел В. Гурко, запасы в продовольственных магазинах уменьшались более всего в центральных губерниях, а именно за последние 18—20 лет XIX столетия на две трети. В восточных губерниях запасы уменьшились на половину, малороссийских и юго-западных уменьшились на 16—20 %, а в южных увеличились на 2 %[42].

Среднее количество лошадей на лошадный крестьянский двор заметно понизилось.

Сильные хозяйства (особенно производительные) уменьшаются и заменяются хозяйствами, едва способными к полевой работе[43].

В 1881—1885 годах происходит резкое падение цен на хлеб. В центральных и восточных губерниях цена на хлеб упала на *1/3* часть, а в южных — до 50 %.

В. Гурко уже в 1902году в своем труде «Устои народного хозяйства в России» делал следующие выводы:

К концу XIX столетия в России создались, по его мнению, три грозных явления: периодические голодовки и хроническое недоедание всего крестьянского населения центра и востока земледельческой области. Угрожающая гибелью за неимением сбыта изделиям своего производства фабрично-заводская промышленность. Из года в год увеличивающийся дефицит по международному балансу[44].

«Место русского купца все более и более занимается евреями; а промышленность почти всецело сосредоточена в иностранных руках. Русские капиталы тают и с каждым днем все переходят в иноземные руки»[45].

Эти выводы были сделаны еще до Русско-японской войны и лицом, которое по своему положению могло иметь в своем распоряжении все данные для правильной оценки экономического положения России.

Русско-японская война и особенно внутренние беспорядки 1905—1906 годов могли только ухудшить экономическое положение России. Приведем ниже некоторые мнения исследователей экономического положения России, высказанные уже после Русско-японской войны.

В. Литвинов-Фалинский в своем труде «Наше экономическое положение и задачи будущего», между прочим, приходит к следующим заключениям:

> «В постепенном возрастании потребностей без соответствующего увеличения средств и способов их удовлетворения кроится основные причины обеднения той части населения, которая в земледелии находит главное средство пропитания.
>
> В Россию ввозится из-за границы хлопка, шерсти, сала, воска, овощей, фруктов, вин и прочих продуктов, производство которых возможно у нас, *на двести миллионов руб. в год.*
>
> Русское овцеводство гибнет, при наличии обширных степных пространств. Шелководство еле существует. Пчеловодство проявляет мало жизни, и даже садоводство не может удовлетворить внутреннего спроса.
>
> Кустарные промыслы в пренебрежении.
>
> Наше низшее специальное образование поставлено неудовлетворительно.
>
> Наличие упадка нашего центра не подлежит никакому сомнению. *Коренное великорусское население слабеет, пораженное немощностью»*[46].

В. Гурко в своем новом труде «Наше государственное и народное хозяйство», изданном в 1909 году, приводит следующие данные, определяющие современное положение

земледельческого класса в России:

Средняя урожайность пшеницы в России с одной десятины в период 1894—1904 годов составляла 42 пуда. В то же время в Англии — 137 пудов, в Германии — 120 пудов, в Италии — 59 пудов. Душевое производство хлеба у нас 26 пудов, во Франции — 28 пудов, в Германии — 26 пудов. Но в то время как в Германии и Франции ввозят к себе сотни миллионов пудов хлеба, мы вывозим его и вывозим не от избытка, а из нужды, ухудшая этим питание населения.

За отделением вывоза и семян, остается на душу населения в год всего 18 пудов хлеба, в то время как в Германии приходится 28 пудов и ни в одной стране душевое потребление не падает ниже 23 пудов.

Душевое производство хлеба в 26 пудов в 1904 году упало в 1908 году на 17,8 пуда. На 100 жителей в центральных губерниях еще несколько лет тому назад приходилось 23 лошади, теперь осталась 21. Общее количество крупных и мелких животных упало со 132 голов на 100 жителей до 121 головы. По мнению В. Гурко, смута на Руси возникла «на почве недоедания, почве недостаточного удовлетворения жизненных потребностей»[47].

Н. Бржеский в своем труде «Очерки аграрного быта крестьян» пишет:

«Отношение семян к общему сбору у нас составляет 21,9 %, тогда как за границей всего 8,5 %. Урожайность в России падает, что служит доказательством истощения надельной земли и увеличивающегося ее бесплодия. Скоро семена будут составлять 30 % сбора. Дефицитность крестьянских хозяйств прогрессирует по мере измельчания наделов и уменьшения урожайности крестьянских полей[48].

«Ранее десятина льна давала в России 22 пуда волокна, теперь дает 17—20. В Пруссии десятина льна дает 36 пудов»[49].

Вышеприведенные данные дают основание сделать следующий вывод:

Земледельческое население центра России с великорусским населением пришло в хозяйственное расстройство уже в последние годыXIXстолетия. Расстройство это продолжается и в настоящее время. Пострадали при этом как дворяне-землевладельцы, так особенно крестьяне.

Сельскохозяйственная деятельность за рассматриваемый период 1885—1900 годов, ослабев в центральных губерниях, сделала большие успехи на окраинах России: в польских, балтийских губерниях, в Финляндии, на юге России, в Кубанской области, во многих местностях Сибири. В особенности эти успехи оказались значительны в балтийских губерниях, несмотря на бедность почвы. Твердо стала на ноги и земледельческая деятельность польских панов. В то время как русские дворяне давно уже начали покидать свои имения и продавать их, польский дворянин прочно засел на земле, выучился делать ее доходной, и теперь многие имения польских панов процветают.

Проведение Сибирской железной дороги оживило попутные местности. По почину датских маслоделов в Сибири возник и быстро развился огромный промысел по выделке масла, сбываемого, главным образом, за границу[50].

Барнаульский и отчасти Томский районы оказались житницей Сибири. Благодаря установленным пониженным, в зависимости от расстояния, платам за провоз по железной дороге (дифференциальные тарифы), хлеб из Сибири стало выгодно везти в Европейскую Россию.

Проведение железной дороги в Туркестан тоже дало толчок к сельскохозяйственному развитию этого богатого края. В нем быстро развилось производство хлопка, получившее государственное значение. В 1906 году в России собрано хлопка около 7 млн пудов, главным образом в Туркестане. Вывоз из Туркестана сухих фруктов, орехов, шелка, шерсти, кож тоже

получил весьма большое развитие.

Только Кавказ до сих пор не просыпается, вероятно, сберегая свои огромные богатства для будущих поколений.

Надо упомянуть также, что за те же 15—20 последних лет на Руси получило большое развитие птицеводство и в особенности вывоз за границу яиц. В последние годы стоимость вывозимых яиц за границу дошла до 60 млн руб.

В то время как мы ввозим из-за границы хлопок на 100 млн руб., чтобы рядить население в непрочные ткани, мы вывозим за границу свой лен, одевавший прежде Россию на сумму свыше 60 млн руб. в год.

Огромные лесные богатства России еще мало исследованы. Из 544 млн десятин леса исследовано только 11 300 000 десятин, находящихся в Европейской России. 4,5 млн десятин леса на Кавказе тоже не исследованы[51].

Тем не менее, лесной промысел составляет весьма важное подспорье для населения лесных губерний. Вывоз лесных материалов за границу превышает 70 млн руб. в год.

Приведенные данные указывают, что даже с малой поддержкой от правительства население России может развить свой сельскохозяйственную деятельность, если таковая будет поставлена в сколько-нибудь выгодные условия.

Только вывоз яиц и масла, получивший развитие главным образом инициативой самого населения, дает ему крупную сумму заработка — свыше 100 млн руб. Притом вывоз этих продуктов не истощает землю, подобно вывозу зерна. Можно, значит, надеяться, что сельскохозяйственный кризис, переживаемый ныне оскудевшим центром русской земли, при энергичной помощи правительства ослабится, а затем прекратится.

Причины упадка в конце XIX века фабрично-заводских предприятий

Упадок сельскохозяйственной деятельности значительной части населения России уменьшил покупную способность населения, что в свой очередь отразилось в конце XIX века угнетающим образом на заводско-фабричной промышленности. Эта промышленность, на быстрое развитие которой было обращено особое внимание правительства в ущерб заботам о подъеме благосостояния главного кормильца и защитника русской земли — земледельца, получила одностороннее и не вполне нормальное развитие. Создавалось много предприятий, рассчитывавших, при покровительственных тарифах, лишь на возможно большие барыши. Дела велись небрежно и выделываемые в России фабрикаты и изделия оказались худшего качества и более дорогими по цене, чем те же продукты и изделия, выделываемые за границей. Поэтому, когда внутренний рынок, недостаточно развитой, вследствие ослабленной покупной способности русского населения был насыщен, то для наших фабрикатов и изделий пришлось, как и в других странах, искать рынков для сбыта вне России; но тут-то и обнаружились недостатки нашего фабрично-заводского производства. *Оказалось, что на равных условиях мы конкурировать с изделиями других стран не можем.* Чтобы протащить русский фабрикат за границу, потребовалось выдумывать разные льготы и премии.

П. Шванебах в своем труде «Денежное преобразование и народное хозяйство» указывает, что только за период с 1894 по 1899 год было разрешено в России 927 акционерных компаний и обществ с основным, номинальным капиталом около полутора млрд руб. Из них действительно поступило в дело лишь 800 млн руб. За тот же пятилетний период в России была допущена деятельность 150 иностранных акционерных обществ. В 1902 году общее количество

предприятий составило 1469, из них иностранных было 210.

«Это общее количество (около полутора тысяч) предприятий, как видно, не только удовлетворило полностью потребности обедневшей страны, но даже их превысило, так как все жалуются на отсутствие сбыта не только фабрикатов, но даже топлива, и потому все одинаково оказались в кризисе; всех больше развивалась металлургия, она же всего более и стеснена теперь. Перепроизводство фабрикатов — это, конечно, есть полное достижение идеала протекционистов, ибо это уже свидетельствует о том, что мы стали в уровень с европейскими промышленными странами, и для нас наступило время заботиться о вывозе наших произведений на мировой рынок, если таковые не могут быть потребляемы дома. Между тем, такое блестящее достижение цели у нас стали называть кризисом не только люди, наблюдающие за делом со стороны, не причастные к нему, но и сами фабриканты. Такое смешение понятий произошло потому, что наши фабрикаты не могут показаться на мировой рынок для соперничества с иностранными фабрикатами, более совершенными и менее дорогими»[52].

Такое неожиданное явление С. Бехтеев объясняет тем, что промышленность, рождающаяся под чуть не запретительной охраной, не может быть здоровой. Эта охрана так крупно удорожает фабрикаты и сулит капиталистам такие непривычные для европейцев выгоды, что они, в надежде на них, настолько неряшливо обставляют свои предприятия, что не в состоянии производить столь же совершенные и дешевые фабрикаты, как делают это немцы и бельгийцы у себя дома. Действительность это подтверждает; несмотря на относительную дешевизну наших рабочих рук и даже топлива, наши фабрики и заводы не могут дать ни дешевых, ни совершенных произведений.

«Таким образом, первоначальная цель развить промышленность достигнута, удешевление же и усовершенствование фабрикатов чрез конкуренцию не достигнуто.

В конечном результате — современное положение промышленности, страшно угнетенное вследствие отсутствия сбыта фабрикатов. По той же причине произошло сокращение производства и, следовательно, безработица для фабричного населения и явления, обычно это сопровождающая»[53].

Русский потребитель, вследствие существования односторонне направленного для защиты промышленности протекционизма, переплачивает, сравнительно с ценами на заграничный товар, только на хлопчатобумажные изделия свыше ста млн руб.

На кровельное железо на каждый пуд русское население приплачивает около рубля. Силезские заводчики предлагают кровельное железо с уплатой таможенной пошлины (по 97 коп. с пуда) за 2 руб. 55 коп. за пуд, а свои южные заводы ставят железо по 2 руб. 60 коп. за пуд.

Относительно положения промышленности в России к началу XX века различными исследователями высказываются следующие мнения:

М. Балабанов в статье «Промышленность России в начале XX века» признает естественным, «что в первые годы промышленного развития России отводится особое внимание развитию парового транспорта и организации кредита. Правительственная экономическая политика семидесятых и восьмидесятых годов прошлого столетия носила характер, если и не соответствовавший вполне нуждам промышленного развития страны, то и не противоречивший им в такой степени, как впоследствии»[54].

В 1890-х годах начинается усиленное железнодорожное строительство и поворот правительства к таможенному покровительству, вызванный, главным образом, интересами фиска.

Тариф 1891 года, во многом граничащий с запретительной системой, «создал прочную таможенную стену, ограждавшую промышленность от иностранной конкуренции,

обеспечившую промышленникам крупную норму прибыли».

«К концу XIX века Россия являла собой страну с широко развитым промышленным капитализмом. Громадный прилив в промышленность отечественных и иностранных капиталов, быстрое увеличение производительности по всем группам производства, нарождение ряда новых производств (среди них столь характерных для роста промышленности, как горнозаводское, достигшее значительных размеров) концентрация производства, образование многомиллионной армии промышленного пролетариата, быстрый рост городов и городского населения, увеличение числа промышленных центров и территориальное расширение сферы господства промышленного капитализма — все это свидетельствовало о росте производительности как о процессе, совершающемся на основе капиталистического развития.

Голодный 1891 год вскрыл пропасть, в которой оказалась Россия. Так как к этому времени податное население, которое давало главные средства для государственного казначейства, обессилело и обеднело, пришлось выбирать один из двух путей: или пойти по пути укрепления крестьянства или еще более энергично содействовать промышленному росту России. Правительство избрало второй путь.

Если раньше «поощрение» промышленности практиковалось постольку, поскольку этого требовали промышленники и фискальные соображения, так сказать, добавочного свойства, то теперь это поощрение становилось целью самодовлеющей. Промышленность должна была дать бюрократии то. чего уже не могло дать нищее земледельческое население: деньги для казны и финансовый блеск для поддержания престижа могущественной державы.

С 1894 года государственный банк становится одним из главных орудий бюрократии, с помощью которого она направляет промышленную жизнь.

Начинается выдача огромных ссуд для поддержания разных предприятий.

Профессор Мигулин осторожно упрекает министерство финансов в чрезмерном доверии, которое оказывалось разным лицам и предприятиям, которые этого доверия отнюдь не заслуживали»[55].

В целях поощрения промышленности казна при правительственных заказах отдавала решительное предпочтение отечественным промышленникам: «Так, когда для Сибирской железной дороги английские заводчики брались поставлять . стальные рельсы по 75 коп. за пуд, заказ был отдан отечественному предпринимателю по 2 руб. с пуда, с выдачей аванса в несколько миллионов на устройство завода. При заказах цены вообще назначались не по соображениям рынка, а единственно в видах воспособления заводам»[56].

В 1898—1900 годах, когда чугун стал на заводах 62— 65 коп., казна платила за рельсы 1 руб. 12 коп., и в последующем, когда чугун упал в цене до 40—50 коп., цена на рельсы была повышена до 1 руб. 25 коп. Такая щедрость казны приводила к тому, что на южных заводах рельсы не для казны расценивались 85—87 коп. за пуд, а для казны в 1 руб. 25 коп. Ежегодные переплаты казны по предметам железнодорожного оборудования достигли не менее 15 млн руб.

Особая щедрость казны в поощрении промышленности вызывала спекуляции в огромных размерах с целью основания фиктивных предприятий. Миллионы рублей, минуя производительную цель, попадали в карманы учредителей и посредников, и когда в 1900 году наступил промышленный кризис, развились ссуды государственного банка (внеуставные), принявшие необычайные размеры: в 1901 году таких ссуд было выдано 65 млн, а в 1902 году свыше 100 млн руб. Для поддержки промышленных предприятий пускались в дело даже сберегательные кассы. Результаты такой, превосходящей действительную надобность, поощрительной деятельности правительства очерчены М. Балабановым в следующих мрачных красках:

«Все меры *«поощрения»,* практиковавшиеся правительством, не следует отрывать от его общей внутренней политики. Наряду с новой задачей — «ростом производительных сил» — оставались в полной силе и задачи старые — податное угнетение деревни, пренебрежение всеми самыми насущными нуждами народа, подавление всякой общественной инициативы. Одной рукой поощрялось промышленное учредительство, другой — разрушались последние остатки народного благосостояния, этой, в конечном счете, основы внутреннего рынка. Широко использованная система казенных заказов, законные и незаконные ссуды и воспособления создали для промышленности тепличную атмосферу, убивавшую дух живой инициативы, для которой общие политические условия были и без того неблагоприятны. Итоги почти полувекового промышленного роста, интересы промышленности и всех связанных с ней классов были принесены в жертву интересам сегодняшнего дня и правящей бюрократии. О завтрашнем дне она не думала, но для этого дня она приготовила условия, когда даже незначительное сотрясение, не говоря уже об очередном кризисе должно было привести к грандиозному краху, как самой системы, так и ее создателей»[57].

Несравненно спокойнее, как к росту нашей промышленности, так и к возникшему в конце XIX века промышленному кризису, относится Б. Брандт. Этот серьезный исследователь пишет:

«Отсталость России от других стран в промышленном отношении составляла такое резкое противоречие с политическим ее могуществом, с обширностью территории и ростом ее населения, что быстрый рост ее промышленности представляется не только естественным, но даже весьма необходимым»[58].

Но и Б. Брандт находит, что при всей естественности развития нашей промышленности, в самих условиях этого развития, в форме акционерных компаний лежали зародыши сперва спекулятивного подъема, а затем кризиса и упадка.

Естественное в начале движение публики к помещению сбережений в промышленные ценности выродилось в биржевую горячку.

Исследуя причины кризиса различных видов промышленности, Б. Брандт признает, что металлургическая промышленность приняла у нас несколько одностороннее направление, будучи рассчитана не столько на массовый спрос, сколько на тот специальный спрос, который создавался железнодорожным строительством и потребностями обрабатывающей промышленности.

Когда такой специальный спрос стал уменьшаться, на выручку ему должно было выступить массовое народное потребление, но этого не произошло, по объяснению Б. Брандта, по следующим причинам:

«К сожалению, однако, пока совершалась эта эволюция в металлургической промышленности, в общей экономической жизни России совершился факт, который трудно было заранее предвидеть и которому, однако, суждено было перепутать самые благоразумные расчеты. Факт этот — *чрезвычайное ослабление покупательной способности населения* вследствие целого ряда неурожаев, постигших страну в течение нескольких последних лет. Как видно из приведенных расчетов, общая недовыручка населения вследствие плохих сборов хлебов, за пятилетие 1897—1901 годов, достигла огромной цифры — миллиарда руб., и на такую же сумму соответственно

уменьшилась покупательная сила населения».

По мнению цитируемого автора, были и другие причины, ускорившие кризис во многих промышленных предприятиях.

Причины эти заключались в самих условиях и обстановке, при которых у нас возникли многие металлургические предприятия, условия, которые заранее исключали для этих предприятий продолжительное прочное и солидное существование. Многие предприятия создались с чрезвычайной поспешностью, соблазняясь существующими высокими ценами и стараясь по возможности скорее воспользоваться выгодами благоприятной конъюнктуры. При интенсивности строительства расходы на сооружение были очень велики; к тому же, технические расчеты оказывались зачастую неправильными и, как показала практика, приводили к необходимости немедленного переустройства многих заводов уже вскоре по их возникновении. Не всегда хватало денег на окончание начатых построек, вследствие чего приходилось прибегать к дорого стоившему кредиту. Бывали примеры, что при переходе дел от учредительства к началу эксплуатации от первоначального акционерного капитала оставалась налицо едва пятая его часть. Некоторое число организованных на юге предприятий возникло и устроилось на почве самой обыкновенной спекуляции. Были случаи, когда не спрос и не достаточная наличность естественных богатств вызывали к жизни известное предприятие, а лишь желание небольшой группы лиц воспользоваться горячкой и увлечением и получить учредительское вознаграждение.

Расходы учредительские, комиссионные, переплата за приобретаемые имущества и права достигали подчас небывалых размеров. Доходило до того, что даже за уступку каких-то словесных соглашений с собственниками или арендаторами земли на право разработки в них руды платили весьма значительные суммы, причем иногда права по таким соглашениям впоследствии не могли быть осуществлены.

> «При таких условиях огромные капиталы, собранные при реализации акций, проходя через учредительство, финансирование и разного рода посредничества, таяли с поразительной быстротой и приходили к самому делу уже обессиленными, а иногда и прямо-таки ничтожными. Предприятия с миллионными основными капиталами оказывались нередко без оборотных средств и задолженными при самом их возникновении. Конечно, при такой организации жизнеспособность предприятий оказывалась сомнительной. Едва успев открыть действия, компания уже испытывала серьезные затруднения по недостатку капитала»[59].

Полезной стороной уже пережитого в 1904 году Россией промышленного кризиса Б. Брандт считает понижение высоких цен на изделия промышленности и установление цен, более доступных для населения.

С целью развития вывоза русских изделий за границу были установлены особые пониженные вывозные тарифы.

Так, внутренний тариф по перевозке одного пуда сахара-рафинада и сахарного песка на 1000 верст — 49,39 коп., а если тот же сахар идет за границу, то с того же пуда и с тех же 1000 верст взимается только 23,7 коп.

С керосина при перевозках внутри страны взимается с пуда 28,86 коп. за 1025 верст, а при вывозе — 14,47 коп. Со спирта — 34,16 коп., а при вывозе — 23,61 коп. С мануфактуры внутри страны с пуда и с 1000 верст — 88,34 коп., а при вывозе — 45,8 коп.[60].

Итак, если продукт вдет к русскому потребителю, то он должен оплачивать более высокие

ставки; если же он идет к иностранному потребителю, то ставки на него понижаются вдвое, а иногда и больше.

В тех же целях возможно большего вывоза продуктов от нас за границу мы возвышаем акциз, организуем вывозные премии для сахарной и мануфактурной промышленности (скрытые) и т. д.

Несмотря на все принятые искусственные меры к увеличению вывоза русских изделий за границу, вывоз их составляет в общем только *1/20* часть вывозимых за границу продуктов сельскохозяйственной деятельности населения. В 1909 году весь наш вывоз составил по стоимости 1 млрд руб. В том числе было вывезено хлеба на 470 млн руб., яиц — на 56 млн, коровьего масла—на 44 млн руб. Всего жизненных припасов было вывезено на сумму 600 млн руб. Изделия не только фабрично-заводские, но и ремесленные составили по вывозу в 1906 году лишь 31 млн руб. Только вывоз яиц в два раза превышает вывоз за границу изделий всех заводов и фабрик, для создания и развития которых правительство положило так много труда и средств в ущерб развитию земледельческого населения страны. В результате же в то время, когда фабрикаты можно вытолкнуть за границу только путем разных премий, вывоз зерна за границу очень велик. К сожалению, этот вывоз, как указано выше, не составляет избытка хлеба. Иногда нужда заставляет русское население голодать, но все же продавать хлеб.

Независимо от поощрения иностранных капиталов, вкладываемых в развитие промышленности, русское правительство, особенно в последние 15 лет прошлого столетия, само взяло в свои руки кроме лесного хозяйства еще хозяйство железнодорожное, а также и организацию очистки и продажи водки (монополия).

На постройку дорог были сделаны займы, увеличившие, как указано выше, наш государственный долг с 1892 по 1903 год на 2 млрд руб.

Насколько отпуски из казны на постройку железных дорог были велики, видно из следующих цифр: было отпущено на постройку железных дорог в 1898 году — 151 млн руб., в 1899 году — 142 млн руб., в 1900 году — 145 млн руб., в 1901 году — 124 млн руб., в 1902 году —263 млн руб.[61].

С задачей постройки железных дорог и их эксплуатации правительство не справилось: дороги были выстроены, в общем, слишком дорого, а эксплуатация их приносит на многих дорогах убытки. В России имелись примеры очень экономной постройки железных дорог в Финляндии; дороги, построенные военным ведомством под руководством генерала Анненкова: Полесская и Средне-Азиатская — тоже могли бы служить строителям министерств путей сообщения и финансов образцом постройки скорых и относительно дешевых дорог. Постройка многих железных дорог в Америке, где первоначально принимались все меры удешевить и ускорить постройку, а затем, по мере развития движения, улучшали дороги, увеличивали разъезды, водоснабжение и проч., тоже не показалась нашим инженерам поучительной. Дороги у нас были выстроены очень дорого, причем многих значительных затрат можно было избежать. На глухих станциях появились дорогие пассажирские и другие здания. Расход на рельсы, подвижной состав и мосты получился очень большой вследствие возвышения цен наших заводчиков, пользовавшихся таможенной охраной и желанием правительства, чтобы их заказы делались дома, а не за границей. Для выгоды заводчиков правительство только на рельсы иные года переплачивало огромные суммы. Были случаи, что для частных лиц заводчики назначали одну цену, а для правительственных заказов другую, очень возвышенную. Огромные работы сдавались крупным подрядчикам. Масса их наживалась, но рабочие получали минимум платы, да и та недостаточно охранялась от мелких хищников, продававших рабочим предметы первой необходимости, одежду, а иногда и спаивавших рабочих. Оклады инженеров были очень высоки. В результате за счет казны нажились заводчики, подрядчики, торговцы, а казне и ныне еще

приходится нести огромные расходы по уплате процентов по займам на постройку дорог. Эти уплаты при оказавшейся чрезмерной стоимости наших железных дорог, составляют одну из главных причин, если не главную, бездоходности многих из построенных дорог. Постройка министерством финансов Восточно-Китайской дороги произведена солидно, но также стоила весьма дорого и при постройке были тоже допущены многие расходы, которых следовало избежать. Как и в России, строители Восточно-Китайской дороги не были заинтересованы в производстве работ наиболее экономичным образом.

Установленный при постройках так называемый «фактический» контроль сводился по преимуществу на контроль чисто бумажный.

Выкуп в казну частных дорог производился иногда без соблюдения интересов казны.

Эксплуатация казной вновь построенных дорог или дорог, выкупленных в казну, тоже шла неудачно.

При рассматривании причин этого последнего явления, опытные деятели по железнодорожной и коммерческой частям указывали, что служащие на железных дорогах всех степеней не были заинтересованы в том, чтобы дороги приносили более дохода, а расходы по эксплуатации не превышали действительной надобности: дорогами управляли инженеры, обратившиеся в чиновников, а не предприимчивые люди с коммерческой жилкой, способные находить грузы и привлекать их на дорогу. Отсутствие достаточного количества подъездных путей, малое количество шоссейных дорог, плохое состояние грунтовых, масса бесплатных пассажиров и льготных перевозок грузов — все это, вместе с мало развитой жизнью многих местностей, оказывало влияние на малую доходность дорог. Значительный произвол, допущенный в назначении тарифных ставок, тоже препятствовал правильной деятельности дорог. Наконец, некоторые из дорог, построенные по стратегическим соображениям, влияли в общем балансе на уменьшение доходности всей казенной железнодорожной сети.

Другие отрасли государственного хозяйства, например, лесное дело, к концу XIX века все еще не были поставлены на широкие коммерческие рельсы.

Бойко пошло только одно из предприятий государственного хозяйства — винная монополия. Но не на радость русской земле и русскому народу развивалось это предприятие: употребление в деревне и городе водки русским населением не уменьшалось от перенесения продажи водки из кабака в винную лавку. Тайная продажа вина получила огромное развитие.

Даже в глухом углу, где я проживал последние четыре года, существуют деревни, население которых живет в каждом отдельном хозяйстве главным образом тайной продажей водки. То, что водка стала крепче, по мнению членов-специалистов особой комиссии, рассматривавшей вопрос о народном пьянстве, тоже идет во вред населению.

Заключение

Выше изложено, что уже в 80-х годах обнаружился экономический упадок земледельческого населения в русских губерниях. Одной из главных причин упадка было малое внимание правительственной власти в период 1861—1881 годов на устройство и улучшение положения как бывших крепостных крестьян, так и бывших помещиков.

Со вступлением на престол императора Александра III уже обозначились в сельскохозяйственной деятельности русского населения многие тревожные явления, определявшие оскудение центра России, и настоятельно требовалось принятие неотложных мер, «чтобы остановить дальнейшее развитие этих явлений и затем поднять материальное положение

земледельцев, составляющих главную силу России».

Принятый государем императором Александром Шосновной девиз деятельности «Россия для русских» указывал, что заботы о поднятии духовного и материального уровня должны были начаться, прежде всего, по отношению к массе русского населения. В действительности, как изложено выше, сотрудники государя императора Александра III выбрали для исполнения вели государя другой, окольный путь: начав с огромной энергией развитие фабрично-заводской деятельности, они надеялись, что это развитие неизбежно будет способствовать и поднятию сельскохозяйственной деятельности земледельческого населения всей России. Проведение железных дорог должно было способствовать, по их мнению, достижению той же цели.

В течение пятнадцати последних лет прошлого столетия было израсходовано несколько миллиардов русских и иностранных денег на развитие фабрично-заводско-промышленных предприятий и проложение железных дорог. В результате лихорадочной деятельности министерства финансов, как изложено выше, промышленные итоги к концу XIX столетия поражали достигнутыми результатами: по официальным сведениям министерства финансов стоимость выработанных на заводах и фабриках продуктов и изделий в период с 1887 по 1897 годы с одного миллиарда трехсот миллионов дошла почти до двух миллиардов девятисот миллионов, т. е. более чем удвоилась.

Но это развитие отразилось на земледельческом населении России различно. Прежде всего, следует указать, что за период особо быстрого роста промышленности с 1887 до 1897 года, т. е. за 10 лет, число рабочих, привлеченных вновь к фабрично-заводской промышленности, составило всего до 700 тыс. человек. Чтобы судить, насколько эта прибавка заработков рабочему населению России была незначительна, необходимо принять во внимание, что за период с 1887 по 1897 год население России увеличилось приблизительно на 20 млн душ, и в том числе возросло мужское население, только в возрасте от 18 до 40 лет свыше чем на три с половиной млн душ. Так как часть фабрично-заводских рабочих состоит из женщин и даже подростков, то очевидно, что привлечение в течение 10 лет новых 700 тыс. рабочих мало изменило положение массы земледельческого населения, которое искало дополнительных заработков на заводах и фабриках.

Принятая покровительственная таможенная система, способствуя развитию отечественной фабрично-заводской промышленности, в то же время для населения, занятого земледельческим трудом, удорожала в значительной степени нужные ему фабрикаты и изделия. Так, имеются указания, что наши заводы продавали железные изделия дороже на один рубль за каждый пуд, сравнительно с теми же изделиями в Силезии. По исчислению, приведенному в отчете по министерству финансов[62], если бы был разрешен ввоз мануфактурных изделий из-за границы, то покупка населением мануфактуры иностранного производства обошлась бы на сто с лишком миллионов руб. в год дешевле. Выписка дешевых и прочных земледельческих орудий, пока производство их не наладилось в России, тоже облегчила бы земледельческую Россию.

Но одним из самых тяжелых последствий принятия нашим правительством (почти запретительной для разных заграничных изделий) таможенной системы было ответной со стороны немцев возвышение пошлины на вывозимый нами за границу хлеб, что понизило цены на этот главный, производимый земледельческим населением, продукт. При невозможности для земледельческого населения обойтись без продажи хлеба, даже по низкой цене (требовалось найти деньги на уплату податей и покупки не производимых населением продуктов), производительность земледельческой деятельности настолько понизилась, что не стала покрывать затраченный на эту деятельность труд.

Только в период с 1892 по 1904 год[63] государственные займы, главным образом для постройки железных дорог, составили 2 млрд руб., а платежи по всему государственному долгу

приблизились к 300 млн руб. в год. Эта уплата вместе с быстро возраставшими потребностями по всем министерствам вызвала ряд мер, принятых министерством финансов для увеличения государственных доходов. *Эти меры соображались с потребностью в деньгах, но не с платежной способностью населения.* Население платило, но экономически не развивалось. Главная масса вновь установленных платежей снова легла наибольшей тяжестью на земледельческое население России.

Повышение налогов начинается с 1887 года. Несмотря на то, что ежегодно стали оказываться в государственном казначействе значительные, превышающие в год 200 млн руб., остатки, тяжелое обложение населения не уменьшается.

Самые скромные требования министерства земледелия иногда отвергались и в то же время на поддержку разных начавших шататься скороспелых промышленных предприятий выдавались ссуды десятками миллионов руб..

Быстро построенная правительством сеть железных дорог обошлась чрезмерно дорого; выкуп в казну частных дорог произведен без тщательной оценки действительной доходности этих путей. Неумелая и неэкономная эксплуатация железных дорог увеличивала государственный долг, вызывала огромные государственные расходы и отвлекала внимание и средства государственной власти от сельского населения, наиболее нуждавшегося в быстрой помощи.

Проложение новых железных дорог без создания сети подъездных путей, улучшения грунтовых, прокладки шоссейных, без улучшения многих важных водных путей привело к тому, что земледельческое население России, неся бремя уплат по неудачно поставленному железнодорожному хозяйству, в то же время не могло воспользоваться всеми выгодами, которые должны были представлять эти железные дороги. При неустроенности подъездных путей стоимость провоза зерна и других продуктов к ближайшим железнодорожным станциям в иных местностях обходилась так дорого, что обесценивала хлеб и другие продукты земледельческого труда.

В результате финансовой политики нашего правительства за последние 15 лет прошлого столетия и первые годы настоящего столетия (до войны) промышленное развитие России сделало очень большие успехи, но земледельческое население *центральной России* не только не выиграло от одностороннего направления этой политики, но лишь пострадало.

Воля государя императора АлександраIIIтребовавшего «развить материальные силы русского народа», по отношению к коренному русскому населению не была выполнена

На основании вышеизложенного относительно внутреннего положения России к концу XIX века можно сделать следующие выводы:

Бюрократизм в России к концу XIX века получил чрезмерное развитие и значение. Заменив национальную политику во внешних делах политикой общеевропейской, в России и внутреннюю политику вели без соображения с национальными нуждами, без соображения, *прежде всего, с нуждами русского племени.*

Бюрократы-западники получили решительное влияние не только на ход внешних, но и на ход внутренних дел России.

Сила бюрократов-западников оказалась так велика, что даже самодержавная власть не могла изменить данное ими направление внутренним делам России.

Результат работ бюрократов-западников в России к концу XIX века может быть изображен следующим образом:

1) Россия в XIX столетии, хотя и в несравненно меньшей степени, чем наши западные соседи, подвинулась вперед в культурном отношении. В Европейской России проложена сеть железных дорог. Железные дороги связали Среднюю Азию и Сибирь с центрами России. В

особенности большие успехи сделала в последние 15 лет прошлого столетия фабрично-заводская промышленность в России. Сельскохозяйственная деятельность окраин России, западной и южной, получила сильное развитие с применением усовершенствованных способов обработки земли.

Большое число вновь основанных университетов, гимназий и других учебных заведений стало быстро увеличивать интеллигентный слой в России, не сообщая ему, однако, патриотического направления.

Бюджеты выросли в огромной степени, но бюджетное благополучие было так велико, что в последние годы XIX столетия оказывались остатки (свободная наличность) свыше 200 млн руб. в год.

2) При несомненном росте достатка у населения окраин, при росте некоторых промышленных предприятий население коренной России к концу XIX века не только не улучшило своего экономического положения, но ухудшило его.

«Оскудение центра» стало явлением несомненным. Великорусская народность, приложившая наиболее сил к созданию России, нашими бюрократами-западниками была забыта в их устроительной работе по европейским образцам.

3) Население белорусское и малорусское в течение XIX столетия не было освобождено от духовного и экономического гнета со стороны инородцев.

4) Окраинное население, побежденное силой русского оружия, к концу XIX столетия пользовалось в некоторых отношениях большими правами, чем русское племя. Русские в Финляндии и в балтийских провинциях пользуются меньшими правами, чем финляндцы и немцы. Русское население в балтийских провинциях было лишено поддержки правительства и очень отстало в культурном отношении не только от немцев, но и от латышей и эстонцев.

Централизация всех дел в Петербурге и опека бюрократами разных отделов государственного хозяйства повели к обезличению властей на местах и принижению личной предприимчивости населения.

5) Бюрократы взяли в свои руки ведение огромных хозяйств: железнодорожного и по продаже питей. Первое идет плохо, но продажа питей процветает за счет ослабления в тревожной степени сил и здоровья, главным образом, русского населения.

6) Пользуясь ослаблением русского племени, на него начали наступление иноземцы и инородцы, и к концу XIX века многие богатства России оказались в их руках.

7) Требование императора Александра III перейти к русской национальной политике, поставив задачей: «Россия для русских», выполнено не было.

8) Сепаратные стремления различных народностей, даже незначительных, возросли к концу XIX века, и им не оказывалось необходимого отпора.

Последствия ослабления русского племени

В предыдущей главе изложено, какие испытания выпали на долю русского племени и какие труды и жертвы пришлось этому племени принести в работе по сбору и укреплению русской земли. Было изложено, что уже в конце XVII века население России крайне нуждалось в перерыве внешней деятельности его и сосредоточении усилий правительства на внутренней, устроительной работе. Но в XVIII веке, ввиду еще не законченных исторических задач России по объединению русского племени и выходу к морям Балтийскому и Черному, этого перерыва нельзя было дать.

Отдых от внешних предприятий был невозможен и потому, что наиболее сильные в то время из соседей — шведы — сами перешли в наступление. Почти все XVIII столетие русскому народу и войску пришлось вести упорную борьбу с многочисленными врагами, и, хотя эта борьба была закончена с полным успехом, население России к концу XVIII века пришло в расстройство. Внутреннее положение страны стало неспокойным, что и выразилось многими бунтами, в том числе Пугачевским. Но с внешней стороны Россия находилась в безопасности. Начавшееся во Франции революционное движение отвлекло внимание европейских держав к западу, а ближайший враг России — турки — был побежден и ослаблен. Грозная своими победами русская армия, стоявшая в ту эпоху на уровне лучших армий Европы, могла дать России полное спокойствие: на нее нападать не решились бы. Казалось, обстановка складывалась исключительно благоприятно, чтобы, по достижении в XVIII столетии своих исторических задач, русское население, истощенное принесенными им жертвами, наконец передохнуло и занялось своими внутренними делами, главным образом по увеличению своего достатка.

В главах XX и XXVIII изложено, по каким причинам русскому племени не удалось отдохнуть и собраться с силами и в XIX столетии: окончив в конце XVIII столетия выполнение своих исторических задач, Россия была привлечена к исполнению новых задач по устройству, успокоению и усилению разных государств Европы и освобождению христианского населения Балканского полуострова от власти турок. Войны, веденные Россией для достижения этих целей, не связанных с русской национальной политикой, а также необходимые для России войны для завоевания Кавказа и Средней Азии и войны внутренние в Польше — и в XIX столетии тяжело легли на население России и замедлили культурный рост его.

Кроме усмирения польского мятежа 1863—1864 года и 64-летней войны на Кавказе, Россия в течение XIX века вела 18 войн и кампаний.

Расходы, вызванные веденными Россией в XIX столетии войнами, должны составить несколько миллиардов руб.. Только последняя война с Турцией в 1877—1878 годах стоила свыше одного миллиарда руб. За неимением необходимых денежных средств внутри страны, производились займы, и рос государственный долг России.

В течение XIX века происходило расширение пределов России на Кавказе, в Средней Азии и в Финляндии. Эти новые окраины, равно как и ранее присоединенные: польские, балтийские, а также южные местности России приходилось устраивать и охранять.

Русскому племени свойственно отсутствие гордости перед побежденным, великодушие, отсутствие подозрения и недоброжелательства к нему. Правительство, пользуясь этими качествами русского племени, не только не извлекло из завоеванных русской кровью местностей ресурсов для возмещения русскому племени хотя бы части принесенных им жертв, но наоборот для устройства завоеванных окраин извлекало средства из того же ослабевшего русского племени. Окраины долго приносили убыток, пополняемый из тощего кармана русского

жителя.

Различные льготы, в том числе и освобождение от воинской повинности, без установления соответствующего военного налога, ставили покоренное население окраин в привилегированное, сравнительно с русским населением, положение и способствовали экономическому и культурному развитию инородческого элемента в России.

Быстрое развитие, особенно в последнюю четверть XIX века, численности постоянной армии, развитие флота, устройство крепостей вызывали быстро растущие огромные расходы и отвлекали от мирного труда все большее число рук.

Необходимость поддерживать спокойствие населения на окраинах требовало содержания в них значительного числа войск. Но, когда Россия стала лицом к лицу с силами тройственного союза, оказалось, что вследствие нашей культурной отсталости сеть железнодорожных путей была так мало развита не только сравнительно с сетью дорог в Германии, но даже в Австрии, что в случае войны наши передовые войска на западной границе были бы атакованы превосходными силами, ранее подвоза к ним подкреплений. Пришлось еще в мирное время передвинуть значительное число войск из внутренней России в западные округи.

Такое перемещение оказалось чрезвычайно выгодным для населения окраин. В особенности много выиграло польское население поставкой для многочисленных войск продовольственных и иных запасов. Местности внутренней России, откуда вывели войска, напротив того, пострадали в экономическом отношении.

Финансовая политика России, несколько раз в течение XIX столетия менявшая направления, не способствовала подъему благосостояния массы русского населения. Пережитый Россией переход от хозяйства с крепостным трудом к хозяйству с вольнонаемным трудом, а также деятельность освобожденных крестьян при общинном владении землей сопровождались серьезным потрясением сельскохозяйственной деятельности русского населения.

Дворяне-землевладельцы в массе не могли приспособиться к новым условиям и по многим причинам, в том числе и независящим от них, стали получать настолько мало доходов с земли, ранее их кормившей, что потеряли веру в эту землю и стали продавать ее в размерах, грозящих дворянскому землевладению уничтожением.

Крестьяне тоже при новых условиях труда на общинной земле оказались недостаточно обеспеченными.

Финансовая политика последних 15 лет прошлого столетия, направленная почти исключительно на развитие заводско-фабричной промышленности в России и на постройку железных дорог, как изложено выше, не способствовала улучшению экономического положения русского населения центрального района. Напротив того, угнетенное экономическое положение этого населения — *оскудение центра* — многими исследователями рассматривается как результат ошибочной, односторонней финансовой деятельности нашего правительства. Недостатки нашей финансовой политики, игнорировавшей интересы главной массы русского населения, начинают внушать опасения и за границей.

Недавно в «La Revue» г. Фино делает заключение, что Россия не может обойтись без новых займов, но не должна и практиковать более применяемую ей до сих пор систему беспорядочных займов, тем более, что такая система недопустима для кредиторов России. По подсчету автора, России понадобится еще до 20 млрд франков. Эти деньги, по мнению г. Фино, и могли бы дать капиталисты Франции и Англии, но только в том случае, если бы существовала уверенность, что такие деньги пойдут на восстановление военной мощи и экономических сил страны.

«Не видя других средств остановить это падение по наклонной плоскости, г. Фино считает, что необходимо выработать *систему совместного контроля над Россией со*

стороны Англии и Франции.

Если этого не будет сделано, то для Франции окажется более удобным просто прекратить свой русский текущий счет»[64].

Заселение окраин, особенно Сибири, производилось в значительной степени за счет обедневшего населения центральных местностей России и вместе с другими причинами, в том числе и недоеданием, приостановило возрастание русского населения в коренных русских губерниях. В результате этих сложных причин, действовавших особенно сильно в течение XIX столетия, *русское население, создавшее Россию, настолько ослабело, что оказалось не в силах энергично противиться обратному завоеванию богатств России иностранцами и инородцами, происходящему в настоящее время.*

Из приведенных выше мнений исследователей экономического положения России напомним следующие, наиболее важные: Д. Менделеева о средней народной бедности России, составляющей основную причину наших бед. Мнение Шванебаха о том, что «самый неотразимый и тревожный симптом упадка центра — это слабое, граничащее с застоем, движение прироста населения центральных губерний». В. Литвинова-Фалинского: «наличие упадка нашего центра не подлежит никакому сомнению, коренное русское население слабеет, пораженное немощностью». В. Гурко: «место русского купца все более и более занимается евреем, а промышленность почти всецело сосредоточена в иностранных руках. Русские капиталы тают и все более переходят в иноземные руки».

Переход богатств России в чужие руки. Наступление на русское племя инородцев и иноземцев

Вопрос о переходе богатств России из русских рук в руки иноземцев, инородцев и евреев так серьезен, что требует всестороннего изучения. Я не располагаю ни необходимыми для этого изучения материалами, ни достаточной опытностью, чтобы безошибочно разобраться среди них. Но и те фактические данные, которые приводятся в последнее время в текущей прессе, должны встревожить правительственную власть и вызвать быстрые меры, чтобы прийти на помощь русскому племени.

В Крыму соляное дело захвачено в руки французско-голландским синдикатом. Этот синдикат искусственно прекращает разработку соляных богатств с целью увеличить цену на соль[65].

Значительная часть богатств Урала уже перешла в руки иностранцев, особенно англичан. Было известие, что они ведут переговоры о покупке на Урале Невьянского горного округа.

Мальцевские и Шиповские заводы в упадке и тоже могут перейти в иностранные руки. На юге России, в развившейся заводской промышленности, участие иностранцев очень велико.

Иностранцы начали овладевать нашими богатствами и в Сибири. Англичане скупили большую часть акций Ленского золотопромышленного общества и постановили не выдавать дивиденда, чтобы побудить русских владельцев остальных акций продать их.

На северном побережье, в том числе на Мурмане, рыбный промысел в руках норвежцев. В их же руках значительные звериные промыслы.

Каменно-угольное дело на юге России тоже уходит из русских рук.

В статье «Промышленность и торговля» (1909 год), помещенной в газете «Новое время» от 2 января сего года, значатся следующие сведения: вследствие деятельности иностранных

обществ и их соперничества возможна временная гибель на Урале целого железнодорожного района. И без того уже на Урале остановилось производство на десятках таких заводов, как заводы *Строганова, Демидова.* К экстренным ссудам должны были прибегнуть такие крепкие заводы, как Верх-Исетские.

Для борьбы с действующими и возникающими левиафанами промышленности со стороны потребителей имеется один только союз земств по покупке и продаже железа. Не мудрено, что при таком положении вещей за истекший год иностранцы сделали много мирных завоеваний в русской стране. Что южно-русская железоделательная промышленность находится в руках бельгийских и других иностранных капиталистов — это факт общеизвестный.

В 1909 году в руки иностранных капиталистов перешли заводы Каштымские, Сысертские. Шли слухи о покупке англичанами Невьянских заводов, платиновых приисков, Нижне-Тагильских заводов. Перешли в иностранные руки Сергинско-Уфалейские. Платиновое производство попало в полное подчинение иностранному синдикату. Англичане искали золото в Березовском уезде. На Дальнем Востоке (около бухты Ольги) хозяйничают американцы. Насколько выгодны захваты русских предприятий, можно судить по Ленскому золотопромышленному товариществу, давшему в 1909 году возможность очистить до 25 % дивиденда на вложенный капитал.

На Дальнем Востоке давно хозяйничают иностранцы. За последнее время японцы усиленно захватывают в свои руки рыбные ловли на побережье, на Камчатке и в устье р. Амура. Горные богатства около бухты Ольги в руках немцев. Часть горных богатств Камчатки — в американских руках. Копи Черемховского угольного района переходят в руки французских капиталистов[66].

Во Владивостоке, несмотря на указания правительственной власти, на рыбные промыслы набираются не русские, а туземцы. Председатель местного комитета по рыболовству нанимает на свои рыбные промыслы в устье р. Анадыри массу инородцев, когда по закону на каждом рыболовном участке не может быть более 6 инородцев и то в качестве инструкторов.

У графа Кейзерлинга, получившего концессии рейсов на север (в Охотское море), все высшие служащие — немцы, англичане, датчане, норвежцы, а низшие служащие — японцы, китайцы, корейцы. Русские концессионеры разных предприятий тоже качали менять русских рабочих на инородцев.

Автор, корреспондент из Владивостока, сообщающий эти данные, объясняет предпочтение инородцев перед русскими тем, что туземцев «легче обидеть и надуть», чем русских рабочих[67]. Он же прибавляет, что в одном Владивостоке в 1909 году было свыше 1000 человек русских людей, искавших работы.

Крупная торговля Владивостока в руках американских и немецких фирм.

В Нерчинском золотопромышленном районе китайцы вытесняют русских рабочих.

Из племен, проживающих в России, наиболее эксплуатируют ослабленное русское племя евреи, а за ними следуют поляки и немцы.

Евреи

Евреев по переписи 1897 года находилось в России пять миллионов. По отношению ко всему населению России они составляют около 4 %, а в губерниях вне черты еврейской оседлости — всего один процент. Несмотря на такое незначительное количество, евреи по своим прирожденным качествам, захватив в свои руки значительные денежные средства и

получив в русских учебных заведениях знания, начинают играть все более важную роль в России. Ныне в их руках значительная часть торговли в России, в их руках часть прессы, они проникают во все профессии. Несомненно, что и между евреями встречаются в высокой степени достойные уважения личности. Но в общем они отличаются крайней неразборчивостью в средствах для достижения целей, главное же из них — подкуп. Они же умеют с необычайным искусством обходить закон. Путем установления изъятий, подкупа и обхода закона евреи давно разрушили черту еврейской оседлости, и уже свыше одного миллиона душ поселилось в губерниях вне черты еврейской оседлости.

Нельзя не признать, что всевозможными попустительствами русское правительство само способствовало проникновению евреев за черту еврейской оседлости и захвату ими огромной роли в русской торговле и связанных с ней посреднических операциях.

Прежде всего, заслуживает упоминания вопрос о захвате евреями хлебной промышленности. Существуют фактические данные, что этот важнейший для всей России промысел ныне почти весь перешел в руки евреев. Опираясь на еврейские банки, имеющие кредит в государственном банке, евреи с каждым годом завоевывают на хлебном рынке все новые и новые позиции.

В 1896 году в Петербурге была открыта Калашниковская биржа для хлебных операций. Но ныне дела русских хлеботорговцев стали уменьшаться. В трактирах-биржах нахлынувшие в Петербург с торговыми целями евреи, заручившиеся профессиями врачей, дантистов, инженеров, лесоводов, мыловаров, портных, занялись хлебной торговлей. Большая часть хлебного экспорта из Петербурга уже в еврейских руках. В самой столице русские булочники заменяются еврейскими. Огромное дело Филиппова перешло к администрации, во главе которой стоит еврей; все поставщики — евреи, рабочие — русские. Единственный печатный орган по хлебному делу издается евреем[68].

В горячей статье М. Меньшикова[69] «Превращение хлеба» указывается, что каждый продавец зерна опутывается еврейской паутиной. Все барыши достаются еврею, а не земледельцу. Зерно до портов доходит чистым, а там всыпают в него целые вагоны всякой дряни для увеличения количества и веса.

Важное лесное дело по р. Западной Двине и вывозу леса из Риги ныне в еврейских руках. Важное льняное дело в Псковской губернии тоже попало в руки евреев. Их главная штаб-квартира по льняному делу — Витебск. Торговля лесом в северном районе в значительной степени в еврейских руках. В прошлом году огромное рыбопромышленное предприятие в устье р. Амура г. Надецкого перешло из русских рук в еврейские[70].

Торговля в Одессе, Варшаве, Киеве и многих других городах главным образом в руках евреев. Вторжение их в Москву и Петербург идет непрерывно.

В Нижнем Новгороде, важном торговом пункте для всей России, был назначен второй всероссийский съезд комиссионеров. На съезд явилось 205 человек, из них 149 евреев, 32 человека назвали себя немцами и только 24 человека оказались русскими.

В корреспонденции от 13 августа 1909 года в газете «Новое время» указано, что при участии представителя от русского консульства в Константинополе состоялось открытие местного отделения *русского* банка для внешней торговли. Главными директорами назначены два еврея. Персонал старших служащих состоит сплошь из евреев.

В корреспонденции в той же газете из Шанхая от 15 июля указывается, что основанный там русско-китайский банк шаг за шагом теряет свое значение. В общежитии учреждение это переименовано в франко-еврейский банк.

Главная и самая многочисленная часть так называемой русской колонии в Шанхае, да и в

других портах Дальнего Востока, состоит из евреев — русских подданных, содержателей кабаков и притонов, торгующих живым товаром.

Финансовым агентом в Токио служит еврей Виленкин[71].

Обходя во многих случаях закон, евреи являются крупными землевладельцами и лесопромышленниками. В Торопецком уезде Псковской губернии значительная часть помещичьих земель попала в еврейские руки. Вся торговля лесом в уезде в их руках.

В соседнем Холмском уезде евреи тоже усаживаются прочно и играют видную роль в торговле лесом. Еще недавно наиболее обширное имение во всем уезде «Краснополец» (бывшее графа Кушелева-Безбородко, с домом-дворцом постройки Растрелли) перешло в еврейские руки. В Туркестане в хлопковой промышленности евреи играют видную роль.

Нефтяное дело в Баку попало в руки еврея Ротшильда и шведа Нобеля. Не довольствуясь завоеванием Баку, эти нефтяные короли решились завоевать и главную русскую реку — матушку Волгу.

Вот что по этому вопросу пишет г. Гофштеттер в корреспонденции «Грядущая кабала»[72].

«Мелкое пароходство по Волге гибнет. В результате стачки крупных нефтяных королей, вызвавшей значительное подорожание нефти, пароходовладельцы работали два года без барышей. Барыши ушли в карманы Нобеля и Ротшильда. Новый подъем цен убил пароходовладельцев. Многие тысячи лиц потеряли заработок и потянулись на переселение с Волги на Амур. Волга, служившая так долго кипучей ареной свободной русской предприимчивости, — разрушается. Без пособия от казны на Волге работали огромные русские предприятия, а теперь царит мерзость запустения. И это сделало правительство, поощряя крупные нефтяные фирмы, покровительствуя их монополии. Монополия Нобелей и Ротшильдов стала хищнической и обратила всех русских промышленников в бесправных данников нефтяных королей. Эти короли получили страшную власть: по произволу, по прихоти, по жестокому капризу разорять целый край; пускать с сумой целые сотни тысяч людей, кормившихся трудами рук своих.

На смену старой на Волге народилась новая, абсолютная, бесконтрольная власть нескольких иностранцев, ничем не связанных с местным населением. Эта власть по произволу налагает на все продукты потребления налоги. Это иноплеменное закабаление России».

Евреи не только захватывают торговлю в свои руки, но скупают землю, ремесленные заведения, мукомольни. Добрались даже до рыбных промыслов. Явились евреи и в Псковской губернии как рыболовы в озерах. Но там, где им были сданы в аренду воды, они в несколько лет, употребляя особого устройства мережи, выловили почти всю рыбу, обесценили рыбные промыслы и лишили население рыбы.

Постройка Бологое-Седлецкой дороги, Московско-Виндавской и других вызвала движение евреев вдоль этих линий с целью эксплуатации оседлых пунктов, лежащих на линии, и окрестного сельского населения.

Старинные русские города Торопец и Великие Луки, после проведения вблизи них железных дорог, стали наполняться евреями. В настоящее время по движению на улицах евреев можно подумать, что Торопец и Великие Луки находятся в черте еврейской оседлости. По субботам значительное число лавок в этих городах закрыты. То же происходит и с другими старинными русскими городами.

Но где евреи перебивают дорогу русским, это в учебных заведениях. Правдами и неправдами они добились, составляя только один процент всего населения в губерниях вне черты еврейской оседлости, в пять раз больших прав на поступление во все учебные заведения (кроме столиц), чем русское население, а ныне, совершенно неожиданно, их права увеличены вдвое и относительно получения среднего и высшего образования. Начиная с 1910 года, *евреи*

будут поставлены в городах вне черты еврейской оседлости в положение, в десять раз более благоприятное, чем русское население. Во многие же технические и художественные заведения прием евреев будет производиться без всяких норм.

Таким образом, два главных фактора для дальнейшего порабощения русского племени евреями — деньги и знания — обеспечены за ними: деньги они сами себе обеспечили, а знания обеспечивает для них русская бюрократия.

Поляки

По последней переписи поляков в России считалось 8160 тыс. человек. Из них в польском крае проживало 6700 тыс. человек, в западном и юго-западном крае — 1 млн человек и в остальной России полмиллиона душ. Несмотря на относительную малочисленность поляков в западном и юго-западном краях, поляки занимают господствующее положение в материальном и духовном отношениях. Малороссийское и белорусское население, объединенное с русским еще в XVII и XVIII столетиях, до сих пор было недостаточно защищено от эксплуатации поляками и евреями.

Северо-западные и юго-западные губернии с русским населением свыше 20 млн душ находятся в значительной степени в руках поляков, составляющих менее 1 млн, и евреев около 3 млн душ. Поляки и ополяченные русские владеют громадными пространствами земли и, будучи богаче и культурнее русского населения края, держат его в зависимости.

Западные польские губернии, в значительной степени за счет русских сил и средств, превзошли в настоящее время русские губернии в сельскохозяйственном и промышленном развитии.

В 1909 году в газете «Новое время» был приведен расчет, по которому в 1896 году русской казной израсходовано по военному ведомству, вследствие скопления войск, в губерниях бывшего Царства Польского 36 млн руб.; в то же время на 6 русских центральных губерний[73] — 14 млн руб. Излишек в один год в 21 млн руб. остался в руках польского населения. Между тем численность населения в рассматриваемых 6 польских губерниях — 11 млн, а 6 русских — 15 млн душ. Эти цифры указывают с большой наглядностью одну из причин процветания окраин и оскудения центра.

Но если польское население культурнее русского, то в свой очередь оно отстало в культурном отношении от немцев. Этим немцы и воспользовались, перенеся весьма умело в Польшу, особенно на левый берег Вислы, свои капиталы, знания и опыт для развития промышленности. В польских губерниях немцев по последней переписи уже свыше 400тыс. чел., в том числе в одной Петроковской губернии — 150 тыс. Немцы теснят поляков с запада, а поляки, в свой очередь, подвигаются к востоку, наступая на русские губернии.

Кроме поляков северо— и юго-западного края собственно во внутренней России, Сибири, Кавказе и Туркестане по последней переписи уже проживало 500 тыс. поляков. В последнее время приток их в Россию увеличивается, и они начинают усиливать свой деятельность по эксплуатации великорусского племени, проникают во многие сферы деятельности русского народа и оспаривают с успехом его заработки. Широко воспользовавшись возможностью получать высшее и среднее образование, поляки, особенно по министерствам путей сообщения и отчасти юстиции, начинают вытеснять русских, что не может не тревожить. Я не разумею при этом поляков, которые стали считать Россию своей родиной, а русский язык своим родным языком — это наши братья, но разумею поляков, которые демонстративно сохраняют свой язык;

даже в служебных сношениях демонстративно громко говорят, внутри России, по-польски в буфетах, на платформах железных дорог. Я разумею поляков, для которых Россия враг, разумею поляков, продолжающих еще мечтать о Польше «от моря до моря». Прием таких поляков на службу на русских железных дорогах, в судебное и другие ведомства — большая ошибка. Мы уже поплатились за доверие к таким полякам, особенно на Забайкальской и других железных дорогах в 1905 году.

Немцы

Попоследней переписи в России проживало 2150 тыс. немцев. Из них в балтийских провинциях проживает всего 170 тыс. немцев. Остальные немцы делятся на две группы. Первую составляют потомки немцев, поселившихся в России главным образом в XVIII столетии в качестве колонистов и разных мастеров. Вторую группу составляют немцы, поселившиеся в России во второй половине XIX века. Особенное внимание правительства должна заслуживать последняя группа немцев, недавно переселившихся из Германии.

Даже обязательство принимать русское подданство не приблизило их к русским, потому что германское правительство сохранило, по-видимому, за ними право одновременно считаться и германскими подданными. Переселение этих немцев в Россию совершалось по определенному плану и с поддержкой с родины. Занимаясь в Польше главным образом промышленной деятельностью, немцы в юго-западном крае явились преимущественно земледельцами и основали многочисленные селения даже в местностях, имеющих серьезное военное значение. В случае войны с Германией немецкое население западной части России окажется настолько чуждо России, что рассчитывать не только на его содействие в народной войне, но даже на спокойствие не следует. Несомненным представляется, что большее число немецких запасных нижних чинов или быстро исчезнет в Германию для поступления в состав германских войск или, что еще хуже, будет мобилизировано на местах жительства для ведения малой войны, порчи дорог, уничтожения запасов, нападения на транспорты.

Заслуживает особого внимания то, что ежегодный прирост населения в Германии составляет 600 тыс. человек, и ныне германское правительство сдерживает переселение в Америку, а направляет переселенческую волну на юг и восток. Это явление отмечается как один из видов наступления германизма на славянство. Отличаясь значительно большей культурностью, чем русские, немцы, кроме того, превосходят их сплоченностью, дисциплиной, взаимной поддержкой, привычкой к порядку. Их работа оказывается производительнее по меньшему числу праздников и более равномерному, чем у русских, употреблению спиртных напитков. При этих качествах, особенно в промышленной деятельности, не только средние и высшие, но и младшие должности попадают в руки немцев. Эксплуатация немцами труда русского человека и естественных богатств русской земли все увеличивается. Надвигаясь на западные местности России, немцы распространяются и по другим окраинам России. Особенно привлекает их внимание Кавказ, где немецкое население составляет уже 60 тыс. человек. Из них только в Кубанской области свыше 20 тыс. немцев. В Закавказье немцев 17 тыс. человек (почти столько же, сколько малороссов). В Сибири — 11 тыс. человек, в Туркестане — 4 тыс. человек. В подмосковских губерниях (Тульской, Калужской, Владимирской, Смоленской, Тверской и Московской) немцы (26 тыс. человек) более, чем в два раза, превосходят числом малороссов.

В очень большом числе случаев немецкое население России, не занятое земледелием, занимает командное по отношению к русским рабочим положение. Те из этих немцев, которые

прочно сольются с русской народностью, только усилят ее, но те немцы, которые кормятся в России, наживают состояния и в то же время своей родиной считают Германию, усилить русское племя, очевидно, не могут.

О наступлении на русское племя немцев из завоеванных нами балтийских провинций напоминать нечего. Они наступают уже скоро два века. С легкой руки Бирона большое число балтийских немцев занимали и занимают высшие места в государстве. Масса немцев особенно из тех, что поселились в России еще в конце XVII и XVIII столетий, уже давно обрусели, приняли православие, забыли немецкий язык, переженились на русских и только по фамилии можно угадать их нерусское происхождение. Даже между славянофилами выделяются Гильфердинг, Миллер. Многие из балтийских немцев доблестно служили и теперь еще служат в России, считая ее своей родиной. Этот немецкий элемент желателен и полезен, ибо такие немцы вносят в порученные им дела порядок, точность и деловитость. Но много немцев занимают высокие служебные посты в России, относясь пренебрежительно к России и всему русскому, сохраняют в семье немецкий язык и избегают вести знакомство с русскими.

Многие из таких немцев отличаются большой династической преданностью, но, не стесняясь, заявляют, что они служат русскому Государю, но не России. Такие немцы, очевидно, вредны для России.

Из других менее значительных по численности народностей упомяну об армянах и латышах.

Армяне по своим способностям к торговле могут соперничать с евреями. Не довольствуясь огромной ролью в торговле на Кавказе, армяне перенесли свой деятельность на юг России и в Туркестан. В этот последний край, завоеванный русской кровью, армяне начали проникать в большом числе, захватывая в свои руки торговлю, внутреннюю и внешнюю, и отчасти хлопковое производство. Торговля Закаспийского края с Персией главным образом в армянских руках. Торговля г. Асхабада тоже в их руках.

Нефтяное дело на Кавказе в значительной степени в армянских руках. Многие рыбные промыслы на Каспийском море тоже давно перешли в армянские руки.

Латыши и эсты в последнее время отдельными семьями начали, продавая свои участки на родине, переселяться преимущественно в губернии Петербургскую, Новгородскую и Псковскую. В этих губерниях по последней переписи их (вместе с литовцами) считалось 33 тыс. душ. Проживая в Псковской губернии, мне приходится близко наблюдать переселение и устройство латышей и эстов в Холмском уезде Псковской губернии. В волости, в которой я живу, уже основалось довольно большое число латышских фермерских хозяйств на землях, приобретенных покупкой от землевладельцев-дворян.

Нельзя не признать, что среди крестьянских деревень с примитивным хозяйством латышские хозяйства представляются до известной степени культурными оазисами. Постройки просты, но в порядке, скот и лошади лучших сортов и лучше содержаны, чем у крестьян, молочное хозяйство ведется при помощи сепараторов. Система хозяйства многопольная. Посевам кормовых трав, главным образом клевера, отведено видное место. Трепка льна не так примитивна, как у крестьян. Работают парными плугами, железными боронами[74], есть веялки. Убирают овес особыми косами. Разведены огороды и заводятся сады.

Земледельческие продукты латыши сбывают, в общем, по лучшим ценам, чем крестьяне. К земледельческой деятельности латыши и эсты прибавляют в нашей же местности другие промыслы: каменщиков, печников, садовников.

В волости, о которой я пишу, лавку при нашем погосте содержит латыш, лавочку при волостном управлении содержит также латыш. Мельница — в аренде у латыша. Садовники у меня в имении и в имениях соседей — латыши, печник — латыш; при постройке школьных зданий в нашей волости подрядчик латыш, все местные жители.

Несомненно, что это пришлое в Псковскую губернию население культурнее русского. Они лучше одеты, не пьянствуют, не имеют много праздников, очень трудолюбивы, хорошо говорят по-русски, грамотны и более умелы в сельском хозяйстве, чем русские. Там, где наши, не только крестьяне, но и землевладельцы из дворян не могут прокормиться с земли, латыш кормится и расширяет свое хозяйство.

Между тем природные способности у русского племени не только не ниже, а выше, чем у латышского или эстонского.

Как же это так случилось, что латыши оказались культурнее русских?

Н. Бунге объясняет это следующим образом:

> «Относительно эстов и латышей правительство при императоре Александре II придерживалось прежней, ошибочной политики. Вместо того, чтобы при борьбе между этими народностями и немецким дворянством проводить русские начала и русский язык, правительство заботилось *о пробуждении народности эстов и латышей* и о создании из них более интеллигентного класса, в противоположность немецкому. С этой целью оказывалось покровительство всякому умственному и общественному движению между эстами и латышами, приветствовалось появление газет на местных языках, образование эсто-латышских обществ, кружков и т. д. Правительству казалось, что таким образом немецкое влияние на народ будет ослаблено, что симпатии последнего склонятся на сторону России. На деле, однако же, пробуждение в эстах и латышах народного духа, антипатичное для немецкого дворянства, оказалось противным общим государственным интересам».

Надо к этому прибавить, что латыши у себя на родине очень умело организовали сельскохозяйственные общества, склады земледельческих орудий, и эти общества располагают теперь весьма значительными денежными средствами.

Очевидно, что если бы правительство употребило столько же усилий к «пробуждению», скажем, псковского или иного крестьянина, для которого латыш ныне является примером, то эти русские крестьяне в таком примере уже не имели бы нужды.

В то время как русское правительство принимало меры к развитию латышей и эстов и достигло этой цели, русское население в прибалтийских губерниях, жившее среди немцев, латышей и эстов в этих губерниях, было совершенно забыто. В корреспонденции из Риги[75], под заглавием «Забытые люди», между прочим указывалось, что: русские деятели на прибалтийской окраине забыли тех, кого должны были *помнить в особенности,* — русских людей, численностью равных немцам в этих губерниях—забыли 160 тыс. русских, «Разбросанное в нескольких группах русское население коснело в невежестве».

В так называемом Московском форштадте в Риге проживает до 30—40 тыс. русских. За все время управления русским правительством прибалтийским краем для этих 40 тыс. было устроено четыре низших школы. В Иллукском уезде многочисленные старообрядцы не имели ни одной школы.

Таким образом, победители края — русские, которые *должны были занять первое место в крае,* не только были поставлены ниже побежденных немцев, но и ниже латышей и эстов.

Малое попечение о русских в прибалтийских губерниях привело к тому, что их стали теснить местные жители других племен.

Вот что значится в корреспонденции под заглавием «Русское землевладение в Эстляндской губернии».

В Везенбергском уезде живет 4 тыс. русских на 140 тыс. эстов. Русские осели *с*

незапамятных времен на р. Нарове и по Чудскому озеру в местностях, орошенных русской кровью еще при Александре Невском. Русские занимаются рыболовством и сплавом леса.

За последнее время эстонцы начали теснить наших рыбаков. Министерство земледелия сдало казенное имение в аренду не русским людям, а немцу. Этот арендатор-немец отдавал рыбные ловли в аренду русским.

Эстонцы потребовали у русских, чтобы они отказались от аренды, грозя в противном случае убийством. Русские не обратили на это внимания. Но эстонцы сдержали свое обещание: во время закидывания сетей один из русских рыбаков был убит выстрелом из-за камыша. То же повторилось и на следующее лето. Следствие, как это, к сожалению, бывает слишком часто в деревне, виновных не открыло. Русским пришлось бросить кормивший их промысел.

В той же корреспонденции указывается, что Министерство земледелия предполагает раздавать в Везенбергском уезде казенные дачи общим размером в 2 тыс. десятин, но из них на долю русских, нуждающихся в земле, предположено выдать только 350 десятин[76].

Жители Финляндии финны и шведы долгое время были желанными членами русской военной семьи. Из них выходили отличные офицеры в малых чинах. Особенно они выделялись своей исполнительностью, усердием и знанием службы в прежних стрелковых батальонах. В военное время это были очень мужественные, хладнокровные воины. Неудачная и опасная в государственном отношении мера — формирование обособленных от русской армии финских войск — повела к тому, что прилив финляндцев в ряды наших войск почти прекратился. Но и ныне финляндцам открыт широкий доступ в ряды русской армии.

Доказательством полного доверия к финляндцам, состоящим в русской армии, служит то, что они могут достигать самых высших должностей: военного и морского министра и командовать в военное время армией. За короткое время, в течение которого военные министры в Болгарии выбирались из русских генералов, из четырех военных министров Болгарии двое были финляндцы, один остзейский барон и только один русский! Пользуясь таким широким доступом к власти в России, финляндцы не отвечают нам той же монетой у себя в Финляндии: в России финляндец может быть министром и командующим армией, но в Финляндии русский не может занять даже должности полицейского пристава. Финляндцы могут богатеть и развиваться за счет русского насечения и русских денег, но если русский коробейник захочет нажить несколько руб. в Финляндии, он будет выпровожен в русские пределы.

Недавно в газете «Новое Время» было сообщено, что финляндский генерал-губернатор не согласился утвердить измененный устав финляндского общества коммивояжеров. Раньше русские имели право быть членами этого общества, *теперь их исключили.*

К сожалению, неравенство относительно нашего рабочего люда существует и в Германии. Немцы могут переселяться в Россию, могли еще недавно закупать в общем огромные участки земли, приходить десятками тысяч на заработки и каждый из них находится под защитой и покровительством всего германского населения. Но русские рабочие, ищущие заработков в Германии, претерпевают большие невзгоды, к ним относятся как к представителям низшей расы, а наши консулы и послы недостаточно их охраняют и защищают.

Договор с Японией, по которому Россия открыта для японцев, при современном состоянии русской культуры, конечно, совершенно односторонен и выгоден только для японцев, ибо японцы, пользуются этим договором, развивают торговую деятельность в России и живут даже в русских крепостях. Мы же не только не посылаем тысяч наших рабочих, купцов, путешественников и военных для изучения Японии и пользования ее богатствами, но даже не нашли русского человека на важный пост финансового агента в Токио, а послали еврея.

Китайцы тоже начинают стеснять проживание в пределах Китая русских людей, а сами десятками тысяч живут на русской земле и отнимают заработок у русского населения.

За границей в государствах всего мира с распростертыми объятиями принимаются лишь русские путешественники. Действительно есть из-за чего и ухаживать за ними: русские путешественники, по подсчетам различных авторов, оставляют ежегодно за границей русских денег *от ста до ста пятидесяти миллионов руб.*[77]

Но не только в пределах Германии, Японии, Китая русский человек, в особенности рабочий, встречает недоверие к себе и недоброжелательность, но даже в пределах России в Финляндии, Польше, Балтийских провинциях, Закавказье русскому рабочему тяжело. В особенности в Польше тяжело жить не только рабочему, но и офицеру вследствие неприязненного отношения к ним, главным образом, польской интеллигенции. То, что называется в Варшаве «польское общество» — закрыто для русских.

Даже маленькие народности, которые случайно не слились с русскими, начинают показывать им свои зубы.

Русское племя всегда отличалось большой терпимостью к другим народностям и стало могущественным отчасти благодаря принятию в свой состав представителей других народностей. Масса немцев, поляков, татар, финнов, кавказцев, сибирских инородцев совершенно слились с русскими. В боевой летописи русских войск встречаются, особенно в XIX столетии, много имен инородцев, и русская армия всегда вспоминает эти имена с уважением. Барклай-де-Толли, Бенигсен, Тотлебен, граф Граббе, князь Багратион, кн. Цицианов, кн. Андронников, кн. Бебутов, Лазарев, Тер-Гукасов, Гейман, кн. Чавчавадзе — все это были прирожденные воины и служили своему царю и своей родине России сколько хватало сил, чуждые каких-либо сепаратных мечтаний для народностей, к которым принадлежали.

Масса польских офицеров в последние войны, веденные Россией, свято исполнили свой долг. Полки, в которых они служили, были их семьями, а Россия — родиной. Не иначе как с самым теплым чувством вспоминаю офицеров 16-й пехотной дивизии в Русско-турецкую войну 1877—1878 годов. Среди них было значительное число поляков, и многие из них совершили выдающиеся подвиги[78].

То же можно сказать и про офицеров других национальностей. В особенности отличались храбростью офицеры кавказского происхождения.

Нижние чины других национальностей не отставали от русских нижних чинов, с которыми сражались плечо к плечу. Даже татары, как я указал выше, настолько были тверды в присяге, что без колебаний шли против единоверных турок.

Таким образом, в армии нашей в военное время все национальности составляли одну семью. Но нельзя не признать, что более однородный в племенном отношении состав армии подобно тому, как то было в XVIII столетии, облегчил бы тяжелую задачу подготовки войск к военному времени. Мы ранее были сильны именно тем, что на врага посылалось *православное русское войско.*

При слишком большой примеси инородческих элементов русское войско потеряет и главный свой устой: оно перестанет быть православным.

Одна только народность не привилась к нашей армии — еврейская. Принимая ряд незаконных мер, чтобы избежать военной службы, евреи, за некоторыми исключениями, составляют бремя для армий в мирное время и горе в военное время.

Но если до последнего времени инородческие элементы не ослабляли заметным образом армии, сливаясь с ней, то в настоящее время, с пробуждением национальных идеалов даже у небольших племен, нахождение в рядах русской армии инородцев, мечтающих не о величии и славе России, а о великой Польше, Армении, Финляндии или считающих своим отечеством Германию, очень ослабит нашу армию.

То, что было высказано выше относительно инородцев по отношению к армии, справедливо

и по отношению инородцев вообще. Пока для них Россия — родина и русский язык — родной язык, они желанные гости в русских местностях. Но если они живут среди нас лишь с целью эксплуатации русского племени, живут, оставаясь чужими русским, живут враждебные всему русскому, сохраняя свой язык и обычаи, живут, мечтая о разных автономных устройствах народностей, к которым принадлежат, — то такие инородцы и иноземцы вредны, ибо ведут Россию не к величию, а к распаду. Но эта опасность становится особенно тревожной, если такие инородцы и иноземцы захватывают в свои руки богатства России и, отодвинув в сторону русских детей, занимают их места в русских школах, приобретают знания, чтобы затем вытеснять русских во всех видах деятельности.

В прежнее время, когда приток с запада иноземцев и инородцев в коренные русские губернии был незначителен, процесс поглощения их русским племенем был проще. Какой-нибудь немец-аптекарь, булочник или ремесленник, попавший в уездный глухой город, постоянно окруженный русскими людьми, постоянно слышавший русскую речь, после 15—20 лет жизни среди русских забывал связь со своей родиной, женился на русской, принимал православие, и этим путем Карл Иванович Мюллер или Шульц давали уже во втором поколении людей, думавших и говоривших только по-русски. То же происходило и в частях войск по отношению к немцам, шведам, финнам и полякам.

Ныне положение изменилось. Уже и ранее там, где немцы жили особой от русских жизнью, например, колонисты, они не поддавались русскому влиянию и через 150 лет после переселения в Россию все еще оставались немцами.

Начавшееся пробуждение национальных стремлений нашло отголосок и в представителях разных племен, поселившихся в России среди русского населения. Общества с национальными и патриотическими целями появились в России среди инородцев и иноземцев. Они носили разные наименования с целью усыпить бдительность правительства, но все преследовали одну цель: добиваться, чтобы немец, поляк, латыш, финляндец, эстонец, армянин, живущие среди русских, оставались немцами, поляками и т. д., но не поглощались бы русским племенем. Быстрое развитие журналистики облегчало членам этих обществ возможность не прерывать связь с родиной, не забывать родного языка. Члены общества дружно помогали друг другу протискиваться вперед, оттесняя русских от разных занятий и должностей. Уже давно на Руси существует верование, что, например, каждый немец, прибывший в Россию, снабжен крючком и петлей, при помощи которых ранее прибывшие тянут за собой прибывших позже. Собираясь вместе, представители той или другой национальности говорят на своем языке, читают свой газету, поют патриотические песни и часто бранят Россию, давшую им средства к жизни.

При этих условиях процесс так называемого «обрусения» стал ныне много затруднительнее, чем ранее, а вместе с этим невыгодные стороны от большого числа инородцев и иноземцев, проживающих во внутренней России и не сливающихся с русскими, увеличились, а полезные — уменьшились.

В особенности эти невыгодные стороны проявляются с большей определенностью в тех случаях, где инородцы занимают над русскими командное положение.

Внешнее положение России в конце XIX века

Ранее мной были изложены выводы по внешней деятельности государей России за весь исторический период созидания и укрепления Руси до XIX столетия.

Эти выводы заключаются в следующем.

С XIV до XIX столетия русские государи держались национальной политики и вели многочисленные войны с соседями с целями, вполне определенными: для освобождения русского племени от татарского ига, для объединения русского племени и для расширения пределов России до ее естественных рубежей — морей Каспийского, Черного и Балтийского[79].

В XVI столетии на приглашение государей Европы принять участие в борьбе с турками русские государи отвечали отказом. Своих русских дел на Руси было и тогда так много, что вмешательство в чужие дела представлялось невыгодным для России. Иван III мотивировал свой отказ участвовать в союзе против турок *«дальностью расстояния»* до Балканского полуострова.

Дела этого полуострова хотя и интересовали наших государей XVI и XVII столетий, но лишь платонически. Братьям по религии посылались небольшие церковные дары, небольшая денежная помощь, но об улучшении быта балканских христиан более серьезным способом, о войне с султаном не возникало и предположений. Напротив того, когда Ивана III приглашали идти против турок, он не только отказался, но отправил посольство к султану с целью снискать его расположение и этим надежнее закрепить свой союз с Менгли-Гиреем, крымским ханом. Кроме дальнего расстояния, владения Турок в XVII столетии отделялись от владений России местностями, подчиненными в то время Польше.

В XVIII столетии вместе с продолжением и окончанием задач, поставленных русскому племени московскими великими князьями и царями (по объединению русского племени и выходам к морям Каспийскому, Балтийскому и Черному), русские государи, под иноземным влиянием, начинают вмешиваться в европейские дела без соображения с интересами русского племени. Русские войска попадают дважды на Рейн, борются вместе с Австрией против Пруссии, потом соединяются с прусскими войсками против австрийских; русские войска борются в Италии, Швейцарии и Бельгии против французов. В войнах с Турцией, не довольствуясь достижением целей, важных для укрепления русского племени, начинается забота «о блаженстве» народов Балканского полуострова. Являются для сего разнообразные проекты, в том числе знаменитый «греческий проект».

Вмешательство в XVIII столетии в чужие дела, независимо от ослабления сил русского племени, становилось опасно для России и потому, что возрастание военного могущества России уже при Петре I составляло предмет тревоги для европейских государств. Первой начала тревожиться Англия. Каждая из европейских держав, приобретавшая господствующее в Европе положение, неизменно тем самым вызывала Англию на борьбу с ней.

Ослабив Испанию, потом Францию, Англия в победах Петра I над шведами усмотрела опасное для себя возвышение России среди северо-восточных держав Европы. Потому Англией принимается ряд мер, чтобы уменьшить выгоды России от победы ее над Швецией. Англия заключает союз со Швецией, помогает Пруссии заключить отдельный, без посредства России, мир со Швецией и производит военную демонстрацию в водах Балтийского моря.

В царствование Екатерины I, когда возникли неудовольствия на Данию и Россия начала готовиться к разрыву с ней, английская эскадра демонстративно выступила против Ревеля.

Победы в веке Екатерины II и ее замыслы по отношению к Балканскому полуострову особенно сильно тревожили Англию, ибо ее экономические интересы по отношению к владениям султана уже и в XVIII столетии были значительны. Союз России с Австрией против

Турции имел, между прочим, цель объединить всю левантскую торговлю в русских руках, что нанесло бы ущерб торговле Англии и Франции. Когда в 1787 году началась война с Турцией, Англия заключила соглашение с Пруссией с целью оспаривать у России плоды ее побед.

Когда турецкие войска были разбиты русскими и союзными австрийскими войсками и Россия могла приступить к мирным переговорам, английское правительство сделало заявление русскому правительству, что оно не допустит изменения границ Турции и воспротивится всякому территориальному приращению России. Такая угроза поддерживалась союзом Англии с Пруссией и согласием Голландии, Испании и королевства обеих Сицилий участвовать в этом союзе. Уже тогда, в конце XVIII столетия, Англия предлагала Екатерине II передать решение вопроса о мире России и Австрии с Турцией особому конгрессу. Екатерина Великая твердо воспротивилась сему, и общий пожар готов был вспыхнуть. Только начавшаяся во Франции революция заставила Англию оставить Россию временно в покое, с целью воспользоваться ей для борьбы со вновь возникшим военным могуществом Франции.

Сложные отношения Австрии к России в XVIII веке с достаточной подробностью изложены в предыдущих главах. Напомним, однако, еще раз, что уже в самом начале XVIH века Австрия ревниво относилась ко всем действиям России на Балканском полуострове, как только они касались земель, населенных сербским племенем. Так, когда Петр Великий, предпринимая Прутский поход, послал Милорадовича побудить к восстанию сербское население турецких областей, то были встречены затруднения со стороны венецианцев и особенно австрийцев. Милорадович доносил: «Латины гораздо враждебнее делу его, чем турки, ибо латины надеялись, *что земля будет вся их».* Дело шло о Боснии, Герцеговине и Македонии.

Уже 200 лет тому назад австрийцы глядели на эти земли как на свое будущее наследие.

В войнах с турками XVIII столетия австрийцы неизменно надеялись на овладение местностями с сербским населением. В войну 1739 года, хотя австрийцы и были в союзе с нами, но их войска действовали отдельно, были несколько раз разбиты турками и поспешили заключить с ними отдельный мир, по которому уступили туркам Белград, Оршову, Валахию.

Победы России в войну 1769—1774 годов с Турцией и условия заключенного ей Кучук-Кайнарджийского мира не могли не встревожить Австрию. В особенности приобретенное Россией право вмешиваться в дела турецко-подданных христиан грозило осложнениями России с Австрией из-за вмешательства со стороны России в дела сербского населения.

В следующую войну России с Турцией в 1787—1791 годах австрийские войска действовали вместе с русскими и, под начальством Суворова, одержали громкие победы, но и на этот раз австрийцы ничего не выиграли от своего участия в войне. Согласившись предоставить решение вопроса об условиях мира с Турцией соглашению держав, Австрия сохранила лишь свои прежние границы. В то же время действия России в княжествах, описанные в XIV главе, в особенности привод к присяге жителей Молдавии и Валахии, а также различные планы по отношению к этим владениям, наконец, появление греческого проекта — все это с основанием представлялось Австрии противным ее интересам и ставило Австрию уже в конце XVIII века из-за балканских дел в ряды пока еще тайных недругов России.

Переговоры между Пруссией, Австрией и Россией по поводу трех разделов Польши не могли улучшить это настроение. Россия стремилась получить ненужную ей Молдавию, что представлялось для Австрии опасным. В свой очередь Австрия ставила получение Сербии с Белградом выше присоединения к ней Галиции. Россия, которая могла облегчить ей достижение этой цели за присоединение к пределам России восточной Галиции с русским населением, противилась усилению Австрии за счет Турции и сама упустила случай присоединить не Молдавию, которая только ослабила бы ее, а земли с коренным русским населением.

Участие русских войск вместе с австрийскими в 1799 году в войне с Францией в Италии и

Швейцарии не сблизило между собой эти державы. Напротив того, относя со значительным основанием неудачи, постигшие русские войска в Швейцарии, к вине австрийцев, император Павел, вместе с русским войском, негодовал на австрийцев и разорвал союзные с ними отношения. Австрийцы не оставались в долгу и относились к русским не только недоверчиво, но и враждебно.

Отношение России к Австрии в XVIII столетии, как указано в предыдущих главах, было различно. В первую половину столетия Петр I и его ближайшие преемники с полным основанием держались союза с Австрией, который был полезен России, занятой борьбой со Швецией, для удержания Турции от нападения на Россию. Эти союзные отношения наиболее энергичным образом выразились в царствование Елизаветы Петровны, когда русские войска вместе с австрийскими приняли участие в семилетней войне против Фридриха Великого. Но со смертью Елизаветы Петровны вступивший на русский престол Петр III, из чувства личного почитания Фридриха, присоединил часть русских войск к прусским, а остальные отозвал в Россию и стал во враждебные отношения к Австрии. Со вступлением на престол Екатерины II, великая государыня сделала попытку установить с соседями России очень сложные отношения: дружить с Австрией по турецким делам и дружить с Пруссией по польским делам. Такая двойственность и неопределенность русской политики в XVIII столетии привела к тому, что, как указано выше, выдающийся государственный деятель Австрии Кауниц боялся полагаться на Россию, «так как политика этого государства истекает не из действительных его интересов, но зависит от индивидуального расположения отдельных лиц».

Таким образом, вследствие неопределенности и неясности русской политики, особенно по отношению к Балканскому полуострову, Россия и Австрия вступали в XIX столетие, находясь не в одном дружеском лагере.

Наши отношения в XVIII столетии с Пруссией несколько раз изменялись. Когда Фридрих Великий, пользуясь средствами, созданными его отцом, начал расширять Пруссию, прежде всего, за счет Австрии, и завоевал Силезию, русские войска вместе с австрийскими воевали против пруссаков. Продолжись война, вероятно, Пруссия была бы побеждена, настолько к концу царствования Елизаветы Петровны все силы Пруссии были истощены. Прекращение войны Петром III спасло Пруссию. Уже во время семилетней войны «Россия признавала себя заинтересованной в вольности и равновесии Европы». С восшествием на престол Екатерины II в отношениях к Пруссии, как указано выше, происходит перемена: русское правительство держится по отношению к польским делам соглашения с Пруссией, чем Фридрих II мудро пользуется, усиливая Пруссию за счет Польши. Россия, по мнению Фридриха, должна была помогать Пруссии продвинуться до р. Варты, затем помочь захватить Торн и другие важные пункты. Но и в то время усиление России не отвечало интересам возвышавшейся при помощи России Пруссии. В особенности опасным для Пруссии представлялся союз сильной России с Австрией. Поэтому, когда в войну с турками в 1789 году русские в союзе с австрийцами начали под начальством Суворова одерживать успехи (Фокшаны, Рымник), Пруссия заключила соглашение с Англией и Польшей для действий против России и Австрии и выставила две значительные армии: одну для действий в Галиции, другую для действий в Лифляндии. Выставление этих армий было тем опаснее для России, что одновременно с войной с Турцией велись военные действия и со Швецией.

По соглашению Пруссии с Англией обе эти державы должны были оспаривать у России плоды ее побед в Турции. Пользуясь смертью императора австрийского Иосифа II, Пруссия расстроила союз России с Австрией. Преемник Иосифа II немедленно отозвал австрийские войска и предоставил решение вопроса о мире с Турцией соглашению европейских держав.

Наконец, Пруссия заключила договор с Турцией, по которому обязывалась объявить войну

России и Австрии.

Таким образом, в конце XVIII века Пруссия, как и другие державы, готовилась объявить России войну. 80 тыс. пруссаков, сосредоточившись в Силезии, готовы были к действию, когда успехи революционных войск во Франции вынудили Пруссию, как и Англию, перенести свое внимание с Востока на Запад и, вместо враждебных действий по отношению к России, начать уверять ее в опасности успехов французского оружия и для России.

Таким образом, XVIII столетие, не будь французской революции, могло окончиться войной России с Пруссией. Поэтому к началу XIX столетия отношения России к Пруссии не были дружественными, и никаких особых оснований помогать пруссакам против французов Россия не имела.

Отношения к Франции, отделенной от России несколькими государствами, в течение XVIII столетия могли быть самыми дружескими, ибо интересы России и Франции нигде серьезно не сталкивались. Посылка русских корпусов дважды на Рейн, в целях враждебных Франции и без всякой выгоды для России, поставила Францию в число противников России.

Когда, после войны с Турцией в 1739 году, Россия заключила Белградский договор, Франция через своего представителя в Константинополе приняла все меры, чтобы условия этого договора были менее выгодны для России, и добилась того, что Россия, несмотря на ее победы, не получила права иметь на Черном море свой флот. Когда, после побед Суворова в войну с Турцией 1787—1791 годов, образовалась коалиция европейских держав против России, Франция, объятая революционным движением, в этой коалиции не участвовала.

XVIII век оканчивался для России и Франции под гром орудий и ружей на полях Италии и Швейцарии. По прихоти Павла I к и без того многочисленным врагам России был прибавлен еще один — французы.

Турция в XVIII столетии из-за войн с Россией была ослаблена и лишилась значительной части своей территории в Европе. Никакого прочного соглашения в конце XVIII столетия между Россией и Турцией не состоялось, и поэтому в начале XIX столетия подталкиваемая Францией, ставшей в ряды врагов России, Турция открыто выступила против России в самое трудное для нее время, когда Россия напрягала все свои усилия в борьбе с Наполеоном.

Наконец, Швеция хотя и была ослаблена войнами с Россией в XVIII столетии, но в руках других держав могла служить и действительно служила орудием для отвлечения русских сил от других театров военных действий.

При желании руководствоваться опытом истории, русские государственные люди XIX столетия могли бы принять в основание своей деятельности по отношению к делам Европы следующие указания:

1) Интересы Пруссии, Австрии и Англии в течение всего XVIII столетия были противны интересам России и объединялись в одной общей цели: не давать России усиливаться за счет турецких областей.

В то же время Пруссия и Австрия стремились за счет побед России усиливаться: Пруссия — польскими землями, Австрия — владениями Турции, населенными сербским племенем.

2) В XVIII столетии вполне обозначилось важное для Австрии значение на Балканском полуострове местностей, населенных сербским племенем. Поэтому при действиях на Балканском полуострове в XIXстолетии, для избежания столкновения с Австрией, России надлежало бы ограничиться действиями в восточной части Балканского полуострова, признав, что западная его часть находится в сфере влияние Австрии.

3) В XVIII столетии обозначилось бесцеремонное отношение Австрии и особенно России к устройству судьбы населения дунайских княжеств. Часть этих княжеств то присоединялась к Австрии, то опять возвращалась Турции. Русские проекты относительно княжеств отличались

большим разнообразием, включая расселение всех жителей княжеств по территории России. Важный урок для деятельности России в XIX столетии на Балканском полуострове дали представители княжеств в конце XVIII столетия, заявив, что *чем более Россия заботится о блаженстве их страны, тем им становится хуже.*

4) Неопределенность целей, которые стала преследовать Россия уже в XVIII столетии на Балканском полуострове (то мы добивались присоединения к России княжеств, то образования из них и из Бессарабии особого государства, то создавали греческий проект), вооружила против России Пруссию и Австрию уже во второй половине XVIII столетия, главным образом, из-за балканских дел. Воюя с турками, Россия вынуждена была держать свои главные силы на западной границе против Австрии и Пруссии. Располагая сильной армией, Россия в войну с турками в 1768—1774 годах выставила под начальством Румянцева слабую армию, главные силы которой составляли лишь 17 тыс. человек.

В последующие войны 1787—1792 годов Россия также выставила недостаточные силы. Если вспомнить, что Пруссия в конце этой войны готовилась напасть на Россию, то расположение главных сил на западе не было излишним даже в то время.

5) Франция в XVIII веке принимает враждебное по отношению к России положение только после того, как русские корпуса войск в первой половине XVIII столетия дважды появляются на Рейне, бесцельно для России (в XIX столетии за ненужный для России поход русских войск в Париж французы отплатили без выгоды для себя визитом в Севастополь; за визит их в Севастополь русские без выгоды для себя не препятствовали пруссакам увести все свои войска со стороны русской границы на западе в 1870 году).

6) Наиболее поучительным и важным указанием для государей России и русских государственных людей на XIX столетие из опыта войн, веденных Россией в XVIII столетии, должно было служить следующее: пока Россия добивалась вполне ясных и важных для нее целей — объединения русского племени и выходов к Балтийскому и Черному морям — и держалась твердо союза с Австрией, другие державы Европы не объединяли своих усилий, чтобы препятствовать России достижению этих жизненных для нее цепей. Напротив того, великий Фридрих сам помог России в объединении русского племени, указав Екатерине II на большую выгоду присоединения к России белорусского племени, чем Молдавии, чего она добивалась. Но когда Россия начала мешаться в чужие дела и задаваться целями, ненужными для русского племени и в то же время нарушавшими интересы других держав (например, присоединением к России Молдавии, устройством из княжеств и Бессарабии самостоятельного государства и в особенности осуществлением греческого проекта или захватом торговли Леванта в русские руки) державы Европы объединились против России в защиту своих интересов на Ближнем Востоке, и в конце XVIII века России грозила война с сильной коалицией держав. Нарушение союза с Австрией, неуважение австрийских интересов в княжествах сформировало мнение, что на политику России нельзя полагаться. Даже Франция, за вмешательство в ее дела с Австрией и посылку русских корпусов на Рейн, стала в ряды противников России. Вмешательство в дела, неважные для России и для русского племени, уже в конце XVIII века восстановило против России Англию, Пруссию, Австрию, итальянские владения, Голландию и Францию.

7) Войны, веденные Россией в XVIII веке, закончились с успехом. Исторические задачи России, переданные ей с XVI столетия — по объединению русского племени и выходу к Балтийскому и Черному морям — были выполнены. Можно было признать, что Россия на западе вошла в свои естественные границы и не нуждается более в территориальных приобретениях от Пруссии, Австрии и Турции.

Такое признание, облеченное в определенную форму, дало бы России возможность в XIX столетии спокойно сосредоточить деятельность правительства и населения на приведении в

порядок неустроенных еще внутренних дел как русского, так и окраинного населения, присоединенного в XVIII веке к России.

Таким образом, внешнее положение России к концу XVIII столетия не могло признаваться благоприятным: союзников мы не имели. Пруссия недоброжелательно относилась к усилению России и пыталась даже вовлечь ее в войну с коалицией; с Австрией после похода 1799 года мы были почти в открытом разрыве; с Францией находились в войне; с Англией Павел I тоже разорвал сношения и отправил казаков с Дона для нанесения удара ее могуществу в Индии.

Вступивший в 1801 году на престол Александр I немедля восстановил дружеские отношения с Англией. Донские казаки, двигавшиеся в Индию, были возвращены домой. С Австрией и Пруссией по наружности восстановились добрососедские отношения.

Казалось бы, обстановка, при которой молодой государь начинал царствование, была особо благоприятна, чтобы обеспечить России долгий и прочный мир. Действительно, ценой тяжких усилий и жертв в течение нескольких веков русское племя, наконец, достигло поставленных ему исторических задач. Но вновь занятые Россией обширные пространства на юге и юго-востоке еще были пустынны, возвратившиеся в русскую семью малороссы и белорусы угнетены, само великорусское племя ослабело от тяжких непосильных при его бедности жертв, принесенных им для создания Руси, — все это требовало долгой, упорной устроительной работы. Уже тогда в интересах русского племени, создавшего ценой огромных жертв русское государство, надлежало вести устроительную работу по увеличению материальных и духовных сил русского народа, руководствуясь во всех направлениях одним основным принципом — *«Россия для русских».*

Но иная доля ждала русское племя. Под влиянием иноземцев и иноземных идей русская национальная политика была оставлена, и заботы об устройстве судьбы других народов Европы за счет сил русского народа заняли главное место в царствовании императоров Александра I и Николая I. Лишь со вступлением на престол императора Александра III раздался его мощный голос, восстановивший девиз «Россия для русских».

После первых важных для России мер по восстановлению дружеских отношений с Англией и Францией, молодой император Александр I сразу дает себя увлечь на путь вмешательства в такие европейские дела, которые совершенно не касались интересов русского народа. Уже 10 октября 1801 года между Россией и Францией заключается договор, по которому Россия должна была участвовать в устройстве дел в Испании, в вознаграждении короля сардинского, курфюрста баварского, герцога виртембергского, марграфа баденского.

Через два года, в 1803 году, дружба с Францией кончается и, по наущению Чарторыжского, Александр I образовывает коалицию против Наполеона I. Когда Пруссия медлит присоединением к этой коалиции, Александр I грозит ей войной и собирает для этой цели у Гродны и Бреста армию в 90 тыс. человек.

В 1805 году Россия втягивается во вторую войну с Францией. В указе Сенату целью войны выставляется желание государя *«водворить в Европе на прочных основаниях мир».* Это вмешательство в чужие дела повело к десятилетней почти непрерывной борьбе на материке Европы, стоившей жизни сотням тысяч людей и разорившей многие местности на долгие годы. Для России этот первый опыт юного императора вмешательства в чужие дела приводит к Аустерлицу и не только не к улучшению, а к ухудшению положения Австрии. Как в XVIII веке великий Фридрих повернул мысли Екатерины II от Молдавии к белорусам, от вмешательства в чужие дела к делам русским, так и в начале XIX столетия великий Наполеон, накануне Аустерлицкого боя, посылает сказать Александру I знаменательные, но оставшиеся тогда не услышанными, слова: *«России надо следовать советам другой политики и помышлять о собственных выгодах».* Эти слова сохраняют свой цену и ныне при определении политики России на XX столетие.

Не согласившись на уговоры Александра I вступить в союз против Франции, Пруссия 3 декабря 1805 года заключает оборонительный и союзный договор с Францией, приняв от нее в дар Ганновер (принадлежавший Англии). Но союз этот длился всего несколько месяцев. В 1806 году Наполеон I разбивает прусские войска и быстро овладевает Берлином и большей частью Пруссии. Александр I снова является с предложением своих услуг несчастному королю, вспоминая чувства нежнейшей к нему дружбы.

После нескольких боев, славных для русской армии, 14 апреля Александр I заключает с королем прусским так называемую Бартенштейнскую конвенцию.

С. Татищев пишет, что в этой конвенции была проявлена заботливость о восстановлении законного порядка в Германии, Италии, Голландии, Швейцарии, заботливость об усилении Австрии и Пруссии, при полном умолчании о существенных интересах России.

Суровая действительность скоро временно разрушила надежды Александра I благодетельствовать другие народы за счет сил и средств России. После поражения русских войск под Фридландом, 12 июля 1807 года был заключен Тильзитский мир.

Напомним, что по проекту прусского министра Гарденберга, который должен был лечь в основу переговоров с Наполеоном, за счет России и Турции вознаграждались прочие государства. От России по этому проекту вновь отторгались области с русским населением, присоединенные к ней по трем разделам Польши, и отдавались саксонскому королю. Взамен Россия получала от Турции Молдавию, Валахию, Болгарию и Румелию, что только обессилило бы ее.

Наполеон снова подтвердил Александру I верную мысль, что воевать России с Францией не из-за чего, *«что у России, как и у Франции, должна быть своя национальная политика, следуя коей, обе державы никогда не столкнутся»*[80].

К сожалению, эти глубоко верные мысли были восприняты только через 80 лет великим русским человеком и государем Александром III и с тех пор, в течение скоро четверти века, оправдываются прочным союзом России с Францией.

Усилия врагов России увенчались успехом, но война 1812 года и участие России в борьбе с Наполеоном в 1813—1815 годах подняли Россию на такую высоту, что те же державы, которые подталкивали ее на борьбу с Наполеоном, непрерывно в течение последующих 40 лет работали, чтобы привести Россию к унизительному для нее миру 1856 года.

Несмотря на все ненужные для России жертвы, которые были принесены ей в период увлечения Александра I заботами об устройстве Европы в ущерб России, этот государь навсегда оставил глубокую и благодарную память в истории русского государства необычайной твердостью, проявленной им в борьбе с Наполеоном в пределах России в 1812 году.

В советах наиболее близких к трону лиц заключить мир, когда Наполеон находился еще в Москве и мог считать себя победителем России, недостатка не было. Но государь остался непреклонен. Он сознавал, что весь русский народ поддержит его решимость не вкладывать меча, пока хотя один неприятельский солдат будет находиться на русской земле.

Армия Наполеона погибла. Только жалкие остатки ее перешли за пределы России. Казалось бы, настало время выполнить данное русскому народу слово и вложить меч в ножны. Кутузов смело напоминал об этом государю, но Александр I опять вернулся к прежним планам благодетельствовать Европе за счет России. Но в этих планах прибавилось и нечто новое: «Наполеон или я, — говорил Александр I, — я или он, но вместе мы не можем царствовать».

Припомним, что кроме иностранцев, толкавших Александра I на продолжение войны за пределами России, был и швед Армфельд, которому для устройства финляндских дел было выгодно отвлечь внимание государя от русских дел к делам европейским.

Н. Шильдер, говоря об усилиях Кутузова удержать императора Александра I от перенесения

войны в Германию, выражается так:

«Все помыслы фельдмаршала клонились только к спасению отечества, а не Европы, как того желали англичане и немецкие патриоты, свыкшиеся уже с мыслью смотреть на Россию, как на удобное орудие для достижения своих политических целей»[81].

Наши дипломаты, по мнению С. Татищева, не помогали Кутузову в этом деле и, напротив того, вместе с Чарторыжским увлекали Александра I к борьбе с Наполеоном для восстановления порядка в Европе. Сознание необходимости национальной политики для России отсутствовало.

У русских дипломатов установился взгляд, *«что цель и назначение дипломатии состоит не в том, чтобы отстаивать интересы отечества, а дабы доставить, хотя бы в ущерб им, торжество отвлеченным началам европейского порядка и законности»*[82].

Император Александр I, под влиянием окружавших его лиц и общего перед ним преклонения, искренно уверовал в свое призвание устраивать за счет сил и средств русского народа благополучие держав Европы.

Вместе с сим, в понятиях Александра I, русская армия получает значение *«одной из дивизий армии порядка в Европе»*.

После победы над Наполеоном под Лейпцигом заботиться об одной Европе показалось императору Александру мало. Мечты его понеслись еще шире. В 1814 году, при вступлении русских войск в пределы Франции, Александр I отдал приказ, в котором между прочим значилось пожелание *водворить на всем шаре земном спокойствие и тишину,* чтобы все правительства управляли своими народами благополучно, чтобы в каждой стране процветали: вера, язык, науки, художества, торговля…

С заключением 16 мая 1814 года Парижского мира, после ссылки Наполеона на остров Эльбу и вступления Людовика XVIII на французский трон, казалось бы, борьба с Наполеоном была закончена, и цель — водворить во Франции законный порядок — достигнута. Но неожиданно, как изложено в XVIII главе, Александр I начинает резко осуждать Людовика XVIII и поддерживать представителей семьи Наполеона.

В результате войн 1813 и 1814 годов Россия, освободившая Европу, становится в глазах держав, которым помогла, опасной своим могуществом.

Начинается деятельность разных дипломатов с целью принизить международное значение России. Венский конгресс дает к тому первый случай.

На конгрессе в Вене в 1814 году император Александр I, под влиянием Чарторыжского, потребовал присоединения к России герцогства Варшавского с населением, хотя и родственным русскому племени по происхождению, но чуждым по религиозным верованиям. Борьба великорусского племени с поляками за освобождение белорусской и малороссийской народностей и тяжкие удары, нанесенные Россией Польше в XVIII столетии, делали поляков враждебными России.

Европейские державы не соглашались на требование Александра I относительно герцогства Варшавского, признавая опасным допустить Россию проникнуть своими границами в глубь Европы. Представитель Пруссии — Гумбольд уговаривал представителей других держав словами: «благоразумно ли противиться, когда это присоединение принесет только вред самой России». Но убедить их не мог, и против России составилась коалиция. Война не вспыхнула только потому, что возвращение Наполеона с острова Эльбы заставило европейские державы снова направить свои усилия против грозного полководца.

Важно напомнить, что на Венском конгрессе интересы России защищали Чарторыжский и русские дипломаты не русского происхождения: Нессельроде, гр. Стакельберг, Поццо-ди-Борго, Каподистрия, Анштейн.

С 1818 года либерализм Александра I, под влиянием Меттерниха, переходит в реакцию.

Аахенский конгресс имел целью поддержание Священного союза «для борьбы с революционным движением, проникшим в Европу».

Император Николай I держится во внешних делах политики своего брата и направляет все усилия к борьбе с революционным движением, все более и более охватывавшим европейские государства. Как изложено в предыдущих главах, император Николай I был охранителем строго консервативных начал в управлении народами Европы и своим суровым вмешательством в дела европейских правительств с начала своего царствования поддерживал и усиливал враждебное отношение лично к себе и ко всей России в правительстве и населении держав, выступивших на путь либеральных реформ. Отношение императора Николая I к делам Ближнего Востока, которые он ошибочно считал делами, касающимися только России и Турции, вызвало противодействие держав, имевших экономические интересы на Балканском полуострове. Против России росло в Европе общее недоброжелательство. Особенно враждебно настроенными к ней были Англия и Франция.

Первоначально правительства Пруссии и Австрии в своей реакционной деятельности черпали нравственную поддержку в императоре Николае и оставались верны основам Священного союза, но когда в Пруссии возникла сильная либеральная партия, то и Пруссия более не представляла надежного члена этого союза.

Остается одна Австрия. В этой стране, наиболее энергичное из населяющих ее племен — венгры — восстали в 1848 году против немецкого владычества и нанесли ряд поражений правительственным войскам. Молодой император Франц-Иосиф обратился за помощью к могущественному соседу. Император Николай ввел в Венгрию сильную армию, которая победила храбрые, но недостаточно организованные войска восставших, упрочил в Австрии Габсбургский дом, но в результате этого вмешательства поставил на долгое время венгерскую народность в ряды врагов России.

В делах Ближнего Востока, пока существовала вера в военное могущество России, европейские государства переносили, хотя и с внутренним раздражением, деятельность русского правительства, направленную к освобождению христианских народностей Балканского полуострова и в то же время к приобретению господствующего положения не только в княжествах Молдавии и Валахии, но и в Сербии.

России за время царствования императоров Николая I и Александра II три раза пришлось воевать с Турцией в целях освободительных.

На XIX столетие перешли права России, приобретенные ей в XVIII столетии по Кучук-Кайнарджийскому миру, — вмешиваться во внутренние дела Турции в целях защиты христианского населения, входившего в состав турецкой империи. Уроки истории в конце XVIII века, которые должны были указать русскому правительству, что и другие европейские державы, особенно Австрия, имеют жизненные интересы на Балканском полуострове, были нашими дипломатами забыты. В особенности скоро забылось, какое огромное значение еще с XVII столетия придавала Австрия местностям Балканского полуострова, населенным сербским племенем.

Уже в первых годах XIX века, по почину нескольких сербских главарей, явившихся в Петербург, возник проект создания на Балканском полуострове славяно-сербского государства с одним из русских великих князей во главе.

В 1807 году русский дипломат Паулуччи заключил с сербскими вождями договор, по которому сербы признают покровительство России и ввод в сербские крепости русских гарнизонов.

Ведя войну с турками в 1806—1812 годах, Александр I задавался в 1807 году, между прочим, целью присоединить княжества Молдавию и Валахию к России. На это присоединение

было даже получено согласие Наполеона, хорошо понимавшего, что такой шаг России поставит против нее Австрию.

Когда в 1821—1824 годах восстали греки, русские дипломаты сочинили проект образования из Греции трех автономных княжеств. Греки просили Англию избавить их от мнимых благодеяний России.

Когда греческое восстание и зверства турок в борьбе с восставшими вызвали вооруженное вмешательство европейских держав — Англии, Франции, к которым примкнула и Россия, — то последствия этого вмешательства отразились, главным образом, на России, ибо на нее обратилось возбуждение турок после уничтожения турецкого флота под Наварином.

Император Николай I, по-видимому, легко мог или уклониться от войны или вести ее в союзе с другими державами. Он предпочел действовать один. Ближайшим предлогом к войне было несоблюдение турками условий Бухарестского мира 1812 года. Начиная войну, император Николай I заявил, что считает себя совершенно самостоятельным во всех делах Востока, непосредственно касавшихся России.

Нессельроде писал, что мы начнем войну с готовым трактатом, по которому придунайские княжества и Сербия получат увеличение своих привилегий, а Россия получит Анапу и Поти вместе со свободой плавания по Черному морю. Мы действительно преследовали эти ничтожные для России цели, но европейские державы не верили нам и готовы были от слов перейти к враждебным против России действиям. Формируя недостаточной численности армию против Турции, пришлось формировать одновременно армию и против Австрии. Получались известия, что Пруссия также готовится к войне с Россией.

Европа, очевидно, не могла согласиться, чтобы вопросы румынский и сербский «непосредственно» касались только России и решались ей единолично.

В предыдущих главах приведены мнения фельдмаршала Дибича по некоторым вопросам Ближнего Востока. Он высказывал соображение, «что Англия, Франция или Австрия охотно возьмут на себя покорение Албании или Боснии». Он же был сторонником присоединения княжеств к России.

Историк войны 1828—1829 годов, знаменитый впоследствии Мольтке, высказал мнение, что пока за Россией сохранялось право покровительства христианам Балканского полуострова, до тех пор Россия могла вызвать войну с Турцией, когда того пожелала бы.

В 1830 году, оказав помощь султану против победоносного его вассала Мехмет-Али, Россия упустила редкий случай занять часть Босфора. Это вмешательство в турецкие дела вызвало новые опасения европейских держав и послужило одной из причин заключения с Австрией в 1833 году так называемого Мюнхенгрецкого соглашения. Это соглашение имело целью поддержать Оттоманскую империю и *согласные действия Австрии и России по всем делам Ближнего Востока.*

Но в действительности таких согласных действий не было, когда в 1848 году Россия снова вмешалась в турецкие дела. На этот раз потребовалось смирить румын, тоже охваченных: стремлением к более свободному существованию, император Николай I, чтобы прекратить такое движение, обратился к Турции и ввел русские войска, совместно с турецкими, в княжества. В манифесте, 14 марта 1848 года, между прочим значилось: «Преступные обольщения проложили себе путь и на восток — в сопредельные нам, подвластные турецкому правительству, княжества Молдавию и Валахию. Одно присутствие там наших войск восстановило и удерживает там порядок».

Манифест этот оканчивался словами: Россия исполнит свое призвание.

В 1849 году Россия, помимо Австрии, заключает с Турцией Балта-Лиманский договор, по которому получает права в княжествах, почти равные турецким. В результате действий России в

1848— 1849 годах по отношению к княжествам, Австрия не без основания признала свои интересы в княжествах нарушенными, а население княжеств отшатнулось от России, признав ее врагом своей свободы и независимости.

Восточная война 1853-1856 годов в значительной степени возникла вследствие того, что ближайшие сотрудники императора Николая I, в середине XIX столетия, совершенно ошибочно оценивали:

1) военно-сухопутные и морские силы России;

2) положение Турции, которая представлялась им близкой к распадению;

3) отношение к делам Балканского полуострова Австрии, которая, по их мнению, благодарная за помощь в 1849 году, преследует на Ближнем Востоке те же цели, что и Россия.

Император Николай I, не посвященный в огромную отсталость нашей армии и флота, уверовавший в близость распада Турции и возможность не считаться с интересами на Балканском полуострове Австрии, решил взять в свои руки раздел наследства «больного человека», при этом он искренно желал наилучшего разрешения этого жгучего вопроса, но по отношению к России не признавал нужным или возможным преследовать определенную цель — занятие части Босфора.

Устраняя в своих расчетах Пруссию как не имевшую, по его мнению, интересов на Ближнем Востоке, устраняя Францию вследствие личного неприязненного отношения к новому главе французского правительства — Наполеону III, — Николай I признал необходимым сговориться относительно будущего устройства судьбы различных турецких местностей только с Англией. Но и переговоры с Англией Николай I вел в таком командном тоне, как будто вся турецкая империя уже была побеждена русскими войсками и занята ими, и значительная часть Европы должна была принимать мнения императора России без возражений.

В труде немецкого ученого Зибеля «Основание германской империи» указано, что в 1852 году «император Николай I смотрел на западную часть Европы как на устроенную по его указанию и теперь снова направил взор назад — на турецкий восток».

В 1853 году император Николай I, начав переговоры с английским послом при нашем дворе Сеймуром-Гамильтоном, заявил ему, что из наследства «больного человека» требует для России только *протектората* над Молдавией, Валахией и Сербией, а Англии соглашается отдать Египет и Кандию. При упоминании Сеймуром о роли Австрии император Николай I возразил: «Если я говорю — Россия, то это значит и Австрия, так как на востоке у нас одни и те же интересы». О Пруссии в переговорах не было упомянуто вовсе, а о Франции — с резкой враждебностью. При повторении этих переговоров было прибавлено, кроме независимости Сербии, еще требование независимости Болгарии.

В Англии лучше, чем в России понимали истинное положение дел и отклонили предложения русского императора. При обсуждении этих предложений, заявления о протекторате над Молдавией, Валахией и Сербией, а потом и Болгарией, понимались как переход к присоединению этих местностей Турции к Российской империи. Протекторат над Крымом и Грузией, быстро окончившийся присоединением этих местностей к России, еще не был забыт.

Несмотря на неудачу этих переговоров, император Николай I, по относительно маловажному поводу, приказал двинуть войска для занятия княжеств.

Начатый с Турцией спор о святых местах император Николай I продолжал признавать внутренним делом России. В манифесте 14 июня 1853 года ставилось требование, чтобы Порта обязалась свято соблюдать неприкосновенность православной церкви. При несоблюдении сего войска должны были идти вперед «за веру православную». Это был крестовый поход.

Но европейские державы, своевременно ознакомленные Англией с ходом переговоров с

Сеймуром, не доверяли бескорыстию русского правительства и отнеслись к вступлению наших войск в княжества враждебно.

Австрия была задета игнорированием ее интересов и не могла не тревожиться планами России. Протекторат над княжествами и Сербией создавал серьезную угрозу границам Австрии с юга. Наполеон III считал себя лично оскорбленным отношением к нему императора Николая I и потому энергично принялся за образование коалиции против России.

В Англии опасались существования более обширных планов России, чем протекторат над княжествами и Сербией. В Лондоне горячо обсуждались заветы, приписанные Петру I: о занятии Россией Константинополя и Индии. Сделанный нами в 1853 году важный шаг в Средней Азии — утверждение на низовьях р. Сыр-Дарьи — очень тревожил Англию: расстояние от русских границ до Индии уменьшилось на тысячу верст. Но, кроме этих причин, Англию располагало к борьбе с Россией более всего то господствующее положение, которое заняла Россия с 1815 года среди других европейских держав.

Тучи скоплялись со всех сторон, но Николай I, твердо веря в военную мощь своей армии и в благодарность Австрии, спокойно относился к грядущим событиям.

Чрезвычайный посол в Константинополе кн. Меньшиков имел инструкцию, данную Нессельроде, в которой значилось, что между Россией, Австрией и Германией существует совершенное тождество видов и прочность соглашения во всех главных вопросах европейской политики. Имея такое указание, Меньшиков принял вызывающий тон — и русский ультиматум был отвергнут.

Тяжелые разочарования ожидали рыцаря-государя. Предполагаемые союзники отвернулись от него. Вместо направления сильной армии в пределы Турции, главные силы русских войск пришлось собрать на западной границе, на случай враждебных действий Австрии и Пруссии.

Начали приходить неутешительные вести и о действиях русских войск, об их недостатках.

В особенности горькие минуты должен был переживать русский монарх, когда обнаружилось, что все державы Европы явно или тайно были настроены к России и лично к нему недоброжелательно.

Упорство в неисполнении требований европейских держав об очищении княжеств повело к открытому разрыву с ними. Наполеон III, к которому император Николай I относился не иначе, как презрительно, стал во главе сильной коалиции и перенес войну в пределы России. Геройство русских войск под Севастополем все же не могло скрыть отсталости наших армии и флота, сравнительно с военными силами других держав.

Парижский мир 1856 года лишил Россию права иметь флот на Черном море.

Понесенное Россией поражение вместе с утешением, что наша армия и моряки доблестно сражались с неприятелем, лучше нас вооруженным и обученным, дало возможность ясно увидеть слабые стороны России в ведении дел внешних, внутренних и военных. Вступивший на престол император Александр II плодотворно занялся усилением внутреннего и военного положения России и достиг значительных результатов.

Но во внешних делах существенных перемен не произошло. Переход к русской национальной политике в этих делах еще не совершился. «Коварная», как ее называли, политика Австрии по отношению к России в 1853—1856 годах, неопределенность наших отношений к делам Балканского полуострова и враждебное отношение венгров к русским мешали дружественному и выгодному для обеих сторон соглашению по всем внешним делам между Россией и Австрией, населенной наполовину родственными нам по происхождению племенами. Идеи реванша по отношению к Франции, независимо от того, что французы и русские сражались под Севастополем совершенно случайным образом, мешали установлению дружеских отношений к Франции. Наши быстрые с 1863 года успехи в Средней Азии заставляли Англию

тревожиться возможностью похода русских в Индию и создавали препятствие к прочному соглашению с Англией.

Унизительные для России условия Парижского трактата, лишившие великую державу права иметь на Черном море военный флот и отторгнувшие от России часть Бессарабии, носили сами в себе зародыш будущих осложнений на Ближнем Востоке.

Оставалась Германия, на которую Россия и полагала возможным, основываясь на неизменной дружбе между собой двух монархов, прочно опереться. Великий Бисмарк умело воспользовался изолированностью России и, при содействии ее, привел в исполнение свои грандиозные планы последовательного разгрома Дании, Австрии и Франции с целью создания Великой Германской империи. Но в возобновившейся дружбе России с Германией не было равенства.

Сближению России с Германией способствовали отношения европейских держав к восстанию в Польше в 1863 году.

Англия, Франция и Австрия допустили дипломатическое вмешательство в это внутреннее дело России, предложив посредничество. Последствием этого вмешательства было охлаждение русского двора к лондонскому, парижскому и венскому дворам и одновременное скрепление связи его с двором берлинским[83].

Интересное по этому вопросу мнение высказал 20 лет тому назад С. Татищев[84]:

> «Ни одной державе в мире не давала Россия столько непрерывных и несомненных доказательств искреннейшей дружбы и благорасположения, как стоящей ныне во главе объединенной Германии — Пруссии. Государство Гогенцоллернов выросло, возмужало, окрепло под спасительной сенью и покровом России. Все свои последовательные земельные приращения получило оно не только с нашего согласия, но прямо из наших рук. Не раз государи наши имели возможность отодвинуть западную границу России до устьев Немана и даже Вислы и отказались от нее из нежной любви к Пруссии и отеческой попечительности о ней. А сколько пролито русской крови для защиты ее и освобождения? На быстрый политический рост ее, на честолюбивый замысел восстановить в свой пользу германскую империю русский двор не только взирал без малейшей зависти, но и усердно помогал ей в достижении заветных целей. Противно природе человеческой питать чувство злобы или ненависти к тому или к тем, кто облагодетельствован нами. Россия не желает Германии зла, не помышляет о завладении хотя бы пядью немецкой земли и хочет жить в мире, согласии и дружбе с соседкой, которую уважает, но которой и не боится, считая себя и в нравственном, и в материальном отношении отнюдь не слабее ее, а несравненно устойчивее и могущественнее.
>
> Так же ли относится Германия к России? О чувствах немецкого народа к русскому мы лучше умолчим. Что же касается до германского правительства, то. будучи уверено, что с нашей стороны новосозданной империи не грозит ни малейшей опасности, оно усиленно вооружается, вступает в союзы с заведомо враждебными нам державами и, продолжая на словах уверять нас в неизменной дружбе, на деле потворствует и содействует предприятиям, имеющим целью подорвание благосостояния, ослабление могущества России, воздвижение ей преград на пути, коим она шествует к осуществлению своего всемирно-исторического призвания…
>
> Удовольствовать Германию Россия может, только отдав себя снова в полное ее распоряжение, став, по-прежнему, покорным орудием в руках ее для достижения политических целей. Самобытная политика русского двора уже сама по себе предмет

неудовольствия для двора берлинского. Нужды нет, что она нимало не направлена во вред Германии. Пробуждение русского самосознания, чувство самосохранения почитаются немцами за кровную обиду.

Первая обязанность государства—заботиться о собственной безопасности. Отсюда — меры, принимаемые русским правительством для укрепления за собой северо-западных окраин империи. В Пруссии любят вспоминать, что нынешнее Царство Польское с Варшавой и даже Белостокский округ не далее как восемь—десять лет назад были прусскими областями. В Германии учат, что Прибалтийский край — исконная немецкая земля, наследие меченосцев, часть общего отечества, грань которого совпадает-де с крайними пределами распространения немецкой речи. Можно ли сказать, что германская дипломатия чужда этим вожделениям? В 1863 году нынешний имперский канцлер серьезно помышлял о занятии Царства Польского, разумеется, под видом оказанной России услуги, но с тем, чтобы никогда уже более не выводить оттуда прусских войск. Два года спустя он же дерзко и назойливо выговаривал нашему послу за мнимое преследование протестантства в Прибалтийском крае. С тех пор он перестал упоминать в переговорах с нами об этих щекотливых предметах и раза два или три гласно заявил даже, что и не помышляет об обладании ими. Но как же ему и было поступить иначе в такое время, когда одного слова России было достаточно, чтобы ниспровергнуть в прах воздвигаемое им с таким трудом здание немецкого единства?»

Россия допустила разгромить в 1866 году Австрию, а в 1870—1871 годах — Францию. Создалось в соседстве с Россией могущественное государство, сильное культурой, патриотизмом своего народа и своей отличной военной системой. Многое в Германии заслуживает глубокого уважения и подражания, но нельзя отвергать, что такое чрезмерное возвышение Германии совершилось не к выгоде России. Сводя относительно мелкие счеты с Австрией и Францией по эпохе 1853—1856 годов, мы способствовали, к невыгоде для России, возвышению Германии.

Возможность быстрого сосредоточения и вторжения в пределы России огромной немецкой армии, уже доказанная Германией в 1870 году, заставила русское правительство признать полную недостаточность мер, принятых до 1870 года, для обороны наших западных границ. Пришлось быстро усиливать нашу армию, возводить крепости и строить железные дороги, чтобы не остаться беззащитными в случае, если бы Германия объявила России войну.

В 1872 году была сделана попытка возродить союз России, Германии и Австрии на почве совместного действия против «международного союза рабочих», но выгод России это соглашение не принесло. Оно облегчило только переселение немцев в пределы России и устройство немецких поселений в пунктах западной границы, важных в военном отношении.

Тем не менее, когда в 1875 году на Балканском полуострове началось восстание славянских народностей и снова представилась вероятность вооруженного вмешательства России в дела Турции, германское правительство с императором Вильгельмом и Бисмарком во главе отнеслось вполне доброжелательно к планам России по отношению к Турции и не препятствовало даже особому соглашению России с Австрией в Рейхштадте. Казалось, обстановка снова начинала складываться благоприятно для России, чтобы поставить определенно цели, преследуемые Россией в делах Ближнего Востока, и добиться совместного с Австрией действия против Турции.

Первоначально, в 1876 году, предполагалось, что одновременно с русскими войсками будут двинуты в пределы Турции и австрийские войска. К сожалению, как изложено в XXVII главе, неопределенность целей, которые ставились Россией, и взаимное недоверие между Россией и

Австрией относительно этих целей повели к тому, что Австрия отказалась от совместных действий с Россией, выговорив себе, в случае победы России над Турцией, право занятия Боснии и Герцеговины и обязательство со стороны России, при заключении мирного договора с Турцией не создавать обширного славянского государства на Балканском полуострове. Россия также обязалась не действовать своими войсками на сербской территории.

Несмотря на доброжелательный нейтралитет Германии и соглашение с Австрией, императору Александру II, для успокоения встревоженной Англии, пришлось дать неисполнимое обещание — не переходить Балканы и не занимать Константинополя. Одновременно Англии дано уверение, что со стороны России не имеется никаких планов движения к Индии.

При такой политической подготовке император Александр II, долго противившийся войне, но увлеченный движением, созданным славянофилами, после непринятия Турцией предложений России, объявил в 1877 году войну Турции. Результаты этой войны еще свежи в памяти русского народа. Геройскими усилиями русских войск на европейском и азиатском театрах войны турецкая армия была разбита и почти рассеяна, путь к столице — Константинополю — и Босфору открыт; но все эти победы завершились постановкой нашей армии в такое положение, что ей могла предстоять борьба с коалицией из Англии, Австрии, Румынии и Турции. Причины такого, по-видимому, непонятного явления изложены выше. Повторим только, что главная опасность нам угрожала со стороны Австрии, причем мы сами поставили ее в число своих врагов несоблюдением условий заключенного с ней соглашения.

Сан-Стефанский договор игнорировал соглашение в Рейхштадте. На Балканском полуострове создавалось, противно рейхштадтскому соглашению, обширное болгарское государство, захватывавшее и часть земель с сербским населением, закрывавшее в будущем выход Австрии к Салоникам. Босния и Герцеговина, которые по соглашению в Рейхштадте должна была занять Австрия, оставлялись под властью Турции с проведением в них реформ. Представляется возможным предположить, что, если бы условия Сан-Стефанского договора были выработаны по соглашению с Австрией, с соблюдением условий предварительного с ней соглашения, то Россия избежала бы Берлинского конгресса и, что еще важнее, могла бы игнорировать угрозы Англии и прочно занять в 1878 году Босфор.

Война 1877—1878 годов принесла христианским народам Балканского полуострова огромные блага: кровью русского народа Сербия и Румыния получили полную независимость, создалось болгарское государство. Силы Турции были надломлены. *Освободительная миссия России на Балканском полуострове закончилась,* но собственно Россия вышла из этой войны обессиленная огромными расходами, обессиленная потерей 260 тыс. человек убитыми, ранеными и больными, вышла без утверждения на Босфоре и, после одержанных побед, пережила унижения берлинского судилища. Представители России на этом судилище слабо и неумело защищали русские интересы. Не пролившие ни капли крови Австрия и Англия получили: одна—Боснию и Герцеговину, другая — Крит. Болгария была разделена на две части.

Относительно роли нашей дипломатии во время войны 1877—1878 годов С. Татищев 20 лет тому назад писал:

> «Совершалось великое историческое таинство. В челе мужественного и самоотверженного войска, при единодушном ликовании народа, русский царь предпринял довершить святой освободительный подвиг, завещанный ему державными предками. Ценой неимоверных усилий, побеждая всевозможные препятствия, русская рать перешла через Дунай, перешагнула через Балканы и, одолев отчаянное сопротивление храбрых противников, водрузила победоносный стяг свой на берегах

Мраморного моря, в виду Константинополя. Еще один шаг, и заветная цель была бы достигнута: Животворящий Крест снова воссиял бы над Святой Софией!

Прямая обязанность дипломатии — обратить на благо России беспримерное торжество русского оружия. Что же делала, как поступала она? Глубокая скорбь проникает в душу, сердце обливается кровью при одном воспоминании о том смятении, о той неурядице, что в эту знаменательную эпоху царила в наших дипломатических рядах. Сначала дипломаты всеми силами старались предотвратить борьбу, потом — елико возможно сузить ее поле, уменьшить наши боевые силы. Долго противились они приступлению к союзу с нами румын, сербов и греков, намечали предел нашему поступательному движению, принимали в этом смысле обязательства перед чужеземными дворами. Когда же в последний период похода решительные наши победы на обоих театрах войны далеко превзошли и опасения наших противников, и собственные наши надежды, дипломаты окончательно растерялись. Не было более единства в руководстве и направлении; каждый из местных представителей России в иностранных столицах действовал на свой страх и за свой голову, не только не ища согласовать своих поступков с действиями товарищей, но во всем переча один другому. Так, в Лондоне разделывалось то, что было улажено в Вене, Вена пререкалась с Берлином, переговоры в Сан-Стефано велись в полном разногласии с Петербургом. Венцом всего явился Берлинский конгресс, на котором уполномоченные наши отложили всякое попечение о нуждах и пользах России, чтобы отстоять независимость Румынии и Сербии, свободу и самостоятельность болгар. Этой цели они достигли, хотя и дорого заплатили за нее предоставлением всем прочим участницам конгресса разных преимуществ, от коих заранее отреклась Россия. Таков был, в общей сложности, результат, из-за которого отечество наше истощило свои производительные силы на многие годы и принесло в жертву жизнь сотен тысяч своих сынов.

Первый долг государства — промышлять о самом себе. Призвание наше освобождать наших восточных единоплеменников и единоверцев было бы просто бессмысленным, если бы не могло осуществиться иначе, как нам во вред. Но в том-то и дело, что от нас зависело предотвратить зло, заручившись надежными гарантиями. Мы этого не сделали тридцать лет назад и ныне несем за то суровую, но вполне заслуженную кару»[85].

Внешнее положение России в 1879 году, несмотря на победоносную войну, снова оказалось неопределенным и тяжелым.

Бисмарк по-прежнему протягивал России свой железную руку, «но сомнения в искренности Пруссии уже зародились в среде русской дипломатии тотчас по заключении Сан-Стефанского мира, и возразителем их по возвращении с Берлинского конгресса явился князь Горчаков»[86].

Когда Россия уклонилась от подначальной в политическом и экономическом отношениях роли, предназначенной ей при союзе с Германией, Бисмарк в 1879 году предложил эту роль Австро-Венгрии. Несмотря на противоположность самых существенных, особенно экономических, интересов Германии и Австро-Венгрии, несмотря на опасность отторжения от Австрии областей с немецким населением, Австрия приняла сделанное ей предложение. Распря, возникшая в 1878 году между Россией и Австрией, чуть не разразившаяся войной, оставила чувство враждебности в правительствах обеих держав, к которому со стороны Австрии примешивались опасения быть атакованной Россией. И эти опасения имели свои основания: наши отношения в 1878 году и в начале 1879 года к Австрии были так натянуты, что легко могли

вызвать вооруженное столкновение. В видах безопасности в Петербурге принимались меры, чтобы не быть захваченными врасплох. Окончись Русско-турецкая война в полном соглашении нашем с Австрией, это соглашение легко обратилось бы после войны в прочный союз, естественный по племенному составу австро-венгерской монархии. Напротив того, нарушив Сан-Стефанским договором соглашение с Австрией, заключенное до войны, мы сами в 1879 году толкнули Австрию в объятия Германии. Защищая в Сан-Стефанском договоре вполне неудачно босняков и герцеговинцев от передачи их в управление Австро-Венгрии, мы содействовали худшему для славян результату: договором 1879 года Австро-Венгрии с Германией закрепилось управление, а затем и эксплуатация немцами из Берлина и Вены всех славянских племен, входящих в состав Австро-Венгрии.

Естественная по племенному составу союзница России Австрия, таким образом, очутилась не в одном с Россией лагере.

Россия ко времени вступления на престол императора Александра III оказалась в политическом отношении одинокой.

Но уже с первых дней царствования обозначился резкий поворот во взглядах на внешнюю политику России нового императора с его предшественниками, начиная с Павла I. *Русские интересы были поставлены на первый план.*

С. Татищев в 1890 году писал: «За последние 10 лет и немцы, и русские успели свыкнуться с несомненной истиной, что политика чувства, а тем более чувствительности, не ведет к добру».

Эта политика чувства и чувствительности мощной волей императора Александра III была заменена возвратом к русской национальной политике.

По отношению к внешней политике в программе государя значилось:

Освободить нашу внешнюю политику от опеки иностранных держав.

Это освобождение было в особенности необходимо по отношению к Германии. Пользуясь дружескими отношениями России, немцы после франко-прусской войны начали заселение нашей пограничной полосы земледельческим населением и захватили часть русской промышленности в свои руки.

В 1884 году только в одном Царстве Польском пришлое немецкое население уже составило до 400 тыс. человек. На железных дорогах Царства Польского оказалось 1830 человек служащих немцев[87], из которых большинство были ландверисты[88] с несколькими десятками офицеров во главе.

С целью обойти покровительственный для русской промышленности тариф, немцы начали основывать промышленные предприятия на русской территории: в Сосновицах с окрестностями оказалось 25 немецких заводов, рабочие которых ежедневно два раза переходили нашу границу.

В циркуляре министра иностранных дел русским дипломатическим представителям при иностранных дворах, от 4 марта 1881 года, между прочим значилось:

> «Внешняя политика императора будет вполне мирной, Россия останется верной друзьям своим; она сохранит в неизменности свои симпатии, освященные преданием, и будет отвечать взаимностью на дружественное расположение всех других государств. Она удержит подобающее ей значение в ряду прочих держав и озаботится поддержанием политического равновесия. Соответственно своим интересам, Россия не отступит от призвания, в согласии с прочими правительствами, охранять основанный на уважении права и договоров всеобщий мир. *Долг России заботиться, прежде всего, о себе самой.* Одна только обязанность защищать свой честь или безопасность может отвлечь ее от внутренней работы. Наш Августейший Государь напрягает свои усилия к утверждению могущества и благосостояния России, на благо

ей и никому во вред»[89].

В 1883 году к союзу Германии с Австрией присоединилась Италия. Ближайшей причиной поворота Италии в сторону своей традиционной соперницы — Австрии — было занятие Францией Туниса, обострившее отношения между Францией и Италией. Между тем, ранее эти отношения начали приобретать настолько дружественный характер, что возможно было ожидать союза между Францией и Италией. Наконец, в 1890 году к тройственному союзу примкнула Англия. Германия добилась соглашения с Англией, уступив ей обширные владения в Восточной Африке и получив взамен небольшой, ранее бывший немецким, остров Гельголанд.

При такой изолированности России император Александр III решился открыто сблизиться с Францией. При посещении в 1891 году французской эскадрой Кронштадта император приказал играть Марсельезу, выслушал ее стоя и послал президенту республики депешу, в которой говорилось *«о глубоких симпатиях, соединяющих Францию и Россию».*

При ответном посещении русской эскадрой Тулона наших моряков встретили восторженно. Русские моряки с судов прибыли в Париж, где в честь их устраивались овации и празднества. Наш государь снова обменялся с президентом депешами, в которых говорилось об *«узах, связывающих оба государства».*

Англия скоро возвратила себе свободу действий, и в Европе до начала XX века действовали два союза: тройственный из Германии, Австрии и Италии и ответный ему двойственный из России и Франции.

Эти два союза, уравновешивающие в известной степени значение вооруженных сил главнейших держав Европы, вызвали то положение в ней, которое называется *«вооруженным миром».*

Автор «Политической истории современной Европы» Ш. Сеньобос следующими верными строками очерчивает значение и тягости вооруженного мира:

> «Со времени окончательного объединения Германии и Италии, в течение четверти века, в Европе не было нигде, кроме полуварварских балканских стран, никакой войны, ни большой, ни малой. Европа первый раз пережила такой продолжительный период полного мира. Но этот мир прикрывает постоянную враждебность»[90].

Между Германией и Францией вражда из-за вопроса об Эльзас-Лотарингии, оставшегося невыясненным в общественном мнении Франции, но возникшего вследствие непримиримого противоречия между двумя противоположными понятиями о праве, между верховной властью правительства по праву завоевания — принципом германской монархии, и верховной властью народа, из коей вытекает право населения располагать своей принадлежностью к государству — принципом французской демократии.

Между Австрией и Россией идет старый спор по поводу восточного вопроса, борьба за влияние в балканских странах.

Страх войны, ставшей гораздо более ужасной, чем прежде, останавливает враждебные действия; все народы с таким ужасом относятся к войне, что правительства не смеют даже больше угрожать ей для поддержания своей политики. Все согласились принять сохранение мира за основное правило политики.

Но этих единогласных заявлений недостаточно, чтобы внушить общественному мнению полную уверенность в прочности мира; в продолжение пятнадцати лет постоянно раздаются голоса, что война возгорится в следующую весну. Взаимное недоверие государств так глубоко,

что каждый народ отказывается верить в искренность своего соседа и принимает его миролюбивые заявления за маневр, долженствующий усыпить соседа перед нападением. Кроме того, в новой войне мобилизация производится так быстро, преимущества нападающего такие решительные, что для того, чтобы иметь возможность оказать надлежащее сопротивление, надо быть всегда готовым к войне. Быстрый прогресс в военном искусстве побуждает каждое государство часто перевооружаться и увеличивать число своих солдат, чтобы не отстать от своих соседей; наличный состав войска на мирном положении равняется в настоящее время прежнему составу на военном положении.

Тягость вооруженного мира особенно ощутительна для отставшей в культурном отношении России. Ей приходится равняться по Германии, непрерывно увеличивающей и совершенствующей свои силы, а на это средств у России не хватает.

Так как готовность к войне армии в настоящее время более всего зависит от хорошо развитой сети железных дорог, то в этом отношении мы ранее хотя и отставали от Германии, но могли равняться с Австрией. К началу же XX века мы стали в тревожной степени отставать и от Австрии.

Антимилитаристское движение, получившее большое развитие во Франции, стремление принять сроки службы, приближающие армию к народным ополчениям, если этим явлениям не будет положено предела, грозят ослаблением военной мощи нашей союзнице — Франции.

Когда в первых годах XX века неожиданно разразилась война России с Японией, в результате русской политики XIX столетия Россия оказалась без союзников, которые могли бы действительно помочь ей, а главные и наиболее готовые в боевом отношении силы русских войск были оставлены на западной границе.

Огромные расходы, произведенные Россией на развитие ее вооруженных сил с 1871 года, могли быть использованы в войне с Японией лишь в малой степени, причем в составе войск, принимавших участие в военных действиях, значительная часть принадлежала к наскоро сформированным резервным войскам, а в полевых войсках, двинутых на подкрепление из Европейской России, около двух третей их состава были запасные нижние чины.

Внешнее положение России к концу XIX столетия, сравнительно с внешним положением в конце XVIII столетия, несомненно ухудшилось.

Отсутствие в течение XIX столетия вполне определенной и национальной внешней политики, вмешательство в чужие дела, неясность целей, преследовавшихся в разное время русским правительством на Балканском полуострове, — все это вместе с опасением могущества России создало общее по отношению к России и ее планам недоверие.

В конце XVIII века непосредственные соседи России в Европе Пруссия и Австрия были значительно слабее ее в военном отношении. Турция победами России была ослаблена. Соседи в Азии были слабы или миролюбивы настолько, что ничтожные силы, содержавшиеся нами в Оренбургском крае и в Сибири, признавались достаточными, чтобы поддерживать спокойствие в наших пределах. В течение XIX столетия, при содействии России, на западной ее границе возникла германская империя с могущественной военной организацией. Усилилось военное значение и Австро-Венгрии и Турции. В Азии произошла перемена, тоже неблагоприятная для нас: вместо слабых киргизских орд мы ныне в Туркестане стоим против Афганистана с воинственным населением. Миролюбивый Китай, разбуженный японцами и европейцами, в том числе и нами, начинает заводить многочисленную армию.

Япония, сохранив свои национальные особенности, завела сильные армию и флот, стоящие на уровне современных требований и, после одержанных ей побед в войнах против Китая и России, требует места среди первостепенных держав всего мира.

Своими действиями на Ближнем Востоке мы в XIX столетии испортили свои отношения с

Австрией, Турцией и отчасти Румынией. Своими действиями в начале XX века на Дальнем Востоке мы испортили свои отношения с Китаем и Японией. Не преследуя в Средней Азии никаких воинственных против Англии замыслов, мы не успели убедить ее в этом и неизменно, всю вторую половину XIX столетия, имели Англию против себя.

Содействовав достижению Германией объединения, Россия готова была поддерживать с ней «традиционную» дружбу, но не могла при этом согласиться занять подначальное к ней положение. Тогда, 30 лет тому назад, взамен дружбе с Россией, Германия предложила свой покровительственный союз Австрии, который и был принят. В результате в Европе образовалось, с целями поддержания европейского мира, два союза: тройственный из Германии, Австрии и Италии и двойственный из России и Франции. Настало время «вооруженного мира», при котором все державы усиленно вооружались на суше и на море. Державы, более сильные культурой и богатые, легче, чем Россия, выдержали это положение.

В то же время в Европе огромные культурные успехи, сделанные нашими западными соседями, привели в военном отношении к результату, невыгодному для России: пользуясь несравненно более развитой сетью железных дорог, наши западные соседи могут в случае войны с нами значительно быстрее, чем мы, сосредоточить огромные армии на нашей границе, что дает им огромные преимущества.

Итак, внешнее положение России в конце XIX века стало более угрожаемым, чем было в конце XVIII века.

Военное положение России в конце XIX века

Военное положение России к концу XVIII столетия было вполне благоприятным. Наша армия занимала почетное место среди других армий по численности, по отличному боевому составу, обучению, вооружению и наличию в среде армии выдающихся начальников с бессмертным Суворовым во главе. Наши ближайшие соседи — Австрия и особенно Пруссия — были сравнительно слабее России в военном отношении. Исторические задачи, возложенные на русскую вооруженную силу по объединению русского племени и выходам к морям Каспийскому, Балтийскому и Черному, были выполнены. Россия могла в течение XIX века заняться крайне необходимой для нее внутренней работой. Нуждалась и наша военная система во многих усовершенствованиях. В особенности надлежало принять меры, чтобы мирный состав чинов армии при объявлении войны мог быть использован в возможно большей степени для ведения военных действий. У нас же в XVIII столетии на довольствии числилась многочисленная армия, а в поле выводилась лишь малая часть из числа чинов, числившихся на довольствии.

Но XIX век, вместо отдыха и переустройства, принес русской армии огромную боевую деятельность, кратко изложенную в предыдущих главах.

В течение XIX века Россия вела 15 внешних и 3 внутренних войны, не считая Кавказской войны и польского мятежа в 1863 году. Общая сумма всех сил, выдвинутых на различные театры борьбы в XIX столетии, близка к 5 млн человек. Общая потеря убитыми, ранеными и эвакуированными из армии по болезни составила около полутора млн человек. Из числа их приходится на борьбу с Наполеоном около 500 тыс. человек, на восточную войну — 340 тыс. человек, на войну с Турцией в 1877—1878 годах — 260 тыс. человек. Относительно деятельности наших войск в XIX столетии в предыдущих главах сделаны следующие выводы:

По войнам с Наполеоном

1) Мы начинали войны 1805, 1806, 1812 и 1813 годов с недостаточными силами и притом разбросанными. Назначение командующих армиями и главнокомандующих встречало затруднения. Русские войска большей частью подчинялись иностранцам и инородцам. При начале войны в 1813 году наши войска находились в расстройстве, и дисциплина их ослабела. Позже оправились и подтянулись.

2) С первых же боев образовывался слабый состав частей. Со своевременным укомплектованием войск совершенно не справились.

3) Отпуски от казны были скудны. Поэтому войскам приходилось терпеть недостатки в продовольствии, одежде, обуви, обозах, боевых припасах.

4) Высокопоучителен план действий, принятый в 1812 году против Наполеона. Увлечение противника, обладавшего превосходством сил материальных и духовных, в глубь страны, было успешно применено в борьбе со шведами в XVIII столетии и погубило армию Наполеона в XIX столетии.

Ныне становится все более несомненным, что тот же план, примененный в начале XX века в Русско-японскую войну, тоже неизбежно привел бы русскую армию к победе.

5) Боевая практика в эти войны представилась для войск огромная и пополнила недочеты обучения и воспитания в мирное время. Почти непрерывный ряд войн со второй половины XVIIIстолетия до 1815 года дал возможность выделиться начальникам с крупными военными дарованиями. Корпус офицеров, отставший в теоретической подготовке, был практически отлично подготовлен и не уступал офицерскому составу ни одной из европейских армий.

Нижние чины, служившие в рядах свыше 20 лет, были превосходны. Они считали полки и другие части войск, в которых служили, своей родиной. Дух войск был отличный.

6) Упорство в бой русских войск приобрело всемирную славу, но при обороне мы часто действовали слишком пассивно.

7) Причина частных неудач наших войск в войну 1813 года под Дрезденом и Лейпцигом заключалась в отсутствии общего руководства боем, в отсутствии связи между действиями разных колонн и в разрозненности действий каждой из колонн. Лучшие боевые подвиги войск относятся, в особенности, к арьергардным боям и вообще боям оборонительного характера (Шенграбен, Бородино, Кульм).

8) Конница покрыла себя славой. Казаки приносили армии огромную пользу. Артиллерия не жалела себя и выручала другие роды оружия.

В войну с турками 1806—1812 годов обозначились:

1) Неудовлетворительность политической подготовки войны: главные русские силы были отвлечены на запад, а для борьбы с турками были назначены недостаточные силы.

2) Эти силы, вследствие чрезвычайной болезненности, находились все время в огромном некомплекте. Со своевременным укомплектованием войск военное министерство не справилось.

3) В приискании главнокомандующих встречались большие затруднения: за пять лет войны сменилось пять главнокомандующих.

4) Пути сообщения, связывавшие театр военных действий с Россией, находились в неудовлетворительном состоянии.

5) Денежные отпуски на армию были недостаточные.

6) Наши войска имели несколько серьезных неудач. Турки со второй половины XVIII века достигли в военном деле успехов.

165

В войну с турками в 1828—1829 годах:

1) Цель войны была неопределенная.

2) Политическая подготовка оказалась неудовлетворительной: главные силы русской армии оставались на западной границе.

3) Поэтому войск в действующую армию было назначено недостаточное количество, и их пришлось значительно усилить.

4) Войска действовали в большом некомплекте, вследствие потерь в боях и особенно потерь от болезней. С укомплектованием войск военное министерство не справилось.

5) За время войны сменилось два главнокомандующих.

6) Пути сообщения, связывавшие княжества Молдавию и Валахию с Россией, находились в неудовлетворительном состоянии.

7) Денежные отпуски на армию и для ведения войны были недостаточные.

8) Содействие флота сухопутным операциям было могущественное.

9) Офицеры и нижние чины были храбры и выносливы. Начальники войск на кавказском театре отличались большей самостоятельностью и предприимчивостью, чем на европейском.

10) Кампания 1828 года на европейском театре окончилась для наших войск неудачно.

Выигрышу кампании 1829 года помогло расстройство турецких войск и прочное сознание нравственного превосходства наших войск над противником.

С окончанием наполеоновских войн в нашей армии происходит резкий перелом. Боевые требования сменяются смотровыми. Звучность ружейных приемов, маршировка с носка

становятся на главное место. Аракчеевщина расшатывает армию. Самостоятельность убивается.

Легкие успехи в венгерскую кампанию приносят армии вред, увеличивая самодовольство, скрывая недостатки.

Денежные отпуски для поддержания нашей армии в техническом отношении на одной высоте с другими армиями были недостаточны.

40 лет применения аракчеевской системы обучения и воспитания войск, вместе с недостаточностью денежных отпусков, в весьма значительной степени ухудшают боевую годность и готовность нашей армии.

В войну 1853—1856 годов:

1) Политическая подготовка войны были неудовлетворительная. Вероятная роль Австрии и Пруссии определена неправильно. Союзников мы не имели. Главную массу войск выставили не против Турции, а на западном фронте.

2) Цель действий войск была неопределенная.

3) Для войны с турками были назначены недостаточные силы.

4) Даже против турецких войск наши войска в нескольких случаях действовали неудачно.

Организация, обучение и вооружение турецких войск со времен войны 1828—1829 годов улучшились. В турецких войсках снова обнаружилось патриотическое возбуждение.

5) Недостаточность в течение долгого периода денежных отпусков на армию повела к тому, что при встрече с европейскими противниками наши войска оказались отсталыми в вооружении: гладкоствольные ружья против нарезных, парусный флот против парового.

6) При обороне Севастопольских укреплений, несмотря на недостатки вооружения и обучения наших войск, сухопутные войска и моряки, пехота и артиллеристы сражались геройски.

7) Действия наших войск в поле в боях на Алме, под Инкерманом и на Черной речке велись неумело и неудачно. Кроме недостатков в вооружении, в этих боях обнаружилась совершенно недостаточная тактическая подготовка войск. В особенности наши войска действовали слабо в наступном бой.

8) Главные причины неудач наших войск в наступных боях под Инкерманом и Черной речкой заключались в отсутствии общего руководства боем, в отсутствии связи между действиями разных колонн, в разрозненности действий каждой из колонн (ввод в бой недостаточных сил) и в малом содействии пехоте со стороны артиллерии и конницы.

9) Главная тяжесть боя ложилась на пехоту. Артиллерия, помогая самоотверженно пехоте при обороне Севастополя, в полевых боях, кроме нескольких случаев, оказывала пехоте недостаточное содействие. Кавалерия, которая играла такую доблестную роль в наполеоновских войнах, несмотря на превосходство во много раз в численности против конницы противника, содействия другим родам оружия почти не оказывала. В боях, где пехотные полки выходили, потеряв половину состава, полки конницы теряли несколько человек или, уклоняясь от боя, вовсе не имели потерь.

10) Унтер-офицерский состав армии под Севастополем был в высшей степени надежным. Нижние чины — отличные. Офицерский состав был храбр, но, при увлечении ружейными приемами и маршировкой, не получил достаточной подготовки для борьбы с европейским противником. Частная инициатива отсутствовала. Начальники войск, за немногими исключениями, не соответствовали занимаемым ими должностям.

11) За время войны сменилось два главнокомандующих.

12) С укомплектованием войск, продовольствием их, снабжением всем необходимым и устройством санитарной части военное начальство не справилось.

13) Трудность подвоза разных запасов увеличивалась от плохого состояния путей, связывавших Крым с внутренними местностями России.

14) Несмотря на все изложенные недочеты войск, не заключи мы мир, война окончилась бы победой для России. Поэтому главной причиной неудачи войны 1853—1856 годов нельзя не признать несвоевременное заключение мира.

Войска, действовавшие на кавказском театре войны, не испорченные аракчеевской муштрой, закаленные в непрерывной борьбе против горцев, во многих случаях сражались с выдающимся успехом. Частные начальники войск обладали самостоятельностью и инициативой. Все роды оружия дружно помогали друг другу. Конница, бездействовавшая под Севастополем, покрыла себя славой на кавказском театре войны, врубаясь в пехоту, беря орудия, склоняя своими самоотверженными действиями участь боя в нашу пользу.

Война 1877—1878 годов

1) Политическая подготовка войны была неудовлетворительная: союзников мы не имели; главную массу войск держали против западного фронта.

2) Силы турок и их подготовка к войне были недостаточно известны и умалены.

3) Силы русских войск, назначенные для войны против турок, были недостаточные, и их пришлось почти удвоить.

4) Недостаточность денежных отпусков на армию повела к тому, что по вооружению пехоты и артиллерии мы отстали от турок.

5) Организация, вооружение и подготовка турецких войск со времени войны 1853—1856 годов очень подвинулись вперед. Снабжение боевыми запасами было обширное.

6) На европейском театре войны русские войска при превосходстве в силах перешли к обороне.

Плевну с полевыми укреплениями не могли взять штурмом при тройном превосходстве в силах.

7) Главная тяжесть боя легла на пехоту. Артиллерия во многих случаях мало помогала пехоте. Конница почти вовсе не помогала другим родам оружия. Пехота на штурмах Плевны теряла до половины состава, артиллерия теряла десятки людей на батарей, а конные полки, за небольшими исключениями, имели лишь случайные потери по несколько человек на полк, ибо конница в боях почти не участвовала.

Недостаточно подготовленные для успешного наступного боя, наши войска поддержали свой славу в оборонительных боях, особенно на Шипке. В общем, тактическая подготовка войск оказалась недостаточной.

8) Главные причины неудач наших войск в трех штурмах Плевны были те же, что и под Инкерманом и Черной речкой: 1) отсутствие общего руководства боем; 2) отсутствие связи в действиях различных колонн между собой; 3) разрозненность действий войск в каждой из колонн в отдельности и 4) малое содействие пехоте со стороны артиллерии и конницы.

В особенности незначительна и мало самоотверженна на дунайском театре войны была роль конницы.

9) Нижние чины, несмотря на переход к 5-летнему сроку службы (с 15-летнего), были все еще хороши; но унтер-офицерский состав оказался значительно слабее, чем был в Восточную войну 1853—1856 годов. Запасные нижние чины были слабее срочнослужащих, но скоро сливались с ними. Если нижние чины при переходе к коротким срокам службы несколько ухудшились, то офицерский состав в младших должностях, особенно ротных командиров, значительно улучшился по подготовке против 1853 года. Командиры полков, бригад, дивизий и корпусов, за несколькими блестящими исключениями, не были достаточно подготовлены к

успешной деятельности в военное время. В особенности в них замечался недостаток инициативы и самостоятельности.

Деятельность штабов вызывала много справедливых нареканий со стороны войск.

10) С укомплектованием войск, вследствие долгой стоянки под Плевной главной их массы, военное начальство справилось довольно успешно. Менее успешно оно справилось с продовольствием войск, обмундированием, снабжением разного вида запасов и с устройством санитарной части.

11) Турки представили, в сравнении с прошлым, несравненно более серьезного противника. Времена, когда с 17 тыс. человек можно было разбить армию турок в 150 тыс. человек, прошли. Главные причины: а) усовершенствование оружия, дававшее возможность туркам наносить нашим наступавшим войскам, даже с дальних дистанций, тяжелые потери; б) сформирование и у турок регулярных войск, вместо прежних нестройных и недисциплинированных скопищ.

12) Несмотря на улучшение турецких войск, наши войска при всех слабых сторонах, ими проявленных, сохраняли во всех случаях сознание превосходства над противником и стремились вперед.

13) Тяжелую задачу главнокомандующего облегчали выдающиеся старшие начальники — генералы Гурко, Радецкий, Скобелев 2-й, Тотлебен.

14) Недостаточность отпусков от казны на армию, кроме отсталости в вооружении пехоты и артиллерии, повела еще к отсталости наших технических сил и средств (саперные войска, осадная артиллерия, шанцевый инструмент, мины, проволока, понтоны и пр.).

Недостаток отпуска денежных средств был причиной того, что за 7 лет, со времени восстановления права иметь флот, не было создано на Черном море даже слабых морских средств. Там, где моряки приняли участие в военных действиях, они действовали молодецки.

15) Отсталость культурных средств России, сравнительно с западными державами, послужила причиной малого развития к 1877 году сети железных дорог. Сосредоточение войск совершалось медленно. Связь армии с родиной была слабая (в Болгарии грунтовые пути и один мост через Дунай).

16) Кавказские войска, как и в 1853—1856 годах, действовали в общем успешнее войск Дунайской армии. Плевна с полевыми укреплениями останавливает наши войска на несколько месяцев и берется измором (блокадой), и в то же время кавказские войска берут ночным штурмом сильную крепость Карс.

Частные начальники всех степеней проявляют на Кавказе много самостоятельности и инициативы. Между ними особенно выделились Лазарев, Гейман, Тер-Гукасов. В особенности надлежит отметить действия в кавказской армии артиллерии и конницы, самоотверженно и умело облегчавших пехоте достижение победы.

Высокие нравственные качества наших войск во всех войнах выказывались при обороне. Относительно этой характерной особенности наших войск профессор Н. Сухотин дает следующее заключение:

> «Будучи народной, наша вооруженная сила на театрах войны и на полях сражений являла те же свойства, с каковыми прожил русский народ свое историческое прошлое: терпеливость в беде, безграничная выносливость и стойкость, тягучая, спокойная, несокрушимая настойчивость, отвага без задора, смелость без бахвальства. Все эти свойства покоятся на той же основной способности всей массы народа к беззаветному самопожертвованию и каждого отдельного человека к жертве своей личностью и своим личным интересом — делу народа, делу государства, делу общему.
>
> Эти свойства русской вооруженной силы, как оно и естественно, особенно ярко

проявляются в тяжелые дни ее военной истории и выражаются в способности русской армии, как и всего русского народа, к крайнему напряжению в обороне; идея защиты до крайних пределов — наша народная идея; напротив, идее нападения, несмотря на то, что осуществлением ее Россия доведена до настоящего ее положения и величия, в народных симпатиях отводится второе место. Такие факты оборонительного характера, как 1812 год с его Бородинским боем и сожжением Москвы, как Севастопольская година и, в последней войне, Шипкинское сидение с его знаменитым «на Шипке все спокойно» и т. п., несомненно более запечатлелись в народной памяти и более чтутся народным самосознанием, чем подвиги наступательного характера, хотя бы такие, как зимний переход через Балканы, как наступательный поход через льды Ботнического залива в 1809 г ., как легендарные наступательные походы на Кавказе, в Хиве и т. п.» [91].

На основании вышеизложенного можно сделать общий вывод, что первые 15 лет XIX столетия русская армия, при почти непрерывной боевой деятельности, поддерживалась на той же высоте, на которую возвысилась во второй половине XVIII столетия, но затем начала быстро ухудшаться в духовном и материальном отношениях, что и сказалось в Восточной войне 1853—1856 годов. Но этот тяжелый урок еще не был достаточен, чтобы вывести русскую вооруженную силу из той отсталости сравнительно с армиями наших соседей, к которой она была приведена после 1815 года аракчеевской системой.

Пробуждение началось только после грома немецких побед 1870—1871 годов на полях Франции.

Основу каждой армии составляет численность ее в мирное время. До 1825 года русская армия была одной численности как в мирное, так и в военное время. Затем, следуя примеру других держав, главным образом Пруссии, и в России появилась разница между военным и мирным составами, которая все увеличивается, в зависимости от роста выставляемых в военное время сил наших соседей. Несомненно однако, что чем больше эта разница, тем прочность армии уменьшается. При увлечении только численностью военного времени армия может обратиться в ополчение.

Екатерина II оставила в 1796 году Павлу I армию мирного и одновременно военного состава в 503 тыс. человек император Павел I, желая облегчить тяжелое материальное положение населения, сократил численность армии до 400 тыс. человек мирного и военного состава, но при этом своей внешней политикой поставил Россию в опасность вооруженной борьбы почти со всеми первостепенными державами Европы.

Его преемник Александр I, начав с первых годов своего царствования ряд войн с Наполеоном, вынужден был быстро увеличить численность нашей армии и оставил в 1825 году своему преемнику императору Николаю I армию по штатам мирного и военного времени в 620 тыс. человек. Царствование императора Николая I в течение 30 лет сопровождалось непрерывной военной деятельностью на Кавказе, войнами с Турцией и Персией в 1828—1829 годах, войной с поляками в 1830 году, венгерским походом 1849 года и войной 1853—1856 годов с турками и коалицией держав. За эти 30 лет армия выросла в численности по штатам мирного времени до 850 тыс. человек, а по штатам военного времени до 1130 тыс. человек. Содержание такой огромной армии в мирное время было 60 лет тому назад совершенно не по силам бедному в массе населению России, что и отразилось недостаточными денежными отпусками на армию и флот. В результате мы под Севастополем стояли с гладкоствольными ружьями против нарезных штуцеров и с парусным флотом против парового.

Тяжелое материальное положение России после войны 1856 года не дозволило приступить

к тем преобразованиям, необходимость которых выяснилась опытом войны. Напротив того, отпуски на содержание армии были так затруднительны, что пришлось начать уменьшать мирный состав армии. Это уменьшение продолжалось 14 лет до франко-прусской войны 1870 года, когда опасность дальнейшего ослабления мощи России стала слишком очевидной.

После разгрома в двухнедельный срок в 1866 году австрийской армии прусские войска в 1870 году, поддержанные войсками других германских государств, на 20-й день после объявления мобилизации уже открыли военные действия против французов, одержав победу под Вейсенбургом, а *через четыре недели после начала военных действий французская армия была разбита* в нескольких сражениях; одна часть вместе с императором Наполеоном сдалась в плен под Седаном, другая заперта в Меце и позже потерпела ту же участь. Эти необычайно для той эпохи быстрые и решительные успехи заставили русских военных людей, стоявших у власти, рассмотреть вопрос: какими силами и средствами располагает Россия, чтобы противиться Германии, если после победы над Францией, по тем или другим причинам, возникнет война между Россией и Германией?

Этот вопрос 40 лет тому назад был решен неутешительно для России: наша западная граница оказалась почти беззащитна в случае быстрого вторжения многочисленной германской армии. Вся сила постоянной армии, доведенной до минимума, в 1869 году во всех округах европейской России, без Кавказа, составляла по штатам мирного времени *только 367 тыс. человек.* Мобилизация и особенно сосредоточение этих войск, при малом развитии сети железных дорог, могли производиться только весьма медленно.

Чтобы не утратить в военном отношении значения великой державы, пришлось спешно увеличивать состав армии, строить крепости, проводить железные дороги, строить шоссе, заготовлять различные запасы. Одновременно, следуя примеру других держав, требовалось перевооружиться как в пехоте, так и в артиллерии.

Вместо существовавшей системы комплектования армий, обеспечивавшей содержание прочного по выучке мирного состава нижних чинов, но не обеспечивавшей укомплектование армии в военное время и, в особенности, значительного развития вооруженных сил по военному составу, в России в 1874 году была введена так называемая всеобщая воинская повинность.

После Крымской войны срок службы нижних чинов был определен в 15 лет, из коих на действительной службе — 12 лет и в бессрочном отпуске 3 года. Затем срок действительной службы уменьшили до 10 лет и к 1874 году в действительности нижние чины находились во внутренних округах на службе в сухопутной армии только 7 лет. По новому уставу о воинской повинности срок действительной службы был определен в 5 лет, а пребывание в запасе — 13 лет.

Хотя новая воинская повинность и называлась *«всеобщей»,* но в действительности была таковой только по названию. Прежде всего, повинность эта распространялась только на 84 % всего населения России. Но путем большого числа льгот по семейному положению, по образованию и другим причинам воинская повинность ложилась только на часть населения, и притом не на самую сильную.

Поднятие в семидесятых и восьмидесятых годах русской армии на необходимую высоту затруднялось сильным распространением с начала семидесятых годов различных учений отрицательного направления, по которым военная служба считалась не почетной, военные — дармоедами. Эти учения не могли не влиять в особенности на комплектование офицерского состава. Быстрому усилению армии препятствовала также скудость средств государственного казначейства. В результате, как изложено выше, в 1877—1878 годах наши войска оказались по вооружению пехоты и артиллерии отставшими не только от европейских держав, но и от турок.

Суд над Россией на Берлинском конгрессе в 1878 году и последовавшее затем образование

тройственного союза из Германии, Австрии и Италии являлись угрозой самым жизненным интересам России. Поэтому в царствование миролюбивого императора Александра III усиление нашей армии производилось с особой энергией.

К концу XIX века штатный мирный состав всей русской армии уже составил один миллион человек. В военное время наши силы развивались применительно к росту сил по военному составу Германии и Австрии. По новой организации армии потребовалось иметь не только надежный мирный состав, но и надежных «запасных». Роль унтер-офицеров армии увеличилась. Но особенно увеличилась и усложнилась роль офицерского состава.

а) Нижние чины

Состав нижних чинов, поступавших по всеобщей воинской повинности, введенной в 1874 году, к концу XIX столетия ухудшился по разным причинам. Прежде всего надо отметить чрезвычайные льготы по семейному положению, данные населению. Число пользующихся льготами дошло почти до половины состава всех достигающих призывного возраста.

В Германии и Австрии число льготных по семейному положению составляет 2—3 %, а во Франции не существует вовсе льгот по семейному положению.

В числе льготных по семейному положению дома оставалось много отлично физически развитых людей, и приходилось быть снисходительными при приеме из остальной половины контингента, подлежащего призыву. Число бракованных по физической негодности к службе у нас составляло к концу XIX века 17 %, в то время как в Австрии и в Пруссии, где население физически развито не хуже нашего, бракуют в Австрии 50 % и в Пруссии — 37 %.

Понижение достатка в земледельческом населении коренных русских губерний, дававших основу нашей армии, отразилось понижением физических качеств населения, уменьшением роста, замедлением физического развития, большей восприимчивостью к заболеванию.

Когда земля стала плохо кормить население, усилилось хождение на заработки, в том числе и в города. В деревнях развился сифилис, занесенный из городов и фабрик. Число сифилитиков, поступающих в войска, стало увеличиваться. Увеличились также заболевания, связанные с алкоголизмом. Очень возросло и заболевание глазами.

Все эти причины в совокупности требовали принятия мер, чтобы остановить ухудшающийся в физическом отношении состав новобранцев.

При обязательной повинности состав нижних чинов в армии начал в общем соответствовать племенному составу всего населения России. Таким образом, в армии и ее запасе в круглых цифрах русских оказалось только 75 %; из остальных 25 % наиболее видное место занимали поляки — несколько свыше 7 % и евреи 5,5 %.

Таким образом, только в мирном составе армии оказалось свыше 200 тыс. инородческого элемента, да в запасе их было в несколько раз большее число.

При долгих сроках службы армия справлялась с этим элементом и сообщала ему русский характер, прививала русскую речь и русские мысли.

При коротких сроках службы эта задача стала становиться все труднее, особенно когда радетели об особых правах окраинного населения добились усиления его обособленности и уменьшения преподавания русского языка. С ростом сепаратных стремлений разных народностей задача армии по обращению каждого инородца прежде всего в русского воина станет непосильной.

Наименее пригодными для военной службы из всех иноплеменников оказались, по общему отзыву, евреи. А между тем при мобилизации (особенно в северо-западном крае) число евреев в некоторых частях войск, расположенных в этом крае, доходило до такой цифры, что начальники с основанием тревожились, предвидя понижение боевой годности вверенных им частей,

слишком обильно укомплектованных евреями.

Отпуск войск на вольные работы затруднял поддержание дисциплины. Но в особенности вредное влияние на войска производило частое, иногда совершенно бесцельное, командирование войск для усмирения разных беспорядков. Не улучшали качества войск и чрезмерные караульные наряды, препятствовавшие продолжению и закреплению в нижних чинах сведения, спешно сообщенные им в течение зимних занятий первого года пребывания на службе.

Если по указанным причинам к концу XIX века состав нижних чинов русской армии уже начинал требовать принятия мер, чтобы остановить возможное дальнейшее его ухудшение, то состав унтер-офицеров нашей армии к концу XIX века внушал еще большие опасения.

б) *Унтер-офицерский состав*

Развитие в России заводско-фабричной промышленности увеличило число новобранцев, работавших уже несколько лет на фабриках и заводах. Увеличилось и число поступавших из городского населения. По физическому развитию и нравственным качествам эти новобранцы были хуже новобранцев из земледельцев. Но, живя в городах, на фабриках и заводах, они представляли больший процент грамотных и оказывались более земледельцев способными осилить так называемую «словесность», т. е. словесные знания, необходимые для производства в унтер-офицеры. Такое превосходство их над земледельцами повело к нежелательному увеличению числа унтер-офицеров из горожан и фабричных сравнительно с земледельцами.

Дело в том, что при недостаточности с одной стороны отпусков из казны, а с другой — из желания поскорее накопить большое число запасных, действительную службу в пять лет начали в главном роде оружия — в пехоте — сокращать (без изменения закона) и довели лишь до 3 лет 8 месяцев.

При такой короткой службе приготовить унтер-офицера из совершенно безграмотного земледельца (хотя и отвечающего своими нравственными качествами несравненно более унтер-офицерскому званию, чем бойкий, но и более испорченный в разных отношениях и физически более немощный фабричный или горожанин) было очень трудно. Поэтому в унтер-офицеры начали намечаться не наиболее надежные в нравственном отношении, не наиболее обладающие характером, а наиболее бойкие и грамотные.

Сделанные в конце XIX века попытки образовать значительный кадр сверхсрочнослужащих унтер-офицеров не имели достаточного успеха.

К концу XIX столетия мы имели лишь 8 *1/2* тысяч сверхсрочных унтер-офицеров, в то время, как в германской армии их было 65 тыс., а во французской — 24 тыс. человек.

Жалобы на ухудшение унтер-офицерского состава при принятых коротких сроках службы начали принимать тревожный характер.

в) *Офицерский состав*

Усиление мирного состава армии и развертывание армии в военное время потребовали значительного увеличения корпуса офицеров.

Число лиц, производимых ежегодно по окончании курса в кадетских корпусах, покрывало потребность в ежегодном приливе офицеров в армию примерно только на половину. Офицеры, производимые из юнкеров, проходивших службу в войсках при повышенных требованиях от офицерского состава, уже не могли признаваться соответствующими.

Тогда были основаны юнкерские училища с весьма незначительным курсом общих знаний и довольно обширной программой специально военных предметов. В них был открыт доступ всем сословиям.

Этим путем в армию попало много достойных и даровитых служак всех сословий, но попало много и таких элементов, которые не могли быть желательными.

В юнкерские училища потянулись неудачники, не могшие окончить курса в гимназиях и реальных училищах, и притом не по призванию к военной службе, а чтобы обеспечить себе хотя бы скромный кусок хлеба. Многие из таких лиц, зараженные модными в то время учениями (1860—1875 годов), относились к военной службе без уважения и любви.

Одновременно произведена и реформа кадетских корпусов.

Общие классы отделили и обратили в военные гимназии, а специальные собрали в несколько вновь основанных военных училищ.

Эта реформа тоже отвечала настроению интеллигентного общества той эпохи. Боялись, что в кадетских корпусах молодежь насильственно направляется на военную службу, быть может, не имея к ней призвания, боялись вреда от соединения в одно заведение детей в 10 лет и юношей в 18—20 лет. Многим, наконец, представлялось, что суровый режим кадетских корпусов уже не отвечает современным взглядам на воспитание детей и юношей. Много лиц с истинным призванием к педагогической деятельности посвятили себя постановке военных гимназий на прочную ногу. Была хорошая сторона и в военных гимназиях. Несомненно, что преподавание многих общих предметов выиграло, но воспитанники военных гимназий приобрели слишком *«штатский вид»* и *«штатские взгляды»,* отличные от тех, которые прививались в кадетских корпусах. Несомненно, что в старых кадетских корпусах было много недостатков, но были и дорогие для военного дела особенности. Прежде всего, в кадетских корпусах крепко держалось товарищество, каждая измена этому товариществу вызывала суровый самосуд. Выдать товарища признавалось позорным, стоически переносили розги, карцер, снятие погон, но не выдавали. Еще в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов розги были в употреблении, и много доблестных начальников русской армии без горечи вспоминали, что и их секли.

Одновременно они, оживляясь, вспоминали суровые требования товарищества в кадетском корпусе и ту закалку, дорогую для военной службы, которую получали в кадетских корпусах будущие офицеры. Сама обстановка жизни в кадетских корпусах была суровая, приготовлявшая к военной службе в большей мере, чем в военных гимназиях.

В начале 90-х годов кадетские корпуса были восстановлены, кроме специальных классов, которые остались в военных училищах.

К 1900 году в составе нашей армии число офицеров, окончивших курс в военных училищах, было 51 %, в юнкерских — 49 %. Другими словами, около половины офицерского состава имели общее образование ниже среднего.

По происхождению в конце XIX столетия в офицерском составе русской армии было дворян: обер-офицеров около половины, штаб-офицеров — около 70 %, генералов — несколько более 90 %.

Такое значительное ослабление в офицерском составе дворянского элемента не способствовало сплоченности корпуса офицеров и поддержанию в нем высокого корпоративного духа. Этот корпоративный дух был важен потому, что ограждал корпус офицеров от проникновения в него нежелательных элементов по воспитанию, привычкам и образу мыслей.

С ростом культурного развития недворянских элементов невыгоды допуска в корпус офицеров этих элементов все уменьшаются. Ныне обойтись без широкого допуска в офицерскую среду представителей всех сословий нельзя. Можно усиливать требования, но закрывать доступ к военной службе юноше, образованному, воспитанному, чувствующему призвание к военной службе, физически хорошо развитому только потому, что он не из дворян для армии и России невыгодно.

Но затруднить доступ тем, кого в армии называют «разночинцами», в том числе, например, писарям разных управлений, вахтерам при разных складах, неудачникам из семинарий, лицам, жившим в трактирной обстановке, лицам, получившим особые привычки, несовместимые со званием офицера, — желательно и необходимо.

Относительно вероисповедания и национальности рассмотрение списков генералов и капитанов нашей армии за 1907 год дает следующие данные:

В русской армии в 1907 году в составе корпуса офицеров находилось:

а) не православного вероисповедания: генералов (полных) — 22%, генерал-лейтенантов — 15 %, генерал-майоров — 14,5 %, капитанов — 15 %;

б) с нерусскими фамилиями: генералов — 41 %, генерал-лейтенантов — 36 %, генерал-майоров — 37 %, капитанов — 31 %. Значительное число нерусских фамилий в генеральском составе носит следы немецкого происхождения.

Как ни велико для получения хорошего офицерского состава значение правильно поставленных военно-учебных заведений, но такой состав может получиться только при правильной постановке всей службы офицеров от младших чинов до самых старших. Между тем в этом отношении в последнюю четверть XIX столетия обнаружились такие особенности службы в армии, которые не способствовали выработке командного состава армии, самостоятельного и знающего.

Несомненно, что в армии до Восточной войны 1853—1856 годов существовало много явлений, крайне печальных и нежелательных. Например, командиры полков, особенно кавалерийских, сами довольствовали вверенные им части фуражом и только с этого отдела хозяйства имели огромные доходы. Кроме того, они получали также доходы с обмундирования и других статей. Были случаи, что «для поправки расстроенных денежных дел» различные лица получали полки. То же было и в артиллерии. Ротные и эскадронные командиры тоже имели доходы с сумм, отпускавшихся на продовольствие нижних чинов.

Реформы армии, особенно энергично начатые с 1862 года при военном министре генерал-адъютанте Милютине, во многих отношениях имели благодетельные последствия. Но их слабая сторона заключалась в развитии огромной отчетности и в создании разных коллегий и хозяйственных комитетов, которые должны были блюсти интересы казны. Начальников частей ставили в роль как бы председателей этих коллегий и комитетов, оставляя в то же время ответственными за состояние частей войск. На каждый произведенный расход, даже самый ничтожный, требовался «оправдательный документ». Большое количество разных книг велось не только в полках, но и в ротах. Кроме того, толстейшие тетради ежемесячно составлялись в полках и дивизиях, где проставлялись все данные для контроля каждого человека и лошади, бывших на довольствии. Начальники дивизий должны были удостоверять эти ведомости. Каждая пуговица была на учете.

Россия была разделена на военные округа и в каждом созданы военно-окружные управления. Они должны были облегчить роль центральных управлений военного министерства (децентрализация власти). Все хозяйственные вопросы по разным заготовкам и сверхштатным расходам войск и управлений обсуждались коллегиально. Особые «члены от военного министерства» наблюдали за точным применением законов и распоряжений центральной власти.

Казалось бы, при таких условиях утаить казенную копейку было нельзя. Но охотники извлечь доходы из казенных отпусков в свой личную пользу, т. е. попросту воры в разных рангах, скоро ориентировались в новой обстановке, и сама сложность отчетности послужила им на помощь, облегчая прятание концов. В особенности так называемые «оправдательные документы» во многих случаях помогали в глазах ревизующего начальства «невинность

соблюсти и капитал приобрести». Дело в том, что фабриковать такие документы опытным людям не составляло никакого труда и стоило очень дешево.

Явилась целая масса совершенно фиктивных документов. Но и там, где разные поставщики и подрядчики получали деньги, многие из них без стеснения расписывались в получении сумм больших, чем им были в действительности выданы. В свой очередь разные поставщики продовольственных запасов, фуража, топлива, ставя меньшие количества или худшего качества, получали удостоверения в полной поставке продуктов хорошего качества.

В результате нагромождение всевозможных книг, ведомостей, приложений, документов лиц, способных к хищению казенных денег, не останавливало, а огромному большинству офицеров, совершенно честно относившемуся к делу, создавало чрезмерную письменную, канцелярскую работу, которая отнимала время от строя и от военной книжки.

При новой организации, по мере увеличения численности войск по военному составу, увеличивались и различные запасы, которые надлежало хранить в мирное время в готовности на случай объявления мобилизации. В частях войск создалось так называемое мобилизационное имущество из вооружения, снаряжения, мундирной одежды, обуви, части продовольствия, лазаретных вещей, обоза и пр. Содержание в порядке этого имущества лежало на ответственности командиров полков (батарей, отдельных батальонов). За порчу или недочеты в имуществе командиры частей должны были отвечать не только по службе, но и материально. Учет этого имущества был несравненно более легок, чем, например, проверка подготовки офицерского состава в военном отношении, чем проверка подготовки части в тактическом отношении. Старшие начальники с необычайным усердием на своих смотрах занялись поверкой сапог, мундиров, осмотром окраски обозов и пр. В результате многие полковые командиры придали сохранению мобилизационного имущества и своевременной окраске обоза большее значение, чем подготовке полка в тактическом отношении.

Массы всевозможных запасов хранились в округах, в учреждениях артиллерийских, инженерных, интендантских (парки, госпитали, неприкосновенные продовольственные запасы, шанцевый инструмент и пр.). Осмотр и поддержание в порядке всего этого имущества лежали на командующих войсками в округах. Объезды этих запасов для осмотра их, деятельность в окружных советах, огромная переписка по штабу округа отнимали много времени. Знакомиться с войсками, изучать начальствующий персонал, воспитывать войска — времени оставалось мало. Командующий войсками округа, в зависимости от личного расположения, легко обращался, главным образом, в начальника окружных управлений.

Обучение войск

Увлечение ружейными приемами до преднамеренной порчи ружей, чтобы они звенели при приемах, увлечение церемониальным маршем на все лады до движения в ногу больших масс «ящиками» окончились временно с войной 1853—1856 годов. С новыми веяниями, однако, начались и новые увлечения. В начале 70-х годов, в первые после освобождения крестьян годы, в армии увлекались обучением грамоте. Добивались, чтобы каждый солдат, возвратившись домой, умел читать, писать, знал простейшие правила арифметики. Ротные командиры привлекали к этим занятиям младших офицеров. Работа шла горячо и успешно. Но с сокращением службы до 3-х лет 8 месяцев и при увеличившихся требованиях караульной службы и хозяйственных работ, обучение грамоте в войсках ослабело. Главное внимание стали обращать на тех, которые предназначались в учебную команду для подготовки в унтер-офицеры, а масса нижних чинов, поступивших в войска неграмотными, оканчивала службу, не выучившись ни читать, ни писать.

Затем в нашей армии, с получением хороших ружей (системы Бердана), начали увлекаться обучением стрельбе в цель. Появились толстые наставления для обучения стрельбе в цель, но

скоро обнаружилось, что это обучение производилось при такой обстановке, которая совершенно не соответствовала боевым условиям. Начали вводить учения с боевыми патронами и в этом отношении достигли некоторых полезных результатов. Но увлечение «процентами» попавших пуль и аттестование ротных командиров в зависимости от этих процентов часто приводили к серьезным несправедливостям.

Короткое время увлекались и гимнастикой, добиваясь в некоторых частях чуть не акробатства. Много полезнее увлечения машинами и так называемыми вольными движениями оказалось обучение «полевой гимнастике», где требовался бег, одоление всевозможных препятствий и штурм вала со рвом перед ним. К сожалению, этому важному виду занятий не дали должного развития. (Опять встретились денежные затруднения в приобретении нужных для гимнастики участков земли.)

Отрадно было видеть части войск, в которых занятия в казармах ежедневно оканчивались прохождением всех препятствий полевой гимнастики с офицерами во главе. В других частях, во вред для дела, офицеры оставались только зрителями.

Но особо важное значение имели для войск лагерные сборы. При усложнившихся требованиях по тактической подготовке войск и увеличившихся дистанциях действительного огня, ружейного и орудийного, земельные участки для обучения войск, принадлежавшие военному ведомству, оказались слишком ограничены. Потребовались значительные кредиты для расширения имевшихся и приобретения новых. Опять явилась задержка в отпуске денег, и к концу XIX века эта важная потребность войск не была еще удовлетворена в достаточной степени.

Но и там, где участки были значительны, например, в Красносельском лагерном сборе, войска слишком привыкали все к одной и той же местности и знали заранее, какие им будут даны задачи. Вырабатывались известные шаблоны атаки и обороны, например, «Кавелахтских высот», «Лаборатории». Когда, всего еще 20 лет тому назад, один из вновь назначенных в Петербургский военный округ генерал, командуя армейской пехотной дивизией, атаковал своего противника — начальника одной из гвардейских дивизий — не с того фланга, как это обычно практиковалось, начальник гвардейской пехотной дивизии громко выражал серьезное недовольство своим противником, учинившим ему такую неожиданность…

Маневры на две стороны имели особо поучительное значение для подготовки командного состава, но, производимые часто до уборки хлебов, они сбивали с толку участников, создавая массу условностей, например, по засеянному полю, для уменьшения уплат за потраву, приходилось целым полком пробираться по бороздкам гуськом; много легко проходимых мест приходилось обозначать условно непроходимыми.

Большим и чрезвычайно полезным подспорьем в обучении войск в поле явились так называемые *«подвижные сборы»,* где войска двигались и действовали на неизвестной им местности.

Для того чтобы лагерные сборы приносили действительную пользу войскам, необходимо, чтобы на этих сборах *практиковались в непосредственном командовании войсками, прежде всего, старшие начальствующие лица, ибо их роль в военное время наиболее трудна и потому требует наибольшей практики в мирное время.* Между тем, в действительности, наибольшую практику на них получали нижние чины, затем обер— и штаб-офицеры, а генералы практиковались в командовании войсками мало и, чем выше было их положение, тем меньше.

Многие командующие войсками в округах, командуя по много лет, ни разу лично *не практиковались в командовании войсками в поле.* Самое большее, если, присутствуя на занятиях войск в лагерных сборах, они делали свои замечания, отдавая их в приказах.

Но роль командующих войсками, как руководителей подготовки войск на военное время,

еще более уменьшалась, если в лице командующего войсками совмещалась и власть гражданская — генерал-губернатора. И по получаемому содержанию, и по представительству генерал-губернатор умалял скромного командующего войсками. Попав часто в совершенно незнакомый ему круг гражданской деятельности, такой командующий войсками или сразу рубил с плеча и путал, или начинал учиться. Приходилось одновременно учиться и действовать. Времени при этих условиях на гражданскую часть уходило много, а на военную часть и на самую притом нужнейшую —*учиться самому командовать войсками в поле* — времени совершенно не хватало.

Были, конечно, исключения. Были командующие войсками в округах, которые справлялись с полным успехом как с военной, так и с гражданской частью. Но таких за последние 35 лет прошлого столетия я помню только двоих: генерала Гурко в Одессе и потом в Варшаве и генерала Кауфмана в Туркестане. Уже в меньшей степени всем сложным и важным обязанностям командующего войсками и одновременно генерал-губернатора удовлетворяли генералы: Дрентельн, Тотлебен, Драгомиров и Троцкий. Приискать подходящих лиц не только для совмещения этих должностей, но даже только для командования войсками в округах было задачей трудной, и выбор таких лиц не всегда был удачен.

Много ближе к войскам и их обучению в нашей армии поставлены командиры корпусов и начальники дивизий, и только благодаря их работе наша армия, хотя и медленно, но все же подвигалась вперед в смысле подготовки к военному времени.

Но и в их деятельности канцелярская работа и, как изложено выше, поверка разных запасов и отчетностей играли слишком большую роль и занимали слишком много времени. По климатическим условиям занятия войск в поле зимой очень затруднены, весной они почти не производятся. Все время зимой и весной уходит на судорожную работу с новобранцами, чтобы в шести-, а иногда в четырехмесячный срок подготовить их к постановке в строй. Затем идет прохождение курса стрельбы. Осенью занятия тоже производятся в поле в незначительной степени, потому что увольняют старейший срок службы в запас, и части войск заняты имущественными заботами и подготовляются к приему новобранцев. Остается короткое лето, которое и служит для подготовки войск к самому главному: умению действовать в поле как малыми частями, так и в больших массах всех родов оружия.

Этот отдел в нашей армии поставлен хорошо для мелких начальников — командиров полков, бригад. Но уже начальники дивизий, обучая своих подчиненных, *сами очень мало практикуются в командовании своими дивизиями в сборе.* На двухсторонних маневрах корпусов, по разным соображениям, начальники дивизий часто являются то посредниками, а то и зрителями…

Корпусные командиры еще реже учатся сами тому, что им придется делать в военное время, — командованию в поле своими корпусами. Они всех учат, всех критикуют, но сами не практикуются в *принятии решений,* которые выпадают на их долю в случае войны. Это критики, но не практики. По финансовым соображениям сборы войск, в которых участвует несколько корпусов, относительно редки. И вот, если корпусному командиру за весь год придется покомандовать в поле своим корпусом один—два раза, то это уже удача. Многие корпусные командиры по несколько лет подряд не имеют случая командовать своими корпусами в поле.

Принять в личное начальство часть своего корпуса и маневрировать против своего подчиненного — начальника дивизии — некоторые командиры корпусов и решались, но такой симпатичный способ пополнения своего военного образования у нас не был в моде.

Точно так же редкие из корпусных командиров для практики маневрировали с относительно малым числом войск, но обозначавшим корпус (рота обозначала батальон и т. д). Этот вид занятий особенно важен, ибо отвлекает относительно мало нижних чинов, а старшим

начальникам и штабам дает хорошую практику.

Занятия военной игрой в нашей армии, к сожалению, не привились.

Скажу несколько слов и о наших командирах бригад. На их долю в бой выпадают очень важные и самостоятельные задачи. Они являются решителями многих самостоятельных боев. А между тем в мирное время их роль более чем скромная. Положение командира полка более самостоятельное и ответственное, чем командира бригады. В зависимости от начальника дивизии командир бригады большую часть года может бездействовать и ни за что не отвечает. Такое положение ведет к тому, что многие бригадные командиры опускаются и ко времени получения ими дивизий не дают тех энергичных и опытных начальников, какими могли бы стать при ответственном, самостоятельном командовании своей бригадой.

Практики в командовании несколькими корпусами командующие войсками в округах не имеют, за исключением тех случаев, когда производятся маневры в обширных размерах, формируются армии. Такие занятия войск, опять по финансовым соображениям, производятся даже не каждый год, а в тот год, когда производятся, из всех командующих войсками в округах имеют практику лишь два человека. Многие же, пробыв долгое время в должности командующего войсками округа, ни разу не являлись в роли командующего войсками в поле.

Были и командующие войсками, которые по несколько лет подряд ни разу не садились верхом на лошадь.

Все, что мной выше изложено, относится к концу XIX века.

В общем, относительно обучения войск в конце XIX столетия можно было сделать следующие замечания:

Сложная хозяйственная часть войск и огромная переписка отвлекали войсковых начальников всех степеней от строевой и тактической подготовки войск.

Больше всего времени уделялось обучению легчайшему, меньше всего времени — труднейшему из отделов подготовки войск к бой; легчайшему — обучению нижних чинов ружейным приемам, маршировке, прикладке, прицеливанию уделялось очень много времени. На занятия с нижними чинами в поле, что труднее, времени уделялось меньше. На подготовку в поле хороших унтер-офицеров времени было уделяемо еще меньше.

Из офицерского состава ротные командиры, командуя по много лет ротами, имели относительно очень большую практику при обучении вверенных им рот в поле. Полковые командиры имели практики в поле по командованию много меньше, чем ротные командиры. Тем не менее, командование в поле полком составляет даже и ныне не настолько сложное дело, чтобы внимательный, любящий военное дело полковой командир не осилил его даже и при той практике, которую имеет. Командуя полком несколько лет, он ежегодно несколько недель может сам практиковаться во главе полка и подвигать вперед тактическую подготовку своих подчиненных.

Начальники дивизий и корпусов, роль которых в бой ныне очень усложнилась и требовала от них не только многообразных знаний, опыта, но и применения технических средств, *практиковались в командовании в поле частями, во главе которых были поставлены, совершенно недостаточно.*

Наконец, командующие войсками в округах, естественные кандидаты в командующие армии в военное время, в мирное время, *за редкими исключениями, вовсе не практиковались в командовании войсками в поле.*

Таким образом, чем труднее были обязанности в военное время разных чинов военной иерархии, тем менее они готовились в мирное время к успешному выполнению этих обязанностей.

Кроме знания военного дела теоретически и практически, начальствующий персонал в

армии должен обладать *силой характера.* Поэтому в мирное время необходимо принимать особые меры к выбору таких лиц, к быстрому продвижению их вперед и к созданию такой обстановки службы, при которой с младших чинов в офицерском составе формировались бы будущие самостоятельные начальники с сильными характерами.

В настоящее время нельзя отделять жизнь населения всего государства от жизни армии. Достоинства и недостатки всего населения отражаются, как в зеркале, и в армии. При крайнем развитии бюрократизма в России, при крайней централизации власти по всем отделам управления, при боязни свободного слова и свободного почина, при малом отсюда развитии предприимчивости и самостоятельности в классах дворянском и купеческом, не говоря о классах низших, а также и по другим причинам спроса в России в XIX столетии на сильные характеры во всех сферах деятельности не было. Они и не явились. Отсутствие в последнее время сильных характеров вообще в России сказалось и на армии. Но и сама служба, проходимая войсками, не способствовала выработке сильных, самостоятельных характеров. Если, как изложено выше, министерством внутренних дел обезличивались губернаторы, то центральные управления военного министерства в значительной степени обезличивали местные управления и войсковых начальников.

Еще в недавнее время, например, главный штаб, откуда шли назначения, награды, критика представлений старших местных начальников, имел слишком большое и не всегда полезное для войск значение.

Точно не главный штаб существовал для войск, а обратно. Заслуженные командиры корпусов, посетив главный штаб, чувствовали себя не по себе и по *«неписаной субординации»,* так верно очерченной гр. Л. Толстым в его труде «Война и мир»[92], заискивали у разных начальников отделений. В 70-х годах генерал-губернатор Туркестана генерал-адъютант Кауфман очень заботился о том, чтобы его представлениями в Петербург об устройстве края остался доволен начальник азиатской части главного штаба полковник Проценко. Заслуженный государственный деятель тоже заискивал перед этим начальником отделения.

Главные управления артиллерийское, инженерное, интендантское и проч. старались подражать главному штабу.

Штабы военных округов и частей войск получили обширное и неполезное развитие.

30 лет тому назад в военно-окружном управлении Кавказского военного округа числилось 948 лиц и они стоили в год 859 тыс. руб.

Начальники штабов всех военных округов приобрели чрезмерное и не полезное влияние на всю службу войск: они принижали значение непосредственных старших начальников строевых частей. По закону начальники штабов округов числились, для дальнейшего служебного повышения, только кандидатами на должность начальников дивизий, а в действительности по значению в военных округах стояли, несомненно, выше командиров корпусов.

В особенности влияние начальников штабов округов возрастало там, где командующий войсками был в то же время и генерал-губернатором. Чрезмерно занятые делами по гражданской части, такие начальники обыкновенно свои обязанности по командованию войсками понемногу передавали начальнику штаба округа. В одном из важнейших западных округов один из начальников штабов округа распоряжался в значительной степени войсками округа из нескольких корпусов при трех командующих войсками подряд.

В другом, тоже важном округе, 25 лет тому назад я был свидетелем приема начальником штаба округа командира полка в генеральском чине. Он принял его, сидя сам, поздоровался, небрежно протянув руку через плечо, не посадил и скорее делал выговор, чем передавал приказание командующего войсками.

Начальники штабов корпусов и дивизий тоже по их значению в войсках поставлены в

действительности выше того, чем полагается по их чину и должности.

Начальник штаба корпуса, иногда полковник, имеет более влияния в корпусе, чем начальники дивизий.

Начальник штаба дивизии полковник, иногда подполковник, которому еще предстоит командовать полком, имеет больше влияния в дивизии, чем генералы — командиры бригад и командиры полков.

Такое слишком влиятельное значение начальников штабов всех степеней приносит большой вред армии, ибо принижает значение старших строевых начальников, отнимает от них должное к ним уважение и страх со стороны подчиненных. Привычка забегать к влиятельному начальнику штаба помимо своего непосредственного начальника, существующая, к сожалению, в некоторых округах, приносила большой ущерб армии.

Некоторые из высокопоставленных начальников, при разборе действий сторон на маневрах или после различных смотров, выходили из себя по пустякам, не сохраняли в должной степени самолюбия начальствующих лиц и своими словами или презрительным тоном унижали их в присутствии подчиненных офицеров. Такому начальнику части долгое время после разноса, унизительного для самолюбия, иногда не заслуженного, было стыдно смотреть в глаза своим подчиненным.

Конечно, в таком случае следовало бы подать в отставку, но материальная привязанность к службе, семья и проч. перевешивали у большинства обиду; обиженный оставался на службе и иногда, тоже ко вреду для дела, вымещал свой затаенный гнев на подчиненных.

Такое отношение некоторых начальствующих лиц к подчиненным, гнет со стороны штабов, вечное опасение за целость казенного имущества не создавали благоприятной обстановки для выработки твердых, самостоятельных характеров.

Сколько мне известно, в настоящее время приняты уже меры, чтобы улучшить описанное выше положение начальников строевых частей войск.

Недостаточность отпусков из казны

При сильном развитии в последние 30 лет прошлого столетия русской армии потребовалось быстрое увеличение денежных средств на содержание армии и подготовку ее на случай войны во всех отношениях.

Следуя примеру западноевропейских армий, кроме расходов по содержанию войск мирного состава, приходилось производить значительные расходы на подготовку развертывания армии по военному составу, для чего требовалось содержание в готовности различных запасов, орудий, ручного оружия, обозов, обмундирования, снаряжения, артиллерийских, инженерных, интендантских, военно-санитарных запасов и проч.

Быстро растущее значение техники отразилось и на военном деле. Потребовалось обеспечивать на случай войны технические силы и средства (развитие саперных и железнодорожных частей, телеграфных, телефонных, воздухоплавательных средств, запасы инструментов, мин, проволоки, запасы полевых железных дорог, моторные средства).

Введение в соседних армиях сильной осадной и позиционной артиллерии и пулеметов вызывало те же потребности и у нас.

Принятие на Западе усовершенствованного по скорострельности ружья и орудия создавало нашим соседям такие серьезные преимущества, что нельзя было медлить с перевооружением и нашей армии.

Требовалось также подготовить организацию тыловой службы и обеспечить непрерывность укомплектования войск в случае войны.

Таким образом, расходы на армию определялись в четырех главных видах:

— расходы на содержание войск в мирное время,

— расходы на перевооружение армии,

— расходы на приведение армии в военное положение,

— расходы на образование различных запасов, необходимых на военное время (орудий, оружия, технических средств, продовольствия, обмундирования и проч.).

Двадцать лет тому назад в военном министерстве были подробно разработаны все потребности нашей армии на случай приведения ее в военное положение, с целью поставить ее на один уровень с армиями наших западных соседей, причем выяснились суммы, потребные к отпуску сверх денежных средств, ассигнуемых на текущие расходы по содержанию армии.

Министерство финансов, удовлетворив потребные расходы на содержание армии в мирное время, обеспечив отпуск средств на перевооружение армии, найдя средства на содержание и развитие военного флота, не признало возможным в то же время назначить к отпуску достаточные средства для удовлетворения всех тех потребностей армии, которые являлись настоятельно необходимыми только в военное время.

На основании расчетов профессора Макшеева, за период с 1888 по 1900 год, на содержание сухопутной армии было израсходовано:

в Германии — 3581 млн руб.,

в России — 3479 млн руб.,

откуда видно, что за этот период Германия истратила на 100 млн руб. более, чем Россия. *Между тем Россия содержала в мирное время армию почти вдвое более многочисленную, чем Германия.*

Из сопоставления этих цифр видно, насколько сравнительно с численностью нашей армии отпуск денежных средств был недостаточен.

Эти же цифры объясняют, почему наша армия оказалась в русско-японскую войну без достаточного числа пулеметов, горной артиллерии, гаубичных батарей, полевых железных дорог, телеграфных и телефонных средств, запасов мин, проволоки, без достаточного числа войск сообщения, без законченной организации запасных войск и проч. Все это пришлось спешно заготовлять и организовать во время войны. Запасы эти ныне имеются в армии, но они опоздали прибытием на театр военных действий в Маньчжурию.

Выше, при определении выводов из опыта войн, которые вела Россия, неизменно отмечался недостаточный отпуск денег на армию, затруднявший подготовку армии к войне и ведение военных действий. Вследствие неотпуска достаточных денежных средств русская армия оказалась отставшей в техническом отношении не только от европейских государств в 1855 году, но и от турок в 1877—1878 годах.

Историку войны 1904—1905 годов придется определить, в зависимости от той же причины, и нашу отсталость в техническом отношении сравнительно с армией японской.

На основании вышеизложенного относительно военного положения России к концу XIX века можно сделать следующие общие выводы:

1) В начале XIX века русская армия не отставала от лучших современных армий по вооружению, организации, обучению, а по боевому опыту и высокому нравственному духу превосходила армии соседних государств — Пруссии и Австрии.

2) С 1815 года начинается ухудшение нашей армии в отношении обучения и воспитания, а затем является и отсталость в вооружении, что обнаруживается с полной силой в войне с коалицией европейских держав в 1855 году.

3) После франко-германской войны начинаются коренные реформы в нашей армии; быстро растет ее численность, улучшаются обучение и воспитание войск и поднимается боевая готовность; тем не менее, в войну 1877—1878 годов снова обнаруживается наша отсталость в

вооружении и в других отношениях.

4) Успехи пруссаков в войну с французами в 1870 году дали толчок к развитию нашей армии с 1873 года. Заключение тройственного союза между Германией, Австрией и Италией в 1879 году вызвало усиленную деятельность военного министерства по увеличению как численности армии, так и ее боевой готовности.

5) При весьма большом напряжении средств государственного казначейства наша армия к концу XIX века достигла миллионного состава по мирному времени, и развертывание ее в военное время было обеспечено. Но культурная отсталость России от западных держав, выразившаяся в особенности в отсталости железнодорожной, не дозволила придать нашей армии такую же боевую готовность к быстрому сосредоточению и быстрому обеспечению всеми техническими средствами борьбы, какая достигнута была нашими западными соседями. В начале XIX века русская армия по численности и боевой готовности превосходила прусскую и австрийскую. Отстав от этих держав в культурном отношении, Россия к концу XIX века отстала от них, вследствие мало развитой сети железных дорог, в скорости сосредоточения армии.

6) Подготовка к войне в мирное время к концу XIX века старших начальников войск русской армии была недостаточная. Слишком занятые заботами мирного времени, они не имели достаточной практики в непосредственном командовании войсками в поле.

Общие выводы из опыта войн, веденных Россией в XIX столетии, сводятся к следующим:

1) Политическая подготовка трех последних войн, веденных Россией в 1828—1829 годах, 1853—1856 годах и 1877—1878 годах, была недостаточная России приходилось воевать не только без союзников, но и оставлять главные силы армии против западной границы и внутри России на случай вмешательства в войну соседних держав.

2) Войны, веденные Россией в XIX столетии, начинались каждый раз недостаточными силами, которые с началом войны приходилось значительно усиливать.

3) Связь армий, действовавших в Турции или в Крыму, с внутренними местностями России в дорожном отношении была недостаточная.

4) С укомплектованием войск во все веденные в XIX столетии войны военное министерство не справлялось. Исключение отчасти составляет армия, действовавшая в 1877 году на европейском театре войны.

5) Во всех веденных войнах выказались отличные боевые качества русской армии: храбрость, выносливость, упорство, особенно в оборонительных боях.

Состав нижних чинов с переходом к сокращенным срокам службы несколько понизился, особенно унтер-офицерский в войну 1877—1878 годов сравнительно с войной 1853— 1856 годов. Напротив того, офицерский состав в младших чинах и должностях улучшился в 1877—1878 годах сравнительно с офицерским составом в Крымскую войну.

Старший командный состав в Крымскую войну в войсках, действовавших вне Севастополя, был слаб. В русско-турецкую войну, за несколькими блестящими исключениями, командный состав на европейском театре войны был недостаточно подготовлен в командном отношении и не обладал достаточной инициативой и самостоятельностью.

6) Приискание главнокомандующих над армиями во все войны, веденные Россией в XIX столетии, представляло большие затруднения.

7) Недостаточный отпуск денежных средств на армию в мирное время был причиной отсталости ее в вооружении и техническом отношении в 1855 году от армий французской и английской, а в 1877—1878 годах и от турецкой.

Общее заключение относительно военного положения России в конце XIX столетия будет следующее:

Сравнительно с военным положением к концу XVIII столетия, положение к концу XIX

столетия ухудшилось. Армия наша мирного состава стала в 2 *1/2* раза более многочисленной, чем была в начале XIX столетия.

В военное время мы могли мобилизовать и сосредоточить огромные силы с быстротой, которая в начале XIX столетия признавалась совершенно невозможной (ранее собирались только по грунтовым дорогам).

Вооружение и обучение армии, а также снабжение ее разного вида запасами, подвинулись за сто лет много вперед. И тем не менее общий вывод по отношению к нашим ближайшим соседям, по сравнению боевой готовности наших сил с силами Германии и Австрии, независимо от их численности, получился менее благоприятный, чем сто лет тому назад.

Россия имеет сухопутную границу в 17 тыс. верст и соприкасается с девятью государствами: 1) Швецией и Норвегией, 2) Германией, 3) Австро-Венгрией, 4) Румынией, 5) Турцией, 6) Персией, 7) Афганистаном, 8) Китаем и 9) Японией.

В течение XIX столетия Пруссия и Австрия далеко обогнали Россию в культурном отношении и, пользуясь более развитой сетью железных дорог, достигли значительного превосходства над нашей армией в скорости сосредоточения.

Догнать эти державы в этом столь важном отношении для России возможно только одним путем: увеличением достатка населения, увеличением культурности его. С развитием материальных сил русского народа разовьется сеть железных дорог и приумножатся вообще все средства населения, в том числе и технические, необходимые для ведения победоносной войны.

Турция, ослабленная войнами с Россией, в конце XVIII столетия была менее сильным противником для России, чем в конце XIX столетия. Ныне ее армия, организованная немецкими инструкторами, представляет весьма серьезную силу, особенно принимая во внимание отличные боевые качества турецкого населения.

Освобожденная нами Румыния, при возможных еще осложнениях на Ближнем Востоке, может отстаивать свои интересы с армией из нескольких корпусов.

Афганистан с воинственным населением и значительной, хотя и плохо организованной, армией представляет для России более серьезного противника, чем в конце XVIII столетия могли представить нестройные орды кочевников на нашей юго-восточной границе.

Китай пробуждается от долгой спячки и принимает меры к организации по европейскому образцу значительной армии.

Наконец, в течение XIX века выросло новое военное могущество на Дальнем Востоке — Япония.

Поэтому, если наше военное положение на западной границе, вследствие культурной отсталости, за последние сто лет ухудшилось, то и на остальных границах за тот же период наше положение стало менее безопасным и потому требующим содержания большего количества войск.

Для своевременного подкрепления этих войск на каждом из основных участков нашей азиатской границы тоже требуется прилагать особые заботы к развитию железнодорожных путей.

Сравнивая боевую годность нашей армии в конце XVIII века с боевой годностью ее в конце XIX века, можно выразить мнение, что в общем высокие боевые достоинства нашей армии, проявленные ею в войнах XVIII столетия, были сохранены и в XIX столетии. Тем не менее, не следует упускать из виду, что с принятием коротких сроков службы и всеобщей воинской повинности состав нижних чинов армии в конце XIX столетия стал менее однородным, чем был в конце XVIII столетия и не улучшился, а по отношению к унтер-офицерам и запасным нижним чинам в боевом отношении даже ухудшился.

Напротив того, можно признать, что за последние 30 лет прошлого столетия подготовка к

боевой деятельности корпуса офицеров в младших должностях значительно подвинулась вперед. Если в Турецкую войну 1877—1878 годов мы имели младших офицеров лучше подготовленных, чем в войну 1855 года, то в Русско-японскую войну не только наши обер-офицеры, но большое число штаб-офицеров, командовавших полками, заявили себя в боевом отношении с отличной стороны. Подготовка в мирное время к боевой деятельности старших начальников нашей армии, к сожалению, еще в конце XIX века была недостаточная. Прежде, при частых войнах, отсутствие правильно поставленного обучения старших начальников их обязанностям в военное время заменялось боевой практикой, быстро выдвигавшей вперед наиболее способных из них. При отсутствии боевой практики и без хорошо поставленной школы мирного времени командный состав нашей армии не мог оказаться на высоте предъявляемых ныне к нему в военное время требований, что и подтвердилось в Русско-японскую войну.

Иноземные влияния в России в XVIII и XIX столетиях

Значение иноземных влияний в XVI и XVII столетиях ♦ Значение иноземных влияний в XVIII столетии. Великий западник Петр I ♦ Иноземные влияния при преемниках Петра I. Западничество Екатерины Великой ♦ Значение иноземных влияний в XIX столетии. Западничество императора Александра I ♦ Западничество и западники ♦ Увлечение в XIX веке классической системой образования ♦ Иноземные влияния на русскую вооруженную силу

Население русского государства, слагавшегося в течение многих столетий, подвергалось с XII столетия внешнему влиянию с двух сторон: с востока и запада. Влияние с востока было особенно сильно во время монгольского ига, с XIII по XVI столетие. Влияние это сказалось в многообразных формах, способствовало еще большему огрубению нравов, отразилось невыгодным образом на понижении патриотических чувств и чувства собственного достоинства в населении, особенно в правящих сферах, отразилось утратой воинственного характера в высшем и военном сословиях и ухудшением качества русских вооруженных сил. Но внешняя форма зависимости русского населения, кроме отдельных случаев дикого насилия, в общем не была тяжела. Татары требовали исправной уплаты дани и не только не угнетали религиозных верований населения, но даже оказывали покровительство православному духовенству, например, освобождая его от уплаты дани.

Первые монгольские завоеватели России явились в XIII столетии с востока с военной силой, лучше организованной, лучше обученной и лучше предводимой, сравнительно с русскими ратями, не дисциплинированными, не обученными и действовавшими без общего руководства и командования. Но этот период превосходства, с понижением воинственности у татар и раздроблением их на отдельные царства, скоро прошел. В других же отношениях — в торговом, земледельческом, промысловом — русское население, даже в XIII веке, стояло выше татаро-монгол.

Но главную силу Руси в XIII—XVI столетиях, сравнительно с татарами, составляло превосходство в духовном отношении. Православная вера составляла самую прочную защиту против порабощения Руси победителями — татарами. Когда вместе с этой, главной и ныне, народной силой на Руси создалась прочная великокняжеская, а затем царская власть, — татары были побеждены. Но ранее победы над ними, ранее покорения царств Казанского и Астраханского, более предприимчивые, чем татары, русские торговые люди уже хозяйничали в местностях, подчиненных татарам. Русские промышленники, быстро продвигаясь на востоке, основывали русские поселения и производства и, наконец, перевалили за Урал. Русское земледельческое население тоже, частью самостоятельно, продвигалось к стороне Казанского царства, и ко времени покорения Казани это земледельческое население уже охватывало Казанское царство с севера, запада и юга.

Много татар поступало на русскую службу, принимало крещение, женилось на русских девушках. Многие знатного происхождения татары достигали в Московской Руси высокого служебного положения и стояли во главе отрядов русских войск. Ставший русским царем Борис Годунов был татарского происхождения. Его предок, один из татарских мурз, вступил в московскую службу еще в XIV столетии.

Но все эти татары, вступившие в русскую службу или поселившиеся среди русских, прочно

сливались с ними, принимали православную веру и во втором и третьем поколениях не отличались от русских.

Выше было изложено, с какой относительной быстротой русское племя продвинулось и стало фактически распорядителем естественных богатств к северу — до Ледовитого океана, к юго-востоку — до Каспийского моря и к востоку — до великого океана. Это были направления наименьшего сопротивления.

Встретив на пути менее культурные народности, Россия претворила их в русское население, а сохранивших свои национальности поставила во вполне подчиненное не только в политическом, но и в духовном отношениях положение.

Не так обстояли дела на западе, юго-западе и юге.

Германские племена, сложившиеся в прочные государства ранее славянских племен и достигшие более значительного культурного развития во всех отношениях, подчинили себе разрозненные славянские племена, разбросанные между реками Эльбой, Одером и Вислой и, не довольствуясь достигнутыми успехами, перенесли свой завоевательную деятельность к востоку от Вислы. В середине XII столетия бременские купцы появляются в Курляндии в устье р. Западной Двины, завязывают торговые сношения, основывают укрепления. За ними появляются миссионеры, а затем, с благословения папы, и рыцари. В 1200 году основывается г. Рига и образуется ливонское владение. Длинный ход борьбы немецких ливонских владений с Литвой и Русью очерчен в предыдущих главах. Усилиями русского и литовского племен распространению ливонских рыцарей кладется предел. В XVI столетии Ливония распадается, но только в XVIII столетии все части Ливонии присоединяются к России.

Другой немецкий рыцарский орден — Тевтонский — ведет упорную борьбу с литовско-польским государством с целью продвижения к востоку. В битве под Грюнвальдом в 1410 году польско-русско-литовские войска одерживают полную победу над рыцарями и навсегда сокрушают их могущество. После этой победы движение германцев на востоке приостанавливается на 500 лет.

На северо-западе русских владений в XII столетии появляется народ, тоже более культурный, чем русский, — шведы. Долгая борьба с ними приобретает решительный характер только в первую половину XVIII столетия и оканчивается их полным поражением.

Хотя в политическом отношении польско-литовское государство и остановило напор немецкой расы, но непосредственное соседство с более цивилизованными государствами отразилось значительным влиянием немецкой культуры на Польшу и Литву в военном, торговом и умственном отношениях. То же влияние было распространено и на Галицкую Русь.

Население Московской Руси начало отставать во всех этих отношениях от Польши и Литвы и, в свой очередь, подверглось влиянию высшей культуры поляков, литовцев, ливонцев и шведов.

Влияние было особенно сильно на белорусское и малорусское племена, но в период борьбы Московской Руси с Литвой и Польшей и великорусское племя испытывало это влияние. Влияние на белоруссов и малороссов осложнилось и усилилось в особенности вследствие религиозных: причин. Подчиненное Польше и Литве православное население было лишено политических прав. Для приобретения их православные дворяне начали принимать католичество и через несколько поколений слились с поляками. Простой народ стойко отстаивал свой веру и на юго-западе с оружием в руках боролся против ополячения.

В стремлении подчинить своему, не только культурному, но и политическому влиянию всю Русь поляки доходили в Смутное время до самой Москвы и короткое время господствовали там.

Немецкие рыцари и их потомки тоже оказывали сильное влияние на ливов, эстов, латышей, которые под этим влиянием (при содействии впоследствии русской власти) тоже, например, в земледельческом отношении и в грамотности, обогнали русских.

Благодаря единству веры и единству власти, великорусское племя, несмотря на отсталость в культурном отношении, победив татар на востоке, вышло победителем и в борьбе с литовцами, ливонцами, поляками и шведами, объединило все русские племена и включило в пределы России значительную часть населения польского, все литовское, население прибалтийских губерний и Финляндии.

Политически господствующим населением оказалось русское; *но это население до сих пор не сделалось господствующим в культурном отношении.* Напротив того, обессиленное огромной выдержанной им борьбой с соседями, русское население эксплуатируется ныне, как иностранцами, так и русско-подданными — инородцами, в особенности евреями, немцами, поляками, армянами.

Когда возникло это явление и как оно развивалось, изложено в предыдущих главах.

Значение иноземных влияний в XVI и XVII столетиях

Первыми, но редкими иноземцами на Руси были, по-видимому, торговые люди. Уже за ними явились воины. Несомненное превосходство военной силы у наших западных соседей вызывало потребность перенять у них военные организацию, выучку и вооружение.

Царь Василий III в первой половине XVI столетия заводит отряд телохранителей, набранный из литовцев и поляков.

Царь Иван IV выводит из ливонских походов большое число пленных немцев и поселяет их в Москве в особой слободе на берегах р. Яузы.

В 1552 году иноземцы, в качестве техников и инструкторов, помогали ведению осадных работ и овладению Казанью.

Постепенно число иноземцев в Москве увеличивается. Вместе с воинами явились торговые люди, мастеровые, артисты.

При царе Феодоре Ивановиче в конце XVI столетия начали нанимать на русскую службу не только отдельных инструкторов, но целые отряды иноземцев. Этот опыт, как изложено в предыдущих главах, был неудачен: наемный шведский отряд под начальством Делегарди изменил в Смутное время; иноземные войска, двинутые в составе армии Шеина на освобождение Смоленска, тоже изменили.

Уже в XVII столетии иностранцы, цепляясь один за другого, составили в Москве маленький оазис Европы среди культурной пустыни[93].

В середине XVII столетия в этой слободе проживало свыше одной тысячи только протестантских семей. *Эта иноземная или, вернее, немецкая слобода и стала проводником западноевропейской культуры в московском государстве*[94].

По мнению историка Соловьева, немецкая слобода являлась ступенью к Петербургу, как Владимир был ступенью к Москве[95].

Вместе с приступом к переустройству нашей армии, еще при царе Михаиле Феодоровиче, потребовалось лучшее обеспечение ее оружием и боевыми припасами. Выписка из-за границы была дорога и ненадежна. Решено было завести свои заводы. Обратились за помощью к иностранным мастерам и капиталистам, приглашая их на выгодных условиях в Россию. В 1630-х годах одному иностранцу выдана была привилегия на устройство железных заводов в Туле для поставки в казну известного количества пушек, ядер и т. п.

В 1670 году иностранцы получили привилегию на устройство железных заводов по рекам

Шексне, Костроме и Ваге.

«Вслед за этими заводами возникает несколько других — кожевенных, стеклянных и проч.; приглашаются во множестве иноземные „рудознатцы“ и мастера часового дела, „водяного взвода“, пушечного, колокольного, поташного и других дел. Всех этих мастеров обязывали обучать русских людей „без утайки“[96].

Иноземная литература также начала оказывать свое влияние на представителей русской интеллигенции. За 100 лет, с 1550 до 1650 год, было переведено 40 иностранных сочинений, а с 1650 до 1700 год уже переведено 94. По современному масштабу цифры эти представляются ничтожными, но по условиям той эпохи появление каждый год по два сочинения на русском языке было серьезным успехом.

Несомненно, что указанные выше меры были необходимы для России. Петр I, вступив на престол, уже нашел Россию хорошо подготовленной для его дальнейших шагов с целью приближения ее к Европе. Еще за 150 лет до Петра I появились и действовали иностранцы. Деятельность этих первых западных пионеров, в общем, была полезна и необходима. Но, кроме непосредственной деятельности по разным специальностям, иностранцы, поселившиеся в России, влияли на образование западных привычек, вкусов и понятий среди русских людей, имевших к ним наиболее близкое соприкосновение. Эти первые в России иностранцы начали формировать и первых в России *западников.*

Уже царей Ивана IV и Бориса Годунова упрекали в западничестве.

П. Милюков указывает, что ранее воспринятая западных идей в высшее русское общество проникло влияние западного быта и влияние прикладных технических знаний.

Прежде всего, это влияние отразилось на устройстве жилищ, обстановке их и на платье. Дети царя Михаила Феодоровича, под влиянием Морозова, уже носили немецкое платье. Затем начали прививаться немецкие забавы: спектакли, музыка. Появилась первая рукописная газета («Куранты»). Положено начало придворному театру. При царе Алексее Михайловиче в Москву была вызвана первая труппа немецких музыкантов и танцовщиков. В XVII столетии в числе наиболее влиятельных поклонников Запада стояли бояре Никита Романов, Морозов, Ордын-Нащокин и Ртищев.

Ученые духовные лица из Киева появляются в Москве и вносят влияние Запада в русское духовенство. При монастырях начинают обучать совершенно бесполезным для русских духовных пастырей латинскому и греческому языкам. Обучение иностранным языкам начинает находить себе место и при дворе. Старшие сыновья царя Алексея Михайловича, не зная России, уже изучали языки латинский и польский. Сын Ордын-Нащокина так увлекся Западом, что бежал за границу.

Иноземное влияние в XVII веке проявилось и в религиозном отношении. Патриарх Никон является тоже западником. Всему греческому он отдает преимущество перед вековой русской стариной. Он переносит в русскую церковь много греческих новшеств и, круто повернув к греческим формам благочестия, начинает приводить русские обряды в полное соответствие с современными греческими. На соборе 1656 года Никон заявляет: «Я хоть и русский и сын русского, но вера моя и убеждения — греческие»[97].

В результате такое иноземное влияние привело к расколу в нашей церкви.

Протопоп Аввакум пробовал, как указано уже в главе IX, обратить царя Алексея Михайловича в старую веру; он предлагал ему «плюнуть на еллинов». «Ты ведь, Михайлович, — говорил Аввакум, — русак, а не грек. Говори своим природным языком, не унижай его ни в церкви, ни в дому, ни в простой речи»[98].

И через триста лет эти слова сохраняют глубокую важность для охраны русской

национальности, для охраны «России для русских».

В то время как часть московского общества все более и более поддавалась иноземному влиянию, другая часть, руководимая духовенством, боролась против этого влияния.

В Смутное время, вместе с подъемом патриотических чувств, ярко выразилась ненависть к полякам, полонившим Москву, которая распространилась и на иноземцев вообще. Все иноземное и польское получило наименование *«поганства»*.

Серб Крижанич, преследовавший уже во второй половине XVII столетия идей освобождения славян и соединения церквей, был враг влияний на Россию с Запада, особенно немецкого.

В Тобольске в 1676 году он написал свой замечательный труд «Политика», в котором предлагал ряд реформ для развития производительных сил России. Для достижения этой цели Крижанич признавал между прочим необходимым полное изгнание иностранцев из России.

Выше было указано, что, по настоянию наших торговцев, проживание иностранцев в других городах, кроме Москвы, было запрещено.

Выборные земские люди на земском соборе, созванном царем Алексеем Михайловичем в 1642 году, жаловались на захват торговли в Москве иноземцами.

Таким образом, уже в XVII столетии начинала сознаваться на Руси невыгода экономического гнета иностранцев.

Борьба против иноземного влияния на нравы и обычаи русского населения и против захвата иноземцами внутренней русской торговли началась более четырех веков тому назад. Уже в XV столетии духовенство в Пскове увещевало население не носить немецкого платья.

Несмотря на покровительство, оказываемое иноземцам с высоты трона, русское население относилось к ним с недоверием и недружелюбием. В Смутное время иноземная слобода в Москве была сожжена и опустела. Иноземцы разбежались по Москве и по многим русским городам.

В XVII столетии, по мнению П. Милюкова, тот, кто стоят за веру, тем самым стоял за русскую национальность, «заменяя первым, более наглядным, понятием второе, более отвлеченное».

Цари Михаил Феодорович и Алексей Михайлович, представители русской национальной политики, получившей расцвет в XVII столетии, как указано выше, сами поддавались влиянию западных обычаев, но, тем не менее, боролись против влияния иноземцев в России.

Иноземцам открывался определенный путь получить равные во всем с русскими права и проникнуть в правительственный слой — это принятие православия, после чего следовала обыкновенно женитьба на русских девушках.

Но русские люди, в особенности представители духовенства, боролись против предоставления иностранцам не только больших, но и равных прав с русскими относительно торговой деятельности, свободы вероисповедания идаже свободы в их домашнем быту.

Торговцы первые начали жаловаться на утеснение их иноземцами, поселившимися после Смутного времени в разных городах. Под их влиянием иноземцам было запрещено проживать на Руси в иных городах, кроме Москвы и Архангельска.

Духовенство, в конце царствования Михаила Федоровича, добилось сноса в Москве двух протестантских церквей. Опасаясь осмеяния со стороны иноземцев православной веры, им было объявлено о наказании смертной казнью за богохульство. Из-за опасения совращения русских людей в другую веру иноземцам запрещено было иметь русскую прислугу.

Значение иноземных влияний в XVIII столетии. Великий западник ПетрI

Петр Великий вырастал в обстановке, при которой наиболее радостные воспоминания из его отрочества и юности были связаны не с русской жизнью, обычаями, православной верой, а с посещениями немецкой слободы, беседами и общением с различными иноземными инструкторами и мастерами. Он учился у них военному делу, учился, что надо сделать, чтобы сформировать регулярную армию. В числе его учителей были достойный люди.

Посещение немецкой слободы стало еще в отроческие годы потребностью для Петра I. Иноземный мастер показывал 12-летнему Петру I гранатную стрельбу. Голландец из немецкой слободки Зоммер усердно проходил с ним арифметику, геометрию, артиллерию и фортификацию.

Когда потешное войско из детской забавы обратилось в кадры для сформирования регулярной армии, Петру I помогали даровитые иноземцы: Гордон, Лефорт и другие.

Азовские походы показали Петру I возможность с созданными им сухопутными и морскими силами совершать дела исторической важности, но они же показали и всю отсталость и относительную ненадежность войск старого типа, а также и недостатки созданных им войск на иноземный образец. Чтобы не отставать в военном и других делах от западных соседей, Петр I 25 лет от роду едет за границу. По словам В. Ключевского, Петр I, попав в Западную Европу, прежде всего забежал в мастерскую ее цивилизации и не хотел идти никуда дальше.

Эта поездка Петра I и явное предпочтение, отдаваемое им всему западному, вооружают против него приверженцев старины во всей России. С царевной Софьей во главе, эти сторонники старины дают Петру сражение и проигрывают его. Напомним, что, например, заговор стрельцов, предводимых Цыклером, имел целью: «немецкую слободу разорить и немцев побить за то, что от них православие закоснело… государя[99] в Москву не пустить и убить за то, что начал веровать в немцев».

Бунтовщики в Астрахани призывали постоять за Христову веру и бороться против брадобрития, табака и немецкого платья.

Кроме бунта стрельцов и бунта в Астрахани, Петру I пришлось в период напряженной борьбы со шведами, с 1705 по 1708 год, усмирять бунты Башкирский и Булавинский на Дону.

Расправившись со страшной жестокостью с противниками, Петр I приступил к своим реформам с целью европеизации России. Но тяжелая борьба со шведами, требовавшая сосредоточения всех сил и средств, отвлекала внимание Петра I от внутренних дел. Эти дела получили для него временно односторонний характер: надо было во что бы то ни стало добывать людей, пушки, провиант, деньги.

Предпочтение Западу выразилось у Петра I оставлением задачи, завещанной еще Иваном III, — по объединению русского племени. Имея много случаев объединить белорусское племя и остальную часть малорусского с великорусским, Петр I отдал предпочтение задаче, выводящей Россию к Западу — борьбе за выход к Балтийскому морю, и посвятил этой задаче почти все свое царствование.

Оставление Москвы, основание Петербурга и перенесение туда столицы более всего указывают как симпатии Петра, так и односторонность его решений в этом важном вопросе. Прикрепление к городу иноземного склада всех нитей, связывающих великое государство с его столицей, повело к тому, что эти нити и до сих пор еще не стали чисто русскими.

Иноземные влияния отразились в распоряжениях Петра I по устройству завоеванных им балтийских провинций. Он обещал немцам неприкосновенность их языка. Только туземцы могли выбираться на различные должности по местному управлению и владеть в крае землей. Облагать побежденное силой оружия туземное население могли только местные сеймы. Эти льготы послужили фундаментом того отчуждения от России балтийских провинций, которое не окончилось еще и ныне.

Иноземное влияние сказалось и при использовании побед над шведами. Относительно Ингерманландии сомнений, как поступить с ней, у Петра I не было. Он поставил ее под общую для всей России меру: ввел русское управление, русские порядки, русский язык и русские законы. В результате Ингерманландия стала русской провинцией.

Но по отношению к Финляндии, тоже завоеванной русским оружием, Петр проявляет невыгодное для России пристрастие к западным порядкам своих учителей — шведов. Он приказывает в завоеванной им части Финляндии ввести не русские, а шведские порядки и шведские законы. В Карелии даже шведы сохранили старинное русское устройство и местное управление. Но Петр I решил иначе. Для всей Выборгской губернии, не исключая Карелии, было введено шведское уложение и дано шведское судебное и финансовое устройство[100].

Побежденные в балтийских провинциях и в Финляндии получили большие права, чем победители.

Петр I так дорожил сохранением за Россией Ингрии, что при переговорах во время Прутского похода разрешил Шафирову, если бы турки настаивали на отторжении от России Ингрии (для возврата ее Швеции), «предложить им Псков и другие провинции, но не Ингрию».

Не находя в окружающих его русских достаточно подготовленных исполнителей, Петр I пропустил в правительственный слой иноземцев.

При Петре I русские дворяне начали ездить за границу не только учиться, но и лечиться.

Петр I привлекал всеми мерами иностранцев в Петербург и в Россию.

Не говоря о немецком платье, бритье бороды на заграничный лад, Петр I без нужды заменял русские слова и понятия иноземными. Появилось: шляхетство, ратуши, ландраты, бургомистры и проч.

В IX главе настоящего труда относительно деятельности Петра I приведено следующее мнение П. Милюкова:

> «Высшее духовенство, под влиянием греческого и киевского духовенства, объявило русское национальное религиозное движение расколом и прокляло его; само же стало угодливо служить интересам светской власти. Явились официальная и народная вера. Совесть была сломлена или усыплена этим раздвоением. Никакие надругательства Петра I над тем, что считалось святым и неприкосновенным, не вызывали сильного сопротивления в окружавшей его среде. Он умышленно, систематически насиловал все вкусы, все убеждения, и все молчало. Принятый им европейский мундир только развязывал его, ни к чему не обязывая. При московском чине жизни были вещи, которые было делать обязательно, и были другие, которых делать было нельзя. Таких вещей теперь не осталось. Все ждали очередного приказания Петра I и повиновались»[101].

Тяжела была народу русскому непрерывная военная деятельность Петра I, связанная с ростом налогов и разных повинностей, но еще тяжелее казалось отступничество Петра I от русских обычаев и верований, пристрастие его к иноземному и иноземцам.

Но великий западник принимал все указанные выше меры, чтобы сравнять Россию с другими западноевропейскими державами. Эти меры являлись для Петра I не *целью, а средством*.

России нужно было сильное, по-европейски организованное и обученное войско, и Петр I дал это войско при помощи иноземцев. Но как только цель эта была достигнута, Петр I ставит в главные командные роли русских людей: Меньшикова, Шереметева, Репнина и других.

Многие порядки и уставы, принятые Петром I в армии, носили печать самобытности и

стояли выше существовавших в других армиях.

Добиваясь развития торговли, устройства заводов, фабрик, Петр I приглашает нужных ему мастеров-иноземцев, но цель призыва их определяет в одном из его манифестов так: «чтобы русские люди могли научаться им неизвестным познаниям, а познания должны были сделать их искуснее во всех торговых делах»[102].

Петр искал всюду способных русских людей, быстро выдвигал их и ставил выше иноземцев.

Петр I пользовался иностранцами с большой пользой для России с целями образовательными.

В особенности он подвинул развитие математических знаний. При нем же возникла и первая правильно поставленная медицинская школа. Петр I преследовал в школе практические цели. Его школы — по преимуществу профессиональные. Такой характер должна была носить и основанная им «школа математических и навигационных наук», основанная в 1701 году. Но в то время, кроме Белого моря, учиться практически навигации было негде. И вот англичанин Фарворсон начал обучать мореплаванию первых русских моряков в *«Москве на Сухаревой башне»*[103].

В дипломатических сношениях Петр I не знал другого языка, кроме русского.

Иностранцы при нем большого влияния на русские дела оказывать не могли. Заведывание иностранными делами находилось в русских руках[104].

Та быстрота, с которой Петр I достиг для России почетного положения среди других держав, не могла быть достигнута иными, менее решительными, менее крутыми мерами. Царствуй Петр I долее, он нашел бы силы, получив от Запада все ему необходимое, сохранить Россию для русских. Его подражатели — маленькие западники — смешали цель со средством и в потере русскими всего русского иногда видели успех, утешая себя мыслью, что эта утрата русских национальных особенностей отвечает естественному прогрессу всего человечества…

Но движение по пути, рекомендуемому западниками, для массы русского народа могло совершиться только путем подчинения этой массы в экономическом отношении евреям, иноземцам и инородцам, путем обезличения ее в духовном отношении и ослабления в экономическом. Путь этот на первый взгляд менее болезнен, чем путь, по которому стихийно протащил русский народ Петр Великий, но, несомненно, более опасный, ибо ведет не к усилению России, а к ее распаду.

В особенности Петр I ясно предвидел опасность от порабощения русского племени евреями.

«Призывая отовсюду искусных иностранцев, заботясь о развитии торговли и промышленности, Петр I только для одного народа — евреев — неуклонно делал исключение: «Я хочу, — говорил Петр I, — видеть у себя лучше народов магометанской и языческой веры, нежели жидов. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложаю; не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о том ни стараются и как *ближних ко мне ни подкупают»*[105].

Относительно оценки результатов деятельности Петра I историк Соловьев высказывает такое справедливое мнение:

> «Никогда ни один народ не совершил такого подвига, какой был совершен русским народом в первую четверть XVIII века. На исторической сцене явился народ малоизвестный, бедный, слабый, не принимавший участия в общей европейской жизни; неимоверными усилиями, страшными пожертвованиями он дал законность своим требованиям, явился народом могущественным, но без завоевательных

стремлений, успокоившийся, как только приобретено было необходимое для его внутренней жизни. Человека, руководившего народом в этом подвиге, мы имеем полное право называть величайшим историческим деятелем, ибо никто не может иметь большего значения в истории цивилизации».

Иноземные влияния при преемниках Петра I. Западничество Екатерины Великой

Н. Данилевский в своем труде «Россия и Европа» так определяет значение иноземного влияния в XVIII веке, после смерти Петра I:

«Государственная реформа, которую претерпела Россия и которая, с государственной точки зрения и в границах государственности, была совершенно необходима, перешла, однако же, должную меру, вышибла и сбила Россию с народного, национального пути. Пока жив был великий реформатор, господствовал еще над всем русский интерес, по крайней мере в политической сфере. Но со смертью Петра немецкое влияние, которому был дан такой огромный перевес, не переставало возрастать, так что во времена Анны можно было сомневаться: не исчезнет ли, не сотрется ли совершенно русский национальный характер с русского (только по имени) государства; не обратится ли русский народ в орудие, в материальное средство для немецких целей?»[106].

При преемниках Петра I, кроме иноземцев, живших в России, на дальнейшее увлечение всем иноземным с нарушением интересов русского племени начинают оказывать большое влияние и сами русские люди, проникшиеся западными идеями, ставшие *«западниками»*.

Получившее с XVIII столетия большое развитие западничество начинает влиять как на изменение национального русского уклада жизни, так и на внешние отношения к соседям России, их делам и интересам.

Положение ухудшилось тем, что после смерти Петра I управление делами государства перешло, до вступления на престол Екатерины II, в руки временщиков, подчиняясь в то же время иноземным влияниям.

Власть захватывают в свои руки иностранцы-дельцы.

В подражание западным дворам роскошь проникает к русскому двору и в высшие сословия. Петербургские придворные дамы начали не уступать немкам и француженкам в манерах, умении одеваться, краситься и причесываться. Герцог де-Линь в 1729 году свидетельствовал, что русский двор роскошью и великолепием превосходит другие дворы.

Это было наверху, но русское рядовое дворянство, по мнению П. Милюкова, очень медленно входило во вкус европейской реформы.

По указу 1726 года требовалось, чтобы дворяне в своих поместьях брились и носили немецкое платье; такое требование не соблюдалось. Даже послужив в армии, дворяне, вернувшись домой, запускали бороду и надевали русское платье. Надо прибавить, что дворяне, служившие в гвардии, заражаются преторианством[107] и после смерти Петра I в течение 16 лет четыре раза принимают участие в дворцовых переворотах.

По мнению П. Милюкова, западные влияния в первой половине XVIII века воспринимаются двором, высшим чиновничеством, столичным и отчасти провинциальным дворянством. Приверженцами русской старины остаются духовенство, приказные, горожане и крестьяне. «Новая культура становится на Руси социальным признаком привилегированного сословия».

Посошков в 1719 году в своем труде «Отеческое завещание» борется против иностранцев и

высказывает мнение, что еще не прошло время «заткнуть дыру, через которую они проникли в Россию».

Большое и вредное влияние на воспитание русского общества в период с 1747 по 1778 год оказало сочинение иностранца аббата Бельгарда «Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению», выдержавшее в течение тридцати лет пять изданий. Другой труд того же автора о воспитании дворянских детей и юношей разошелся в трех изданиях. В этих трудах вместе с подробным наставлением, как держать себя в обществе, как между прочим не причинять беспокойства соседям своим носом, ртом, руками и ногами, значились и советы несравненно менее невинные. Так, Бельгард учил быть при дворе смелым, самому объявлять о своих заслугах и искать награды. Даром, по его мнению, служат только Богу, государю же надо служить ради чести и прибыли, *показывая при этом вид, что служите для пользы родины*.

Тот же аббат способствовал вредному увлечению иностранными языками. «Особенно важны, как признак хорошего тона, иностранные языки. На них надо говорить всегда между собой… чтобы можно было порядочного человека от других незнающих болванов распознать»[108].

Убаюкиваемые такими советами, русские люди щеголяли манерами, болтали на разных языках, как попугаи, а в это время дельцы-иностранцы прибирали русские дела к своим рукам. В этом отношении особенно было тяжело для России царствование Анны Иоанновны. В течение 10 лет власть в России была захвачена иноземцами, принявшими русское подданство, — Бироном, Остерманом, Левенвольдом и Минихом. Эти авантюристы 10 лет насиловали русское национальное чувство, глубоко оскорбленное передачей важнейших дел в государстве в иноземные руки.

Бирон управлял государством с чрезвычайной жестокостью. Подати взимались с беднейшего населения при помощи войсковых команд. Продавался последний скот и земледельческие орудия. Недовольство росло. Чтобы бороться с ним, шпионы Бирона по всему государству выкрикивали страшное «слово и дело»; пытки, казни, ссылки обрушивались на невинных. Миних, получив в свои руки армию, деятельно начал уничтожать петровские порядки и вводить рабское подражание немецким образцам.

В Петербурге основывается сухопутный шляхетский корпус для комплектования русской армии офицерами. Треть вакансий этого корпуса предоставляется немцам из балтийских провинций; немецкому языку отдается решительно предпочтение перед русским. Из 245 кадет в 1733 году обучались немецкому языку 237 человек, а русскому 18 человек, французскому языку обучались 51 человек, латинскому языку 15 человек, фехтованию — 47 человек, верховой езде — 20 человек, зато танцам обучалось 110 человек. Русская история вовсе не входила в число предметов, преподаваемых в этом кадетском корпусе.

Петр III в короткое свое царствование успел завести, кроме русского войска, еще и голштинское.

При Анне Ивановне в составе русской дипломатии получили преобладание инородцы. «Немецкое рыцарство прибалтийских областей начало мало-помалу проникать в дипломатию. Первыми представителями его в ней видим графа Кейзерлинга и барона Корфа. Число дипломатов-остзейцев быстро возрастало с каждым поколением»[109].

Верхом влияния иноземцев на Руси можно признать заключение договора с Турцией в 1739 году. Бирон в это время правил Россией, Миних — русской армией. Мирный трактат заключается в Белграде французским послом при русском дворе маркизом де-Вилленев.

Этот иноземец старательно, сообразно с видами своего правительства, удаляет нас от Черного моря: несмотря на одержанные победы над турецкими войсками, пунктом третьим договора Россия обязывается разорить Азов, «оставить землю, как барьер между двумя

государствами».

Императрицы Елизавета и потом Екатерина II задержали несколько наплыв немцев в русскую государственную службу.

В обильное событиями царствование Екатерины II влияние западных идей было очень сильно как на государыню, так и на высшее общество. Екатерина II вела личную переписку с Вольтером. По ее признанию, Вольтер научил ее читать и думать и имел влияние на формирование ее ума. Но учения Вольтера нашей государыне и русскому народу пользы не принесли. Вольтер ограничивал свой миссию только *«хорошей компанией».* По его мнению, «народ всегда останется глуп и невежествен: это скот, которому нужно лишь ярмо, кнут да сено»[110].

На Екатерину II, вероятно, повлияло это мнение, так как ведение переписки с философами, высказывание вслух разных возвышенных мыслей не помешали ей сотни тысяч свободных русских людей обратить в рабство и раздарить своим любимцам.

Кроме Вольтера, на западничество Екатерины II влияли Монтескьё, Беккария, Дидро, Даламбер, Гримм.

Высшее общество подражало государыне, и идеи Вольтера и Монтескьё усваивались им в легкой форме. После французской революции бюст Вольтера был, однако, убран из Эрмитажа.

Напомним, что в то время, как высшее общество в Петербурге вкушало плоды европейской культуры и училось хорошим манерам и иностранным языкам, депутаты, собранные Екатериной II, характеризовали общее внутреннее положение России следующими словами: *«Кто с кого сможет, тот того и разоряет».*

Значение влияния на Екатерину II иноземцев во внешней политике изложено в XXX главе. Напомним, что под этим влиянием создались проекты «Северного аккорда» и так называемый «Греческий проект». Под этим же влиянием Екатерина II медлила объединением русского племени и добивалась присоединения к России ненужных ей Молдавии и Валахии.

Относительно окраинных местностей, присоединенных к России ранее, Екатерина II следовала национальной политике, признавала эти местности частью русской земли и стремилась к уничтожению их обособленности. В особенности в этом отношении ей было много сделано в Выборгской губернии. Но по отношению завоеваний, сделанных в ее царствование, она поддерживала привилегированное положение католического духовенства сравнительно с православным и сохраняла привилегии в Курляндии. Жители балтийских провинций, сохранив свои привилегии, получили в то же время полностью все права русско-подданных. Но эти привилегии рассматривались Екатериной II лишь как временные меры, которые должны были уступить место мерам к подчинению этих местностей во всем на общем основании с коренными местностями России.

Когда в Москве в 1767 году собрались депутаты в комиссию для сочинения проекта нового уложения, Екатерина для руководства депутатам написала «наказ», многие идеи которого были заимствованы из трудов Монтескьё и Беккария. Целью работ депутатов было поставлено достижение *«блаженства всех и каждого».*

В комиссии для достижения этого блаженства и был поднят вопрос об уничтожении крепостного права, но депутаты от дворян энергично воспротивились, и это начинание кончилось ничем. Заслуживает внимания, что депутаты, прибывшие в комиссию представителями окраин балтийских, финляндских, малороссийских и даже смоленские, явились с целью отстаивать старые свои привилегии, но все депутаты русских местностей дружно поддержали Екатерину II против их притязаний. Русские депутаты высказались при этом, что «побежденные не должны иметь преимущества над победителями»[111].

Екатерина решила, что «сии провинции надлежит привести легчайшими способами к тому, чтобы они обрусели».

Иноземное влияние сказалось и на мерах по переселению в Россию немецких колонистов. Дошло до того, что русские крестьяне бесплатно подготовляли этим колонистам, получившим обширные участки земли и разные пособия, жилища.

В веке Екатерины II в Россию перенесено было с Запада учение масонов. Один из передовых людей той эпохи — Новиков — принадлежал к этому ордену.

Под конец своего царствования Екатерина II прекратила связь с европейскими философами и вызвала интерес общества к русской этнографии.

В делах внешних на Екатерину II оказывал влияние великий Фридрих. Но это влияние было в одном случае выгодно для России: Фридрих своим влиянием облегчил объединение русского племени. Более вредно было влияние на Екатерину II по финляндским делам шведского выходца Спренгтпортена. Он способствовал заключению в 1790 году, после поражения нашего флота, не почетного для России Верельского мира[112].

Напомним, что в 1788 году, готовясь к войне со Швецией, Екатерина II относительно детища Петра I — Петербурга — высказывала мнение: «правду сказать, Петр I близко сделал столицу».

Западничество Екатерины II и желание снискать одобрение европейских мыслителей толкали ее и ее сподвижников на серьезные промахи. Так, желая доказать существование в России свободы вероисповеданий, Екатерина II, в 1782—1784 годы в азиатских местностях России заводила школы для обучения корану киргизов, еще свободных от увлечения магометанством. Оренбургское начальство строило в степи мечети, когда киргизы не имели в них нужды. Екатерина II приказывала приводить в благоустройство костелы в северо-западном крае, а русские храмы, очень убогие, были забыты. Она же обставила материально католическое духовенство в северо-западном крае лучше православного. Даже иезуиты были оставлены в России.

Значение иноземных влияний в XIX столетии. Западничество императора Александра I

В короткое царствование Павла I балтийские немцы значительно укрепили свой обособленную от русских позицию. Немецкому дворянству разрешено было в 1799 году открыть свой университет в Дерите.

Западные идеи в XVIII столетии, хотя и имели влияние на ход внешних и внутренних дел то полезный, то вредный, тем не менее не помешали выдающимся правителям России в этом столетии — Петру I и Екатерине II — продолжать следовать русской национальной политике и закончить те национальные задачи, которые были поставлены русскому племени еще в XVI столетии.

Западные влияния в XIX веке отразились на русской жизни в большей степени, чем в XVIII столетии, и сдвинули русскую политику с национального направления. По многообразным причинам и под влиянием различных иноземных и инородных деятелей наши государи в XIX веке до вступления на престол императора Александра III, в делах внешних действуют, задаваясь хотя и возвышенными целями, но не связанными с русской национальной политикой. В делах же внутренних многие важные реформы и начинания носят подражательный Западу характер, недостаточно соображенный с ближайшими интересами русского народа и с укладом его исторической жизни.

В особенности после внешних дел вредное влияние Запада в XIX столетии сказалось на школе, созданной по европейскому образцу, школе, носящей и ныне космополитический, а не русский, характер.

Вопрос о значении и результатах западного влияния в России в XIX столетии так обширен, что требует особого специального исследования. Материалы для такого исследования частью уже появились в трудах наших известных историков С. Соловьева, В. Ключевского, Н. Шильдера, П. Милюкова, А. Пыпина, С. Татищева и других.

Ниже я воспользуюсь теми из выводов этих авторов, которые необходимы для освещения вопроса: насколько эти влияния отражались невыгодно на росте русского племени.

Воспитателем императора Александра I был иностранец Лагарп, философ и республиканец, с возвышенным образом мыслей, но теоретик. Он внушил своему воспитаннику много широких взглядов и мыслей общечеловеческого характера. Из этих мыслей наиболее, казалось, было необходимо применить к России *освобождение крестьян,* — это было бы реальным доказательством полезности влияния Лагарпа. Но такого влияния не оказалось. Можно думать, что, знай Лагарп лучше Россию, быть может, ему и удалось бы сделать более в этом направлении. Но, в погоне за общими для всего человечества идеалами, заботы об улучшении быта русских невольников были отодвинуты на задний план, а затем под гром орудий и совсем забыты.

А. Пыпин в своем труде «Общественное движение в России при Александре I» дает следующую характеристику отношений Александра I к западным влияниям:

> «В царствование Александра I русское общество стало в особо тесную связь с западноевропейским. Европейские идеи повлияли на русские умы и сообщали им в первый раз политические стремления. Умственный и общественный переворот, который из Франции распространился на всю Европу, коснулся и России. Влияние усилилось „от непосредственных встреч дружеских и враждебных“.

Такое влияние отразилось и на Александре I. Первоначально он мечтал о самых широких преобразованиях, о каких только думали самые смелые умы современного ему русского общества. Он стал приверженцем конституционных учреждений и сам искал оппозиции.

В записках Чарторыжского значится, что Александр I признавался ему, что он ненавидит деспотизм и принимает живейшее участие в ходе французской революции и, хотя осуждает ее увлечения, но желает успеха республике. Наследственность, по словам Александра I, было учреждение несправедливое и нелепое: верховная власть должна быть вверяема не по случайности рождения, а по подаче голосов нацией»[113].

Лица, окружавшие Александра I в первый период его царствования, имели то же направление мыслей, что и государь: все были заражены западным идеалистическим либерализмом. Все ближайшие советники и друзья Александра I мало знали Россию и мало были связаны с русской жизнью. Новосильцев увлекался английской жизнью. Кочубей воспитывался в Швейцарии. Строганов получил французское воспитание. Чарторыжский воспитывался тоже за границей и даже не знал русского языка.

Указанные выше лица составили, с государем во главе, тесный кружок, и под их влиянием проводились в русскую жизнь в первые годы царствования Александра I различные реформы.

А. Пыпин дает следующую характеристику значения этого кружка и указывает цели, которыми задавались государь и члены кружка:

> «Этот кружок был вообще естественным порождением умственной и

нравственной жизни нашего общества екатерининских времен с их лучшей стороны. Это обстоятельство, однако, постоянно забывалось их противниками, которые, не находя слов для прославления мудрости Екатерины, — с озлоблением опрокидывались на людей, только продолжавших то, что было теоретически хорошего в ее идеях. В самом деле, этим противникам нужно было признать все либеральные заявления Екатерины громадным лицемерием, длившимся десятки лет, если бы они захотели отвергать это, потому что направление этого кружка вырастало именно из идей, которые она поощряла и заявляла. Все умственные интересы образованнейшего общества тех времен (тогда это было, в особенности, высшее знатное общество) направились к французской литературе и философии и их светилам: это общество принимало французские нравы, читало французские книги, многие завершили свое воспитание в Париже под руководством более или менее выдающихся людей. Понятно, что если императрица вела дружбу с Вольтером, Дидро, Даламбером, питалась сочинениями Монтескьё, то этим одним уже открывался путь всем влияниям идей, которых они служили представителями. Эти идеи, конечно, различно действовали на различные характеры и особенно на различные поколения. Старшие поколения были не особенно расположены к идеальным увлечениям и, напротив, больше отличались эгоистическим хладнокровием, которое тонкости французских нравов и гуманности французской философии спокойно мирило с остатками грубого варварства в русских нравах. Но естественно, что в новых поколениях действия этих идей принимало иной характер; известный тон цивилизации уже вошел в жизнь, когда начиналось их нравственное воспитание, и они сделали новый шаг в этом направлении. Они принимали эти идеи искренне и, ввиду противоречия их с жизнью, не остались равнодушны, а напротив, искали разумного исхода, старались дать новым понятиям место в жизни. Но сущность этих понятий усваивалась людьми нового поколения не только с ведома, но часто под прямым влиянием старого, которому принадлежал выбор системы воспитания. Путь приобретения новых понятий оставался один: это были непосредственные влияния европейского движения, и действовали они одинаково в людях весьма различных положений, как скоро эти влияния имели возможность проникать довольно глубоко в умы. Примером может служить Радищев: его мнения не представляли ничего особенного в сравнении с тем, что несколько раньше думала и по крайней мере высказывала сама императрица Екатерина и что несколько позднее думали люди, составлявшие ближайший кружок Александра, и сам Александр. Ненависть к произволу деспотизма, требование законности, стремление к смягчению нравов и освобождению общества, в частности, осуждение крепостного права, негодности судов и т. п., все это были черты, им общие. Происходили они из одного источника: русская мысль приходила к ним под влиянием воспитания, европейской литературы и европейской жизни»[114].

В предыдущих главах изложено, что успел свершить Александр I в первые годы своего царствования, пока внешняя деятельность не поглотила всего его внимания. Нельзя не признать, что сравнительно с широкими планами, о которых сказано выше, исполнено было очень мало. Особенно заслуживает внимания, что ни просвещенная в европейском духе Екатерина II, ни Александр I ничего не сделали для освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Причин тому много, но в числе их надо отметить и то направление образования и воспитания, какое стали получать со второй половины XVII столетия дети высшего класса в России. Это образование первоначально носила иностранный характер. В основанных в России

университетах профессора читали лекции на латинском, французском и немецком языках. Часть знатных юношей начала воспитываться за границей. Когда при Павле I были запрещены поездки за границу и вызваны были молодые люди, обучавшиеся в иностранных университетах, то таких оказалось свыше 100 человек[115].

Французский язык настолько стал распространен, что даже совещания под председательством государя лиц, составлявших ближайший к нему кружок, происходили, по мнению А. Пыпина, *«по-видимому»,* на французском языке.

По свидетельству С. Татищева, Чарторыжский не знал русского языка[116].

Увлечение французским языком было так велико, что во время нахождения нашей армии во Франции командующий главной квартирой императора Александра I князь Волконский делал распоряжения на французском языке. На этом языке он, например, сделал распоряжение о преследовании Наполеона в 1814 году.

«Русские (т. е. из высших слоев общества), почти все воспитанные французами, — говорит современник в 1800 году, — с детства приобретают очевидное предпочтение к этой стране… Они узнают Францию только en beau, какой она кажется издали… Они считают ее отечеством вкуса, светскости, искусств, изящных наслаждений и любезных людей; они уже считают ее убежищем свободы и разума, очагом священного огня, где они некогда зажгут светильник, долженствующий осветить их сумрачное отечество»[117].

Но в то же время, как указано выше, «тонкости французских нравов и гуманность французской философии спокойно мирились у русских людей той эпохи с остатками грубого варварства». Известны стихи, рисующие одного из русских представителей обожания французского культа: ярый поклонник Мирабо за измятое жабо бьет по лицу русского «Гаврилу», своего крепостного (в грудь и в рыло).

Великий Петр заставил все дворянство помогать ему воевать и перестраивать Россию. За эту службу Петр, подобно своим предкам, не будучи в силах отпускать на содержание служащих дворян деньги, оставил в их владении земли и крепостных. Но когда дворяне получили освобождение от обязательной службы, они, тем не менее, крепко держались за сохранение крепостного права, дававшего им возможность даже без службы вести веселую жизнь, читать французских философов, рассуждать «о свободе, равенстве и братстве», наряжаться как куклы, считать своим идеалом Робеспьера или Мирабо и в то же время проигрывать в карты своих верных слуг, продавать девушек, менять на борзых собак людей, отрывая их от семьи и проч.

Для того, чтобы освободить крестьян от крепостной зависимости, Александру I пришлось бы употребить насилие. Петр I, если бы признал такую меру необходимой, конечно, не остановился бы перед этим насилием, но император Александр I по характеру своему не мог и не хотел взяться за эту задачу. Не хотел и потому, что ни он, ни его ближайшие сотрудники, восторгаясь французскими идеями, в то же время не были убеждены ни в своевременности, ни в полезности для России освобождения крестьян из крепостной зависимости. Даже такой просвещенный человек того времени, каким был историк Карамзин, считавший себя почитателем Робеспьера и сторонником освобождения крестьян, признавал, что надо сначала просветить крестьян, а потом освобождать их[118].

Сперанский, один из замечательнейших людей царствования императора Александра I, был почитателем французской системы централизации и Наполеонова кодекса. Кроме французского влияния, на Сперанского действовало и английское. Так, он был сторонником создания в России высшего класса, основанного на праве первородства (майорате), который и должен был занимать первые государственные должности и блюсти сохранение законов.

По проекту Сперанского, кроме Государственного Совета, учреждалась Государственная

дума из депутатов всех свободных классов.

> «Дума получает отчеты от министров. В случае явного нарушения государственной конституции дума имеет право требовать ответа у министров и делает по этому предмету представления престолу»[119].

Задаваясь такими широкими по тому времени планами, Сперанский тоже обходит решение главного вопроса: освобождение крестьян. Он позволяет себе указать лишь на необходимость этой реформы и в то же время признает возможным «полное» освобождение крестьян без надела их землей[120].

С 1815 года в России началась реакция. А. Пыпин относительно этого периода пишет:

«Внутренний источник реакции лежал и в личном характере Александра. В нем самом издавна боролись два разные настроения — внушенный полусантиментальным воспитанием либерализм и совсем противоположные инстинкты, питаемые всей его обстановкой. Этими противоречиями был особенно исполнен второй период его либерализма, с 1815 года. Он уже вскоре начинает охладевать к „законно-свободным“ учреждениям и к свободе народов. Польская конституция, только что данная, показалась стеснительной для авторитета власти. В греческом вопросе император колебался между свободой Греции и „законной властью“ турецкого султана, и наконец — наперекор сильным симпатиям к освобождению Греции в самом русском обществе, даже в народе — отказался защищать греков, в угоду европейской дипломатии; в конституционных вопросах Германии он стоял уже в 1819 году на стороне реакции; он вмешивался в дела Испании и Неаполя, и русские войска должны были готовиться к роли жандармов в чужих государствах…»[121].

В XVIII столетии верхи русского общества по своему образованию, привычкам, взглядам стали равняться с представителями верхов обществ в государствах Европы, но не только народные массы, но и значительная часть дворянства остались невежественными. В царствование Александра I слой лиц европейски образованных увеличился; потребность к чтению развилась, походы в Европу сотен тысяч людей в особенности отразились пробуждением интереса к заграничной жизни и заграничным порядкам у русских офицеров. Сравнения были не в нашу пользу. Иноземное влияние на некоторых из наших офицеров выразилось участием их в «Союзе благоденствия» и позднее в заговоре декабристов. Но масса населения, как и в XVIII столетии, оставалась невежественной, и пропасть между верхами и низами населения не заполнялась.

Тяжелое положение, в которое реакция поставила образованную часть русского общества, вызывало протесты в нем. С особой энергией этот протест сказался среди лиц, входивших в состав общества «Союза благоденствия». Различные члены этого общества занимались разработкой вопросов о политическом переустройстве России по западным образцам, а, по «донесениям» разных лиц, даже и по американскому образцу.

В числе пожеланий этого общества впервые в 1820 году с определенностью была высказана мысль о необходимости освобождения крестьян от крепостной зависимости, с наделением их землей. Относительно этих пожеланий А. Пыпин высказывает следующее мнение:

> «Каковы бы ни были частности этих предположений, остается чрезвычайно характеристичен факт, что политические мысли тогдашних людей приняли это направление, которое свидетельствовало, что увлечение внешностью политических форм стало сменяться более серьезным вниманием к самым коренным вопросам государственной жизни: здесь положено было первое начало политическому сознанию

общества, положено его собственными силами»[122].

Вследствие особенностей характера императора Александра I иноземное влияние в его царствование по отношению к внутренним делам выразилось составлением многих проектов, на которых отразились в особенности французские и английские влияния. Видимые результаты этих влияний сказались усилением бюрократического строя государственного управления[123], что не облегчило положение населения. Гораздо более существенно и вредно для России сказалось иноземное влияние в царствование Александра I на ходе внешних дел и на окраинной политике.

В течение XVIII века в Петербурге и при дворе, кроме иноземцев, уже находилось значительное число представителей окраин польской, балтийской, финляндской и кавказской. Многие из этих представителей занимали высокое служебное положение и служили доблестно в армии. В XIX веке наплыв деятелей с окраин увеличился. В царствование Александра I выдающуюся роль играл лифляндец Барклай-де-Толли, бывший с 1810 по 1812 год военным министром, а затем главнокомандующим русской армией. Много тяжелых минут пришлось ему переживать в войну 1812 года. Его нерусское происхождение [124] при отступлении нашей армии к Москве вызывало против него общее недовольство в армии и даже обвинение в измене. Но по нашим военным летописям Барклай-де-Толли остается неизменно одним из главных героев борьбы с Наполеоном.

Далеко не такую добрую память заслужили другие иноземцы, приближенные к себе императором Александром I: поляк Чарторыжский и шведы Армфельд и Спренгтпортен. Они преследовали, первый восстановление Польши, а последние — создание обособленной от России Финляндии.

В особенности много вреда России причинил Чарторыжский. С. Татищев в своем труде «Из прошлого русской дипломатии» приводит следующую выдержку из записок Чарторыжского:

«Моя система, — проповедует Чарторыжский, — «основным началом коей было устранение всех несправедливостей, естественно вела к постепенному *восстановлению Польши,* Но дабы не столкнуться прямо с затруднениями, которые должна была встретить дипломатия, столь противная общепринятым взглядам, я не произнес имени *Польши.* Идея ее восстановления заключалась в духе моего труда, в направлении, которое я хотел придать русской политике. Говорил же я только о прогрессивном освобождении народов, беззаконно лишенных права на политическое состояние; я не боялся назвать греков и славян, ибо ничто не могло быть более согласно с желаниями и мнениями русских, но, по наведению, правило это имело быть применено и к Польше. Это было как бы само собой условлено между нами, но в то же время решено, что до поры до времени не будет упоминаться имя моей родины. Я чувствовал, что того равно требуют необходимость и приличия. Нет ни единого русского, который сам по себе и по доброй своей воле был бы благоприятно расположен к Польше. Впоследствии я убедился, что правило это не допускает исключения и что невозможно изменить в данном случае намерение ни одного из них»[125].

По поводу такого откровенного признания Чарторыжского и всего характера его деятельности С. Татищев делает следующие заключения:

> «Слова эти разоблачают нам тайную, но неизменную цель, к которой стремился Чарторыжский во всю жизнь свой, дают ключ разгадке всех его действий и распоряжений за время управления министерством иностранных дел. Они вполне уясняют нам, для чего составилась так называемая третья коалиция и Россия втянута была в кровопролитную войну с Францией, окончившуюся Аустерлицким разгромом.

Освобождение Европы, международное устройство ее на началах права и справедливости, все это служило лишь благовидным предлогом для беспрепятственного осуществления заветного замысла воскресения Речи Посполитой в границах 1772 года, во всем прежнем объеме, блеске и могуществе…

Бедственные для нашего отечества последствия политической системы, навязанной поляком-министром русскому двору, не ограничиваются пределами непродолжительного нахождения его у власти. Толчок был дан, и русская политика, выбитая из исторической колеи, более трех четвертей столетия блуждала в пространстве, прежде чем могла обрести снова торный, естественный, народный свой путь. Отсюда тяжкие испытания, пережитые Россией в отношениях ее к Европе в последние годы каждого из трех последних царствований: унизительная опека Меттерниха, севастопольская война, берлинский конгресс.

Объясняется это тем, что пребывание Чарторыжского во главе нашего дипломатического ведомства в короткое время самым гибельным и растлевающим образом отразилось на русской дипломатии. Он впервые оторвал ее от родной почвы, обезличил и опошлил. Введение им французского языка в политическую переписку русского двора было логическим следствием той системы, что порывала преемственную связь настоящего с прошедшим, глумилась над русской историей и стремилась русскими же руками разрушить положение, созданное России потом и кровью сынов ее, умом и трудами предшествовавших поколений. Не сочувствуя видам и целям князя Адама, русские люди постепенно стали покидать дипломатическое поприще, коим завладели, как наследственной вотчиной, искатели приключений из всех концов запада и востока. Они, со своими сродниками и потомками, чадами и домочадцами, крепко засели в нем, окопались и укрепились так, что на долгие годы затруднили в него доступ природным русским»[126].

В русскую дипломатию началось вторжение иностранцев: француза Убри, эльзасца Анштета, венецианца Мочениго, корсиканца Поццо-ди-Борго, грека Каподистрия. Все они были приняты на службу, несмотря на то, что ни один из них не имел понятия о России и не знал даже русского языка.

Наши дипломаты новой, не русской школы, как указано выше, начинают признавать, что «цель и назначение дипломатии состоит не в том, чтобы отстаивать интересы отечества, а дабы доставить, хотя бы в ущерб им, торжество отвлеченным началам европейского порядка и законности»[127].

В своих записках Поццо-ди-Борго высказывал мнение, что русский язык не нужен, так как их пригласили не *«для специально русских, а для так называемых общих дел »*[128].

Уже в царствование Александра I начинает играть выдающуюся роль гр. К. Нессельроде, который в течение нескольких десятилетий и является представителем торжества отвлеченных начал европейского порядка и законности в ущерб русским интересам. Отец Нессельроде был немецкий дворянин, поступивший в 1780 году на русскую службу, а мать — еврейка.

Еще во время войн с Наполеоном в 1813 году Нессельроде было поручено управление министерством иностранных дел. Он считал себя другом Меттерниха и вполне подпал под его влияние.

Нессельроде менее всего был способен склонять государя возвратиться на путь национальной русской политики.

В 1812 году знаменитый государственный деятель и бывший прусский министр патриот

Штейн был приглашен императором Александром I в русскую главную квартиру. Он быстро обворожил государя и приобрел полное его доверие. Находясь в России, Штейн главной своей задачей поставил «обращение торжества русского оружия (в 1812 году) на пользу немецкого дела»[129]. Еще участь войны 1812 года не была решена, а Штейн уже представлял нашему государю соображения об устройстве Германии по занятии ее русскими войсками, и о способе ведения в ней войны, император Александр I одобряет все его проекты. Опасаясь, что канцлер Румянцев будет мало расположен жертвовать интересами России ради чужих интересов, Штейн начинает против него интригу.

Без церемонии Штейн обращается к английскому правительству с просьбой настоять через своего посла об удалении русского государственного канцлера, высказывая опасения, что Румянцев не в состоянии будет, в случае, если победа останется за Россией, восстановить в Европе политический порядок на твердых и мудрых основаниях. В письме гр. Мюнстеру от 29 августа 1812 года, Штейн прямо указывает на необходимость после Отечественной войны направить силы России «к исключительной выгоде Германии и Европы»[130].

Штейн работал в смысле возвращения Германии ее древних границ — Вогезов и Мааса и *удержания России* от расширения ее тогдашних границ. О вознаграждении России Штейн выражался так:

> «Россия же слишком велика и справедлива, чтобы желать расширения своих пределов и вооружения против себя общего недоверия»[131].

Выше было изложено, что такие русские люди, как Кутузов, были против похода 1813 года.

Образ действий Александра I в Европе доставлял ему популярность. Он высказывался за либеральные учреждения в Германии, защищал Францию против своих союзников и согласился на восстановление Бурбонов только под условием конституционных учреждений; он же упорно стоял за восстановление Польши с конституционным правлением. Когда в Париже Александра I упрекнули, что в России есть рабы, он обещал освободить крестьян от крепостной зависимости[132].

Относительно настроения Александра I, вернувшегося в Россию после Венского конгресса, А. Пыпин пишет:

«Конец наполеоновских войн повел за собой новые черты в настроении Александра. Воротившись в Россию после долговременного отсутствия, законченного блестящими триумфами, он как будто охладел к России: европейская политика заслонила домашние интересы, в которых он не находил удовлетворения. Мысль создать огромную армию, которая бы обеспечивала влияние России и спокойствие Европы, произвела одно из несчастнейших созданий александровского времени — военные поселения»[133].

Относительно состава и характера деятельности наших дипломатов XIX столетия приводим следующую оценку С. Татищева.

«Существенной причиной беспочвенности нашей дипломатии было окончательное закрепление ее за иноверным и иноязычным личным составом, со времени вступления графа Нессельроде в заведование иностранной коллегией, набиравшейся почти исключительно из немцев, большей частью уроженцев наших прибалтийских областей. С 1833 года они одни назначались на места послов и посланников на Западе, не только при дворах великих держав, но и в столицах второстепенных государств. Графу Поццо-ди-Борго в Париже наследовал граф Пален, князю Ливену в Лондоне — барон Бруннов, Татищеву в Вене — граф Медем, Рибопьеру в Берлине — барон Мейендорф. Граф Сухтелен представлял Россию в Швеции, барон Мальтиц —

в Нидерландах, граф Стакельберг — в Неаполе, барон Николаи — в Дании, не говоря уже о мелких германских дворах. Исключение составляли лишь посланник в Риме, граф Гурьев, шурин Нессельроде, да еще два дипломата, последовательно занимавшие пост посланника в Царьграде: А. П. Бутенев и В. П. Титов, также находившиеся с ним в свойстве, так как оба были женаты на сестрах графа Хрептовича, мужа одной из дочерей министра.

Перечисленных имен вполне достаточно, чтобы понять, в какой степени наша дипломатия николаевской эпохи была чужда русской народности и связанных с ней понятий и верований. В среде ее совершенно естественно не оставалось и тени преданий не только московского посольского приказа, но и преемственной политики Петра Великого и Великой Екатерины. Задачей своей она считала искупление грехов этих двух славных царствований, как явствует из дипломатических записок барона Бруннова. В сотрудниках Нессельроде не встречаем ни одного из свойств, отличавших русских дипломатов прежнего времени: никакой своеобразности, ни малейшего сознания своего народного достоинства. Напротив, незнакомые с историей России, чуждые русской жизни, не разумевшие даже русского языка, они с пренебрежением относились ко всему родному, для них недоступному и непонятному, и с подобострастием взирали на западноевропейскую культуру, силясь приобщиться ее благам, хотя бы ценой полного отречения от основных начал русской государственной жизни. Они и не думали о проведении их в своей дипломатической деятельности, а гораздо охотнее служили распространителями иностранных течений и веяний в наших правительственных кругах. И, поступая таким образом, эти, большей частью умные, образованные и честные люди не изменяли своему долгу: они просто не сознавали его и не могли сознать.

Так окончательно сложился тип русского дипломата XIX века, не только отличный от наших дипломатических представителей прошедшего времени, но и прямо им противоположный. Он русским был даже не по имени, а разве по обязанности службы. Сложился он по образу и по подобию дипломата австрийского, Меттерниховой школы. Тот же культ формы, в ущерб содержанию, то же преобладание слова над делом. При всем том дипломаты были о себе необыкновенно высокого мнения и тщательно охраняли от посторонних взоров совершение дипломатических таинств. Полумрак, посреди которого они священнодействовали, как нельзя более способствовал сокрытию умственной немощи и нравственного убожества. Мудрено ли, что при таких условиях деятельность дипломатов не только не влияла на развитие государственных сил, но тормозила его и задерживала и шла прямо вразрез с естественным историческим течением народной жизни»[134].

О том, как наши дипломаты отстаивали русские интересы в войнах, веденных Россией в XIX столетии, изложено в предыдущих главах.

Можно сделать заключение, что внешняя деятельность России в XIX веке, часто не отвечавшая интересам русского племени и вызвавшая массу бесполезных для русского народа жертв, в значительной степени зависела от чрезмерного и вредного влияния Запада и западных идей на представителей русской дипломатии в XIX веке.

Это влияние облегчалось не русским происхождением огромного числа наших дипломатов. В 1805 году 68 % дипломатических должностей занимались лицами не русского происхождения, а в 1854 году число их возросло до 81 %[135].

Значение иноземных влияний в России в царствования императоров Николая I и Александра II на внутренние дела России, по неимению у меня нужных для сего материалов, не может быть выяснено даже приблизительно. Из отрывочных по этому вопросу сведений, влияние иноземцев на течение в России внутренних дел в период 1825—1881 годов значительно уменьшилось, сравнительно с влиянием их в первые 25 лет XIX века. Но это, конечно, не означает, что влияние на Россию вообще Запада уменьшилось. В самых разнообразных формах

это влияние, как и следовало ожидать, только увеличилось. Во многих случаях такое влияние, в особенности в смысле приобретения полезных знаний, было благодетельно. Но в тех случаях, где представители русской интеллигенции в увлечении Западом стали нарушать интересы русского племени, такое влияние было вредным.

Под влиянием западных идей в России создался тип *западников,* искавших свои идеалы в общественной жизни и цивилизации западной Европы.

С XVIII века представители высшего класса России, за несколькими исключениями, вели образование и воспитание своих детей так, что все западное, европейское должно было стать им ближе всего русского. Окруженные гувернерами-иностранцами, дети наших вельмож прежде всего выучивались иностранным языкам, затем русскому. Было время, когда говорить по-русски с иностранным акцентом было признаком хорошего тона. Дома и в гостях говорили не по-русски. Выбор гувернеров и воспитателей был часто неудачный. Поездки за границу, чтение иностранных книг развивало знание Европы, привычку и привязанность к ней.

Продолжительное время не только высшее, но и среднее образование не налаживалось в России, и часть знатного юношества заканчивала свое образование за границей.

В первых русских университетах преподавание нескольких предметов велось на иностранных, даже на латинском, языках. Затем в России в привилегированных учебных заведениях на изучение иностранных языков обращалось более внимания, чем на знакомство с Россией.

Культурные условия жизни за границей, свобода политическая, свобода слова и личности, богатства научные, литературные, — все это, вместе взятое, оставляло в тени Россию и вызвало в русских людях привычку ко всему европейскому настолько сильную, что русскому племени приходится за эту привычку выплачивать ежегодно свыше *ста миллионов руб.,* оставляемых нашими путешественниками за границей.

Западничество и западники

Появление в России западничества и последователей этого учения — западников Н. Данилевский в своем труде «Россия и Европа» изложил, 40 лет тому назад, следующим образом[136]:

> «Отношение национального к общечеловеческому обыкновенно представляют себе как противоположность случайного — существенному, тесного и ограниченного — просторному и свободному… Общечеловеческим гением считается такой человек, который силой своего духа успевает вырваться из пут национальности и вывести себя и своих современников (в какой бы то ни было категории деятельности) в сферу общечеловеческого. Цивилизационный процесс развития народов заключается именно в постепенном отрешении от случайности и ограниченности национального, для вступления в область существенности и всеобщности — общечеловеческого. Так и заслуга Петра Великого состояла именно в том, что он вывел нас из плена национальной ограниченности и ввел в свободу чад человечества, по крайней мере указал путь к ней. Такое учение развилось у нас в тридцатых и в сороковых годах. Главными его представителями и поборниками были Белинский и Грановский; последователями — так называемые западники, к числу которых принадлежали, впрочем, почти все мыслившие и даже просто образованные люди того времени;

органами — *«Отечественные записки»* и *«Современник»;* источниками — германская философия и французский социализм; единственными противниками— малочисленные славянофилы, стоявшие особняком и возбуждавшие всеобщий смех и глумление».

Относительно мировоззрения западника Н. Данилевский пишет:

> «Он признает бесконечное во всем превосходство европейского пред русским и непоколебимо верует в единую спасительную европейскую цивилизацию; всякую мысль о возможности иной цивилизации считает даже нелепым мечтанием, а между тем, однако, отрекается от всех логических последствий такого взгляда; желает внешней силы и крепости без внутреннего содержания, которое ее оправдало бы, — желает свища с крепкой скорлупой»[137].

20 лет тому назад Вл. Соловьев, дает, в сущности, то же определение задач западничества, что сделал Данилевский на 20 лет ранее. По мнению Вл. Соловьева, Россия, «утверждаясь в своем национальном эгоизме, всегда оказывалась бессильной произвести что-нибудь великое или хотя бы просто значительное. Только при самом тесном общении с Европой русская жизнь производила действительно великие явления (реформа Петра Великого, поэзия Пушкина). Европейское сознание, несмотря даже на позднейшую националистическую реакцию, никогда не отрекалось вполне от высшей идеи единого человечества», и далее:

> «Самые великие и важные явления в истории человечества были ознаменованы разрывом национальной ограниченности, переходом от народного к всечеловеческому»[138].

20 лет тому назад Х. Бунге указывал, что в царствование Николая I в русском образованном обществе создалось, по отношению к результатам правительственной деятельности, отрицательное и оппозиционное настроение, как в среде славянофилов, так и западников. Первые искали своих идеалов в древней России, вторые — в общественной жизни и цивилизации Западной Европы.

В труде П. Милюкова «Очерки по истории русской культуры» относительно неизбежности, по его мнению, перехода «национального самосознания» к «общественному самосознанию» изложены следующие мысли:

> «В народном сознании, по закону контраста, запечатлевалось преимущественно то, что составляло *особенность,* отличие данной национальности от соседних. Возникнув из столкновения наций и сложившись, обыкновенно, в период борьбы за национальное объединение и независимость, этот *национализм* переносился затем из области внешней политики в область внутренней. Однако дальнейшие усовершенствования в процессе выработки общественной мысли должны были привести, рано или поздно, к изменению содержания «народного самосознания». Из *«национального»* оно должно было сделаться *«общественным»* — в смысле большого внимания к внутренней политике, лучшего понимания требований современности в этой области и более активного отношения к этим требованиям.
>
> Таким образом, только что отмеченные два оттенка в содержании «народного самосознания» знаменуют собой, в то же время, два последовательных момента в

развитии этого самого содержания. «Национальное» самосознание является при этом, психологически и хронологически, первым моментом, а «общественное» — вторым. И носителями того и другого являются, обыкновенно, не одни и те же общественные группы. Простая справка с современным народным самосознанием наиболее развитых стран Европы покажет, что хранителями национального самосознания являются группы, программа которых имеет целью сохранение остатков прошлого и дальнейшее распространение национального типа, тогда как выразителями общественного самосознания становятся другие группы, занятые преимущественно устройством лучшего будущего»[139].

Для устройства «лучшего будущего» требуется более активное отношение к требованиям современности. Эти требования современности, как изложено выше, у русских западников и вызвали, в целях устройства лучшего будущего для России, подражание всему европейскому. Когда явилось мнение, что в России даже не существует «национального типа», то европеизация России стала представляться вполне естественной.

В главе XXIX изложено, что Россия, двинутая во вторую половину XIX века по пути, намеченному выразителями «общественного самосознания» (западниками), оказалась к XX столетию ослабленной в самом важном: русское племя не только не усилилось сравнительно с другими племенами, населявшими Россию и ей побежденными, но ослабело. Утратив охрану своей национальности, русское племя отстало в духовном отношении, а в экономическом отношении, среди увеличения достатка на окраинах, русское население в центральном районе России оскудело.

Таков был ближайший результат преждевременного оставления «национальной политики» как во внутренних, так и во внешних делах и замены ее служением Западу во внешних делах и подражанием Западу во внутренних.

Не могу удержаться, чтобы не привести полностью следующее чудное определение Н. Данилевским различных форм западничества верхов русского общества в XIX столетии.

«Как бы то ни было, русская жизнь была насильственно перевернута на иностранный лад. Сначала это удалось только относительно верхних слоев общества, на которые действие правительства сильнее и прямее и которые вообще везде и всегда податливее на разные соблазны. Но мало-помалу это искажение русской жизни стало распространяться и вширь и вглубь, т. е. расходиться от высших классов на занимающие более скромное место в общественной иерархии, и с наружности — проникать в самый строй чувств и мыслей подвергшихся обезнародывающей реформе. После Петра I наступили царствования, в которых правящие государством лица относились к России уже не с двойственным характером ненависти и любви, а с одной лишь ненавистью, с одним презрением, которым так богато одарены немцы ко всему славянскому, в особенности ко всему русскому. После этого тяжелого периода долго еще продолжались, да и до сих пор продолжаются еще, колебания между предпочтением то русскому, как при Екатерине Великой, то иностранному, как при Петре III или Павле. Но под влиянием толчка, сообщенного Петром I, само понятие об истинно русском до того исказилось, что даже в счастливые периоды национальной политики (как внешней, так и внутренней) русским считалось нередко такое, что вовсе этого имени не заслуживало. Говоря это, я разумей вовсе не одно правительство, а все общественное настроение, которое, электризуясь от времени до времени русскими патриотическими чувствами, все более и более однако же обезнародывалось под влиянием европейских соблазнов и принимало какой-то общеевропейский колорит: то с преобладанием французских, то немецких, то английских колеров, смотря по обстоятельствам времени и по слоям и кружкам, на которые разбивается

общество.

Болезнь эту, вот уже полтора столетия заразившую Россию, все расширяющуюся и укореняющуюся и только в последнее время показавшую некоторые признаки облегчения, приличнее всего, кажется мне, назвать *европейничаньем;* и коренной вопрос, от решения которого зависит вся будущность, вся судьба не только России, но и всего славянства, заключается в том, будет ли эта болезнь иметь такой доброкачественный характер, которым отличались: и внесение государственности иноплеменниками русским славянам, и татарское данничество, и русская форма феодализма; окажется ли эта болезнь прививной, которая, подвергнув организм благодетельному перевороту, излечится, не оставив за собой вредных неизгладимых следов, подтачивающих саму основу народной жизненности? Сначала рассмотрим симптомы этой болезни, по крайней мере, главнейшие из них, а потом уже оглянемся кругом, чтобы посмотреть, не приготовлено ли и для нее лекарства, не положена ли уже секира у корня ее.

Все формы европейниченья, которыми так богата русская жизнь, могут быть подведены под следующие три разряда:

1) Искажение народного быта и замена форм его формами чуждыми, иностранными; искажение и замена, которые, начавшись с внешности, не могли не проникнуть в самый внутренний строй понятий и жизни высших слоев общества — и не проникать все глубже и глубже.

2) Заимствование разных иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву — с мыслью, что хорошее в одном месте должно быть и везде хорошо.

3) Взгляд как на внутренние, так и на внешние отношения и вопросы русской жизни с иностранной, европейской точки зрения, рассматривание их в европейские очки, так сказать в стекла, поляризованные под европейским углом наклонения, причем нередко то, что должно бы нам казаться окруженным лучами самого блистательного света, является совершенным мраком и темнотой, и наоборот»[140].

К категории особо вредных влияний западничества на русскую жизнь необходимо отнести искусственно пересаженную на Русь так называемую классическую систему образования.

Увлечение в XIX веке классической системой образования

Одним из самых вредных влияний Запада и Юго-Запада Европы на Россию следует признать увлечение так называемой *классической системой образования.* В ущерб изучению русского языка, русской истории и географии, в ущерб приобретению полезных для жизни знаний, в ущерб физическому развитию русские дети и юноши затрачивали огромное количество времени на изучение мертвых языков с тем, чтобы, добившись права поступления в университет, за ничтожным исключением, тотчас забыть эти языки. Так как одновременно создалось убеждение в необходимости изучать живые языки, особенно французский, немецкий и английский, то в гимназиях, имевших общеобразовательное значение, преподавали вместе с русским *пять языков.* А были на Руси и такие гимназии, в которых еще недавно преподавалось *семь языков.* К таковым относились классические гимназии в Финляндии, где преподавались: латинский, греческий, финский, шведский, французский, немецкий и русский языки. Очевидно, такие учебные заведения, как наши классические гимназии, не могли стать русскими учебными заведениями, в которых главное внимание было бы уделено подготовке будущих русских деятелей на всех поприщах, патриотически настроенных, хорошо знакомых со своим родным

языком, русской историей и географией.

П. Милюков в своем труде «Очерки по истории русской культуры» приводит много интересных сведений о том, как такое иноземное растение, как классицизм, явилось на Руси, выросло и какие горькие дало плоды.

Уже во второй половине XVII столетия представители духовенства добились разрешения открыть в Москве две школы для высшего богословского преподавания. В одной из них преподавался латинский, в другой греческий языки. Затем в 1687 году была основана славяно-греко-латинская академия. Выписанные из-за границы два итальянца преподавали все предметы на латинском языке. В начале XVIII века латинский язык проникает и в светскую школу. Петр I еще при жизни задумал открыть университет. Но эта идея осуществилась уже при Екатерине I через год после смерти Петра I. Для открываемого университета выписали немецких профессоров. Но первое время им было нечего делать, ибо студентов, понимающих по-немецки, не находилось. Тогда выписали из-за границы и 8 студентов для примера русским. Для подготовки к университету основали гимназию. Но и туда шли неохотно. Пришлось навербовать солдатских детей и детей разных мастеровых.

В 1755 году в Москве открыли второй университет и при нем две гимназии, одну всесословную, другую — для дворянских детей.

В этой дворянской гимназии главное внимание было обращено на языки. Был введен в преподавание и латинский язык, но русской истории не преподавалось.

В шляхетском кадетском корпусе, с назначением, в век Екатерины II, директором корпуса Бецкого, тоже «излюбленными предметами были иностранные языки и танцы». Бецкой открыто высказывал мнение, что главная цель кадетского корпуса «сделать не искусных офицеров, а знатных граждан».

В XIX веке в начале каждого из четырех царствований русская высшая и средняя школа подвергалась коренному переустройству.

Во второй половине XVIII века Екатериной II были учреждены школы, в которых проведена была непосредственная связь низших со средними.

Приходские школы, уездные училища и гимназии — все в отдельности давали, хотя и небольшой, но законченный курс. «В уездном училище не учили тому, что преподавалось в приходском, а в гимназии предполагали известным то, чему учили в уездном»[141].

В конце XVIII века, в 1797 году, значение средней школы было определено следующими замечательными словами: «Целью *воспитания* и *учения* в гимназии полагается то, чтобы со временем можно было получить людей, способных более к гражданской жизни и к военной и гражданской службе, нежели к состоянию, отличающему ученого человека»[142].

В первых годах XIX столетия последовало коренное изменение этих принципов. Первоначально, при составлении программ для гимназий 1804 года, тоже предполагалось готовить молодежь для жизни, а не для поступления в университеты. Но эти программы были так составлены, что не давали законченного среднего образования, захватывали кусочки университетского курса, а в университетах приходилось проходить часть предметов гимназического курса. Программы эти не могли служить и как средство для подготовки к высшей школе. Дело в том, что в университетах, по глубокому недоразумению, часть предметов преподавалась по-латыни. И вот началась ломка программ гимназий, главным образом с целью дать возможность гимназистам, поступившим в университет, слушать преподавание на латинском языке. С 1811 года классическая школа вводится в России (по плану недоброй памяти Уварова). Гимназии получают семигодичный курс, связь их с уездными училищами разрывается, и преподавание мертвых языков латинского, а затем и греческого получает особое значение. В указе 7 июня 1811 года относительно важности преподавания латинского языка значилось:

«знание латинского языка доказывает приобретение глубоких и твердых сведений в словесности вообще, истории, археологии, мифологии и прочих подобных сим науках».

«Этот аргумент, — справедливо отмечает П. Милюков, — очевидно, мог сохранять свой силу до тех пор, пока русскому студенту приходилось слушать словесность, историю, мифологию и прочие науки и иностранного преподавателя по-латыни»[143].

Но когда преподавание этих предметов установилось на русском языке, бедные гимназисты все еще продолжали по несколько часов в день долбить бесполезную для них латынь и греческий язык.

Не напоминает ли это случай с часовым, поставленным у склада материалов для охраны их? Материалы убрали, а распоряжения не ставить более часовых не сделали, и много лет после уборки материалов часовой еще ходил по отведенному ему месту…

Увлечение латынью и греческим языком было так велико, что даже в Якутске на деньги, собранные с якутов для просвещения их, основали классическую прогимназию с двумя древними языками[144].

К сожалению, преподавание в университетах некоторых предметов на латинском языке затянулось на долгие годы. При реформе гимназий в 1828 году все еще с этим вредным пережитком западной старины не было покончено. Поэтому хотя при реформе гимназии в 1828 году были высказаны разные хорошие пожелания и основным принципом реформы поставлено, чтобы гимназия работала для подготовки детей к практической жизни, но в составленном все тем же Уваровым проекте этот принцип выдержан не был, и *латинский язык был поставлен главным предметом и в новой гимназии.* На преподавание латыни во всех классах в неделю было проектировано назначить 70 часов. Вслед за ним второе место было отведено греческому языку назначением в неделю 50 часов. На преподавание этих двух совершенно бесполезных для практической жизни языков, таким образом, предназначалось в неделю во всех классах 120 уроков. На другие предметы в неделю тоже во всех классах было отведено: на математику 44 часа, на русский язык 26 часов, географию —14, естественную историю — 12, физику, рисование, чистописание — по 6; новых языков не полагалось вовсе[145].

Но такое увлечение древними языками встретило протест среди членов комитета, которому было поручено рассмотрение проекта министерства народного просвещения. Кн. Ливен справедливо указывал, «что дворянство весьма жалуется, что их детей, только малая часть которых идет в университеты, большая же часть приготовляется к военной службе или для занятия сельским хозяйством, *мучат не нужними для них древними языками, что похищает у них время для изучения полезнейших познаний»*[146].

Государь Николай I тоже не одобрил увлечения мертвыми языками и положил на проект резолюцию: «Я считаю, что греческий язык есть роскошь, тогда как французский — род необходимости», и не согласился на исключение из гимназического курса французского и на введение греческого языка.

Члены комитета очень интересным способом оправдывали перед государем свои предположения. Они указали, что знание французского языка развивает самонадеянность, *тогда как изучение древних языков приводит к «скромности и к сознанию своего неведения».*

Было решено оставить на долю латинского языка 39 часов, на долю греческого — 30. В части гимназий положено вовсе не преподавать греческого языка.

Но и после этих урезок в гимназиях с двумя мертвыми языками последние составили главный предмет преподавания, на который уделялось 69 часов в неделю.

До 1851 года из 74 гимназий латинский и греческий языки преподавались в 45 гимназиях.

Принцип, что зубрение мертвых языков способствует образованию *«скромных»* в

политическом отношении молодых людей, восторжествовал.

Однако, после революционных движений в Европе, с 1830 года явилось сомнение в правильности этого принципа.

В 1848 году уже высказывалось: «Если молодые люди не уважают законов, то это потому, что они совсем не знают действующего законодательства, а увлекаются республиканскими учреждениями классического мира Следовательно, — заключали отсюда, — классицизм вреден, и древние языки должны быть заменены законоведением»[147].

Государь Николай I шел навстречу этому новому течению и высказал мнение, что греческий язык достаточно оставить для местностей с греческим населением (Таганрог и Нежин). Но новый министр народного просвещения кн. Ширинский-Шихматов предложил оставить греческий язык в нескольких гимназиях в университетских городах. В 1851 году во всей коренной России осталось только 8 классических гимназий.

Со вступлением на престол императора Александра II «повеяло новым духом». Многие стеснения по учебной части, введенные в предшествовавшие 25 лет, были отменены. Коренной реформе подвергся и университетский устав. На новом уставе 1863 года отразилось одновременно влияние немецкой и французской систем.

Началась борьба и против увлечения классицизмом в средней школе. Ей противопоставили школу «реальную», как имеющую большее общеобразовательное значение. Утвержденным государем постановлением Государственного Совета пытались примирить оба направления. В начале семидесятых годов из 61 гимназии решено было половину иметь с одним латинским языком, четвертую часть с латинским и греческим и только четвертую часть, т. е. всего 16, без древних языков. Но из этих «реальных гимназий» был открыт прямой доступ в университет только на физико-математический факультет. Поэтому со стороны родителей стали поступать просьбы о том, чтобы местные гимназии были классическими. В несколько лет из 16 реальных гимназий осталось только 6.

«Вскоре судьба учебной реформы 1864 года была решена окончательно. При этом решении также, как и в предыдущих подобных случаях, главную роль сыграли соображения не педагогические, а политические. На школу возложена была ответственность за пагубные лжеучения, распространявшиеся в обществе. Реформа школы должна была искоренить стремления и умствования, дерзновенно посягающие на все, для России искони священное, на религиозные верования, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уважение к установленным властям.

Для проведения этих взглядов в жизнь назначен был министром народного просвещения гр. Д. А. Толстой (1866 год). «Я постараюсь, — говорил он в одной из своих речей (1867 года), — чтобы из гимназии выходили не самонадеянные верхогляды, все знающие и ничего не знающие, но молодые люди, скромно и солидно образованные». Классицизм должен был послужить средством для достижения этой цели»[148].

Но взглядам Толстого не сочувствовали даже попечители учебных округов. «В особом присутствии, созванном для обсуждения министерского проекта реформы, образовалось сплоченное меньшинство из 6 членов, протестовавших против смешения педагогических вопросов с политическими и доказывавших, вопреки министру, что, при желании и при благоприятных условиях, в естественных науках можно найти все гарантии против „лжеучений“, а в классицизме заподозрить источник всех опасностей, которых хотят избежать при помощи школьной реформы»[149].

Представители этого меньшинства предлагали расширить права оканчивающих курс в реальных гимназиях на возможность поступления в университет.

В общем собрании Государственного Совета это мнение меньшинства было принято большинством голосов — 29 против 19, но государь утвердил мнение меньшинства, и в 1871 году новый устав гимназий и прогимназий сделался законом: все гимназии стали классическими.

Идея Уварова и его единомышленников, предлагавших 120 уроков в неделю латинского и греческого языков и доказывавших, что изучение древних языков приводит к «скромности», и через 40 лет восторжествовала.

Толстой, выйдя, по мнению Бунге, на путь «ультраклассицизма», занялся фабрикованием в гимназиях «скромных» в политическом отношении юношей. Такое смешение задач школы с политикой потерпело, однако, быструю неудачу и привело к результатам, обратным тем, которые ожидались. Вот что по этому важному вопросу говорит П. Милюков:

> «Что касается педагогической стороны дела в классической гимназии гр. Толстого, о ней красноречиво свидетельствовал уже тот статистический факт, что в 1872—1890 годах только 4—9 учеников из сотни кончали эту гимназию в срок, т. е. в 8 лет, и только 21—37 % добирались до конца с остановками; а от 63 до 79 гимназистов из каждой сотни, т. е. огромное большинство, выбрасывались из школы, как непригодные для нее. Таким образом, не школа существовала для учащихся, а учащиеся для школы. Были ли, по крайней мере, те, кто оказался пригодным для школы, действительно такими „аристократами ума и знания“, как обещал гр. Толстой? Профессора университетов, ревизовавшие гимназии, неизменно отвечали на этот вопрос отрицательно и констатировали непрерывный упадок уровня развития кончающих гимназистов. Но, может быть, зато из гимназии выходили „скромные“ и благонравные юноши, какие нужны были правительству? Опять-таки нет; скорее можно было бы классифицировать прошедших классическую школу и выброшенных ей за борт — на меньшинство забитых и большинство озлобленных. Естественно, что, рано или поздно, факт неудачи классической школы пришлось признать в полном размере. Общественное недовольство по поводу этой школы, долго сдерживаемое, очень ярко проявилось при первой возможности, и правительственный циркуляр 1899 года констатировал, что, при излишестве механического труда, классическая гимназия гр. Толстого давала слишком мало знаний и охоты приобрести их, что воспитание личности было совершенно невозможно в ней, вследствие канцелярского формализма, характеризовавшего отношения школы к семье и учителей к ученикам. Очевидно, политическая роль, более или менее открыто навязанная школе, роковым образом сводила ее работу к чисто отрицательной деятельности. Из-за боязни передовых идей и сильных характеров школа систематически занималась искоренением всяких идей и дисциплинированней воли, — с каким успехом, мы уже говорили выше»[150].

С. Татищев в своем труде «Император Александр II» относительно последствий реформы Толстого высказывается так:

«В гимназиях введенная в 1871 году так называемая классическая реформа дала не менее горькие плоды. Все усилия педагогов были исключительно направлены на обучение юношества двум древним языкам в ущерб прочим предметам преподавания и также, как и в университетах, совершенно упущено из виду воспитательное воздействие на развитие образа мыслей и чувств, на утверждение в преданиях родной истории, в началах веры и нравственности подрастающих поколений.

Последствия такой образовательной системы не замедлили сказаться, и в десятилетие с

1866 по 1876 год неверие в области религии, материализм — в науке, социализм — в политике окончательно овладели незрелыми умами русской учащейся молодежи»[151].

Вводя в 1811 году классическую систему в гимназии, современное начальство, по крайней мере, не хитрило. Оно признавалось, что преподавание древних языков введено как необходимое средство к приобретению дальнейших познаний. Без знания этих языков нельзя было идти в университеты, где часть предметов преподавалась на латинском языке. Но в 1871 году эта причина отпала. Преподавание в университетах уже велось на русском языке. Надо было прикрыть цель политическую целью учебной, и вот начали придавать преподаванию латыни и греческого языка общеобразовательное значение. Являлись даже доказательства, что преподавание древних языков выше преподавания естественных наук.

В главе XXIX было изложено, что попытки, сделанные в царствование императора Александра III, при его поддержке, уменьшить вредные стороны классической системы не имели достаточного успеха.

Только волей ныне царствующего государя, при министре народного просвещения Банковском, удалось побороть сопротивление западников-классиков и свалить одну из опор классицизма — греческий язык. Но ненужная латынь, отнимающая в школе время от познания России и потому крайне вредная, до сих пор не изгнана. Между тем, знание латыни стало бесполезным даже в медицинском деле, ибо рецепты лекарств свободно могут быть написаны и русским языком, а совещания врачей на консилиумах на латинском языке уже не ведутся по той причине, что врачи этого языка не знают. Между тем, еще и теперь юноше, отлично окончившему курс реального училища, если он захочет пойти даже на математический факультет, не имеющий никакого отношения к латыни, *необходимо выдержать дополнительный экзамен по латыни.*

У нас существует в числе привилегированных заведений лицей. В нем идет преподавание латыни и новейших языков. С целью увеличения окончившими курс лицея знания России несколько лет тому назад был введен курс «отечествоведения». Казалось бы, в особенности будущим дипломатам или чиновникам разных министерств такой курс был особенно полезен, но в прошлом году мне сообщили, что преподавание «отечествоведения» в лицее отменено. Знание латыни и тут оказалось важнее знания России.

На основании всего вышеизложенного можно прийти к следующим заключениям относительно развития на Руси классической системы образования.

В начале XVIII века обучение в средней школе латыни и греческому языку было введено с целью дать возможность окончившим курс средней школы продолжать образование в университетах, где часть предметов преподавалась на иностранных языках, в том числе и на латинском. Средняя школа утратила самостоятельный характер и стала служить лишь средством для подготовки к университету.

Когда в университетах начали читать все лекции на русском языке, преподавание в средней школе древних языков все же было оставлено ввиду установившегося мнения, что усиленное долбление древних языков сделает юношей, окончивших курс в классических гимназиях, «скромными». Итак, средняя школа при Толстом стала служить политическим целям.

Полная неудача толстовской реформы ослабила увлечение классицизмом. Но и до сих пор путь к высшему образованию открыть только из классических гимназий или тем, кто, кроме знания гимназического курса, сдаст еще дополнительный экзамен по латинскому языку.

Время, которое тратят дети и юноши на древние и новейшие языки, так велико, что идет в ущерб знанию ими России и в ущерб их физическому развитию.

Полное изгнание из средней школы древних языков (кроме специально готовящихся в филологи) и ограничение занятий новейшими языками[152] освободит Россию от увлечения в

школьном деле западными влияниями, отдалит юношей от Запада, приблизит их к России, даст время заняться физическим развитием детей и юношей и их воспитанием в русском духе. Добавим, что вредное влияние Запада и западников на русскую школу выразилось и в том, что при желании обучать наших детей и юношей по 70 часов в неделю (во всех классах) латыни и греческому языку западники забыли главное: научить русских людей обращаться с русской землей и получать с нее столько же доходов, сколько получают, работая на земле на Западе. Из всех средств, ассигнуемых на образование в земледельческой России, только 1,6 % уделялось в конце XIX века на сельскохозяйственное образование.

В поисках новой школы надо помнить и основные принципы школы Екатерины Великой:

1) Школы приходская, уездная и средняя находятся в непосредственной между собой связи.

2) Средняя школа должна готовить путем обучения и воспитания молодых людей для практической жизни.

Современная же средняя школа служит главным образом для подготовки к поступлению в университеты.

Заключение: Западные влияния, как выше изложено, отражались и на церкви. Увлечение патриарха Никона греческой обрядностью послужило причиной раскола в церкви. Введение обучения латинскому и греческому языкам первоначально в XVII столетии в греко-латинской академии, а потом и в духовных семинариях отняло у будущих пастырей русской земли время для знакомства с Россией, для знакомства с нуждами их будущих прихожан и средствами помочь им не только указанием на помощь Божью, но и практическим советом.

Всевозможные учения с Запада, ослаблявшие религиозность в русском населении, не находят в наших священниках до сих пор авторитетного и умелого отпора.

Значение прихода, ко вреду для русского государства, ослабляется. Положение сельского русского духовенства нашими западниками до сих пор обеспечено очень плохо, сравнительно с обеспечением в России же духовенства других вероисповеданий.

Построение новых храмов, тоже под влиянием западных учений отрицательного характера, совершается более медленно, чем возрастает численность населения.

Церквей в России было:

В 1738 году — 16,9 тыс.; в 1840 году — 31,3 тыс.; в 1890 году — 40 тыс. Приходилось на 100 тыс. жителей православного вероисповедания: в 1738 году — 106 церквей; в 1840 году — 71и в1890 году только 56 церквей.

Православное население ныне оказывается обеспеченным церквами в два раза слабее, чем 150 лет тому назад.

Перенесение Петром I столицы в Петербург способствовало в значительной степени усилению западного влияния. Общение с Западом облегчилось. Наплыв иностранцев и инородцев препятствовал сообщить городу русский характер. Сосредоточение в столице властей, чиновников, учащихся, представителей духовенства, подверженных сильному влиянию Запада, отразилось затем на всей России.

Для правящих сфер Петербурга, «что скажет Европа», стало важнее того, «что скажет Россия».

Наиболее сильные влияния Запада отразились на Петербурге крайним развитием бюрократизма, развитием классической системы образования, развитием в разных видах западничества, которое, как изложено выше, тяжело отразилось как на внешних, так и на внутренних делах России.

Уже твердый волей император Николай I с горечью говорил, что Россией управляют столоначальники.

Богатырь русской земли император Александр III,как изложено в xxix главе, не мог

выполнить своей программы «Россия для русских» не только потому, что царствование его было непродолжительно, но и потому, что сотрудники государя, в особенности в вопросе о подъеме материального достатка массы русского населения, не достигли тех результатов, которых ожидал государь и вся Россия. Применение в этом важном деле западных экономических теорий, как изложено выше, привело вместе с другими причинами земледельческое население России не к подъему, а к упадку, не приблизило русское население к обладанию русскими богатствами, а отдалило от них.

> «Даже верховная власть самодержца бессильна осуществить свой волю, если орудиями ее исполнения являются люди, ее не разумеющие или ей не сочувствующие, и чем скрытнее разлад, тем гибельнее и бедственнее его последствия»[153].

Эти строки, написанные 20 лет тому назад, сохраняют свой силу и в настоящее время.

Иноземные влияния на русскую вооруженную силу

Вполне определенно иноземное влияние на русскую вооруженную силу проявляется свыше тысячи лет тому назад, когда на Русь прибыли варяжские вожди с их дружинами. По типу этих дружин в киевский и удельный периоды и начали содержаться дружины при русских князьях. Эти дружины состояли из охотников. В исключительных обстоятельствах в помощь дружинам собиралось ополчение.

В труде Макса Иенса «Военное дело и народная жизнь» указывается, что в Германии в древности уже существовала всеобщая воинская повинность, причем наиболее способные к войне несли военную службу в составе дружин или военных отрядов добровольцев. Остальные способные носить оружие выставляли в случае особой опасности (опасного положения собственного очага) ополчение. Это ополчение в свой очередь делилось на две части, из которых первую составлял «цвет юношества».

Весьма поучительно, что в Германии с развитием военного дела особым почетом, вслед за военными, пользовались землевладельцы и землепашцы. Только они имели «политические права», «имели право голоса и оружия»; только они, собираясь на советы, решали вопросы о жизни и смерти, «о войне и мире».

«Военные дружины получали от князя содержание, вооружение, лошадей и цель для жизни, за что служили ему с беспредельной верностью и преданностью».

Князья в Германии боролись между собой для победы; их дружины боролись каждая за своего князя.

«Народное хозяйство, — по мнению М. Иенса, — является главным основанием, служащим мерилом военного устройства»[154].

«От важнейших форм народного хозяйства повсеместно происходят главные формы боевых учреждений, которые могут, для наглядности, быть сведены в шесть групп, из коих каждая, в свой очередь, обнимает многие характерные виды, а именно:

I. Военные формы кочующих и не вполне оседлых народов.

П. Сменная воинская повинность, военные касты и военные поселения.

III. Воинская служба землевладельцев.

IV. Наемничество.

V. Наборы совместно с вольной вербовкой.

VI. Всеобщая воинская повинность современных культурных народов»[155].

В России не все эти формы воинской службы были применены.

Дружины и ополчения, существовавшие у нас в киевский и удельный периоды, М. Иенс относит к военным формам кочующих и не вполне оседлых народов. На Руси эти формы были применены и после того, как русское племя стало оседлым.

Сменная воинская повинность не была известна в России. К военным кастам М. Иенс относит янычар у турок и стрельцов у нас. Военными поселениями он считает наше казачество. Упоминается также неудачный опыт с военными поселениями в царствование Александра I.

Как изложено в предыдущих главах, на Руси особое значение в течение нескольких веков, до формирования в начале XVIII столетия постоянной армии, имел третий вид службы, именно воинская служба землевладельцев и земледельцев. Необходимость заставила московских князей перенести всю тяжесть воинской службы на землю. Для успеха отбывания службы с земли первоначально прикрепили крестьян к земле, а потом обратили их в крепостных. Этот вид службы был установлен в России на вполне своеобразных началах, но тоже не был новостью в военном деле других народов. Еще в III и IV столетиях, когда последовало вторичное вторжение германцев на юг и запад, то это уже не были полуномады[156], искавшие земли для пастбища, временного травяного довольствия, а *крестьянские войска,* желавшие поселиться оседло. Римляне вступили с ними в соглашение, отвели им в пользование участки земли (лены) и обязали за эту землю службой. За эту землю поселившиеся на ней германцы несколько столетий сдерживали напор на Рим своих же одноплеменников[157].

Раздача участков земли за службу в Германии и Франции создавала вассалов и привела к феодальной системе.

Не представляются неожиданными и те трудности отбывания воинской повинности с земли, при частых походах в XVI-XVIII столетиях, которые изложены в предыдущих главах. Припомним, что жители у нас разбегались, и дворянам-землевладельцам было не по силам выходить самим и выводить определенное для каждого число воинов. В те времена многие уклонялись от службы и мечтали царю служить, а сабли из ножен не вынимать. Главные трудности несения службы вытекали из того, что доходы с земли не покрывали всех расходов, на нее возложенных. Некоторые дворяне даже бросали свои земельные участки и приписывались к другим сословиям.

Оказывается, что еще при Карле Великом, на восемь столетий ранее, чем у нас, происходили те же явления, но, быть может, в еще более острой форме. Мелкие землевладельцы в германской империи, часто отрываясь от своих владений для войны, беднели и старались избежать «ненавистной для них военной службы». Кто мог — платил штраф, а многие передавали свои земли или крупным землевладельцам, или церкви.

Карлу Великому пришлось «ограничить воинскую повинность теми землевладельцами, которые были в состоянии исполнить ее»[158].

Четвертый вид военного устройства — наемничество — имел малое значение в нашей армии, и применение этого способа, очень распространенного с XV до XVIII столетия в Европе, окончилось в России неудачно. Наемные отряды иностранцев в конце XVI и начале XVII столетий изменяли России в самые трудные минуты, и от них отказались.

Но в Европе, особенно во Франции, наемные войска играли с XV столетия очень большую роль и положили основание постоянного типа армии. По найму особенно много служило во Франции немцев и швейцарцев.

Высчитано, что с 1474 по 1715 год швейцарский союз выставил для Франции 700 тыс. человек и получил за это 146 млн гульденов[159].

В 1752 году активная сила французской армии считалась в 164 тыс., из которых 44 тыс. составляли наемные иностранцы; остальные были привлечены в армию преимущественно вербовкой за плату.

В Австрии постоянные войска возникли в 1681 году.

В Пруссии еще в XVII столетии велись списки всем военноспособным. Великий курфюрст Фридрих-Вильгельм объявил в 1654 году, что, в случае крайней опасности, каждый человек обязан военной службой.

Король Фридрих I окончательно уничтожил феодальный быт и, чтобы добыть средства для армии, обложил постоянной податью все, как рыцарские, так и крестьянские, имения. Он не только сломил сопротивление местного дворянства, но обратил его в верное военное дворянство и придал корпусу офицеров сословный характер.

Дворяне — «юнкеры» являлись, как землевладельцы, прирожденными начальниками людей, взятых от страны, которым они повиновались охотнее, чем кому-либо другому[160].

В 1733 году в Пруссии введена регулярная конскрипция[161] с объявлением принципа, что все жители страны рождены для оружия.

Страна была разделена на «кантоны», определившие районы укомплектования полков. Но это еще не была всеобщая воинская повинность, потому что существовало много изъятий, особенно для богатых бюргеров, а также лиц, готовившихся в духовенство, и единственных сыновей крестьян. Король Фридрих-Вильгельм II еще увеличил число изъятий.

Только с 1813 года в прусской армии были отменены все изъятия.

В России Петр Великий начал формирование постоянной армии путем *набора* с населения рекрут. Меры были суровые, но армия получилась прекрасная. Наборы существовали в нашей армии свыше 70 лет. Общая воинская повинность, в подражание западным державам, объявлена в России только в 1874 году, на 60 лет позже, чем в Пруссии. Но по многочисленности изъятий наша «всеобщая воинская повинность» 1874 года напоминает скорее систему «регулярной конскрипции», введенной в Пруссии 140 лет ранее.

При создании в России регулярной армии мы брали образцы с Запада в организации, обучении, вооружении. Мы нанимали иностранцев, которые учили нас военному делу и выучили.

В этот организационный период влияние иноземцев на армию было необходимо и принесло большую пользу. Но уже в начале XVIII века нахождение иноземцев в рядах наших войск встречалось с недоверием и враждебностью. Вспомним, что в сражении под Нарвой, вместе с беспорядочным отступлением наших войск, убивались иностранные офицеры, служившие в нашей армии.

К концу своего царствования Петр I мог с гордостью назвать свой армию русской, предводимой русскими начальниками, вооруженной, одетой и накормленной трудами русских людей.

Конечно, при подражании Западу не обошлось без увлечений. Так, в нашу армию, в подражание пруссакам, попали парики, косы, пудра, неудачная одежда, а главное, прусская муштра. В особенности недобрую память оставил по себе в период засилия на Руси иноземцев Миних. Многое, заведенное Петром, он переделал на западный образец ко вреду для армии и ввел жесткое обращение с нижними чинами.

Великие учителя нашей армии — Румянцев и Суворов — выкинули много лишнего и поставили русскую армию на высоту, равную лучшим армиям в Европе.

С 1815 года начинается возврат Миниховской муштры, но уже под названием Аракчеевщины. Перестав следить за всем тем, что делается в западных армиях, мы явились в 1853—1855 годах отсталыми и в выучке, и в техническом отношении.

Урок Крымской войны прикрепил надолго к нашей армии западное влияние. Под этим влиянием, чтобы не отставать от наших соседей, изменена была система комплектования армии, установлена разница между мирным и военным составами, принято усовершенствованное оружие.

В подражательной работе, за неотпуском достаточных денежных средств, мы не могли двигаться с необходимой быстротой и в войну 1877—1878 годов снова отстали в техническом отношении даже от турок.

Последние двадцать лет прошлого столетия, развиваясь частью самостоятельно, частью заимствуя те или другие порядки и изобретения Запада, наша армия усиленно работала, чтобы стать во всех отношениях на один уровень с армиями соседей. По численности, обучению, вооружению она и не отставала от них, но опять по неотпуску нужных денежных средств имела в техническом отношении, как указано выше, значительные недочеты.

Из наиболее важных реформ, принятых в последнее время под влиянием западных идей, следует упомянуть переход нашей армии к трехлетнему сроку действительной службы, хотя по указаниям боевого опыта русско-японской войны уменьшать срок службы не следовало бы.

Если иноземные влияния вредно отражались на нашей внешней политике и на внутренних делах, то иноземные влияния на нашу армию в большинстве были полезны, ибо усиливали ее.

В особенности отставая от своих западных соседей в культурном отношении, мы должны были заимствовать от соседей технические усовершенствования в оружии и вообще в технических средствах войны.

Большую пользу нашей армии принесло принятие многих иноземных порядков по организации армии и по устройству всей военной системы. Но в этом отношении многое явилось у нас и самостоятельно. Устав Петра Великого стоял выше современных ему уставов. Тактическая подготовка войск в конце XVIII века Румянцевым и Суворовым стояла выше в нашей армии, чем в армиях наших соседей. Казаки составляли особенность, усиливавшую русское войско.

Менее всего пользы нашей армии приносили заимствования от соседей внешних отличий войск: форм одежды, головных уборов и т. п. К сожалению, в нашей армии во второй половине XIX века даже в числе наиболее даровитых и образованных начальников войск находились такие, которые боролись против принятия нашей армией, по примеру соседей, усовершенствованного оружия.

Один из таких генералов, хороший мыслитель, но плохой практик, последовательно боролся против принятия в нашей армии ружья, заряжающегося с казенной части, затем—против скорозарядного ружья, ныне принятого в нашей армии, и, наконец, против принятия скорострельной пушки.

Юго-западные иноземные влияния

Иноземные влияния на русское племя с юго-запада начались свыше тысячи лет тому назад. Из Византии к нам пересены христианство и грамотность. При оживленных, некоторое время торговых отношениях Киевской Руси с Византией и во время походов под Царьград, русские приходили в соприкосновение с населением высшей против них культуры, что и должно было оставлять следы.

Когда турки завоевали Балканский полуостров и пришли в соприкосновение с венгерско-польским государством и с Венецией, то правительства этих стран пытались затянуть Россию в

борьбу с турками, с целью ослабить обе стороны. В 1473 году венецианский совет сообщил Ивану III, что Восточная империя «за прекращением императорского рода в мужском колене должна принадлежать вашему высочеству, в силу вашего благополучнейшего брака с Софией Палеолог»[162]. Сам наследник «Восточной империи», брат Софии, Андрей Палеолог, является дважды в Москву в 1480 и 1490 годах с предложением продать свои права за деньги.

В 1484 году папа Сикст V просил у Ивана III помощи против турок и предлагал за эту помощь королевский титул. Почти одновременно польский король Казимир тоже предлагал Ивану III союз для совместных действий против турок.

В 1519 году посол магистра прусского Тамберг передал в Москве Василию III важное поручение от папы, которое состояло в приглашении «за свой константинопольскую вотчину стоять и что время к тому удобное».

В 1576 году венское правительство делало предложение Ивану IV Грозному вступить в союз против турок с целью изгнать их, «чтобы все царство греческое на восток солнца к твоему величеству пришло, чтобы ваша пресветлость была за восточного цесаря». Цена при этом требовалась не малая: подчинение русской церкви папе[163].

Православное духовенство бывшей Византийской империи очень рано усвоило и начало проводить мысль, что на московских государей перешли обязанности охранения православия, присвоенные до того византийским императорам. В 1561 году вселенский патриарх из Константинополя утвердил в сане царя великого князя Ивана IV, в силу его родства с византийским императором.

Заслуживает внимания, что во всех вышеприведенных предложениях поводами к вмешательству России в дела Балканского полуострова ставятся причины династического характера и причины религиозные; о племенном же родстве славян московских со славянами балканскими не упоминается. Лишь спустя сто лет славяне Балканского полуострова, разуверившись в возможности получить защиту от европейских государств, обратились за помощью к России и в своих домогательствах стали опираться на племенное родство. Первыми представителями этого славянофильства явились митрополит Киприян и особенно Крижанич в XVII столетии.

Наши государи той эпохи, как изложено было выше, не соблазнялись этими предложениями. Они охотно помогали церквам и монастырям Балканского полуострова, но, по словам Н. Чарыкова, принимая охотно *духовное преемство* от византийских императоров, решительно отказывались от *реального наследования* на Ближнем Востоке.

Иван III, несмотря на брак с Софией Палеолог (оказавший влияние на принятие при московском дворе некоторых византийских порядков), не только не согласился на предложение польского короля Казимира воевать против турок, но с 1492 года положил начало дружеским отношениям с Турцией. Благодаря искусному образу действий, Иван III имел в вассале турецкого султана — крымском хане — верного союзника в течение многих лет.

Иван IV, следуя той же политике, завоевал без ссор с султаном Казанское и Астраханское царства. Но уже Иван IV высказал константинопольскому патриарху и афонским монахам пожелание освобождения их «от томительства богохульных».

Так мы действовали в XVI и XVII столетиях, избегнув войны с турками. Относительно наших отношений к туркам в XVIII и XIX столетиях Н. Чарыков высказывает такое мнение:

> «Но в последующие двести лет наши отношения к Турции *затемняются западными влияниями,* и Россия ведет против Турции 11 войн, всегда выгодных для Западной Европы, мало прибыльных для себя и почти смертельных для Турции»[164].

В это мнение необходимо ввести значительную поправку: в XVIII столетии войны России с Турцией имели определенную цель и вызывались преследованием Россией ее национальной задачи — выхода к Черному морю. Мы могли получить этот выход, завоевать Крым и обеспечить себя на юго-западе границей по р. Днестр только после нескольких победоносных войн с турками. Надо припомнить, что, когда мы начали бороться с Турцией, не только черноморское побережье, но и часть Малороссии находились в турецких руках.

Победами русских войск национальная задача России была окончена уже в XVIII столетии.

В XIX столетии, после всех веденных с Турцией войн, Россия присоединила к своим владениям на европейском материке от Турции только небольшой участок земли между Прутом и Днестром. Главные же результаты войн оказались в пользу христианского населения Балканского полуострова, подчиненного Турции: Румыния, Греция, Сербия и Болгария, ценой русской крови, получили независимое существование. Поэтому можно признать, что в XVIII столетии Россия вела с турками войны с целями завоевательными, а в XIX столетии — с целями освободительными.

В войнах XVIII столетия наши государи пытались привлечь христианское население Балканского полуострова помогать нам, но без успеха. Неудача Петра I в Прутском походе объясняется отчасти излишним доверием, которое он оказал донесениям о готовности к восстанию христианского населения. Петр I рассчитывал, что этим путем будут отвлечены значительные турецкие силы, и назначил для похода к Пруту только 50 тыс. человек. Петру I доносили, что христианское население, подвластное туркам, ждет «с затаенным восторгом полтавского победителя». Кантакузен уверял Петра, что с прибытием русских войск все молдаване примкнут к русскому войску[165].

Оказалось, что молдаванские бояре дали совет своему государю удалиться в безопасное место, ждать исхода сражения и принять сторону победителя[166].

Милорадович, посланный поднять восстание в землях с сербским населением, тоже не имел успеха.

В XIX столетии положение христиан на Балканском полуострове интересовало не только Россию, но и другие европейские державы. Например, восстание в 1821—1825 годах греков вызвало совместные против турок действия нескольких держав, которые вылились в истребление турецкого флота под Наварином.

В 1876 году восстание на Балканском полуострове сербского и болгарского племен привело на время к соглашению России с Австрией о совместных против Турции действиях; но потом это соглашение, к сожалению, расстроилось.

Можно таким образом предположить, что при желании со стороны России и искусстве ее дипломатов войны освободительного характера на Балканском полуострове могли вестись не одной Россией, а несколькими державами.

В предыдущих главах изложено, что хотя войны в XIX веке с Турцией были по результатам освободительными, особенно война 1877—1878 годов, но Россия каждый раз давала повод подозревать своекорыстные виды и этим вызывала недоверие к ее действиям. Это недоверие настолько было сильно, что в 1854 году выразилось коалицией против России (Крымская война). В 1878 г . против России тоже готовилась коалиция и, не изъяви Россия согласия передать решение вопроса о договоре с Турцией конгрессу в Берлине, не удалось бы, вероятно, избежать и войны.

Эти уроки истории указывают, что и в настоящее время, как бы ни были бескорыстны предпринимаемые, под западным или юго-западным влияниями, те или другие шаги наши на Балканском полуострове, никто не поверит их бескорыстию. И мы, делая шаг на Балканский полуостров, должны, на основании опыта истории, знать, что в то же время делаем шаг к

европейской войне.

В XXVII главе настоящего труда изложены соображения, из которых видно, что на Балканском полуострове в настоящее время только вопрос Босфорский имеет особую важность для России. Там же изложено, что для России совсем не требуется спешить с решением этого вопроса.

Но если решение Босфорского вопроса, сообразно интересам России, может ожидаться долгие годы и произойти даже и без пролития русской крови, то спрашивается, может ли ныне Россия по другим вопросам Балканского полуострова быть вновь втянута в вооруженную борьбу с Турцией или с другими державами, например, с Австрией? К сожалению, на этот вопрос приходится отвечать утвердительно: да, Россия может быть втянута в войну из-за вопросов, не имеющих для нее жизненного значения.

Возбуждение в русской печати в 1908 году из-за вопроса о Боснии и Герцеговине получило остроту, напоминавшую возбуждение перед Русско-турецкой войной 1877— 1878 годов.

Ныне печать является могущественным выражением не только мнения правительственных сфер, но выражением общественного мнения интеллигентных слоев населения. Печати же принадлежит ныне и руководство этим мнением в тех случаях, когда те или другие задачи представляются обществу неясными или спорными. К такому роду вопросов принадлежат ныне и вопросы о предстоящей России в XX столетии роли в делах славянских народностей Европы вообще и Балканского полуострова в особенности.

Руководствуясь историческим ходом событий на Балканском полуострове, в которых Россия в XIX столетии играла главенствующую роль, для многих представляется неизбежным и естественным продолжение такой же роли и в XX столетии. Забывается при этом, что кровью России, пролитой в XIX столетии, уже создались на Балканском полуострове независимые Греция, Румыния, Сербия и Болгария. Упускается из виду и то, что основной мотив вмешательства России в дела христианских народностей Балканского полуострова. заключался в освобождении этих народностей от мусульманского гнета и турецкого произвола. Ныне, по отношению к огромному большинству христианского населения Балканского полуострова, эти цели достигнуты. Казалось бы, Россия с полным основанием могла бы признать свой освободительную миссию на Балканском полуострове законченной и предоставить каждой из обособленных народностей, освобожденных от власти турок, самой защищать свое дальнейшее существование и развитие. Оказывается совсем не так. Оказывается, что, освободив славянские народности от турок, мы, по мнению многих горячих славянофилов, еще *обязаны в своих интересах защищать их и от напора пангерманизма* не только дипломатическим путем, но и силой оружия.

Первоначально по религиозным побуждениям, потом под влиянием идей славянофилов русское племя в XIX столетии, запустив свои внутренние дела, храбро сражалось на Балканском полуострове для создания независимых Греции, Румынии, Сербии и Болгарии. Теперь, указывая нам на племенное родство с разными западными славянскими народностями, в том числе и балканскими, *нас толкают на вооруженную борьбу уже не на полях Болгарии и Румынии, а на нашей западной границе, толкают на борьбу с Австрией и ее союзницей — Германией.* Нас толкают на борьбу за улучшение быта славянских народностей, более богатых, чем русское племя, а в Европе и несравненно более нас культурных. Толкают на новый расход русских сил, на пролитие русской крови в то время, когда мы, истощенные борьбой за чужие интересы, не можем дать защиты даже своим кровным братьям — белоруссам и малороссам; не можем освободить их от польского и еврейского ига, экономического и духовного. Невольно зарождается мысль, что в числе толкающих нас на вооруженную борьбу с Германией и Австрией находятся и такие, которые сознательно стремятся к распаду России.

Общество нервно настроено и не может разобраться: как это случилось, что неожиданно из-за турка, с которым мы привыкли сражаться, вдруг появились австриец и пруссак, с которыми мы до сих пор жили в мире. За два последних столетия русские в восьми войнах в союзе с австрийцами сражались против турок, французов, пруссаков и венгров; с пруссаками 150 лет тому назад мы вели *«по недоразумению»* войну, но с тех пор, начиная с 1806 года, сражались вместе против французов, помогли освободить от ига Наполеона, а в 1870 году косвенно помогли победить французов. Неужели интересы России в отношении сербов, босняков и других западных славян так велики, что для защиты прав чужих подданных нам следует готовиться разорвать соседские отношения с двумя могущественными соседями и рисковать вызовом вооруженной борьбы, в которой начнут стрелять семь миллионов ружей?

Вопрос этот так важен, так чреват последствиями, что на нем стоит остановиться самым внимательным образом.

В XIX веке мы были так увлечены устройством чужих нам дел в Европе, столько вели войн из-за этих чужих русскому племени дел, что истощили русскую землю и русское племя, отстали поэтому в культуре от своих соседей и, ослабев, стали легкой добычей иноземцев и инородцев, которые ныне и завоевывают Россию. Неужели и в XX веке, только еще в большем масштабе, русское племя повторит ту же роковую ошибку? Но если вмешательство России в чужие дела в XIX столетии стоило России ослабления ее, то таковое же вмешательство в XX столетии, при увеличившихся средствах разрушения, может повести и к ее распадению.

Наши войны на Балканском полуострове в XIX столетии в значительной степени были войнами идейного характера: Россия жертвовала своими сынами и своими скудными средствами для освобождения своих братьев по вере и по племенному родству. Многие мечтатели надеялись при этом, что освобожденные родственные нам племена когда-либо составят вместе с русским племенем одну могучую славянскую семью. Поэтому и ныне такие же мечтатели опасаются, что успехи пангерманизма ослабят национальную силу балканских славян и славян западных, и этим всему славянскому миру будет нанесен тяжелый удар.

Роль Австрии в этом походе на славян рисуется в самом мрачном свете; но о том, какой длинный исторический путь пройден Австрией для приобретения права влиять, например, на босняков, сербов, многие совершенно не знают.

Не знают у нас в массе интеллигентного населения вообще истории балканских народностей, не знают поэтому и того, что значение племенной связи с балканскими народностями, о которой теперь так много говорят, в сущности, стало выставляться, как повод для заступничества России, лишь в недавнее время. Ранее, в XVIII столетии и большей части первой половины XIX столетия, этой связи не придавали такой важности, чтобы для поддержания и укрепления ее жертвовать кровью сынов России.

Войнами в XVIII и XIX столетиях Россия, частью вместе с Австрией, низводит владения турок на европейском материке с 15 454 кв. миль в 1700 году до 2755 кв. миль в 1879 году.

Но и XX век застает еще многие вопросы на Балканском полуострове не решенными. В числе их вопросы: македонский, имеющий почти тысячелетнюю давность, и вопрос о проливах; ныне решается вопрос Босно-Герцеговинский, имеющий шестисотлетнюю давность; наконец, не решен вопрос о Царьграде.

Небольшие, возникшие на Балканском полуострове, государства нервно готовятся отстаивать свои интересы на Балканском полуострове. Как и 1000 лет тому назад, эти интересы в родственных племенах сербов и болгар противоположны.

Но положение сербов в Сербии ухудшается потому, что объединению сербского племени на Балканском полуострове препятствует Австрия, властно вторгаясь внутрь Балканского полуострова, и занятием Боснии и Герцеговины вбивая клин между Сербией и Черногорией.

Даже приведенный в XXVII главе краткий очерк существования Сербии, Болгарии и Боснии до завоевания их турками может, хотя и в незначительной степени, пояснить, какие права имеются у Сербии на Боснию и Герцеговину, какие права имеют Болгария и Сербия на македонские земли, какие, наконец, имеет права Турция на занятые ей на Балканском полуострове позиции.

Племенное родство балканских славян с русскими

Балканский полуостров со времен доисторических служил ареной для передвижения разных народностей. В первых веках христианства славяне, явившиеся на Балканский полуостров, перемешиваются частью с греками, аварами, остготами. Позже в VII столетии болгары, выходцы из Азии, перемешиваются со славянами восточной части Балканского полуострова. Еще позже являются турки, которые тоже в сильной степени смешиваются со славянами Балканского полуострова. Кроме того, внутрь Балканского полуострова вторгались русские со Святославом, печенеги, венгры, монголы.

Все эти народности не могли не оставлять в большей или меньшей степени свой след в стране, ими проходимой или даже обитаемой некоторое время. Характер местности, род занятий, больший или меньший гнет, под которым те или другие народности существовали, в свой очередь, заметно влияли на характер населения не только в духовном, но и в физическом отношении. Не мудрено поэтому, что ныне, например, тип болгарина в физическом отношении заметно разнится от серба и в особенности от черногорца. Все эти три народности довольно резко в свой очередь отличаются от славян русских.

Даже вера не являлась объединяющим началом, ибо в Сербии было некоторое тяготение к католичеству, а в Боснии правители и значительная часть магнатов приняли католичество, а после покорения Боснии турками боснийская знать приняла мусульманство. Часть болгар тоже перешла в мусульманство. Не было религиозной общности и потому, что Болгария и Сербия то подчинялись в духовном отношении патриархату греческой церкви, то освобождались от этой зависимости.

Вся история отдельных славянских народностей на Балканском полуострове сложилась так несчастно, что вместо единения шла почти непрерывная распря, не только между отдельными племенами, но и междоусобная в каждом племени (вроде борьбы наших князей удельного периода).

Как болгарская, так и сербская народности выделяли немало выдающихся энергией, характером и талантами лиц, становившихся во главе своих народов; к числу их относятся Симеон Великий и Асен II болгарские, Душан Великий сербский и Твыртко боснийский. Эти четыре лица являются представителями расцвета независимого существования Болгарии, Сербии и Боснии. Но эта независимость держалась, главным образом, не сплоченностью народа, не его учреждениями, а мощью этих лиц. Умирали вожди — распадались и наскоро основанные ими государства.

За весь длинный период существования славянских племен на Балканском полуострове до подчинения их туркам историками не отмечено случая, чтобы одна славянская народность помогла другой стать на ноги, приобрести самостоятельность. Напротив того, как только, например, болгары добились независимости, они начали воевать с Сербией и наоборот. Независимые Болгария и Сербия целью своих действий ставили движение к югу, включение Македонии, Фессалии, Эпира в свои владения, выход к морю (Салоники). Общность этих целей,

как у болгар, так и у сербов, создавала между ними соперничество, которое продолжается и ныне. Свободная с 1878 года Сербия проявляет свой независимую волю, прежде всего, в войне с Болгарией.

При Симеоне Великом, почти 1000 лет тому назад, Сербия входила в состав владений Болгарии. При Душане Великом, 700 лет тому назад, Болгария была побеждена сербами, хотя и сохранила свой автономность, так как сербы удовольствовались лишь вассальной подчиненностью Болгарии.

Вряд ли ныне болгары в мечтаниях о великой Болгарии вспоминают о подчинении им в течение короткого времени Сербии, но Болгария, соединенная с Македонией или, по меньшей мере, Болгария Сан-Стефанского договора не кажется болгарам задачей неисполнимой. Но тут на дороге у них, кроме турок, опять стоит Сербия, тоже предъявляющая свои права на Македонию. Но в состав Сербии входила также Македония, уже после того, как она была ранее завоевана болгарами. Поэтому права на Македонию с исторической и этнографической точек зрения как у болгар, так и у сербов несомненны.

Гораздо труднее сербам доказать их исторические права на Боснию и Герцеговину. Из изложенного в XXVII главе видно, что Босния никогда не входила в состав Сербии. Босния все время своего независимого существования тянулась не к объединению с сербами, а к Хорватии, Далмации, Венгрии, тянулась к Западу и католичеству, но не к Востоку и православию. Кроме краткого, отчасти случайного, самостоятельного существования в XIV столетии, Босния и Герцеговина других прав на самостоятельное устройство не имеют.

В битве против турок на Коссовом поле в 1389 году боснийские войска в самый решительный момент покинули сербов и облегчили победу турок. Через 8 лет сербские войска энергично помогают туркам в бой под Никополем против Сигизмунда, предпринявшего крестовый поход против турок; участие сербских войск на стороне турок решает подчинение Балканского полуострова туркам.

За весь длинный исторический период пятнадцати столетий Россия не играет никакой роли на Балканском полуострове. Исключение составляют несколько походов наших князей Киевской Руси в восточную часть Балканского полуострова.

Заметную роль в судьбах балканских славян русские сыграли во второй половине X столетия. Это время совпадает с независимым существованием первого болгарского царства. Чтобы избавиться от болгар, ставших слишком сильными, византийский император Никифор приглашает воинственного князя киевского Святослава в Болгарию. Святослав со своей дружиной является в Болгарию и покоряет болгар. Этим он наносит тяжкий удар независимости Болгарии. Византийский император пользуется ослаблением болгар и в 971 году подчиняет вновь Болгарию Византии. Через 900 лет Россия исправляет сделанное ей зло Болгарии и кровью своих сынов завоевывает Болгарии независимость.

В течение пятнадцати столетий до овладения Балканским полуостровом турками как между славянами, жившими на полуострове, так и между ними и славянами Венгрии, Польши и России, не существовало сознания общности интересов, не сознавалось ни племенной, ни религиозной связи. Славяне на полуострове непрерывно сражались друг с другом; славяне европейские вместе с венграми и поляками тоже ходили на болгар и на сербов; даже русские славяне помогли разрушению независимой Болгарии.

В военном отношении борьба на Балканском полуострове и за Балканский полуостров представляет много интересного. Прежде всего надлежит отметить, что непрерывные распри и войны, которые вели славяне полуострова между собой и против внешних врагов, сообщили им значительную воинственность. Славяне еще византийцами признавались хорошими воинами. Их дружины одерживали победы над греками, венграми, турками. Только рознь их была одной из

главных причин победы над ними турок. Если уход со сражения на Коссовом поле босняков мог решить участь боя в пользу турок, то участь боя и не колебалась бы, если бы вместе с сербами и босняками сражались и болгары.

Несмотря, однако, на взаимную рознь и тяжелую борьбу с другими народностями, несмотря на смешение со многими чуждыми племенами, славяне сохранили свой народность в отношении языка, обычаев, одежды и в этом отношении проявили огромную стойкость. Если в течение 1900 лет эта народность не стерлась, то очевидно, что и в XX веке, как бы ни был силен германский напор на славян, они выдержат этот напор и не послужат для немцев «этнографическим материалом» к дальнейшему их росту. Особенно поучителен пример Чехии, осажденной в течение многих веков со всех сторон и все же идущей в культурном отношении вперед, а не назад, и сохраняющей при этом свой национальность.

В то время, когда славяне Балканского полуострова в течение многих столетий боролись с греками, венграми, турками и благодаря розни между собой остались разъединенными небольшими племенами, славяне восточные, поселившись в Европейской России, хотя и медленно, но слагались в одно могущественное государство.

Если на славян западных с первых шагов их на европейском материке влияли многочисленные народности, окружавшие их, особенно германцы, венгры, греки, иллирийцы, римляне, болгары, турки, то на славян восточных эти влияния были еще многочисленнее и должны были оставить еще более глубокие следы. Славяне России на юге встречались со скифами, сарматами, затем печенегами, половцами, хазарами; на севере и северо-западе на них влияли многочисленные финские племена, а также латыши, ливонцы, шведы; влияли также варяжские дружины, остготы. Позднее русские славяне столкнулись с мордвой, болгарами, а затем вынесли на своих плечах тяжелое монгольское иго, которое оставило глубокие следы. Победив татар, славяне в значительной мере смешались с побежденными, впитав в себя в то же время большую часть вышеупомянутых племен. Гораздо позднее в России начинается приток иностранцев, особенно немцев, многие из которых тоже сливаются со славянами. На востоке в Сибири славяне поглощают другие народности, из которых в особенности якутская и бурятская оставляют видимые следы на жителях к востоку и западу от озера Байкал. Казаки сибирские, оренбургские, уральские принимают много крови киргизской, казаки донские — калмыцкой, казаки кавказские смешиваются частью с горцами.

Д. Менделеев в своем труде «К познанию России» пишет: «В России народов разного происхождения, даже различных рас, скопилось немалое количество. Оно так и должно быть вследствие того срединного положения, которое Россия занимает между Западной Европой и Азией, как раз на пути великого переселения народов, определившего всю современную судьбу Европы и берегов Средиземного моря, падение древних Рима и Греции и само появление в великой европейской равнине славянской отрасли индоевропейцев. Послужив главным путем великого переселения народов, Россия содержит осевшие на месте их остатки»[167].

Огромное смешение всевозможных народностей со славянскими племенами на западе и на востоке Европы, в связи с разницей природы Балканского полуострова и России, различные у славян западных и восточных условий исторической жизни, — все это в продолжение почти двух тысячелетий должно было произвести и действительно произвело большую разницу между славянами западными и восточными.

Разница в физическом отношении между славянином, например, новгородским или псковским, куда с незапамятных времен проникли славяне, и сербом — огромная; примесь финского племени у этих русских славян весьма заметна, а в местностях центральных и особенно восточных у них сильна примесь монгольской крови. Не даром существует кем-то выраженная мысль, что стоит поскоблить любого русского — и покажется татарин[168]. В

духовном отношении пылкий и горячий серб и спокойный житель России менее сходны между собой, чем немец и русский. В особенности мало сходства в физическом отношении имеют между собой славяне западные и белоруссы. Напротив того, малороссы, более, чем великороссы и белоруссы, согреваемые солнцем, ближе подходят к другим славянам Запада, особенно к болгарам.

В замечательном труде Л. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» проводится мысль, что «наследственность (национальность) могучий фактор; в союзе с ней приспособление формирует человечество, *но влияние ее не в состоянии освободить от еще более могучего влияния среды»*[169].

Таким образом, можно признать, что племенное родство балканских славян с русскими, от смешения с другими народностями, от различных условий исторической жизни и различной природы ослабилось.

В русских губерниях, среди коренного русского населения, издавна поселились финны, латыши, мордва, немцы, литовцы; между ними много православных, много женившихся на великорусских девушках; много из иноземных девушек вышло замуж за великорусских парней.

Между тем у нас находились такие горячие славянофилы, которые готовы были признать более справедливым и более важным для России заниматься устройством судьбы западных славян, чем, например, таких латышей, финнов, мордовцев, немцев и других народностей, которые приняли наш язык, нашу веру, давно стали самыми близкими и даже кровными родными нашими.

Но и народности, обитающие в России, которые сохранили свой язык, свой религию, сотни лет живут с нами одной жизнью, создавали, хотя и в малой степени, с русскими славянами великую Россию, сражались бок о бок с нами, — неужели они нам более чужие, чем, например, босняки и герцеговинцы, о существовании которых огромное большинство русского народа узнало только недавно?

Неужели бедная в своих средствах и некультурная Россия и в XX веке, в ущерб коренному русскому населению и не заботясь о приобщении к русской государственности почти 40 млн живущего в России приграничного населения, снова будет расходовать кровь своих сынов и тратить кровные русские деньги на устройство отдельных от нас другими народностями западных славян?

Живущему ныне и грядущему поколениям в XX веке предстоит решение многих огромной важности внутренних вопросов. В числе их одним из главных стоит примирение с такими племенами, нам единокровными, как, например, польское, включение в общую русскую семью всех других народностей, проживающих в России, так, чтобы на великой Руси каждый русский подданный считал себя, прежде всего, *русским* и гордился бы этим; чтобы за границей поляк, армянин, финн на вопрос: кто они? — ответил бы: мы русские.

Сохраняя свой религию, свои обычаи и верования, все племена, населяющие Россию, по мере приобщения их к русской государственности, должны признавать для себя необходимым знать русский язык, не признавать возможным обходиться без него и не смотреть на него как на чужой, навязываемый им правительством.

Русский язык и русские законы и должны послужить тем цементом, который должен сковать в одно нераздельное целое все племена, населяющие Россию.

Но, кроме забот о живущем населении, необходимо готовиться обеспечить огромный ежегодный прирост населения. Этот прирост и ныне уже составляет свыше двух миллионов душ в год, т. е. превосходит все население Боснии и Герцеговины, создавшееся там в течение пятнадцати веков. Неужели заботы об этом приросте тоже должны уступить место заботам о том, как будет управляться Босния и Герцеговина, заботам о том, где и кем будет утверждаться

ежегодный бюджет этой провинции?

При указанном выше ежегодном приросте к концу XX столетия население России будет близко к 400 млн. Заботы о том, как разместить, как накормить, как дать довольство жизнью, как охранить от врагов внешних и внутренних эту громаду людей так важны, так колоссальны, что каждое отвлечение русских сил и средств от этой задачи может сделать ее совершенно неисполнимой. Тогда, вместо постепенного, с каждым годом увеличения мощи России, она будет слабеть, различные ее части все более и более будут обособляться. Вместо одного сильного государства возникнут по окраинам России автономные земли, возникнут вместе с ними и сложные взаимные счеты, новые сложные отношения с соседями, ибо рядом будут в чужих государствах представители тех же народностей: поляки, румыны, турки, армяне, персы, афганские таджики и проч. Начнутся и такие счеты, которые придется решать только силой оружия, и в результате, раздираемые взаимными распрями на западе, теснимые желтыми народностями с востока, русские племена могут не выдержать и снова подпасть под политическое и экономическое иго более стойких, чем мы, народностей, послужив лишь материалом для их усиления.

Славянофильство и панславизм

Мих. Бор-н в брошюре «Происхождение славянофильства» объясняет таковое следующими словами:

«История славянофильства начинается с того дня, когда раздался первый протест против излишнего увлечения иноземщиной, когда было сделано первое предостережение о гибельном влиянии внешнего западного блеска и бесцельной подражательности и когда, наконец, русский искренно, без краски стыда на лице, во всеуслышание заявил о своей сердечной привязанности к родной стране и выказал разумную заботливость о сохранении ее хороших сторон…

В сороковых годах вопрос о народности был поставлен славянофилами на научную почву; тогда же они громко заговорили о настоятельной необходимости проявить нашу самобытность в науке и литературе и сделали первые попытки введения политического элемента в историческую и литературную разработку славянства и проч.; короче, первые самобытные русские мыслители клали краеугольные камни в основу будущей нашей самостоятельной православно-христианской философии, и русская мысль «вчинала подвиг народного самосознания». Поэтому перечислим теперь те главнейшие явления, которые повлияли на научное образование положений (формулировку тезисов) славянофильского учения.

Двенадцатый год, бесспорно, составляет эпоху не только в политической истории России, но и в умственном ее развитии. На Западе, после революции 89 года и при Наполеоне, как бы в обширном котле, вскипали и бродили стихии (элементы) рационализма, сен-симонизма, коммунизма и национальности. «Вслед за нашествием двунадесяти языков началось еще более усиленное, чем прежде, нашествие с запада незваных идей, теорий, доктрин политических, философских и нравственных» (Ив. Аксаков). «Занесенные к нам идеи и теории, конечно, не могли остаться без последствий. Явились люди, которые стали вдумываться в смысл новых явлений, тем более, что не все они переносились к нам путем холодного слова, в книгах, но и устами пылких молодых людей, побывавших за границей, как, например, офицеров наших гвардейских корпусов, или неуживчивых и энергичных эмигрантов. Семена новых учений попадали в разную почву и дали поэтому разные всходы. Одни из русских „с упоением всасывали идеи гражданственности, свободы и конституционных прав“; над многими русскими

умами эти „обаятельные формы европейской гражданственности одержали победу“, почему многие утвердились в мысли о возможности пересадить Запад в Россию, ввести у нас западный либерализм, перестроить свой жизнь по виденным образцам чужой исторической жизни. Другие, быв свидетелями великих событий, решивших судьбы народов, вынесли иные убеждения, в виду того, что иной рад явлений приковал к себе их внимание. Толкуя об отечестве вокруг бивачных костров на полях Прейсиш-Эйлау, Бородина, Лейпцига и под стенами Парижа, они сделали два важных открытия. Они с прискорбием узнали, что Россия единственная страна, в которой образованнейший и руководящий класс пренебрегает родным языком и всем, что касается родины. Потом еще с большей скорбью они убедились, что в русском народе таятся могучие силы, лишенные простора и деятельности, скрыты умственные и нравственные сокровища, нуждающиеся в разработке, без чего все это вянет, портится и может скоро пропасть, не принесши никакого плода в нравственном мире. С этой минуты они круто и прямо повернулись к русской деятельности, к которой отцы старались поставить их спиной. Отцы не знали ее и игнорировали; дети продолжали не знать ее, но перестали игнорировать» (В. Ключевский).

Из целого ряда жизненных вопросов того времени особенно выступили вперед *идеи политической свободы и стремления к национальному освобождению и объединению.*

Означенные течения общественной мысли были занесены в кружки тех энтузиастов и искателей «солнца истины», которые в 30-х и 40-х годах группировались около Московского университета. Легко себе представить, что столь важные явления не могли пройти бесследно для членов этих кружков: они оказались свежими дрожжами, приведшими умы их в сильное брожение. Вопрос о самобытности стал обсуждаться горячо и резко. Споры кончились тем, что народность сделалась исходным положением учения славянофилов»[170]

В пятидесятых годах прошлого столетия, под влиянием германских философских учений, в Москве образовался так называемый Московский кружок.

В состав его входили: Хомяков, Станкевич, Аксаков, Герцен, братья Киреевские, Белинский, Бакунин, Боткин, Клюшников, Красов, Катков, Кудрявцев, Кавелин, Павлов, Погодин, Шевырев, Чаадаев, Самарин, Кошелев, Валуев и др.[171]

«Все члены кружка, без сомнения, горячо любили свой родину, желали ее развития и мечтали о славной ее будущности. Но вопрос о том, какими путями должна следовать Россия, чтобы стать новой ступенью в общечеловеческой цивилизации и занять место среди исторических народов — разделил кружок на два лагеря… Одна партия рассуждала так: Западная Европа — средоточие всей передовой цивилизации; она главная часть всемирной истории; выработанные ей формы культуры наиболее совершенны; все остальные народы не могут миновать тех стадий развития, которые пройдены Западом; на одинаковом уровне умственного развития все будет одинаково у всех. „Будущность всего человечества изготовляется так и вся земля должна оттуда ждать своих судеб“ (Н. Страхов). На народ эта партия смотрела как на лепную глину. Спасение России видела в пересоздании ее по модели Запада. В религиозной вере признавали простейшую форму выражения духовной жизни. Реформу Петра I благословляли, как величайшее благодеяние для России.

Другая партия настаивала на том, что основы западноевропейской жизни не прочны и односторонни и что Запад не есть все человечество; подчинить Россию условиям западной культуры — значит отдать ее в духовное рабство; рядить русского в иноземные покровы — значит обезличивать его. Эта партия требовала уважения к русской народности, к ее бытовым особенностям; отказаться от своей народности равносильно отречению от всякой самостоятельной деятельности в цивилизации. Основным началом народности партия признала *православие.* Эта партия находила, что европейское просвещение привело к отрицанию религии;

доказывала первенствующее значение религиозного просвещения; в реформе Петра I видела коренные ошибки и т. д. От русских партия эта ожидала создания новой глубокой философии, с корнями, закрепленными в чистой православной вере» (И. В. Киреевский).

«Первая из означенных партий получила название *западников,* а вторая — *славянофилов».*

Таким образом, первоначально славянофилы отстаивали русскую народность, ее бытовые особенности и основным началом русской народности признавали православие. Эта партия получила только случайно название «славянофилов». Им правильнее было бы называться «народниками», «националистами» или «руссофилами».

Однако с основанием в Петербурге Славянского благотворительного общества главари партии от забот о русской народности перенесли свое внимание на заботы о славянских народностях Балканского полуострова. Только с тех пор они и становятся *славянофилами.* Но скоро, не довольствуясь заботами только о славянах Балканского полуострова, славянофилы распространили свое внимание и заботы тоже на славян австрийских, признав, что славян надо ограждать от напора германизма. Тогда славянофилы обратились в *панславистов.*

Славянофильское учение пережило три фазиса: *первый* — по охране русской народности, ее бытовых особенностей и православной веры, как основы русской народности (руссофильство); *второй* — по освобождению славян Балканского полуострова от турецкого владычества (славянофильство); *третий* — по объединению всех славян в один славянский союз (панславизм, всеславянство).

Позволительно высказать мнение, что ныне, с признанием окончания освободительной миссии России на Ближнем Востоке, для славянофилов должен бы наступить *четвертый период* — работы на пользу русской народности, работы по охране ее бытовых особенностей и православия. Другими словами, славянофильство должно возвратиться на свой первоначальный путь, временно оставленный в целях жертвы на пользу Балканского полуострова, возвратиться к задачам первого периода деятельности славянофилов. При такой точке зрения все представители национального движения, отмечаемого ныне в России, могут смело признать себя тоже славянофилами.

Выше было изложено, что исторические пути, по которым проходили славяне балканские и русские, были так различны, а влияние исторической и географической среды так разнообразно, что за период, близкий к двум тысячам лет, племенное родство между славянами русскими и западными должно было в значительной степени ослабеть.

Поэтому та духовная связь, которая, несомненно, существует между славянами западными и русскими, не может объясняться главным образом племенным родством.

В значительно большей степени эта связь понятна и близка массе русского народа вследствие общности языка и общности веры. Эти два фактора, даже и без близкой племенной связи, достаточны, чтобы объяснить постоянное сочувствие нашим славянским братьям и готовность на жертвы для них, которые проявлялись со стороны русского населения в течение нескольких веков.

Когда русскому населению стало известно, что наши балканские братья находятся в неволе у турок, в населении русском стала понятна необходимость принести жертву, даже в ущерб своему достатку и здоровью, в пользу угнетенных. Поэтому войны с турками всегда были на Руси популярными: турок в понятии народа явился басурманом (нехристем), а борьба с ним — борьбой за веру православную.

При такой обстановке появление учения славянофилов о помощи славянам Балканского полуострова нашло сочувствие в большом числе лиц русского образованного общества.

Рассмотрим коротко, в чем заключается сущность учения славянофилов, какими целями они задаются и каким путем рассчитывают достигнуть этих целей.

Один из славянофилов, автор брошюры «Всеславянское братство», Мих. Бор-н приводит в своем труде следующие определения различными лицами славянской идеи и славянофильства:

«Славянская идея в высшем смысле ее, как определил ее Ф. М. Достоевский , — есть жертва, потребность жертвы даже собой за братьев и чувство добровольного долга сильнейшего из славянских племен заступиться за слабого с тем, чтобы, уровняв его с собой в свободе и политической независимости, тем самым основать впредь великое всеславянское единение во имя Христовой истины, т. е. на пользу, любовь и службу всему человечеству, на защиту всех слабых и угнетенных в мире»[172]

«Панславизм, — говорит сербский поэт Сундечич, — есть *братская связь* всех славянских племен, он должен давать взаимную подмогу одних другим во всякой беде и неволе, во всякой нужде и потребности, он должен содействовать их единичным стремлениям к благосостоянию»[173]

«Кому дана сила, тот должен приложить ее на пользу братьев… И когда мы, русские, радуемся, что наша держава есть единственная пока вполне независимая, могучая славянская держава, то мы не перестаем, вместе с тем, помнить и сознавать, что это наше могущество и независимость налагают на нас великий долг, обязывают великой ответственностью. Призвание России — осуществить на земле славянское братство и призвать всех братьев к свободе и жизни. Будем же блюсти это братство, как самое драгоценное наше сокровище, как самое лучшее богатство, как завет истории, как залог нашего будущего, как нашу главнейшую необходимую силу, превыше и мощнее всех земных вещественных сил… Да придем все в разум славянства! Взыщем, прежде всего, братство, а остальное приложится» (И. Аксаков)[*Бор-нМих.* Всеславянское братство,1892, с. 10

«Братская любовь обязывает нас, русских, к деятельному (нравственному и материальному) участию и помощи славянам, и к неволе их и страданию мы, русские люди, безучастно относиться не можем и мириться с этой неволей ни на минуту не должны, ибо любовь никаких ограничений не допускает и ни в какие сделки и уступки не входит… Наше дело „поддержать и воскресить славянскую народность“, честно послужить „делу всестороннего славянского освобождения“ (А. В. Васильев)[174]

«У России особая политическая судьба… Интересы ее носят какой-то нравственный характер поддержки слабейшего, угнетенного… Интересы ее везде более или менее совпадают с желанием слабейших. Это ее исторический fatum» (К. Леонтьев)[175].

Сорок лет тому назад один из наиболее авторитетных и даровитых славянофилов Н. Данилевский в своем труде «Россия и Европа» высказал относительно роли России в делах не только народов, населяющих Балканский полуостров, но и вообще по отношению ко всем западным славянам, следующие мысли.

Путем очень интересных исследований Н. Данилевский пришел к заключению, что славяне составляют особый *культурно-исторический тип* и что им предстоит в будущем господствующая роль на европейском материке.

«Славяне, подобно своим старшим, на пути развития, арийским братьям, могут и должны образовать свой самобытную цивилизацию…

Для всякого славянина русского, чеха, серба, хорвата, словенца, словака (желал бы прибавить и поляка) — после Бога и Его святой Церкви идея славянства должна быть высшей идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага»[176].

Что же, по мнению Н. Данилевского, надо выполнить, чтобы осуществилась самобытная славянская цивилизация, проявился особый историческо-культурный тип славянства?

Для достижения этой цели, по мнению Н. Данилевского, необходимо образовать

«Всеславянский союз». Роль России при этом рисуется автором труда «Россия и Европа» так:

«Нужно не поглощение славян Россией, а объединение всех славянских народов общей идеей всеславянства как в политическом, так и в культурном отношении»[177]…

Всеславянский союз должен состоять из следующих государств:

Русской империи с присоединением к ней всей Галиции и Угорской Руси; королевства чехо-мораво-словакского; королевства сербо-хорвато-словенского (куда должны были войти Сербия, Черногория, северная Албания, Босния, Герцеговина и все земли Австрии, населенные сербами и хорватами); королевства болгарского; королевства румынского, королевства эллинского, королевства мадьярского и Царьградского округа.

По словам Данилевского, «такой союз, по большей части родственных по духу и крови народов, в 125 млн свежего населения, получившего в Царьграде естественный центр своего нравственного и материального единства, — дал бы единственно полное, разумное, а потому и единственно возможное решение восточного вопроса»[178].

При позднейших планах славянофилов высказывались такие взгляды:

«Предсказать, как сложится в будущем политический строй освобожденного славянства, конечно, невозможно. Нельзя предвидеть, будет ли то федерация государств или какая-нибудь новая, до сих пор совершенно неизвестная, государственная форма, вроде той союзно-областной, первые семена которой уже брошены на политической почве Северо-Американских Соединенных Штатов и Швейцарии или, наконец, общеславянская *задруга,* подобная единой солнечной системе, центральное место в которой отведут России, причем всякий славянский народ внутри у себя будет устраиваться по своему усмотрению, исповедывать какую угодно веру, во внешних же отношениях будет жить в мире и согласии со всеми, а в нужде защищать славянство общими силами» (проф. Стретькович). Одно пока должно быть очевидным для каждого, что «будущая государственная организация славянского мира должна отвечать двум целям», как справедливо пишет в своей статье А. В. Васильев: «Внутренней самостоятельности отдельных его частей и единству их действия в отношении внешнего, неславянского мира. Пока каждый из славянских народов и народцев будет вести свой отдельную политику, пока каждый из них от своего только собственного лица будет говорить и договариваться с иноплеменными державами, — до тех пор перевеса силы и успеха не будет на стороне славян, а, следовательно, не будет для них истинной свободы. Разрозненная политика славянских народов всегда будет удобной почвой для вражьих происков, и неприятели славянства всегда будут находить средства и способы ссорить отдельные славянские государства или их правительства между собой и переманивать то то, то другое из них на свой сторону и в свой стан. Но в политически объединенном славянстве чужая интрига не найдет себе места», следовательно, «необходимо, чтобы у всего освобожденного славянства было только одно общее внешнее правительство и от лица всего славянского мира велась одна общая международная политика. А так как вопросы международные решаются в конце концов силой, то голос русского народа, как голос сильнейшего во всеславянском правительстве, естественно, будет преобладать»[179].

«Россия, исполняя свое историческое призвание, желает бдительно стоять на страже нравственных и политических задач свободных славян, руководствуясь при этом не одними указаниями холодного и расчетливого разума, но главным образом голосом любящего сердца.

Историческая необходимость указывает, что у всех освобожденных славян должно быть одно общее внешнее представительство, в котором голос России будет, в силу естественного порядка вещей, первенствовать. Но это первенство никоим образом не должно служить угрозой самостоятельности других славян. Братство и любовь равняют всех. Дружелюбное руководительство не есть иго, как братская преданность не есть покорность подчиненного»[180].

«Панславизм далек от каких бы то ни было завоевательных стремлений и целей. Россия не оттачивает меча ни на славян, ни на иноплеменников. Задушевное желание русских панславистов, высказываемое ими громко и открыто, заключается в том, чтобы честно послужить делу всестороннего славянского освобождения, т. е. установлению политической независимости всех славянских племен, а также духовного объединения ныне разрозненного славянского мира, или, другими словами, послужить восстановлению национальной свободы, единства и братства славян. Ничем своим не поступаться и ничего не навязывать — таково одно из наших основных правил взаимных отношений к славянам; остальное должна довершить братская любовь»[181].

Какие же средства рекомендуются славянофилами для достижения этих целей? Сам Н. Данилевский считает, что главная цель русской государственной политики, от которой она не должна никогда отказываться, заключается в освобождении славян от турецкого ига, в разрушении оттоманского могущества и самого турецкого государства[182].

И. Аксаков, толкая русское общество и правительство на войну с турками, в Москве в июле 1876 года, председательствуя в обществе славянофилов, высказывался определеннее и в программу действий вводил не только общие нужды славянства, но и частные России. Он говорил: «Братья наши в Турции должны быть освобождены; сама Турция должна прекратить существование; Россия имеет право занять Константинополь, так как свобода проливов для нее — вопрос жизненной важности»[183].

Но борьба только с Турцией не удовлетворяет славянофилов: в посмертных примечаниях к труду Н. Данилевского значится мнение, что «национальные вопросы вызовут в недалеком будущем войну России с Австрией, а может быть, и с Германией»[184].

Автор брошюры «Всеславянское братство» Мих. Бор-н утверждает, что для нас, русских, из-за славянских дел «час столкновения с латинством и германством столь же неизбежен, как час смерти для каждого»[185].

Какими же соображениями руководствовались славянофилы, предсказывая неизбежность после победы над Турцией борьбы славянских племен не только с германством, но и с латинством?

По понятиям таких выдающихся славянофилов, какими были Хомяков и Киреевский, народы германского и романского происхождения уже совершили свой цивилизаторскую миссию в Европе, и в этой роли их должны в будущем заменить славянские племена.

«Не имея надобности бороться за самостоятельность России как политического тела, лучшие силы нашего национального направления могли сосредоточиться на высших духовных задачах России — на том новом слове, которое Россия несет миру, на том великом всемирном деле, которое она должна совершить. Их вера в это особое призвание России была тесно связана с другим их убеждением: что Европа, представляемая романским и германским племенами, отживает свой век, сказала свое последнее слово, сделала все свое дело и что теперь судьбы мира должны перейти к славянству, с Россией во главе. Славянофилы так решительно выделяли Россию из общего строя европейской культуры, так горячо настаивали на особом призвании России только потому, что они были, с другой стороны, уверены если не в наступившем, то во всяком случае в неминуемом „гниении“ Запада»[186].

«Запад гниет», — вот во что веровали славянофилы. Помочь человечеству может только вступление на арену цивилизаторской деятельности нового исторического типа, именно славянского.

Н. Данилевский пишет, что мысль, высказанная славянофилами о гниении Запада, кажется ему совершенно верной.

Если вызывается культурная жизнь нового исторического типа, то, значит, жизнь старого угасает.

«Самое обилие результатов европейской цивилизации в XIX столетии есть признак того, что та творческая сила, которая их производит, уже начала упадать, начала спускаться по пути своего течения»[187].

Этим верованием объясняется и легкость перехода славянофилов от идеи освобождения славян от турецкого ига к идее о неизбежности борьбы против пангерманизма, хотя само понятие «пангерманизм» служит знаменем не угасания и ослабления, а надежд на дальнейший расцвет и усиление германского племени.

Не останавливаясь на разборе вопроса — гниет ли Запад или усиливается, — перейду прямо к разбору проекта Н. Данилевского о всеславянском союзе.

В 1811 году, когда Россия собиралась воевать с Наполеоном и Австрия примкнула к французам, предполагалось поднять всех славян Австрии и образовать *славянскую империю.* Но затем русское правительство удовольствовалось обещанием Австрии воевать в 1812 году с Россией только «для вида». Обещание это было сдержано.

Ныне, по истечении ста лет после появления в 1811 году проекта славянской империи, образование всеславянского союза встретит отпор в государствах Европы. Для осуществления всеславянского союза, прежде всего, требуется разрушение Австрии и Турции, — это будут первые наши противники. Германия, несомненно, будет на их стороне. Но и для других держав Европы: Англии, Франции и Италии разгром турок и создание в Константинополе центра всеславянского союза грозят опасностями в экономическом отношении. Всеславянский союз, очевидно, будет стремиться выйти в Средиземное море и захватить всю левантскую торговлю в свои руки. Создастся, кроме того, постоянная угроза положению англичан в Египте и движению по Суэцкому каналу.

Таким образом, против России может составиться могущественная коалиция из нескольких держав и притом более ее готовых в военном отношении, более богатых культурными средствами для войны, чем Россия.

Но если правительства великих держав Европы будут против России в случае, когда бы она задумала осуществить мечтания славянофилов, то, быть может, те народности, которые предположено включить в союз, так стремятся к нему, что самым деятельным образом будут работать для осуществления его. России придется только помогать им, объединять их усилия. Прежде всего, можно предвидеть, что славяне западные отнесутся подозрительно к роли России в этом союзе. Сами славянофилы не признают возможным равенство в союзе: голос русского народа будет преобладать. Это преобладание голоса русского народа представится другим славянским народностям опасным.

Известное стихотворение Пушкина о том, что славянские ручьи сольются в русском море, еще не забыто. Необходимо совершенно ясно помнить, что те из славянских народностей, которые стали культурнее русских, не могут желать в какой-либо форме начальствования над ними России. Это, по их мнению, был бы шаг не вперед, а назад. Но независимо от розни политического характера, между славянами существует рознь религиозная. Католики-славяне, объединенные под главенством России, будут видеть в этом главенстве опасность не только своему культурному росту, но и угрозу со стороны православной церкви своему верованию.

Можно ли не включать во всеславянский союз поляков? Очевидно, нельзя: какой же это будет *всеславянский союз,* если одна из самых многочисленных и даровитых славянских народностей будет из него выключена? Но чтобы удовлетворить поляков, надо, прежде всего, объединить их в одну политическую группу. Уже одна такая задача без европейской войны выполнена быть не может.

Нельзя рассчитывать на особое сочувствие к России со стороны и таких славянских племен, как хорваты, словены и другие. Они мало знают Россию, и то, что им известно, не располагает к доверию к нам.

В прошлом году в газете «Новое время» появилась корреспонденция из Люблин[188]. Автор пишет, что отношение словенского народа к России теоретически безучастное, а по наружности враждебное, чтобы не навлечь на себя преследования правительственных агентов.

Возможно также отнестись с недоверием к мнению, что чехи будут содействовать образованию всеславянского союза с Россией во главе. Этот в высшей степени достойный удивления и уважения народ, выдерживая много веков натиск германизма, все же успел сохранить свой народность. Но ближайшее соседство с немцами, закаляя чешскую народность в отстаивании своей национальности, в то же время полезным образом влияло на культурное развитие чехов. В этом развитии чехи далеко обогнали нас, русских, и командная в будущем по отношению к ним роль русских ни в каком отношении не может представляться чехам желательной.

В составе Австрийской империи проживает в Галиции вместе с поляками и значительное число русских (русины). Данилевский считает, что Галицию и так называемую Угорскую Русь надо просто присоединить к России, не давая им во всеславянском союзе особого политического устройства. В III главе мной указывалось, что хотя Галицкая Русь и составляла некоторое время удел Киевской Руси, но уже со времени монгольского ига, т. е. в течение 700 лет, живет особой от России жизнью. Галицкая Русь с XIII века подчинялась то венграм, то полякам, пока не вошла в XVIII столетии в состав австрийской монархии. Вследствие большей близости к Западу, уже в XIV и XV столетиях галицкое население по образованию и развитию стояло выше москвичей. Н. Рожков указывает, что в библиотеках западно-русских дворян той эпохи, кроме книг религиозного характера, уже находились труды научно-литературные, по философии, медицине и естествознанию. А в это время наши бояре не всегда умели подписать свой фамилию и преимущественно занимались охотой и пирами. В настоящее время положение русского населения в Галиции поставлено менее благоприятно, чем других славянских племен Австрии. Русские в Галиции находятся под гнетом поляков и евреев. Но, несмотря на этот гнет, русское население в Галиции в культурном отношении, а до последнего времени и в политическом, все же стоит выше примыкающего к нему населения в русском государстве.

Очень интересную и жизненную картину рисует гр. Бобринский, посетивший в 1908 году Галицию. Он поехал в «деревенскую глушь». Но как резко отличается эта деревенская глушь «угнетенной» Галиции от нашей родной деревенской глуши! На станции железной дороги гр. Бобринского ожидали фаэтоны, конвой конных молодцов-парней сопровождал экипажи до церкви. Гр. Бобринский видел сытый народ. По выходе из экипажа перед устроенной в честь его триумфальной аркой гр. Бобринскому поднесла хлеб-соль «стройная красавица в нарядном костюме». Громко и отчетливо «на чистом литературном языке» красавица говорит хорошую речь. От арки до дверей церкви стоят шпалерами девушки и забрасывают высокого гостя цветами. В церкви служат пятеро священников. Благоговейная служба, могучее пение мужчин, женщин, детей, а вне церкви пальба из мортир, — все это производит на графа впечатление потрясающее.

Поехали затем обедать к священнику. Под окна пришли деревенские женщины и девушки с песнями. Гр. Бобринский вышел к ним… — «И не скоро мы вернулись к столу, — пишет он, — так хорошо было поговорить с *этими умными, развитыми, грамотными* русскими женщинами и девушками».

Ни о какой полиции не упомянуто. Приехал к «угнетенным» один из влиятельных членов русской Государственной Думы, и никто не препятствовал ему брататься с галицким народом.

Гр. Бобринский указывает, что он был в одном из оазисов, но прибавляет, что таких уже много.

Интересно также указание нашего путешественника, что во время посещения им Галиции в октябре, по всей русской части Галиции собирались «веча», на которых обсуждалось неудовлетворительное положение школьного дела и другие вопросы.

Одна эта картина, схваченная гр. Бобринским с натуры, способна привести к вопросу: выиграла или проиграла Галицкая Русь от того, что не была присоединена к России? И это вопрос не праздный, ибо мы, русские, объединив уже около 150 лет тому назад своих юго-западных малорусских братьев в политическом отношении, до сих пор слишком мало сделали, чтобы освободить их в духовном и экономическом отношениях от гнета польского и еврейского. Такие деревенские оазисы, в которых бы девушки говорили на литературном языке, были бы умные, развитые и грамотные, думаю, среди русских крестьянских селений Волынской губернии найти нельзя. Правда, давно, — 25 лет тому назад, — мне пришлось близко ознакомиться с местностью и населением районов Дубенского, Луцкого, Ровенского и Кременецкого, и я был поражен забитостью и малым развитием приграничного русского сельского населения.

В брошюре «Галицкая Русь прежде и ныне»[189] помещено много интересных данных, рисующих современное положение русского населения в Галиции. Это население уже 34 года пользуется конституционными правами. Правительство и поляки в общем уже признали жизненность русского племени в Галиции и согласны не препятствовать развитию русской народности, но под условием, чтобы русские в Галиции считали своей родиной Австрию, а не Россию.

20 лет тому назад, на сейме в 1890 году, выступили ораторы украинофилы, которые доказывали, что они — русские в Галиции — отдельный народ от российского и польского.

Вот какие при этом приводились доводы:

> «Малорусская нация, хотя под чужой фирмой, подставляла грудь в защиту цивилизации и несла свечу культуры на Восток, имеет будущность и старается достигнуть цели. Это отдельный от польского и российского народ, самостоятельный; он должен развиваться легальным путем, но лишь в Австрии, которая для него служит вторым отечеством. Вот оттуда та преданность наша и лояльность. Австрия ввела нас в европейскую цивилизацию. Возрождаясь сегодня, мы приспособляемся к борьбе между Востоком и Западом и чем больше приобретем сил в Австрии, тем скорее за той силой пойдут наши братья из-за кордона, и решим победу в пользу Запада»[190].

Поднятый в Галиции год тому назад вопрос о чеканке медали в честь изменника Мазепы находится в связи с этим учением.

Сторонники единства Руси составляют русско-народную партию, которая признает, что червоноруссы, малороссы и великороссы — все братья и для всех одна родная мать — святая Русь. Этой партии приходится много переносить не только от чужих, но и от своих, но она бодро борется, работая для просвещения русского народа в Галиции и для охраны его от социализма.

«Силу галицко-русского населения составляет средняя интеллигенция: чиновники, адвокаты, врачи и, по преимуществу, священники. Большая часть этой интеллигенции вышла или прямо из простонародья или, по крайней мере, в трех-четырех поколениях принадлежала к нему. Отсюда ее характеризует, по крайней мере, младшую ее генерацию полный демократизм и любовь к простонародью. Все для народа и чрез народ — вот главный принцип, которым руководятся русские галичане, чтобы добыть народную силу чрез массы простонародья — посредством организации их и просвещения»[191].

Насколько велики силы русской интеллигенции в Галиции, видно из того, что в 1905—1906 годах в Львовском университете состояло русских 856 (на 1601 поляка и 758 еврея).

В народной жизни университетская молодежь принимает живое участие в митингах, при открытии читален и т. д. и всюду дает толчок к живому национальному движению в галицко-русском обществе.

«Утешительное явление представляет постепенное пробуждение национального самосознания и подъем умственного уровня у галицко-русской женщины, которая до недавнего времени не выходила было из своего тесного семейного кружка»[192].

Разве не является зависть к этим «угнетенным» русским в Галиции, которых мы хотим освобождать? Они идут верным путем к поднятию своей национальности: вся интеллигенция и учащаяся молодежь, *близкая к народу,* служат национальной идее.

Думаю, что если бы русским в Галиции предложили на выбор оставаться под властью Австрии или перейти вместе с их землей в подданство России, то после общей подачи голосов получился бы результат, для России обидный: хороших слов нам сказали бы много, но все же отказались бы разрывать связь с той исторически сложившейся обстановкой, в которой они живут, вне русского подданства не утратив своей народности, уже свыше 700 лет.

Народности Балканского полуострова, при дальнейшем устройстве их судьбы к их выгоде, конечно, будут рады помощи России, но как только эта помощь будет дана, они только с опасением начнут взирать на возможность какого-либо начальственного отношения к ним России. Выше были перечислены исторические примеры, подтверждающие это мнение.

Наконец, в том, что венгерская нация будет противиться образованию всеславянского союза и включению Венгрии в этот союз, нельзя и сомневаться.

Вот что еще в 1867 году было помещено в венгерской газете «Pesti naplo».

«Панслависты ошибаются, если думают, что мир посмотрит на их движение такими же глазами, какими смотрит на стремление к единству итальянцев и немцев; из их движения может произойти лишь один результат — сосредоточение колоссальной физической силы в руках (русского) царя… Такое движение не только не найдет себе сочувствия среди образованных наций мира, но создаст великую лигу, которая станет плотиной против новых вторжений варварства»[193]. Такого же взгляда на панславизм держится вся Западная Европа и по сей день, прибавляет автор брошюры «Всеславянское братство».

Признавая за Россией огромную силу физическую, народы Запада не доверяют, при нашей культурной отсталости, возможности со стороны России плодотворной, мирной цивилизаторской работы в объединенной славянской семье.

Но если для других наций образование всеславянского союза представляется опасным, если даже для тех или других западных славянских племен главенство России в этом союзе является нежелательным, то, быть может, этот союз является столь выгодным во всех отношениях для русского племени, что надо преодолевать все препятствия и идти в XX век к его осуществлению.

Разберемся хотя в коротких словах в этом вопросе.

Прошло только около 40 лет, и для современного поколения России мечты Данилевского представляются не столько несбыточными, сколько совершенно невыгодными для интересов России и русского племени. Прежде всего, численность всеславянского союза в 128 млн, казавшаяся Данилевскому в 1871 году такой грозной, оказывается незначительной по сравнению только с населением одной России. Действительно, в настоящее время, без союза с какими-либо государствами, без разрушения Австрии и Турции, в России уже 155 млн жителей, а еще через 20 лет без всяких новых завоеваний в России будет 200 млн населения. Только из этих цифр видно, что для России нет никакой выгоды вести новые тяжелые войны и перекраивать карту Европы, чтобы к своему громадному населению прибавить еще несколько десятков миллионов

союзников, для поддержания которых придется расходовать, к ослаблению России, русские силы и средства. Но, независимо от сего, необходимо принимать во внимание, что среди населения России находится почти третья часть народностей не русского племени. Ставя в XX веке заботу об усилении русского племени на первое место, Россия не может и не должна заботу об устройстве судеб славянских народностей, не входящих в состав России, ставить выше забот об устройстве участи своих подданных не русского происхождения.

Трудно, конечно, допустить, что бескорыстная миссия России в XIX столетии по освобождению христианских народностей Балканского полуострова явилась случайной. Можно верить, что Промыслом Божьим эта тяжелая миссия была предопределена России и совершена ей. Но это была очень тяжелая жертва, принесенная Россией на пользу своих отдаленных братьев по крови и вере. Жертва эта ослабила Россию; ослабила в особенности вместе с другими причинами русское племя и сделала его в настоящее время легкой добычей в экономическом отношении других племен, иноземных и инородческих; ныне идет завоевание богатств России не русскими элементами. Такое положение грозит будущности России. Русскому племени необходимо в XX веке занять первенствующее в России место и получить этим путем силы противиться иноземному и инородческому нашествию и овладению богатствами России. Эта забота, вместе с заботой об устройстве ежегодного прироста населения России, ныне в 2400 тыс. человек, так велика, что в XX веке каждое отвлечение сил и средств России для внешних предприятий может сделать эти внутренние задачи вовсе невыполнимыми.

Из вышеизложенного вытекает необходимость для России признать ее освободительную миссию на Балканском полуострове оконченной.

Но это не означает, что Россия ничего не хочет и не может сделать для защиты христианских народностей Балканского полуострова в будущем.

Эти народности, для освобождения которых от турецкой зависимости пролито столько русской крови, никогда не станут чужими для России. В особенности, по моему мнению, для России должна быть близка судьба Болгарского государства. Боевое братство, скрепленное 32 года тому назад на высотах Шипки и в долине Казанлыка, между русскими и болгарами всегда будет служить прочной между ними связью. Мы, бывшие участники войны 1877—1878 годов, не иначе, как с теплым чувством, вспоминаем прекрасную страну, в которой вели войну, и мужественный болгарский народ, родственный с нами по языку настолько, что русские очень быстро понимали болгар и обратно.

И в будущем для России важно поддерживать с Болгарией ту «кровную» связь, которая образовалась на полях сражений с турками. Во всех случаях, когда вопросы Балканского полуострова будут обсуждаться и решаться представителями европейских держав, мощный и доброжелательный голос России, надо надеяться, будет подаваться в пользу славян Балканского полуострова.

Но для дальнейшего укрепления положения Греции, Румынии, Сербии, Черногории и даже Болгарии или для усиления их местностями, еще подчиненными Турции, Россия не должна расходовать свои силы и средства, так необходимые ей для устройства своих внутренних дел.

Относительно значения славянофильства в будущем весьма интересно мнение Н. Страхова. Вот какие мысли высказывает он:

> «В истории нашего литературного и умственного движения нет ничего печальнее судьбы славянофильства, и такой долговременный опыт невольно приводит к заключению, что и впереди этому учению предстоят одни горькие неудачи. Ни одна из надежд, ни одно из задушевных желаний славянофилов не имеет впереди себя ясного будущего. Церковь осталась в том же своем положении; укрепление и развитие ее

внутренней жизни по-прежнему идут шатко и медленно, и невозможно предвидеть, откуда явится поворот к лучшему. Славянские дела ясно свидетельствуют, что духовное значение России не развилось. После подвигов, достойных Аннибала или Александра Македонского, мы вдруг с сокрушением видим, что старания иностранцев и их политическое и культурное влияние берут верх над той связью по крови, по вере и по истории, которая соединяет нас со славянами. Но ведь весь узел славянского вопроса заключается именно в нашей культуре, и если самобытные духовные и исторические силы наши не развиваются, если наша религиозная, политическая, умственная и художественная жизнь не растет так, чтобы соперничать с развитием западной культуры, то мы неизбежно должны отступить для славян на задний план, сколько бы мы крови ни проливали»[194].

Таким образом, Н. Страхов справедливо признает, что культурных сил в России накоплено еще недостаточно, чтобы перестраивать судьбы Европы. А между тем планы как западников, тянувших Россию мешаться в дела Западной Европы, так и юго-западников (славянофилов), тянувших в дела Юго-Западной Европы, несомненно создавали существующую еще и поныне недоверчивую и враждебную по отношению к России обстановку в Европе.

Вот какие справедливые мысли высказывает Вл. Соловьев в заключении своего труда «Национальный вопрос в России».

«В начале своей „России и Европы“ Данилевский поставил вопрос: почему Европа так не любит Россию? — Ответ его известен: Европа, думает он, боится нас как нового и высшего культурно-исторического типа, призванного сменить дряхлеющий мир романо-германской цивилизации. Между тем, и само содержание книги Данилевского, и последующие признания его и его единомышленника наводят, кажется, на другой ответ. Европа с враждой и опасением смотрит на нас потому, что при темной и загадочной стихийной мощи русского народа, при скудости и несостоятельности наших духовных и культурных сил притязания наши и явны, и определенны, и велики. В Европе громче всего раздаются крики нашего „национализма“, который хочет разрушить Турцию, разрушить Австрию, разгромить Германию, забрать Царьград, при случае, пожалуй, и Индию. А когда спрашивают нас, чем же мы — взамен забранного и разрушенного — одарим человечество, какие духовные и культурные начала внесем во всемирную историю, то приходится или молчать, или говорить бессмысленные фразы»[195].

Заключение о значении для России славянофильского учения может быть сделано следующее:

Заботы славянофилов, чтобы наследие Византии в *духовном отношении* не угасло, а развивалось, заботы о духовном единении всех славян, заботы об открытии славянам всех сокровищниц русской мысли, — все это, несомненно, в высокой степени полезная деятельность, поддерживающая чувство родства между славянами по языку или по вере.

Но деятельность славянофилов (панславистов) по*реальному* наследованию от Византии; их программы политического содержания, с проповедью о разрушении Оттоманской империи, о занятии Россией Константинополя и, наконец, о неизбежности вооруженной борьбы с Австрией и Германией, — эта деятельность не может быть признана ни желательной, ни полезной в будущем, потому что успех этой деятельности грозит европейской войной. Выкинув совершенно политику из своей программы, славянские общества в России и в Европе могут, путем съездов,

принести много пользы, знакомя разные славянские племена между собой.

Особенно важно русскому племени ознакомиться с обогнавшими нас по культуре местностями, например, Богемией. Не с целью узнать, как чехи организуют борьбу с немцами, а с тем, как они ведут борьбу с землей, чтобы победить ее, с тем, что они делали, чтобы школа у них стала патриотичной, что они делали, чтобы их интеллигенция и народ думали одну думу, жили одной жизнью.

Таким образом, иноземное влияние с Юго-Запада проявлялось на Руси различно: в первый период это было влияние благодетельное: мы приняли с Юго-Запада в Киев христианство и грамоту. Во второй период, до XVIII столетия, поддерживалась, хотя и в слабой степени, духовная связь русских с единоверцами в Турции, но все попытки представителей греческого духовенства, как и государей Западной Европы, не оказывали настолько сильного влияния на правящие круги России, чтобы вызвать борьбу России с Турцией.

В третий период, который обнимает XVIII столетие, Россия, в целях своей национальной политики, перешла в наступление против Турции, ослабила ее и достигла выхода к Черному морю.

В четвертый период, повинуясь не только различным влияниям с Запада и Юго-Запада, но и под влиянием работы славянофилов, Россия исполнила на Балканском полуострове высокую миссию: освободила христианские народности Балканского полуострова и дала им самостоятельное существование.

В пятый период России предстояло бы, по учению панславизма, закончить борьбу с Турцией и, путем борьбы с пангерманизмом, объединить в один союз все западные славянские народности под своим руководством.

Как изложено выше, от этой задачи России надлежит решительно отказаться и признать свой освободительную на Балканском полуострове миссию законченной.

Можно, однако, предвидеть, что и без участия России в Австрии произойдут перемены, благоприятные славянской идее.

В 1907 году в статье об австрийской политике в XIX веке (помещенной в журнале «Чешская политика»[196]) высказаны мысли о необходимости изменения политики австрийского правительства по отношению к славянам, *признанием равноправности славян с венграми и немцами.*

«Справедливая ко всем народностям политика привела бы Австро-Венгрию к более достойной великой державе, более самостоятельной внешней политике. Дружественные отношения к России освободили бы Австрию от вредного подчинения Германии».

Как только такое равноправие будет достигнуто, народности Балканского полуострова отнесутся к Австрии с полным доверием, и настанет время образования, *без вооруженного участия России,* балкано-австрийского союза, в котором каждая из народностей, существующих ныне самостоятельно, сохранит свой самостоятельность.

Этот союз по племенному составу будет естественно дружествен России.

В статье М. Меньшикова «Славяне и англосаксы»[197] помещены мысли известного Стэда: Стэд рассматривает присоединение Боснии и Герцеговины к Австрии как одну из ступеней подъема славянства. Он приводит следующую таблицу прироста населения за 1904 год в главнейших государствах Европы:

В Германии — 820 000 душ
В Британии — 690 000 душ
В Италии — 374 000 душ
В Австрии — 323 000 душ

В Венгрии — 299 000 душ
Итого — 2 506000 душ

Во Франции население уменьшилось на 20 тыс. душ. В одной России за тот же год население увеличилось на 2464 тыс. душ.

Стэд справедливо заключает:

> «Славяне могут одни сказать: время за нас. Могут ждать, когда стихийное их могущество само вырастет и даст совершенно другой смысл всяким аннексиям и оккупациям славянских земель».

Выводы из деятельности русской армии в XIX столетии

Выводы из деятельности русской армии в XV—XVIII столетиях ♦ Что содействовало русскому войску и русскому народу в достижении поставленных целей в прошлом ♦ Задачи русской армии, перешедшие на XXстолетие ♦ Необходимость возврата в XX веке к русской национальной политике ♦ Россия должна принадлежать русским

Ранее мной изложены причины, по которым русское племя, бедное и менее культурное, чем его западные соседи, в течение четырех столетий выходит победителем из борьбы с татарами, ливонцами, литовцами, поляками, шведами и турками и основывает могущественное государство.

На основании исторических данных, изложенных в предыдущих главах настоящего труда, основными причинами, облегчившими русскому племени образование обширного государства, были:

1) Образование на Руси сильной самодержавной власти.

2) Умелая и твердая в течение нескольких столетий национальная политика.

3)Содействие в достижении поставленных нашими государями целей со стороны правящих классов и духовенства.

4) Необыкновенно упорное и терпеливое преследование поставленных целей.

5) Огромная самоотверженная работа наших войск, закалившихся в неудачах.

6) Наконец, главная причина успеха в борьбе русского племени со всеми встреченными им в течение тысячелетия врагами заключалась в прирожденных силах русского племени, его выносливости, мужестве и способности к жертвам.

Повторим из XVII главы, какие нравственные устои русской армии и русского народа помогали в прежнее время выходить победителями из всех испытаний.

Главным образом работой русской армии создалась великая Россия. Но если работа эта была успешна, то очевидно, что эта заслуга относится ко всему русскому народу, ибо русская армия и русский народ в этой работе не могут быть разделяемы.

Наша армия в войнах XIV—XVIII столетий, особенно в XVIII веке проявила высокие духовные силы. Очевидно также, что эти силы заключались в самом русском народе.

Только при огромных природных силах, дарованиях, религиозности, чрезвычайной выносливости в труде и лишениях, несокрушимом мужестве русский народ мог выйти победителем из всех тяжких испытаний, выпавших на его долю в тысячелетний период его истории. Но условия жизни населения были так тяжелы, что для проявления этих сил с таким несомненным успехом необходима была особо благоприятная к тому обстановка. В чем же эта благоприятная обстановка заключалась для русского народа? Прежде всего в том, что уже с XIII века явилась сильная власть, которая могла начать собирать Россию и направлять усилия всех к определенным целям.

Царская власть, поддержанная церковью, стала священной для русского народа.

Отношение русского человека к царской власти лучше всего выражается народным взглядом на царя как на *царя-батюшку.* Одновременно, представляя себе нашу родину *матушкой-Россией,* народ русский объединяет в своих сыновних чувствах царя-батюшку и

Россию-матушку.

Государи России преемственно, в течение многих поколений, преследовали национальные цели, вполне понятные населению, близкие его сердцу и важные для его будущности.

Имея в населении огромный запас сил, терпения, трудолюбия и мужества, они широко пользовались этими силами, опираясь на поддержку духовенства и верхов общества.

Жертвы, освященные духовной властью, переносились легче верующим населением и в мирное, и в военное время, а в некоторых особо серьезных случаях призыв духовенства к жертвам вызывал религиозное возбуждение, очень облегчавшее победу.

Постоять за православную веру, умереть за нее — служило для миллионов русских бойцов в течение многих веков путеводной нитью в их поведении. В их простом мировоззрении это была понятная и близкая их сердцу жертва.

Религиозное чувство русского народа давало ему силы переносить все невзгоды, переносить тяжкую жизненную обстановку, обиды, притеснения, бедность, тяжкий, дурно оплачиваемый труд. Вера, что «на все воля Господня», являлась великим утешением и опорой.

Несомненно, таким образом, то огромное и благодетельное значение, которое имела религиозность русского народа и русского воинства при выполнении ими тяжких исторических задач, на их долю выпавших.

Русское духовенство в XIII—XVIII столетиях являлось выразителем религиозности всего народа и в то же время всегда было твердо национально. Помощь духовенства народу и войску во всех случаях его исторической жизни была огромная.

Вместе с готовностью жертвовать жизнью за батюшку-царя и православную веру, в народном сознании благодаря национальной политике наших государей, поддержанных духовенством, вырастало и сознание необходимости жертвовать всем за родину.

Все войны, веденные Россией, отмечены высокими подвигами воинских чинов всех степеней, свершенными ими «за веру, царя и отечество».

Не было подвига, свершить который не находилось бы охотников. Перекрестившись, они смело шли на верную смерть.

Таким образом, главными двигателями русского племени при свершении им в течение тысячелетия великого подвига — создания русского государства — были преданность вере, царю и родине.

Наш русский девиз «за веру, царя и отечество» не составляет кабинетного измышления, а является результатом всей истории русского племени.

К характерной особенности русского народа надо отнести потребность в жертве в трудные минуты, переживаемые родиной.

И чем труднее приходилось нашему войску или мирному русскому населению, тем яснее и ярче зрела в умах русских людей необходимость жертвы «за веру, царя и отечество».

Относительно достоинств и недостатков наших ополченных войск, действовавших с XV столетия до сформирования регулярной армии в XVIII столетии, мной в XVII главе сделан следующий вывод:

Как ни были велики недостатки ополченных войск в XV, XVI и XVII столетиях, тем не менее, твердо направляемые одной державной волей, хотя и после борьбы в течение многих лет, терпя часто тяжелые неудачи, войска эти сполна выполнили для России одну из важных задач по освобождению России от татар и по выходу к Каспийскому морю. Эти войска начали выполнение задачи по объединению русского племени присоединением к Руси последних из уделов, новгородского и смоленского, а также и Малороссии от литовско-польского государства. Окончательное объединение русской земли и выходы к Балтийскому и Черному морям, несмотря на массу затраченных усилий и многие сотни тысяч бойцов, выставленных в

многочисленных войнах, оказались задачами, непосильными для наших ополченных войск.

Но все же в период существования ополченных войск в XV, XVI и XVII столетиях Московская Русь с конца XIV столетия широко раздвинулась к северу, востоку и юго-востоку, увеличив территорию государства в несколько раз. Эту работу сделало русское племя, русское православное воинство. Иноземцы помогали лишь как инструкторы, а инородцы часто больше вредили, чем приносили пользы.

То, что не удалось выполнить ополченным армиям в три столетия, было выполнено регулярной армией за одно XVIII столетие.

Во всех трех эпохах военного дела на Руси — дружинной, ополченной и регулярной — имеются общие стороны. Они заключались:

1) В несоответствии средств населения с вооруженной силой, выставлявшейся во все времена Россией, и, как следствие этого:

2) В отсталости в техническом отношении русских вооруженных сил от вооруженных сил наших противников.

Только в XVIII столетии наши войска не отставали в техническом отношении от войск шведских, польских, прусских и особенно турецких. Равенство в техническом отношении, превосходство в тактическом и развитие самостоятельности у частных начальников дали нашим войскам в XVIII столетии те изумительные победы, которые и ныне дают право гордиться нашей армией XVIII столетия и обязывают к изучению ее подвигов.

3) Наконец, то что надлежит признать одним из наиболее важных фактов в истории образования Российского государства, это однородный, за самыми небольшими исключениями, русский состав наших войск, отстоявших и образовавших российскую империю. Русская по составу армия освобождала Россию от татар, объединяла все русское племя, раздвигала границы России до естественных рубежей, все время преследуя национальную задачу: русская армия создавала Россию для укрепления и развития русского племени, создавала *Россию для русских.*

Выводы из деятельности наших войск в XIX столетии помещены в XXX главе.

Повторим те из них, которые касаются деятельности других ведомств, кроме военного:

1) Политическая подготовка трех последних войн, веденных Россией в XIX столетии, была недостаточная. России приходилось воевать не только без союзников, но и оставлять главные силы армии против западной границы и внутри России на случай вмешательства в войну соседних держав.

2) Связь армий, действовавших в Турции или в Крыму, с внутренней Россией в дорожном отношении была недостаточная.

3) Недостаточный отпуск денежных средств на армию в мирное время был причиной отсталости ее в вооружении и вообще в техническом отношении в 1855 году от армий французской и английской, а в 1877—1878 годах и от турецкой.

Задачи русской армии, перешедшие на XX столетие

Протяжение государственных границ России составляет: в Европейской России — 4330 верст, на Кавказе — 1190 верст, в Средней Азии — 4950 верст, в Сибири (без Сахалина) — 6830 верст, всего 17 300 верст.

Через пять лет истекает столетие неизменности нашей западной границы с Австрией и Пруссией. Наиболее постоянными соседями России являются китайцы: участок границы в Сибири, протяжением около 700 верст, установлен еще в XVII столетии. Позже других

установлены наши границы с Турцией и в Средней Азии.

В моем отчете по русско-японской войне, т. IV — «Итоги войны», помещены довольно подробные данные, не имеющие секретного характера, о значении различных участков нашей сухопутной границы и сделаны выводы, *что России нет оснований где-либо на всем огромном протяжении 17 300 верст менять свой границу.*

Там же приведены соображения, почему и нашим ближайшим соседям невыгодно будет менять свой границу с захватом той или другой части русской территории. Тем не менее, обстоятельства могут не дать России возможности спокойно пользоваться ее границами в XX веке, и потому главной задачей русской вооруженной силе в XX веке надо поставить *охрану целости границ империи.*

Задача эта, сравнительно с еще недавним прошлым, очень затруднилась.

Россия граничит с девятью государствами, и каждое из них может явиться ее противником в союзе с другими государствами. Поэтому, хотя военные силы и средства России к концу XIX столетия развились в очень значительной степени, но они, конечно, окажутся недостаточными, если бы России пришлось вести борьбу без союзников против всех или большей части своих соседей. Эти силы могут тоже оказаться недостаточными, если, ведя борьбу на одном фронте, придется оставлять главную массу войск в бездействии на другом фронте, в ожидании перехода к враждебным действиям тех или других из наших соседей. Припомним, что значительную часть войн против турок во второй половине XVIII века и в течение XIX века нам приходилось вести, выставляя против них лишь незначительные армии, а главные силы оставляя против врагов лишь предполагаемых.

В конце XIX века наши соседи располагали армиями дня наступательных действий примерно следующей силы:

В наши пределы в Европейскую Россию и на Кавказ могли, в случае войны, двинуть: Германия — 1500 тыс. человек, Австрия — 900 тыс. человек[198], Румыния — 200 тыс. человек, Турция — 400 тыс. человек. Таким образом, с привлечением к тройственному союзу Румынии и Турции, России могло угрожать вторжение армий численностью около 3 млн людей.

Благодаря мудрой политике императора Александра III, Россия в случае европейской войны не оказалась бы одинока. Но, даже принимая в расчет силы наших союзников, нападение на Россию по европейской и кавказской границам может быть произведено силами 2—2,5 млн людей.

Военные силы России огромны, и если бы война велась в прежних условиях, то организация отпора силам противников была бы облегчена медленным сбором сил противника и почти непреодолимыми трудностями по довольствию этих сил после вторжения их в пределы России. В последние 60 лет, с проведением железных дорог, положение переменилось. Опыт франко-прусской войны показал, что даже 40 лет тому назад немцы могли в трехнедельный срок сосредоточить к границам Франции несколько сильных армий и одержать первую победу, а в последующие четыре недели военных действий покончить с главными силами французских армий.

Уже 10 лет тому назад железные дороги, подходящие к нашей границе со стороны Германии и Австрии, могли через несколько дней после объявления войны начать подвозить к нашей границе ежедневно *800 воинских поездов.*

Считая на корпус войск по 100 поездов, получится, что каждый день наши соседи, став нашими противниками, могли 10 лет тому назад высаживать для вторжения в наши пределы *по 8 корпусов войск.* Чтобы сравнить эту необычайную быстроту сосредоточения с медленностью сосредоточения наших войск к Маньчжурии в 1904 году, достаточно указать, что первое время после объявления войны мы располагали для подвоза в Маньчжурию лишь 2 *1/2* поездами

слабого состава в сутки и что в течение апреля, наиболее важного месяца для сосредоточения (первые боевые столкновения), на подкрепление к нашим войскам, сосредоточиваемым в южной Маньчжурии, ежедневно в среднем прибывало лишь по 3 роты пехоты.

Постройкой с 1870 года нескольких стратегического значения железнодорожных линий достигнут большой успех по мобилизации и сосредоточению нашей армии. Но все же 10 лет тому назад Россия еще в значительной степени отставала в боевой готовности от наших соседей, что давало бы им в первый период войны огромные над нами преимущества.

В настоящее время, после Русско-японской войны, кроме угрозы с Запада, выросла для России и угроза с Востока. При лихорадочной поспешности, с которой уже 20 лет подряд работает Япония над сформированием сильных армии и флота, она достигла очень серьезных результатов и ныне может довольно быстро сосредоточить в Маньчжурии армию в несколько сот тысяч человек. Китай, под руководством Японии, может тоже выставить довольно сильную армию, организованную по-европейски. Если работа Японии и Китая в этом направлении не будет приостановлена, то через несколько лет выставление против России и других государств со стороны Японии и Китая союзной армии в несколько миллионов человек станет делом возможным. *«Желтая опасность»,* несомненно, уже наступила и притом не для одних только русских, но для всех европейцев и американцев, имеющих свои интересы в Азии.

Через четверть столетия силы этой армии могут быть доведены до 10 млн человек. Принятие Китаем германской системы организации армии может повести к выставлению Китаем в военное время армии в несколько миллионов человек. Япония через 25 лет будет в силах выставлять армию в военное время свыше 2 млн человек.

Англия, увлекаясь намерением принизить мировое значение России, способствовала успеху японцев. Вместе с русскими революционерами, вызвавшими беспорядками внутри страны несвоевременное заключение мира, Англия поработала, чтобы ослабить в Азии престиж непобедимости России. Цель достигнута. Но одновременно умалился и вообще престиж непобедимости европейцев, что отразится не только в Маньчжурии или на сибирской границе, но и в Индии, Индо-Китае, Циньчжоу…

Таким образом, хотя русские военные силы значительно возросли в течение XIX века, но отношение их к силам наших соседей стало к началу XX века менее благоприятным, чем было к началу XIX века.

Даже не задаваясь наступательными целями, даже вполне довольствуясь своими границами, Россия может быть вынуждена в XX веке вести еще не виданную по размерам вооруженную борьбу. Неудачный исход этой борьбы, вместе с потерей многих областей, низведет Россию на степень второстепенной державы.

Не допускаю мысли, чтобы русское государство со 150 млн населения, в том числе на *3/4* принадлежащего к русскому племени, могло безучастно отнестись к возможности утратить завещанное от предков наследие, приобретенное ценой героических усилий сынов России в течение нескольких столетий.

Если мы отстали от своих соседей в культуре, то за нас — пространство, численность населения и, главное, мужество и выносливость его. Наши вероятные противники должны быть убеждены, что, какие бы частные успехи они ни одержали, Россия не допустит утраты ни пяди русской земли и будет бороться, как боролись наши предки в 1812 году, пока ни один враг не останется на русской земле.

Но одной такой решимости мало; надо поддержать ее силами не одной армии, но силами всего народа. Ныне воюет не только армия, но и народ. Поэтому задача русской армии в XX столетии по охране пределов России должна быть задачей и всего русского народа.

Основания внешней политики России императора Александра III, приведенные в

предыдущей главе, определяют задачи русской армии на XX столетие. В этой программе между прочим значилось:

> «Долг России — заботиться, прежде всего, о себе самой. Одна только *обязанность защищать свой честь и безопасность* может отвлечь ее от внутренней работы».

Основными задачами нашей армии на XX столетие, таким образом, должны быть поставлены *охрана целости границ, защита безопасности и чести России.*

Весь русский народ должен содействовать успешному выполнению этой задачи.

Как велико напряжение населения при современной организации армии в случае войны, видно из следующего расчета потребного числа мужчин-, составляющих цвет населения, в случае мобилизации европейских армий. В Германии при мобилизации будет призвано из населения в первую очередь примерно 2000 тыс. человек, в Австрии 1200 тыс. человек. Но затем, для непрерывного укомплектования в случае упорной войны[199] дополнительных формирований, охраны тыла, поддержания внутри порядка, в течение уже первого года войны может потребоваться не меньшее количество людей: итого, Германия и Австрия, кроме постоянного состава армий, должны будут оторвать от обычных занятий свыше 6 млн душ. Можно себе представить, какое расстройство в текущую жизнь страны внесет такое изъятие наиболее сильных работников во всех сферах деятельности. Только ближайшие родственники этих 6 млн человек составят до 30 млн душ. Вот почему армия современной организации справедливо признается «вооруженным народом».

Прежде армии небольшого состава, при долгих сроках службы и не менявшихся составах в мирное и в военное время, могли вести семилетние и даже тридцатилетние войны. Мы в России вели со шведами войну в течение 21 года. «Вооруженный народ» способен к страшному, но лишь относительно короткому напряжению. Затянувшаяся война, например, для Германии и Австрии, каким бы подъемом духа ни сопровождалось начало ее, неизбежно, при затяжке войны и нерешительности результатов, отразится недовольством населения, кризисом внутренним, голодовками для тех стран, которые вынуждены жить привозным хлебом.

В этой необходимости быстрого хода военных действий со стороны наших возможных противников кроится для России и источники опасности, и залог успеха. Первый напор будет грозен, но, если, не приготовившись встретить этот удар всеми своими силами[200], мы тем не менее остановим противника или не дадим ему каких-либо решительных успехов и затянем войну до накопления превосходных сил, в целях перехода в наступление, окончательный успех на основании опыта истории будет за нами обеспечен. *«Надо терпение и время»,* — повторит слова Кутузова в 1812 году новый главнокомандующий русскими силами горячим советникам решительных действий с силами, еще не достаточными для успеха.

В случае затяжки войны тяжелое положение будут переживать обе стороны, но сторона наступающая, удаленная от своей родины, окруженная восставшим населением, лишенная подвоза необходимых запасов будет в случае борьбы с мужественным населением в худшем в некоторых отношениях положении, чем обороняющаяся, опирающаяся на местные средства, действующая в родной ей обстановке, подкрепляемая все подымающейся волной народного патриотизма, все растущей готовностью к жертвам.

Эта готовность к жертвам развивается в народе только в том случае, если война носит *национальный характер.* Многие из военных мыслителей признают, что при современных армиях только и возможно вести войну, *когда ей придан характер войны национальной* (народной).

В 1870 году этого результата и удалось достигнуть немцам. Даже вторгнувшись в глубь Франции, немцы были неизменно настроены патриотично. Для японцев война с нами в 1904—1905 годах тоже носила характер национальной, и это очень облегчило им ведение войны, ибо в населении развился порыв к жертве, порыв к подвигу. Русским, напротив того, по разным причинам не представилось возможным придать войне национальный характер, что, конечно, очень затруднило задачу войск.

Германия и Япония ранее войн, ими веденных в 1870 и 1904 годах, уже преследовали во всех внешних и внутренних делах *национальную политику.* Эта политика соединяла еще в мирное время правительство и народ в дружный союз. Цели национальной политики этих народов были ясны и доступны пониманию масс. Школа работала в одном направлении с правительством. Когда войны 1870 и 1904 годов были объявлены, то население Германии и Японии уже было вполне подготовлено признать начатые войны *национальными,* и бодро, с верой в успех, каждый по силам понес свой жертву на алтарь отечества.

Поэтому и для русской армии в XX веке предъявленные ей задачи, даже при самых тяжелых условиях, окажутся по силам, если эти задачи будут связаны *с русской национальной политикой,* если простейшим видом такой задачи будет борьба с вторгнувшимся в наши пределы врагом. Но нельзя полагать, что отражение врага внутри России будет единственным способом действий кашей армии. Наступательный образ действий имеет такие огромные преимущества перед оборонительным, что к нему необходимо всемерно стремиться.

Но даже для перешедшей в наступление и вторгнувшейся в пределы врага нашей армии война должна носить *характер национальной.* Без соблюдения этого основного требования армия скоро почувствует отсутствие духовной поддержки с родины, что отразится самым тяжелым образом на успехе ее действий.

Современного типа мобилизованная армия, состоящая в большей своей части из чинов запаса, оторванных от мирной деятельности, представляет прекрасное орудие только для войн, имеющих национальный характер. Для войн династического характера или войн колониальных такая организация не годится. Постоянный кадровый состав армии должен быть готов идти, куда ему прикажут; двигаться по суше, садиться на суда, идти на помощь другим державам. Его можно комплектовать призывом новобранцев, но не трогать народа, не трогать запасных нижних чинов. Подъем запасных — это есть *обращение кадровой армии в вооруженный народ,* а вооруженный народ с успехом и одушевлением может вести только войну, имеющую национальный характер. Поясним примером. Положим, в видах общеевропейской политики и сообразно русским интересам признано будет необходимым оказать содействие русскими войсками французским войскам в Индокитае или английским в Индии; в этом случае посылаемые корпуса *не должны заключать в себе запасных, а только срочнослужащих.*

Призыв запасных должен составлять акт величайшей важности, ибо это есть призыв народа к величайшим жертвам: требование от народа самого для него священного — жизни на благо родины. Надо, чтобы сознание важности минуты призыва было ясно всему населению.

Таким образом, для XX столетия только в тех государствах, которые ведут совершенно ясную для всего населения национальную политику, современного типа армии оправдают все возлагаемые на них надежды.

Конечно, по какой бы причине ни была объявлена мобилизация всей армии, она совершится с большой точностью; настолько прочно поставлено теперь это дело. Армии мобилизуются, армии двинутся в указанном им направлении, армии вступят в бой, но тут-то и может оказаться неожиданность: если народ не был подготовлен к войне, если война не является для него национальной, то это отразится на запасных, и заставить их действовать с одушевлением, заставить рваться вперед будет возможно только при исключительно благоприятных

обстоятельствах, например, при явном превосходстве в силах духовных и материальных над противником. Но чем серьезнее будет противник, тем невыгоднее вести войну с армией современного типа (большая часть из запасных) без поддержки с родины, без поддержки всем народом.

Вывод из вышеизложенного будет прост: *задачи русской армии в XX столетии должны быть задачами, тесно связанными с русской национальной политикой.*

Но и с переходом России к национальной политике потребуется масса усилий, чтобы при современных условиях жизни населения и растлевающих умы учениях поддерживать в народе готовность к крайним жертвам на пользу родине.

Посмотрим, каких результатов в этом отношении достигли наши соседи-немцы в 1870 году.

Вот как описывает немецкий историк Ф. Вебер настроение немецкого народа в первые дни после объявления мобилизации:

> «Вся нация сознавала, что для Германии настает новая эра; но она хорошо понимала, что новое единство должно быть куплено потоками крови.
>
> По этому случаю обнаружилась еще небывалая в немецких странах готовность облегчать неизбежные бедствия войны. Повсюду образовались мужские ижевские общества для службы в лазаретах, для ухода за больными и ранеными, для даровой доставки пищи и питья выздоравливающим, для оказания помощи семьям ушедших в поход солдат. Патриотический дух повсюду ожил, чему немало содействовали немецкая литература и немецкая школа. Пламенные песни Арндта раздавались не напрасно. История и литература указали нам в зеркале прошлого наши добродетели и пороки, а школа пробудила в нас рассудок, научив нас отличать существенное от призрачного, истину от фраз. В день, назначенный королем для общей молитвы (27 июля), весь народ стекался в церквах, чтобы просить небесной помощи и укрепить душу молитвой. А перед вступлением на неприятельскую территорию протестанты говели, католики исповедывались, чтобы идти на смертный бой с полным упованием на милосердие Божие»[201].

Автор статьи «Происхождение германской империи» А. Дживегелов в следующих строках рисует настроение немецкого народа, когда 14 июля 1870 года была объявлена война между Пруссией и Францией:

> «В Германии энтузиазм вспыхнул со стихийной силой. Со всех сторон приходили известия о манифестациях. Отовсюду, не исключая и недавно покоренных кургессенских и гановерских городов, неслись изъявления патриотизма. *Студенты чуть не целыми университетами записывались в волонтеры.* Шли сборы, образовывались добровольные санитарные и иные отряды.
>
> Мелкие государства северо-германского союза боязливо жались к Пруссии, как цыплята под крыло наседки. И даже партикуляризм юга испарился, как туман, обожженный пламенем надвигающейся опасности».

Цель Бисмарка была достигнута: он вызвал *народную войну,* такую войну, которая одна могла привести к желанным целям.

Через 56 лет после освободительной войны сыновья и внуки бойцов 1814 года снова устремились на запад, чтобы завершить то, что не было закончено после Ватерлоо: раз навсегда оградить чудный вольный Рейн от иноземного посягательства.

«Шли они, как один человек, с неописуемым энтузиазмом, горя жаждой брани, с ненавистью к наследственному врагу и уверенностью в победе. И как живая связь между освободительной эпохой и настоящим шел с Германией старый король, заслуживший шпоры под Лейпцигом, а теперь увлекаемый всеобщим одушевлением, навстречу императорской короне»[202].

Какую же школу проходили немцы, чтобы так дружно встать и не для обороны своих пределов, а для вторжения в пределы соседней страны?

Какую награду учителя немецкого народа признают достаточной для селянина, оторванного для войны от плуга, видно из следующих строк труда фон дер Гольца «Вооруженный народ»:

«Наши правнуки будут завидовать тем людям, которые с королем Вильгельмом ходили против Австрии и Франции и положили начало объединению Германии. Уже и то достаточная награда, что на войне даже самый простой солдат, который жил только для того, чтобы жить, и работал для того, чтобы есть и пить, становится причастным к судьбе великих героев и редких, божественно-одаренных натур и делается пособником их великих дел. Он соединился с лучшими людьми для исполнения одного и того же предприятия; он сам однажды сравнился с лучшими. Чувство того, что на войне возвышаешься над трудом повседневной жизни, не будет чуждо даже и самым грубым натурам. *Кто обладает сердцем, у того оно бьется сильнее и вдохновляется призванием воина.* Защищать отечество — значит также заслуживать его благодарность, значит присоединить свое имя и свое существование к имени и славе своего государя, полководца и народа»[203].

Свой замечательный труд фон дер Гольц оканчивает следующими строками, определяющими, по его мнению, главные основы воспитания немецкого народа, которые должны помочь германскому вооруженному народу выйти победителем и из новых испытаний:

«Прежде всего необходимо проникнуться сознанием и вкоренить его в воспитываемом нами поколении, что время покоя еще не настало и что предсказание о последней решительной борьбе за существование и величие Германии не есть химера, распространяемая честолюбцами. Эта борьба неминуема и выкажется с полной силой и серьезностью, какая свойственна решительной борьбе народов из-за новой группировки держав. В сознании этого необходимо примером, словом и в печати постоянно содействовать тому, *чтобы верность престолу и пламенная любовь к отечеству,* решимость не уклоняться от тяжелых испытаний, самоотвержение и готовность к жертвам все более и более крепли и увеличивались в сердцах наших и детей наших. Тогда германская армия, которая должна быть и оставаться *германским вооруженным народом,* может и в грядущем споре рассчитывать выйти, в конце концов, победителем»[204].

М. Иенс, автор труда «Военное дело и народная жизнь», в следующих строках определяет основы организации германской армии в связи с другими важнейшими видами деятельности населения:

«Эти основы таковы: гармония между интересами сельского хозяйства, промышленности и торговли; гармония между свободой собственного предназначения

и строго государственной дисциплиной, знаменательная своеобразность нашего офицерского корпуса и, наконец, высочайшая, неограниченная, искренняя, готовая к жертвам любовь к императору и отечеству»[205] .

Необходимость возврата в XX веке к русской национальной политике

В предыдущих главах изложено, что отступление от национальной политики в XIX столетии имело следствием ухудшение нашего положения внешнего и внутреннего: русское племя ослабело. Если и в XX веке продолжать ту же внешнюю и внутреннюю политику, которой держались в России под влиянием Запада большую часть XIX века, то не только нельзя будет надеяться укрепить положение русского населения, особенно центральных местностей, но даже самому существованию единой, неделимой России может угрожать опасность. При развившихся сепаратных стремлениях даже мелких народностей, при западничествующей интеллигенции отделение от России различных местностей, приобретенных кровью русских сынов, начнет рассматриваться как акт, знаменующий только прогресс в общечеловеческом смысле.

Ослабление русского племени, составлявшего во все века главный оплот России от врагов внешних и внутренних, поведет к ослаблению военной мощи России. Поэтому возврат к русской национальной политике необходим по самым жизненным для России причинам: для увеличения силы сопротивляемости в случае войны и для прекращения опасности распада России.

Странная судьба постигла русское племя. Вынеся на своих плечах удельное время, татарское иго, выйдя победоносно из борьбы со всеми соседями, проявив высокие духовные силы, особенно в годины испытаний, создав могущественное по пространству и по количеству населения государство, русское племя по достатку и по развитию оказалось не только отставшим от наших западных соседей, но отставшим и от многих других племен, населяющих Россию.

В предыдущих главах изложены причины такого, по-видимому, невероятного явления. Они заключаются, прежде всего, в том, что во время строительства России силы русского племени расходовались в такой большой степени, что уже к концу XVIII века сильно ослабили его. Деятельность русского племени в XIX столетии на пользу других государств и народностей еще более подорвала эти силы.

В то же время, с XVIII столетия, присоединяемые силой оружия к России народности начали пользоваться большими правами, чем победители. В XIX столетии под влиянием западных идей особенно развилась охрана привилегий балтийских немцев, финнов, проявились заботы о развитии латышей и эстов, сохранилось господствующее положение польского элемента в западных и юго-западных губерниях и было допущено развитие деятельности по всей России еврейского населения. Все это шло в ущерб русскому племени. В то же время русское племя, после освобождения крестьян, недостаточно охранялось в его внутреннем быте, не поддерживалось в сельскохозяйственной деятельности, недостаточно охранялось от развития среди него пьянства. Лишенное к тому же благоприятных условий для развития фабрично-заводской промышленности (бедность недр земли), прикованное общиной к первобытному способу обработки земли, русское земледельческое население, составляющее главную основу русского могущества, обеднело от разных причин, выше изложенных. В числе этих причин видное место играл недостаток знаний и опыта лучшего использования поверхности земли.

Одновременно с ослаблением во всех отношениях населения центральной России крепло

русское население юга России и инородческое западных окраин ее. Это последнее, будучи поставлено в более благоприятные, чем русское население, условия по ведению сельского хозяйства и развитию фабричной промышленности, опередило русское население центральных местностей. Русское население значительно перегнали в культурном отношении следующие инородческие населения: финляндское, немецкое, польское, латышское, эстонское и другие.

Пользуясь ослаблением русского племени, иностранцы, инородцы и евреи перешли против него в наступление, захватили в свои руки значительную часть богатств России и заняли в разных сферах деятельности не соответствующее их численности и историческому прошлому положение.

Выше было изложено, что уже 29 лет тому назад богатырь русской земли император Александр III задумал снова повернуть Россию на путь русской национальной политики, но не успел в этом, не найдя ни в своих ближайших сотрудниках, ни в интеллигентном слое России необходимой поддержки.

Ныне, с переходом к русской национальной политике, программа для действий великого русского человека остается в полной силе.

Эта программа, по свидетельству Н. Бунге, заключала в себе, между прочим, следующие основные требования:

По мнению императора Александра III, с переходом к русской национальной политике надлежало разрешить следующие задачи:

I. *Удовлетворить народное чувство, по которому Россия должна принадлежать русским.*

II. *Упрочить и скрепить внутренний строй управления.*

III. *Развить духовные и материальные силы русского народа.*

Не задаваясь мыслью подробной разработки плана действий для осуществления этих жизненно необходимых для России задач, приведу только те из соображений, которые наиболее связаны с успешным выполнением армией тяжелых задач, предстоящих к разрешению в XX веке.

Россия должна принадлежать русским

Казалось бы, странно даже ставить такой вопрос: кому же, как не русским, должна принадлежать Россия? Разве является сомнение, что Англия принадлежит англичанам, Франция — французам, Германия — немцам, Италия — итальянцам, Япония — японцам? А между тем в России глава государства ставит одной из важных задач своего царствования удовлетворение народного чувства, по которому Россия должна принадлежать русским. Действительно, как мной изложено в предыдущих главах, именно в Петербурге скопилось более всего видимых признаков хозяйничанья в России, в XIX столетии, не русских, а иноземцев и инородцев. Главнейшие места в государстве занимались лицами не русского происхождения; в министерстве иностранных дел состав был большей частью не русский; воспитание высшего класса было в руках иностранцев; разговоры в высшем обществе велись на иностранных языках; каждому иностранному предприятию покровительствовали с разных сторон; можно было считаться русским подданным и русским ученым, получать чины и ордена и совершенно не знать русского языка. Ученые и чиновные балтийские немцы путешествовали по Средней Азии, имея двух переводчиков — один переводил с немецкого на русский, другой с русского на туземный и обратно. Под широким покровительством не русского, частью по происхождению, частью по воспитанию и по взглядам, правительства создавалась обстановка, при которой *в России всего менее выгодно стало быть русским.* Недаром еще 100 лет тому назад знаменитый

Ермолов просил произвести его в немцы. Прикрываясь высокими фразами западных учений о равноправии, о свободе личности, свободе религии, в России, с обычным для нее пересолом, инородца поставили во многих случаях выше русского. А свободу религий в России старались доказать Европе постройкой на русские деньги мечетей для отказывавшихся идти в эти мечети киргизов.

В течение XIX века было несколько разрозненных попыток на западных окраинах поставить русское имя и русскую веру выше инородческих, но с уходом русских духом деятелей гасли и их начинания. И снова на окраинах русский человек не только не чувствовал себя хозяином, но даже на него, как на случайного гостя, смотрели недоброжелательно.

Со второй половины XIX века пошел наплыв иностранцев, инородцев, евреев и на коренные местности России. Всюду русских начали теснить. Даже в захолустных городах аптекари, врачи, дантисты, нотариусы, адвокаты, железнодорожные служащие, чины судебного ведомства, представители разных промышленных предприятий, агенты страховых обществ, представители печати, посредники в торговле и часть торговцев стали быстро пополняться инородцами. Управляющие заводами, крупными и даже мелкими имениями, техники, мастера из иноземцев и инородцев рассыпались по всей России и командуют ныне русским населением.

Несколько времени тому назад в газете «Новое время» был приведен перечень лиц, занимающих высокое положение в одном из важных военных округов как по гражданской, так и по военной частям. Некоторые из них носят только нерусские фамилии, но их предки уже несколько поколений тому назад приняли православие. Тем не менее факт остался не опровергнутым: в этом округе русских фамилий на командных должностях почти не оказалось.

Каждый иноземец, заботливо охраняемый своими дипломатическими представителями, чувствует свое превосходство перед русским, не охраняемым в его национальном достоинстве ни дома, ни за границей. Каждый, например, немец сознает, что Германия принадлежит немцам, но, побывав в России, он скоро убеждается, что и в России он может жить и действовать «как у себя дома».

Прежде в России *было выгодно сделаться русским,* и масса иностранцев, татар и других инородцев принимали православную веру, становились русскими, а во втором и третьем поколениях, путем браков, совершенно сливались с ними.

С появлением западных учений и западничества для того, чтобы с выгодой жить, работать и служить в России, перестали требовать от инородцев видимых знаков обращения их в русских. Достаточно было *получить диплом, прикрыться европеизмом,* и широкий путь на Руси открывался каждому инородцу. Никто не интересовался вопросом: стала ли ему Россия родиной, стал ли русский язык ему родным языком? Все это для западников было не важно. Всего важнее оказывался аттестат об окончании курса в гимназии или университете. Поляк, мечтающий о Польше от моря до моря и ненавидящий Россию, армянин, мечтающий о независимой Армении, окончив курс в институте путей сообщения, получали равные права на занятие высших должностей в государстве, как и русские. То же соблюдалось и относительно инородцев, окончивших курс в университетах.

Россия, таким образом, была открыта инородцам, вовсе не желавшим стать русскими.

Провозглашение различных свобод дало таким инородцам особую смелость демонстративно в разных углах России выказывать свой непринадлежность к русской семье, их кормящей.

Западный принцип всеобщей воинской повинности оказался в применении к России очень односторонним. После громких фраз об обязанностях каждого защищать свой родину было признано невозможным возложить эти обязанности на все население. Многочисленные группы населения не были призваны к несению воинской повинности на общем основании и в то же

время не обложены соответствующим по тяжести налогом. Получилось опять привилегированное положение части инородческого населения сравнительно с русским.

Поэтому, для возврата России русским, необходимо ранее всего *отменить все особые привилегии различных народностей, населяющих Россию, которые не распространены на русских.*

Там же, где такая отмена невыгодна для русского племени, например, относительно отбывания воинской повинности оседлым населением Туркестана и евреями, она должна быть заменена военным налогом.

Живущие, например, в балтийских провинциях 160 тыс. русских должны получить все без исключения права, которыми пользуются немцы; русские, живущие в Финляндии, должны получить все без исключения права, которыми пользуются финляндцы, и т. д.

Но одной этой меры недостаточно. Наши западные инородцы, частью за счет сумм, собранных с русского населения, так опередили это население в культуре, что и при равенстве прав борьба русских за господствующее в России положение с иноземцами и инородцами не будет успешна.

Она будет успешна только в том случае, если инородцам, перенесшим свой деятельность во внутреннюю Россию, станет выгодно обратиться из инородца в русского. Этого достигнуть можно *только предоставлением в России русскому племени больших прав, сравнительно с правами других народностей, населяющих Россию.*

Тогда и работа русского племени по приобщению окраин к русской государственности не только облегчится, но станет возможной.

Конечно, такая мера вызовет массу возражений и упреков в отсталости, в узости взглядов, в квасном патриотизме, в нарушении знаменитых европейских свобод и проч., и проч. Надо перенести спокойно весь этот шум и задаваться только одним вопросом: выгодно ли будет *русскому племени* получить в русском государстве большие права сравнительно с инородческими племенами? Могут ли эти большие права помочь русскому племени выйти победителем из мирной борьбы, которая должна будет начаться, чтобы Россия стала принадлежать русским, или не помогут?

Ответ получится вполне определенный: да, выгодно; да, помогут.

Идеи равенства и свободы опасны для слабейших в культурном развитии наций и выгодны для сильнейших. Опираясь на эти идеи, сильнейшие нации без войны могут подчинить своему экономическому и духовному влиянию нации менее культурные. Вот почему даже такая сильная держава, как Германия, защищала рост своей промышленности на основании национальной системы политической экономии Фридриха Листа. По той же причине и Россия, задавшись в начале девяностых годов прошлого столетия целью быстро развить фабрично-заводскую промышленность, заменила систему, облегчавшую ввоз в Россию изделий чужих стран, системой таможенной охранительной. Если слабее развитые в экономическом отношении народности требуют охраны от других стран с целью более быстрого экономического роста собственной промышленности или сельского хозяйства, то очевидно, что те же народности, отставшие в духовном отношении, нуждаются тоже в усиленной охране, чтобы догнать не только своих иноземных, но и инородческих соседей.

Наши дипломаты-западники, предоставляя по договорам широкие права иностранцам при деятельности их в России, довольствуются предоставлением равных прав за границей русским подданным. Эти дипломаты думают, что достигли равенства прав и оградили в должной мере интересы русского племени. В действительности это равенство нарушается, если эти права одинаково применяются как к более культурным, так и к менее культурным народностям. И это нарушение идет в пользу сильнейших. Например, Германия охотно, основываясь на «праве

равенства», согласилась бы предоставить право покупки земель в Германии лицам русского происхождения, получив вновь право покупки земель в России германскими подданными. Казалось бы, чего лучше! Принцип равенства был бы соблюден вполне: мы же, считая себя тоже представителями Европы, не можем, казалось бы, нарушать его без упрека в отсталости, без упрека в азиатских понятиях. И все-таки пришлось признать необходимость не допускать равенства в этом деле и отнять у немцев право покупки земель у нас, *потому что русские этим правом не пользовались, а немцы скупали огромные участки земли в важных в военном отношении местностях.*

Так и в договорах с Японией: все, кажется, обстоит благополучно; принцип равенства соблюден вполне. На практике же выходит совсем не то: японцы тысячами переселяются даже в нашу крепость Владивосток, забирают наши рыбные ловли, изучают всю Россию вдоль и поперек, а много ли русских людей воспользовались правом поселиться в Японии и вести там на равных с японцами правах торговлю; кто из русских может конкурировать с японцами на их побережье в рыбной ловле? Много ли путешественников поселилось в Японии с целью изучения ее?

До сих пор иностранцы не имели права покупать земли в Японии. Недавно я читал, что там проводится закон, разрешающий эти покупки. Такой закон прямо направлен против нас. На основании равенства прав японцы любезно предоставят нам право покупать у них в Японии земли и попросят для себя такого же права у нас. В результате мы этим правом не воспользуемся, а японцы, по следам своих учителей-немцев, будут стараться скупать в Приамурье участки земли, важные для них в военном отношении.

Таким образом, для скорейшего подъема духовных и материальных сил русского племени одного равенства в правах с более культурными иноземцами и инородцами недостаточно. Необходимо, чтобы русское племя в России пользовалось большими правами, чем инородцы и иноземцы.

В чем же, прежде всего, это преимущество должно сказаться? Поляки в XVII и XVIII столетиях дали хороший по этому важному вопросу урок, и надо ныне воспользоваться им. Лучше поздно, чем никогда. Поляки лишили политических прав входившее в состав Польши и Литвы русское население и этим вызвали переход в католичество, принятие польского языка и пречисления себя к польской народности значительного числа русских дворян, желавших принимать участие в управлении польским государством. Только этим путем новые ренегаты-паны получили право участия в сеймах и сеймиках.

Ныне на государственную службы и даже в Государственный Совет и в Государственную Думу могут поступать люди, которые на вопрос — кто они такие, будут отвечать: я немец, я поляк, я финн, я латыш и т. д. Они считают себя русскоподданными, многие из них отличаются непоколебимой династической преданностью, но Россию своей родиной они не считают, русскими себя не признают, русский язык употребляют только на службе, а дома говорят на своем местном языке.

С принятием русской национальной политики в основу деятельности правительства, необходимо будет приступить к работе, имеющей целью разобраться в правах инородцев: а) на государственную службу, б) на службу по выборам.

Для русского человека понятие о службе государю и о службе родине нераздельны между собой. Так это было ранее, так должно остаться и в будущем. В этой нераздельности понятий кроется огромная сила, дающая спокойствие за будущее России.

Инородцы, прежде всего, должны подчиниться этому высокому принципу. Измышленная ими более столетия тому назад формула только «династической преданности» принесла много вреда России. Прикрывшись этого вида преданностью, деятели начала XIX века из инородцев,

заняв высшие места в государстве, отстаивали, в сущности, интересы не России, а сепаратные интересы — Финляндии, Польши, балтийских провинций. Казалось бы, уроки были сильные, но их все еще недостаточно.

Мне передавали, что один из генералов в русско-японскую войну в присутствии многих офицеров все еще считал себя вправе громко заявить: «Что вы ко мне пристаете с Россией: я служу Государю императору, а не России!»

Казалось бы, поэтому необходимо совершенно закрыть доступ на государственную службу инородцам, пока они не признают, что русский язык для них родной язык, употребляемый в семье, *что служить они будут Государю и России, по присяге, безраздельно.*

С принятием на русскую государственную службу все инородцы должны отказаться принимать участие в каких-либо патриотических, благотворительных, гимнастических обществах — немецких, польских, финских, армянских, латышских и т. д.

К высшему служебному положению желательно допускать по преимуществу только тех из них, которые уже приняли православную веру.

Применение этой меры в особенности необходимо для армии. Выше было изложено, что русский воин во все века, идя в бой, не боялся умирать «за веру, царя и отечество»; при этом разумелась православная вера.

Связь начальника и подчиненного и в мирное, и в военное время прочнее, если она закрепляется общностью веры. Многие из выдающихся военных людей из иноверцев искренно сознавали потребность общей веры с солдатом; долгой службой с ним, в особенности на окраинах, они освоились с основами православной веры, духовно приняли ее и только из ложного чувства самолюбия не приняли православия, опасаясь, что их шаг будет неверно истолкован. За мой долгую службу ко мне не раз обращались умирающие лютеране и католики с просьбой, чтобы их отпевали в русской церкви и похоронили среди родных им русских могил. Один из выдающихся командующих войсками — поляк и католик, долго служивший на Кавказе, перед смертью просил окружающих о том же. Но нетерпимость церковного православного устава так велика, что в мирное время просьба католика или лютеранина, всю жизнь служащего с русскими войсками, сотни раз присутствовавшего по службе и по влечению сердца в православном храме, похоронить его по православному обряду, испрошенная официальным путем, будет отклонена. Поэтому возникло сопротивление духовного начальства и для отпевания на западной окраине в русском храме тела командовавшего войсками — героя кавказских войн.

В военное время смерть равняет национальности и религии, и все убитые отпеваются православным духовенством.

После польского восстания в 1863 году, в котором приняли участие несколько поляков, окончивших курс в Академии генерального штаба, поступление поляков в Академию было запрещено. Но наиболее честолюбивые и даровитые люди нашли выход: они стали принимать православие и дали несколько выдающихся офицеров генерального штаба. Во втором и в третьем поколениях семьи этих поляков совершенно обрусели.

Повторю то, что уже не раз высказывал ранее: приобщение к русской народности инородческих элементов очень желательно и полезно для России.

Поэтому закрытие государственной службы для тех из них, которые не пожелают сделаться русскими, необходимо, но инородцы, которые сознательно изберут своим языком русский язык, своей родиной Россию, своей службой и деятельностью только усилят русское племя.

Относительно прав инородцев на выборную службу внутри России мне представляется не подлежащим сомнению, что выборная служба на местах внутри России должна быть открыта только тем из них, которые признают себя русскими. С введением земских установлений в

северо-западном и юго-западном крае польский элемент может участвовать в земской службе только сообразно численному отношению польского населения к русскому.

В местностях со сплошным инородческим населением выборная служба лиц местного населения не должна стесняться какими-либо нормами.

Совершенно иное дело — выборная служба в высших правительственных учреждениях: в Государственном Совете и в Государственной Думе.

При спешной разработке положения о Государственной Думе в сильной степени сказались влияния западников-бюрократов. Состав первой Думы заключал в себе слишком много нерусских элементов. Позднейшими узаконениями этот состав несколько исправлен, но и до сих пор в Государственной Думе сидит много инородцев, для которых интересы русского племени чужды и даже враждебны.

Мнения представителей окраин, конечно, должны приниматься во внимание при обсуждении законодательных вопросов, касающихся этих окраин, но так как эти вопросы имеют общегосударственное значение, то и решения по ним должны ставить только представители господствующего в России племени, а именно — русского.

Тем менее представляется возможным вопросы, касающиеся русского племени, давать на обсуждение, а иногда, при голосовании, и на решение инородцам, представителям окраин России. Поэтому для того, чтобы Россия не на словах, а на деле могла принадлежать русским, необходимо, чтобы выборными от русской земли в Государственный Совет и Государственную Думу были только русские, собираемые только от местностей с преобладающим русским населением, а из числа проживающих в этих местностях инородцев могли быть выбираемы только те, которые признают себя русскими.

В Государственный Совет по назначению, как и ныне, будут попадать лица по Высочайшему соизволению, без ограничения по их национальности, вероучения или места рождения.

Существующий ныне порядок избрания в Думу, заимствованный с Запада, не соответствует еще бытовым особенностям различных племен, населяющих Россию. Приведу следующий случай:

Свыше года тому назад в Петербург прибыл представитель в Государственную Думу, избранный от туркестанского населения Закаспийского края, туркмен Махтум-Кули-Хан. Он не знал ни одного слова по-русски. При содействии одного из офицеров главного штаба, долго служившего в Закаспийском крае и отлично знающего местные наречия, Махтум-Кули-Хан был посажен на его место в Государственной Думе, где и просидел одно заседание, не понимая ни слова и не будучи в состоянии быть понятым другими представителями, даже от мусульманских племен. Когда заседание окончилось, Махтум-Кули-Хан приехал ко мне и взволнованный, жаловался на свое положение: «Надо мной, стариком, насмеялись», — повторил он несколько раз. На другой день Махтум-Кули-Хан уехал в свой аул.

Независимо от предоставления русскому племени господствующей роли на государственной службе и в высших правительственных учреждениях, правительство «России для русских» неизменно должно руководствоваться этим девизом во всей своей деятельности. По каждому мероприятию неизменно надлежит задавать вопрос: усилит ли это мероприятие русское племя?

Все правительственные учреждения, от верха до низу, должны быть проникнуты мыслью работать, прежде всего, для усиления русского племени. *Надо добиться, чтобы в «России для русских» было всего легче, всего выгоднее жить, служить, работать русскому и православному,* а не иностранцу, балтийскому немцу, финляндцу и проч.

Только когда русское племя сравняется в культуре со своими западными соседями и со

своими русскоподданными западных местностей, можно будет говорить о пользе и справедливости равного отношения со стороны правительства ко всем подданным, без различия национальностей и вероисповеданий.

Но постановка на первое место в России русского племени вовсе не вызывает необходимости в приостановке культурных успехов, достигнутых в России другими племенами. Эти успехи усиливают Россию и могут послужить на пользу русского племени. Каждый культурный успех, достигнутый финляндцами, жителями балтийских провинций или польских губерний, должен охраняться, уважаться и служить предметом подражания для русских, что в особенности справедливо по отношению к сельскохозяйственной деятельности.

Я близко знаком с уголком Выборгской губернии, где владей свыше 25 лет небольшим участком земли. Только с глубоким уважением и завистью могу свидетельствовать о порядках, наблюдавшихся мной в течение этих 25 лет, установленных финляндскими властями по охране частной собственности, по борьбе с пьянством, по поддержанию в порядке дорог, по обучению грамоте, по уважению к церкви, по уважению даже к мелким местным властям.

Перенесение в этот угол русских полицейских порядков будет, конечно, шагом назад, но не вперед. Какой также поучительный урок дают финляндцы нашему правительству в вопросе о постройке и эксплуатации железных дорог. И таких уроков можно получить много и в Финляндии, и в Польше, и в балтийских провинциях. Надо пользоваться этими уроками, чтобы в свой очередь из учеников приобрести право стать учителями.

Для охраны достигнутых культурных результатов на наших западных окраинах необходимо не ломать установленных там местных порядков во всех тех случаях, где они не имеют отношения к делам политического характера. Давая возможно полный простор инициативе русских людей в их частной деятельности, надо не стеснять ничем частной экономической деятельности инородцев на окраинах.

Иначе складывается обстановка по отношению к политическим идеалам нашего окраинного населения. Государственная власть не только имеет право, но и обязана принимать меры к прекращению всех сепаратных стремлений отдельных лиц, групп населения или местных учреждений на окраинах. Но и тут требуется осторожность, соединенная с неуклонной определенностью. Нельзя в течение 100 лет менять много раз систему действий по отношению к окраинам и надеяться на достижение какого-либо успеха. До сих пор мы определенной системы не имели; она во многом зависела от личных взглядов начальствовавших лиц на наших окраинах. Были случаи, что преемники резко меняли систему своих предшественников. Достаточно вспомнить, как усердно преемник генерала Гурко ломал все гурковское, а преемник Бобрикова — все бобриковское. Такая неопределенность питает надежды местных политических деятелей на окраинах на новую перемену, если тот или другой режим не соответствует их планам. Необходимо самым определенным образом разработать вопрос об отношении русского правительства к окраинам, разработать план действий, провести его через вполне русские высшие государственные учреждения, сделать этот вопрос гласным и затем не допускать изменений на местах по личному капризу наших случайных администраторов, то слишком либеральных, то слишком реакционных.

Как только на окраинах убедятся в неизменности правительственной программы, наступит и успокоение глубоких масс населения, а это — главное.

Тех же, которые не захотят принять правительственную программу, в зависимости от их образа действий можно попросить или оставить пределы России и ехать на свой счет на запад, или ехать на казенный счет на восток.

Русский язык должен послужить самым могущественным средством для сближения русского племени с племенами, населяющими окраины России.

Меры по усилению внешнего положения России

Соглашение по делам Ближнего Востока ♦ Соглашение по делам Дальнего Востока ♦ «Желтая опасность»

Соглашение по делам Ближнего Востока

В предыдущих главах изложено с достаточной подробностью, что во всех тех случаях, когда Россия переставала следовать национальной политике и начинала заниматься делами балканских народностей, она встречала, как ни были бескорыстны ее цели, или явный отпор, или дружное недоверие европейских держав. Уже с XVIII столетия, когда проявились в веке Екатерины II замыслы по присоединению молдавских княжеств или замыслы к осуществлению греческого проекта, начиная с войны с Турцией, Россия вынуждена была оставлять главную массу своих войск на западной границе, в опасении враждебных действий со стороны ее соседей. Две войны с турками в веке Екатерины и четыре войны с турками в XIX столетии Россия неизменно начинала, вследствие этой причины, с недостаточными силами.

Действительно, недоверие существовало как со стороны Пруссии, так особенно со стороны Австрии, и было вызываемо неопределенностью целей, которые ставила Россия в войнах с турками, неуважением серьезных интересов Австрии на Балканском полуострове и предположениями, что Россия стремится разрушить Турцию в целях своего усиления. Какие частые и серьезные поводы давало русское правительство не доверять искренности своих заявлений о бескорыстном желании только помочь освобождению балканских народностей, изложено выше.

Особенно с появлением учения славянофилов и приобретением ими влияния на ход политических дел для европейских государств стало представляться не подлежащим сомнению стремление России овладеть Константинополем и проливами и создать под ее главенством союз из славянских народностей. Такой союз, угрожая в особенности Австрии, представлялся вполне нежелательным и другим державам, особенно Англии, а затем Германии, Италии и Франции, ибо самым существенным образом мог нарушить разрушением Турции и захватом Константинополя экономические интересы этих держав.

Когда после жертв, принесенных Россией в войну 1877—

1878 годов, большинство христианского населения было освобождено из-под власти турок и, казалось бы, России можно было успокоиться и успокоить других, такого успокоения в действительности не наступило. Заключение союза в

1879 году между Германией и Австрией и деятельность Германии по отношению к Турции в Малой Азии с основанием указывали, что на смену России на Балканском полуострове приходят другие силы.

Уже 30 лет тому назад возможно было установить окончание освободительной миссии России на Балканском полуострове и прочно обеспечить дальнейшее существование основанных Россией на Балканском полуострове государств. По разным причинам такое соглашение не состоялось, и России пришлось вместе с Европой переживать 30 лет состояние «вооруженного мира», в значительной степени вследствие соперничества России с Австрией относительно

дальнейшего хода дел на Балканском полуострове.

В войну с Японией в 1904—1905 годах так же, как и в предыдущие войны, веденные Россией в XIX веке, главные силы русской армии, наиболее притом подготовленные к войне, были оставлены на западной границе, а на Дальний Восток отправлены подкрепления из корпусов более слабого в мирное время состава и из резервных войск. Такое решение находилось в связи с нашим соперничеством с Австрией все по тем же делам Балканского полуострова. Неужели, если на Россию снова нападут на Дальнем Востоке, ей придется выдерживать удар против азиатских рас, защищать Европу от Азии опять только с частью своих сил? Очевидна отсюда полная необходимость прийти наконец к соглашению с Австрией и Германией по делам Ближнего Востока, чтобы иметь возможность распоряжаться всеми своими силами на Дальнем Востоке. В главе XXVIII изложено, что на Балканском полуострове России совершенно не нужны ни Константинополь, ни Дарданеллы; ей нужен ключ от Босфора. В интересах России, чтобы Босфор был или в турецких, или в русских руках. Но при этом выражено мнение, что Босфорский вопрос не принадлежит к числу таких, решение которых не может быть отложено на продолжительное время.

В главе XXXIV изложены взгляды славянофилов на предстоящую еще на Балканском полуострове роль России. Прежде всего, по мнению многих из них, представляется неизбежным, чтобы Россия и в XX веке играла на Балканском полуострове главенствующую роль.

В XIX веке Россия вела войны с Турцией с целью освобождения христианских народностей от мусульманского ига. Так как в настоящее время огромное большинство христианского населения Балканского полуострова уже освобождено из-под власти турок, то, казалось бы, Россия могла признать свой освободительную миссию на Ближнем Востоке оконченной. Но по мнению славянофилов оказывается, что Россия не может еще предоставить балканским народностям, ей освобожденным, самим защищать свое дальнейшее самостоятельное существование и должна *в своих интересах продолжать защищать их не только от турок, но и против напора пангерманизма.*

Выше, в главе XXXIV, выяснено, что России, если она выйдет на путь, указываемый ей панславистами, грозит опасность вооруженной борьбы с Австрией и Германией.

При рассмотрении планов славянофилов мной были изложены мечтания некоторых из них о том, что освобожденные Россией родственные нам племена на Балканском полуострове составят со временем вместе с русским племенем одну славянскую семью. Эти мечтания не исчезли еще до настоящего времени, и панслависты опасаются, что успехи пангерманизма ослабят национальную силу всех западных славян, и этим всему славянскому миру будет нанесен тяжелый удар.

В главе XXXIV достаточно подробно выяснено, что для России совершенно не нужно добиваться усиления за счет западных славянских народностей. Задавшись такой целью, России пришлось бы вновь расходовать свои силы и средства, вновь ослаблять русское племя.

Если в XVIII и XIX столетиях вмешательство России в дела балканских народностей встречалось державами Европы с недоверием и враждебностью, то вмешательство России в эти дела в XX столетии вызовет еще более дружный отпор, особенно со стороны Австрии. Поэтому с ней необходимо, прежде всего, прийти в целях поддержания европейского мира к соглашению.

Признающие за Россией право вмешательства в балканские дела обыкновенно не отдают себе отчета, как отразится такое вмешательство на интересах других держав? Между тем в различные предприятия в балканских государствах и в Турции европейскими государствами вложены огромные капиталы. Каждое замешательство грозит крупными потерями.

В особенности огромные капиталы вложены Францией в предприятия в Малой Азии.

Выше было изложено, что представляется в будущем возможным признание со стороны

Австрии равноправности славян австрийских с венграми и немцами. Исторический ход развития жизни различных народностей в Австрии неизбежно ведет к этому результату. Весь вопрос во времени. Если австрийское правительство мудро пойдет своевременно навстречу этому вопросу, решение произойдет мирным путем. Если этому решению будет предшествовать долгая борьба мирного времени, то будет существовать и опасность вооруженного восстания обделенных правами народностей. То, что населению Боснии и Герцеговины дается ныне конституционное устройство, указывает, что австрийское правительство делает новый шаг к более справедливому отношению к славянским народностям Австрии.

Когда славяне и, прибавлю, румыны австрийские получат равные права с венграми и немцами, настанет время образования, без вооруженного участия России, балкано-австрийского союза, в котором каждая из народностей Балканского полуострова, существующая ныне самостоятельно, сохранит свой самостоятельность.

По своему племенному составу этот союз будет естественно дружествен России.

Как для России нужен ключ от Босфора, так для Австрии необходим выход через Балканский полуостров к морю, к Салоникам; *Босфор должен быть или в турецких руках, или в русских; Салоники должны быть или в турецких руках, или в австрийских.*

На основании исторических данных и соображений, изложенных в предыдущих главах, представляется возможным прийти ныне к соглашению по делам Балканского полуострова с Австрией на следующих главных основаниях:

1) Россия признает свой освободительную миссию на Балканском полуострове законченной.

2) Россия и Австрия обязываются уважать самостоятельность образовавшихся на Балканском полуострове государств (status quo).

3) Сфера влияния на дела Балканского полуострова России распространяется только на восточную часть его, сфера влияния Австрии — только на западную часть. Демаркационная линия влияний проходит между Болгарией и Сербией.

4) Во всех серьезных замешательствах, которые в будущем могут еще возникнуть на Балканском полуострове, Россия и Австрия действуют не иначе, как по взаимному соглашению.

5) Образование на Балканском полуострове союза из тех или других балканских государств признается не нарушающим интересов ни России, ни Австрии.

Независимо от соглашения по делам Ближнего Востока с Австрией, для России необходимо соглашение по этим делам и с Германией.

Для России необходимо также установление вполне определенных отношений к Болгарии на следующих, примерно, основаниях:

1) Для России выгодно, чтобы Болгария была независимая и сильная.

2) Россия содействует сохранению независимости Болгарии, если на нее будет произведено нападение.

3) Россия советами своими удерживает Болгарию от наступательных шагов на Балканском полуострове, способных вызвать войну ее с Турцией или другими государствами.

Соглашение по делам Дальнего Востока

Возвышение Японии на Дальнем Востоке, ее усиленная деятельность по увеличению военных сил и средств, и формирование Китаем войск по европейскому и японскому образцам составляют серьезную опасность для европейских держав, имеющих экономические интересы в

Азии. В особенности эта опасность велика для России, Англии, Нидерландов, Франции и Германии, имеющих в Азии подчиненные им территории.

Чем многочисленнее туземное население этих владений, тем опасность значительнее.

Временно европейцы утратили в Азии престиж непобедимости.

В близком будущем наибольшая опасность от умаления престижа европейцев в Азии представляется для России и Англии.

В Индии туземное население, достигшее 300 млн душ, сдерживается в повиновении лишь горстью европейцев — англичан. Для России нетолько было бы опасно и невыгодно подчинять себе какую-либо часть английских владений в Азии, но будет невыгодно, если положение англичан в Индии изменится, если они будут вытеснены из Азии и индийские племена получат независимое существование. Такой переворот, прежде всего, отразится ослаблением положения России в Средней Азии. Поэтому России выгодно поддерживать господство англичан в Индии, и она имеет к тому полную возможность: две железнодорожные линии связывают Европейскую Россию с ее среднеазиатскими владениями и могут быстро подвести к границам с Афганистаном силы, необходимые для содействия англичанам в Индии. Надо только, чтобы вредная химера возможного похода русских в Индию исчезла и заменилась сознанием общности интересов России и Англии в Азии. При сознании этой общности интересов возможно соглашение с Англией по азиатским делам, по которому Россия обязывалась бы поддерживать неприкосновенность владений Англии в Индии, а Англия в свой очередь обязывалась бы поддерживать неприкосновенность владений России в Приамурском крае.

При этом союзные отношения Англии с Японией должны утратить свой силу.

Соглашение России с Англией по азиатским делам никоим образом не должно быть распространяемо на европейские дела.

Но будет ли соглашение России и Англии в Азии достаточной гарантией для поддержания в Азии спокойствия?

Позволю себе высказать мнение, что такое соглашение еще недостаточно. Охрану спокойствия европейских государств со стороны Азии необходимо принять на себя *союзу всех европейских государств.*

«Желтая опасность»

Последняя волна азиатских полчищ (монголо-татар) нахлынула на Европу в XIII столетии, залила большую часть России и докатилась до полей Венгрии, где и остановилась. Эта волна проникла в Европу в широкие ворота между Уральскими горами и Каспийским морем.

В XIV столетии азиатские полчища (турок), двигавшиеся через Малую Азию, переправляются на европейский материк, завоевывают весь Балканский полуостров, Венгрию и только в XVII столетии остановлены у Вены, после чего начинается их обратное движение.

Главным образом усилиями славянских племен движение из Азии на Европу азиатских народностей — монголов, татар и турок — не только остановлено, но с наступлением славян, северная часть Азии переходит в руки русского племени. В то же время в южной Европе турки изгнаны не только из Венгрии, но смогли сохранить и на Балканском полуострове лишь небольшую его часть. Эта борьба, веденная против азиатских племен славянскими в течение нескольких веков, хотя и защитила Европу от порабощения ее Азией, но обессилила славян, в особенности русское племя, и составила причину культурной отсталости славян от других европейских народов. Пользуясь безопасностью со стороны Азии, европейские племена —

романские, англо-саксонские и германские — переходят в наступление из Европы на прочие материки всего света и овладевают Америкой, Австралией, Африкой и обширными пространствами Азии в Индии и Индо-Китае.

Огромное развитие обрабатывающей промышленности европейских государств вызывает в XIX столетии потребность для них в *рынках всего света* для сбыта избытка фабричных изделий и получения недостающих для населения Европы произведений русских стран, по преимуществу сырья. Большая часть населения западно-европейских государств, в особенности Англии и Германии, ныне уже занята фабрично-заводской деятельностью. Не только удержание в своих руках уже завоеванных ими рынков, но расширение их становится ныне для западноевропейских государств вопросом жизненной важности.

Между тем в XIX веке уже знаменуется поворот в делах всемирного рынка. Тоже вооруженные плодами европейской культуры, в том числе и по военной части, народы других материков, кроме европейского, начинают давать отпор европейскому товару и европейскому штыку. Провозглашаются девизы: «Америка для американцев», «Азия для азиатов». За ними будут провозглашены девизы: «Африка для африканцев», «Австралия для австралийцев». Америка в этом отношении первая твердо становится на ноги и уже ведет с успехом промышленную борьбу с Европой. В Африке пробуждение местного населения в более острой форме уже сказалось в борьбе абиссинцев с итальянцами, буров с англичанами, в борьбе мусульман в бассейне Нила с англичанами, в борьбе в Алжирии и Марокко против французов и испанцев. Но особенную угрозу Европе представляет движение против европейцев, начавшееся в Азии, император Вильгельм III называет это движение *«желтой опасностью»* и пророчески указывает на серьезность этой опасности. Нельзя действительно не признавать опасным движения против Европы, в котором может принять участие население численностью около 800 млн душ, с армией в несколько миллионов человек.

Особую важность для Европы в XX столетии имеет азиатский рынок. Еще в конце XVIII века сношения Европы с Азией со стороны тихоокеанского побережья были ничтожны. Но уже в конце XIX века к портам Тихого океана приставало в год несколько десятков тысяч паровых судов.

За последние 50 лет прошлого столетия обороты внешней торговли Китая только из портов, открытых европейцам, увеличились свыше чем в 10 раз и составили в год свыше 0,5 млрд руб. И это при ничтожной пока покупной силе китайского населения. В XX веке эта покупная сила может возрасти в несколько раз, что даст возможность для европейских государств иметь на Тихом океане торговлю, оцениваемую в год в несколько миллиардов рублей.

Японцы с большой энергией расширяют свой деятельность на тихоокеанском побережье. При достигнутых ими очень пониженных, сравнительно с европейцами и американцами, фрахтах за перевозки грузов, конкурировать с ними становится очень трудно (дешевые матросы, дешевое содержание их, малое вознаграждение старшим служащим).

Прорытие Панамского канала даст и американцам сравнительно с европейцами значительные торговые выгоды на Тихом океане. В очень скором времени японцы, вместе с американцами, могут вытеснить европейцев из Тихого океана, что будет равносильно лишению Европы рынков на тихоокеанском побережье (на обоих берегах) с населением около 700 млн душ.

Со стороны Америки существует и другая угроза: американцы начинают бороться против отпуска в Европу сырья, в том числе и хлопка.

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно признать, что наступательное движение европейских народов против материков всего света уже в XIX веке наталкивается на встречную волну просыпающихся народов Азии и Африки.

Можно предвидеть поэтому, что в XX веке европейским народам придется перейти от наступления к обороне занятых ими позиций. Особенно будут угрожаемы позиции, занятые Россией, Англией, Францией, Германией и Нидерландами в Азии. Эти позиции могут быть отторгнуты от европейских государств путем насильственным, путем поражения европейских вооруженных сил, их защищающих.

Потеря владений в Азии и на других материках, потеря всемирных рынков составляет такую угрозу самым жизненным интересам Европы, что для отстранения опасности все европейские государства, забыв свои взаимные счеты, должны объединить свои усилия, чтобы дать отпор силам других рас. Население этих других рас ныне открыто подготовляет силы с целью загнать старушку Европу в ее географический чулок, обречь ее на скромное существование на незначительной территории, среди могучего развития жизни во всех направлениях на огромных материках Азии, Америки и Африки, освобожденных от европейской опеки.

Роль России в готовящихся в XX веке событиях мирового значения огромна. Россия уже приняла на себя в XX столетии первый натиск желтой расы и не имела успеха. Причин тому много, но одна из главных — это поддержка Англией врагов Европы японцев. Поддержка Америкой Японии может представляться естественной, потому что Америка — естественный будущий враг Европы. Но поддержка Англией Японии составляет результат тяжелого недоразумения. Из-за мифической боязни нашествия России на Индию Англия своими руками создала уже не мифическую, а реальную опасность для той же Индии. Европейцы держатся в Азии престижем их непобедимости. Победа в Азии над русскими есть вообще победа азиата над европейцем. Почувствовав свои силы, азиат будет их применять не только к русским владениям, но вообще к азиатским владениям Англии, Франции, Германии.

Борьба только начинается. То, что произошло на полях Маньчжурии в 1904—1905 годах, было лишь авангардным боем. Для блага всей Европы надо, чтобы при новом напоре японцев или китайцев на Россию силы Европы были с ней, а не против нее. Для блага Европы надо, чтобы Индия защищалась не только англичанами, но и русскими. То же справедливо и относительно Индо-Китая и немецких владений и предприятий в Азии.

С единодушным признанием, что поддержание мира в Азии составляет вопрос общеевропейский, и все державы Европы готовятся объединить свои силы для защиты и развития положения, занятого ими ныне в Азии, «желтая опасность» может быть на продолжительное время устранена.

Предложение Америки взять под коллективную охрану Америки и Европы железные дороги в Маньчжурии составляет первый шаг к постановке на очередь вопроса о желтой опасности с приданием ему мирового значения.

Интересы американского населения так велики на тихоокеанском побережье и так противны интересам японцев и европейцев, что между Америкой, Японией и европейскими державами неминуема борьба огромной важности за рынки.

Представляется желательным, чтобы в XX веке народы европейского союза пришли к соглашению с союзом американских государств для удержания в европейских и американских руках господствующего положения на тихоокеанском побережье и для сохранения за европейскими державами пользования богатствами Америки, сырыми и обработанными.

В общем, это будет союз народов белой расы против народов желтой расы и чернокожих. Деление на эти две группы будет близко отвечать и делению на две группы по религиозным верованиям. В одном лагере будут христиане, в другом язычники. По исчислению немецкого ученого г. Целлера, население всего земного шара составляет, в круглых цифрах, 1500 млн человек, в том числе христиан 500 млн, язычников 800 млн, магометан 200 млн В числе язычников 300 млн последователей учения Конфуция, 200 млн браминистов, 120 млн буддистов.

Евреев 10 млн человек. При будущем вероятном столкновении белой расы с желтой, роль магометан загадочна. По причинам религиозным и политическим, особенно если столкновение белой и желтой рас ознаменуется первоначально успехами желтолицых, магометане могут соединиться с язычниками, чтобы общими усилиями свергнуть иго белолицых христиан. Тогда на каждого христианина будет приходиться два врага не христианина.

В частности, для России важно, чтобы в случае нового нападения на нее на Дальнем Востоке она могла располагать для борьбы с желтой расой *всеми своими вооруженными силами.*

Отсюда и вытекает настоятельная необходимость прочного соглашения России с Австрией и Пруссией по делам Ближнего Востока. Только при таком соглашении Россия будет готова дать грозный отпор новому натиску на нее желтолицых.

Рассматривая вопрос будущих судеб Европы с указанной выше широкой точки зрения, видно, как опасно и несвоевременно ныне для европейских государств расходовать свои силы и средства на взаимные распри. Можно себе представить, какое ликование началось бы в Японии, Китае, многих африканских землях и даже в Америке, если бы, например, из-за формы, в которой была объявлена Австрией аннексия Боснии и Герцеговины, возгорелась европейская война между несколькими первоклассными европейскими державами. Такое же ликование начнется, если Англия и Германия вступят между собой в вооруженную борьбу.

Каждое ослабление сил той или другой из европейских держав только увеличивает для Европы опасность потерять в XX веке то мировое положение, которое она ныне занимает, увеличивает, в особенности, значение «желтой опасности».

Ежегодный прирост населения только четырех главнейших государств Европы, кроме России, составляет около 2,5 млн душ. Этот прирост находит занятие только при все увеличивающемся росте фабрично-заводской промышленности. Этим видом деятельности в главных европейских государствах занято более половины всего населения. Если Европа будет вытеснена с рынков других материков, то ее ожидает колоссальный кризис. Непрерывно растущая социал-революционная партия придаст этому кризису на почве закрытия фабрик, увольнения миллионов рабочих, на почве голодания страшную, всеразрушающую силу.

Европа может успешно бороться против разрушительных социальных учений нового времени, только возможно полно обеспечивая результаты труда своего населения. Это возможно только при господстве на рынках Азии и Африки. Только соединив свои силы, европейские государства могут в XX столетии удержать эти рынки за собой.

Соглашение всех европейских государств, в целях отстоять в XX веке господствующее положение на азиатском и африканском материках, прекратит возможность вооруженной борьбы между различными государствами, входящими в будущий европейский союз.

Вторым благотворным результатом создания европейского союза будет приостановка в вооружениях, а затем и сокращение расходов на военные надобности.

В настоящее время европеец, в целях не только культурных, но и военных, подчинил себе землю, воду, а теперь подчиняет и воздух. Для использования в целях войны всех сил природы расходуются все увеличивающиеся огромные средства. Европейский союз, достигнув ограничения вооружений в Азии со стороны Японии и Китая, получит возможность уменьшить и содержимые военные силы в Европе.

Ныне каждое европейское государство содержит армию мирного состава примерно в 1 % населения. На каждых 100 жителей обоего пола содержится в мирное время 1 солдат. Возможно будет, путем общего соглашения, первоначально перейти к содержанию 1 солдата на 150 жителей, а затем и к содержанию 1 солдата лишь на 200 человек. При соответственном ограничении, тоже путем соглашения, морских сил можно будет достигнуть значительного сокращения в расходах всех государств Европы.

Эта экономия поможет извлечь из европейского союза еще один важный результат.

Употребив денежные средства, полученные от сокращения расходов на военные надобности, для поднятия благосостояния рабочих масс, придя к ним на помощь против всесильного ныне капитала, государства Европы облегчат мирное разрешение острого социального вопроса, вызванного необеспеченным положением трудящихся классов, и дадут отпор разрушительным учениям, толкающим массы на насилие с целью полного ниспровержения существующего порядка.

Меры по усилению внутреннего положения России

Меры по развитию духовных сил русского народа ♦ Меры по уменьшению пьянства ♦ Отзывы о русской интеллигенции конца XIX века ♦ Необходимость переустройства русской школы ♦ Преобразование низшей школы ♦ Меры к увеличению материальных сил русского народа ♦ Охрана труда русского населения ♦ Меры к ограничению деятельности в России еврейского племени ♦ Меры к поднятию физического развития русского населения

Самодержавная власть существует на Руси скоро 5 столетий. Благодаря этой власти Русь вышла победоносно из всех испытаний, объединилась, раздвинула свои пределы до естественных рубежей и победила более культурных, но не имевших сильной, объединяющей власти соседей.

Но уже с XVIII столетия, с сохранением всех внешних признаков власти, в действительности власть начинает ускользать из слабых рук императриц, пока снова не попадает в твердые руки Екатерины II. Но и при ней образуется ближайший к трону слой высшего общества, который отгораживает государыню от остального русского населения и вынуждает ее смотреть на русский народ и его нужды глазами, затемненными западными влияниями. Насажденная на Руси еще в XVII столетии бюрократическая система, в течение XVIII столетия, крепнет и, наконец, в XIX столетии окончательно овладевает всеми делами государства, обезличивая власти на местах и прочной стеной отгораживая наших государей от населения России и его нужд.

Когда в первые годы царствования Александра I был составлен проект об учреждении министерств, гр. Воронцов, бывший послом в Лондоне, в письме к министру внутренних дел гр. Кочубей указывал, что широкая власть, предоставляемая этим проектом министрам, неминуемо приведет к злоупотреблениям. Свое письмо гр. Воронцов закончил следующими строками: «Мне всегда были противны злоупотребления власти и министерский деспотизм, от которого блекнет все в самой цветущей стране, который оподляет людей и бывает виновником бедствий как для подданных, так и для самого государя. В подданных ослабевает любовь их к государю, ибо угнетенный человек сначала проклинает министра-угнетателя, а потом перестает любить государя, попускающего своим визирям угнетать несчастных подданных»[206].

Слова эти были написаны 107 лет тому назад. В результате столетнего угнетения министрами-бюрократами всех начальствующих лиц, вне Петербурга находившихся, и угнетения предприимчивости и инициативы всех частных людей на Руси и исчезли во всех сферах деятельности сильные, стойкие характеры.

25 лет тому назад Вл. Соловьев в своей статье «Государственная философия в программе министерства народного просвещения» высказал относительно роли бюрократии той эпохи следующие мнения:

> «Россия страдает от действительных бедствий, угрожающих ей великими опасностями: от экономического расстройства, от владычества кабака, от извращения и застоя религиозной жизни. Эти бедствия и опасности частью беспрепятственно возросли под сенью всевластной бюрократии, частью прямо ей созданы. Вот наша бедственная действительность и вот ее действительный корень…
>
> Единовластие правительственной бюрократии, превратившей церковь в одно из

своих ведомств, а народ — в безразличный материал для своих законодательных экспериментов, это есть действительность.

Альфа и омега новой государственной философии есть именно *единовластие петербургской бюрократии под предлогом самодержавия»*[207]. (Курсив Вл. Соловьева.)

В первых годах настоящего столетия в России произведены важные перемены в порядке высшего управления государством.

Великой милостью царствующего государя императора население России призвано через своих представителей к высшей законодательной работе. Пресса получила возможность обсуждать такие вопросы, которые ранее решались только в тайниках разных канцелярий. *Русскому монарху ныне стало легче знать правду о России и ее нуждах.*

Раньше русский самодержец мог знать правду только из одного источника — из докладов представителей высшей бюрократии. Ныне по каждому серьезному вопросу до государя императора, вместе с мнением соответствующего министра, дойдет мнение по этому же вопросу выборных представителей Государственного Совета и Государственной Думы и, наконец, как выражение общественного мнения — отзывы печати.

Все содержание предыдущих глав указывает важность самодержавной власти на Руси и властно диктует вывод из прошлого России: *в XX столетии Россия может победно выйти из всех предстоящих ей испытаний только при сохранении на Руси сильной царской власти.*

Обсуждать ныне вопрос, своевременно или не своевременно призваны в России к законодательной работе представители земли русской, совершенно невозможно.

Волей государя эти представители призваны *и возврата к прошлому не может быть, ибо всякая попытка к этому возврату грозит потрясти основы государства.* Но можно смело утверждать, что призыв по западному образцу к законодательной деятельности представителей из таких местностей России, которые еще не слились с ней, был вполне преждевременным.

Представителям России в Государственном Совете и Государственной Думе предстоит ныне задача оправдать доверие к ним государя и самоотверженно поработать на пользу и усиление России нераздельной, в понятии народа, с ее государем.

Нельзя отвергать, что события последних лет, под влиянием противоправительственной деятельности представителей разных разрушительных учений, несколько умалили в понятиях русского народа значение царской власти. Надо приложить все силы, чтобы остановить это опасное для блага России явление. Все любящие Россию и желающие ей выйти победительницей из временных затруднений должны в XX столетии дружно соединиться в защите принципа царской власти, в охране исторически сложившегося в народе понятия *о царе-батюшке.*

Позволю себе указать ниже на один из многих способов к поддержанию духовной связи между царем и управляемым им, Божьей милостью, народом.

В прошлом году я прочел в газете «Новое время» статью «О сокращении праздников». В ней сообщалось, что на рассмотрение Государственного Совета внесено важное представление об изменении узаконений о праздничных, неприсутственных днях.

В числе предположений о сокращении праздничных дней существует и перенесение девяти царских дней на ближайшие воскресные дни. Мера эта является необходимой. Проживая последние четыре года большей частью в деревне, свидетельствую, что народ очень редко посещает церковь в царские праздничные дни. В нашем приходе «Фрола и Лавра» празднуют и пьянствуют в самое рабочее летнее время трое суток, а 6 декабря, в день тезоименитства государя императора, в свободное зимнее время церковь пуста.

Между тем, перенеся все царские дни на воскресные, возможно и необходимо день шестого декабря праздновать всей Россией и в этот день сливаться не только молитвой, но делом и помышлением с великим тружеником на русской земле — ее державным вождем, государем императором.

С целью сделать этот день великим на Руси праздником, надо приурочить к нему все милости царские: пожалование чинами за отличие, орденами, званиями; милости народу в облегчении податного бремени, милости преступникам облегчением их участи; милости войскам назначением шефских частей и т. д.

Начальствующие лица всех степеней обязываются в этот день особой представительностью: церковная служба, парады, обеды, вечера. Во всех театрах всей России должны ставиться патриотические пьесы; где можно, в войсках и учебных заведениях, устраиваться домашние спектакли, концерты, туманные картины, кинематографы, чтение, пение национальных песен тоже с патриотическими программами. К празднику этому надо старательно готовиться. В церквах службу совершать при сборе всех учеников, при общем пении. После церковной службы народу читаются правительственные сообщения о милостях царских и говорится соответствующее слово о царской власти. После окончания церковной службы народу раздаются патриотические брошюры и портреты государя[208]. В этот же день в войсках каждому новобранцу дается портрет государя. Весь день, где только можно, организуются игры, катанья с гор, беганье на лыжах, устройство из снега укреплений и штурм их с раздачей призов отличившимся. Организуются шествия с музыкой, песнями, национальными флагами. Весь вечер рядятся по-старинному, гадают, ездят в гости ряженые, танцуют, поют старые русские песни. Во всех клубах, военных собраниях устраиваются праздники национального характера. День 6 декабря должен оставлять, в особенности в детях, неизменно радостное, светлое воспоминание, которое должно сливаться с образом русского царя, с чувством готовности, по примеру предков, положить голову «за веру, царя и отечество». Надо затем, чтобы празднование тезоименитства государя начало получать русский характер: старые русские песни, русские музыкальные инструменты, русские костюмы, русские былины, русские блюда и русское питье; вместо водки — пиво, мед, настойки, наливки, шипучки, квасы; на русской земле надо чествовать своего русского царя-батюшку по-русски. Войска этот день, после церковной службы, должны проводить радостно и весело и, где только можно, участвовать в общем с населением праздновании этого дня.

В чествовании русского царя надо воскрешать русскую старину, закреплять в памяти участвующих русские обычаи и верования.

Опираясь на русские Государственный Совет, Государственную Думу и русских не по фамилиям только, но и по духу, министров, государю будет легче нести тяжкое бремя царского служения.

Главными причинами неудачи бюрократического управления Россией признается слишком большая централизация дел в Петербурге, независимость на местах представителей отдельных ведомств от губернских властей, обезличение губернаторов, отсутствие твердой власти в уездах, недоверие к представителям земства, недоверие к частному почину. Идеал многих бюрократов остался с николаевской эпохи: всю Россию нарядить в мундир, а управление ей передать в руки столоначальников. Поэтому и исправление бюрократической системы прежде всего требует обратных действий, а именно: рассредоточения власти; усиления власти на местах; поставления в губерниях *начальников губерний,* которым были бы подчинены в разных степенях агенты всех министерств; образование самостоятельной власти в уездах в лице *начальников уездов,* с подчинением им тоже в разных степенях агентов всех министерств, проживающих в уезде; предоставление земским собраниям выбирать кандидатов в начальники уездов и земские

начальники; поощрение личного почина и предприимчивости во всех сферах деятельности на пользу государства.

О необходимости сильной, самостоятельной, не боящейся петербургских канцелярий власти в губерниях так много и основательно было писано, что на этом вопросе не буду и останавливаться. Это краеугольный камень перестраиваемого здания. Скажу несколько слов об организации власти в уездах. Из ныне действующих в уездах лиц наиболее подготовлены к занятию должностей начальников уездов (отнюдь не начальников уездных управлений) уездные предводители дворянства.

Там, где это будет признано соответственным, такое совмещение и должно произойти. Главными обязанностями начальника уезда желательно поставить: а) *Административные:* поддержание в уезде полного порядка; охрана личности и имущества частных лиц; все чины полиции должны находиться в полном подчинении начальнику уезда, б) *Попечительные:* наблюдение и руководство всеми мерами, принимаемыми правительством, земством и частными лицами к поднятию духовных и материальных сил населения уезда. Помощниками начальника уезда служат земские начальники, ему подчиненные.

Значение земских начальников и желательный характер их деятельности изложены в главе XXIX. При организации власти земских начальников или иных лиц, их замещающих, необходимо принять к руководству высочайший указ Правительствующему Сенату от 12 июня 1889 года об учреждении должностей земских начальников. Несоблюдение этого указа и умаление затем прав земских начальников, первоначально им предоставленных, повело к ухудшению состава земских начальников и к недовольству деятельностью некоторых из них. Надо не повторить той же ошибки в настоящее время. Указ 1889 года совершенно определенно выяснил круг обязанностей земских начальников: земские начальники должны представлять *«близкую к народу твердую власть, которая соединила бы в себе попечительство над сельскими обывателями с заботами по завершению крестьянского дела и с обязанностями по охранению благочиния, общественного порядка, безопасности и прав частных лиц в сельских местностях».*

Трудно сильнее выразить в нескольких словах все наболевшие нужды деревни. Грех будет большой, если эти мудрые слова манифеста государя Александра III будут забыты и начнут измышляться новые. Для исполнения таких широких полномочий земские начальники должны иметь сильную власть. Им необходимо возвратить отнятое у них право наложения взысканий в административном порядке на все сельское население.

Для привлечения на службу на местах вне Петербурга и в земскую службу надежных сил русского населения необходимо эту службу обставить таким образом, чтобы наиболее даровитые, знающие и энергичные люди могли доходить до занятия должностей губернаторов и выше.

Великую несправедливость для местных деятелей, часто в высокой степени достойных, и притом ко вреду для России представляли до последнего времени назначения губернаторами и вице-губернаторами чиновников из Петербурга, не знающих России и деревни, или бравых полковых командиров, совершенно незнакомых с гражданской частью. В последнее время на это уже обращено внимание, и в губернаторы стали попадать земские люди. Такая служба, как предводителей губернского или уездного дворянства, председателей губернских и уездных управ, земских начальников даже при той общей приниженности местной службы, которой достигли во второй половине прошлого столетия, все же давала несравненно более подготовленные кадры для назначения на должности вице-губернаторов и губернаторов, чем начальники отделений и чиновники особых поручений в петербургских канцеляриях.

Меры по развитию духовных сил русского народа

Те задачи, которые могут быть возложены в XX веке на русскую армию, требуют огромного запаса в армии духовных сил. Если этот запас не будет образован в русском населении, то его может оказаться недостаточно и в армии, так как в настоящее время духовные силы армии находятся в непосредственной связи с духовными силами всего народа. Отсюда вытекает огромная важность для армии всех мер, которые могут способствовать развитию духовных сил населения России.

Духовные силы народа зависят от той школы, которую он проходил, и еще более от той исторической жизни, которую народ вел и ведет. Религия, семья, исторически сложившиеся у народа обычаи, привычки, верования влияют преемственно на поддержание духовных богатств населения. Новые знания, расширяя горизонт новых поколений, не должны идти в ущерб основным духовным силам народа, которые помогли ему занять известное место среди других народов. Духовные силы русского народа, на основании уроков истории, будут тем прочнее, чем прочнее в нем сохранится, прежде всего, вера в Бога, вера в святой Промысел Его.

Духовные силы человека поддерживаются наиболее прочно религиозностью и основами нравственности. Духовные силы русского народа наиболее полно проявлялись в готовности к жертве — за веру, царя и отечество. Отнимите от человека веру и понятия о нравственности, и человек перестанет быть способен к жертве, к подвигу, перестанет быть способен к высшему выражению своих духовных сил — к пожертвованию собой за свои высокие идеалы — веру, царя, родину.

Вера, во все века собирания и укрепления русской земли, служила главной опорой русского населения, главным источником его духовных сил. С ослаблением у русского народа веры будет ослаблена его главная опора в предстоящих еще в XX веке испытаниях.

Поэтому указанное государем императором Александром III развитие духовных сил русского народа, прежде всего, должно пониматься в поддержании и укреплении в нем религиозного чувства.

Одновременно должна прийти на помощь школа для сообщения детям и юношам полезных сведений, для расширения их умственного горизонта, для увеличения физических сил детей и юношей и для воспитания их.

Но надо, чтобы дети и дома могли увеличивать, а не растрачивать запас духовных сил, приобретаемых в школе.

Надо, чтобы и в деревне и в городе они видели пример трезвой, трудолюбивой, нравственной жизни. Они должны проникнуться привычкой каждый день, каждое дело начинать молитвой. Несомненное падение за последнее время нравственности, даже среди сельского населения, и падение религиозности должны внушать самые серьезные опасения. Если это падение не будет приостановлено, все меры к подъему духовных сил русского народа окажутся мало действительными.

Ближайшей мерой для борьбы с падением в деревне нравственности и религиозности должно служить увеличение значения прихода. Это значение теперь не велико, а сельские священники, поставленные в материальную зависимость от крестьян, сами не всегда подают пример трезвой, примерной, трудолюбивой жизни. Требуются усиленные меры к поднятию наших сельских священников не только в материальном, но и в духовном отношениях.

И духовная школа нуждается в коренной реформе. Семинарии в городах — ошибка, Их место в монастырях. Изучение мертвых языков[209], начинаемое с городских, духовных училищ, составляет вредное увлечение Западом и Юго-Западом. Выбросив этот вредный балласт, можно

будет сообщить священникам массу нужных им сведений, чтобы они могли лучше влиять на их паству.

Будущие священники должны быть приучены в монастырях к тяжелому земледельческому труду, садоводству, огородничеству, пчеловодству.

Вместо книжных надо больше практических знаний. Но выше всяких знаний должно быть поставлено их благочестие, твердость в вере, пример личной жизни.

Два лица в приходе ныне могут иметь благодетельное влияние на население прихода — священник и школьный учитель. Надо прежде всего найти средства и способы, чтобы эти ближайшие к народу, стоящие выше его по развитию лица могли словом и делом способствовать поднятию духовных сил населения прихода. Правильное обучение детей в школе, приучение их к порядку, опрятности, послушанию, правдивости, честности, обучение их пению хором, развитие их физических сил, возбуждение их внимания к подвигам русских людей, к знанию местной старины — все это, вместе взятое, принесет большую пользу сельскому населению.

Влияние священника на старших прихожан в смысле привлечения их к посещению храма Божьего, приучению к христианской жизни в семье, к трудолюбию и трезвости, подкрепляемое личным примером, будет содействовать сохранению в населении духовных сил. Приходской совет из священника, учителя, церковного старосты, выборных от прихода поможет во многих случаях выяснить, кому надо оказать помощь из ослабевших физически или духовно членов прихода.

Но вся работа в этой низшей, но важной ячейке народной жизни — в приходе . — не окажется достаточно производительной, пока будут существовать два растлевающих русское сельское, городское и фабричное население фактора: *казенная продажа нитей и отсутствие нравственных устоев в интеллигенции, соприкасающейся с народом.*

Меры по уменьшению пьянства

Относительно вреда пьянства написано много томов. Только комиссия по борьбе с алкоголизмом, кажется, издала уже около десяти томов. Никто в тяжком вреде водки не сомневается и тем не менее по соображениям фиска не только не сокращают казенную продажу водки, но иочень снисходительно смотрят на огромное распространение тайной продажи водки, развращающей население не менее, чем употребление ее.

Доход от водки составляет такую важную статью в нашем бюджете [210], что отказаться от нее сразу не представляется возможным без потрясения всего государственного хозяйства. Но если признать, что борьба с этим несомненным злом невозможна, то нечего и надеяться на поднятие духовных и материальных сил народа. Без прекращения отравления населения водкой достигнуть этих целей совершенно невозможно. Отравляя свой организм, обессиливая его, мужик зачинает в пьяном виде детей, рабочий в городах и мастеровой в пьяном виде заражаются сифилисом; в пьяном виде нарушаются все семейные основы, разоряется хозяйство, совершаются преступления против собственности, против личности.

Точными научными исследованиями установлено, что алкоголизм влияет на увеличение заболеваемости, смертности, числа выкидышей, преждевременных родов, числа ненормальных детей.

В последнее время начала пьянствовать даже молодежь, и пьянствовать буйно. Драки с пролитием крови происходят в деревне все чаще. Народ от водки звереет. Прочтите «Наше преступление» П. Родионова. Краски сгущены, но сущность схвачена верно. «Казенка»

развращает народ, «казенка» не дает ему возможности поправиться материально. Утешение, что за границей количество выпиваемого спирта в процентах больше, чем на Руси, недостаточное. Французы пьют более нас, но не напиваются и не безобразничают, как у нас. В России пьют сравнительно с иностранцами редко, но поглощают одновременно большее количество спирта и пьянеют. Водка наша, по мнению врачей, слишком крепка и поэтому действует на организм разрушительнее, чем, например, виноградные вина или пиво.

Борьба с пьянством простого народа затрудняется тяжелым экономическим положением населения и его невежеством. Жизнь многих крестьян и рабочих так тяжела, так безотрадна, что в водке он видит возможность хотя временно забыться от гнетущей действительности. Все те явления, которые теперь переживает Россия, переживались уже другими странами. В печатных отчетах комиссии по борьбе с алкоголизмом имеются указания, каким путем, например, проходили Швеция и Дания, чтобы остановить пьянство, которое там достигало еще больших размеров, чем достигло в настоящее время в России. Указания определенны. Пока боролось против пьянства одно правительство или одно общество — успеха не достигалось. Только при дружном содействии самого общества правительство достигло поставленных им целей. Например, в Швеции удалось уменьшить количество потреблявшейся ранее водки в пять раз.

Поэтому и в России, пока в борьбе против алкоголизма правительство одной рукой помогало обществам трезвости, а другой уничтожало постановления сельских волостных сходов о закрытии той или другой винной лавки, очевидно, борьбы с пьянством и не начиналось, а существовало лишь «принятие мер» к увеличению деятельности винной монополии. Проф. И. Озеров в своем труде «Алкоголизм и борьба с ним» указывает, что доход от казенной продажи питей в России определялся на 1909 год в 733 млн руб., что, вместе со сборами с питей, должно было дать 755 млн руб.; при этом чистый доход от винной монополии ожидался в 1909 году в 518 млн руб.[211].

Если взять бюджет России за 1908 год без железных дорог и без расходов на винную монополию, то доход со спиртных напитков, по исчислению И. Озерова, составит 33 % нашего бюджета. В других государствах доходы со спиртных напитков составили в 1905 году: в Соединенных Штатах — 27 %, в Англии — 27 %, во Франции — 14 %.

Потребление водки в 1904 году достигло в России 4,9 литра[212], в Норвегии — 2,6, в Италии — 1,5, в Швейцарии — 5,2, в Бельгии — 5,7, во Франции — 7,1, в Австро-Венгрии — 10,3 и в Дании — 13,3 литра на душу.

В статье «Финансы переходного времени» размер потребления спиртных напитков в России определен следующий: питейный доход составил: в 1903 году — 405 млн руб., в 1904 году — 406 млн руб., в 1905 году — 469 млн руб., в 1906 году — 558 млн руб., в 1907 году — 526 млн руб.; всего за несколько лет этот доход возрос на 20 %[213].

Потребление водки составляло в середине 1890-х годов 0,35 ведра на душу всего населения; в 1900—1904 годах потребление поднялось до 0,39 ведра, а в 1905 году до 0,5 ведра.

Потребление пива достигало максимума в Бельгии — 222 литра на душу населения (1905 год), в Германии — 119 литров , в Дании — 93 литра, в Великобритании — 145 литров , в Соединенных Штатах — 76 литров ; в России в 1904 году потребление пива составляло лишь 4,7 литра на голову.

Потребление вина в 1905 году наибольшее: во Франции — 154 литра на душу населения, в Италии — 84 литра, в Германии — 7,3 литра.

На основании этих данных проф. Озеров приходит к выводу, что по количеству выпиваемых в России спиртных напитков она занимает скромное место среди других держав. Но тот же

автор признает, что алкоголизм в России развивается потому, что потребление водки «совершается у нас в весьма некультурной обстановке, сопровождается эксцессами, дикими сценами и т. п.» .

Уровень народного благосостояния у нас очень низок, и сравнительно больший размер потребления спиртных напитков в других странах не так отражается на обеднении населения, как у нас.

В России доход на душу населения исчисляется в 63 руб., а расход на алкоголь составляет 6 руб. 83 коп. на душу, что дает 10,8 % душевого дохода. В других странах расход на алкоголь составляет от всего душевого дохода: в Швеции—4,2 %, в Норвегии — 3,8 %, в Австро-Венгрии — 6,9 %, в Англии — 10,5 %, во Франции — 13,5 %[214]. Только во Франции это отношение расхода к доходу выше, чем в России, но душевой доход во Франции составляет на душу населения 256 руб.; за вычетом расхода на алкоголь остается на душу 222 руб., а в России остается тоже на душу только 56 руб.

Эти цифры получат новое освещение, если принять во внимание, что, например, в крестьянской семье из пяти душ пьют только двое: отец и сын. Тогда на долю каждого из них придется пропить по 17 руб. в год. Если же принять в расчет, что многие народности в России или вовсе не пьют водки, или потребляют ее в значительно меньшем количестве, чем представители русского племени, то на долю взрослого крестьянина русских губерний придется свыше 20 руб. в год на душу пропитых денег.

Принимая, что средний душевой доход крестьянина-земледельца при общинном владении не превышает 40 руб., в семье из пяти членов, при среднем годовом доходе в 200 руб., пропивается свыше 40 руб. в год, что дает свыше 20 % всего получаемого семьей дохода.

Признавая, что бороться с алкоголизмом в России необходимо и что эта борьба — *великое дело,* проф. И. Озеров справедливо признает, что одни запретительные меры мало помогут.

Чтобы ознакомить своих слушателей и читателей со способами борьбы с алкоголизмом в других странах, проф. И. Озеров приводит несколько сведений о так называемой *готенбургской системе*[215], при помощи которой в Швеции достигнуты огромные результаты по уменьшению народного пьянства.

В начале XIX века Швеция была пьянейшей страной в мире: в этой стране считалось 170 тыс. винокурен, т. е. на каждых 14 жителей приходилось по одной винокурне.

На каждого жителя приходилось 46 литров потребления 50-градусной водки, *т. е. в5 раз больше, чем приходится теперь.*

С 1855 года шведское правительство вступило в борьбу против народного пьянства и начало сокращать мелкие винокурни. В 1861 году число винокурен сократилось до 950, а в 1900 году их осталось всего 131. Мелочная продажа спирта была запрещена в количестве меньше одного литра, и на производство мелочной продажи требовалось получить разрешение общины. Налог на спирт был увеличен в 2,5 раза.

Сущность готенбургской системы изложена у И. Озерова следующим образом:

> «Готенбургская система в городах начала прививаться с 1865 года. Она состоит в том, что продажа спирта монополизируется в руках акционерного общества. Это общество довольствуется небольшим процентом на свой капитал: в Готенбурге, например, капитал этого общества 102,5 тыс. крон, а Готенбург насчитывает 140 тыс. жителей; все же остальные доходы это акционерное общество употребляет на общественные нужды.
>
> Эта система уничтожает личную заинтересованность продавцов в продаже спиртных напитков и доставляет возможность получать кушанья там, где продаются

спиртные напитки. Доступ в места продажи спиртных напитков открыт только лицам трезвым в возрасте свыше 18 лет. В кредит ничего не отпускается. Продажа от 9 часов утра и до 6 вечера, а летом — до 7 часов; в воскресные и праздничные дни продажа идет только от 1 до 3 часов пополудни, и то лишь вместе с пищей. С местами продажи спиртных напитков обычно соединены читальни. Заведующие этими местами заинтересованы в продаже кушаний, кофе, сельтерской воды и сигар, и с этой целью они получают известное процентное вознаграждение.

Акционерное общество уплачивает особый налог в размере около 500 марок с каждых 30 гектолитров ежегодной продажи спирта. Сверх того, чистый доход за покрытием известного процентного капитала в размере 71 % поступает в пользу города (в Стокгольме 8 %) и 29 % в пользу государства. Эта система введена в настоящее время в 104 городских поселениях.

Итак, продавцы не заинтересованы здесь в продаже спиртных напитков, — наоборот, они заинтересованы в сбыте кушаний, сельтерской воды, кофе.

Акционерное общество также не заинтересовано, так как доход его ограничен известным процентом.

Результаты готенбургской системы в самом городе Готенбурге таковы: в 1874—1875 годах на жителя продавалось водки, по расчету в 50 градусов, 22,21 литра, а в 1904—1905 годах — уже только 10,72, т. е. потребление сократилось больше чем вдвое. Это — общая продажа спирта, сокращение же в распивочной торговле еще больше. В 1874—1875 годах — 9,7 литра, а в 1904—1905 годах — 3,78 литра»[216].

Относительно применения готенбургской системы в Норвегии И. Озеров приводит следующие данные:

«В Норвегии доход от готенбургской системы делится так: 65 % идут в пользу государства, 15 % — общине и 20 % — самому обществу, но с обязательством употреблять их на борьбу с алкоголизмом. Введение этой системы предоставлено здесь на голосование всех жителей данной местности в возрасте свыше 25 лет, включая и женщин.

В настоящее время, по закону 1904 года, система распределения чистого дохода несколько видоизменена. Общество получает не 20 %, как ранее, а только 10 %. Другие 10 % идут в разверстку между общинами данного округа пропорционально количеству населения.

Государство свой долю дохода от продажи спиртных напитков должно помещать до конца 1910 года в фонд для страхования на случай инвалидности и старости. Средства тратятся обществом на музеи, школы, библиотеки, детские приюты, купальни, музыкальные общества, общества трезвости».

В Норвегии в 1845 году прошел закон, давший право деревенским округам запрещать продажу спиртных напитков, и, как результат этого, в деревнях осталось всего лишь 15 разрешений на эту торговлю.

Акциз в Норвегии весьма высок, и литр (несколько больше бутылки) водки стоит 3,5 марки, *т. е. около1 руб. 62 коп*[217].

В Финляндии в городах также применяется готенбургская система. Принятию этой системы предшествовало пробуждение сознания вреда пьянства среди самого населения.

В 1898 году в Финляндии 70 000 взрослых мужчин и женщин решили в течение года не

употреблять спиртных напитков. В г. Таммерфорсе все взрослое население присоединилось к этой стачке.

В настоящее время финляндский сейм принял законопроект, совершенно запрещающий потребление спиртных напитков в стране. Финляндский сенат не считает возможным идти так далеко и составил свой законопроект, по которому торговля спиртными напитками запрещается вне городов, а в городах вопрос о запрещении решается голосованием всего населения, достигшего 24-летнего возраста (мужчин и женщин). В тех городах, где торговля будет разрешена, применяются основы готенбургской системы.

Торговля будет предоставлена акционерному обществу с тем, чтобы такое общество могло получать на свой капитал не свыше 5 %. Остальной доход распределится так: 70 % идут в ход казны; 15 % в пользу города и 15 % идут на устройство и содержание народных читален и библиотек в селениях и городах.

По проекту, спиртными напитками должны считаться все напитки, содержащие более 2,5 % алкоголя.

Благодетельные последствия от принятия правительством и обществом мер против пьянства в Швеции и Норвегии выразились, между прочим, в следующем: в 1855 году арестов и штрафов за пьянство на каждых 1000 жителей было 138 человек; в 1865 году число это сократилось до 45, в 1905 году цифра арестов и штрафов повысилась до 52 человек.

В 1851—1860 годах непригодных к воинской повинности было 35,7, а в 1881—1890 годах *всего* 20,4 на 1000 человек.

Смертность за то же время упала с 20,2 до 16,9 на 1000 человек. Преступность с 50,4 на каждые 100 тыс. жителей упала до 40,3.

В Норвегии в 1856—1860 годах на 10 тыс. смертей 33 были от алкоголизма, и цифра эта постепенно уменьшилась к 1903 году до 7 человек.

По вопросу о применимости готенбургской системы в России проф. Озеров высказывает мнение о необходимости первоначально подготовить почву созданием дешевых столовых, ресторанов, запрещением продажи водки в посуде меньшей, чем бутылка, а также пробуждением движения среди самого населения против злоупотребления алкоголем. В числе других мер проф. Озеров советует поощрять деятельность просветительных обществ, развивать школы, устраивать библиотеки, читальни, дать населению дешевый неалкогольный напиток, удешевить чай и сахар, создать клубы, улучшить обстановку на фабриках, улучшить жилища, улучшить вообще экономическое положение масс.

Проф. Озеров заканчивает свой труд по борьбе с алкоголизмом следующими строками:

> *«Алкоголизм вырос у нас на почве недоедания, экономического оскудения, нашей убогой общественности, питается у нас дефектами нашей экономической и финансовой политики».*

В брошюре «О вреде народного пьянства» члена Государственной Думы М. Челышева также имеются ценные указания как на вред, приносимый в России пьянством, так и на меры для борьбы с этим русским горем.

Прежде всего весьма важно указание, что 50 членов Государственной Думы из крестьян единогласно в заседании Думы 16 марта 1908 года заявили: *«пусть водку уберут в города, если им нужно, а в деревнях она окончательно губит нашу молодежь».*

По благородному и важному почину члена Государственной Думы М. Челышева, после произнесенных им в Думе речей, с разных сторон России откликнулись тысячи лиц, горячо поддержавших М. Челышева в его «освободительной от водки миссии». Многие члены

Государственной Думы энергично поддержали М. Челышева.

Ныне в составе Государственной Думы работает особая «комиссия о мерах борьбы с пьянством».

В заседании Государственной Думы 16 ноября 1907 года депутат М. Челышев, между прочим, заявил, что в 1902 году было продано 63 млн ведер водки, а в 1906 году — 85 млн ведер, т. е. только за 4 года увеличилось потребление водки на 40 %. Если эти цифры точны, то многое, совершившееся на Руси в эти смутные 4 года, совершено в пьяном виде.

Указывая на важность принятия мер против пьянства, М. Челышев заканчивает свой речь следующими глубоко справедливыми словами:

> «Только при трезвости может человек быть материально обеспечен и нравственно здоров, а не развращен. Не могу не указать и на то, какое влияние на школу, на наших детей имеет алкоголь. Этот ужасный, проклятый напиток убивает все, что есть в человеке лучшего и чистого. Повторяю, если мы не обратим внимание на это, и правительство будет замалчивать это, то нас ожидают разорение и нищета, и нам, как могущественному русскому государству, не существовать».

В журнале «Финляндия» в статье «Параллели и наблюдения» сделано сравнение между Финляндией и Пермской губернией.

Пространство этих местностей почти равное, а население Пермской губернии даже превосходит население всей Финляндии. Автор пишет: «В самом деле, Пермская губерния есть действительно русская губерния, с типично русским обликом, т. е. в ней нет ни дорог, ни газет, ни просвещения, ни культуры, ни зажиточности. Раскинувшись над богатейшими горными недрами с неменьшими лесными богатствами, она живет вечно впроголодь и кончает тем, что распродает свои богатства иностранцам.

Скудные, каменистые и редкие поля Финляндии никогда не могли давать своим обитателям хлеба достаточно для прокормления. Финляндия спокон веку живет покупным хлебом, и в настоящее время ввоз хлеба составляет почти *1/3* часть всего ее импорта. Но Финляндия не знает ни голодовок, ни нищенства.

Зато в ней, на пространстве Пермской губернии, имеется 1 университет, 1 политехникум, 51 гимназия, 23 реальных училища, 8 учительских семинарий, 7 морских училищ, 9 коммерческих училищ, 10 технических училищ, 24 земледельческих и т. д., не считая женских. Пермская губерния может противопоставить этим цифрам: 2 гимназии, 2 реальных училища и 1 духовную семинарию (не считая женских).

При этом в Пермской губернии не было ни инородческого элемента, ни еврейского засилья, ни бунтов, ни восстаний, ни каких бы то ни было экстравагантных причин, которые могли бы служить поводом к задержке в ней просвещения и к ограничению школьного дела.

Одной пахотой земли, вместе с сенокосной, в Пермской губернии 6300 тыс. десятин, т. е. чуть не втрое больше, чем в Финляндии. Однако дохода от водки казна собирает с этой губернии около *20 млн руб.* в год, тогда как в Финляндии вовсе не существует этой статьи в бюджете. Значит, вполне достаточно было бы средств на то, чтобы покрыть всю Пермскую землю сетью высших и средних образовательных учреждений и, таким образом, насадить культуру, вооружить местное население на борьбу с неблагодарной природой и широко развить местные производительные силы вообще.

Великая державность имела полную возможность сделать это, хотя бы для одной из своих губерний, хотя бы на пробу, чтобы доказать, какую огромную культурную мощь она таит в себе и насколько она может облагодетельствовать свое исконное, чисто русское, подвластное ей

население. Но она этого не сделала и тем обнаружила или свое культурное бессилие, или сознательное нежелание идти навстречу культурным потребностям»[218].

В Финляндии население не разоряется продажей водки. В Финляндии воинская повинность отбывается путем уплаты небольшой суммы денег. Эти две причины и дают Финляндии главным образом огромное преимущество перед русскими губерниями. Культурным успехам Финляндии можно завидовать, но их следует крепко уважать и охранять. Надо изучать способы, при содействии которых финны достигли этих успехов, и подражать им.

В журнале «Практический врач» помещена весьма интересная статья Н. Вигдорчика «Врачебные отклики», написанная по поводу антиалкогольного съезда, который собирался в прошлом декабре в Петербурге.

Приведем из нее следующие сведения:

В литературе и в жизни существуют по вопросу об алкоголизме два противоположных течения: одни в алкоголизме видят причину всех социальных зол, другие видят в нем последствия социальных зол. «Одни объясняют бедственное положение трудящихся классов их страстью к алкоголю; другие в самой этой страсти видят результат бедственного положения народных масс». Первые смотрят на алкоголизм как на моральную болезнь, как на «порок», «грех» и соответственно сему взгляду ищут излечения в моральных средствах: проповедь, нравственное воздействие и даже наказание. В настоящее время моральное направление сосредоточилось в руках различных обществ трезвости, возникших в большом числе в протестантских странах. «Дух нового времени отодвинул на задний план всякие карательные мероприятия, и их место заняла пропаганда воздержания. Но тот же дух нового времени вызвал такое колоссальное распространение алкоголизма, что вся деятельность моралистов приобрела характер какого-то жалкого, даже смешного крохоборства»[219].

С возникновением рабочего движения, поставившего себе целью преобразование социальных условий жизни масс, в вопросе об алкоголизме все более стала выдвигаться социальная точка зрения. Представители этого «социального» направления почти совершенно игнорируют моральную сторону вопроса и центр тяжести борьбы переносят в область улучшений материальных условий существования масс[220].

Они рассуждают так: если алкоголизм есть результат нищеты, невежества, бесправия, то борьба с нищетой, невежеством и бесправием будет, очевидно, и самой радикальной борьбой с алкоголизмом.

Но существуют и побочные причины развития алкоголизма. Алкоголизм поддерживается не только спросом на водку, но и предложением ее.

> «Громадные капиталы, вложенные в водочную промышленность, повелительно требуют постоянного расширения сбыта водочных изделий и, следовательно, постоянного увеличения потребления алкоголя.
>
> Усиленное потребление алкоголя поддерживается еще во многих странах самими правительствами, сделавшими себе из пьянства важнейшую статью дохода».

В последнее время воззрения представителей «социальной» точки зрения на причины алкоголизма поколеблены рядом фактов, ставших общеизвестными.

Прежде всего доказано, что алкоголизм составляет достояние не только бедных, но и богатых. Женский пролетариат находится в худших условиях, чем мужской, а алкоголизм между женщинами развит неизмеримо менее, чем среди мужчин. Увеличение заработной платы не всегда имеет последствием уменьшение алкоголизма. В годы экономического подъема в Германии, Бельгии и Австралии было отмечено увеличение потребления спиртных напитков.

«Привычка к алкоголю, воспитываемая всей обстановкой общественной и семейной жизни, ложные представления об алкоголе, как о средстве, полезном для здоровья, предрассудки относительно насыщающего, согревающего и укрепляющего действия алкоголя — вот главнейшие побочные факторы, поддерживающие потребность народных масс в алкоголе».

Автор цитируемой статьи, Н. Вигдорчик, в следующих строках очерчивает содержание той антиалкогольной платформы, которую выставляет ныне «социальное направление».

«Признавая, что радикальная борьба с алкоголизмом есть ни что иное, как борьба с тяжелым экономическим и правовым положением народных масс, это направление в то же время считает необходимым, с одной стороны, ряд мер, направленных к обузданию аппетитов алкогольной промышленности и устранению эксплуатации пьянства со стороны государства, а с другой — широкую пропаганду идей трезвости в народе, борьбу со всеми народными предрассудками в этой области и искоренение губительной, многовековой привычки к алкоголю. На почве этих основных принципов строятся программы практических мероприятий по борьбе с алкоголизмом»[221].

К этой «платформе» можно вполне присоединиться и пожелать скорейшего принятия ее нашим правительством. Только перейдя от слов к делу, можно оказать заметное влияние на уменьшение пьянства.

Открытая в настоящее время в Петербурге выставка по борьбе с пьянством заслуживает серьезного внимания. В особенности поучительны разнообразные таблицы, выставленные министерством финансов, указывающие размер потребления водки в России в различных местностях в течение последних 50 лет. Заслуживают также внимания экспонаты, определяющие успех деятельности Петербургского городского попечительства о народной трезвости.

На основании переданных мне на выставке печатных материалов и объяснений, предупредительно данных представителем министерства финансов по неокладным сборам, в дополнение и подтверждение приведенных выше данных, приведу еще нижеследующие:

Ежегодное производство спирта в государствах Европы и в Северо-Американских Соединенных Штатах за последние годы достигает почти 400 млн ведер. Первое место по размерам производства занимает Россия: в 1907 году было выкурено 106 млн ведер, затем следуют: Германия — 60—85 млн ведер, Северо-Американские Соединенные Штаты, Австро-Венгрия, Франция; на последних местах стоят Швейцария и Норвегия.

Наибольшее душевое потребление спирта в Дании: оно колеблется в пределах 1,28—1,51 ведра; второе место занимает Австро-Венгрия (1,04—1,16 ведра); Россия стоит на 11 месте (0,49—0,60 ведра, а в среднем 0,51 ведра). Наименьшее потребление отмечается в Италии (0,10—0,15 ведра) и в Болгарии (0,04—0,21) — странах виноградного вина. Заслуживает также внимания Норвегия (0,22—0,37 ведра)[222].

Число винокуренных заводов в России постепенно понижается. В 1863—1864 годах винокуренных заводов было 4258; затем число заводов постепенно падает до 1890—1891 годов, когда их осталось всего 2017.

Позже число заводов снова начинает возрастать.

Общая выкурка спирта колеблется в пределах 51 млн ведер в 1865 году и 106 млн ведер (40 % водки) в 1907—1908 годах. С 1902 по 1907 год заметно последовательное возвышение выкурки.

По существующим законоположениям винокуренные заводы подразделяются на сельскохозяйственные, смешанные и промышленные. С 1891 года замечается постепенное

увеличение сельскохозяйственных заводов и выкурки из них.

Вместе с этим на винокуренных заводах рожь начинает усиленно заменяться картофелем. В настоящее время все винокуренные заводы потребляют только 1 % всей производимой в России ржи и до 14 % всего производимого картофеля.

Наибольшее потребление вина на душу населения России приходится на 1863 год, когда был произведен опыт свободной торговли вином. В этот год душевое потребление вина составило 1,23 ведра. Затем потребление вина начинает уменьшаться: в период с 1863 по 1873 год оно равнялось 0,90 ведра, в период же 1895—1905 годов душевое потребление держится около 0,50 ведра В период 1904—1907 годов потребление вина быстро возросло, потом опять приблизилось к 0,5 ведра на душу.

Но это среднее количество потребления имеет значительные колебания. В местностях с развитой промышленностью и в больших городских центрах потребление водки увеличивается; в местностях с католическим и мусульманским населением уменьшается.

Так, душевое потребление вина в 1907 году составляло: в Московской губернии — 1,82 ведра, Петербургской — 1,56, Тульской — 0,83, Нижегородской — 0,79, Владимирской — 0,71, Екатеринославской — 0,70 и проч.

Потребление вина ниже средней нормы отмечено, между прочим, в губерниях Ковенской — 0,26, Плоцкой — 0,24 и Уфимской — 0,23 ведра на душу всего населения. В городе Петербурге, благодаря в значительной степени деятельности попечительств о народной трезвости, замечается постепенное уменьшение количества выпиваемой водки. Так, в 1898 году выпивалось в среднем на душу 2,25 ведра, в 1901 году — 2 ведра, в 1905 — 1,84 ведра, в 1909 году— 1,55 ведра.

Число посещений на гуляньях и спектаклях в учреждениях попечительства о народной трезвости, с 1 января 1898 года по 1 января 1908 года, за 10 лет составило 41 млн человек.

> «Тесная связь между пьянством и недостаточным питанием стоит вне всякого сомнения. Оскудение организма на почве плохого питания вызывает потребность в наркотических средствах, и таким дешевым, вошедшим в обиход средством, является алкоголь. Алкоголь заглушает чувство голода. Это свойство хорошо изучили народные массы и пользуются им с этой целью. Поэтому в вопросах борьбы с пьянством забота о доставлении населению удовлетворительного доброкачественного питания, наряду с жилищным вопросом, занимает одно из видных мест.
>
> Исходя из этих соображений, Петербургское попечительство о народной трезвости сочло необходимым включить в программу своей деятельности также и посильную заботу о питании населения. Попечительство широко поняло свой задачу и всячески стремилось прийти на помощь столичному населению, организуя целый ряд буфетов, столовых и продовольственных пунктов, преимущественно в местах большого скопления рабочего люда»[223].

За отчетные 10 лет в столовых, устроенных попечительством, было 11,5 млн посетителей.

Из таблиц, выставленных министерством финансов, видно, что увеличение городского населения и увеличение грамотности *увеличивает и потребление водки.*

Депутат М. Челышев, признавая возможным уничтожить пьянство на Руси в самое короткое время путем карательных и запретительных мер, представил в 1907году на рассмотрение Государственной Думы следующие предложения:

1) полное уничтожение выделки и продажи, а также ввоза заграничных спиртных напитков; 2) до полного уничтожения воспретить в тех уездах, где будет производиться продовольственная

помощь, продажу всех спиртных напитков во все время оказания продовольственной помощи; 3) с начала 1909 года систему взимания налогов с населения через спиртные напитки более не применять; 4) причислить алкоголь к ядам и продавать его только в аптеках по рецепту докторов; 5) предоставить всем крестьянским обществам право закрывать казенные кабаки; 6) в запретительных приговорах с правом голоса должны участвовать жены и матери домохозяев; 7) запретительный приговор должен обнимать собой и запрещение перевозки и хранения крепких напитков; 8) право запрещения продажи крепких напитков во всех местностях предоставляется учреждениям, от коих зависело разрешение открытия заведений; 9) усилить наказания: а) за беспатентную торговлю и за покупку крепких напитков у лиц, не имеющих права торговли ими, отдачей в арестантские роты от 1 года до 3 лет; б) за продажу крепких напитков лицам моложе 17 лет — от 1 до 3 месяцев тюремного заключения и в) за появление в пьяном виде на улицах, в общественных собраниях и присутственных местах — арест от 7 до 30 дней; 10) установить за обнаружение тайной продажи и покупки крепких напитков вознаграждение из имущества виновных от 25 до 300 руб. каждому открывателю.

Знакомый с условиями нашего государственного хозяйства, зная, что на доход с казенной продажи питей в русском государстве содержатся армия и флот, я не могу, конечно, предполагать возможным внезапное лишение правительства доходов от продажи спиртных напитков. Но необходимо изыскать меры к соглашению интересов государственного казначейства с еще более важными интересами всего населения, нуждающегося в оздоровлении.

На основании вышеприведенных цифровых данных количество потребляемой в России водки, сравнительно со многими европейскими державами, незначительно: в этом отношении Россия занимает лишь 11-е место. Только население нескольких более мелких держав, в том числе Норвегии, пьет водки менее, чем пьют в России. Общая средняя норма выпиваемой водки на душу населения тоже не велика: 0,5 ведра в год. Но эти цифры получат иное значение, если выкинуть детей и женщин; тогда выйдет, что на душу пьющих мужчин, в возрасте от 20 до 60 лет, придется от 1 *1/4* до 1,5 ведра водки на человека. Если бы крестьяне пили ежедневно, то приходилось бы в день на каждого менее так называемой «двухсотки» [224], из которой выходит около 2 средней величины рюмок, употребляемых городским населением.

Но в действительности крестьяне пьют далеко не каждый день и иногда всего несколько дней в месяц и через это выпивают одновременно полбутылки и бутылку водки на человека. Как говорили мне многие крестьяне, им, кроме привычных пьяниц, довольно полбутылки водки, чтобы быть пьяными; даже если на каждого из пьющих придется по ведру в год, то и тогда возможно будет напиться 40 раз в год.

Несравненно хуже обстоит дело в губерниях с развитой промышленностью; там на душу приходится до 1,5 ведра, а на пьющего в семье человека — до 3—4 ведер в год. Даже при 3 ведрах в год ежедневно на долю каждого придется *1/2* часть бутылки, т. е. 1 стакан водки, а при употреблении водки большими порциями, по бутылке в день, возможно иметь 60 пьяных дней в году, а по полбутылки — 120 дней.

Поэтому, как ни малы средние нормы, приходящиеся на человека, но, по бытовым особенностям нашего населения, и они представляются очень опасными для народного организма.

Думать о возможности в короткий срок совершенно прекратить потребление водки не стоит. Если бы правительство отказалось от продажи водки и запретило ее употребление, то население само выдумало бы какой-либо опьяняющий напиток, еще более вредный, стало бы пить разные настойки на травах, одеколон, денатурированный спирт и проч.

Только последовательными мерами по уменьшению количества поступающих в продажу спиртных напитков, в связи с мерами по подъему благосостояния населения и мерами борьбы с

пьянством со стороны самого общества, можно достигнуть как понижения среднего размера потребления водки, так и уменьшения числа пьяных.

В этих видах, казалось бы, на ближайшие годы, примерно на ближайшие 15 лет, можно поставить целью деятельности правительства *понижение среднего душевого потребления водки наполовину, т. е. переход с 0,5 ведра на душу на 0,25 ведра. Тогда мы приблизимся к норме потребления водки в Норвегии, т. е. станем в ряду наименее потребляющих спиртные напитки наций.*

Выше было указано, что, по исчислению проф. Озерова, доход со спиртных напитков составляет 33 % нашего приходного бюджета. Но и в Англии и Америке питейный доход поднимается до 27 %[225]. Отказаться в короткое время от 0,5 млрд дохода, не заменив его другими поступлениями, по огромному количеству неотложных нужд, нельзя. Переложить эту сумму на все население путем увеличения существующего податного обложения несправедливо и не улучшит положения населения, потому что на эту массу и падет главным образом выплата этих 500 млн руб.

Справедливее, чтобы эти деньги платили только пьющие, а не все население, пьющее и не пьющее водку. Поэтому, чтобы интересы казны не пострадали, представляется необходимым вместе с уменьшением количества выпускаемой в продажу водки увеличить ее стоимость в таком размере, чтобы доход казны был примерно фиксирован в сумме 0,5 млрд руб.

По мнению специалистов, водка в 40 % слишком крепка и разрушительно действует на организм, поэтому желательно постепенно уменьшить крепость водки до 35 %.

Так как правительство задается целью уменьшить пьянство, то оно должно будет идти навстречу самому обществу, если им будут приниматься меры к ограничению употребления водки.

Поэтому в тех случаях, где общества, сельские или волостные, выносят приговор о закрытии тех или других мест казенной продажи (ближайших к деревням, жители которых составили приговор), эти казенные лавки необходимо закрывать.

Ныне, по объяснениям, данным мне на выставке по борьбе с пьянством, министерство финансов само идет навстречу этой нужде и уже признает возможным удовлетворять примерно 50 % всех поступивших ходатайств о закрытии казенных винных лавок. Наконец, необходимо вовсе прекратить в казенных винных лавках раздробительную продажу в посуде емкостью в *1/40,1/100* и *1/200* часть ведра. Принимая в расчет ежегодный прирост населения России, превышающий ныне 2 млн душ, через 15—18 лет население возрастет примерно на 22—25 %.

Поэтому, если в течение 15—17 лет постепенно сократить количество выпускаемой в продажу водки на *1/3* часть, то к 1925—1927 годам общее количество водки, выпускаемой в продажу, с 75 млн ведер уменьшится до 50 млн ведер, а население будет близко к 200 млн душ, что и даст в среднем на душу по 0,25 ведра вместо 0,50 ведра, приходящихся на душу в настоящее время.

Продажную цену водки, по мере уменьшения выпуска ее в продажу, можно увеличивать в таком размере, чтобы получаемый ныне казной доход в 500 млн руб. оставался неизменным. Через 15 лет стоимость водки увеличится в 1 1/2 раза, бутылка водки вместо 40 коп. будет продаваться уже за 60 копеек; цена эта не так уж высока, приняв во внимание, что, например, в Норвегии литр водки стоит 1 руб. 62 к.

На основании всего вышеизложенного и принимая во внимание мнения, высказанные в печати и в Государственной Думе, казалось бы вполне возможным провести в жизнь, в целях уменьшения пьянства, реформу по казенной продаже водки, построенную на следующих главных основаниях:

Правительство задается целью уменьшить вдвое количество потребляемой ныне

населением водки, доводя потребление ее с 0,5 ведра в среднем на душу до *1/4* ведра. В этих видах принимаются следующие меры:

1) Количество выпускаемой в продажу водки постепенно в течение 15—16 ближайших лет уменьшается всего на *1/3* часть. По истечении этого или близкого к нему срока в продажу выпускается лишь 50 млн ведер на население, возросшее до 200 млн душ.

2) Цена выпускаемой в продажу водки постепенно увеличивается с расчетом сохранения общего размера годового питейного дохода в 500 млн руб. Цена водки может быть доведена до 12 руб. за ведро (60 коп. за бутылку).

3) Крепость водки постепенно уменьшается до 35 %.

4) Общее число мест продажи водки постепенно уменьшается на половину.

5) Приговоры сельских и волостных сходов о закрытии снабжающих их водкой винных лавок, по удостоверению правильности этих приговоров, приводятся в исполнение обязательно.

6) Против тайной продажи водки принимаются усиленные меры и значительно увеличивается наказание[226].

7) Принимаются меры к возможному увеличению потребления денатурированного спирта (на освещение и другие надобности).

Министр финансов, который избавил бы население России от отравы водкой в половинном размере, заслужил бы твердую и благодарную память потомства. Без принятия указанных выше решительных мер к ограничению потребления населением России водки все остальные меры к подъему духовных и материальных сил народа окажутся недействительными.

Одновременно с принятием мер против пьянства необходимо будет прекратить и премии за пьянство, назначаемые ныне нашими законами *в виде понижения наказания, если преступление было совершено в пьяном виде.* Если серьезно пожелают уменьшить в народе пьянство, то необходимо изменить закон в обратную сторону: признавать совершение преступления в пьяном виде обстоятельством, увеличивающим наказание.

Н. Вигдорчик заканчивает свой статью «Врачебные отклики» следующим признанием:

> «Если мы не отказываемся от паллиативов, то лишь постольку, поскольку сами эти паллиативы расчищают нам путь к нашей основной и главной цели: *созданию на земле истинно человеческой жизни»*[227].

Очевидно, русский народ, с уменьшением пьянства, сделает свой жизнь более человеческой и этим приблизит осуществление идеала автора «Врачебных откликов».

Но можно ли достигнуть этого идеала, не поработав ранее всего над усилением русского племени? Можно ли русскому племени, если его оставят в добычу другим народностям, при материальном и духовном порабощении, заниматься созданием на земле истинно человеческой жизни (без политических границ, без подразделения на племена, без армии и т. п.)?

Странно требовать от голодного человека, чтобы он ранее, чем насытиться самому, стал заботиться о благополучии своих ближних. Однако то, что странно казалось требовать от отдельного человека, было потребовано от целого народа.

Голодная в разных отношениях Россия в XIX столетии усердно работала для устройства «блаженства» других народов. Результаты налицо. Опыт, кажется, был достаточный, чтобы в XX веке ранее забот о создании на всей земле «истинно человеческой жизни» признать необходимым приложить все старания, чтобы хотя в России создать для русского племени просто сносные человеческие условия для жизни. Когда русский народ оправится и твердо станет на свои ноги, тогда он послужит и для других народов. Но и тут ему придется, в наступивший исторический период, служить не общечеловеческим целям, а более узким, но и

более необходимым. Русским помочь Европе отстоять свое мировое положение на других материках; вместе с Европой остановить движение готовящейся на Востоке азиатской волны.

Когда-нибудь, надо надеяться, и наступит то счастливое время, о котором мечтает автор статьи «Врачебные отклики». Без этой надежды будущее человечества представлялось бы слишком безотрадным. Но пока современная жизнь государств вынужденно проходит в других заботах. Готовятся всюду страшные средства разрушения. Вслед за землей и водой завоевывается, тоже в целях разрушения, воздух. Это направление деятельности наших западных и восточных соседей властно указывает ближайшие задачи и для России: будь сильна, или мы тебя раздавим и поглотим. Горе слабым, горе побежденным! Русскому народу необходимо стать сильным, чтобы сохранить Россию для русских, а для этого русскому народу, прежде всего, надо стать трезвым.

Отзывы о русской интеллигенции концаXIXвека

Россия уже двести с лишком лет тому назад вышла на путь, указанный ей Петром I, и стала учиться. Создались блестящие образованные верхи общества, создалась затем немощная телом и скорбная духом интеллигенция; но и вельможи XVIII века, и интеллигенция XIX века остались чужды простому русскому народу. Произошло это потому, что, хватаясь за верхи западных знаний и учений, наше так называемое образованное общество уходило от верований массы русского народа, уходило от его религиозности и самобытности. Попытки представителей интеллигенции «идти в народ» успеха не имели, потому что народ не только не понимал нового типа русских людей, но, усмотрев в них отрицание самых священных для него основ своего бытия, отнесся к ним враждебно.

В прошлом году напечатан сборник статей о русской интеллигенции, под общим заглавием «Вехи». Советую всем, имеющим власть, особенно стоящим близко к учебному ведомству, внимательно прочесть этот труд. Есть, конечно, преувеличения, но многое, что в каждом из нас таилось в форме предположений, мыслей, нашло в этом сборнике освещение, подвергнуто анализу, определилось. Изложенные в сборнике факты и выводы производят тяжелое впечатление. Но польза получается большая: зная причины и ход болезненных явлений, вызвавших немощность нашей интеллигенции, можно обдумать и меры к лечению этой болезни. Болезнь опасна, но не смертельна, потому что жизнь вдет вперед и одно поколение неизбежно сменяет другое. Для истории великого государства жизнь и деятельность одного из поколений редко имеют особую важность. Эти редкие случаи выпадают на долю тех поколений, которым пришлось, воспользовавшись трудами поколений предыдущих, героическими усилиями двинуть свой страну на особую высоту в духовном, в материальном или политическом отношениях. Такие счастливые поколения проявляли свой мощь в разные века в Греции, в Риме, в Англии, Франции и в последнее время проявили мощь в Германии и в Японии. Россия еще ждет своей очереди. Вот почему, даже не возлагая особых упований на живущее ныне в России поколение, необходимо начать упорную борьбу, чтобы подрастающее поколение и последующие за ним развивались в такой школе и в такой жизненной обстановке, при которых тяжкие недуги современной интеллигенции не передались бы по наследству и этому новому поколению.

50 лет тому назад, вслед за освобождением крестьян, в русском образованном обществе замечался большой духовный подъем. Общество стало интересоваться такими вопросами, которые ранее для него были чужими. Потребность знания и притом не метафизического, а реального, охватила учащуюся среду. С естествознанием возились и солидные люди, и юноши.

Даже в кадетских корпусах физиология Льюса, труды Молешота, Бока, Сеченова, Дарвина перемешивались с трудами Бокля, Спенсера, Ляйеля, Ренана и др. Белинский, Добролюбов, Достоевский, Чернышевский, Писарев будили мысль, вызывали горячие споры. Одновременно чудные произведения Л. Толстого, Тургенева, Гончарова захватывали и ум, и сердце. Будучи в 186 4—1866 годах юнкером военного училища, вспоминаю, какие горячие прения велись, например, о типах новых людей. Как горячо обсуждались типы Чернышевского: Кирсанов, Лопухов, Рахманов и Вера Павловна; с типом Тургенева — Базаровым — носились несколько лет. Обсуждались позже типы заграничные, школ Шульче-Делича и Лассаля (Лео, Вальтер, Туски, — «Один в поле не воин», Шпильгагена).

Хотя новое направление мысли черпалось из западного источника, но у молодежи существовало горячее и искреннее желание помочь России, помочь в особенности простому русскому народу.

Если бы правительство сумело овладеть в то время этим движением и принять на себя руководство им, то многое могло бы измениться к лучшему на Руси, в особенности в русской деревне. Но жаждущая подвига молодежь и правительство очутились в двух лагерях и открыли друг против друга враждебные действия. Молодежь понесла в народ отрицание религии и правительственной власти. Правительство ответило приданием школе политического характера. Толстой, путем задалбливания латыни и греческого языка, задумал 40 лет тому назад осчастливить Россию, обратив гимназии в фабрики для выделки *«скромных молодых людей».* В главе XXXII изложено, какой результат дала эта школа, в главных основаниях продолжающая, к сожалению, действовать и поныне.

Люди первого поколения толстовской школы ныне состарились, а их дети в настоящее время и составляют ту современную интеллигенцию, о которой я буду говорить ниже.

В сборнике «Вехи», в статье С. Булгакова «Героизм и подвижничество», помещены интересные сведения о происхождении русского атеизма. Автор пишет:

> «Он усвоен нами с Запада (недаром он и стал первым членом символа веры нашего западничества). Его мы приняли, как последнее слово западной цивилизации, сначала в форме вольтерьянства и материализма французских энциклопедистов, затем атеистического социализма (Белинский), позднее материализма 60-х годов, позитивизма, фейербаховского гуманизма, в новейшее время экономического материализма и самые последние годы — критицизма.
>
> Нет интеллигенции более атеистической, чем русская. Атеизм есть общая вера, в которую крещаются вступающие в лоно церкви интеллигентски-гуманической, и не только из образованного класса, но и из народа. И так повелось изначала, еще с духовного отца русской интеллигенции Белинского. И как всякая среда вырабатывает свои привычки, свои верования, так и традиционный атеизм русской интеллигенции сделался как бы самой собой разумеющейся ее особенностью, о которой даже не говорят, признаком хорошего тона. Известная образованность, просвещенность есть в глазах нашей интеллигенции синоним религиозного индиферентизма и отрицания. Об этом нет споров среди разных фракций, партий, «направлений», это все их объединяет. Этим пропитана насквозь, до дна, скудная интеллигентская культура, с ее газетами, журналами, направлениями, программами, правами, предрассудками, подобно тому, как дыханием окисляется кровь, распространяющаяся потом по всему организму. Нет более важного факта в истории русского просвещения, чем этот. И вместе с тем приходится признать, что русский атеизм отнюдь не является сознательным отрицанием, не есть плод сложной, мучительной и продолжительной

работы ума, сердца и воли, итог личной жизни. Нет, *он берется чаще всего на веру.*

Веру эту разделяют и ученые, и неученые, и старые, и молодые. Она усвояется в отроческом возрасте, который биографически наступает, конечно, для одних ранее, для других позже. В этом возрасте обыкновенно легко и даже естественно воспринимается отрицание религии, тотчас же заменяемой верой в науку, в прогресс. Наша интеллигенция, раз став на эту почву, в большинстве случаев всю жизнь так и остается при этой вере, считая эти вопросы уже достаточно разъясненными и окончательно порешенными, загипнотизированная всеобщим единодушием в этом мнении. Отроки становятся зрелыми мужами, иные из них приобретают серьезные научные знания, делаются видными специалистами и в таком случае они бросают на чашку весов в пользу отрочески уверованного, догматически воспринятого на школьной скамье атеизма свой авторитет ученых специалистов, хотя бы в области этих вопросов они были нисколько не более авторитетны, нежели каждый мыслящий и чувствующий человек. Таким образом, складывается духовная атмосфера и в нашей высшей школе, где формируется подрастающая интеллигенция»[228].

И далее:

«Многие удивленно стоят теперь перед переменой настроений, совершившейся на протяжении последних лет, от настроения героически революционного к нигилистическому и порнографическому, а также пред этой эпидемией самоубийств, которую ошибочно объяснять только политической реакцией и тяжелыми впечатлениями русской жизни.

Но это чередование и эта истеричность представляются естественными для интеллигенции, и сама она не менялась при этом в своем существе, только полнее обнаружившемся при этой смене исторического праздника и будней; лжегероизм не остается безнаказанным. Духовное состояние интеллигенции не может не внушать серьезной тревоги. И наибольшую тревогу возбуждает молодое, подрастающее поколение и особенно судьба интеллигентских детей. Безбытная, оторвавшаяся от органического склада жизни, не имейщая собственных твердых устоев интеллигенция, со своим атеизмом, прямолинейным рационализмом и общей развинченностью и беспринципностью в обыденной жизни передает эти качества и своим детям, с той только разницей, что дети наши даже и в детстве остаются лишены тех здоровых соков, которые получали родители из народной среды. Боюсь, что черты вырождения должны проступать при этом с растущей быстротой.

Крайне непопулярны среди интеллигенции понятия *личной* нравственности, *личного* самоусовершенствования, выработки личности (и, наоборот, особенный, сакраментальный характер имеет слово *общественный)»*[229].

«Известен также и космополитизм русской интеллигенции. Воспитанный на отвлеченных схемах просветительства, этот космополитизм пустоты, отсутствие здорового национального чувства, препятствующее и выработке национального самосознания, стоит в связи с вненародностью интеллигенции»[230].

Посмотрим, чем заявляют себя дети «скромных молодых людей», которыми наградил Россию недоброй памяти министр Толстой.

В статье «Об интеллигентной молодежи» А. Изгоева приведены следующие данные:

В Москве был произведен по некоторым пунктам опрос около 2 тыс. студентов и одним из профессоров опубликованы ответы их.

60 % отцов опрошенных студентов получили образование не ниже среднего.

Половина студентов удостоверила отсутствие всякой духовной связи с семьей.

Но и у тех студентов, которые признали наличность близости с родителями, она ни в чем серьезном не выражается.

«Например, на вопрос, имела ли семья влияние на выработку этических идеалов, эстетических вкусов товарищества и т. д., из 2150 опрошенных дали ответ только 1706 студентов. Из них 56 % отвергли влияние семьи и только 44 % признали его наличность.

Из 1794 студентов, ответивших на вопрос, имела ли семья влияние на выработку определенного мировоззрения, 58 % дали ответ отрицательный и 42 % — положительный.

На вопрос, имела ли семья влияние на сознательный выбор факультета, ответили 2061 студент. Только 16% ответивших указали, что такое влияние было, а 84 % его отрицали. *2/3* студентов отвергли влияние семьи на выработку уважения к женщине.

3/4 ответивших студентов указали, что семья совершенно не руководила их чтением. А из той *1/4* , которая признала наличность такого руководства, 73 % ответили, что оно наблюдалось лишь в детском возрасте и только у остальной горсти (у 172 студентов из 2094) семья руководила чтением и в юношеском возрасте. *У русской интеллигенции семьи нет.* Наши дети воспитательного влияния семьи не знают, в крепких семейных традициях не почерпают той огромной силы, которая выковывает, например, идейных вождей английского народа. Переберите в памяти наиболее известных наших прогрессивных общественных, литературных и научных деятелей, особенно из разночинцев, и поставьте вопрос, много ли среди них найдется таких, которые бы создали крепкие прогрессивными традициями семьи, где бы дети продолжали дело отцов своих. Мне кажется, что на этот вопрос возможен лишь один ответ: таких семей, за редчайшими разве исключениями (которых я припомнить не могу), нет. Я не принадлежу к поклонникам ни славянофилов, ни русского дворянства, роль которого кончена и которое обречено на быструю гибель, но нельзя же скрывать, что крепкие идейные семьи (например, Аксаковы, Хомяковы, Самарины) в России были пока только среди славянофильского дворянства. Там, очевидно, были традиции, было то единственное, что воспитывает, существовали положительные ценности, тогда как в прогрессивных семьях этого не было, и дети талантливейших наших прогрессивных писателей, сатириков, публицистов начинали с того, что отвертывались от своих отцов.

Наша семья, и не только консервативная, но и передовая, семья рационалистов поражает не одним своим бесплодием, неумением дать нации культурных вождей. Есть за ней грех куда более крупный. *Она неспособна сохранить даже просто физические силы детей,* предохранить их от раннего растления, при котором нечего и думать о каком-либо прогрессе, радикальном переустройстве общества и прочих высоких материях.

Огромное большинство наших детей вступает в университет уже растленными. Кто из нас не знает, что в старших классах гимназий уже редко найдешь мальчика, не познакомившегося либо с публичным домом, либо с горничной. Мы так привыкли к этому факту, что перестаем даже сознавать весь ужас такого положения, при котором дети не знают детства и не только истощают свои силы, но и губят в ранней молодости свой душу, отравляют воображение, искажают разум. Не говорю об Англии и Германии, где, по общим признаниям, половая жизнь детей культурных классов течет нормально и где развращение прислугой детей представляет не обычное, как у нас, но исключительное явление. Даже во Франции, с именем которой у нас соединилось представление о всяких половых излишествах, даже там, в этой стране южного

солнца и фривольной литературы, в культурных семьях нет такого огромного количества половых скороспелок, как в северной, холодной России…

По данным упоминавшейся уже анкеты из 967 студентов, указавших точное время своих первых половых сношений, 61 % юношей начали их не позднее 17 лет, причем 53 мальчика начали их в возрасте до 12 лет, 152 ребенка в возрасте до 14 лет.

Присоедините сюда другое опасное для расы зло — онанизм. *3/4* ответивших на этот вопрос студентов (около 1600 человек) имели мужество сознаться в своем пороке. Сообщаемые ими подробности таковы: 30 человек начали онанировать до 7 лет, 440 — до 12 лет!

Второе место после семьи в жизни интеллигентного ребенка занимает школа. О воспитательном влиянии нашей средней школы много говорить не надо: тут двух мнений не существует. И если читателей интересуют цифры московской анкеты, то укажем, например, что из 2081 опрошенных студентов 1791 (т. е. 86 %) заявили, что ни с кем из учебного персонала средней школы у них не было духовной близости»[231].

Можно ли оставаться спокойными при наличии таких фактов? Таковы результаты толстовской школы и разных других вредных влияний с Запада. Значение семьи падает не только у крестьян, но и у интеллигентов; физическое ослабление замечается не только в деревне, но и среди учащейся молодежи. Преждевременная половая жизнь и половые пороки подтачивают молодые организмы. Ни школа, ни семья воспитанием молодежи не заняты. Но, быть может, наша молодежь усердно учится? Вот что по этому поводу пишет А. Изгоев:

«Русская молодежь мало и плохо учится, и всякий, кто ее искренно любит, обязан ей постоянно говорить это в лицо, а не петь ей дифирамбы, не объяснять возвышенными мотивами социально-политического характера того, что сплошь и рядом объясняется слабой культурой ума и воли, нравственным разгильдяйством и привычкой к фразерству.

Превосходство русского студенчества над студентами англо-американскими льстецы нашей молодежи основывают на том, что английские студенты на первый план выдвигают спорт и заботу о своих мышцах, что из них вырабатывается мускулистое животное, чуждающееся каких-либо духовных интересов. Это опять-таки неправда. Конечно, в быте английских студентов есть много традиционно английского, что русскому покажется странным, даже недостойным интеллигентного человека. Но нельзя все-таки упускать из виду, что английское «мускулистое животное», о котором с таким презрением говорят наши интеллигенты, во многих отношениях составляет недосягаемый идеал для русского интеллигента. Английский студент, прежде всего, здоров. В английских университетах вы не найдете, как среди русской революционной молодежи, 75 % онанистов. Английский студент в огромном большинстве случаев не знает публичных домов. Про русских передовых студентов вы этого не скажете. Английское «мускулистое животное» подходит к женщине с высокими чувствами и дает ей физически здоровых детей. В Англии «интеллигенция» есть, прежде всего, и физический оплот расы: она дает крепкие, могучие человеческие экземпляры. В России самая крепкая физически часть нации, духовенство, пройдя через интеллигенцию, мельчает и вырождается, дает хилое, золотушное, близорукое потомство.

Немецкий студент, «бурш», с его корпорациями, ничего, конечно, кроме чувства презрения, в русском передовом студенте не возбуждает. Но не надо и тут преувеличивать. Лично я всего только один раз видел пирующих немецких корпорантов. Зрелище не из приятных и отвечающее в общем тому, что о нем пишут. Но должен сказать, что это глупое веселье все же не возбуждало во мне такого тяжелого чувства, как попойки русских передовых студентов, кончающиеся, большей частью, ночной визитацией публичных домов. Самое тягостное в этих попойках и есть эта невозможная смесь разврата и пьянства с красивыми словами о несчастном народе, о борьбе с произволом и т. д. Бурш пьянствует, глупо острит, безобразничает, но он не рядит своего

пьяного веселья в яркие одежды мировой скорби. Перевертывая вывески и разбивая фонари, он и сознает, что буянит, а не думает, что протестует против современного строя. У нас же и в кабаках, и в местах похуже передовые студенты с особой любовью поют и «Дубинушку», и «Укажи мне такую обитель»[232].

Надо, чтобы статью А. Изгоева прочли все отцы и матери детей и юношей, обучающихся ныне в наших учебных заведениях. Еще важнее, чтобы статья эта врезалась в память тех матерей и отцов, которые еще готовят своих детей в среднюю школу и в университет.

Какой духовный уровень имеют образованные классы в той или другой стране, такой же уровень окажется и в армии — в корпусе офицеров. Вот почему недочеты нашей интеллигенции во второй половине прошлого столетия отразились и ослабили офицерский состав нашей армии, внеся и в офицерскую среду дух отрицания, нервность, недовольство своим положением и понижение религиозности.

К счастью для России, в среде русской интеллигенции и учащейся молодежи уже начинается борьба против явлений, указанных в сборнике «Вехи». Очень важно оказать полную поддержку этому движению и в этих видах поспешить с переустройством русской школы.

Необходимость переустройства русской школы

Русская школа нуждается в переустройстве, главным образом, по следующим причинам:

1) Русская школа мало патриотична, она не сообщает населению достаточного знания России и любви к своей родине.

2) Русская школа не имеет достаточного воспитательного характера в целях поддержания основ, на которых создалась русская земля: преданности вере, царю и родине.

3) Русская школа не сообщает населению достаточных знаний утилитарного характера, для лучшего использования его труда в различных сферах деятельности.

В низших школах сообщаются начальные сведения; дают эти школы большое число малограмотных людей, скоро забывающих то, чему их учили: читать и писать.

Средняя школа служит скорее ступенью к высшему образованию, чем для подготовки к практической жизни. Масса труда затрачивается в средней школе на бесполезное изучение мертвых языков. Воспитательного характера средняя школа почти не имеет.

Высшая школа—университеты—поставлены так, что учащиеся в них могли по несколько лет подряд не учиться, а заниматься политикой. Но и ныне, когда занятия возобновились, масса студентов занимается вполне недостаточно, не систематично, редко посещает лекции, не проникнута сознанием необходимости для дальнейшей жизни тех знаний, которые должны быть усвоены в университетах, и добивается прав, которые дает окончание университета, но не прочных знаний.

Профессиональных школ — высших, средних и низших — совершенно недостаточно, хотя занятия в существующих из них идут лучше, чем в гимназиях и в университетах.

В особенности ничтожно число школ, дающих сельскохозяйственные знания, да и те школы, которые имеются, переживают переходное время, ибо для масс земледельческого населения они непосредственной пользы приносят мало.

Профессиональных кустарных школ тоже совершенно недостаточное количество.

4) Русская школа не только не развивает физических сил учеников, но недостаточно охраняет и те силы и здоровье, с которыми ученики вступают в школу. Вместо жизнерадостных, крепких телом и духом детей и юношей современная школа дает большое число хилых неврастеников, мало пригодных для энергичной, практической жизни и мало пригодных для армии.

Современная армия самым тесным образом связана с населением. Неправильно поставленная школа в России отражается самым невыгодным образом и на армии как по

отношению к нижним чинам, так и по отношению к офицерам. В зависимости от постановки школы в России подготовка армии к выполнению задач, кои на армию возлагаются, или облегчается, или затрудняется. Эти задачи на XX столетие могут оказаться выполнимыми для нашей армии только в том случае, если русская школа облегчит подготовительную в мирное время работу в армии, подняв умственное развитие населения, поддержав его физическое развитие и охранив в населении преданность вере, царю и родине.

Выше было указано, что в конце прошлого столетия только половина офицеров нашей армии получили образование не ниже среднего. Из этой категории большинство окончили общее образование в кадетских корпусах, но другая половина офицерского состава обучалась до поступления в юнкерские училища в различных школах, гимназиях, реальных училищах, причем не осилила, по тем или другим причинам, полного курса средней школы. В особенности классические гимназии, из-за вредного увлечения ненужными для жизни мертвыми языками, выбрасывала на улицу за неуспешность большое число учеников, которые частью и попадали в юнкерское училище. Военное ведомство не может проводить весь офицерский состав через кадетские корпуса. Поэтому и в будущем, принимая во внимание и прапорщиков запаса, значительная часть офицерского состава армии будет получать общее образование в школах гражданского ведомства. Отсюда очевидна важность для армии, чтобы эти школы давали офицеров, духовно и физически здоровых.

В современной армии растут требования не только от офицерского состава, но и от нижних чинов. Как ранее, так и ныне для ведения боя, прежде всего, требуется прочная нервная система; если можно, то — *отсутствие нервов,* — так велико напряжение современного боя. Но прежде, когда бой велся развернутыми линиями войск или колоннами, индивидуальное развитие нижних чинов могло находиться на низком уровне. По мере того, как усложнялся бой, усиливались требования и от отдельного бойца. В особенности повысились требования от унтер-офицеров, которым приходится руководить в бой несколькими десятками нижних чинов, а за убылью офицеров заменять их. Между тем сокращение сроков службы лишило армию возможности приготовить хорошего унтер-офицера из неграмотного новобранца. Отсюда вытекает важность правильно поставленной для населения низшей школы. Огромной важности для армии вопрос — унтер-офицерский — тесно связан, таким образом, с низшей школой. Существующие ныне низшие одноклассные школы, министерские и церковно-приходские, не дают новобранцев, достаточно грамотных для комплектования унтер-офицеров. Многие новобранцы из окончивших обучение в этих школах поступают в части войск, забыв в значительной степени то, чему их учили в школе в течение трех лет.

Огромное развитие технических знаний находит ныне широкое применение и в армии. Наши технические войска — саперные, понтонные, железнодорожные батальоны, минерные и воздухоплавательные части, технические заведения, мастерские комплектуются по нужде новобранцами, не получившими никакой профессиональной подготовки, ни теоретической, ни практической.

Развитие профессиональных школ облегчит удовлетворение и этой важной нужды армии.

Армия в случае общей мобилизации и продолжительной войны обращается в вооруженный народ, заключающий в себе несколько миллионов человек, прошедших низшую, среднюю и высшую школы. Отсюда очевидно огромное влияние школы на боевую деятельность армии. Современные бои требуют от бойцов крайнего напряжения моральных и физических сил, требуют приложения всевозможных знаний, требуют применения самых разнообразных технических сил и средств. Но в особенности современные бои требуют непоколебимой стойкости, упорства, боевого одушевления и готовности жертвовать для достижения успеха жизнью. Самоотверженная деятельность войск для достижения успеха должна быть поддержана

настроением всего народа, ведущего войну.

Только при правильно поставленной школе во всех степенях ее, только при школе патриотического направления население в случае войны, по призыву верховного вождя русской армии и русского народа, сольются в одном могучем, дружном усилии и восстанут, как один человек, не жалея жизни, на защиту своей родины.

В главе XXXV изложено, что немецкие военные авторитеты для достижения победы признают необходимым «примером, словом и в печати содействовать тому, чтобы верность престолу и пламенная любовь к отечеству все более и более крепли и увеличивались в немецких сердцах»[233].

Другой военный писатель в основу организации германской армии признает необходимым положить «высочайшую, неограниченную, искреннюю, готовую к жертвам любовь к императору и отечеству»[234].

Но для русского народа для одержания победы этих двух двигателей к подвигу — любви к государю и к родине — недостаточно. Во все времена русский народ совершал свои подвиги и жертвовал собой не только за царя и родину, *но и за веру*.

Немцы уже признают возможным не причислять веру к наиболее сильным двигателям народных масс к самоотверженному подвигу, но роковой ошибкой будет признать, что и русский народ ныне по западному образцу тоже пойдет на подвиг, не опираясь, подобно своим предкам, на веру в Промысел Божий. Наша школа, под влиянием западных отрицательных учений, за последние 50 лет уже немало ослабила эту веру не только среди образованного класса общества, но и среди населения, что не могло не отразиться и на армии. Против этого явления, ухудшающего в очень сильной степени боевые достоинства нашей армии, необходимо начать энергичную борьбу. Усилия одного духовенства, не поддержанные школой всех видов и степеней и семьей, большого успеха иметь не будет. Поэтому при переустройстве русской школы в числе основных ее задач необходимо поставить охрану и развитие религиозного чувства у детей и юношей.

Все вышеизложенное приводит к выводу, что ныне нельзя медлить с капитальным переустройством нашей школы. Вместе с борьбой против пьянства эти меры более всего могут помочь подъему духовных сил русского народа.

Вопрос о постановке образования в России на новых основаниях в высшей, средней и низшей школах так серьезен, что требует специального исследования. Относительно школьного дела в России позволю себе высказать следующие мысли: в «России для русских», очевидно, и школы всех типов прежде всего должны преследовать задачи, важные для русского племени. Такими задачами, прежде всего, должны служить поддержание и развитие тех основных верований русского народа, с которыми он победил все препятствия и создал могущественное государство. Эти верования неоднократно повторялись в моем труде; они суть: вера в Бога, преданность государю и любовь к родине. Современная интеллигенция попробовала обойтись без этих устоев и в результате разошлась с русским народом, захирела умственно и физически.

Затем школа в разных стадиях должна представлять законченный объем знаний, важный для практической жизни. Преобладающее число школ должно носить профессиональный характер.

Школы всех типов должны иметь не только образовательное, но и воспитательное значение.

Наконец в школах всех типов физическое развитие детей и юношей должно идти параллельно с умственным развитием. Правительственные школы всех типов, закрытые ныне для детей, неспособных к умственному развитию, должны быть закрыты и для детей неспособных к физическому развитию, детей, одержимых физическими пороками или

наследственными болезнями. Правительственные школы должны отказаться от задачи подготовки для жизни неврастеников.

20 февраля 1907 года министр народного просвещения внес в Государственную Думу предложение (№ 5027) *о введении общего начального обучения в Российской империи.*

В настоящее время в России имеется 88 тыс. низших школ с 5200 тыс. обучающихся. Требуется почти утроить это число учеников. Потребный расход в год, при введении в России всеобщего начального обучения, по расчетам министерства народного просвещения должен был составить до 120 млн руб. в год. Ввиду значительности этого расхода министерство народного просвещения испрашивало в 1907 году дополнительный отпуск на усиление низшего образования лишь 5,5 млн руб. и 40 млн руб. на постройку училищных зданий. Предполагалось введение всеобщего обучения произвести в течение 10 лет.

В Петербурге существует «Лига образования». Председатель этой лиги, Генрих Адольфович Фальборк[235], издал в 1908 году труд под заглавием «Всеобщее образование в России».

Выступив противником проекта начального обучения, составленного министерством народного просвещения, Г. Фальборк предлагает заменить его проектом, составленным под его руководством «Лигой образования».

По-видимому, Г. Фальборк придает огромное значение работам «Лиги образования» и считает, что русское общество сочувствует идеям, проводимым председателем и членами лиги относительно вообще школьного образования в России. По мнению Г. Фальборка, *«проект „Лиги образования“ является отражателем того, что живет в сознании каждого гражданина страны»*[236].

Такое заявление обязывает внимательно отнестись к тем предложениям, которые «Лига образования» полагает необходимым положить в основание плана переустройства всей русской школы.

По словам Г. Фальборка, ныне существуют два течения в школьном вопросе: одни признают необходимым полную реорганизацию школьного дела, другие довольствуются частичными изменениями и исправлениями. «Лига образования» стоит за полную реорганизацию школы. Основные положения переустройства школы по проекту «Лиги образования» должны заключаться в следующем:

Целью школы во всех степенях ее ставится «здоровое развитие индивидуальности». Европейские школы не удовлетворяют Г. Фальборка и его единомышленников, потому что «в европейской школе личность порабощена и задавлена». Школа в России должна преследовать свободное образование с лозунгом: «никакой политики в школе». Для политически свободного народа не может быть классовых отличий в области школы.

Воспитание должно принадлежать не школе, а семье и обществу. Задачей же школы должно быть только образование и приобретение материала для самовоспитания человека. Задачей школы должно быть «культурное развитие человека, а ни в каком случае не подготовка агентов для того или другого строя общества или государства.

«Никакие религиозные учения не должны быть предметом изучения в школе. Религия должна быть предметом изучения лишь для тех, кто посвятил себя служению ей. Казенной веры не надо.

Школьное преподавание должно вестись на родном языке учащихся, пока это позволяет культура и язык данного народа. Только такое решение вопроса о языке может дать правильное направление школе».

Вмешательство государства в школьное образование должно быть доведено до minimum'a. Строй народного образования должен быть основан на безграничной свободе.

Необходимо, по мнению Г. Фальборка, уничтожить все привилегии, связанные с получением образования в той или другой степени, так как образование должно быть свободно от каких-либо чуждых ему понятий и интересов. Школа должна быть доступна для всех лиц, независимо от их религии, национальности, сословия.

Обучение должно быть во всех школах бесплатным.

Школы, по проекту «Лиги образования», должны быть трех степеней. Школы первого и второго разрядов составляют низшую ступень образования.

Низшая школа первой степени, соответствующая нынешней элементарной, низшей школе, предлагается с четырехгодичным курсом. В круг предметов этой школы входят: родной язык, арифметика, мироведение, пение, рисование, лепка.

Эта школа даст лишь самые элементарные основы образования. Все церковно-приходские школы обращаются в низшие школы первой степени с исключением преподавания Закона Божьего.

Школа второй степени проектируется тоже с четырехлетним курсом и соответствует городским училищам, а также прогимназиям, т. е. захватывает и младшие классы гимназий. Эта школа должна ввести ребенка в область действительного знания. Одним из главных предметов предложена геометрия, затем арифметика, начала алгебры, география и история, особенно — география и история своей страны, начатки обществоведения и изучение одного из иностранных языков. Такая школа может дать своему питомцу законченное образование.

Школы третьей степени составляют старшие классы гимназии. Курсы — три года. «Кроме математики, географии, истории литературы, естественных наук, серьезного изучения одного из новых языков, в связи с его историей и литературой, здесь должно быть дано место изучению одного из классических миров. Прошедший школу третьей ступени должен быть человеком с вполне законченным образованием, могущим сознательно выбрать свое жизненное поприще.

Следующей ступенью общего образования должны быть высшие рассадники науки и искусства — университеты.

Университет должен быть местом изучения науки и искусства *для всех желающих.* В университете нет ни учителей, ни учеников, а есть лишь старшие и младшие товарищи по науке. Школа должна быть обеспечена от исключительного влияния сильных общественных организаций. При разнообразии племенных, бытовых и иных условий такой огромной территории, как Россия, такое влияние особенно нежелательно».

«Государство, как сильнейшая организация, должно быть освобождено от непосредственного управления образованием».

Заведывание школами всех трех степеней передается земству.

«В интересах всеобщего образования избирательное право местного самоуправления должно быть сделано всеобщим, а земское положение расширено и распространено на всю Россию.

Школы первой степени рассчитываются для каждого уезда отдельно на всех детей, достигших школьного возраста. Наивысший район школы первой степени определяется площадью не свыше 15 кв. верст».

Школы второй степени рассчитываются на *1/5* , школы третьей степени на *1/20* и высшие учебные заведения на *1/60* числа лиц данных возрастных групп.

Из школ второй степени поступают в заведения типа учебных мастерских. Из школы третьей степени поступают в высшие специальные заведения.

О специальном и профессиональном образовании в проекте «Лиги образования» сказано очень мало. Весь проект устанавливает лишь общее образование, причем все три степени школ находятся в непосредственной связи одна с другой.

Поступление в следующую степень школы совершается без экзаменов.

Учебным возрастом признается возраст от 8 до 22 лет. Обучение в школах первой и второй степеней идет с 8 до 15-летнего возраста. Высшее образование в школе третьей степени — 3 года и в университете — 4 года идет с 15 до 22 лет.

Школу первой степени должны пройти все.

В школе второй степени учащийся приобретает более основательные и всесторонние знания, значительно расширяющие его умственный горизонт и *«чрезвычайно благотворно отражающиеся на подъеме производительности народного труда во всех областях: в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и вообще на всем экономическом благосостоянии населения»*[237].

Относительно подробного числа школ и стоимости их содержания в труде Г. Фальборка приведены следующие данные:

В настоящее время в школах первой степени, как указано выше, обучается 5200 тыс. учеников, а требуется, чтобы их обучалось 15 млн человек. В настоящее время имеется 88 тыс. низших школ, требуется иметь 154 тыс. школ первой степени (трех типов — на 35, 80 и 160 учеников).

Школ второй степени требуется 17 300, из них на сельскую Россию приходится 15 200 на 18 тыс. волостей. Почти в каждой волости будет по одной школе второй степени.

Школ третьей степени будет 2100. Каждый город будет иметь по школе этого типа.

Высших учебных заведений будет 41.

На выполнение этой программы потребно ежегодно расходовать:

На школы первой степени — 222 млн руб.

На школы второй степени — 139 млн руб.

На школы третьей степени — 38 млн руб.

На высшие школы — 26 млн руб.

На открытие учительских семинарий — 7400 тыс. руб.

Всего 432 млн руб. в год; из них на долю государства относится 316 млн руб. и на местные источники 116 млн руб.

При выяснении вопроса об источниках для покрытия расходов Г. Фальборк без лишних объяснений признает возможным сократить сметы военного и морского министерств на 72 млн руб. и смету министерства путей сообщения—на 96 млн; обратив затем на нужды школы всю смету на церковно-приходские школы — 10 млн руб., Г. Фальборк получает 178 млн руб. Откуда получатся остальные 154 млн — неизвестно.

При оценке плана переустройства школы по проекту «Лиги образования» необходимо рассмотреть вопросы: что выиграет от этой новой школы русское племя, что выиграют инородческие элементы России и, наконец, что выиграет военное ведомство?

Г. Фальборк самоуверенно утверждает, что проектируемая им школа, дающая только общее образование, усилит производительность народного труда даже в сельскохозяйственном отношении. Очевидно, тут заблуждение.

Школа первой степени, как и ныне, даст только умение читать, писать и считать, а школа второй степени даст много знаний, полезных для дальнейшего образования, полезных даже для поездки за границу, но крестьянскому юноше, пожелавшему возвратиться из этой школы в деревню к земледельческому труду, школа эта непосредственной пользы не принесет.

Эти знания, при скудной деревенской обстановке, для крестьянских юношей, окончивших школу второй степени и вернувшихся в деревню, пользы не принесут. Горизонт таких юношей расширится; явятся потребности к новой жизненной обстановке, а средств удовлетворить эти потребности не окажется. И произойдет с такими учениками то же, что происходит теперь с

детьми бедных крестьян, сидящих на общинной земле, если они случайно захватят где-либо знания выше начальной школы: *такие дети обыкновенно разрывают связь с деревней, а часто и со своей семьей, идут в город и на какую угодно службу, но не становятся за соху.*

Вместо выигрыша школа второй степени может дать проигрыш для деревни, ибо оттянет из нее лучшие силы к городу и к другой службе, а не к земледельческой.

Огромные средства, которые потребуются на новые школы, в значительной степени взыщутся с того же пахаря и поведут только к ухудшению его положения, не прибавив сельскохозяйственных знаний и навыков. Поэтому реформа, задуманная «Лигой образования», пользу основному элементу России — ее земледельческому русскому населению — может принести лишь в школе первой степени.

Остальные же расходы только обессилят это население. Но как ни велика польза от общего начального образования, расход на это образование в 200 млн руб. слишком велик, чтобы не выразить сомнения в своевременности этого расхода ныне, когда земледельческая Русь оскудела.

Ныне на первую очередь для русского населения надо поставить *школу, дающую не общее, а специальное образование.*

Надо, чтобы, в зависимости от главного вида деятельности населения той или другой местности, явилась и школа, которая научила бы крестьянских юношей с большей выгодой, чем их отцы, бороться с природой в земледельческой деятельности и с большей выгодой заниматься разными промыслами и мастерствами.

Школа в России, по мнению Г. Фальборка, должна преследовать свободное образование с лозунгом «никакой политики в школе». Однако при дальнейшем изложении проекта «Лиги образования» оказывается, что проектируемая школа должна преследовать вполне определенную политическую цель. Эта цель определена так: *все культурные народности, составляющие Россию, должны получить в новой школе возможность свободного дальнейшего развития*[238].

В этом месте проекта указывается и на Армению на Кавказе, с просветительным центром в Эчмиадзине, и на «рыцарскую Литву», стремящуюся сохранить свой самостоятельность.

С целью дать возможность развиваться всем мелким сепаратным организациям небольших народностей, Г. Фальборк предусмотрительно вводит следующее требование: «школа должна быть обеспечена от исключительного влияния сильных общественных организаций. Последние, оказывая огромное, часто давящее влияние на жизнь общества вне школы, не должны воздействовать на жизнь школы внутри ее самой. При разнообразии бытовых, племенных и иных условий такой огромной территории, как Россия, такое влияние особенно нежелательно». Автор не перечисляет этих сильных общественных организаций, но так как по проекту «никакие религиозные учения не должны быть предметом изучения в школе», то в числе этих общественных организаций на первое место надлежит поставить православную церковь.

Очевидно также, что если бы в «России для русских» естественно явилось требование, чтобы школа для русских людей, прежде всего, удовлетворяла нуждам русского племени, то такое требование было бы признано Г. Фальборком вредным, ибо указывало бы на определенную и важную *в политическом* отношении задачу. Организации, земская или общественная с национальным характером, которые влияли бы на создание в России русской школы, в которой обучение велось бы в патриотическом духе, а воспитание в религиозном, очевидно, Г. Фальборком были бы отнесены, как и православное духовенство, к таким сильным общественным организациям, от влияния которых школу в России надлежало бы оградить.

Но не только эти организации, но и государство, по мнению Фальборка, как сильнейшая организация, должно быть освобождено от непосредственного управления образованием[239].

Ограничивая путем школы рост национального самосознания русского племени, Г. Фальборк признает необходимость возбуждения, путем школы, национального самосознания инородцев России. По его мнению, новейшее школьное законодательство России *имеет задачей доставить даже малочисленным народам, населяющим Россию, возможность свободного дальнейшего развития своих маленьких культур*[240].

Для облегчения выполнения такой важной в политическом отношении задачи инородческой школы «Лига образования» предлагает следующие средства:

1) «Избирательное право местного самоуправления должно быть сделано всеобщим, а земское положение расширено и распространено на всю Россию»[241].

2) Преподавание нерусским народностям должно вестись на их родном языке.

О преподавании инородцам России русского языка нигде не указано.

Принимая такие меры к свободному развитию «маленьких культур разных народностей», населяющих Россию, Г. Фальборк в то же время своим проектом принимает меры к ослаблению русского племени. Меры эти заключаются, главным образом, в следующем:

1) Школа для русского населения проектируется космополитического характера с исключением религий. Устои, на которых создалась русская земля, — преданность вере, царю и родине, — в новой школе оказываются излишними. Правительство и духовенство устраняются от влияния на образование русского народа.

2) Податное бремя населения в разных видах будет усилено на 400 млн руб. в год, но знаний в новых школах по проекту «Лиги образования», которые помогли бы русскому земледельцу, кустарю, мастеровому лучше использовать свой труд, — народ не приобретет. Крестьянина в школах второго разряда, основанных в волостях, будут обучать одному из иностранных языков, но он по-прежнему останется бессилен производительнее приложить свой труд к земле.

3) При современном положении жизни в деревне основание огромного числа школ 2 разряда ослабит сельское население земледельческой России, потому что дети крестьян, окончившие учение в этих школах, не возвратятся в свои семьи, к земледельческому труду.

Школа, проектируемая «Лигой образования», окажется не только не полезной, но вредной для русского племени, вследствие сообщения ей не национального характера, а космополитического, исключения из предметов преподавания Закона Божьего и устранения влияния на школу духовенства.

Напротив того, для инородческого населения России проектируемая школа представляет большие выгоды. Прежде всего, по мнению инородца Фальборка, само школьное законодательство должно быть изменено так, чтобы предоставлять возможность свободного дальнейшего развития культур даже небольших племен, населяющих Россию.

Такая политическая цель, как изложено выше, достигается устранением влияния на школу сильных общественных организаций, к которым Г. Фальборк относит и правительственную власть.

Предоставление инородцам, в том числе и евреям, равных с русским населением прав на поступление во все школы поведет к тому, что инородческие племена, достигшие высшей, чем русское племя, культуры, широко воспользуются предоставленными им правами и наполнят среднюю и высшую школы за счет средств, собираемых с русского племени, и в ущерб его интересам.

Мне уже не раз приходилось высказывать мысль, что равенство в правах разных национальностей не обеспечивает равенства в пользовании этими правами: более культурные народности пользуются этими *равными правами* шире, чем менее культурные. Так и в школьном деле: русское племя нуждается в охране его интересов предоставлением ему в местностях с

русским населением в школах всех степеней числа вакансий, сообразно с численностью русского племени.

Припомним, что уже и ныне евреи в местностях вне черты еврейской оседлости, в отношении получения среднего и высшего образования поставлены в условия, в десять раз более благоприятные, чем коренное русское население.

Проведение в жизнь проекта «Лиги образования» поведет к тому, что русское племя будет поставлено в еще более неблагоприятные, чем ныне, условия по отношению к среднему и высшему образованию, и эта новая школа в результате закрепит за инородцами командную роль над русским племенем.

Что касается проекта «Лиги образования» с точки зрения интересов армии, то этот проект направлен не к усилению, а к ослаблению армии. Много раз мне приходилось, на основании исторических данных, объяснять, что чудные боевые качества русской армии базируются на тех же устоях, на которых создавалась и русская земля: православной вере, преданности царю и любви к родине.

Эти устои, по проекту «Лиги образования», уже не признается нужным поддерживать. О пагубном влиянии на армию подобной школы в духовном отношении нет надобности упоминать, так это пагубное влияние очевидно; но и в материальном отношении проведение в жизнь проекта «Лиги образования» принесет русской армии серьезный ущерб.

Выше было указано, как недостаток отпуска денежных средств влиял на отсталость нашей армии от армий наших соседей. Извлечение из карманов русского населения 400 млн руб. в год, ранее усиления в экономическом отношении ослабевшего коренного русского населения земледельческой России, может отразиться замедлением в удовлетворении различных важных нужд России, в том числе и военных.

Г. Фальборк одним из главных источников для покрытия расходов по устройству новых школ признает сокращение смет военного и морского министерств более чем на 70 млн руб. в год.

Г. Фальборк признает настолько важным развитие на Руси школьного образования, что решается даже ослабить боевую готовность нашей армии, не находя других средств на покрытие расходов по устройству новых школ. Но совершенно неожиданно оказывается (по 83 пункту плана переустройства школы), что сокращение смет военного и морского министерств на 70 млн руб. сделано в целях усиления обороноспособности России[242].

Таким образом, переустройство русской школы на основаниях, предложенных «Лигой образования»:

1) не усилит, а еще более ослабит в духовном и материальном отношении русское племя;

2) не усилить, а ослабит в духовном и материальном отношении русскую армию;

3) ослабит русскую государственность, способствуя развитию даже мелких инородческих культур;

4) усилит инородческие элементы России.

Можно ли при таких выводах оказать доверие свидетельству инородца Фальборка, что проект Лиги является отражением того, что живет в сознании каждого гражданина страны?

Во всяком случае, из числа этих граждан необходимо исключить представителей русского племени. В «России для русских», очевидно, не может быть места школе без национального характера и без религии.

Чтобы покончить с Г. Фальборком, необходимо упомянуть, что лиц, стремящихся поднять самосознание русского племени и ставящих целью своей деятельности «Россию для русских», автор труда «Всеобщее образование в России» признает изуверами[243].

Профессор С.-Петербургского университета В. Шимкевич заканчивает свой труд «Будущее

человечества» следующими строками: Будущее — всеобщий мир или лучше кооперация всего человечества для борьбы с природой»[244].

Такая вера в светлое будущее всего человечества не может не разделяться каждым образованным человеком, независимо того, принадлежит ли он к той или другой национальности.

Но та нация, которая уже в настоящее время лишила бы себя ранее достижения всеобщего мира средств защиты против соседей, оставшихся во всеоружии, была бы порабощена сильным соседом экономически и духовно. В первой половине XX века, когда различные государства приготовили для защиты своих интересов и национальностей многомиллионные армии, необходимо равняться с ними, чтобы не быть раздавленными.

Такие государства, как Германия, Англия, Франция, Италия, Япония и другие, прежде всего *охраняют и усиливают свой национальность.*

По сведениям бывшего директора института восточных языков во Владивостоке Н. Позднеева, хорошо знакомого с Японией и японским языком, в Японии 97 % грамотных мальчиков и 93 % грамотных девочек. «В Японии школа единая и для всех обязательная, начиная от наследника престола до последнего крестьянина. Все учатся по учебникам министерства народного просвещения, причем частные учебники в начальных школах совсем не допускаются. В первоначальной школе японец остается в течение 6 лет, а затем он уже выбирает какую-либо специальность. Все учебники, по которым учат японцев, проникнуты патриотическим духом, без особого, однако, шовинизма; в этих книжках отдается должное и другим государствам»[245].

Борьба двух современных государств в настоящее время составляет проверку национальных сил каждого народа, проверку сплоченности отдельных групп населения, составляющих нацию, проверку способности нации к высокому патриотическому возбуждению, двигающему на подвиг и жертвы.

Где эти национальные силы достигнут большего напряжения, там вероятнее и победа.

Поэтому и в России, чтобы выйти победителем из тех испытаний, которые предстоят русскому племени *вXXвеке, необходимо на первое место поставить не общечеловеческие идеалы, а национальные.* В России в текущий исторический период необходимо развивать не граждан будущего всесветного мира, а мужественных представителей великой русской нации, готовых для блага своей родины на все жертвы, сильных верой в Бога, преданностью царю и родине.

С этой высокой точки зрения все предложения западников и инородцев, ослабляющие национальное самосознание, вредны и опасны для России. К числу таких предложений относится и проект «Лиги образования» о переустройстве русской школы.

Несомненно, что потребность в образовании уже существует в русском населении и не удовлетворена в достаточной степени, несмотря на то, что за последнее время количество начальных школ возросло в значительной степени. Всего, как показано выше, общее число начальных школ, земских и церковно-приходских составляет свыше 80 тыс., в которых обучается свыше 5 млн детей.

По моему мнению, ранее, чем вводить всеобщее обучение русских детей грамоте и строить для этого огромное количество новых школ, *необходимо привести в порядок школы, уже существующие.*

Преобразование низшей школы

Недостатки низшей школы, о которых высказывалось в печати и которые мне приходилось лично наблюдать, заключаются в следующем:

1) Низшая школа не имеет патриотического характера. За 3 года пребывания в школе дети не знакомятся с главными событиями русской истории, даже касающимися местности, в которой школа существует. Так, в школах, мной посещенных, в Холмском уезде Псковской губернии, не знают о подвигах псковичей при защите Пскова, не знают, что в местности, в которой школа находится, шли в прежнее время битвы русских с финнами, литовцами, ливонцами и шведами. Многочисленные курганы у самой школы ничего не говорят детскому уму и детскому воображению. О том, что озеро, на котором находится школа, связано непрерывным водным путем с Петербургом, детям тоже неизвестно, как и то, что вблизи этого озера в древности проходил великий торговый путь «Из варяг в греки».

Необходимо, чтобы в каждой губернии для преподавания в начальных школах кроме самых общих сведений об истории и географии России, были составлены небольшие учебники, заключающие в себе описание русской губернии или уезда, в котором находится школа, и исторический очерк событий, особо близко связанных с губернией или уездом или соседними местностями. Надо, чтобы патриотические чувства детей в начальных школах развивались на почве привязанности к своей деревне, своему погосту, своему уезду, своей губернии; тогда детям и юношам будет легче полюбить и всю Россию. Такие учебники могут заменить книги для классного чтения, употребляемые для изучения русского языка.

2) Учительский персонал в начальных школах был до последнего времени обставлен крайне неудовлетворительно в материальном отношении, и потому приходилось быть мало разборчивыми при назначении на учительские места, особенно в церковно-приходских школах.

В местности, где я живу, учителя церковно-приходских школ получали по 15 руб. в месяц. С прошлого года это жалование удвоено.

3) Многие начальные школы настолько переполнены учениками, что на единственного учителя приходится до 60 учеников, разделенных на 3 отделения. Так как в число учеников присылают детей совершенно малолетних, то это еще в большей степени затрудняет работу учителя и делает ее мало производительной.

Необходимо, чтобы на одного учителя или учительницу приходилось не свыше 30 учеников. Занятия при 2 или 3 отделениях даже с 30 учениками требуют опытного учителя и напряженного труда.

4) В нашей местности (Холмский уезд Псковской губернии) есть школы, которые посещаются детьми из деревень, удаленных от школы на 4 и даже до 5—6 верст. В большие морозы и метели ежедневное посещение этими детьми школ затруднено и не безопасно. Часть детей часто оставляют ночевать в школе, не имея в ней приспособленного для ночлега помещения и возможности дать таким детям горячей пищи или чаю.

5) При нескольких церковно-приходских школах в одном приходе священники не могут лично преподавать в каждой из них Закон Божий. За преподавание Закона Божьего они получают ничтожное вознаграждение, в нашей местности, кажется, 12 руб. в год за каждую школу. Желательно назначить за преподавание Закона Божьего в каждой из церковноприходских школ, примерно, 30—40 руб. на каждую школу, тогда священники будут заинтересованы в личном преподавании Закона Божьего и к ним можно будет предъявить серьезные требования исправному посещению школ.

6) Сведения, сообщаемые ныне в начальных, земских и церковно-приходских одноклассных с 3 отделениями школах, так незначительны и непрочны, что большое число детей, прошедших через эти школы, не имея в деревнях практики в чтении, скоро забывают все то, чему учились в школе.

Назначение вторых учителей в школы, где свыше 30 учеников, и отказ в принятии учеников слишком малолетних или слабых физически позволит в течение 3 лет достигнуть прочных результатов по обучению Закону Божьему, русскому языку и арифметике.

7) В настоящее время во всех школах преподается церковно-славянская грамота. На развитие религиозности это преподавание не влияет. Успехи достигаются ничтожные, а приобретенные знания быстро забываются. Между тем, на преподавание церковно-славянской грамоты назначается в неделю от 3 до 4 часов. Очень желательно, в целях более сознательного отношения молящихся в храме Божьем к церковной службе, всю эту службу сделать вполне для них понятной на русском языке. Чтение ныне Часослова и Псалтыря даже псаломщиком производится так невнятно, так быстро, что большая часть прочитанного остается неясной для молящихся.

Неужели в «России для русских» все еще необходима духовная связь с церковно-славянской грамотой, составляющей мертвый язык, подобно латинскому?

Для пользы русских детей желательно эти 3-4 часа, расходуемые еженедельно [246] в течение трехлетнего посещения школы, обратить на отечествоведение.

Расписание уроков в начальных школах (одноклассных с 3 отделениями), как церковно-приходских, так и земских, можно будет принять следующее:

Закон Божий — 6 часов
Русский язык — 8 часов
Арифметика — 5 часов
Чистописание — 2 часа
Отечествоведение — 3 часа
24 часа в неделю

Это распределение уроков и ныне принято в начальных школах. Изменение заключается лишь в том, что время, назначенное для обучения церковно-славянской грамоте, будет употребляться более производительно на отечествоведение.

Кроме указанных выше предметов, необходимо обучать в школах пению и гимнастике. В программе для начальных народных училищ, утвержденной министерством народного просвещения 7 февраля 1897 года, значится:

«Ввиду важного воспитательного значения церковного пения при выборе преподавателя должно давать решительное предпочтение лицу, умеющему обучать пению», а далее, после перечисления еженедельного числа уроков, значится: «кроме того, полагается три часа (в неделю) на церковное пение, и там, где возможно, преподается гимнастика, преимущественно строевые упражнения».

Не знаю, как в других местах, но в нашей местности учителя даже церковно-приходских школ не подготовлены к преподаванию пения. Ученики поют довольно нестройно несколько молитв. Гимнастикой тоже не занимаются. Несмотря на открытие нескольких церковно-приходских школ в приходе, где я проживаю, в церкви до последнего времени не было организовано хора, а между тем храм Божий без стройного пения недостаточно располагает к молитвенному настроению.

При всех недостатках существующей начальной школы, она имеет для сельского населения одно огромное достоинство: *дети, окончившие обучение в этой школе, возвращаются в свои семьи и не отрываются от деревни.*

Между тем, школы с общеобразовательной программой высшей, чем в начальной школе, например, двухклассные (с пятилетним курсом), в большинстве отрывают окончивших в них

курс подростков и юношей от деревни и, значит, не усиливают, а ослабляют деревню.

В нашей местности, с неразвитым населением, первобытным трехпольным хозяйством и общинным владением землей, такие ученики, получившие некоторое развитие и более культурные, чем дома, привычки, не находят в деревне применения своим, в сущности скудным, теоретическим знаниям и стремятся из родных углов на какие угодно должности, только бы не пахать землю. Они ищут занятий на железных дорогах и в городах (кондуктора, приказчики, писцы и т. п.) или мечтают продолжать обучение в других учебных заведениях, чтобы попасть в телеграфисты, землемеры, лесные кондуктора, чертежники и проч.

В одной из таких школ, с пятилетним курсом преподавания, я опросил каждого из учеников выпускного отделения и из всех них только один собирался возвратиться в деревню, помогать своему отцу, хозяину земельного участка в несколько десятков десятин земли.

Юноша, случайно окончивший курс средней школы, если он принадлежит к крестьянской земледельческой семье, вернувшись в деревню не только с общинным владением землей, но и на хуторской участок, применения своим знаниям не найдет. Знаний же и навыков, нужных для деревни, средняя школа ему не даст.

На основании всего вышеизложенного позволю себе высказать мнение, что ранее насаждения на Руси всеобщего обучения и огромного развития начальных школ необходимо: 1) упорядочить школы, уже существующие, 2) принять меры, чтобы школа усиливала, а не ослабляла деревню.

С этой последней целью, ранее введения всеобщего обучения и расхода на это, по исчислению Фальборка, свыше 200 млн руб. в год, необходимо развить большое число профессиональных школ, сообразованных с главным видом деятельности населения каждой местности и нуждами в тех или других технических знаниях и практических приемах. В особенности важно развитие простейшего типа школ, сообщающих практические сведения по сельскохозяйственной деятельности, и школ, подготовляющих различного вида кустарей.

Из опубликованных в отчетах по последнему съезду кустарей сведений в России до 12 млн душ занимаются кустарным промыслом. Надо самым широким образом помочь им.

Работа этих кустарей оценивалась на съезде в 2 млрд руб. в год. Если припомнить, что все фабрично-заводское производство в России в конце XIX века давало до 2700 млн руб., занимая только 2 млн рабочих, то значение кустарных производств в России станет вполне ясно. После энергичной помощи, в течение последних 15 лет прошлого столетия, заводско-фабричной промышленности, настала очередь оказать такую же энергичную помощь в начале XX века сельскохозяйственной и кустарной деятельности населения России.

Заслуживает глубокого внимания следующее заявление на кустарном съезде: *«Кустарь Казанской губернии настаивал на том, чтобы первое место было отведено специальному техническому образованию, так как оно более жизненно важно для кустарей, чем общее образование»*[247].

Действительно, как ни велика нужда населения в грамотности и в знаниях общего характера, нужда народа в увеличении его материальных средств еще большая.

В главе XXIX указано, что особенно земледельческое население центральной России оскудело и нуждается даже в хлебе насущном, которого не производит в достаточном количестве. Возможно ли при этих условиях расходовать сотни миллионов народных денег на сообщение населению таких знаний, которые не связаны непосредственно с его деятельностью и которые не могут помочь ему более производительно применить свой труд, прежде всего к земледельчеству?

Ранее перехода к средней школе выскажу следующее пожелание относительно духовных школ всех степеней — городских (епархиальных) училищ, семинарий и духовных академий. Во

всех этих школах, не исключая и духовных академий, необходимо уничтожить преподавание мертвых языков и выиграть этим путем время для сообщения полезных сведений, которые могли бы облегчить будущую пастырскую деятельность воспитанникам духовных школ.

Преобразование средней школы. Относительно постановки средней школы в последние 20 лет происходит большое движение во всех государствах, особенно в Англии и отчасти Франции.

Недостатки среднего типа школ, хотя и не с такой яркостью, как в России, сказались всюду. Относительно «новой школы» уже создалась, хотя и небольшая, литература.

В России обратили внимание на труды по новой школе Эдмонда Демолэна: «L'Education nouvelle. L'ecole des Roches» и «A quoi se tient la superiorite des Anglo-Saxons». К. П. Победоносцев популяризировал эти труды в 1898 и 1899 годах, сделав обширные выдержки, особенно из второго из них, в брошюре «Новая школа».

В предисловии К. П. Победоносцев выражает следующую глубоко правильную мысль:

«Критические взгляды автора на французскую систему школьного обучения и на приемы новой школьной педагогии заслуживают полного внимания, в особенности со стороны официальных педагогов и ревнителей народного просвещения в России. Трудно не соглашаться с автором, когда он обличает школьную политику нашу в том, что она менее всего имеет в виду потребности детской души и природы, организуя школу преимущественно с отвлеченной точки зрения учителей, профессоров и начальства, когда он указывает на нравственное бессилие учителя и наставника, относящегося механически лишь к массе учеников, в механическом спрашивании уроков. Из опыта страны, лучше нашего поставившей дело воспитания, автор извлекает старые истины, которые мы забыли или о коих перестали думать, именно, что всякое *учение* бесплодно и мертво, если оно не есть вместе с тем *воспитание* ума, с возбуждением живого интереса к предмету труда, и воспитание воли к труду добросовестному; наконец, что знание нераздельно с умением и что знание тогда только прочно и действенно, когда оно на умении зиждется и возбуждается умением»[248].

Демолэн относительно классической системы обучения во Франции делает следующие выводы:

1. «Основание нынешней классической системы обучения составляют латинский и греческий языки, к ущербу всех остальных предметов.

2. Воспитанники, проведя 7 лет почти в исключительном изучении латинского и греческого языков, не знают ни того, ни другого.

Педагоги, отстаивающие эту школьную систему потому, что считают ее удовлетворительной, едва ли разумные педагоги. А те, кои отстаивают ее потому, что для них удобнее ничего не менять в привычной старой системе, прямо недобросовестны»[249].

Взяв за образец уже существующие в Англии коллегии (нового типа), Демолэн открывает «новую школу» во Франции.

Общие основания этой школы следующие:

Воспитанию отводится более важное место, чем обучению. В особенности обращается внимание на выработку характера, самостоятельности, правдивости. Дети и юноши живут с директором, воспитателями и их семьями как бы в одной общей семье. Школы строятся вне городов. При них имеются участки земли. На физическое развитие детей и юношей обращается большое внимание: занятия в саду, в поле, занятия мастерствами, игры, плавание, гребной спорт и проч., — все приспособлено к прочному и систематическому физическому развитию учеников «новой школы». Увлечения английской школы атлетикой избегнуты. Твердый внутренний порядок, заведенный в школе, не мешает вполне доверчивым, приязненным отношениям между учебным персоналом и учениками. Воспитатели, живущие с учениками, вместе с тем и преподаватели разных предметов. Каждый день начинается и оканчивается общей молитвой.

«В школе чередуются обучение классное, обучение ручное, обучение художественное.

Время между разными категориями занятий распределяется в сутки следующим образом:

Умственный труд — 5 часов
Упражнения физические и ручной труд — 4 *1/2* часа
Занятия художественные и общественные развлечения — 2 *1/2* часа
Сон — 9 часов
За столом и на свободе — 3 часа
Итого — 24 часа

По воскресеньям классов нет; воспитанники свободно располагают своим временем.

В итоге день распадается на три весьма отдельные части: утро главным образом посвящено умственному труду, учению школьному, вторая половина дня — ручным работам в саду или мастерской; вечер — искусству, музыке, общественным развлечениям»[250].

Большим, трудно одолимым недостатком этой школы служит ее дороговизна. Только относительно зажиточные родители могут помещать своих детей в эти интернаты. Плата в год, кажется, доходит до 1000—1200 руб. за ученика.

В окрестностях Петербурга уже существует школа, схожая по типу с тем, который выше описан. Крайне желательно быстрое увеличение числа таких школ.

Применить многие из принципов «новой школы», например, к нашим гимназиям, где все ученики приходящие, невозможно. В особенности невозможно придать серьезное воспитательное значение учебному заведению, где сотни учеников проводят в стенах школы только по несколько часов в день.

Тем не менее, многое можно улучшить даже в нашей средней школе без интерната. Там, где есть интернаты, улучшения будут более существенны.

Прежде всего, надо очистить учебные курсы от излишнего и вредного балласта, *выкинув из преподавания полностью латинский и греческий языки*[251].

Надо затем сократить курсы древней и средней истории и развить за счет этого сокращения курс истории России.

За счет курса географии всех стран надо развить курс географии России.

Особое внимание надо обратить на здоровье детей при поступлении в школу и их физическое развитие во время пребывания в ней. Детей, не обещающих стать здоровыми, жизнерадостными юношами, нежелательно принимать в школу. Из окончивших среднюю школу только те должны получать льготу по отбыванию воинской повинности, у которых в аттестате будет значиться о здоровом телосложении и успехе в физических упражнениях. При сокращенных сроках службы только такие юноши могут с успехом пройти сокращенную школу для подготовки нижнего чина. Физически неразвитые и незнакомые с гимнастикой потребуют полных 3 года службы, чтобы их физически развить уже на службе.

Каждый ученик средней и высшей школ должен помнить, что в случае войны он составит часть «вооруженного народа» и должен физически и духовно готовить себя к защите своей родины с оружием в руках.

В последние годы в общество проникает сознание необходимости физического развития детей и юношей. Несколько гимнастических обществ быстро развивают свой деятельность. Особым успехом пользуется общество *«Соколов»*. Надо пожелать ему самого широкого развития.

Ниже перечислены несколько главных положений, которые, по моему мнению, следовало бы взять в основание при настоятельно необходимом преобразовании, главным образом, средней школы в России.

1. Необходимо создать, по примеру школ екатерининской эпохи, связь между низшей, средней и высшей школами. Низшая и средняя школы должны давать, каждая в отдельности, законченный объем знаний, приспособленный, прежде всего, к практической жизни. Тип средней школы — гимназический — должен утратить свой характер подготовительного учебного заведения для поступления в университет.

В 1797 году цель и значение средней школы определялись так: «Целью воспитания и обучения в гимназии полагается то, чтобы со временем можно было получить людей, способных более к гражданской жизни и к гражданской и военной службе, нежели к состоянию, отличающему ученого человека».

Так решала вопрос о средней школе великая Екатерина в последние годы своего царствования, но 113 лет ее голос не был услышан. Главные заботы были направлены именно к созданию часто беспомощных людей, не ставших ни учеными, ни «способными к гражданской жизни».

Быть может, настало время вышеприведенное мнение Екатерины II положить в основание перестраиваемой средней школы.

2. Классическая система преподавания должна быть совершенно уничтожена. Латынь и греческий язык для желающих могуг быть перенесены или в университет на филологический факультет, или в особые филологические подготовительные заведения.

Поступление в университет должно быть открыто для особо способных учеников всех учебных заведений со среднеобразовательным курсом.

3. Особое развитие в России должны получить, кроме низших, еще средние и высшие профессиональные школы, в особенности сельскохозяйственные и по кустарному производству.

4. Все школы, кроме сообщения необходимых знаний, должны иметь воспитательное значение.

Особое внимание должно быть обращено на выработку характера, самостоятельности, правдивости, уважения к религии, уважения к чужой личности, чужой собственности. Детям и юношам с задатками самостоятельного характера надо давать предпочтение перед безличными «долбяжками».

Средствами воспитательного характера надо поставить свободное, чуждое страха и заискивания, но вежливое отношение детей и юношей к своим воспитателям, преподавателям, профессорам и вообще училищному начальству. Поддержание полного порядка во время лекций, твердый внутренний порядок всего строя жизни школы всех типов, исправное посещение уроков и лекций, опрятность, вежливость по отношению к товарищам.

Каждый день во всех школах должен начинаться общей молитвой. Понемногу надо добиться, чтобы молитва пелась всеми присутствующими.

Никаких беспорядков в школах всех типов, не исключая и университетов, не должно быть допускаемо. Если бы они возникли, надо немедленно прекращать их, прибегая, если то потребуется, без стеснения к силе.

Ученики и студенты должны держать себя вполне прилично всюду: на улице, в обществе, в театрах и проч.

5. Надлежит придать особо важное значение физическому развитию детей и юношей. Надо выработать правила, подобно существующим в кадетских корпусах, по которым вовсе не принимать даже приходящими ни в одну среднюю школу или в университеты детей и юношей болезненных, со слабым сердцем, с физическими недостатками, вызывающими на расстройство нервной системы, с выраженными при-; знаками рахитизма, сильно золотушных, с наследственными болезнями. Надо принять все меры, чтобы не тратить время и деньги на обучение будущих неврастеников. В зависимости от рода болезни доступ больных детей и

юношей должен быть открыт в профессиональные или особо для сего устроенные школы.

6. Уничтожение преподавания мертвых языков должно дать время к обязательному преподаванию гимнастики в средней школе. Необходимо создать особые курсы, где бы могли получать подготовку учителя гимнастики и вообще физических упражнений. Каждый день гимнастические упражнения должны занимать от 1 до 2 часов. Где можно, упражнения производятся на воздухе и соединяются с играми, движением на лыжах, борьбой, бегом, преодолением препятствий; где можно, прибавляется фехтование.

В средней школе обучаются также пению, танцам, музыке.

При приеме в школы решительное предпочтение дается здоровым детям, даже если бы они были и слабее подготовлены в научном отношении.

7. Где только можно, средние школы и университеты переносятся из столиц в небольшие города или в деревни.

8. Все школы в России, от сельской до университетов, должны носить вполне проявленный русский национальный характер. Преподавание русского языка, русской истории и географии должно занимать наиболее почетное и важное место.

9. В случае каких-либо празднеств, торжеств, парадов в провинциальных городах, к войскам пристраиваются и ученики школ.

10. Где только представится возможным, ученики школ и студенты университетов производят поездки с научными или спортивными целями. В особенности важны поездки в целях ознакомления с Россией. Желательно учреждение в городских училищах, среднеучебных заведениях и университетах, где таковых еще нет, хоров музыки и прогулок учащихся со своими хорами музыки и корпоративными флагами, с пением патриотических песен.

11. Родители содействуют всеми мерами успеху воспитательного режима школы.

12. В выдаваемых аттестатах отмечается физическое развитие учеников и студентов. Права, определяемые для окончивших курсы средних и высших заведений, получают только те, которые удовлетворяют как научным, так и физическим требованиям.

Преобразование высшей школы. Для правильной постановки высшего образования в России необходимо подвергнуть обсуждению в печати и на собраниях профессоров и родителей вопрос о недостатках нашей высшей школы, проявленных в течение последних 20 лет.

Представляется возможным уже и ныне высказать мнение, что на высшей школе в России сильно отражаются влияния Запада, ослабляющие в русской интеллигенции национальный ее характер.

Особенно прочно привились в среде профессоров, а за ними и в среде студентов различные учения отрицательного характера, в том числе и беспочвенный атеизм.

Юноши, едва вышедшие из отроческого возраста, чуть не гордятся признанием, что они не верят в Бога и не чувствуют потребности посещать храм Божий. Вместе с ослаблением религиозных начал в нашей высшей школе ослабляются и патриотические чувства учащихся. Любовь к родине приобретает у них теоретический характер в смысле пожеланий поскорее пересадить на русскую землю новейшие формы европейского политического и общественного строя жизни, без соображения с бытовыми особенностями русского народа, не считаясь с необходимостью последовательного развития общественных и государственных организаций.

Минувшая Русско-японская война доказала теоретичность любви к родине нашей учащейся молодежи не только в высшей, но и в средней школах. Охотников поступить в армию в строй и на деле доказать готовность постоять за родину оказалось среди этой молодежи ничтожное число[252]. В Германии в 1870 году в университетах студенты чуть не поголовно записывались в армию нижними чинами. В Японии в 1904 году не только студенты, но даже подростки всех сословий, не исключая княжеских родов, стремились в армию, а наша учащаяся молодежь в

армию не шла, но и не училась во время войны. Получая казенные стипендии, многие тысячи студентов и часть профессоров во время войны занимались политикой.

Очевидно, в «России для русских» высшая школа должна быть, прежде всего, не космополитической, а русской и православной.

Пишу это последнее слово с убеждением в необходимости того, чтобы наша высшая школа, приобретя национальный характер, в то же время перестала быть атеистической.

Если в Оксфордском университете английские юноши каждый день начинают общей молитвой, то почему в России, где православная вера так много содействовала к созданию страны мы чуть не стыдимся поставить требование, чтобы наши дети и юноши начинали свой трудовой день так же, как начинают его 100 млн простых русских людей — молитвой и крестным знамением?

Нельзя затем допустить, чтобы правительство, начав великой важности работу возвращения России русскому племени, отказалось от влияния на высшую школу и продолжало охранять автономные права высших учебных заведений даже в том случае, если этими правами пользуются лица, проникнутые учениями антирусского характера. В «России для русских» высшая школа должна иметь, прежде всего, ясно выраженный *национальный характер* с предоставлением в ней главного места русской и православной молодежи.

По числу имеющихся в России высших учебных заведений должно быть рассчитано и число студентов. Только этим путем можно будет, прежде всего, добиться, чтобы студенты посещали лекции, учились, а их успехи проверялись. Университет, рассчитанный на 4 тыс. слушателей, но имеющий их 10 тыс., очевидно, дать высшее образование такому числу не может и отнимает только возможность для действительно желающих заниматься успешно.

Ныне допустимо числиться 10—15 лет студентом, вместо науки заниматься политикой и оказывать вредное влияние на более юных товарищей. Очевидно, необходимо покончить с этими «вечными студентами» и предельным сроком пребывания в университете положить 6 или самое большее 7 лет, причем на каждом курсе не должно быть допускаемо пребывания свыше 2 лет.

При забастовках, если они снова повторятся, необходимо оказывать самую энергичную поддержку студентам, желающим продолжать занятия. Каждое *насилие* со стороны бастующих должно прекращаться. Надо помнить, что толпа наиболее склонна к беспорядкам, если чувствует, что ее боятся, или надеется на безнаказанность своих действий.

Все прекратившие занятия студенты должны лишаться казенных стипендий. Весь учебный персонал высшего заведения, прекратившего занятия, должен тоже нести самый чувствительный материальный ущерб от такого ненормального явления. Посещение студентами лекций должно быть по возможности обязательное.

Наконец, надо прибавить мнение, что, пока существующие высшие учебные заведения не будут обеспечены надежным в научном отношении профессорским персоналом, дальнейшее открытие в России высших учебных заведений должно быть приостановлено.

Россия наиболее нуждается в настоящее время в открытии новых высших учебных заведений специального характера, особенно высших сельскохозяйственных институтов.

Выше было указано заявление студентами Московского университета о малом влиянии, которое имела на них семья. Ни одна школа, где ученики — приходящие, не может восполнить отсутствие полезного влияния семьи. Между тем та жизнь, которую в настоящее время ведут так называемые «образованные классы» в России в городах, в большинстве хорошим примером для детей и юношей служить не может. Не касаясь пустоты интересов массы матерей, укажу, что отцы, часто очень ученые или занимающие большие служебные посты, заняты или службой, или *отдыхом за картами.* Карточная эпидемия составляет болезненное явление в нашем обществе.

Пойти в гости или принять гостей в огромном большинстве означает играть весь вечер в карты, потом съесть и выпить лишнее за ужином и вернуться домой в дурном настроении от внутреннего сознания глупо проведенного времени и для здоровья, и для духовной стороны жизни. Молодежь часто присаживается за карты к старшим «за неимением четвертого партнера» и втягивается в игру.

Еще можно понять игроков, ведущих крупную игру. Тут есть риск, возбуждаются страсти. Но как понять образованных и развитых людей, способных чуть не ежедневно проводить от 3 до 5 часов за карточным столом, играя «по маленькой» в винт или иные игры? Хозяева, созвав гостей, обыкновенно тревожатся, пока их не рассадят за карточные столы. Остается только несколько неприятных субъектов, не играющих в карты, которых надо «занимать». Чему научатся дети и юноши в такой обстановке? Прибавлю, что при среднем достатке обывателей лучшие комнаты в квартире отводятся для приема гостей; под спальни же и детские отдаются комнаты, выходящие, обыкновенно, на дворы.

В числе причин, затрудняющих для образованного общества в городах поддержание физической бодрости в своих организмах, необходимо упомянуть о неправильном распределении дня на занятия, развлечения и сон.

И занятия и развлечения у многих переносятся на ночное время. Лучшая часть дня — утро — проводится в постели. Собираются провести вечер, танцевать в 11 часов вечера, когда при правильной, здоровой жизни надо ложиться спать.

Таким образом, главными мерами для подъема духовных сил русского народа надо признать:

1) Русскому племени «в России для русских» должно быть предоставлено господствующее положение на государственной службе, особенно службе в высших правительственных учреждениях.

2) Надо добиваться, чтобы в России русскому племени было легче жить, служить и работать, чем инородцам и иноземцам.

3) Для подъема духовных сил русского народа надо сделать его более трезвым.

4) Для подъема духовных сил русского народа надо школу во всех степенях сделать русской и патриотической. В «новой школе» надо стараться не только обучать, но и воспитывать. В «новой школе» надо обратить серьезное внимание на физическое развитие детей и юношей.

5) Классическая система обучения при «новой школе» должна быть совершенно оставлена.

6) Большая часть сумм, которые в XX веке будут расходоваться правительством на образование в России, должна быть уделена на развитие профессионального образования, в том числе и сельскохозяйственного.

7) Для улучшения духовного развития образованных классов и более успешного влияния их на воспитание детей надо увеличить полезное влияние на детей и юношей семьи и, в частности, бороться против эпидемии карточной игры и против перенесения занятий и развлечений на ночное время.

Меры к увеличению материальных сил русского народа

Без увеличения материальных сил русского народа выполнение в XX веке русской армией задач, которые на нее будут возложены, не только затруднится, но может оказаться непосильным для армии.

В предыдущих главах, при описании действий наших войск с XV до XX столетия,

неизменно приходилось отмечать недостаток материальных средств населения России для удовлетворения все увеличивавшихся ее военных нужд.

В результате, особенно в течение XIX столетия, наша армия начинает отставать от своих более культурных западных соседей в подготовке к войне, особенно в техническом отношении. Рост потребностей армии и флота с началом XX столетия все продолжается. Если в XX веке материальные силы русского народа не возрастут, можно опасаться, что это. отразится в тревожной степени на дальнейшей неготовности нашей армии к выполнению задач, которые могут выпасть на ее долю в XX веке.

В главе XXIX изложены те сложные причины, по которым экономическое положение русского племени к концу XIX века не могло не внушить серьезных опасений.

При несомненном росте достатка во многих местностях России и значительном развитии фабрично-заводской промышленности, сельскохозяйственная деятельность населения центральных губерний не только не развилась, но упала. Великорусское племя, положившее наибольшие усилия к созданию России, ослабело в коренных русских губерниях.

Так как именно великорусское племя до сих пор составляло основание нашей армии, то вопрос об упадке материальных сил великорусского племени в коренных русских губерниях приобретает огромное государственное значение.

Это значение так велико, что не представляется сомнений, что на первое место в заботах об увеличении материальных сил русского народа надо поставить *заботу о поднятии материального достатка русского населения средней России.*

Тот путь, который привел к ослаблению главных кормильцев русской земли — крестьянина и помещика коренных губерниях земледельческой России, должен указать и средства помочь этой русской беде.

В XXIX главе изложено, что поднятие материальных сил русского народа входило в программу императора Александра III, но при исполнении ее отдано было решительное предпочтение развитию фабрично-заводской промышленности и постройке сети железных дорог; сельскохозяйственной же деятельности населения средней России помощи не оказывалось. Вышло даже обратно. В ответ на запретительный тарифный устав, принятый в ограждение развития нашей фабрично-заводской промышленности, немцы повысили на 50 % пошлины на наш хлеб и этим обесценили, временно, труд нашего земледельца. Неурожай в течение нескольких годов, земельные неустройства, затруднившие свободное пользование землей (община), отсутствие знаний и денежной помощи для перехода к более совершенному типу хозяйств у крестьян, падение дворянского землевладения, — все это, вместе взятое, и произвело то явление, которое ныне известно под общим наименованием *«оскудение центра».*

Какую же систему действий нужно избрать правительству для борьбы с этим оскудением?

В течение XVIII и XIX столетий Россия без оснований несколько раз меняла торгово-промышленную политику.

Петр I держался покровительственных пошлин. Товары, производство которых успело появиться в России, были обложены пошлинами от 25 до 75 % их стоимости. Товары, не производившиеся в стране, напротив того, были обложены низкими пошлинами.

При Анне Ивановне, под влиянием иноземцев, тарифные ставки были уменьшены в 5—7 раз.

При Екатерине II Россия держалась сначала таможенной политики умеренно покровительственной, затем — покровительственной, а под конец царствования товарообмен ставится в условия почти свободной торговли.

В конце XVIII и начале XIX столетий в России то запрещается ввоз товаров из Франции, то разрешается ввоз этих товаров, а запрещается ввоз английских (континентальная система).

После Венского конгресса, под влиянием Англии, в России издан в 1819 году чрезвычайно льготный тариф, которым воспользовались иностранцы и навезли массу товаров. Многие русские фабрики и заводы вынуждены были закрыться. Ввиду крушения южной русской промышленности издали в 1822 году новый тариф запретительного характера. В 1850 году снова последовало изменение тарифа с целью перехода к системе умеренного покровительства. Наконец, по тарифу 1868 года русская промышленность оказалась в два раза слабее огражденной, чем по тарифу 1850 года.

В 1877 году мы опять переходим к покровительственному тарифу. Обложение остается то же, но взимание начали производить золотом, что при низком курсе русскою рубля составило повышение на 40 %.

В 1881 году сделана надбавка по всем пошлинам в 10 %, в 1885 году пошлины увеличены для большинства товаров еще на 20 %. В 1887 году повышены пошлины на чугун, железо и изделия из этих металлов, а в 1890 году все тарифные ставки еще раз увеличены на 20 %.

В 1891 году издан общий таможенный тариф, которым были объединены и приведены в систему все ранее сделанные тарифные изменения.

В 1893 году вышел закон о двойном таможенном тарифе, по которому для стран, не находящихся в числе наиболее нам благоприятствующих, установлены еще раз процентные набавки в размере от 15 до 30 %.

Применение нового тарифа оказалось очень неблагоприятным для германского ввоза. Германия вступила на путь репрессалий (таможенной войны с Россией) и увеличила на 50 % пошлину с товаров, привозимых из России, в том числе и на хлеб. Русское правительство ответило новой надбавкой собственно на германские товары еще 50 % против повышенного тарифа 1893 года.

Переговорами между двумя государствами достигнуто заключение на 10 лет трактата, вступившего в действие в 1894 году.

Для тех из моих читателей, которые мало знакомы с главными политико-экономическими школами, приведу нижеследующие общие сведения, почерпнутые мной из печатного, но не изданного труда одного из наших замечательных финансистов.

Уже в XVI и XVII столетиях явилась первая политико-экономическая школа, получившая название *школы меркантилистов.* По учению этой школы направление и регулирование всей торгово-промышленной жизни страны должно быть в руках правительства. Надо добиваться благоприятного торгового баланса, что может быть достигнуто только подъемом национальной промышленности. Подъем же национальной промышленности, в свой очередь, может быть достигнут строгой таможенной системой, изолирующей страну и регулирующей ввоз и вывоз. Требовалось добиваться вывоза изделий и затруднять или даже прекращать вывоз из страны сырья.

Земледельческой деятельности населения меркантилисты особого значения не придавали. Последователями меркантилизма были во Франции Кольбер, в Англии — Кромвель, в Германии — Фридрих Великий.

Противниками учения меркантилистов явились *физиократы.* По их учению только одно земледелие в состоянии увеличить благосостояние страны. Только при посредстве земледельческого труда природа производит новые продукты. Торговля и промышленность лишь прибавляют к ценности сырых продуктов стоимость вложенного в переработку труда. Народным хозяйством управляют общие естественные законы. Вмешательство правительства только вредно. Правительство обязано лишь обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность и устранить препятствия, тормозящие народное хозяйство.

Все таможенные пошлины, привилегии, монополии и проч. должны быть уничтожены.

Первоначально учение физиократов было применено во Франции, где и получило особое развитие при министре финансов Тюрбо.

Известный английский финансист Адам Смит с огромной выгодой для своей родины воспользовался основной идеей физиократов о полной экономической свободе. В то же время, противно мнению физиократов, он придал большое значение торговле и промышленности. В Англии, благодаря покровительственному режиму, промышленность и торговля окрепли в такой степени, что не боялись конкуренции и для широкого сбыта за пределами страны нуждались в применении свободы торговли. Адам Смит и выступает на помощь Англии со своей космополитической системой, признающей только материальные интересы отдельной личности. Эти теории увлекли государственных деятелей других стран, в том числе и России, со слабо развитым народным хозяйством, и отдали их под экономическую зависимость от Англии. Адам Смит хорошо поработал для своей родины, надолго обеспечив торговое и промышленное преобладание этой державы.

Подпали под экономическое влияние Англии и германские государства. Знаменитый германский финансист Лист первый начал борьбу против теории Адама Смита, доказывая ее невыгодность для Германии.

Принимая с 1881 года протекционную систему, наши финансисты применяли принципы национальной системы политической экономии Фридриха Листа. Горячий патриот, он первый *придал политической экономии национальный характер.* По его учению протекционная система, проектированная им для Германии, должна была носить временный характер, в целях облегчения развития отечественной промышленности. Но когда эта промышленность получит такое развитие, что перестанет бояться иностранной конкуренции, предполагалось положить и конец протекционализму. Лист видел, таким образом, в протекционализме лишь временное средство отстоять немецкую национальную свободу и получить возможность развития национальных сил для более широкого участия в мировой работе.

Вот что пишет Лист:

> «Как нация, находящаяся в первобытном и варварски земледельческом состоянии, может идти вперед лишь при помощи торговли с цивилизованными мануфактурными нациями, так же точно, возвысившись до известной степени культуры, она лишь при помощи своей фабрично-заводской промышленности в состоянии достигнуть высшей степени благосостояния, цивилизации и могущества. Война, облегчающая стране переход ее из состояния земледельческого в состояние земледельческо-мануфактурное, является, таким образом, благодеянием для наций, подобно тому, как война Северо-Американских Соединенных Штатов, несмотря на громадные жертвы, которых она требовала, стала для будущих поколений поистине благодеянием. Мир же, который снова возвращает в земледельческое состояние нацию, призванную к развитию собственной фабрично-заводской промышленности, станет для нее проклятием и будет несравненно вреднее для нее самой войны»[253].

Лист признал, что Германия уже возвысилась до известной степени культуры, своими идеями подтолкнул Бисмарка, почитателя Листа, к войне для перехода Германии в состояние земледельческо-мануфактурное. Немцы воевали и, объединившись, при помощи протекционной системы Листа действительно достигли быстрого и значительного фабрично-промышленного развития.

Фридрих Лист был горячим сторонником национальности; он утверждал, что усилия германского народа не принесут пользы «без национальности и без гарантии за устойчивость

германской национальности»[254].

Относительно плана действий Фр. Лист высказал следующие мнения:

> «Немецкая протекционная система плохо будет выполнять свой задачу, пока Германия не будет сама заниматься, при помощи механических приспособлений, производством хлопчатобумажной и льняной пряжи, пока она не будет вывозить сама необходимых для нее колониальных товаров непосредственно из стран жаркого пояса, обменивая их на изделия своих фабрик, пока она не будет производить эту торговлю на собственных кораблях, пока не в состоянии будет оказывать защиту своему флагу, пока она не будет владеть заключенной системой каналов, речных и железнодорожных путей сообщения, пока германский таможенный союз не захватит все германские приморские государства, Голландию и Бельгию.
>
> Если мы ввозим необработанный хлопок из Египта, из Бразилии и Северной Америки, то оплачиваем его нашими собственными мануфактурными изделиями; если же, напротив, ввозим хлопчатобумажную пряжу из Англии, то нам приходится рассчитываться за нее сырьем или пищевыми продуктами, между тем как для нас гораздо выгоднее самим обрабатывать и потреблять их; или же мы платим за них наличными деньгами, которые мы приобретаем в других местностях и на которые нам было бы полезнее покупать иностранное сырье для собственной переработки или колониальные продукты для собственного потребления.
>
> Точно также развитие машинной выработки льняной пряжи дает нам средства не только к увеличению внутреннего потребления полотна и к усовершенствованию нашего земледелия, но и к широкому развитию нашей торговли с тропическим странами.
>
> Что касается обеих только что названных отраслей промышленности, равно как и шерстяного производства, то ввиду нетронутой еще у нас водяной силы, вследствие дешевизны пищевых продуктов и низкой заработной платы, мы поставлены в такие благоприятные условия, каких не имеет никакая другая нация. Чего нам недостает, так это единственно и исключительно гарантии для наших капиталистов против потери своих капиталов и для техников — против нищеты. Для того, чтобы обеспечить такую гарантию, достаточно было бы умеренной протекционной пошлины, которая в течение пяти следующих лет могла бы возвыситься до 25 %, продержаться на этой высоте в течение нескольких лет и затем понизиться до 15 или 20 % »[255].

Выбрав страны, куда можно было направить немецкие товары, Ф. Лист советует:

> «Было бы нужно поощрять молодых натуралистов к посещениям этих стран и требовать от них беспристрастных отчетов, понуждать молодых купцов знакомиться с этими странами, посылать туда молодых врачей для практики. Необходимо было бы вызвать к жизни, поддерживать действительным участием в акционерных паях и оказывать особенное покровительство, во-первых, компаниям, которые основываются в немецких приморских городах, чтобы они скупали обширные пространства земель в тех странах (куда будут сбываться товары), заселяли их немецкими колонистами, во-вторых, торговым и мореходным обществам, которые ставят себе целью открытие новых рынков в этих странах для немецких мануфактурных изделий и учреждение пароходных линий, горнопромышленным обществам, которые имеют в виду применить немецкое искусство и трудолюбие к разработке огромных минеральных

богатств в тех странах. Всеми возможными способами государства союза должны были бы стараться приобрести расположение туземных народов и даже правительств и через них стремиться к развитию общественной безопасности, путей сообщения и общественного порядка вообще; даже нечего было бы страшиться, если бы для сближения с этими правительствами пришлось им оказать помощь присылкой военных сил.

Такой политики следовало бы держаться по отношению к Востоку, европейской Турции и государствам по нижнему течению Дуная»[256].

К. Трубников 20 лет тому назад перевел труд Ф. Листа на русский язык и снабдил его многочисленными примечаниями. В своем вступлении ученый переводчик труда Листа высказывает такое мнение:

«Теория Ф. Листа, служащая путеводительницей германской политики и в короткое время поднявшая Германию в политическом и экономическом отношении на невероятную высоту, должна быть принята к руководству всеми нациями и их правительствами, а в том числе и Россией, если она не желает снова подпасть под английское, германское и иное какое-нибудь чужеземное экономическое влияние»[257].

Успеху применения национальных идей Листа более всего способствовал Бисмарк. Значение для Германии Листа и роль Бисмарка один из наших выдающихся финансистов определяет так:

«В истории Германии Лист имеет особые заслуги. Он был первым борцом за немецкий таможенный союз, положивший начало объединению Германии, он первый высказался за необходимость общей железнодорожной сети и своим учением, несомненно, повлиял на осуществление целой системы последующих мероприятий, от установления протекционного режима до забот о широкой и утилитарной постановке народного образования включительно, которому Германия обязана изумительным развитием своего народного хозяйства.

Успеху национального дела Листа значительно способствовало и то, что многие из его теоретических взглядов проводились практически в жизнь одним из даровитейших государственных деятелей настоящего века — князем Бисмарком. Верно оценив объединяющее значение таможенного союза, князь Бисмарк на нем обосновал свое дело объединения Германии. Вопреки настояниям большинства в рейхстаге, он постепенно затем усилил таможенный тариф для охраны германской промышленности, провел закон о выкупе прусских железных дорог и положил начало колониальной политике Германии».

Посмотрим теперь, при каких условиях были применены к России теории, существовавшие в XIX столетии у *западных* экономистов.

Приведем, прежде всего, мнение об экономическом положении России Ф. Листа, высказанные им в его труде «Национальная система политической экономии» в 1841 году, т. е. почти 70 лет тому назад.

В VIII главе своего труда, озаглавленной «Русские», он пишет:

«Царскому авторитету, установившему и упрочившему единство между

бесчисленным множеством варварских орд, обязана России созданием своей промышленности, своими невероятными успехами в земледелии и ростом населения, развитием внутренней торговли посредством каналов и грунтовых дорог, обширной внешней торговли и своим коммерческим значением»[258].

Когда в начале XIX века принципы свободной торговли, перемешанные со скачками к запретительной системе, начали отражаться невыгодным образом на экономической жизни русского государства, в 1821 году русским представителям при западноевропейских державах был послан следующий циркуляр:

«Россия видит себя принужденной прибегнуть к системе торговли независимой, так как продукты ее не находят себе более сбыта на заграничных рынках, туземные фабрики сильно угнетены; звонкая монета уходит быстро за границу, опасность грозит самым солидным купеческим домам, а сельское хозяйство и фабричная промышленность не только пришли в расстройство, но близки к банкротству»[259].

В результате этого циркуляра издан в 1822 году тариф запретительного характера, который: и действовал почти 30 лет, когда в 1850 году был смягчен с целью перехода к умеренному покровительству.

Значение тарифа 1822 года и последствия его действия в течение 19 лет Ф. Лист очерчивает следующим образом:

«Благодетельные последствия восстановления протекционной системы не менее, чем вредные последствия восстановления свободы торговли, способствовали тому, что принципы и уверения теоретиков были окончательно дискредитированы. Иностранные капиталы, умственные и рабочие силы устремились из всех цивилизованных стран, а именно из Англии и Германии, чтобы принять участие в выгодах, предоставленных русской промышленной предприимчивости новым таможенным тарифом. Дворянство брало пример с правительства.

Не находя внешних рынков для своих произведений, дворянство постаралось разрешить обратную задачу, а именно приблизить к себе рынки: оно устроило фабрики в своих имениях. Вследствие спроса на тонкую шерсть со стороны вновь возникших шерстяных фабрик начало быстро улучшаться овцеводство страны Заграничная торговля вместо того, чтобы уменьшиться, возросла, в особенности же с Персией, Китаем и другими соседними странами Азии. Торговые кризисы совершенно прекратились, и достаточно лишь просмотреть последние отчеты русского министерства финансов, чтобы убедиться, что Россия, благодаря этой системе, достигла высокой степени благосостояния, и что она гигантскими шагами подвигается по пути национального богатства и могущества.

Нет смысла в том, что в Германии хотят умерить эти успехи и жалуются на те убытки, которые были причинены русской системой северо-восточным провинциям Германии. Всякая нация, как и всякий человек, не имеет более дорогих интересов, как свои собственные. России нечего заботиться о благосостоянии Германии. Пусть Германия занимается Германией, а Россия — Россией. Вместо того, чтобы жаловаться, надеяться и ждать Мессию будущей свободы торговли, было бы гораздо лучше бросить космополитические системы в огонь и поучиться на примере России»[260].

Таким образом, по мнению немецкого экономиста, которого многие считают гениальным, было время, когда успехи земледелия в России признавались Листом не только большими, но «невероятными»; было время, когда Лист советовал Германии поучиться у России и взять с нее пример в области экономической политики.

Как же это случилось, что не только Германии не пришлось брать примера с нас, а мы сами вынуждены были брать пример с Германии и начать применять принципы Листа только через 40 лет после их опубликования? Произошло это потому, что уже в 1850-х годах и особенно в 1860-х годах русские западники снова были увлечены теориями свободной торговли и попали под влияние идей Адама Смита, к выгоде Англии и других более нас культурных стран и к невыгоде России. Уже тариф 1850 года был шагом назад против тарифа 1822 года, но принятый под влияниями Запада тариф 1868 года дал ограждение отечественному производству вдвое меньшее, чем даже тариф 1850 года.

В главе XXIX изложено, что освободительные реформы 1860-х и 1870-х годов имели несколько слабых сторон, и в числе их особое значение имело малое ограждение интересов земледельческого населения, как освобожденных крепостных, так и бывших помещиков.

Относительно этих реформ К. Трубников пишет:

> «Если эти реформы, приведенные в исполнение, не вполне достигли своей цели, в особенности относительно интересов дворянства, так это потому, что независимо от закрытия кредита под поземельную собственность и стеснений сельского винокурения, одновременно с освобождением крестьян от крепостной зависимости, допущена была пропаганда односторонних и ложных экономических доктрин космополитической политической экономии в школах, в литературе и на улице, посредством газет, не исключая и лекций, читаемых нашими профессорами и академиками в университетах. Пропаганда фритредерства и введение таможенного тарифа, продиктованного идеями свободы торговли, привели к окончательному расстройству русские финансы, а промышленность, торговля и сельское хозяйство России вынесли последовательно несколько самых тяжких искусственных кризисов. Нынешний министр финансов И. А. Вышнеградский, подобно графу Канкрину, круто повернул экономическую политику России в сторону действительной протекционной системы, которая находит себе научное освещение в национальной системе политической экономии Ф. Листа»[261].

В Германии Бисмарк, применяя идеи Листа, действовал по определенной системе, в которую входило: введение покровительственного таможенного тарифа, выкуп железных дорог, проложение новых, широкая утилитарная постановка народного образования, война для объединения Германии и создания ей сильного внешнего и внутреннего положения, развитие торгового и военного флотов, колониальная политика, скупка земель, учреждение разных обществ в местностях, выбранных для эксплуатации, — торговых, мореходных, горнопромышленных.

Пробегая мыслью 30 истекших лет, можно видеть, что наше министерство финансов почти полностью приняло эту программу, но результаты получились не те, которые ожидались. Причины изложены в предыдущих главах. Повторим только главную из них. Этой главной причиной я считаю то, что принятая нашим министерством финансов экономическая система была «национальной» только по названию, ибо нельзя признавать национальной системой такую, при которой главные кормильцы русской земли — русский земледелец и землевладелец — были забыты. Забыта были и важная часть программы Листа-Бисмарка: *широкая*

утилитарная постановка народного образования. Вряд ли можно также согласиться с правильностью принятой у нас протекционной системы, где таможенные ставки увеличиваются без соображения с ростом и положением отечественной промышленности: в 1881 году надбавили 10 %, через 4 года увеличили еще на 20 % для большинства товаров, через 5 лет опять увеличили еще на 20 %. Увеличение этих ставок диктовалось бюджетными соображениями в большей мере, чем изучением всех видов русской промышленности. Аппетиты наших заводчиков увеличились, но, как указано в XXIX главе, не понудили их ни к более дешевому, ни к более совершенному производству своих изделий.

Можно признать, что движения, энергии *на западный образец* в последние 20 лет прошлого столетия министерством финансов было проявлено много, но *«сердца» по отношению к русскому человеку проявлено не было.*

Какая же экономическая политика желательна для России в XX столетии? Какие ближайшие задачи надо при этом ставить и к каким результатам стремиться?

Прежде всего, в «России для русских» и экономическая политика должна преследовать задачу усиления русского племени.

На каких группах русского населения в XX столетии можно основывать главные надежды? Развитие какого вида деятельности более всего может обеспечить России спокойствие внутри и силу извне? До XIX века в государстве и в армии главную силу и надежду составляло земледельческое население России: дворяне-помещики и крестьяне. Но уже в XIX столетии торговое и промышленное сословия получили такое значение, что их деятельность в значительной степени облегчала жизнь государства и увеличивала его могущество, внутреннее и внешнее. С ростом фабрично-заводской промышленности в XX веке еще менее возможно основывать надежды правительства на одностороннем покровительстве какой-либо одной группе населения. Урок недавнего прошлого указывает, что в особенности одностороннее покровительство представителям заводско-фабричной промышленности тяжко отразилось на ослаблении земледельческого населения центра России. Таким образом, *национальная экономическая политикаXXвека должна содействовать развитию как земледельческой, так и промышленной деятельности, прежде всего, русского населения.*

В чем же это содействие должно выразиться и достижение каких результатов должно бы быть поставлено целью действий правительства?

Существующая в России система к поднятию как духовных, так и материальных сил достигает результатов, создающих крайности: верхи общества духовно развиваются на уровне Европы, а низы остаются в невежестве. В сфере же экономической деятельности капитал становится всесильным и тоже стремится создавать крайности: миллиардеры и миллионеры, колоссальные предприятия наверху и экономическое порабощение масс внизу. Усилят ли Россию несколько десятков новых миллионеров, если масса останется бедна? Очевидно, не усилят. Поэтому в XX столетии представляется необходимым для правительства выступить против всеобъемлющего могущества капитала, чтобы ввести его в полезные для государственных целей рамки и заставить работать для увеличения *достатка не единиц, а масс.*

В труде Д. Менделеева имеется уже приведенное мной ранее важное и справедливое мнение, что основную причину всех наших бед составляет средняя народная беднота[262].

Высокий мыслитель и ученый этим заявлением определяет и главную задачу национальной экономической политики России на XX век: надо работать не для увеличения числа миллионеров, а *для поднятия среднего уровня достатка народных масс русского народа.*

Применение этой политики и по отношению к русскому племени, конечно, не должно совершаться за счет понижения культурных успехов, уже достигнутых различными инородческими племенами. Но для них Россия так много сделала за счет сил и средств русского

племени, что дальнейший рост этих племен обеспечен. Между тем увеличение достатка русского племени без особых забот правительства достигнуто быть не может.

Огромные успехи техники в связи с капиталом стремятся к созданию огромных производств с приложением дорогих двигателей и дорогого оборудования. Требуются огромные капиталы, чтобы пускать в ход эти предприятия, поставленные на основании последних указаний науки и опыта. Но, раз правильно поставленные, эти предприятия убивают менее сильные, так как до сих пор получают возможность производить товар лучшего качества и более дешевый. Такой ход фабрично-заводской промышленности не соответствует интересам масс. Убиваются не только более слабые фабричные производства, но убиваются и кустарные промыслы, дающие заработки миллионам душ. Припомним только, как тяжело отразился на России рост хлопчатобумажной промышленности, сокративший древнее, отлично поставленное производство в России льняных изделий.

Позволительно высказать мнение, что промышленное развитие России получит более правильное и более обеспечивающее нужды масс направление, если наука и капитал изыщут способы к развитию возможно мелкой обрабатывающей промышленности, изделия которой могли бы конкурировать с успехом с изделиями чудовищ-фабрик и заводов. Те деятели, которые направили бы свой изобретательный гений к созданию возможно производительных способов применения к мелким производствам сил человека, лошади, воды, пара и электрической энергии, заслужили бы право на постановку себе памятников.

Ныне, чтобы получить для применения электрическую энергию, например, к приготовлению муки из зерна или для выделки льна, требуются сложные устройства и значительные затраты денег. Дайте возможность, чтобы в земледельческой России могли развиваться самые разнообразные производства *при небольшой затрате капитала,* и земледельческая Россия в центральных и северных районах оживет. Богатства еще лежат огромные: дерево, глина, известь, скот, рыба, птица, зерно, технические растения, шерсть, масло, молоко, грибы, фрукты, ягоды, — все это в самых разнообразных видах может послужить для обработки и поможет земледельческой России, если владельцев этих богатств научат обращаться с ними и, при небольших затратах, извлекать из них пользу не рублями, как ныне, а десятками и сотнями руб. Тогда начали бы работать дешевые мельницы, пильни, дегтярные заводы, гончарные заводы, маслобойни, коптильни, сушильни, производства сухих фруктов, варений, солений, выделка льняных, пеньковых изделий, производства кожевенные и проч.

Как дорого в настоящее время каждое техническое усовершенствование! Приведу пример из местности, где живу. Население начинает понемногу сеять клевер, но семена надо выписывать и платить от 10 до 14 руб. за пуд. Происходит это отчасти потому, что «сортировка» для клеверных семян стоит до сих пор слишком дорого. Приготовление льняной пряжи совершается примитивным способом вручную, медленно и с потерей значительного числа «оческов», в которых имеется в смеси и отличный материал. О первобытных ткацких станках или деревенских прялках и говорить нечего. Было бы счастьем для деревни, если бы, путем очень хороших премий, добились изобретения такого станка, который увеличил бы в несколько раз производительность труда женщины. Кажется, в этом отношении уже идет работа.

Мне говорили, что существуют небольшие приборы для выделки шерстяных изделий, стоимостью около 100 руб., увеличивающие производительность работы. Наши кузницы в деревнях слишком примитивны, требуют много топлива, работа медленная, орудия те же, что употреблялись в Киевский период истории.

Водяные и ветряные мельницы тоже не совершенствуются в течение нескольких столетий. Необходимо придумать и применить дешевейшие способы соединять с мельницей несколько других производств: для пилки леса, обработки льна, шерсти.

В Туркестане надо помочь мелкому производителю изобретением простого, дешевого типа хлопкоочистительных аппаратов. Необходимо также изобрести приборы для выделки возможно дешевым способом шелковой пряжи.

Если выделка сложных машин или огромного веса предметов требует больших заводов, то почему, например, выделка сахара не может быть организована простым и дешевым способом? Неужели такой важный предмет потребления, как сахар, должен постоянно находиться в руках сахарных королей?

Дайте русским Эдиссонам задачу изобрести дешевую выделку кустарным способом сахара, назначьте хорошую премию, и цель будет достигнута. То же в табачном деле и во многих других. Надо только, чтобы правительство отвернулось от нефтяных, железных, сахарных королей и повернулось к среднему работнику и помогло ему, путем товариществ, начать успешную борьбу с этими королями. Тогда «средняя беднота», определенная Менделеевым, получит возможность стать твердо на ноги.

Важность развития кустарной промышленности в России давно сознавалась нашим правительством, но принимавшиеся до последнего времени меры носили случайный характер. Толчком к развитию кустарного промысла послужил первый кустарный съезд, созванный бывшим в то время министром земледелия А. С. Ермоловым в 1902 году. На втором кустарном съезде, открытом 21 февраля настоящего года, было выражено мнение, что кустарная промышленность явится источником благосостояния русского народа, и доложено, что ей занято до 12 млн душ, вырабатывающих до 2 млрд руб.

То, что за последние годы начало делаться в земледельческой России по отношению к общинному владению, указывает, что правительство решило прийти на помощь населению в самом существенном: население получит личное право на землю и, значит, возможность улучшения своей сельскохозяйственной деятельности. Поощрение к переходу от общины к хуторскому хозяйству составляет очень важный шаг, но, как изложено в XXIX главе, кроме этой меры, необходимо принятие ряда других мер, чтобы польза от хуторского хозяйства действительно оказалась серьезной.

Нельзя отвергать пользы крупного землевладения в России. Как изложено выше, многие хозяйства, несмотря на все неблагоприятные условия, так поставлены в России, что составляют культурные центры и дают не только пример, но и заработок населению. Тем не менее, падение дворянского землевладения в России составляет несомненный факт. Весьма желательно помочь дворянам удержать в их руках то, что еще не распродано; но главную надежду в настоящий период развития земледельческой России во многих местностях приходится основывать *не на крупном, а на мелком землевладении.* Миллионы прочно поставленных хуторских хозяйств, вместе с мелким землевладением у дворян и других сословий, требующим личного участия в труде, вероятно, скоро окончательно займут в земледельческой России более важное место, чем крупновладельческие хозяйства. Но и тут, если сохранится и в будущем возможность дробления новых хуторских хозяйств разделом между сыновьями, то в 25—40 лет хуторское хозяйство придет в расстройство, во многих случаях вследствие раздела хуторов на несколько самостоятельных хозяйств. Ожидать в России в скором времени организации земледельческого труда на свободных артельных (кооперативных) началах весьма трудно. Пока же необходимо применить к нашему мелкому землевладению майоратные права на наследование участка земли старшим сыном, имеющие успешное применение в балтийских провинциях. Необходимо затем не медлить с принятием широких мер к увеличению в населении полезных (утилитарных) знаний. Выше было изложено, что Германия обязана изумительным развитием своего народного хозяйства широкому и утилитарно поставленному народному образованию. В XXXII главе изложено, как много усилий употребило русское правительство на обучение миллионов детей и

юношей латинскому и греческому языкам, на устройство гимназий и университетов и как мало уделялось внимания профессиональному образованию. Так, на сельскохозяйственное образование из всех средств, расходуемых на образование в России, отделялось всего 1,6 %. Результаты соответствовали затратам. Полагаю, что, вместе с прочным переустройством средней и высшей школ, главное внимание правительства должно быть обращено на организацию профессионального образования, в особенности сельскохозяйственного, без чего подъем материальных сил русского народа недостижим. Без умелой и широкой помощи со стороны правительственной власти земледельческому населению, сдвигаемому ныне на хуторское хозяйство, переход к более совершенному пользованию землей неисполним. Надо увеличение знаний, улучшенные земледельческие орудия, улучшенные семена, улучшенный скот, организация мелкого кредита и проч. Меры к такого рода помощи ныне и принимаются, но еще в очень скромных размерах.

Вместе с мерами к поднятию духовных сил русского народа, особенно по уменьшению пьянства, меры, которые указаны выше, могут дать сильный толчок к подъему материального достатка масс; но они не принесут *пользы, если труд населения не будет охранен.*

Охрана труда русского населения

Прежде всего, необходимо в большей мере, чем ныне, охранить личность и имущество населения всех видов у всех сословий[263]. Неуважение к чужой собственности в некоторых случаях имеет хронический характер, например, потравы, порубки леса, ловля рыбы в запретных местах, кража фруктов и т. п. Но за последнее время увеличились разного вида еще более серьезные кражи имущества, скота. Крадут даже хлеб с полей; затем идут умышленные поджоги и, наконец, разбойные нападения с целью грабежа, часто сопровождаемые убийствами.

В числе преступников попадаются юноши, чуть не дети. Если этому явлению самыми энергичными и даже жестокими мерами не будет положен предел, то всякая личная энергия в трудовом населении к увеличению достатка ослабеет.

Естественным предложением является усиление наказаний. Но каких наказаний? Тюремного заключения?

Вот тут-то и приходится расплачиваться за западные влияния на наших юристов. Прежние наказания отменили, а тюрьма, в ее современных условиях, для значительного числа сельских, да и городских обывателей ни устрашающего, ни исправительного значения не имеет. Мужика или бабу[264] за воровство посадят в тюрьму, особенно зимой, когда нет работы и нечего есть. В тюрьме они найдут хорошую компанию, будут бездельничать, их будут кормить так, как они в деревне не едят, и потом, снабдив полезными для дальнейшей воровской деятельности сведениями, выпустят на волю.

Некоторые, всем известные, воры сидели по несколько раз и называли тюрьму «казенной квартирой с приварком». Худо то, что тюрьма не только не исправляет, но портит. Случайный воришка или буян, посидев в тюрьме, выходит часто оттуда настолько подготовленным, что становится профессиональным вором.

Прошлое лето у меня в имении один из поденных рабочих, парень 17 лет, залез в окно подвального помещения дома, нажал плохо укрепленную решетку, отодвинул ее, засунул руку и вытащил бутылку домашней наливки. Путь был показан и другим. В несколько дней пропало 18 бутылок. Первый воришка не скрывал своего подвига и предлагал некоторым работницам-поденщицам распить с ним украденную бутылку. Встретив отказ и укоры, он, по его словам,

положил бутылку обратно. Тем не менее, когда выяснилась покража, скоро удалось найти начавшего кражу. Он был уличен, сознался; составили протокол, и дело надо было направить к следователю. Тогда ко мне явился сам виновный с просьбой, чтобы я с ним расправился своим судом и прекратил дело. Вслед за сыном явился отец, поклонился в ноги и умолял *не губить его сына,* не засылать в тюрьму, а разрешить ему высечь его. Я снова прогнал просителей. Тогда в третий раз явились отец вместе с сыном, плакали; отец говорил, что малец «еще так себе», а посидев в тюрьме, станет «совсем разбойником», и снова оба просили, чтобы дело окончить розгами из отцовских рук. Я согласился, и мальцу было дано на конюшне 25 розог в присутствии моего старшего рабочего. После порки отец и сын снова пришли ко мне и благодарили за то, что я пожалел мальца и *«простил его».*

Передаю эту картинку прямо с натуры. И никакого угрызения совести за такое решение этого дела я не чувствую. Надо принять во внимание, что еще не так давно в европейских государствах существовали жестокие наказания за воровство: в Англии воров, даже женщин, вешали; суровые наказания были и в Финляндии; про Азию я и не говорю, — недавно у туркмен за воровство отрубали руку. Воровство в разных видах — такой порок русского племени, о котором свидетельствуют еще наши летописи. По развитию наш простолюдин не выше тех англичан, которых вешали за воровство.

Отчаявшись в правительственной помощи, крестьяне начинают прибегать к самосуду. На днях я уже читал, что в одной из восточных губерний крестьяне, выведенные из терпения рядом краж, убили, при содействии стражника, 3 человек, подозреваемых в этих кражах, и *суд оправдал их.*

Прежде было легче отделаться от воров и вообще порочных лиц. К приговорам сельских и волостных сходов о выселении относились с доверием, и казна, сколько помню, принимала расход на высылку в Сибирь на свой счет.

С изменением, тоже преждевременным, взгляда на ссылку в Сибирь, хотя такие приговоры и составляются, но редко приводятся в исполнение. Ранее сами земства стали приходить на помощь населению и давали средства на высылку особо порочных лиц. На мой вопрос, почему же это не практикуется теперь, мне разъяснили, что Сенат, рассмотрев этот вопрос с формальной стороны, нашел действия земских собраний неправильными, а в результате воры развязали себе руки.

Очевидно, настоятельно необходимо предоставить населению широкое право ставить на сельском и волостном сходах приговор о порочности того или другого из своих товарищей и о вреде дальнейшего его пребывания в их среде. После проверки правильности приговоров необходимо немедленно таких порочных лиц ссылать на казенный счет в Восточную Сибирь, например, в Якутскую область, чтобы не трогать уже тех областей Сибири, где развилась правильная жизнь многочисленного русского населения. Как не составить приговора о крестьянине, который в течение 2 лет 3 раза сидел в тюрьме: 2 раза за кражи, а третий — за побои в драке с причинением увечья. А такие ныне проживают в деревнях, всем известны и часто страшны угрозами «пустить красного петуха». Эти угрозы мешают открытию массы преступлений, потому что свидетели опасаются мести вора после возвращения из тюрьмы.

Но и сами тюрьмы необходимо реформировать. Прежде всего необходимо отбросить всякие сантименты и кормить в тюрьмах грубой, мужицкой пищей без мяса. Нельзя, чтобы некоторые из крестьян только и ели бы мясо, что в тюрьмах, а возвратившись домой, садились бы за хлеб, заливочные щи, кашу, картофель, изредка заправленные свиным салом, и с сожалением вспоминали тюремную пищу. Вторым непременным условием тюремного заключения должен быть тяжелый физический труд. Во многих случаях это и достигается, но желательно, чтобы труд этот был вынесен из тюрем.

Затруднения, и притом серьезные, будут встречены при организации охраны арестантов на работах вне тюремного помещения: тюремных надзирателей мало, а наряд от войск нежелателен. Некоторым выходом из этого затруднения будет организация круговой поруки между арестантами и, затем, предоставление права охраняющим арестантов на работе убивать тех из них, которые покушаются на бегство. Много жертв не будет. Говорю это по опыту. В Закаспийском крае я прибегал в течение 8 лет к следующей мере: время от времени, при содействии войск, окружался город Ашхабад и производился тщательный осмотр всяких притонов, караван-сараев, трактиров и проч. Каждый раз несколько сот, а иногда и свыше тысячи человек оказывались не имеющими права жительства в области: то были беспаспортные кавказские бродяги, персидскоподданные бродяги; их арестовывали и затем под охраной направляли в горы на постройку дорог. Хорошо работавшим 1 месяц начинали выдавать небольшую плату; хорошо работавшим несколько месяцев давали право жительства в области; всех пытавшихся бежать охрана из туркмен и казаков имела право убивать. Этим способом несколько тысяч верст дорог в горах Копет-дага до высоты 7 тыс. футов было проложено с весьма небольшим расходом.

Какое было бы благодеяние, если бы наши арестанты, примерно на тех же основаниях (при хорошей работе — сокращение срока заключения), дополнили сеть железных дорог проложением массы подъездных, грунтовых и шоссейных дорог, помогли бы устройству каналов, проведению канав и проч.

Вторым видом охраны народного труда я ставлю борьбу с посредниками всякого рода, усиленно понижающими цену для производителя труда и повышающими эту цену для потребителя. Припомним, что депутаты, собранные Екатериной II, определили положение России около 150 лет тому назад так: «кто кого сможет, тот того и разоряет». Велик ли успех, достигнутый нами в эти 150 лет? Надо откровенно признать, что эта формула существует еще и поныне на Руси и применяется в самых разнообразных видах, от деятельности многомиллионных банков до деятельности урядника или стражника, берущего взятку «за бездействие власти».

Прежде всего необходим правительственный контроль над теми финансовыми предприятиями, в руках которых ныне находятся могущественные средства обесценивать народный труд. Банки, синдикаты, тресты, союзы, — все должны подлежать контролю и тяжелой ответственности за такие действия, которые клонятся к разорению вкладчиков сбережений или искусственному понижению и повышению различных ценностей. Биржевая игра должна преследоваться как азартное, безнравственное и разорительное для населения явление. Тотализатор, хотя и в меньшей степени, тоже вреден и действует развращающим образом на публику.

Деятельность разных посредников, создающих фиктивные общества и перепродающих свои права, о которой сказано в XXIX главе, должна быть во многих случаях приравнена к мошенничеству. При содействии земств, городских управлений и правительственной помощи продукты труда населения должны оберегаться в возможно полной степени. Трудовой класс за продукты своего труда должен получать не минимум, как ныне, а по возможности максимум платы.

Большим накладным расходом на народный труд ложатся небрежность и злоупотребления разных лиц, частных и казенных, при приемках и расплатах с рабочим народом за исполненную им работу или за доставленные материалы — камень, дрова, песок, за разные перевозки. Даже выполнив вполне исправно работу, рабочим часто приходится долго ожидать расчета, получать его с придирками, вычетами. Даже при казенных работах, особенно железнодорожных, при системе крупных подрядчиков, передающих часть работ мелким подрядчикам и рядчикам,

рабочему населению приходится проходить много мытарств ранее, чем их рассчитают. Часты и такие случаи, что тот или другой рядчик оказывается несостоятельным, скрывается. Рабочие и мелкие поставщики обращаются к подрядчику, тот отказывает в уплате, ссылаясь на забранные уже рядчиком деньги. Пострадавшие обращаются к железнодорожному или иному начальству и получают совет: ищите судебным порядком. Каждый знает, доступен ли этот судебный порядок крестьянину, у которого задержали выдачу 5 или 10 руб., нужных ему настолько, что без них придется продать лошадь и корову. Прежде всего такой крестьянин должен определить наличность имущества рядчика для наложения на это имущество запрещения и т. д. Походит, походит такой крестьянин, потеряет несколько рабочих дней, пропьет, быть может, с горя последний рубль и возвратится в деревню озлобленный. Крайне необходимо в подобных несомненных случаях привлекать к ответу тузов-подрядчиков, независимо от их счетов с рядчиками, и налагать запрещения на причитающиеся им выдачи.

Не менее серьезным налогом на народный труд ложатся злоупотребления лиц, в руках которых находится отправка грузов по железным дорогам и пароходами. Взятки, произвол в отправке, дурное охранение грузов, небрежная погрузка и выгрузка составляют довольно частые явления.

Особенно вредны внесрочные отправки за взятки мелким агентам. Существуют скромные «кладовщики», которые умудряются в короткое время строить себе домики на глазах у своего начальства.

Разные перевозки по льготному тарифу идут в ущерб товароотправителям и вызывают злоупотребления. Находясь 8 лет во главе управления среднеазиатских дорог, я вынес убеждение в полной необходимости *уничтожить все льготные перевозки,* даже для строительных железнодорожных грузов. Еще настоятельнее уничтожить какие-либо бесплатные перевозки в товарных или пассажирских поездах и бесплатных пассажиров. Все это ложится налогом на трудящийся класс и затрудняет увеличение материальных сил этого населения. Помню, например, что я выхлопотал льготную перевозку материалов для храма, который строился в городе Мерве, и скоро раскаялся в этом. При содействии государственного контроля удалось установить, что под видом строительных материалов для храма, повезли строительные материалы и для продажи. Для улучшения быта служащих на линии среднеазиатских дорог существовали передвижные лавочки, а запасы для них доставляли бесплатно. Самаркандские торговцы обратились ко мне с просьбой прекратить доставку в Самарканд бесплатных продуктов для дороги, ибо служащие на дороге перепродавали их торговцам со скидкой и этим препятствовали вести торговлю тем, которые заплатили за провоз на 1 400 верст всю установленную плату.

На дорогах есть хозяйственные поезда. Этого и достаточно. Если же груз идет на поездах товарных и пассажирских, то никаких льготных грузов и бесплатных пассажиров везти не следует. Служащие на дороге должны ездить с соответствующими билетами.

Неустройство наших водных сообщений вызывает излишнюю дороговизну перевозки продуктов и тоже обесценивает их. Только за последнее время взялись серьезно за исправление русла р. Волги. Но попасть из Астрахани в Каспийское море и теперь еще дело на легкое. Нет канала и приходится дважды перегружать товары. На Днепре пороги, задержавшие 900 лет тому назад киевского князя Святослава с его дружиной на обратном пути из Болгарии, существуют и до сих пор.

Охрана народного труда, в целях увеличения материальных сил его, должна выразиться также в направлении деятельности населения к более производительному труду, если труд не соответствует почвенным или климатическим условиям. Также в необходимо изыскивать новые источники богатств для приложения к ним народного труда.

Напомним, что, например, крестьяне, переселившиеся на черноморское побережье, долго пытались хозяйничать с хлебными посевами на тех же основаниях, на которых работали и у себя дома, в совершенно другой климатической обстановке. В некоторых северных местностях земледельцы основывают свое хозяйство на посеве зерновых хлебов и изнывают от неурожаев и малой доходности труда, когда им, быть может, следует перейти к молочному хозяйству или выкормке убойного скота, или усилить пчеловодство, рыболовство и проч.

В Закаспийском крае, основывая русские селения, мне приходилось бороться, чтобы убедить население в необходимости перейти к ирригационной системе орошения полей, завести сады, бахчи, начать посевы хлопка.

Туркменское население, после завоевания его в 1881 году, осело прочнее на земле и к скотоводству прибавило земледелие и посевы пшеницы, ячменя, а также бахчи. Пшеницы не хватало. С большим трудом, частью насильственными мерами я ввел среди туркменского населения посевы хлопка (выписал инструкторов из Туркестана, выписал вагонами семена, приказал в каждом ауле отделить часть воды для обязательного посева хлопка). Через 4 года дело это пошло так хорошо, что в хлебе население перестало нуждаться, покупая его за деньги, вырученные с хлопка.

Но, чтобы такая деятельность правительства стала возможной, необходимо еще раз, но уже подробно, изучить Россию, особенно в климатическом и почвенном отношениях, и сделать самые подробные исследования *во всей России* недр земли. Уверен, что сделанные открытия окупят произведенные расходы. Чтобы добыть опытных исследователей, одного горного института, очевидно, окажется недостаточным.

Вместо открытия новых университетов России нужны институты, где бы приготовлялись хорошо подготовленные исследователи богатств России, лежащих на поверхности ее и скрытых в ее недрах.

Если эта работа настоятельно необходима для современного поколения, то она неотложна для нужд последующих поколений. Ныне на Руси ежегодно прибавляется свыше 2 млн новых ртов. Надо, чтобы, увеличивая материальный достаток живущего населения, каждый новый год обеспечивал и эти новые рты. Наши правнуки уже будут жить в России с населением в 300 млн душ. Как же накормить всю эту громаду, если уже теперь мы не начнем думать об этом? На запад и юго-запад нас не пустят: там тесно и без нас; на юге и востоке мы тоже встретим отпор; остается огромный, ныне пустынный, русский север. Будущая роль России в значительной степени зависит от того: справимся ли мы с севером? Сумеем ли заставить север кормить огромное население? Чтобы ответить на этот вопрос, надо очень подробно поработать над ним в тундре, в болотах, в лесах, в горах. Нашлись же недавно в Архангельской губернии огромные площади луговой земли, признававшиеся негодными. Неизвестно, что заключают в себе недра севера, но известно обилие рыбы, обилие леса, обилие зверя.

Проданные Россией ее владения в Америке оказались очень богатыми золотом. Берега Камчатки дают теперь японцам массу рыбы. Кавказ еще совершенно недостаточно исследован. Из огромной площади леса в России, в 540 млн десятин, исследовано менее 12 млн десятин. Что может сделать умелый и трудолюбивый работник на севере, дают пример сектанты, которые даже в Якутской области вырастили арбузы.

Неизвестно также, какие кормовые вещества поможет нам добыть север. Быть может, на севере окажется очень выгодным делом разведение скота, рыбы, искусственное разведение пушного зверя, пчеловодство, огромное лесное хозяйство, разработка недр земли.

И какое суровое, мужественное поколение вырастет, если ему удастся победить север.

Сделанный мной беглый перечень мероприятий, конечно, не исчерпывает этого важного вопроса. Необходимо только поставить затронутые вопросы на очередь, разработать их и

включить в определенную, проведенную через высшие правительственные учреждения программу на много лет вперед. Тогда дело сдвинется, ибо потеряет характер случайной деятельности различных лиц и учреждений.

Не признаю, однако, возможным закончить отдел о мерах к подъему материальных сил русского народа, не задав вопроса о деятельности в России евреев, препятствующей этому подъему.

Я буду говорить только о евреях, проживающих вне черты еврейской оседлости. В главе XXIX указано, как роль их все расширяется и начинает становиться опасной для русского племени. Уже одно то, что они добились возможности получать звания, при условиях в 10 раз более легких, чем русское племя указывает на их могущество и на необходимость сломить это могущество.

Нет сомнений, что в числе 1 млн евреев, проживающих вне черты еврейской оседлости, находится много лиц весьма почтенных деятельность которых заслуживает только глубокого уважения. Конечно, не о них идет и речь. Русское население тревожит то большинство еврейских деятелей, которые, не разбираясь в средствах, все крепче и крепче забирают в свои цепкие руки русских людей и русские дела.

Меры к ограничению деятельности в России еврейского племени

Передо мной лежит печатная брошюра, носящая заглавие «Речь раввина к своим единоплеменникам» (речь была найдена на убитом солдате-еврее в минувшую японскую кампанию)[265].

Относясь с недоверием даже к источнику происхождения этой брошюры, я тем не менее привожу некоторые выдержки из нее, как несомненно характеризующие взгляды на деятельность еврейского племени среди значительных групп населения России.

«Уже несколько столетий наши ученые сражаются против креста храбро и с настойчивостью, которую ничто сломить не может. Наш народ постепенно поднимается и со всяким днем вырастают все силы его. Нам принадлежит этот „Бог дня“, этот „золотой телец“ — это универсальное богатство эпохи.

Когда же мы сделаемся единственными обладателями всего находящегося на земле золота, власть фактически перейдет в наши руки, и тогда сбудутся данные Аврааму обещания.

Золото, это величайшая сила на земле, это могущество, награда, орудие всякой власти, это все, чего человек боится ижелает; вот единственная тайна, глубочайшая наука о том духе, которым управляется этот мир.

Вот в чем состоит будущее:

Преследования и истребления — эти мрачные и мучительные времена, с героическим терпением перенесенные народом израильским, к счастью нашему, миновали для нас, благодаря прогрессу цивилизации у христиан, и этот прогресс есть лучший щит, за который мы можем укрыться и орудовать, чтобы быстро и решительно сделать последний шаг того расстояния, которое отделает нас от нашей высшей цели.

Бросим только беглый взгляд на материальное положение Европы и анализируем ресурсы, доставшиеся Израилю с начала настоящего столетия, путем сосредоточения в их руках громадных капиталов, которыми они располагают в настоящее время.

Оказывается, что в Париже, Лондоне, Вене, Берлине, Риме и т. д., повсюду израильтяне суть хозяева финансового положения, как владельцы многих миллиардов, не говоря уже о

второклассных и третьеклассных местностях, где в их руках все циркулирующие денежные доходы. Не упоминаем уже о том, что без их немедленного влияния нигде и никогда не может осуществиться никакая финансовая операция, никакая значительная работа.

Почти все короли и царствующие князья обременяются огромными долгами, сделанными на содержание многочисленных постоянных армий. Биржа сортирует и регулирует эти долги, а мы являемся почти полновластными хозяевами биржи во всех центрах земного шара.

Задача наша еще более облегчать способы заключения этих займов, и таким образом мы сделаемся единственными распорядителями всех ценностей, после чего у нас очутится, в качестве обеспечения данных нами государствам капиталов, эксплуатация всех их железнодорожных линий, рудников, лесов, больших заводов и фабрик, равно как и другие виды недвижимости, до их пошлин и налогов включительно.

Земледелие остается всегда главнейшим источником богатства каждой страны. Владение большими земельными участками проложит еще более широкий путь к почестям, и усилит наше влияние на высших должностных лиц страны. Из этого следует, что наши усилия должны быть направлены к тому, чтобы братья во Израиле делали крупные территориальные приобретения. Вы должны поэтому, по мере возможности, работать над раздроблением больших поместий, чтобы приобрести их в свое владение скорейшим и более легким способом. Под предлогом выступления на помощь рабочим классам надо давить крупных землевладельцев всей тяжестью налогов и, когда эти владения законным образом, исподволь, перейдут в наши руки, весь труд христианского пролетариата сделается для нас новым источником громадных прибылей.

Так как христианская церковь является для нас одним из опаснейших врагов, то мы обязаны неустанно работать над ослаблением ее влияния, а для этого нужно стараться всеми силами прививать к исповедывающей христианство интеллигенции неверие и для свободомыслия, скептицизма и раскола вызвать религиозные споры в образовавшихся новых группах и сектах христианизма. Каждая война, каждая революция, каждое политическое или религиозное волнение приближают тот момент, когда мы должны достигнуть нашей великой цели, к которой столь долго стремимся.

Коммерция и спекуляция, эти две изобилующие плодами отрасли, не должны никогда выскользнуть из рук израильтян. Для этого надо прежде всего добиться полного сосредоточения в наших руках торговли спиртными напитками и вином, затем маслом и хлебом, так как этим путем мы являемся абсолютными хозяевами главнейших отраслей земледелия и вообще всей сельской экономии. Мы сделаемся раздатчиками зерна всем, но если вследствие нищеты где-либо проявится неудовольствие, нам будет всегда достаточно времени легко свалить ответственность за все на правительство…

Судебные установления должны быть для нас институтом первостепенной важности. Карьера адвоката наиболее развивает способности к цивилизации и освящает нас наиглубже в дела наших естественных врагов — христиан. Благодаря ей, этой профессии, мы наиглубже можем покорять их нашей воле. Почему израильтяне не добиваются должности министров народного просвещения, если им так часто удается владеть портфелем министра финансов? Израильтяне должны также усиленно стремиться к занятию высших постов в законодательстве, чтобы таким путем работать для отмены законов, установленных христианами против детей Израиля. Впрочем, с этой точки зрения наш план быстро подвигается по пути к его полной реализации.

Мы не должны оставаться пассивными к тому, что может способствовать к завоеванию нами почетного места в обществе: философия, медицина, право политическое и экономия, одним словом, все отрасли знания, искусства, литературы представляют собой широкое поле, малейшие успехи на котором, развивая наши способности, принесут огромные выгоды нашему

делу. Все эти призвания должны быть неразлучны со спекуляцией.

Медик посвящен, обыкновенно, в самые интимные секреты семьи и вследствие этого имеет в своих руках здоровье и жизнь наших врагов — христиан.

Если только власть есть первая сила на этой земле, то второй за ней бесспорно следует признать прессу. Но что значит вторая без первой? Так как мы не можем осуществить вышесказанное без помощи печати, необходимо, чтобы управление всеми газетами, журналами всех стран находилось в руках наших.

Обладание золотом, печатью и способностью в выборе средств для удовлетворения известных свойств души сделают из нас посредников в общественном мнении и подчинят нам народные массы.

Придерживаясь этой методы на каждом шагу нашего пути с настойчивостью, составляющей одно из наших высших качеств, мы оттесним христиан и сведем их влияние к нулю. Мы продиктуем миру то, во что он должен верить, что должен почитать и что проклинать. Возможно, что найдутся такие личности, которые бросят в нас оскорбления и проклятия, но послушные и невежественные массы будут внимать нам и держать нашу сторону.

Раз сделавшись абсолютными хозяевами прессы, мы уже легко сумеем переделать понятие о чести, о добродетели, о прямодушии и нанесем первый удар тому, до сего дня все еще священному, учреждению, — семейному началу, которое необходимо довести до разрушения. Мы тогда будем в состоянии вырвать с корнем веру в то, прежде чем до этого времени благоговели наши христиане, и взамен этого, воспитав армию увлечением страстями, мы открыто объявим войну всему тому, что теперь уважают и перед чем еще благоговеют.

Весьма важно для нас притвориться сторонниками и ревнителями социальных вопросов, стоящих на очереди в стране, особенно тех, которые имеют целью улучшение участи рабочих, но в действительности наши усилия должны тяготеть ко владению и управлению общественным мнением. Ослепление народных масс, их склонность впадать в красноречие столь же пустое, как и звонкое, делают из них легкую для нас добычу и двойное орудие нашей популярности и кредита. С помощью красноречия наши ораторы сумеют заставить верить нашим искренним чувствам настолько же, насколько у истинных христиан это достигается энтузиазмом.

Необходимо, по мере возможности, поддерживать пролетариат и подчинять его заведывающим денежной частью. Действуя таким образом, от нас будет зависеть, когда нам это понадобится, возбудить массы. Мы употребим их орудием к ниспровержению правительства и революциям, и каждая из этих катастроф гигантским шагом будет подвигать наше дело, быстро приближаясь к цели — царствовать на всей земле, как то обещано нам отцом Авраамом».

Нельзя не признать, что часть этой программы уже приведена в исполнение.

Надо ли ожидать дальнейших побед евреев или ныне же положить предел росту их власти, их влияния?

Борьба с евреями естественно распадается на три отдела: борьба с вредным влиянием евреев в местностях вне черты еврейской оседлости; борьба с вредным влиянием евреев в местностях, находящихся в черте еврейской оседлости, и, наконец, борьба с вредным влиянием евреев в армии.

В статьях М. Меньшикова «Правительство и евреи» приведены следующие данные о правительственных мерах, имевших целью, путем образования, сделать из еврея «другого человека»[266].

Правительство наше, забыв мнение великого Петра I о вреде евреев, начало в 1840-х годах принимать меры для привлечения евреев в русские школы. 13 апреля 1835 года подтверждено равноправие евреев по образованию в черте еврейской оседлости. Евреям, кончившим курс гимназий, открыли все высшие школы. В 1848 году последовало открытие еврейских школ по

определенной системе, причем особые раввинские училища имели гимназический курс. Для поощрения евреев к образованию для них сократили срок военной службы с 15 до 10 лет.

В 1859 году объявлено обязательным образование для еврейских детей купцов и почетных граждан: «Задавшись книжной мыслью, что школа создает нового человека и непременно русского, правительство ввело обязательное обучение для еврейской буржуазии». Стоило еврей окончить университет, и он получал право поступления на службу по всем ведомствам и право занятия торговлей и промышленностью во всей России.

Пользуясь этим правом, евреи выводили с собой в местности вне черты еврейской оседлости целые еврейские колонии под видом членов семьи, слуг, приказчиков, конторщиков.

В 1860-х годах в нескольких ведомствах появились евреи — техники, технологи, преподаватели. Дети евреев были допущены в русские гимназии вне черты еврейской оседлости. Родители таких детей получили право переселиться в места обучения своих детей, даже не имея на то личных прав.

Для еврейских детей, успешно окончивших курс начальных еврейских училищ, было разрешено поступление в первый класс русских гимназий без экзамена, и эта чудовищная льгота держалась 13 лет.

В результате такой политики, по мнению М. Меньшикова, печать, театр, литература, медицина, судебное ведомство переполнились евреями.

Но другими людьми евреи не становились. Школьное начальство стало свидетельствовать, что евреи в школах развращают русских детей. В беспорядках в Одесском округе в 1880—1881 годах главную роль играли евреи.

В 1885 году число евреев, обучавшихся в гимназиях, составило 11 % всего числа учеников. В университетах за 20 лет число евреев увеличилось в 14 раз.

В 1885 году государь император Александр III признал необходимым положить предел захвату евреями русской школы и выразил мнение, чтобы число евреев в школах, в местностях вне черты еврейской оседлости, было определено *«сообразно численному отношению евреев к общей массе населения»*.

Наши западники тянули этот вопрос 2 года и добились увеличения указанной государем нормы в 5 раз. Сообразно численности населения следовало назначить 1 %, а назначили 5, но и эту норму Делянов в 1889 году уничтожил, разрешив принимать в университет лучших учеников-евреев без нормы.

М. Меньшиков пишет:

> «Гуманный армянин формально выполнил волю Александра III, а фактически свел ее к нулю. Боголепов был убит за отмену Деляновского циркуляра, открывшего евреям шлюз в высшую школу. Ванновскому удалось уменьшить норму, но Зенгер стер, как губкой, все распоряжения Банковского, и восстановил Деляновские нормы».

В 1905 году евреев в университетах сверх нормы находилось:
В Петербургском — 3% было — 5,6%
В Московском — 3% было — 4,5%
В Харьковском — 5% было — 12%
В Киевском — 10% было — 17%
В Варшавском — 10% было — 38%
В Новороссийском — 10% было — 17%

В прошлом году неожиданно последовали новые огромные льготы по образованию для

евреев. С 1910 года евреи вне черты еврейской оседлости будут поставлены относительно образования своих детей в средних и низших учебных заведениях *условия, в 10 раз более благоприятные, чем русское население.* За что же им оказана такая милость? Быть может, своим доблестным участием в войне с японцами и неучастием в революционных беспорядках они заслужили это? Совсем напротив. В 1904 году число не явившихся к призыву евреев увеличилось вдвое против 1903 года. Призвано было 66 тыс. чел. евреев; не явилось без уважительных причин свыше 20 тыс. чел. На каждую тысячу призываемых недобор был *свыше 300 человек,* в то время как недобор среди русского племени составил на 1000 человек *всего 2 человека.* Да и те евреи, которые были призваны из запаса, массами бежали с пути на театр военных действий.

Как известно, в революционных беспорядках видная роль также принадлежала евреям. По всей вероятности принятая нашим правительством мера, допустившая прием евреев в 10 *%,* имеет лишь временный характер, и вызвана переполнением учебных заведений евреями в смутные 1904—1907 годы.

Во всяком случае борьбу с евреями в местностях вне черты еврейской оседлости надо начинать с выполнения мнения по этому вопросу государя Александра III — представлением евреям права поступления в средние и высшие правительственные учебные заведения (в том числе и художественные) только *сообразно их относительной численности ко всему населению,* проживающему в этих местностях. Так как евреи составляют по численности в местностях вне черты еврейской оседлости 1 % населения, то, значит, ни в одном из средних и высших учебных заведений в местностях вне черты еврейской оседлости не должно допускаться более 1 % евреев.

Таким образом, на каждые 100 человек штатного состава учеников средних и высших учебных заведений в местностях вне черты еврейской оседлости можно принимать только по 1 еврею. При этой норме евреи будут поставлены в *равные условия* с детьми русского происхождения.

В черте еврейской оседлости допуск евреев в правительственные учебные заведения, средние и высшие, должен быть также ограничен.

Опыт равноправия евреев с другими народностями не имеет успеха даже в Америке. Там, при полном равноправии евреев, преступность их вдвое большая, чем среди остального населения.

В главе XXIX указано, какое огромное значение евреи приобрели в настоящее время в России захватом в свои руки важнейших отраслей народного хозяйства: торговли хлебом, лесом, нефтью, льном и захватом в свои руки значительной части внутренней торговли. Прибавим, что роль евреев в профессиональном труде населения на различных поприщах тоже имеет значительное развитие. В их же руках сосредоточены огромные капиталы, банковые и акционерные предприятия.

Экономический гнет еврейским населением русского создавался в течение многих лет, поэтому не может быть уничтожен какими-либо быстрыми решительными мерами, без потрясения экономической деятельности русского населения. Поэтому, решив бесповоротно освободить прежде всего местности вне черты еврейской оседлости от еврейского ига, необходимо действовать с известной постепенностью.

По моему мнению, эта постепенность мероприятий относительно деятельности евреев вне черты еврейской оседлости может быть определена принятием следующих трех главных мероприятий:

1) Все евреи, имеющие на основании существующих узаконений право жить и действовать в местностях вне черты еврейской оседлости, сохраняют пожизненно это право, *присваиваемое им лично.*

При этих лицах могут проживать только ближайшие члены семьи: жена, дети и родители. Проживание с ними других родственников, приказчиков, конторщиков, компаньонов, еврейской прислуги запрещается. Каждый еврей, получивший право жительства в местностях вне черты еврейской оседлости, должен заниматься той профессией, которая дала ему право на это жительство. Например, дантисты-евреи и должны заниматься этим делом, а не вести хлебные операции на Калашниковской бирже.

2) Все установленные в настоящее время изъятия и льготы для евреев, занимающихся теми или другими профессиями, *отменяются.* Никто из евреев вновь не может приобрести права жить и действовать вне черты еврейской оседлости.

3) Это ограничение прав евреев не должно допускать никаких изъятий. Как указал опыт, изъятия в еврейском вопросе ведут только к злоупотреблениям со стороны различных чинов администрации, особенно со стороны низшей полиции.

При применении этим мер нельзя принимать в расчет и давать серьезное значение многочисленным ходатайствам, которые начнут поступать, за коллективными подписями, от разных групп русского населения. Фабрикуются такие ходатайства очень просто: при мягкосердии русского человека убежденный в пользе евреев западник или делец, попавший в кабалу от евреев, может собрать нужное ему количество подписей, среди которых будут фигурировать лица разных положений и званий, не исключая и духовного.

Примеры с евреями, незаконно поселившимися в Москве, в Самарканде, даже в Торопце, откуда тоже было ходатайство о невыселении евреев, служат тому доказательством.

Относительно облегчения русского населения в местностях в черте еврейской оседлости, пока не будут освобождены от евреев местности вне черты еврейской оседлости, трудно что-либо высказать. Только когда русское племя в коренных губерниях России укрепится духовно, усилится материально, освободится от еврейской зависимости, это могучее по своим основным качествам племя найдет силы довершить по отношению к губерниям в черте еврейской оседлости великое дело создания «России для русских».

Но и в местностях в черте еврейской оседлости надо приходить на помощь другим племенам и, в случаях особо вредного влияния евреев, надо постепенно те или другие пункты исключать из черты еврейской оседлости.

В числе таких пунктов на первом месте надо поставить важный в истории России и важный для православного населения в религиозном отношении г. Киев.

Приведем ниже одно из ходатайств местного населения об освобождении его от вредного влияния евреев.

Ходатайство алуштинцев. В телеграммах уже сообщалось о ходатайстве алуштинских землевладельцев и дачевладельцев об исключении Алушты из списка городов еврейской оседлости, о выселении из нее всех водворившихся в ней евреев и о запрещении им приезжать в Алушту в летнее время.

Как сообщает «Ялтинский вестник», алуштинцы в своем ходатайстве ссылаются на следующие грехи еврейства:

1) евреи внесли в среду местного мирного, трезвого и трудолюбивого татарского населения отрицательные взгляды на труд, порядок, законность, честь и справедливость;

2) совершенное презрение евреев к физическому труду развращающе действует на население;

3) евреи эксплуатируют труд местного населения и, пользуясь затруднительным положением его в деньгах в весеннее и летнее время для обработки своих виноградников и садов, дают ему деньги в ссуду под залог за высокие и незаконные проценты, чем совершенно разоряют население;

4) евреи производят тайную продажу вина и водки и всякими способами спаивают местное население и пришлый рабочий люд;

5) своей незаконной торговлей евреи подрывают всякого рода торговлю в ущерб как местных торговцев, так равно и покупателей;

6) присутствие евреев в Алуште, как людей некультурных и нечистоплотных, заставляет многих отказываться от жительства в Алуште и ехать в более культурные места[267].

Меры к поднятию физического развития русского населения

«Вздоровом теле — здоровая душа», — эта истина давно всем известна. Между тем условия современной жизни, особенно для образованных классов на Руси и для рабочих фабрик и заводов складываются таким образом, что русское население ослабевает не только духовно, но и физически. При указанных выше мерах к подъему духовных сил населения, при переустройстве школы, сообщении ей воспитательного значения и введении в число обязательных предметов гимнастики, при оздоровлении жизни образованных классов можно надеяться, что улучшится и физическое развитие городского населения.

Различные инспекции, наблюдающие за бытом рабочих на заводах и фабриках, сами фабриканты, идущие на помощь рабочим улучшением их быта, более сознательное отношение к своему здоровью рабочих — все это, вместе взятое, должно способствовать приостановке ухудшения здоровья рабочих масс населения, городского и фабрично-заводского. Но заметное улучшение может последовать только с уменьшением пьянства и более успешной борьбой с сифилисом. Эти два врага здоровья народа ныне действуют на рабочие массы с разрушительной силой.

Тесная связь духовной и физической сторон природы человека указывает на необходимость борьбы против тех учений, которые разнуздывают животные инстинкты человека и, разрушая его нравственность, неизменно ведут и к физическому вырождению. На Руси наибольшим здоровьем и долговечностью пользовались во все века люди религиозные, строившие свой жизнь на нравственных устоях, вытекавших из их религиозных верований. Ныне распространяются не только среди интеллигенции, но и среди рабочих учения, отвергающие религию и нравственность. «Санин» с его порнографическими вожделениями становится для многих идеалом. Никаких сдерживающих животные инстинкты начал не признается. Даже родная сестра для Санина не защищена от его плотоядных помыслов. Ничто не признается священным, все разрешается новому сверхчеловеку.

Представители рабочей партии на первом съезде по борьбе с пьянством развернули свое знамя: «не надо религии, не надо нравственности»[268], — вот что написано на нем вместо прежних возвышающих слов о вере, царе и родине. Священники вышли из зала заседания. Многие из них плакали.

Эти больные люди в своем ослеплении не замечают, что отрицание религии и нравственности не увеличивает их разницы с животными, но приближает их к животным. Ведь муравей, пчела и много других животных обладают несомненно разумными инстинктами, как и человек. Их разница с человеком заключается именно в том, что животные живут без религии, живут, не руководствуясь никакими нравственными началами. Очевидно, отрицание религии и нравственности составит ступень не к совершенствованию человека, а к падению его, вследствие умаления особенностей, отличающих его от животного, и пробуждения не сдерживаемых ни религией, ни нравственностью животных инстинктов.

С отрицанием религии и нравственности всякое преступление против личности, имущества, установленного государственного порядка, против основ той христианской нравственности, которая до сих пор руководила лучшими людьми всех эпох, — все это будет разрешено и прикрыто свободной волей сверхчеловека, прикрыто признанием, что он действует сообразно своим инстинктам.

Поднять духовно, а вместе с тем и физически тех рабочих и представителей интеллигентной молодежи, которые выйдут на путь отрицания религии и нравственности, очень трудно. Но ни общество, ни правительство не должны останавливаться перед борьбой с этими трудностями, как не должно опускать руки перед все растущим отравлением организмов водкой и сифилисом.

В каких формах выразится эта борьба в XX веке и к каким приведет результатам, трудно предугадать, но надо спешить начать эту борьбу, пока русский народ, а с ним и армия, еще не отравлены в неизлечимой степени водкой, сифилисом и учениями, отрицающими религию и нравственность.

К счастью, в самом обществе и в среде учащейся молодежи уже отмечается протест против этих разрушительных учений: вместе с тем Арцыбашевы и Куприны перестают считаться кумирами, и труды этих авторов начинают получать должную оценку.

Сельское население тоже тронуто не только алкоголизмом, но и сифилисом. Число больных сифилитиков, поступающих в войска, увеличивается. Признаки наследственности от отцов-алкоголиков и сифилитиков все чаще встречаются у молодежи всех классов, в том числе и в сельском сословии.

Вместе с борьбой в деревне против пьянства, необходимо выступить на борьбу против распространения в деревне сифилиса. Неужели наши ученые, одолевшие землю, воду и воздух, не могут найти способа к радикальному излечению сифилиса? Можно дать миллионную премию тому благодетелю человечества, который этот способ найдет.

Наш великий ученый Мечников, говорят, занят изобретением средства против старости. Но важнее спасти здоровье и жизнь миллионов молодых людей, нежели продлить еще на насколько лет жизнь старикам.

Кроме водки и сифилиса, здоровье деревенского населения разрушается родами без акушерской помощи и быстрым выходом на работу после родов. Трудно себе представить, как опускается физически в деревне здоровая девушка после выхода замуж и родов 2—3 детей. В 25 лет деревенская баба часто кажется 40-летней. Самые невероятные приемы местных повитух в случаях тяжелых родов еще практикуются во всей силе и приводят к увечью или смерти матери и рождению больного или мертвого ребенка.

Крайне тяжелый труд летом, почти без отдыха, доходящий до 18 рабочих часов в сутки, не может не действовать тоже разрушительно на здоровье. Отдых часто на сырой земле или в избе, где скучено много народа, не раздеваясь, иногда в мокром платье, — вся эта крайне негигиеничная обстановка жизни крестьянина-земледельца способствует быстрому упадку сил его, появлению ревматизмов и других болезней, которые крестьяне характеризуют или болью в груди, или общим выражением: «болит все нутро». От грубой пищи, от водки много катаральных заболеваний: «болит под ложечкой» — один из признаков запущенного катара.

Конечно, сравнительно с тем, как было 50 лет тому назад, медицинская помощь сельскому населению организована намного лучше. Есть в уездах фельдшерские пункты, врачи, больнички, но все это требует больших денежных средств и для бедной России доступно, в достаточных размерах, только в немногих местностях. В большинстве же и ныне главная масса сельского населения или вовсе не обращается за медицинской помощью и покорно переносит физические страдания и смерть, или получает эту помощь от невежественных фельдшеров, посылающих

часто заглазно разные мази, капли. Мази часто посылаются в коробках от так называемых шведских спичек.

Дети растут почти совершенно без призора. Отсюда огромная смертность детей. Но все же выживают более крепкие организмы: происходит естественная сортировка их. При той необеспеченности в России самых важных нужд живущего населения, при тех тяжких заботах, которые должны вызвать свыше 2 млн человек в год прироста населения, если бы все или большая часть детей, в массе хилых, путем самого тщательного ухода и больших расходов стала выживать в России, то в настоящий исторический период Россия вряд ли справилась бы с ежегодным приростом населения около 4 млн душ.

Французы вопрос о лишних ртах решают на свой манер. В России разрешению вопроса об удалении лишних ртов помогают суровый климат, зима, ветер, грязь, дурные избы, недостаточная одежда, недостаточная пища, отсутствие умелого материнского ухода…

Но самым главным средством к увеличению физических сил русского населения все же надлежит признать *улучшение его пищи.*

Когда рядом мер, вместе с подъемом духовных сил русского народа, с уничтожением пьянства, с увеличением знаний и проч., поднимутся и материальные силы русского народа, можно надеяться, что он улучшит и свой пищу, сделав ее более питательной, легче перевариваемой, особенно для детей.

Мне приходится близко наблюдать питание крестьян одного из уездов Псковской губернии. В общем пища этих крестьян схожа с пищей значительной части земледельцев средней и северной России.

Прежде всего по наблюдениям старожилов отмечается, что со времени освобождения крестьян пища их не улучшилась, а скорее ухудшилась. Развились потребности, явилась нужда в покупке многих предметов, без которых прежде обходились, особенно предметов одежды, керосина. Бабы и девки стали наряжаться более прежнего, на водку расход увеличился, а доходы с земли не увеличились. Недостача стала ложиться на дальнейшее упрощение пищи, и ранее вполне простой.

Ныне, как и ранее, главную часть пищи крестьянина составляет черный хлеб с солью, но и его стали есть меньше прежнего, стали есть с опаской, что не хватит, добавляя картофель, что уже менее питательно. В особенности велико употребление картофеля среди населения польских губерний. После хлеба и картофеля важную роль в пище крестьянина Псковской губернии играет овес. Из овсяной муки приготовляют так называемые «заливочные щи», которые почти неизменно сопровождают обед крестьянина — дома в горячем виде, летом в поле — в холодном и разного вида лепешки и блины, заменяющие хлеб.

Жировые вещества добавляются в нашей местности главным образом из свиного мяса и сала. Но растягивают запас одного убитого борова на много месяцев. Молоко, особенно для детей, играет важную роль. Для взрослых оно служит для подболтки щей. Творог в разных видах играет в пище крестьянина заметную роль. Масло едят более постное. Яйца и куриц стали скупать на вывоз. В редких случаях убивают в праздничные дни ягненка, теленка. Коровье мясо почти не употребляют: лишних, а часто и не лишних, коров продают, чтобы найти деньги для покупки хлеба, которого часто не хватает для уплаты податей и проч. Огородных овощей во многих деревнях почти не разводят и впрок не заготовляют. Капуста, редька, репа, морковь не в большом употреблении. Еще лук встречается чаще других овощей. Фруктовых садов крестьяне, за редкими исключениями, не имеют, равно как и ягодных кустов. Летом большое подспорье к пище составляют грибы и отчасти дикие ягоды. Гороха мало. Боятся его сеять, потому что не дают снять урожая: крадут, когда еще зелен. Селедка составляет любимое подспорье в пище. Питьем служит вода, реже молоко и плохой квас. В праздники варят довольно невкусное, но

дающее опьянение пиво. Употребление чая и сахара увеличивается.

Прежде в нашей местности, обильной озерами и речками, большим подспорьем в пище населению служила рыба, водившаяся в изобилии. Но год от году рыбы становится меньше, и она стала даже в наших местах дороже мяса.

Трудно надеяться, чтобы наш крестьянин быстро мог улучшить в заметной степени свой пищу. Но необходимо и в этом важном деле прийти ему на помощь. Эта помощь прежде всего должна явиться путем улучшения пользования им почвой, причем огороду должно быть отведено видное место. Огорода, странно сказать, часто не умеют завести за недостатком знаний и трудности находить семена. В особенности важно прибавить к пище горох и бобовые растения. Разведение небольших садиков тоже содействовало бы улучшению пищи.

Часть яблок и вишен, даже самых простых сортов, могла бы идти в сушку на приготовление в праздничные дни зимой блюда вроде компота (взвар). Улучшенный уход за скотом увеличит количество молока и даст более масла. Теперь же крестьянский скот, по их выражению, только «поземный», т. е. содержимый для получения навоза или, как говорят поместному, «позема».

Но на что необходимо обратить самое серьезное внимание правительства, это на сохранение и затем на увеличение рыбных богатств России. Дело это стоит у нас очень плохо. Несомненно, что количество рыбы уменьшается. Причин к тому много. Конечно, одна из главных, это увеличение числа ртов и, значит, спроса на рыбу. Но и кроме этой основной причины существуют другие, которые можно и должно устранить. В наших местах нет охранного для рыбы периода. Ее ловят в так называемые «ходы рыбы», когда она скучивается в большие стада и еще не успела выметать икру. Погибают массы рыбных зародышей. Затем не существует должного надзора за снастями, и рыбу вылавливают сетями и неводами со слишком мелкой ячейкой, куда попадается самая мелкая рыбешка. В особенности губителен для рыбы лов бродниками и мутниками, куда попадают даже мальки. Со стороны моря, несмотря на надзор, хищнически загораживают устья рек и перехватывают большую часть рыбы. Пароходы и пролитая нефть доканчивают дело, и даже в великой Волге теперь рыбы очень мало, особенно в верховьях; то же и в других реках. В озерах, в том числе и в Псковской губернии, стал развиваться при участии евреев особый лов рыбы «мережами», при котором вся рыба в 2—3 года *вылавливается почти без остатка.*

Первой основной мерой в целях приостановки уменьшения рыбы я считал бы необходимым запрещение на известный срок, примерно на 10 лет, *продажи икры* с организацией строгой охраны икряной рыбы. Без принятия этой меры другие будут мало действительны. Затем необходимо организовать строгий надзор за орудиями лова, и хищнические способы лова, вроде лова в закрытых озерах системой мереж, запретить. Огромные зимние невода, вычерпывающие рыбу с большой глубины, тоже должны быть запрещены временно на озерах. В небольших неводах необходимо установить довольно крупную ячейку с тем, чтобы в них попадала только средняя и крупная рыба.

Но это только начало рыбного дела. Главное — впереди. Главное — это приступ в огромных размерах к искусственному разведению рыбы в русских морях, считая в том числе Каспийское и Черное, в реках и озерах[269]. Надо задаться целью подготовить в XX веке отличное пищевое средство для населения до 400 млн душ. Времени терять нельзя. Не только на Западе, но даже в балтийских провинциях дело искусственного разведения рыбы пошло вперед. Уже существуют имения, в которых в план хозяйства вводится обращение очередного поля в пруд или озеро. Оставаясь под водой 3 года, такое поле получает естественное удобрение от ила, а от выращиваемой рыбы (по преимуществу карповой породы) получается хороший доход. Я читал, что на третий год искусственно разведенный карп уже достигает примерно фунтового веса и идет в продажу.

При огромном числе постных дней в году возможность для русского человека получать дешевую рыбу составит важное дело, улучшит пищу его и увеличит его физические силы.

Признаю, что в настоящее время вопрос об увеличении запасов в России рыбы имеет государственное значение.

Желательно, чтобы в составе министерства земледелия был образован особый отдел или департамент, имеющий специальной целью изучение рыбных богатств России, заведывание мерами по охране этих богатств и заведывание мерами по их увеличению.

В журнале «Сельский хозяин» в прошлом году была помещена статья В. Гедимина «Как были разрешены крестьянский и земельный вопросы в Дании?»

Вот что пишет автор, на основании трудов по Дании П. Шебеко, Н. Крюкова, А. Кофода.

В Дании в XVIII столетии жизнь крестьянского населения в бытовом и экономическом отношениях напоминала жизнь русского крестьянина: «Как и у нас, там существовало крепостное право и общинное землевладение; население в общей своей массе было бедно и невежественно. Земледелие стояло на очень низкой степени развития. При общинном владении земля дробилась на бесчисленное количество полей; у иного крестьянина такие полосы были разбросаны в 30—80 местах».

Крестьяне были обременены барщиной и повинностями, отнимавшими у них до 3 рабочих дней в неделю; угнетенное положение датского крестьянина усугублялось в те времена еще стихийными бедствиями вроде неурожаев, эпизоотий[270] и т. п. *Склонность крестьян к пьянству ухудшала и без того печальное положение.*

Какими же мерами достигнуто нынешнее редкое благосостояние массы населения в Дании? Путь был тот же, которым ныне и мы проходим.

В 1702 году королевским указом было уничтожено крепостное право. Но, вследствие оппозиции дворянства, приведение в исполнение этой реформы было оттянуто на 80 лет.

В середине XVIII столетия особая комиссия в Дании исследовала причины, препятствовавшие развитию сельского хозяйства в стране. В 1758 году последовал королевский указ об улучшении сельского хозяйства путем последовательного упразднения общины. Но сами крестьяне крепко держались за общину и противились переходу на хуторское хозяйство.

В 1769 году вышел закон об окончательном уничтожении общинного владения. Каждый крестьянин получил право требовать отвода ему земли в одном куске. Но противодействие этому закону оказывали большое, как помещики, так и крестьяне. В 1792 году вышел новый закон, по которому казна начала возмещать расходы по разверстанию. Тогда дело пошло успешнее, и к началу XIX столетия половина селений перешла на хуторское хозяйство, а еще через 30 лет осталось неразверстанными не более 1 % всех селений.

Со стороны правительства с переходом населения на хутора принимались многие поощрительные меры к скорейшему подъему хуторского хозяйства. Хуторянам был открыт кредит в королевской кассе; за правильно поставленное хозяйство и возведение прочных построек были установлены награды. Королевское сельскохозяйственное общество деятельно распространяло среди крестьян и вообще сельского населения новые идеи и технические знания. Одновременно упорядочивался школьный вопрос. С 1786 года была образована особая кредитная касса, имевшая задачей выдавать ссуды на улучшение земледелия и вообще жизненных условий крестьян.

В результате подворно-хуторское землепользование в Дании сыграло решающую роль в улучшении материального благосостояния всего населения.

Вот в нескольких словах путь, которым Дания достигла завидного благосостояния. На этот путь вышла ныне и Россия. Конечно, нельзя ожидать, что в несколько лет все может перемениться, но при природных силах русского племени можно вполне надеяться, что, как и в

Дании, переход на хуторское и отрубное хозяйство в России, в связи с другими мерами по подъему сельскохозяйственной деятельности населения, послужит к подъему материальных сил русского племени.

Таким образом, главными мерами для поднятия материальных сил русского народа можно признать:

1) В XX веке национально-экономическая политика России должна содействовать развитию как земледельческой деятельности, так и фабрично-заводской промышленности.

2) В XX веке необходимо начать борьбу в целях уменьшить могущество капитала и заставить его работать для увеличения достатка масс, а не для колоссального обогащения единиц.

3) Целью усилий правительства должно служить увеличение среднего достатка населения.

4) Надо изыскать возможности и средства развить в земледельческой России массу мелких, промышленного значения производств, связанных с земледелием.

5) Особое внимание надо обратить на укрепление мелкого землевладения в России, в том числе хуторского и отрубного.

6) Необходимо принять решительные меры к охране личности и имущества всех групп населения, без чего подъем материальных сил населения недостижим.

7) Необходимо увеличить знания в населении, в особенности сельскохозяйственные, для лучшего использования естественных богатств России.

8) Надо принять меры к увеличению пищевых средств, производимых Россией, ввиду огромного прироста ее населения.

В этих видах надо обратить особое внимание на увеличение рыбных богатств России.

9) Главная забота правительства по поднятию материальных сил русского народа должна быть первоначально направлена на улучшение материального положения русского населения коренных губерний России (с целью поднять оскудевший центр).

10) Желательно ограничить вывоз зерна за границу, пока продовольствием население России не будет вполне обеспечено.

11) Особое значение будут иметь все те меры, которые позволят в будущем вывозить сельскохозяйственные продукты за границу не в сыром виде, а в обработанном или полуобработанном.

12) Особые заботы правительства должны быть направлены на приостановку перехода естественных богатств России в чужие руки и возврат этих богатств опять в русские руки.

13) Наконец, одной из главных мер по улучшению материального положения русского племени надлежит признать ограничение, а со временем и полное прекращение деятельности евреев в местностях вне черты еврейской оседлости.

С улучшением материального положения населения улучшится пища его, жилище, одежда, что отразится не только на улучшении физического развития населения, но и на подъеме духовных его сил.

Меры по усилению военного положения России

Необходимость прочной железнодорожной связи Европейской России с Дальним Востоком ♦ Меры по улучшению командного состава армии ♦ Меры по улучшению состава нижних чинов ♦ Необходимые изменения в уставе о воинской повинности ♦ Значение различных родов оружия на основании опыта последней войны ♦ Строевая организация войск ♦ Меры к увеличению упорства войск в бою

В предыдущих главах сделаны выводы из деятельности нашей армии в течение XIX столетия. В числе этих выводов значились следующие:

1) Политическая подготовка трех последних войн, веденных Россией в XIX столетии (в 1828,1853 и 1877 годах), была недостаточная. России приходилось воевать не только без союзников, но и оставлять главные силы армии против западной границы и внутри на случай вмешательства в войну соседних держав.

2) Войны, веденные Россией в XIX столетии, начинались каждый раз недостаточными силами, которые с началом войны приходилось значительно усиливать.

3) Связь армий, действовавших в Турции или в Крыму, с внутренними местностями России в дорожном отношении была недостаточная.

4) Недостаточный отпуск денежных средств на армию в мирное время был причиной отсталости ее в вооружении и в техническом отношении в 1855 году от армий французской и английской, а в 1877—1878 годах —от турецкой.

В Русско-японскую войну в 1904—1905 годах все эти невыгодные для России в военном отношении условия повторились.

Причина постоянства неблагоприятных для России условий, как объяснено выше, лежала главным образом: 1) в неопределенности нашей политики по отношению к делам Ближнего Востока, 2) в бедности и отсталости в культурном отношении России сравнительно с ее западными соседями.

С возвращением России к национальной политике облегчится и ведение внешних сношений, ввиду их определенности; облегчится также подъем духовных и материальных сил русского народа. Национальная русская политика должна будет самым деятельным образом готовить благоприятную политическую обстановку на случай возможных еще осложнений, особенно на Дальнем Востоке.

По мнению знаменитого гр. Мольтке, «политика влияет решительным образом как на начало, так и на конец войны».

По мнению фон дер Гольца, «без деятельной политики счастливое ведение войны невероятно».

В главе XXXVI изложены соображения о необходимости для России признать свой освободительную миссию на Балканском полуострове законченной и прийти к соглашению по делам Ближнего Востока с Австрией.

В настоящее время такому соглашению уже положено прочное начало. В особенности, если и Германия примкнет к этому соглашению, для России, в случае новых осложнений на Дальнем Востоке, явится возможность не оставлять главных своих сил на западной границе, как это приходилось делать во все войны, веденные Россией за последние 90 лет[271].

Если же состоится соглашение с главными европейскими государствами и по делам

Дальнего Востока, Россия получит возможность располагать всеми своими силами для отпора желтой расе и не останется без союзников.

Необходимость прочной железнодорожной связи Европейской России с Дальним Востоком

В предыдущих главах указано, что связь армий, действовавших в XIX веке в Турции или в Крыму, с внутренними местностями России была недостаточная.

В войну в 1904—1905 годов повторилось то же самое. Во все войны недостаточность связи действующей армии с основной базой — внутренними областями Европейской России — независимо от медленности сосредоточения армии, замедляла движение к армии подкреплений и укомплектований, что в свою очередь самым невыгодным образом отражалось на ходе военных действий.

В настоящее время связь главных сил нашей армии, расположенных в Европейской России, с войсками, расположенными на Дальнем Востоке, еще недостаточная. Эта связь улучшится, когда русское население Приамурского округа станет многочисленным, а железнодорожная связь прочной. Поэтому вместе с ростом русского населения в Сибири необходимо скорейшее проложение второй колеи Сибирской железкой дороги.

С Приамурским округом и Владивостоком Европейская Россия должна быть связана двухколейной Сибирской железной дорогой до Забайкалья, а далее — тремя коммуникационными линиями: рекой Амуром, Восточно-Китайской железной дорогой и Амурской железной дорогой. Все эти три линии необходимо должным образом подготовить.

Придя к соглашению по делам Ближнего Востока, возможно будет обратить особое внимание на устройство русских дел на Дальнем Востоке. Изменившаяся за последние 15 лет военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке вызывает необходимость принятия мер к усилению нашего там положения. Само русское население помогает этому путем переселения, принявшего за последние годы обширные размеры. По данным переселенческого движения за время с 1 января 1909 по 1 января 1910 года за Урал, через Челябинск—Сызрань, проследовало 95 600 семей переселенцев в составе 594 тыс. душ обоего пола, 25,5 тыс. одиноких, 88 тыс. ходоков, всего 707 тыс. душ. Обратно зато же время проследовало 11,59 тыс. семей переселенцев в составе 56,7 тыс. душ обоего пола, 25,5 тыс. одиноких и 57 тыс. ходоков, всего 140 тыс. душ. Прибавилось населения в Сибири путем переселения в 1909 году, *свыше 450 тыс. душ.*

Прежде всего требуется уменьшить в возможной степени обратное возвращение семей переселенцев. В 1909 году их вернулось кроме ходоков 80 тыс. душ. Они идут в Сибирь, распродав все свое имущество, идут с надеждами на лучшее будущее, а возвращаются почти нищими и составляют бремя тех местностей, в которые возвращаются.

Затем необходимо принять меры, чтобы русское население, переселившееся в Сибирь, действительно усиливало на востоке наше экономическое и военное положение. Чтобы переселенцы могли скорее стать прочно на ноги в экономическом отношении, необходим ряд мер, которые и принимаются, но в особенности важно обеспечить и облегчить переселенцам сбыт произведений их труда. Проложение дорог до самых отдаленных районов новых поселений должно составить одну из важных забот правительства. Важно также помочь переселенцам, кроме возделывания хлебов, для которых сбыт может оказаться не только затруднительным, но невозможным, найти иные промыслы: выкорм убойного скота, разведение лошадей, птицы, маслоделие, ловля и заготовка впрок рыбы, горные промыслы, охота и проч.

В военном отношении надо обратить внимание, что в числе переселившихся (например, в

1909 году около полумиллиона душ, мужчин, вполне годных к военному делу, в возрасте от 20 до 40 лет) находилось около 70 тыс. человек.

Необходимо подготовить использование этой силы в случае войны как для укомплектования армии, так и для формирования дружин ополчения. В случае войны оборонительной русские люди на Дальнем Востоке, способные носить оружие, должны встать как один человек, чтобы отстоять свой родину.

Надо, чтобы в случае войны русское население Сибири, в особенности Приамурского края, помогло русскому войску, а не потребовало бы от него ослабления на охрану своих семей, имущества и селений.

Для скорейшего увеличения русского населения Приамурского края необходимо разобраться в вопросе о казачьих землях, отведенных ныне Уссурийскому и Амурскому казачьим войскам, и, обеспечив нужным количеством земель казачье население, остальные земли обратить на нужды переселенцев.

Когда русское население прочно устроится в Приамурском крае и будет заключать в своем составе сотни тысяч лиц, годных для военной службы как в действующих войсках, так и в ополчении, наше положение на Дальнем Востоке получит устойчивость. Но без прочной железнодорожной связи с Россией это положение все еще не будет в достаточной мере обеспеченным, ибо главной базой для нашей армии, в случае новой войны на Дальнем Востоке, все же будет еще очень долгое время Европейская Россия. Поэтому скорейшее проложение начатой ныне постройкой Амурской железной дороги является делом государственной важности. Между тем, эта постройка продвигается не с желательной быстротой.

Одной из причин, затрудняющих быстрое усиление нашего положения на Дальнем Востоке, надлежит признать отсутствие на месте сильной, объединяющей деятельность различных министерств, власти. Действительно, в настоящее время пять министерств охраняют и укрепляют русское дело на Дальнем Востоке: военное министерство, при посредстве командующего войсками округа, ведает военной частью и казачьим населением; министерство внутренних дел, кроме общего направления деятельности Приамурского генерал-губернатора, ведает переселением в Сибирь населения Европейской России; министерство земледелия тоже ведает переселенческим делом и принимает меры к усилению сельскохозяйственной деятельности населения Сибири; министерство путей сообщения строит Амурскую и усиливает Сибирскую железные дороги; министерство финансов управляет делами Восточно-Китайской железной дороги, начальствует над сильным корпусом войск, охраняющих эту дорогу, и начальствует даже Уссурийской железной дорогой, проходящей в пределах Приамурского края; в распоряжении министерства финансов находятся не только железнодорожные средства, но и речная флотилия.

Приамурский генерал-губернатор и командующий войсками Приамурского округа в одном лице не является ответственным хозяином в трех главных делах, определяющих наше положение на Дальнем Востоке: в вопросе переселенческом, в вопросе постройки Амурской железной дороги и в вопросе направления деятельности Восточно-Китайской железной дороги в интересах Приамурского края.

Представляется необходимым, в виде временной меры, на время постройки Амурской железной дороги и проведения других мер по усилению нашего положения на Дальнем Востоке, облечь особыми правами местного генерал-губернатора и командующего войсками и объединить в его руках деятельность вышеперечисленных пяти министерств. Подчинение ему Восточно-Китайской железной дороги облегчит принятие мер к ускорению постройки Амурской железной дороги. Ведая постройкой этой дороги, Приамурский генерал-губернатор одновременно с постройкой будет и заселять прилегающую к железной дороге полосу земли.

Командующий войсками Приамурского военного округа (он же генерал-губернатор) энергично поможет войсками, техническими средствами и силами военного министерства скорейшему и более дешевому проложению Амурской железной дороги.

Привлечение войск к постройке Амурской железной дороги необходимо как в видах ускорения, так и в видах удешевления постройки. По расчетам, сделанным мной еще три года тому назад и имеющимся в министерстве путей сообщения и военном, необходимо назначить на постройку две дивизии пехоты, разбив линию постройки на восемь полковых участков. На каждом из этих участков устраивается штаб-квартира полка, чтобы определить восемь будущих городских поселений. На каждый из строительных участков назначаются саперные, железнодорожные и понтонные части.

Постройка дороги связывается с заселением линии русским населением. Каждая полковая штаб-квартира будет служить не только для строительных, но и для переселенческих целей. Первоначально в штаб-квартирах и частью на железной дороге возводятся все постройки временного типа. Такие постройки на Кавказе и в Туркестане служили 20—30 лет до замены их казармами постоянного типа.

При постройке дороги надо добиваться скорее открыть сквозное движение по временной колее (времянка).

В войсках, назначенных для расквартирования вдоль железной дороги и для содействия ее постройке, устанавливается очередь для обучения и очередь для строительных работ разного вида. Две дивизии, назначенные на постройку, укомплектовываются новобранцами из губерний, наиболее нуждающихся в переселении. Уходящие в запас из этих дивизий привлекаются как вольнонаемные на железнодорожные работы и по их желанию получают земельные участки для поселения. Среди запасных Европейской России, а также уходящих в запас из войск Приамурского округа, набираются охотники на переселение и на железнодорожные работы.

Переселенцы, прибывшие в Приамурский округ, тоже привлекаются к постройке дороги, и им облегчается возможность выбора участков для переселения близ строящейся дороги.

Расквартирование войск по дороге, основание городских поселений, которые возникнут в штаб-квартирах, и железнодорожные служащие облегчат поселившимся по линии дороги сбыт различных продуктов их труда.

Администрация Восточно-Китайской и Уссурийской железных дорог всеми своими силами должна помочь успешному ходу постройки Амурской железной дороги и успеху переселения.

При Приамурском генерал-губернаторе образуется железнодорожный отдел, подобно тому, как был образован 20 лет тому назад железнодорожный отдел при начальнике Закаспийской области для управления среднеазиатскими железными дорогами, достройки этих дорог и постройки участков Красноводского и Кушкинского.

Для успеха в сложной деятельности по объединению усилий четырех, а считая и министерство земледелия — пяти министерств, Приамурскому генерал-губернатору надо иметь четырех помощников: одного по военной части, которому поручить командование войсками, расположенными в Приамурском округе, на правах командующего войсками округа, другого — по гражданской части, которому поручить управление гражданской частью на правах генерал-губернатора, третьего — в лице строителя Амурской железной дороги, четвертого — в лице начальника Восточно-Китайской железной дороги.

Наконец, командир Заамурского округа пограничной стражи тоже подчиняется непосредственно командующему войсками Приамурского военного округа.

В особый совет, образованный в Хабаровске при Приамурском генерал-губернаторе, назначаются представители всех заинтересованных министерств. Государственный контроль добивается, при предстоящих на Дальнем Востоке больших расходах из государственного

казначейства по всем ведомствам, получить действительно *фактический,* а не бумажный контроль.

С принятием всех этих мер можно надеяться, что в течение ближайших пяти или шести лет наше положение на Дальнем Востоке усилится в весьма значительной степени.

Возможное соглашение с европейскими державами по делам Дальнего Востока облегчит для России выполнение в XX веке важной задачи: служить оплотом для задержания натиска желтой расы.

Таким образом, относительно выводов из войн XIX столетия, помещенных в начале настоящей главы, возможно сделать на XX столетие следующее заключение:

При соглашении России с европейскими державами как по делам ближнего, так и по делам Дальнего Востока, России не придется воевать в XX веке на Дальнем Востоке без союзников и оставлять главные свои силы на западной границе.

После приведения в исполнение указанных выше мероприятий по усилению нашего положения на Дальнем Востоке, связь нашей армии с Центром России, если ей придется снова действовать на Дальнем Востоке, будет более прочной, чем была в 1904 году.

Если внешнее положение России станет, путем соглашения с другими европейскими державами, обеспеченным и Россия не будет скоро втянута в новую войну, то можно надеяться, что с переходом по внутренним делам к русской национальной политике силы и средства русского племени в центральных местностях России быстро восстановятся, вместе с чем явится возможность уделять военному ведомству все необходимые для него средства, чтобы поставить нашу армию на высоту современных требований.

Указанные выше четыре причины, затруднявшие выполнение русской армией боевых задач, которые на нее возлагались в течение XIX и в начале XX столетия, зависели не от деятельности военного министерства. Но на основании опыта последних войн, в моем труде отмечены и такие недочеты в нашей армии, которые зависели от самого военного ведомства. В числе их указаны следующие:

1) При несомненных отличительных боевых качествах русской армии — храбрости, выносливости и упорстве — в течение трех последних войн, веденных Россией в прошлом столетии, выяснилось, что состав нижних чинов, по мере перехода к коротким срокам службы, начал несколько ухудшаться, особенно унтер-офицерский состав.

2) Напротив того, офицерский состав в низших должностях хотя и медленно, но с каждой новой войной улучшался. Старший командный состав, за некоторыми блестящими исключениями, не был достаточно подготовлен в командном отношении и не обладал достаточной инициативой и самостоятельностью.

3) Приискание главнокомандующих во все войны, веденные Россией в XIX столетии, представляло большие затруднения.

4) С укомплектованием войск во все войны, веденные Россией в XIX столетии, за небольшим исключением, военное министерство не справлялось.

В моем отчет по Русско-японской войне изложено по первым двум вопросам следующее мнение.

По отношению нижних чинов следует признать, что срочнослужащие вели себя в бой хорошо; запасные, особенно старших сроков, вели себя в первых боях много слабее.

Прогрессивное улучшение офицерского состава проявилось и в Русско-японскую войну. Если мы в войну 1877— 1878 годов имели много отлично подготовленных ротных командиров и часть батальонных, то в Русско-японскую войну и многие полковые командиры вполне соответствовали своему назначению.

Относительно старшего командного состава пришлось повторить выводы из опыта войн

прошлого столетия: за несколькими блестящими исключениями, командный состав нашей армии не был достаточно подготовлен в командном отношении и не обладал достаточной инициативой и самостоятельностью.

Выбор главнокомандующего был так же труден, как и в войнах, веденных в XIX столетии. С своевременным укомплектованием войск, действовавших в Маньчжурии, военное ведомство не справилось (вследствие слабости железной дороги).

По всем этим важным вопросам в моем отчете, том IV «Итоги войны», даны подробные объяснения.

Ниже я приведу мнения о мерах по улучшению командного состава армии и мерах по улучшению срочнослужащих и запасных нижних чинов, высказанные мной *4 года тому назад.*

Меры по улучшению командного состава армии

Три войны, веденные Россией в течение последних 50 лет, выяснили недостатки офицерского состава нашей армии. Несомненно, что это явление находится в непосредственной связи с культурной отсталостью России и с теми общими условиями жизни и деятельности, которые сложились в нашей стране не для одних военных, но для всего населения. Поэтому серьезное улучшение офицерского состава нашей армии может последовать только с улучшением общего строя жизни в России.

Тем не менее уже и ныне, одновременно с проводимыми по воле государя императора коренными реформами по увеличению прав населения во всех сферах деятельности: частной, общественной и государственной — необходимы реформы и по офицерскому составу нашей армии. Эти реформы в особенности должны иметь целью *улучшение командного состава армии.*

Прежде всего необходимо сделать попытку разобраться в вопросе: почему при обилии способных, энергичных и знающих офицеров в младших чинах и относительно низших должностях мы были бедны самостоятельными, энергичными, опытными начальниками крупных частей войск?

Командный состав армии зависит от общего уровня духовных сил нации. С ростом этих духовных сил растут эти силы в армии. Нельзя полагать возможным, чтобы при отсутствии сильных характеров, людей знания, опыта в других сферах деятельности, вдруг, независимо от духовной стоимости всей нации, армия представляла бы исключение. Но если бы военный мундир привлекал лучшие, энергичные силы нации, то, очевидно, многомиллионный народ и при самых неблагоприятных условиях своего развития мог бы выделять десятки и сотни наиболее богато одаренных в духовном отношении лиц, способных с успехом командовать войсками в военное время. Поэтому казалось бы необходимым: 1) сделать военный мундир заманчивым для цвета русской молодежи, и затем 2) настойчиво добиваться, чтобы наиболее энергичные из носителей военного мундира проходили службу именно в рядах армии, развивая свои знания и духовные силы, в непрерывной мысли о том, что армия предназначается для войны.

Мы и достигли первой из этих целей: военный мундир действительно уже давно стал особо почетным в русской земле, но мы совершенно не достигли второй цели, ибо масса наиболее способных и энергичных людей, носивших военный мундир, не только не служила в рядах армии, но даже не имела к ней никакого отношения. Еще в XVIII столетии начали давать военный мундир детям знатных вельмож, которые могли подвигаться в чинах, гарцуя в комнатах на деревянных лошадках. Затем, понемногу, военный мундир и даже звание генерала перестали

обозначать непременную принадлежность к армии и занятие военным делом. Военные мундиры появились во всех сферах деятельности (кроме духовенства). Члены Государственного Совета, послы, сенаторы, почетные опекуны, министры разных ведомств, их товарищи, генерал-губернаторы, губернаторы, градоначальники, полицмейстеры, масса лиц, состоящих по разным ведомствам, масса лиц военно-народного управления на окраинах — все они носят военный мундир, числятся в списках разных чинов, но, за малым исключением, никакого отношения к армии не имеют, лишь обессиливая армию. В весьма толстой книжке генералов нашей армии только очень небольшое число несет строевую службу в армии. Хуже всего то, что те, которые несут строевую службу, отстают в чинах и особенно в окладах от тех, которые строевой службы не несут. При таком положении очевидно, что наиболее сильные, энергичные, способные элементы стремились уйти из строя.

Генералы и адмиралы занимали посты министров внутренних дел, финансов, путей сообщения, народного просвещения, государственного контроля. Посты послов в Константинополе, Париже, Лондоне, Берлине также занимались генералами. На каждом собрании высших сановников государства выделялись многочисленные военные мундиры военного и морского ведомств.

Военный мундир имел притягательную силу и для других ведомств. Многие из них стремились провести такие формы одежды, которые возможно ближе напоминали бы офицерскую. В этом отношении дальше всех пошло министерство внутренних дел, введя форму для своих исправников, становых, околоточных и даже городовых, мало чем отличную от офицерской. Нижние чины были совершенно сбиты с толку этими формами и не знали, кому отдавать честь. Офицерские шинели и фуражки с кокардами окончательно могли смутить даже и развитого нижнего чина.

Необходимо признать, что такое, по-видимому, непонятное стремление к военной форме имеет свое основание в малой культурности нашего населения. Еще недавно каждый носитель даже одной фуражки с кокардой уже считался в деревне власть имеющим. Перед носителем кокарды снимались в деревне шапки; при встрече зимой сворачивались тяжело нагруженные возы в сугробы снега, выслушивалась молча площадная брань и проч.

Необходимо офицерскому мундиру возвратить его настоящее значение и особо высоко поднять звание *именно служащих в рядах армии.*

Для этого прежде всего необходимо продолжать заботы о материальном положении нашего корпуса офицеров. Необходимо, чтобы служба в штабах, управлениях, учреждениях военного ведомства не была выгоднее службы в строй. Я много работал в этом направлении, но не достиг достаточного результата.

Массы офицеров в управлениях и учреждениях можно заменить чиновниками.

Необходимо затем, чтобы нашему строевому офицеру не представлялось выгодным переходить в пограничную стражу, акцизное ведомство, податные инспекторы, в полицию, военно-народное управление, жандармы, на железнодорожную службу и проч. и проч., только бы уйти из строя.

Удержав рядом мер, по возможности, лучшие элементы в рядах армии, необходимо, чтобы старшие чины, по мере движения вперед, не забывали того, что знали ранее, как это происходит ныне. Необходимо, чтобы и в мирное время наши старшие начальники действительно практиковались в командовании войсками, а не были только кабинетными деятелями, заведывающими хозяйством, инспекторами, зрителями, посредниками. В особенности же необходимо, чтобы наши старшие войсковые начальники имели возможность уделять главную часть своего времени работе с войсками в поле.

При нашей военной системе командование войсками находится, за малым исключением, в

руках пяти начальствующих инстанций: командира полка, командира бригады, начальника дивизии, командира корпуса, командующего войсками в округе. Над нашим пехотным и кавалерийским полком, таким образом, стоить пять нянек. Но, по пословице, «у семи нянек дитя без глаза», и в наших полках на войне не всегда все оказывалось благополучно. Чаще, впрочем, дитя сохраняло оба глаза, но неясно видели, что надо делать, сами няньки мирного времени. Чем же объяснить такое явление? Конечно, можно ответить, что выбор начальствующих лиц был не всегда удачен. Это верно; но верно и то, что приходилось выбирать из лиц, имевших на то право по существующим правилам и узаконениям, что выборы производились по аттестациям, данным соответствующими начальствующими лицами до командующих войсками в округах включительно, и весьма многие назначения сделаны были из тех лиц, которые признавались достойными быть выдвинутыми из общей линии старшинства. Старались, таким образом, брать наилучшие силы, которыми мы располагали, но и эти силы оказались недостаточными. В числе причин тому укажем следующие.

Все начальствующие лица нашей пятистепенной военной иерархии прежде всего так заняты текущей службой, текущей перепиской, многие из них так обременены хозяйственными заботами, что им остается мало времени следить за военным делом и, двигаясь вперед по службе, не опускаться в знании воинского дела, а подниматься. Сама строевая служба наша с коротким летним сбором и лишь несколькими днями высокопоучительных занятий на две стороны дает мало практики в командовании войсками в поле. Обилие ответственных занятий по хозяйственной части часто ставит эти занятия на более важное место, чем занятие строем. Но особенно важно то, *что вся служба и жизнь построены у нас так, что не способствуют выработке твердых, самостоятельных характеров.*

Из пяти вышепоименованных должностных лиц только два — начальник дивизии и командир корпуса — составляют по преимуществу самостоятельные строевые инстанции, но и они сильно обременены текущей перепиской. Командир полка по распределению времени, посвящаемого им командованию полком в поле и на дела хозяйственные, является скорее заведывающим хозяйством, чем строевым начальником. Командир неотдельной бригады лишен всякой самостоятельности и так поставлен, что его отсутствие мало заметно. Он скорее отдыхает, чем служит. Наконец, высшие чины строевой лестницы — командующие войсками в округах — в большей мере являются начальниками военно-окружных управлений, чем вождями войск, вверенных их командованию. Прибавим к сему, что, по мере движения вперед, наши начальствующие лица все менее и менее практикуются в непосредственном командовании войсками в поле. Можно привести примеры, что командовавшие продолжительное время войсками в округах ни разу не командовали частями войск на маневрах, по нескольку лет не садились верхом на лошадь. Как же выйти из этого ненормального положения и создать контингент начальствующих лиц, непрерывно практикующихся в исполнении тех обязанностей по командованию войсками, которые будут возложены на них с объявлением войны?

I

Роль командиров полков на войне обширна и важна. Командиру полка, дабы с успехом выйти из боевого испытания, требуется, кроме характера и знаний, еще полное знакомство с личным составом полка и большая практика в управлении полком в поле. Требуется, чтобы у него находилось свободное время для общения с офицерским составом и время на самоусовершенствование в военном деле. По характеру обязанностей в бой командир полка по преимуществу должен иметь дело с людьми, а не с бумагами и цейхгаузами. Между тем при

настоящем положении командир полка, как указано выше, так обременен ответственными хозяйственными заботами, что главное время уделяет не живым людям, а мертвому инвентарю полка. За упущения по хозяйственной части командиру полка грозит большая ответственность, и притом материальная, чем за недостаточную тактическую подготовку полка. Очевидно, прежде всего и требуется большую часть хозяйственных забот по обмундированию, обозу, продовольствию снять с командира полка и сделать его контролером этих отделов, а не ответственным хозяином. Тяжело обставлен командир полка и по отношению к личному составу. Большой некомплект офицеров во многих полках, особенно имеющих плохие штаб-квартиры, затрудняет службу. Но и из этого слабого наличного состава с объявлением мобилизации часть офицеров выделяется для разных формирований и командировок. Меняются командиры батальонов и рот. Кадровые нижние чины при мирном составе за вычетом тоже значительного числа остающихся на месте, переводимых в другие части и проч., растворяются в массе призванных из запаса и, если не дано времени новому составу сплотиться со старым, командиру полка приходится вести в бой полк, который по личному составу недостаточно ему известен. Требуется поэтому пересмотреть наши мобилизационные планы и установить еще в мирное время прочный основной состав офицеров и нижних чинов, который должен идти с полком в поход. В особенности ротные командиры не должны перемещаться по мобилизационному плану. Дабы по возможности выдержать это требование, необходимо, чтобы один из старших капитанов в полку, который может быть предназначен для занятия штаб-офицерских должностей, заведывал учебной командой полка.

Важно в возможной степени поднять звание командира полка. Везде и всюду командир полка должен чувствовать особую важность возложенных на него обязанностей и связанное с этими обязанностями уважение к себе лично и своей деятельности. Те оскорбительные разносы, даже в присутствии подчиненных, которые допускают себе некоторые старшие начальствующие лица по отношению к командирам полков, должны быть прекращены.

II

В прошлую войну, как и в войны, веденные в Европе во вторую половину прошлого столетия, обозначилось во всех больших боях серьезное значение пехотной бригады как самостоятельной боевой единицы, и сообразно этому большое влияние на исход боев деятельности *командиров бригад.* Авангарды и арьергарды корпусов составлялись обыкновенно из бригады. Командиры бригад завязывали наступательный бой. Они же и кончали его, командуя арьергардами. Между тем у нас права и обязанности командиров бригад наиболее бесцветны, и эти лица, как указано выше, скорее отдыхают после командования полком, чем служат. Их положение не дает им достаточно самостоятельности для совершенствования вверенных их командованию бригад и совершенствования самих себя.

Очень часто начальники дивизий и их начальники штабов игнорируют бригадных, эту в мирное время как бы искусственно созданную и лишнюю инстанцию. Отсутствие бригадного даже целый год, например, по постройкам казарм, шоссе проходит совершенно незаметно для успеха подготовки подчиненных ему полков.

При такой обстановке даже энергичные и желающие работать лица, попавшие в командиры бригад, опускаются, тяжелеют, обленяются. Выход из этого ненормального и вредного в боевом отношении положения может быть только один: *надо командиров бригад сделать в мирное время самостоятельными начальниками полков, которые они самостоятельно поведут в бой в военное время.* Для этого, по моему мнению, необходимо всем бригадам пехоты (и

конницы) присвоить значение отдельных бригад, а их командирам — права начальников отдельных бригад. Лучше даже изменить самое наименование их и назвать их начальниками бригад. В каждой бригаде образовать небольшой штаб, который существует в отдельных бригадах, из двух адъютантов: одного обер-офицера генерального штаба по строевой части и одного обер-офицера по хозяйственной части. Каждому начальнику бригады присвоить права по строевой и хозяйственной частям, принадлежащие ныне начальникам дивизий. Права дисциплинарные сохранить те же, что и ныне им присвоены.

III

Начальники дивизий поставлены в нашей армии самостоятельно и близко к войскам. Но они очень обременены текущей перепиской, а в летнее время, являясь во многих случаях начальниками лагерных сборов, более присутствуют на занятиях войск, нежели командуют ими лично. При двусторонних занятиях редкий начальник дивизии найдет возможность лично командовать одной из сторон (частью из ложного самолюбия, частью по отсутствию в этом случае достаточно авторитетных посредников). Поэтому наши начальники дивизий имеют практику командования войсками в поле только во время крупных сборов войск. Этого совершенно недостаточно. В особенности нашим начальникам пехотных дивизий недостает знакомства с другими родами оружия вследствие малой практики в командовании ими. С расширением прав командиров бригад необходимо будет перенести на начальников дивизий права, предоставленные ныне командирам корпусов, за исключением дисциплинарных прав. Начальники дивизий должны непрерывно помнить, что 16 тыс. штыков, коими они командуют, могут решить участь каждого сражения. Начальники дивизий, со включением в состав дивизий артиллерийских, саперных и кавалерийских частей, будут иметь возможность организовать в высокой степени поучительные занятия в дивизии летом и зимой по подготовке войск и их начальников к ведению боя при современных боевых условиях. Четыре офицера генерального штаба, кои будут состоять при дивизии[272], должны быть освобождены от всякой текущей переписки, кроме переписки по их специальности, и быть всецело поглощены подготовительной для командиров бригад и начальников дивизий работой по подготовке войск к бою.

IV

Командиры корпусов тоже поставлены в нашей армии вполне самостоятельно, но тоже, как и начальники дивизий, сильно обременены так называемой текущей перепиской (по личному составу, хозяйственным вопросам, инспекторской части, по ответам на различные запросы). Практика в командовании частями войск в поле у командиров корпусов *совершенно недостаточная.* Некоторые из них в течение нескольких лет ни разу не командовали войсками на маневрах. Знакомство с конницей не у всех командиров корпусов может быть достаточное. Практики в применении технических сил и средств (телеграфов, телефонов, мин, моторов, воздушных шаров и проч.) командиры корпусов не имеют вовсе или имеют недостаточную. Многочисленные штабы корпусов, особенно по специальности генерального штаба, имеют весьма недостаточную практику. Опыт прошлой войны выказал необходимость усилить состав наших корпусов. Деятельность командиров корпусов имела и будет иметь важное и во многих случаях решающее значение. Необходим особо тщательный выбор лиц на эти посты и предоставление им возможности не только *учить других, но и непрерывно учиться самим.* С

увеличением прав начальников дивизий должны быть расширены и права (кроме дисциплинарных) командиров корпусов за счет прав, кои ныне имеют командующие войсками в округах.

V

Командующие войсками в округах являются одновременно старшими строевыми начальниками войск и в то же время несут обширные обязанности по административной части как начальники военно-окружных управлений. Эта административная деятельность вместе с текущей перепиской по строевой части отнимает у командующих войсками большую часть времени, и только при исключительно благоприятных условиях (большие маневры войск разных округов) они могут практиковаться в поле в командовании войсками. Но командующие войсками, которые одновременно несут и генерал-губернаторские обязанности, совершенно не в силах посвящать достаточно времени войскам, даже по инспекторской части, не говоря уже об усовершенствовании себя в военном деле. С полным убеждением высказываю мнение, что если такое соединение двух должностей, из которых каждая требует человека с выдающимися дарованиями, характером и энергией, и имело пользу в политическом отношении, то собственно для армии было весьма невыгодно. Поэтому, если мы хотим, чтобы командующие войсками, наши наиболее естественные кандидаты для командования армиями в случае войны, имели время готовиться к этой важной обязанности, *мы должны освободить их от обязанностей по гражданской части.* Иначе мы не добьемся совершенствования нашей армии. Есть предел человеческим силам. Наши генерал-губернаторы, отдавая главную часть своего времени и сил делам гражданским, значительную часть своих обязанностей возлагали на начальников штабов округов. Нетрудно судить, в интересах ли армии такое перемещение обязанностей.

Освободив командующего войсками от обязанностей по гражданской части, необходимо освободить его и от многочисленных и ответственных забот по всем вопросам, которые в военное время в значительной степени отходят к ведению управления тыла. Инспекция госпиталей, разных складов интендантской, инженерной, артиллерийской частей, парков, управлений воинских начальников — все это отнимает слишком много времени от занятий с войсками и занятий по самоусовершенствованию. Обязанности командующего армией так усложнились при современном развитии военного искусства, что лица, предназначенные к занятию этих важных для армии и родины должностей, должны усиленно и непрерывно готовиться к ним в мирное время. У нас текущая переписка и текущие дела (доклады) даже на средних военных должностях так велики, что редкий из начальников находит время следить за развитием военного дела. Поэтому-то мы и явились отставшими от военного дела и в прошлую войну, например, в смысле употребления артиллерии, оценки значения технических сил и средств для сообщения и связи, оценки значения различных строев для наступления и атаки и проч. *Надо дать время нашим старшим начальствующим лицам, двигая вперед развитие вверенных их командованию войск, в то же время самим двигаться вперед, а не назад.*

Из изложенного видно, что для улучшения командного состава нашей армии требуется:

1) Улучшение общего строя жизни всего населения России, причем возрастут и духовные силы нации во всех сферах ее деятельности.

2) Сделать военную службу привлекательной для лучшей части русской молодежи.

3) Настойчиво добиваться, чтобы наиболее способные и энергичные носители военного мундира проходили службу в рядах армии.

4) Снять военный мундир со всех лиц, не служащих в армии, заменив его совершенно

отличным от носимого в армии.

5) Сократить в возможной степени службу офицеров вне рядов армии в управлениях, учреждениях и заведениях военного ведомства.

6) Принять энергичные меры, чтобы наши старшие начальники могли уделять главную часть своего времени не канцелярской работе, а работе с войсками в поле и в казармах. Принять меры, чтобы начальствующие лица, совершенствуя в боевом отношении вверенные им части, могли совершенствоваться и сами.

7) Улучшить и приподнять положение командиров полков, освободив их в возможной степени от лежащих на них обширных обязанностей по хозяйственной части.

8) Приподнять значение командиров бригад, предоставив им права, коими ныне пользуются командиры отдельных бригад.

9) Сделать дивизии и корпуса более сильными, чем то было в прошлую войну, и принять меры к возможному увеличению времени у старших строевых начальников для практики в непосредственном командовании войсками.

10) Освободить офицеров генерального штаба, кои будут состоять в бригадах, дивизиях и корпусах, от канцелярской работы по другим отделам, кроме работ по специальности генерального штаба.

11) Освободить командующих войсками в округах от непосредственного руководства деятельностью военно-окружных управлений. Прекратить совмещение должности командующего войсками с должностью генерал-губернатора.

Меры по улучшению состава нижних чинов

а) Срочнослужащих

Неоднократно мной выше высказывалось, что срочнослужащие нижние чины в боевом отношении заявили себя хорошо и во многих случаях представляли в первых боях значительно более надежный элемент, чем нижние чины, призванные из запаса, особенно старших возрастных сроков службы.

Недостатки наших как срочнослужащих, так и запасных находятся в связи с недостатками всего русского народа. Недостаток развития русского крестьянина отражается и на нижнем чине. Отсутствие воинственности у русского населения, вместе с нерасположением к начатой с Японией войне, привело к отсутствию военного одушевления среди нижних чинов. Их малая развитость затрудняла ведение современного боя, где требуется несравненно более сообразительности и инициативы от каждого отдельного бойца, чем ранее. В массе мы представляли огромную силу, но лишь небольшое число нижних чинов было вполне подготовлено к сознательному одиночному бою.

Ныне, получив неразвитого и неграмотного новобранца, трудно в короткое время сделать из него смышленого, энергичного, предприимчивого, способного к одиночному бой бойца. Последовавшее сокращение сроков службы еще более затруднило в этом отношении нашу задачу. Особенная трудность возникла по образованию хорошего состава унтер-офицеров. И при 4—5-летнем сроке службы мы не решали этого вопроса вполне удачно. При безграмотности массы новобранцев и значительных книжных требованиях унтер-офицерских учебных школ, мы слишком быстро намечали будущих унтер-офицеров, руководствуясь их внешней бойкостью, грамотностью. Но глубокие душевные качества не познаются у нашего простолюдина с первого знакомства с ним. Люди со стойкими характерами, особенно ценными для военного дела, часто

внешностью грубоваты, медлительны. Многие из них не попадают в число избранных к занятию унтер-офицерских должностей и оканчивают службу рядовыми.

Необходимо обратить на это внимание, дабы качествам душевным, характеру отводить при выборе унтер-офицеров первое место, а внешним качествам, расторопности, грамотности — второе. При этом придется сурового, с характером нижнего чина производить в унтер-офицеры, если он и не удовлетворит всем требованиям по знанию так называемой «словесности».

При сокращенном ныне сроке службы нам нельзя обойтись без значительного числа сверхсрочнослужащих. Условия для удержания на сверхсрочной службе установлены ныне весьма хорошие, но в народе нашем твердо сидит нерасположение к сверхсрочной «наемной» службе. Надо победить это нерасположение, подняв по возможности звание фельдфебеля и унтер-офицера и не только в материальном, но и в духовном отношениях.

Другой острый вопрос, с которым мы будем встречаться все чаще и чаще: как бороться против занесения в казармы разрушительных учений революционных партий? Меры, конечно, будут приниматься строгие, но если мы не успеем подавить эти партии в населении, то не убережем от заразы и армию.

Одно из основных требований при коротком сроке службы должно заключаться в том, чтобы наши войска не отвлекались от своих прямых занятий для полицейской службы. В особенности разрушительно на поддержание дисциплины действует частое участие войск в подавлении беспорядков с употреблением оружия.

В материальном отношении наш солдат, за недостатком денежных отпусков, был обставлен много хуже, чем в других армиях. Достаточно сказать, что содержание, например, германских войск при прочих равных условиях (по численности) обходится в два раза дороже, чем у нас. Ныне приняты энергичные меры, чтобы и в этом отношении сделать шаг вперед. В особенности серьезно улучшена пища.

Обеспечив хорошим кадром сверхсрочнослужащих фельдфебелей и унтер-офицеров, улучшив жизненные условия нижних чинов, можно спокойнее смотреть на будущее и при трехлетнем сроке службы[273]. Но мы выйдем из неизбежных при этом затруднений только в том случае, если освободим войска от массы лежащих на них хозяйственных работ (швальня, сапожная, разные мастерские, уход за неприкосновенными запасами и проч.) и облегчим несение караульной службы. Наши новобранцы охранялись от этих работ и караульных нарядов только первый год службы, попав в старослужащие, они зимой ведут занятия в ротах лишь небольшими партиями, все остальные — в расходе, в карауле и на работах. Прикрепив наших солдат при коротких сроках службы к работе по военной части в течение двух-трех зимних периодов (вместо одного), мы этим отчасти уравновесим потерю для них одного лишнего лагерного сбора.

б) По улучшению состава запасных

В Русско-японскую войну мы испытали пехоту разных категорий по относительному числу старослужащих и запасных нижних чинов: 1) восточно-сибирские стрелковые полки, кои содержались почти в военном составе еще в мирное время[274],2) пехоту первых бригад 31-й и 35-й дивизий, укомплектованную с началом войны до штатов военного времени срочнослужащими нижними чинами, 3) пехоту действующих корпусов, укомплектованную до штатов военного времени запасными, и, наконец, 4) пехотные части, сформированные из резервных войск.

По мнению компетентных участников войны, вполне разделяемому и мною, при прочих равных условиях, *чем более в части войск состояло срочнослужащих, тем тверже могла считаться эта часть для боя.* Самыми надежными нашими войсками были восточно-сибирские стрелковые полки и за ними бригады 31-й и 35-й дивизий, укомплектованные

срочнослужащими.

Действующие корпуса, пришедшие из Европейской России, как мы видели выше, были недостаточно заботливо подготовлены в России, чтобы уменьшить невыгодное для боя отношение в них срочнослужащих к запасным. Некоторые части, например, 10-й армейский корпус, прибывали на театр войны с некомплектом нижних чинов до 20 % состава и с еще большим некомплектом офицеров. В первый бой многие роты этого корпуса выступили, имея только по 30 старослужащих и по 30 молодых солдат, *не прошедших даже курса стрельбы,* не видавших занятий всех трех родов оружия. Все остальные были запасные, с большим числом старших сроков службы. Такие части войск приближались к резервному типу войск. Наконец, наши резервные войска пришли, почти не имея в своем составе кадров мирного времени, — настолько они растворились в огромной массе запасных. В первых боях запасные, особенно старших сроков службы, обнаруживали меньшую стойкость, чем срочнослужащие, и многие из них пользовались случаем с разрешения начальства (вынос раненых) или без разрешения уходить в тыл. Несомненно, что будь война национальной, поддерживай наша родина дух своих сынов, отправлявшихся на войну, а не умаляй его, наши запасные даже в первых боях действовали бы лучше; но несомненно и то, что при всех равных условиях срочнослужащие должны быть поставлены в боевом отношении выше запасных: моложе возрастом, не обзавелись семьей, не оторваны от своей семьи, когда уже считали военную службу законченной, лучше подготовлены в строевом отношении, более дорожат традициями своей части и проч. Поэтому наиболее надежным средством улучшить нашу пехоту является содержание ее в более сильном мирном составе. Состав мирного времени в 100 нижних чинов в роте из-за разных нарядов, командировок, с учетом больных и слабых оказался настолько слаб, что в бой выходили роты, имевшие на одну треть срочнослужащих две трети запасных. По названию это были части действующих войск, а по составу они приближались, как указано выше, более к резервным, чем к действующим. Желательно, чтобы в действующих войсках *число кадровых превосходило в каждой роте число запасных.*

Огромные расходы, связанные с содержанием войск в мирное время в сильном составе, заставляют обращать особое внимание на улучшение состава запасных, ибо современные войны будут вестись по преимуществу (по численности) бойцами, призванными в армию на случай войны из народа.

Самое верное средство, дабы запасные шли на войну с намерением служить самоотверженно, — это общий подъем настроения всей нации при объявлении войны. Без этого подъема нации не будет такового и у запасных. Напротив, угнетенное настроение нации, как в зеркале, отразится и на запасных. Но и независимо от национального настроения есть меры, которые будут иметь влияние на поднятие боевой годности запасных. Ныне связь нижнего чина, ушедшего в запас, не только со своей частью, но даже вообще с военной службой, почти прекращается. Поверочные сборы слишком незначительны, и хотя приносят пользу, но в том размере, в каком практикуются, недостаточны[275].

Вышедший в запас снимает с себя военную форму, не носит, за редким исключением, даже военной фуражки (придя домой, он часто дарит ее соседу или родственнику, которые не были на службе; они ее и донашивают), с удовольствием облекается в крестьянский или фабричный костюм, вполне считает себя вновь крестьянином, ведет хозяйство, растит детей, занимается мирскими делами. Около 40 лет тяжелеет физически.

Очевидно, что отчужденность нашего запасного нижнего чина от армии за время пребывания его в запасе не способствовала быстрому превращению этого запасного, ставшего «мужиком», снова в солдаты. В несколько месяцев боевой школы эти запасные, правда, стали

отличными солдатами, но не каждый противник даст нам это время[276].

В Японии, Германии и других странах стараются воспитывать народ в патриотическом духе, возбуждают еще в детях любовь к своей родине, гордость за нее. В Японии, как указано выше, все школы всемерно создают и поддерживают воинственное настроение учащихся и практикуют их в военном деле. В Японии, Германии и других странах поощряется в народе образование разных патриотических обществ, поощряются все виды физического спорта, не боятся сотни тысяч ружей отдавать в руки населения для практики в стрельбе и проч. Мы всего этого не делаем и боимся делать, ибо нам всюду мерещатся политические и сепаратные цели подобных обществ при попытках возникновения их у нас. Относительно патриотического направления в наших школах пока сделано слишком мало. Рознь между школами церковными, земскими, министерскими ухудшает дело. Ученики высших учебных заведений давно уже занялись вместо науки — политикой. Все русское давно бранится. Военная служба считается непочетной. Маленький пехотинец, перегруженный, в дурно сидящем, некрасивом мундире, пыльный и часто грязный, скорее возбуждает у прохожих чувство сожаления, чем чувство гордости за свою армию. А между тем именно от боевой работы этих маленьких армейских пехотинцев зависит целостность государства. При малых отпусках денежных средств мы недостаточно опрятно содержим своего солдата на службе, а отправляя в запас, даем ему такую одежду, которой он пощеголять перед своими односельчанами и соседями, конечно, не может.

Как же при этих условиях мы хотим, чтобы наш запасной при мобилизации в несколько дней обратился в воинственного солдата?

Очевидно, что только при глубоком переустройстве нашей школы и реформах в жизни нашего простого человека, которые имели бы целью вместе с увеличением достатка привить ему сознательную любовь к родине, гордость за нее и глубокое осознание необходимости всем жертвовать для нее, мы получим в запасном не только сознательного, но и одушевленного высоким чувством бойца за родину.

Достижение этих результатов не может зависеть от деятельности военного ведомства. Оно вынуждено принимать для улучшения контингента запасных лишь такие меры, которые могут иметь результаты лишь второстепенного значения. Но и они важны. Перечислим те из этих мер, которые нам представляются наиболее неотложными.

Дисциплина армии есть основное условие для правильной и победной работы армии на войне. Но поддерживать эту дисциплину в армии, если народные массы утратят страх перед властями и, наоборот, власти будут бояться вверенных их заботе людей, составляет дело почти невыполнимое: ныне сроки службы коротки, а порядки или беспорядки, при которых живет нация, отражаются в войске. А между тем, для улучшения запасных, прежде всего необходимо напрягать все усилия, даже при той неблагоприятной общей обстановке, в которой мы живем, для поддержания самой строгой дисциплины в армии.

При нормальных условиях наши заботы в армии должны клониться к тому, чтобы нижний чин, уволенный в запас, прибыл в свой родную деревню или город хорошо дисциплинированным, знающим дело, при котором состоял, чтобы гордился частью, в которой служил, уважал начальство, которое им командовало.

Надо затем принять меры, чтобы за время пребывания в запасе он не утрачивал связи с армией и не забывал быстро того, чему его в армии научили. Одним из средств к тому служит в других армиях территориальная система, при которой запасные до конца сохраняют связь с частями войск, где служили. Эта система в полном объеме для нас неприемлема, но частичное, даже довольно обширное применение этой системы и у нас мне представляется делом, вполне современным. Одной из больших выгод этой системы будет то, что запасные попадут при объявлении мобилизации в те же части войск, в которых служили и в мирное время. Они не

будут чужими, скорее сольются со срочнослужащими. С другой стороны, они будут известны и составу сверхсрочнослужащих фельдфебелей, унтер-офицеров и офицерскому составу. В бою такие нижние чины, как земляки, будут сильнее держаться один другого, и что тоже важно, каждый из них в случае недостойного поведения будет знать, что товарищи принесут весть об этом и на его родину. Конечно, у нас в России эта система встретит и затруднения. Части, территориально тесно связанные с населением, восприимчивее к его судьбе, чем части случайного состава. Нижние чины, набранные из известной местности, при подавлении беспорядков в этой местности, могут заколебаться быстрее, чем чины другой части. Были отмечены у нас в печати и другие прискорбные случаи: унтер-офицеры, строго относившиеся к нижним чинам, при увольнении их в запас просили, чтобы их не отправляли в одном и том же вагоне с их бывшими подчиненными, которые грозились тотчас по увольнении в запас расправиться с ними. Такая расправа при нашей распущенности и грубости нравов может быть перенесена и в деревню, куда прибудут при территориальной системе и бывшие начальники, и бывшие подчиненные.

Необходимо чаще, чем мы это делаем теперь, напоминать запасным чинам, что они еще солдаты, во время пребывания в запасе. Необходимо устанавливать уездные сборы запасных для нескольких учений в своем уезде в наиболее свободное от полевых занятий время (различное в каждой местности). Наши уездные воинские начальники, ныне главным образом занятые канцелярской работой, должны быть ближе поставлены к запасным, которые должны видеть в них своего начальника, советника и заступника. Ныне отношения слишком канцелярские.

Улучшение запасных может быть достигнуто только улучшением жизненных условий всего населения. От военного ведомства будет зависеть — отпускать их в запас настолько основательно подготовленными, чтобы они не забывали своей, в сущности, не особенно хитрой науки и за время пребывания в запасе. Военному же ведомству необходимо будет принять меры, дабы и во время пребывания в запасе освежались эти сведения более энергично, чем это делалось из-за отсутствия денежных средств до настоящего времени.

Ниже помещается дословно мое прощальное обращение 4 года тому назад к офицерам 1-й Маньчжурской армии.

В этом обращении, под живым впечатлением пережитого и прочувствованного во время войны, мной в главных чертах приведены те недочеты, которые препятствовали нам в срок до заключения мира победить японцев. Но, указывая наши недочеты, я отметил и сильные стороны войск, которыми командовал, дававшие нам полное основание верить в наш конечный успех.

Офицерам 1-й Маньчжурской армии

Через несколько дней 1-я Маньчжурская армия расформировывается, и я покидаю славные войска, которыми имел высокую честь командовать два года.

С самых первых дней войны на войска 1-й Маньчжурской армии выпала тяжелая задача сдерживать напор превосходящих сил противника, дабы дать время сосредоточиться прибывающим из России подкреплениям.

Бой под Тюренченом, Вафангоу, Ташичао, Янзелином, Лянь-дяньсянем и затем многодневные сражения под Ляояном, Шахэ и Мукденом выпали на долю войск 1-й армии и заслужили им почет среди войск других армий.

Во многих случаях войска 1-й армии твердо отстаивали вверенные их обороне позиции и отступали только по получении на то приказания. С особой гордостью различные части 1-й Маньчжурской армии могут вспоминать участие в следующих боях: Восточно-Сибирские стрелковые полки 11-й и 12-й — бой под Тюренченом, полки 1-го Сибирского корпуса —под

Вафангоу, полки 4-го Сибирского корпуса бой — у Ташичао, полки 3-го Сибирского корпуса — бой у Ляньдяньсяня, полки 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Сибирского корпусов — тяжелый бой под Ляояном на левом берегу Тайцзыхэ.

Полки Томский, Барнаульский, Иркутский, Выборгский и 4-й Восточно-Сибирский стрелковый — бой на Шахэ под Хамытаном. Отдельные части 1-го и 3-го Сибирских корпусов —бой в сентябре в горной местности у Тайцзыхэ. Полки 10-й, 20-й и 36-й Восточно-Сибирские стрелковые, Семипалатинский и три полка 22-й пехотной дивизии: Вильманстрандский, Нейшлотский и Петровский — бои 3-го октября за сопки Новгородскую и Путиловскую. Полки 1-го Сибирского корпуса — январские бои у Сандепу. Полки 71-й пехотной дивизии — февральские бои под Мадандзянем. Вся 6-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия, 9-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, а также Выборгский полк — бой у деревни Кудяза и Мадандзянь. 10-й, 11-й и 12-й Восточно-Сибирские стрелковые полки, Красноярский, Енисейский, Царицынский полки — бой у Гаутулина. Полки 2-го Сибирского корпуса — бой с японской гвардией у Кандолисана. Полки 1-го армейского корпуса — бои у Люцзятуня, Новгородской сопки, на позиции у р. Хуньхэ и у Цуанванче. Полки 4-го Сибирского корпуса: Томский, Семипалатинский, Барнаульский, части Омского и Тобольского полков — бои на позиции у р. Хуньхэ, а также у Цуэртуня и у Тава. 1-й Воеточно-Сибирский стрелковый и Самарский полки — бой у Цуанванче. 34-й и 35-й Восточно-Сибирские стрелковые полки — бой у Юхуантуня. Сибириские и Забайкальские казаки во многих случаях, особенно под Ляояном и Мадандзянем, самоотверженно помогали другим родам оружия. Артиллерия дружно помогала пехоте. Многие полки постоянно действовали с одной и той же батареей, взаимно выручали друг друга и слились с ней в одну боевую семью. Саперы, не жалея себя, работали сами и учили пехоту работать.

При относительно слабом составе 5,5 корпусов (160 батальонов), Маньчжурская армия в среднем боевом составе до 100 тыс. штыков, при 2200 офицерах по 1 марта 1905 года потеряла: офицеров убитыми 395, ранеными 1733; нижних чинов убито 10 435, ранено 56 350, что составляет убыль в боях убитыми и ранеными: офицеров 91 % и нижних чинов 67 % среднего боевого состава. В отдельных частях потери убитыми и ранеными составили: в 34-м Восточно-Сибирском стрелковом полку офицеров 89, нижних чинов 3243; в 36-м — офицеров 73, нижних чинов 2531; в 3-м Восточно-Сибирском стрелковом — офицеров 102, нижних чинов 2244; в 4-м Восточно-Сибирском стрелковом — офицеров 61, нижних чинов 2170; в 23-м Восточно-Сибирском стрелковом — офицеров 50, нижних чинов 2290; в 1-м Восточно-Сибирском стрелковом Его Величества полку офицеров 71, нижних чинов 1929.

Особо самоотверженное поведение офицеров в бой видно из того, что процент убитых и раненых офицеров значительно выше, чем нижних чинов.

Многие отдельные части войск доказали, что даже после потери двух третей убитыми и ранеными в одном бой русский офицер и солдат еще могут продолжать бой.

И все же, несмотря на такие жертвы, несмотря на геройские усилия, мы не достигли победы над врагом.

Несомненно, что мы имели очень храброго, энергичного и в высокой степени воинственно настроенного противника. С особым уважением к японцам можно вспоминать, как они, не жалея жизни тысяч людей, заполняя трупами своих товарищей устраиваемые нами препятствия, стремились достигать наших позиций.

Но мы крепли в неудачах, приобретали боевой опыт, усиливались подходом подкреплений и, наконец, летом прошлого года (1905 года.) достигли такой силы материальной и духовной, что победа, казалось, уже была нам обеспечена.

Все относительно спокойное между большими боями время энергично употреблялось для

усиления армии. Ее трудами укреплены многие позиции до Мукдена и под Мукденом. После Мукденского боя войскам 1-й армии была поручена оборона левого фланга всех армий. До р. Сунгари трудами армии сооружены три весьма сильных оборонительных линии, так называемые Сыпингайская, Гунчжулинская и третья у Куанченцзы и Гирина. Все эти линии, особенно первая и вторая по своим укреплениям и местности вполне обеспечивали как самую упорную оборону, так и переход в наступление. Не вполне еще готовые к наступлению, войска уже с мая прошлого года радостно приветствовали бы переход противника в наступление. Но японцы, потрясенные потерями под Мукденом, полгода оставались на месте, ожидая нашего перехода в наступление.

Перенесенный боевой опыт положен был в основание непрерывно производившихся в войсках занятий. Тактическая подготовка войск очень продвинулась вперед. Укомплектования не только пополнили поредевшие ряды, но дали возможность развернуть все стрелковые полки в четырех-батальонный состав. Прибыло в состав 1-й армии подкреплений: 53-я пехотная . дивизия, Пластунская бригада, Донская казачья дивизия.

Силы одной 1-й армии к августу превзошли по числу штыков те силы, с которыми мы боролись с начала войны до сентябрьских боев на Шахэ включительно.

Санитарное состояние армии, благодаря усиленным заботам всех начальствующих лиц и самоотверженной работе врачей, было прекрасно за весь период войны.

При недостатке укомплектований, если бы мы дали развиться в армии болезненности, у нас остались бы для боя только слабые кадры. Поэтому настоятельно было необходимо, не жалея сил и средств, бороться, дабы сохранить для строя здоровым каждого человека. И я счастлив признать, что наши общие усилия дали редкий результат: наши потери заболевшими были меньше, чем убитыми и ранеными. Пехота 1-й Маньчжурской армии за все время войны по 1 августа 1905 года потеряла:

От боев (убитыми и ранеными)
Офицеров — 2128
Нижних чинов — 66 785

От болезней (разновременно поступивших в госпитали)
Офицеров — 2390
Нижних чинов — 58 093

Обращаю однако внимание, что офицеры, терявшие в бою больший процент убитыми и ранеными, чем нижние чины, вследствие лучших жизненных удобств должны бы терять заболевшими меньше, чем нижние чины. Вышло наоборот, что доказывает, что наши офицеры не обладают достаточной физической крепостью и не умеют беречь себя вне боя. Необходимо обратить на это серьезное внимание.

Материальная часть армии находилась к августу в полном порядке. Обмундирование, снабжение всеми видами довольствия было обеспечено. Технические средства возросли. Никогда наша армия не представляла такой грозной силы в материальном и духовном отношении, как летом 1905 года, когда неожиданно для действующих войск, кои уверены были в неудаче переговоров в Портсмуте и горячо желали этой неудачи, был заключен мир, необходимый для внутренних дел России, но тягостный для армии.

С глубоким уважением к чинам армии вспоминаю, с какой горестью была встречена всеми чинами весть о мире. Биваки войск как бы вымерли. У всех от мала до велика была одна тяжелая мысль: война кончена ранее достижения победы над врагом.

Оглядываясь назад на недавнее боевое испытание, мы найдем утешение в сознании исполненного долга пред государем и родиной по мере сил наших. Но в срок, который был дан нам, этих сил по разным сложным причинам оказалось недостаточно. Надо безбоязненно отдать себе отчет: какие же главные причины, кроме недостаточной численности, препятствовали нам быть победителями ранее заключения мира. Прежде всего виновен в этом я, ваш старший начальник, ибо мне не удалось исправить в периоды боев наши недочеты, духовные и материальные, и не удалось еще шире воспользоваться несравненными сильными сторонами наших войск. Материальные недочеты всем известны: малое число штыков в ротах (вследствие отчасти малой заботливости о сохранении для боя возможно большего числа рядов со стороны всех начальствующих лиц), недостаток в первое время горной артиллерии, недостаток снарядов с сильным разрывным действием, недостаток пулеметов, недостаток технических средств передвижения грузов и проч. В августе прошлого года большая часть этих недочетов чрезвычайными усилиями военного министерства уже была пополнена. К недостаткам духовным я отношу большое разнообразие в обучении войск, недостаточную тактическую подготовку их, ввод в бой войск слишком малыми частями. Недостаточное выяснение положения противника перед боем и потому недостаточно сознательное, особенно при наступлении, ведение боя и главное — недостаток инициативы, недостаток самостоятельности у частных начальников, недостаток боевого одушевления у офицеров и нижних чинов, малое стремление к подвигу, недостаточная взаимная выручка соседей, недостаток непреклонной воли от нижнего чина до старшего начальника, дабы доводить начатое дело до конца, несмотря ни на какие жертвы. Слишком быстрый отказ, иногда после неудачи только передовых войск, от стремления к победе и вместо повторения атаки и подачи личного примера — отход назад. Этот отход назад во многих случаях вместо того, чтобы вызывать у соседей увеличение усилий к восстановлению боя, служил сигналом для отступления и соседних частей, даже не атакованных.

В общем, среди младших и старших чинов не находилось достаточного числа лиц с крупным военным характером, с железными, несмотря ни на какую обстановку, нервами, способными выдерживать без ослабления почти непрерывный бой в течение многих дней.

Очевидно, ни школа, ни жизнь не способствовали подготовке в великой России, последние 40—50 лет, сильных, самостоятельных характеров, иначе они были бы и в армии в значительно большем числе, чем то оказалось в действительности.

Ныне, непреклонной волей нашего державного вождя, России даруются блага свободы. С народа снимается бюрократическая опека и ему предоставляется возможность свободного развития и применения своих сил на пользу нашей родине. Будем верить, что эти блага свободы, при хорошо поставленной школе, скоро отразятся благотворно на подъеме материальных и духовных сил русского народа и дадут на Руси во всех сферах деятельности людей самостоятельных, предприимчивых, обладающих широкой инициативой, крепких телом и духом. Тогда обогатится этими силами и армия.

Но нельзя армии ждать результатов работы нового поколения. Зная свои сильные и слабые стороны, мы можем и должны сами, не теряя ни одного дня, помочь себе.

Война выдвинула, особенно среди чинов 1-й армии, много лиц, от скромных ротных командиров до корпусных командиров включительно, на плодотворную энергичную работу которых вся русская армия может положиться.

С радостью отмечаю, что из среды чинов 1-й армии уже немалое число лиц получили выдающиеся назначения на Дальнем Востоке и в Европейской России. Это служит новым доказательством, что наш верховный вождь неустанно следит за нами и не теряет времени, дабы отличать достойнейших на пользу всей армии.

Вы на опыте убедились, в какие условия ныне поставлено ведение боя; какое напряжение духовное и физическое требуется, чтобы вести бой почти непрерывно в течение нескольких дней. Вы убедились также на опыте, какую важность приобретают в бою самые разнообразные технические средства. Все это обязывает вас стремиться к совершенствованию себя и не только в духовном, но и в физическом отношении. Наша школа, за исключением кадетских корпусов, не заботилась о физическом развитии, как не заботилась и о воспитании вверенных ее попечению детей. В результате многие из наших офицеров слабо развиты физически, что и сказалось во время войны, как выше было указано. Обратите внимание на гимнастику, на фехтование, особенно на эспадронах, на стрельбу. Надо, чтобы офицер не был зрителем на физических упражнениях нижних чинов, как то замечалось во многих случаях, а мог бы служить и в этом отделе примером своим подчиненным.

В русской армии наши офицеры всегда стояли близко к нижним чинам, отечески к ним относились, любили их и пользовались взаимно их любовью. Помните, что для нашего солдата слова «отец-командир» не простой звук, а глубокое верование, что каждый начальник только тогда найдет доступ в солдатское сердце, когда станет в их сознании отцом-командиром. Прибавлю, что можно быть очень строгим начальником и в то же время стать отцом-командиром. Наш простой человек не боится строгости и даже уважает ее. Строгость в большинстве случаев в армии спасительна, ибо охраняет от проступков, а многих от преступлений, но простой человек особенно чуток к несправедливости и верно отличает всякую фальшь в отношениях к нему. Вы, разделявшие с нижними чинами все труды и опасности боевой жизни, находитесь в исключительно благоприятных условиях. Нижние чины, видевшие своего офицера в бою всегда на своем месте, видевшие его самоотверженный пример, когда то требовалось, многое простят ему и пойдут за ним в огонь и в воду. Надо бережно и заботливо охранять эти связи, не переводя без крайней надобности боевых офицеров из тех частей, с которыми они были в бою.

Крепко охраняйте боевые традиции, приобретенные войсками. Не теряйте времени, чтобы в каждой роте, сотне, батарее сохранить в вечной памяти подвиги своей части и отдельных лиц.

Стойте возможно ближе к солдату, добивайтесь его полного доверия. Заслуживайте такое доверие непрерывной заботой о нем, любовью к нему, строгим и в то же время отеческим к нему отношением, знанием своего дела, примером своей жизни. Только при этом доверии вы будете в силах использовать все его хорошие качества, ослабить его недостатки и охранить от вредных влияний, которые ныне будут более опасны, чем ранее. Недавние примеры военных бунтов должны быть у вас постоянно в памяти.

Обращаюсь и к вам, командиры полков, в частности. Вы убедились, какое огромное значение имеет в бой полковой командир. Во многих случаях от того, как он вел бой с своим полком, зависела участь всего боя. Во многих случаях достаточно было, чтобы во главе полка явился энергичный, храбрый, знающий полковой командир, как полк в короткое время в боевом отношении становился неузнаваемым. Такое значение вызывает необходимость не только тщательного выбора на должность командира полка, но и непрерывной работы командира полка по совершенствованию всех подчиненных ему чинов в учебном и духовном отношениях.

К сожалению, до сих пор наши полковые командиры были чрезмерно завалены хозяйственными заботами и перепиской и не могли уделять достаточно времени на строевую часть, на общение с офицерами и нижними чинами, на воспитание их. Командир полка при некоторых военных начальниках являлся в большей мере ответственным за несвоевременную покраску обоза, чем за недостаточную тактическую подготовку полка. Вечная забота об отыскании источников на покрытие расходов по статьям, на которые не было назначено отпусков от казны, забота о накоплении мундирной одежды, о накоплении разных капиталов

приводили к тому, что некоторые командиры полков плохо знали своих офицеров, а по отношению к нижним чинам творили нехорошее дело, ибо за счет желудка и здоровья солдата образовывали экономические капиталы. В минувшую войну чины интендантства блестящим образом справились с тяжелыми обязанностями, на них возложенными в военное время, и доказали, что они заслуживают полного доверия и в мирное время. Поэтому ныне безбоязненно можно передать интендантству в значительной степени заботу о хозяйственной части войск (обмундирование, снаряжение, обоз, продовольствие). Тогда командиры полков и ротные командиры станут прежде всего начальниками живых людей и перестанут быть чиновниками в канцеляриях и смотрителями в различных цейхгаузах. Тогда дело обучения и, главное, дело воспитания войск выиграет.

Обращаю особенное внимание всех начальствующих лиц на необходимость сознательного и самого внимательного изучения характеров вверенных их попечению подчиненных. Мы бедны людьми, выдающимися самостоятельностью, энергией, инициативой. Ищите их, поощряйте, продвигайте вперед. Вызывайте рост этих основных для военного человека качеств. Люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, во многих случаях в России не только не выдвигались вперед, а преследовались: в мирное время такие люди для многих начальников казались беспокойными, казались людьми с тяжелым характером и таковыми и аттестовывались. В результате такие люди часто оставляли службу. Наоборот, люди без характера, без убеждений, но покладистые, всегда готовые во всем соглашаться с мнениями своих начальников, выдвигались вперед. Будем помнить, что за наше невнимание к аттестациям вверенных нашему командованию подчиненных мы тяжело поплатились в эту войну.

Большая часть войск 1-й армии остается на Дальнем Востоке. Вполне уверен, что славные сибирские войска, входившие в состав 1-й Маньчжурской армии, составлявшие в бою твердую основу наших армий, и ныне, в мирное время, при новых условиях дадут прочную охрану России на Дальнем Востоке.

Прощаясь с вами, мои дорогие боевые товарищи, искренне желаю вам, чтобы пережитый вами боевой опыт принес великую пользу армии и нашей родине. Твердо преданные престолу и родине, всегда готовые поддерживать порядок и правительственную власть, чуждые борьбы политических партий, вы, в сознании как своих сильных, так и слабых сторон, явленных в минувшую войну, верю, быстро залечите свои раны и поведете армию к совершенствованию.

Если в вашей будущей работе по совершенствованию самих себя и вверенных вам нижних чинов вы и будете лишены сознания одержанной победы в минувшей войне, то в утешение и подкрепление вы можете смело вспоминать, что, не жалея сил и жизни, были готовы продолжать борьбу с храбрым врагом до полной над ним победы, верили в победу над ним сами и успели вселить эту веру в нашего чудного солдата.

Бога вам в помощь в предстоящей вам мирной, но важной для нашей дорогой родины деятельности.

Низко кланяюсь вам и приношу искреннюю признательность за самоотверженную боевую службу. Прошу вас в частях войск передать всем нижним чинам мой благодарность за боевую службу, низкий поклон за многократную ко мне ласку и пожелания неизменно верной службы царю и родине.

5 февраля 1906 г . *г. Шуанченпу.*

Необходимые изменения в уставе о воинской повинности

Улучшение состава нижних чинов в армии затрудняется значительным процентом инородных элементов, находящихся в армии. Некоторые из них, несомненно, ослабляют армию и все же до сих пор не исключены из состава ее. Это исключение возможно только при пересмотре и изменении устава о воинской повинности.

О необходимости такого пересмотра в нашей периодической печати уже давно раздаются голоса. В статье В. Чумакова, помещенной в «Русском инвалиде», по этому вопросу приведены следующие строки: «Все, высказанное пока печатью по поводу пересмотра устава о воинской повинности, в главных чертах можно свести к следующему:

1. Установление действительно всеобщей воинской повинности введением особого военного налога на лица, не отбывающие эту повинность лично, причем размер налога должен зависеть как от причин, по которым данное лицо не отбывает повинность лично, так и от средств плательщика.

2. Понижение призывного возраста и

3. Создание национальной русской армии, т.е. ее моральное оздоровление, допущением в ее ряды только неопороченных лиц русской национальности и тех иноплеменников и инородцев, которые органически слились с русским государством и отношения которых к России, ее единству и ее интересам тождественны с отношениями к этим вопросам русской народности.

Но до сих пор ничего еще не было высказано о мерах, необходимых для поднятия престижа военной службы, для того, чтобы звание солдата не только на словах стало «высоким и почетным», ничего, если не считать нескольких пожеланий замены самого названия «воинская повинность» — «воинским долгом», «военной службой» и т. п.

А между тем это вопрос первостепенной важности, так как в настоящее время армия не может быть сильна, если каждый из ее членов не будет чувствовать себя действительно носителем высокого и почетного звания. Таким же носителем он может чувствовать себя только тогда, когда будет знать, что в ряды армии вместе с ним поступают только лучшие в физическом и нравственном отношении люди и преданные слуги престола и родины, цвет молодежи, а по окончании срока своей службы исключительно только эти лучшие люди будут пользоваться, как наградой за свой беспорочную службу, всеми правами русского гражданина. И государство во имя справедливости обязано предоставить эти права исключительно им, этим лучшим людям»[277].

В России около 25 % населения нерусского происхождения. Поэтому, при всеобщей воинской повинности, наша армия комплектуется различными народностями, в том числе и такими, которые не знают русского языка и пока мало расположены считать Россию своей дорогой родиной. При достаточном сроке действительной службы, такие новобранцы все же превращались в хороших русских солдат и в боях вели себя хорошо. При коротких сроках службы работа с ними очень затрудняется и может оказаться не по силам армии, если в школах наших окраин русский язык не будет усваиваться обучающимися в них детьми в достаточной степени. Как, однако, ни велики будут труды, которые потребуются для обращения в хороших солдат: русского, немца, татарина, финна, поляка, латыша, эста и проч., можно надеяться, что русские офицеры и унтер-офицеры справятся с этой задачей. Но существует и все усиливается на Руси племя, которое совершенно непригодно к военной службе — это евреи. Они доставляют массу хлопот на их подготовку к строевой службе, но успеха в большинстве случаев не достигается. Напротив того, в музыкантском хоре, в швальне они на месте. При сколько-нибудь недостаточном надзоре евреи и в войсках в мирное время начинают заниматься мелкими денежными операциями, дают деньги взаймы. Приставленные к каким-нибудь заготовкам — стараются обмануть и начальство, и поставщиков.

Поведение евреев часто очень хорошее. Они услужливы и на вид старательны, но

малосильны, болезненны и составляют бремя для частей войск: уклоняются от несения строевой службы, наполняя лазареты или постоянно ссылаясь на нездоровье.

Тем не менее, в мирное время даже и с евреями, если их не приходится много на роту, можно справиться. Но с наступлением военного времени евреи составляют тяжелую обузу для частей войск. Начальники войск стараются очистить строевой состав своих частей от евреев, ибо с основанием относятся недоверчиво к их мужеству.

Нижние чины в военное время тоже относятся к евреям недружелюбно, не ожидая поддержки от них в бой. Несомненно, что в отдельных случаях и между евреями находятся очень храбрые люди. Я лично знал таких и в туркестанских походах и в турецкую войну. Но масса евреев, по их натуре, привычкам, понятиям не расположены к военной службе и для части, назначенной идти в бой, составляют источник не силы, а слабости.

При движении в Маньчжурию некоторых частей войск из Одесского военного округа в состав их, при мобилизации, попало большое число евреев. По пути следования в Маньчжурию масса евреев бежала. Когда я делал смотр одной из прибывших дивизий, оказалось, что из четырех полков дивизии бежало с пути свыше тысячи евреев. Некомплект получился значительный. На потребованное объяснение, какие были приняты меры, чтобы не дозволять бегства и ловить бежавших, выяснилось, что начальники частей не препятствовали евреям убегать, потому что, хотя они и стали слабее численно, но, по мнению начальства, *полки стали сильнее в боевом отношении.*

При таком положении евреев в армии, при уклонении их всеми способами от военной службы, представляется вполне необходимым *избавить армию от евреев.* Спрашивается: почему же они до сих пор не исключены из армии?

Предложения в этом направлении делались часто. Крупные начальствующие лица неоднократно свидетельствовали о вреде евреев для армии, об их дурном влиянии на нравственность нижних чинов других племен, указывали на их очень малую способность к строевой службе. И тем не менее скоро 40 лет наша армия старается обратить евреев в хороших солдат, но старается без успеха. Препятствием к исключению евреев из армии служит закон о всеобщей воинской повинности. Выше я уже говорил, что эта всеобщая повинность в сущности «всеобща» только по названию, а в действительности, при массе льгот и освобождении целых племен от отбывания воинской повинности, повинность эта ложится только на 84 % всего населения. Поэтому, с этой стороны, при необходимом ныне пересмотре устава о воинской повинности, нетрудно будет добиться выключения евреев из числа племен, достойных комплектовать русскую армию. Труднее представляется вопрос: как устроить, чтобы это освобождение не оказалось для еврейского населения желательной льготой, которая только поможет ему крепче забирать в руки русское племя. Указывалось с основанием, что масса евреев в губерниях в черте еврейской оседлости очень бедна, и при замене воинской повинности значительным военным налогом это бедное население не в силах будет уплатить его. Казалось бы, что при большой солидарности всего еврейского племени военный налог, за освобождение евреев от воинской повинности, определенный в зависимости от числа подлежащих призыву, следует *взыскивать со всего еврейского населения, проживающего в России,* а не с тех семей или обществ, которые должны были выставить новобранца.

При этом все не только еврейские предприятия (банки, акционерные общества), но и предприятия русские или иностранные, в которых участвуют евреи, желательно обложить по определенной раскладке для покрытия всей налоговой суммы.

В интересной статье А. Антоновича «Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью»[278], составленной на основании официальных данных относительно призыва в войска новобранцев из евреев, значится:

1903
Призывалось евреев — 67 470
Не явилось евреев к призыву без уважительных причин — 11 622
Неявившиеся евреи, % — 17,2

1904
Призывалось евреев — 66 361
Не явилось евреев к призыву без уважительных причин — 20 412
Неявившиеся евреи, % — 30,7

1905
Призывалось евреев — 67 387
Не явилось евреев к призыву без уважительных причин — 17 899
Неявившиеся евреи, % — 26,5

1906
Призывалось евреев — 74 149
Не явилось евреев к призыву без уважительных причин — 19 331
Неявившиеся евреи, % — 26,0

1907
Призывалось евреев — 72 597
Не явилось евреев к призыву без уважительных причин — 20 309
Неявившиеся евреи, % — 28,0

По ст. 395 устава о воинской повинности семейство еврея, уклонившегося от воинской повинности, подвергается денежному штрафу в размере 300 руб. Взыскание это налагается постановлением подлежащего уездного, окружного или городского по воинской повинности присутствия, приводится в исполнение полицией и не подлежит замене арестом в случае несостоятельности лиц, обязанных платежом оного, а по ст. 396 того же устава на лиц, уклонившихся от воинской повинности, не распространяется сила общих постановлений о давности.

На основании этих узаконений, местными учреждениями по воинской повинности, в 1903—1907 годах наложено на семейства евреев, уклонившихся от исполнения воинской повинности, штрафов по 300 руб.:

1903
Семейства — 11 770
На сумму рублей — 3 531 000

1904
Семейства — 21 158
На сумму рублей — 6 347 400

1905
Семейства — 18 768
На сумму рублей — 5 630 400

1906
Семейства — 19 182
На сумму рублей — 5 754 600

1907
Семейства — 20 529
На сумму рублей — 6 158 700

Какая именно часть этой общей суммы штрафов поступила в казну и какая осталась в недоимке — в отчетах министерства внутренних дел не показано.

Из этой выдержки видно, 1) что штраф в 300 руб. налагается не на еврейское общество, а на семью, которая должна была поставить еврея-новобранца, и 2) что за 1907 год следовало с евреев взыскать свыше шести миллионов рублей за уклонившихся от явки на службу 20 529 человек.

Можно с уверенностью высказать мнение, что, без переложения штрафа на всех евреев и все еврейские предприятия, значительную часть этой суммы нельзя взыскать по бедности семей, члены которых уклонились от военной службы.

Размер военного налога с евреев должен быть определен в зависимости от потери, которую понесет русское или иное племя, выставивши новобранца вместо еврея.

В приведенной выше таблице резко бросается в глаза цифра уклонившихся от призыва евреев в год войны: по сравнению с 1903 годом *эта цифра в 1904 году почти удвоилась.*

1904 год был экзаменом для евреев. Не пожелав помочь России в трудное для нее время победить внешнего врага, какое же имеют право евреи рассчитывать на дальнейшие для себя льготы, особенно на льготы по образованию, на льготы по определению в русские учебные заведения в десять раз большие, чем предоставленные русскому племени?

В год войны недобор евреев составлял 30—40 % всего призыва. Чтобы видеть, какое племя в год войны[279] выказало наиболее готовности к жертвам, приведем следующую таблицу:

В 1904 году, в разгар Русско-японской войны:

Не явилось к призыву без уважительных причин (на 1000 человек)

русских — 2
латышей (Курляндск.) — 43
эстонцев — 57
армян — 73
грузин — 76
поляков — 113
литовцев — 275

Евреев не явилось от 300 до 400 на 1000 человек.

Относительно отбывания воинской повинности евреями А. Антонович делает такой справедливый вывод:

«Все вообще отчетные данные и сделанные из них выводы о евреях — о недоборе и об уклонившихся от военной службы, а в особенности цифры, относящиеся к 1904 году, ко времени Русско-японской войны, к 1905 году — периоду внутренних брожений — и, наконец, к

трехлетнему периоду так называемого успокоения (1906—1908 годы), когда проценты недобора и уклонившихся от военной службы удерживаются почти на той же высоте, на какую они поднялись в 1904—1905 годах, — показывают, что польза, приносимая евреями нашей военной силе, сокращена ими до minimum'a, и что, следовательно, отбывание ими воинской повинности натурой не соответствует ни интересам армии, ни интересам общегосударственным».

Несомненно, таким образом, что, как в прошлом, так и в будущем, главная сила нашей армии должна основываться на самоотверженной готовности к жертвам русского племени.

В 1904 году в губерниях Тверской, Новгородской, Вологодской, Тамбовской, Псковской, Смоленской, Владимирской и Минской *недобора вовсе не было.* В губерниях Курской, Воронежской, Орловской и Калужской недобор был ничтожный. В губерниях с фабричным населением — Московской и Ярославской — недобор составлял 2,2 % и 1,9 % соответственно.

В приведенной выше таблице уклонившихся без уважительных причин от призыва вслед за евреями стоят литовцы и затем поляки. Не пожелав помочь армии рука об руку с русским племенем победить внешнего врага, эти племена, очевидно, не имеют права рассчитывать на одинаковые с русским племенем права на службу государственную и службу выборную в высших правительственных учреждениях. Война была для этих племен экзаменом их политической и военной благонадежности, и евреи, литовцы, а за ними поляки этого экзамена не выдержали.

В числе важных мер, принятых в нашей армии после Русско-японской войны, заслуживают особого внимания переход к трехлетней службе для главной массы наших войск и меры по образованию в армии сверхсрочнослужащих.

Первая из этих мер, несомненно, должна была ухудшить состав срочнослужащих и запасных, в особенности унтер-офицерский состав, а вторая мера должна была в возможной степени исправить это ухудшение, дав очень опытные унтер-офицерские кадры.

Нельзя действительно не приветствовать эту вторую меру. До сих пор все попытки привлечь унтер-офицеров на сверх-срочную службу не имели успеха. Ныне для сверхсрочнослужащих унтер-офицеров созданы такие хорошие материальные условия, что в охотниках, надо надеяться, недостатка не будет. Вопрос о сверхсрочнослужащих унтер-офицерах в особенности станет твердо, если удастся побороть сопротивление различных министерств и обеспечить преимущественное назначение на низшую службу по разным ведомствам сверхсрочным унтер-офицерам, оставившим службу в армии.

Но эта мера вызывает большие расходы, и пока возможно содержать в каждой роте только по три сверхсрочнослужащих унтер-офицера. На мирное время с этим числом еще можно примириться, но на военное время число это совершенно недостаточно.

Надо принять во внимание, что при мобилизации часть сверхсрочнослужащих унтер-офицеров попадет в войска вспомогательного назначения, часть при недостаточном числе запасных офицеров пойдет на пополнение офицерского состава, и в ротах едва ли останется более чем по два человека сверхсрочнослужащих унтер-офицера. После потерь в боях часть и этих унтер-офицеров будет пополнена срочнослужащими. Таким образом, и ныне в военное время главная масса унтер-офицеров окажется из *срочнослужащих.*

Будут ли, однако, эти унтер-офицеры соответствовать своему назначению?

Ответим определенно: *не будут.* При действительной службе в рядах войск в пехоте и пешей артиллерии в 2 года и 8 месяцев надо приготовить из нашего крестьянина унтер-офицера или фейерверкера. Задача эта так трудно разрешима, что военное министерство прибегло к чрезвычайной мере: ныне поступивший новобранец, прослужив только год, может попасть в унтер-офицеры. Чтобы достигнуть такого результата, тотчас по поступлении в части новобранцев уже начинают часть их предназначать в унтер-офицеры из числа наиболее грамотных и бойких. Попадают преимущественно горожане, фабричные как более грамотные, т.

е. попадают в унтер-офицеры элементы, наименее надежные в нравственном отношении и хуже физически развитые. Жители же деревень, лучше физически развитые и до сих пор более нравственные, в унтер-офицеры в желательном количестве не попадут.

Такой унтер-офицер, уволенный в запас после общей службы всего 2 года 8 месяцев, много ли знаний и опыта унесет с собой и, главное, какой же это будет помощник офицеру после призыва из запаса?

Вопросы эти так важны и так серьезно влияют на определение боевой годности нашей армии, что я позволю себе высказать мнение о необходимости (одновременно с пересмотром устава о воинской повинности с целью исключения евреев из национальностей, обязанных службой, и пересмотром разных льгот с целью их уменьшения) обсудить и вопрос *о возвращении в нашей армии к тем срокам службы, которые существовали до Русско-японской войны*.

Эта мера, как изложено ниже, будет крайне необходима по весьма серьезным соображениям.

Главной причиной отсутствия, военного ведомства достаточных денежных сумм на армию было несоответствие содержимой нами армии с силами и средствами государства. Этих сил и средств хватало лишь на содержание изо дня в день многочисленной армии мирного состава, но на обеспечение ее всем необходимым *для военного времени средств не хватало*[280].

Многочисленный мирный состав, таким образом, съедает в мирное время все то, что государство может дать на армию, недостаточно сохраняя хорошую готовность армии для военного времени. Положение весьма тревожное, и из него необходимо найти выход.

Таким выходом можно признать *уменьшение постоянного состава армии в мирное время.*

С переходом к русской национальной политике, не допускающей вмешательства в чужие дела, и с достижением соглашения с Австрией по делам Ближнего Востока, некоторое сокращение мирного состава нашей армии станет возможно.

В 1900 году мирный состав нашей армии составлял 955 тыс. человек при населении в 132 млн.

Необходимость усиления нашего положения на Дальнем Востоке вызвало быстрое увеличение этого состава. Формирование новых частей войск происходило и во время войны. По окончании войны не было признано возможным отказаться от некоторых новых формирований или ослабить значительно мирный состав войск, расположенных на Дальнем Востоке.

В результате в 1909 году мы должны содержать армию свыше 1350 тыс. человек мирного состава.

Таким образом, за последние 9 лет мирный состав нашей армии увеличился на 400 тыс. человек.

Такое увеличение, полагаю, пока еще не по силам России, ибо при такой численности нашей армии в мирное время появляется вновь опасение, что не найдется достаточно денежных средств для подготовки армии во всех отношениях к войне. Чтобы уяснить значение произведенного за 9 последних лет усиления мирного состава нашей армии, напомню, что в 1796 году мирный состав нашей армии был 503 тыс. человек, в 1825 году — 621 тыс., в 1855 году — 850 тыс. человек.

Таким образом, в течение последних *75 лет прошлого столетия мы увеличили мирный состав нашей армии в меньшей степени, чем за 9 первых лет XX столетия*[281].

В Германии, стране, несравненно более России культурной и богатой, мирный состав определяется в 1 % населения.

При нашей бедности мы не в силах иметь армию мирного времени в той же пропорции к численности населения, как и в Германии; между тем, в настоящее время, мы близки к этому. Действительно, в 1900 году в России один солдат мирного времени приходился на 140 жителей,

в 1909 году один солдат мирного времени приходится уже на 110 жителей, т. е. мы приближаемся к германскому отношению, тогда как по нашим платежным средствам можем иметь в полной готовности армию лишь в составе мирного времени, примерно из расчета на 200 жителей по одному солдату.

Мне и представляется необходимым ныне же на будущее поставить задачу — переход первоначально к мирному составу из расчета на 150 жителей по одному солдату, а затем и переход к составу армии из расчета на 200 жителей по одному солдату.

Конечно, к такому уменьшению армии нельзя перейти слишком быстро; но, сделав возможное сокращение состава армии, этот уменьшенный состав надо фиксировать на несколько лет; тогда, при быстром приросте населения, мы скоро войдем в норму, определенную выше. Надо принять во внимание, что ежегодно прирост населения в России скоро будет близок к 2500 тыс. человек, т. е. по германскому масштабу России пришлось бы ежегодно усиливать мирный состав на 25 тыс. человек, а по предложенному мной отношению (на 200 жителей по одному солдату), на 12,5 тыс. человек. Примерно через 17—20 лет в России уже будет 200 млн населения[282].

Но уменьшение ныне существующей армии составит такую меру, что если ее принять без соответствующего улучшения остающегося кадрового состава армии, то такое уменьшение отразится ослаблением нашей боевой готовности.

По моему глубокому убеждению, такое уменьшение не принесет армии вреда, но послужит даже на пользу, если одновременно с этим уменьшением *мы вернемся к срокам службы, при которых начали Русско-японскую войну.*

В числе главных указаний опыта Русско-японской войны надо считать следующие:

1) Главная сила армии в бой заключается в срочнослужащих.

2) Запасные нижние чины, особенно в первых боях, представляли в боевом отношении менее надежный элемент, чем срочнослужащие.

3) Наиболее ненадежны были запасные старших сроков службы.

4) Унтер-офицерский состав армии был не на высоте современных требований.

Изучение последних войн, веденных Россией, привело меня к заключению, что вследствие уменьшения сроков службы, при некультурности нашего населения наш унтер-офицерский состав все ухудшается. Унтер-офицер Восточной войны 1853 года удовлетворял современным требованиям и был действительно помощником офицера. Унтер-офицер турецкой войны 1877—1878 годов был слабее севастопольского и уже менее удовлетворял усложнившимся требованиям. Наконец, наш унтер-офицер японской войны оказался еще слабее, чем в турецкую войну, мало удовлетворял современным требованиям и хотя был храбр, но помощником офицера был ненадежным.

Казалось бы, такие выводы из опыта войны обязывали нас принять все меры к дальнейшему улучшению состава срочнослужащих, к улучшению унтер-офицерского состава и улучшению запасных. Основной мерой для этого представлялась служба в рядах войск нижних чинов пехоты не 3 года 8 месяцев, а полный назначенный по закону срок, т. е. 5 лет или, по меньшей мере, полные 4 года.

Поступили наоборот: боевой опыт указал, что нам при невежестве нашего населения 3 года 8 месяцев мало, а мы перешли на 2 года 8 месяцев. Этой мерой мы: 1) ослабили достоинство срочнослужащих, 2) еще ухудшили состав своих унтер-офицеров, 3) ухудшили запасных (легче забудут то, чему учились[283]), 4) крайне увеличили работу офицеров, 5) увеличили расходы казны.

Но, быть может, все эти несомненно большие убытки были куплены облегчением для

населения воинской повинности?

Оказывается, и тут мы не выиграли. В 1903 году, за год до войны, было призвано новобранцев 320 тыс. человек по старым срокам службы, а в 1908 году число новобранцев по новым срокам службы дошло уже до 465 тыс. Такое число новобранцев, при огромном числе льготных первого разряда и выкидывая физически слабых, мы можем получить, только беря значительное число льготных второго разряда.

Обнаруженные во время войны недостатки частичных мобилизаций, а также вероятная необходимость привести в боевую готовность войска той или другой окраины без объявления мобилизации, вызывают необходимость, кроме запасных, иметь некоторое число *отпускных* нижних чинов. Поэтому, переходя к прежнему сроку пятилетней службы, необходимо последний срок службы, пятый год, увольнять в отпуск на один год до перечисления в запас.

В настоящее время для населения существуют три срока отбывания службы:

1) для пехоты и пешей артиллерии — 3 года;

2) для других родов оружия — 4 года;

3) для флота — 5 лет.

Эта разница необъяснима для населения, создает путаницу в понятиях и вызывает необходимость изменять сроки пребывания в запасе.

Если допускается производство в офицеры в 18 лет, то вполне возможным и желательным представляется понижение призывного возраста на один год: с 21 года до 20 лет. Недоразвившиеся физически, как и ныне, будут получать отсрочку. Молодежь легче переносит опасность и способнее к порыву вперед, чем запасные в 40 слишком лет, отяжелевшие и многосемейные.

Запасные в 40 лет и старше, как показал боевой опыт, тяжелы физически, многосемейны и уже к полевой службе менее пригодны, чем запасные более молодых сроков. По существующему положению запасными могут оказаться люди в 43 года, и масса числится в запасе до 39 лет. Необходимо с изменением призывного возраста, увеличением на один год действительной службы, установлением категории бессрочноотпускных на один год, в то же время сократить пребывание в запасе с 15 до 10 лет.

При огромном запасе ратников ополчения[284] нет необходимости тянуть воинскую повинность до 43-летнего возраста. Можно предельным годом для отбывших воинскую повинность поставить 40 лет.

Тогда, в общем, предлагаемые мной изменения в отбывании воинской повинности выразятся так:

На действительной службе и в отпуске — 5 лет

В запасе 1-го разряда — 5 лет

В запасе 2-го разряда — 5 лет

В ополчении — 5 лет

Кроме того, в ополчении числятся все способные к службе, не попавшие в армию до наступления 40-летнего возраста.

Указанные сроки определяются для всех родов оружия, без исключения, одинаково.

При уменьшении численности армии и при 4 годах действительной службы, вместо 456 тыс. новобранцев можно будет в несколько лет перейти к призыву 300 тыс. человек, что составит огромное облегчение для населения. Эта милость для населения особенно будет рельефна, если такой размер призыва будет определен *на пять лет вперед с правом уменьшения,* но не увеличения по представлениям военного министра.

Предлагаемые меры помогут:

1) С уменьшением мирного состава армии найти, наконец, в России, при постепенном

росте ее сил, средства, необходимые для постановки армии на высоту, отвечающую современным требованиям.

2) Производимое уменьшение состава армии, с переходом на прежний 4-летний срок действительной службы, улучшит как срочнослужащих, особенно унтер-офицерского состава, так и запасных.

3) Служба во всех родах оружия и на всем протяжении России будет совершаться по одним и тем же срокам.

4) Уменьшение призыва новобранцев с 456 тыс. на 300 тыс. позволит строже принимать их.

Это уменьшение составит огромное облегчение для населения и, вместе с сокращением на 3 года пребывания в запасе, окупит в глазах населения увеличение действительной службы для большей части новобранцев на 1 год.

5) Уменьшение новобранцев в каждой роте на *1/3* часть нынешнего числа даст огромное облегчение для офицерского состава.

В пехоте и пешей артиллерии, составляющих главную нашу силу, с переходом на 4 году службы вздохнут свободно и снова начнут верить в возможность выставить против нашего врага не милиционное, наскоро обученное войско с недостаточно подготовленными унтер-офицерами, а твердо и хорошо обученную армию.

Кроме указанных выше изменений в уставе о воинской повинности (исключение из армии евреев и возвращение к срокам службы 1904 года) необходимо, в интересах не только армии, но и справедливости, возможное ограничение в уставе льгот по образованию и семейному положению. Независимо от этого, все мужчины в возрасте от 20 до 40 лет, не служащие в армии и ее запасе, должны быть обложены особым военным налогом.

Значение различных родов оружия на основании опыта последней войны

В моем отчете по минувшей Русско-японской войне помещен вывод о деятельности на войне различных родов оружия и высказаны пожелания относительно необходимых организационных и иных изменений в нашей армии, атакже мнение об организации запасных и тыловых войск и о пулеметах. Выводы эти сделаны 4 года тому назад под свежим впечатлением пережитого боевого опыта.

Привожу их ниже в несколько сокращенном виде.

Пулеметы

В начале войны наша армия в своем составе имела незначительное количество пулеметов. Между тем японцы, оценив всю силу пулемета, быстро ввели его в своей армии и широко снабдили ими войска. То же делала и наша армия. Уже с лета 1905 года в армию стали в значительном числе прибывать пулеметные роты и команды. Система пулеметов не удовлетворяла тактическим данным: 1) легкости и 2) удобству применения на местности.

Необходимо выработать такой тип пулемета, который бы переносился на руках даже в передовой цепи.

Наши пулеметы, высокие, громоздкие, со щитами, скорее напоминали облегченную пушку.

Несоответствие конструкции, трудность применения на местности и создали мнение, что пулеметы на позиции должны сводиться в пулеметные батареи и располагаться так же укрыто, как и артиллерия. Мнение это в высшей степени ошибочное.

Громадная огневая сила пулеметов требует размещения их небольшими группами по

боевым участкам на важнейших пунктах или в штурмующих колоннах. С целью же использовать их силу, в случае надобности, на все дистанции, пулеметы при наступлении должны сопутствовать передовым цепям, а при обороне располагаться в боевой части. Существовавшая организация пулеметных рот, группировавшая пулеметы в крупные соединения, не удовлетворяла вышеизложенным тактическим требованиям.

Пулеметы должны быть приданы полкам из расчета 4 пулемета на батальон.

Запасные войска

Главной мерой по увеличению боевого элемента в наших войсках надлежит признать сильное развитие запасных войск и создание такой организации, при которой, тотчас после веденных боев, а при затяжке боя, как то было в прошлую войну, и во время боев, части войск могли бы получать укомплектования офицерами и нижними чинами. Каждый пехотный полк должен иметь свой запасной батальон. Каждый такой батальон желательно формировать с объявлением мобилизации в 40 % боевого элемента полка, т. е. 1600 человек, непрерывно обучаемых, из коих на театре военных действий необходимо иметь отделение каждого запасного батальона в 10 % боевого состава, т. е. в 400 человек. Эти 400 человек, соединенные в одну роту, и должны составлять «запасную» роту такого-то полка, непрерывно пополняемую. При каждой дивизии эти роты, соединенные вместе, образуют запасной батальон в 1600 человек для немедленного пополнения убыли в полках дивизии. Все заболевшие и раненые, оставленные на театре военных действий, должны перечисляться в этот батальон и туда же поступать по выздоровлении.

После больших боев этот запас окажется недостаточным и потребуется подвоз укомплектований с главной базы.

Подобным же образом должно быть обеспечено поддержание боевого состава и других родов оружия.

Убыль среди нестроевого элемента значительно меньше (главным образом от болезней), но и для пополнения этой убыли необходимо иметь готовый запас, отличный от пополнений боевого элемента, а именно составленный из старших сроков запасных и частью из выздоровевших раненых и больных строевых, кои окажутся мало пригодными для службы в строю[285].

Из опыта прошлой войны с полной ясностью выказалась особая важность быстрого укомплектования частей войск после боев. Японцы и достигли этого, в чем имели перед нами большое преимущество. Число батальонов было больше у нас, а число штыков у них. Такое укомплектование для нас было бы важнее подвоза подкреплений, ибо могло в большей мере усилить нас. Достаточно сказать, что, располагая, например, пятью воинскими поездами в сутки, мы могли подвести корпус с обозами, парками лишь в 20 дней, что усилило бы нас примерно на 25 тыс. штыков. За этот же самый период, доставляя только укомплектования, могли подвезти 90—100 тыс. человек (нет обозов, артиллерии, конницы). При огромных наших потерях таяла лишь пехота; артиллерия, парки, транспорты, учреждения и заведения — все это оставалось. Число орудий на 1000 штыков оказывалось несоразмерно велико. Обозы огромны. Оставшиеся в корпусах 10—12 тыс. штыков обращались как бы в прикрытие артиллерии, парков, обозов.

Тыловые войска (войска сообщения)

К тыловым войскам я, на основании опыта войны, отношу: этапные войска, железнодорожные войска, дорожные рабочие команды (для грунтовых дорог), команды телеграфные, моторные, войска обозные разных наименований. Все эти категории войск

должны подчиняться начальнику военных сообщений. Кроме того, в тылу находится большой личный персонал в заведениях, учреждениях и складах всех полевых управлений. Эти чины определены в значительной степени существующими штатами, и я их касаться не буду.

Отсутствие у нас подготовленной организации тыловых войск при их настоятельной необходимости повело к формированию их за счет боевого элемента пехоты. Начальники войск при этом жаловались на большой расход людей на тыловую службу, а начальники, ведавшие тыловой службой, жаловались на недостаточность назначенных в их распоряжение сил для успешной службы в тылу.

Очевидно, необходимо подготовить формирование тыловых войск одновременно с мобилизацией армии.

В напечатанном ныне обширном отчете по командованию мной 1-й Маньчжурской армией, в отделе по устройству тыла и в отчетах управления начальника военных сообщений и полевого управления этапами имеются весьма ценные данные боевого опыта, которые могут быть полезны при составлении проекта организации тыловых войск у нас.

Размер силы транспортов, по местным условиям, определялся, считая парную запряжку лишь в 15 пудов полезного груза на лошадь и 10 полезных верст в сутки, т. е. 150 пудо-верст на лошадь в сутки[286]. При этом необходимо иметь в виду, что в действительности полезная работа транспортов 1-й армии, вследствие дурных дорог и слабой породы лошадей, была в 2,5 раза менее предполагаемой.

Каждый из корпусов 1-й армии имел свою тыловую дорогу.

Этапы, которые мы устраивали на этих корпусных путях, рассчитывались помещениями на 1 тыс. человек и кухнями на 2 тыс. и даже на 3 тыс. человек. Каждый этап должен быть оборудован так, чтобы мог пропускать в сутки 2 тыс. человек укомплектований (следующих без обозов) для одного корпуса.

Инженерные войска

Огромное развитие техники находит все большее применение в военном деле. Минувшая война еще не дает достаточных данных для выяснения того развития технических сил и средств, кои будут употреблены при борьбе двух европейских армий. Японцы были значительно сильнее нас снабжены этими силами и средствами, но далеко еще не в той мере, какая должна быть предвидена для самого близкого будущего.

Устройство сильных укреплений в самое короткое время, проложение во время военных действий железнодорожных и грунтовых путей, особенно полевых железных дорог, устройство телеграфных линий и беспроволочного телеграфа, гелиографов, сигнализация фонарями, флагами, летательные аппараты, моторы, велосипеды; большое количество искусственных препятствий, проволоки, мин, ручных гранат, штурмовых средств[287], запасы шанцевых инструментов и проч. — все это должно быть при армии в должной готовности и в больших количествах. Для правильного использования всех этих средств, необходима заблаговременная организация и несравненно более многочисленные инженерные войска, чем те, которыми мы располагали в минувшую войну.

Инженерные войска должны заключать в себе саперные, телеграфные и железнодорожные части.

Не касаясь здесь железнодорожных войск, необходимых для обслуживания тыла армии (количество которых должно определяться в зависимости от длины железнодорожных линий, находящихся на театре военных действий, и линий, предположенных к проложению во время военных действий), остановимся на вопросе о необходимом количестве саперных и телеграфных войск для одного корпуса трехдивизионного состава.

Забытая после турецкой войны лопата в минувшую японскую войну вновь получила должное место.

При силе и губительности современного огня наступление и оборона без лопаты ведут к огромным потерям.

Для упорства обороны требуется создание сильных позиций с рядом открытых и сомкнутых укреплений и всевозможных искусственных препятствий. Вместе с тем атака таких позиций требует людей, обученных уничтожать эти препятствия и действовать подрывными средствами.

Появление тяжелой артиллерии в войсках вызывает необходимость исправных дорог и вполне прочных мостов.

В минувшую войну в состав каждой японской дивизии в 12 батальонов входил один саперный батальон сильного состава. Мы имели, в общем, на каждую дивизию по одной роте саперов. Это количество оказалось недостаточным. Наши саперы работали самоотверженно при устройстве укреплений и проложении дорог, но боевая их деятельность была незначительна. Как это ни странно покажется, но с началом боя про саперов часто забывали. Из приведенных примеров в моем отчете видно, что их забыли даже при действиях против сильно укрепленной позиции японцев у Сандепу. Мы во 2-й армии имели несколько саперных батальонов, а при штурме Сандепу с войсками, двинутыми на штурм, не было направлено ни одной роты саперов. При малочисленности саперов их слишком оберегали от потерь и перешли в этом отношении должные границы: ничтожные потери в саперных частях в минувшую войну сравнительно с пехотными частями служат тому доказательством.

Мне представляется необходимым для более полезной службы саперов приблизить их к войскам и вместо присоединения саперов к корпусам войск *присоединить их к дивизиям.* Если нам удастся иметь сильные полки в 4000 штыков, то я считаю необходимым, чтобы каждому полку для боя оборонительного или наступательного придавалась одна рота саперов в 250 человек, что составляет для каждой дивизии 1 четырехротный саперный батальон в 1000 человек. Саперный батальон должен иметь возможность быстро устраивать искусственные препятствия и обладать способами и средствами их разрушения. В особенности важны запасы проволоки. По бывшему опыту можно принять, что при каждой дивизии необходимо иметь по 100 пудов проволоки на два опорных пункта.

К каждой дивизии, кроме того, должна быть прикреплена телеграфная рота шестивзводного состава для быстрой связи всех полков с каждой частью полка, выделенной вперед, и со штабом дивизии, а также штаба дивизии — со штабом корпуса. Каждый полк должен иметь по телеграфному взводу. В составе этого взвода и должны быть сосредоточены все средства полка по устройству связи: телефоны[288], сигнализация флагами, велосипеды, моторы.

При каждом корпусе войск трехдивизионного состава будет состоять саперная бригада в составе трех батальонов саперов по числу дивизий, одного телеграфного батальона пятиротного состава, одна минная рота, одно воздухоплавательное отделение и один железнодорожный батальон.

Две телеграфные роты, приданные корпусу, должны обеспечивать связь корпуса со штабом армии, связь корпуса с дивизиями и связь корпуса с корпусами, находящимися в тылу, парками, обозами, запасами.

Кроме армейского запаса полевой железной дороги на каждый корпус необходимо рассчитывать 50 верст полевой железной дороги (паровой или конной тяги в зависимости от театра военных; действий).

Один из наших главных недочетов в бывших боях заключался в том, что начальствующие лица разных степеней не только не знали расположения войск противника, *но не знали во многих случаях и расположения своих войск,* теряя с ними связь. Поэтому они не могли

сознательно вести бой и не могли своевременно ставить в известность о том, что происходит на поле сражения, командиров корпусов, командующих армиями и главнокомандующего. Японцы с продвижением каждого полка вперед проводили и телефон. Мы находили японских телефонистов убитыми в волчьих ямах; они шли с передовыми цепями. У нас прерывалась часто связь даже между корпусами и армиями.

Необходимо исправить этот важный недостаток. Необходимо; чтобы в будущем мы могли действовать с открытыми глазами. *Учиться этому надо еще в мирное время.* Необходимо, чтобы на мирных маневрах ни один полк не двигался вперед без телефонной связи с командиром бригады и штабом дивизии. Необходимо, чтобы в штабах дивизии, корпуса и армии, на основании телефонных и телеграфных сведений, непрерывно обозначалось на картах перемещение наших и неприятельских войск. Прежде с холма в подзорную трубу вожди войск могли видеть все поле сражения, видеть свои войска, видеть по дымкам линии неприятельских пехотных и артиллерийских частей. Теперь этого ничего не видно. Часто не видно и войск. Видны только дымки разрывов снарядов наших и неприятельских. Поэтому распоряжения надо делать на основании карты с нанесенными на нее нашими и неприятельскими войсками. Нам необходимо научиться составлять и непрерывно изменять такую карту. Дабы все сведения наносились на эту карту своевременно, кроме обычных донесений с конными людьми надо организовать получение донесений с велосипедами, моторами, а главное — по телеграфу и телефону. Дабы достигнуть этого важного результата, неизбежно идти на значительные затраты, чтобы создать «службу сообщений» или «службу связи», вполне удовлетворяющую потребностям боя, движения и отдыха. Достаточное число саперных частей, распределенных по полкам, поможет нам брать укрепленные позиции, усиленные искусственными препятствиями, и поможет быстро приспособлять к обороне взятые нами местные предметы и позиции. Работа минной роты в будущем будет велика как при атаке, так особенно при обороне. При минной роте должны сосредоточиваться и все взрывчатые вещества, нужные для разрушения, в том числе и мины, пироксилиновые шашки и ручные гранаты. Огромное действие бомб, бросаемых революционерами и анархистами, должно быть использовано в военных целях. Если находятся фанатики, идущие почти на верную смерть, чтобы убивать мирных граждан, то несомненно найдутся и самоотверженные воины, которые, следуя в передовых рядах наступающих, будут бросать эти бомбы в ряды противника и препятствия, воздвигнутые у них на пути[289].

Артиллерия

Опыт минувшей войны показал, что для успеха действий артиллерии искусство важнее многочисленности. При современных условиях боя, когда расположение батареи не видно, во время артиллерийского состязания выпускается огромное количество снарядов совершенно безрезультатно. 2—4 орудия, искусно укрытые и своевременно меняющие место расположения, могут состязаться с артиллерийской бригадой и если ранее обнаружат расположение неприятельских орудий, то при быстрой стрельбе нанесут ей серьезный вред. Артиллеристы, особо способные и энергичные, приобретя боевой опыт, во многих случаях удачно «нащупывали» неприятельскую артиллерию, но во многих случаях действия нашей артиллерии принесли противнику мало вреда. Как наиболее отрицательный пример, можно указать на действия нашей артиллерии под Сандепу, где мы, имея задачей овладеть Сандепу, выпустили 70 тыс. снарядов по разным площадям, кроме участка, занятого Сандепу. Огромный расход артиллерийских патронов тоже обязывает самым внимательным образом относиться к вопросу о численности артиллерии. В минувшую войну, вследствие медленного укомплектования наших потерь, мы были во многих случаях перегружены артиллерией. Нам часто приходилось действовать дивизиями, имеющими только по 8—6 тыс. штыков в четырех полках при 48

орудиях на дивизию, дающих от 6 до 8 орудий на 1 тыс. штыков, что чрезмерно много. Особенная обремененность артиллерией сказывалась в тех случаях, когда являлся недостаток в артиллерийских патронах.

Даже в предположении, что нам удастся поддержать свои полки в составе 4 тыс. штыков, полагаю достаточным сохранить существующее ныне при большинстве дивизий число орудий (48), что дает по 3 орудия на 1 тыс. штыков.

Ныне сила артиллерийского огня так велика (по скорости стрельбы), что в тактическом отношении 4, орудия могут рассматриваться как самостоятельные боевые единицы.

Формировать четырехорудийные батареи слишком дорого и требует слишком много личного состава, поэтому предпочтительнее отказаться от дивизионов и вернуться к прежней двенадцатиорудийной батарее, разделив ее на самостоятельные в тактическом отношении 3 роты. В каждой дивизии 4 батареи свести в артиллерийский полк, подчиненный начальнику дивизии. Каждой ротой будут командовать капитаны, батареями — подполковники, полками — полковники.

Опыт показал, что для дружной боевой работы весьма важно, чтобы батареи действовали, по возможности, с одними и теми же полками пехоты. Устанавливается тесная связь и являются самоотверженные действия для взаимной выручки. Мне часто приходилось слышать: «наша батарея», «наш полк» — и в этих простых словах чувствовался глубокий внутренний смысл. Каждая батарея должна иметь возможность действовать отдельно от артиллерийского полка, в состав которого входит.

Для действий в горах войскам должна придаваться горная артиллерия в том же размере.

Орудия наши оказались вполне хорошими. Но шрапнель, эффективно действуя на открытых местах и по людям, оказалась непригодной для действия по целям закрытым, земляным укреплениям, глинобитным стенкам. Артиллерийская подготовка против, например, китайских селений, занятых японцами, не имела должного результата (стенки снаряда слишком тонки, а разрывной снаряд слишком мал). Поэтому настоятельно необходимо скорейшее введение в нашу артиллерию второго типа снаряда, с достаточным фугасным действием. Но ввиду малого калибра этого снаряда действие его все же не будет достаточным для разрушения преград, кои ныне быстро создаются на позициях и носят характер временных укреплений, а не полевых (сильные блиндажи, толстые насыпи, несколько рядов искусственных препятствий). Для подготовки атаки на такие укрепления и для скорейшего результата при действиях против местных предметов весьма полезно иметь полевые гаубицы выработанного ныне типа. Эти гаубицы, числом 24, можно свести тоже в двухбатарейный полк и придать к корпусу в виде корпусной артиллерии. Наконец, при каждой армии необходимо иметь легкий осадный парк для содействия при овладении различными опорными пунктами и укреплениями как долговременного, так и временного характера.

Организация парковой части оказалась хорошо продуманной, но парковые повозки по маньчжурским дорогам передвигались с трудом. Опасаюсь высказывать мнение за дальнейшее увеличение запряженных парков, до такой степени мы были перегружены обозами разного вида. Предпочтительнее, как то мы и делали, быстро устраивать местные парки при железнодорожных станциях и разъездах.

В минувшую войну войска редко встречали недостаток в ружейных патронах, но в артиллерийских патронах недостаток был большой: после боев под Ляояном, на Шахэ и под Мукденом наша армия оказывалась без запаса артиллерийских патронов для дальнейшего пополнения батарейных и парковых комплектов.

В первых боях наша артиллерия действовала неуверенно и недостаточно удачно, но, приобретя боевой опыт, многие из наших артиллерийских частей самоотверженно и доблестно

боролись не только против японского артиллерийского, но и против ружейного огня. Сравнительно с действиями артиллерии, на европейском театре в Русско-турецкую войну 1877—1878 годов мы сделали значительный шаг вперед. Весьма большие потери убитыми и ранеными во многих батареях свидетельствуют, что наши артиллеристы не боялись умирать.

Действия конных батарей зависели вполне от начальников кавалерийских частей, к которым они были приданы. Там, где эти начальники действительно хотели действовать против неприятеля, действовали с успехом и наши конные орудия. Достаточно вспомнить поистине геройские действия 1-й Забайкальской казачьей батареи, приданной к Забайкальской казачьей бригаде генерала Мищенко. Эту батарей и ее молодца-командира знала вся армия. Не раз 6 орудий этой батареи с успехом боролись против нескольких японских батарей. Но и потери в этой батарее были весьма значительные. В тех же случаях, где наши кавалерийские начальники были более всего озабочены мыслью отступать без боя, как то было в коннице 2-й армии в сражении под Мукденом, 2 прекрасные конные батареи, действовавшие с этой конницей в течение боев с 14 по 25 февраля, *потеряли за одиннадцатидневный бой лишь двух человек* ранеными и одного без вести пропавшим.

На 4 конных полка на Маньчжурском театре военных действий (вследствие слабости состава полков) было достаточно 1 батареи в 6 орудий.

Таким образом, в общем полагал бы на основании опыта прошлой войны, придать следующую организацию артиллерии армейского корпуса, считая таковой трехдивизионного состава. В каждой дивизии по 1 артиллерийскому полку из 4 батарей — 48 орудий, в трех дивизиях — 144 орудий. В корпусе 1 артиллерийская бригада из 3 полков полевой артиллерии и 1 полка гаубиц в 24 орудия. Всего в корпусе 168 орудий.

Конница

Наша конница была многочисленна, но сделала меньше, чем мы от нее ожидали. Но в тех случаях, где в голове конницы стояли хорошие начальники, конница работала самоотверженно.

Главная реформа в коннице должна, по моему мнению, заключаться не во внешних преобразованиях, *а в перемене воспитания. Пока конница не будет воспитана в мысли, что она должна сражаться так же упорно, как и пехота, расходы на конницу не окупятся.* Если пехота, теряя 25 %, еще совершенно свободно продолжает бой, если пехота, потеряв даже свыше половины своего состава, все еще держится на занятых ей позициях или повторяет атаки, то необходимо, чтобы тот же масштаб был применен и к коннице. Мы слишком берегли конницу в бой и слишком мало вне боя. Целые полки при первых близких разрывах шрапнели уже отводились назад, не потеряв еще ни одного человека.

Во время Мукденского сражения 4 полка конницы — 2 драгунских и 2 казачьих, на которые выпала самая трудная, но и самая почетная задача — противиться головным частям обходящей армии Ноги и освещать обстановку для старших начальствующих лиц, — потеряли убитыми и ранеными во всех полках:

17 февраля — 1
18 февраля — 2
19 февраля — 1
20 февраля — 7
21 февраля — 2
22 февраля — 6
23 февраля — 1
24 февраля — 1

25 февраля — 1
Всего — 22

Это меньше, чем по одному человеку на сотню и эскадрон. Потери почти каждой роты пехоты были значительнее, чем этих 24 сотен и эскадронов.

Очевидно, что боя эти части не вели, а только от боя уклонялись. Очевидно и то, что, уклоняясь от боя, конница эта не только не задерживала движения противника, но и не могла доставлять необходимых о нем сведений.

А между тем состав этой конницы был хороший. Все зависело от руководства.

Выше мы также упомянули, что в бой под Вафангоу пехота 1-го Сибирского корпуса потеряла 2500 человек, а Приморский драгунский полк, входивший в состав корпуса — 1 человека.

Но повторим, что в 3 частях конницы, где хотели вести бой, конница действовала хорошо и несла серьезные потери.

Укажу на забайкальских казаков бригады генерала Мищенко, дивизию генерала Ренненкампфа, на кавказскую бригаду. Отличные уральские казаки, попав в руки генерала Мищенко, действовали молодцами. Сибирские казаки в руках генерала Самсонова действовали хорошо, а под Ляояном на Янтайских копях проявили большое упорство. Отдельные сотни донцов и оренбуржцев действовали очень хорошо. Драгуны под начальством полковника Стаховича в нескольких случаях тоже действовали очень хорошо. Состав Приморского драгунского полка был хорош, — надо было уметь им распорядиться. Во многих случаях офицеры всех полков с разъездами действовали в высокой степени самоотверженно. Действовали с успехом и отдельные части всех казачьих войск. Материал был хорош, но надеяться на военное одушевление, порыв к подвигу в великовозрастных третьеочередных казачьих полках, конечно, было нельзя. Но даже эти третьеочередные полки, попавшие в умелые руки, могли давать хорошую боевую работу[290]. Казачья лошадь вообще, а забайкальская в особенности, оказались слишком мелки. Забайкальские казаки на своих мохнатых низкорослых лошадках скорее напоминали ездящую пехоту, чем конницу. Лошади донских полков были довольно крупны, но относительно нежны: быстро теряли тело, медленно поправлялись.

В общем, все же, наша конница в Маньчжурии много самоотверженнее работала, чем наша конница в Русско-турецкую войну, например, под Плевной, под начальством генералов Крылова и Лошкарева. Главный вопрос — в подборе и воспитании начальников конницы. По общему отзыву, обер-офицерский состав в коннице был хорош, штаб-офицерский слабее, а генеральский, за несколькими исключениями, совсем слаб.

Как в пехоте, так и в коннице огромное значение имеет личность командира полка. Его боевые достоинства или недостатки обозначаются весьма быстро. Оказавшийся несоответственным должен быть немедленно удален. То же относительно и генеральских чинов. Между тем наши начальники дивизий и корпусов весьма редко доносили о несоответствии подчиненных им старших начальствующих лиц, скрывая даже обнаруженный недостаток личного мужества у некоторых из них, и только по окончании военных действий оказывалось, что некоторые лица, занимавшие должности командиров конных полков и бригад, упорно обнаруживали не только отсутствие энергии и распорядительности, но даже и личного мужества.

Возраст некоторых полковых командиров был велик. Для командования конным полком 55 лет слишком много.

Как и в пехоте, должность командира конной бригады необходимо поднять, совсем отказавшись от неотдельных бригад и предоставив командиру бригады права по строевой и

хозяйственной частям, присвоенные ныне начальникам дивизий.

3 отдельных бригады нужно соединять в дивизию, предоставив начальнику дивизии права командира корпуса. В соединении в кавалерийские корпуса надобности не представляется. К кавалерийской дивизии из 3 отдельных бригад присоединять одну 12-орудийную батарей из 3 конных рот, в 4 орудия каждую.

К каждому армейскому корпусу из 3 дивизий присоединять 1 кавалерийскую или казачью бригаду. 1 из полков этой бригады должен нести службу дивизионной конницы по 2 эскадрона или сотни при каждой дивизии. Если мы хотим, чтобы начальники пехотных дивизий узнавали конницу еще в мирное время, необходимо, чтобы 2 эскадрона или сотни (сменные) были расположены в районе пехотной дивизии, были подчинены начальнику дивизии и участвовали во всех занятиях в поле.

Пехота

Как и в войны, веденные нами ранее, на пехоту в Русско-японскую войну легла главная тяжесть службы и боя.

Несомненно, что и в будущих войнах за пехотой сохранится значение главного рода оружия. Прочие роды оружия должны иметь значение, лишь поскольку они помогают пехоте победить врага. От действий пехоты зависела и будет зависеть победа или поражение. Но ныне при сильном противнике, если пехоте не будут самым самоотверженным образом помогать артиллерия, конница, саперы, если для облегчения тяжкой задачи, выпадающей на долю пехоте, не будут применены все современные технические силы и средства, пехота не достигнет победы или купит ее слишком дорогой ценой.

На пехоту, как на главный род оружия, и надлежит обратить главное внимание. *Между тем у нас служба в армейской пехоте не пользуется одинаковым почетом со службой в других родах оружия.*

Начиная с выбора новобранцев, мы усердно ослабляем свой главный род оружия. Даже форма одежды наших армейских пехотинцев особенно некрасивая. Маленькие пехотинцы, в их старенькой, дурно на них сидящей форме, перегруженные, с мешками, напоминающими нищенские сумы, далеко не имеют воинственного вида. На этот вопрос надлежит обратить серьезное внимание. Необходимо, чтобы в форме одежды пехотинца (как и в других родах оружия) боевые требования были согласованы с удобством формы одежды и ее привлекательностью. Надо, чтобы солдат и офицер любили свою форму одежды и гордились ей. Относительно армейской пехоты этого мы не добивались.

До сих пор в армейской пехоте большинство офицеров не имело достаточно общего и военного образования. В своем отчете я указал, какой ничтожный процент выпускников военных училищ пришелся на капитанов, произведенных несколько лет тому назад в подполковники. Настоятельно необходимо развивать мероприятия по улучшению общего и военного образования наших офицеров.

Офицеры всех родов оружия должны иметь общее образование не ниже программ средне-учебных заведений и военное — не ниже программ военных училищ.

Надо прибавить нашим офицерам армейской пехоты знаний, любви и уважения к роду оружия, в котором они служат, сознания особой важности этого рода оружия в бой. Надо поднять значение пехотного армейского офицера в обществе, дать ему удобную, недорогую и нарядную форму; надо сделать его желанным гостем в любом обществе. Надо оградить его от грубых разносов в присутствии нижних чинов некоторыми начальствующими лицами. Надо всеми силами поощрять развитие самостоятельности и предприимчивости в нашем офицере, в том числе и пехотном. Одной храбрости ныне для одержания победы недостаточно.

Необходимы знание, предприимчивость, порыв вперед, самостоятельность, отсутствие боязни ответственности. Ныне задачи пехоты в бою чрезвычайно тяжелые. Потери громадны. Требуется особая сила духа, чтобы преодолевать трудности моральные и физические, представляемые современным боем в течение нескольких дней. При огромном проценте запасных и кратких сроков службы, мы не можем рассчитывать на особое совершенствование нижнего чина. Тем настоятельнее для нас принимать меры к совершенствованию нашего офицера Материал мы имеем прекрасный и отзывчивый. При тех невероятно трудных условиях, при которых большинству пехотных частей приходилось в Русско-японскую войну вести бой, главная трудность его легла на армейских пехотных офицеров, и свои обязанности они несли безропотно и самоотверженно. Стоит только сравнить потери офицеров убитыми и ранеными в пехоте, коннице, артиллерии и саперах, чтобы увидеть, на чью долю выпали главные труды и опасности. В армии были полки, переменившие несколько раз офицерский состав.

Приведу примеры.

Потери офицеров убитыми и ранеными составили[291]:

в 3-м Восточно-Сибирском стрелковом полку — 102
в 34-м Восточно-Сибирском стрелковом полку — 89
в 36-м Восточно-Сибирском стрелковом полку — 73
в 1-м Восточно-Сибирском стрелковом Его Величества полку — 71
в 4-м Восточно-Сибирском стрелковом полку — 61
в 23-м Восточно-Сибирском стрелковом полку — 50

Нельзя без глубокого уважения и умиления вспоминать боевую службу офицеров этих и еще многих пехотных полков.

Надо непрерывно помнить, что наша армейская пехота — оплот России не только в бою, но и в мирное время. Надо поэтому, чтобы и служебное положение армейских пехотинцев было обставлено лучше, чем это было до сих пор.

Если взять список командиров пехотных полков, то между ними окажется слишком большое число служивших в гвардии и в генеральном штабе. С убеждением высказываю мнение, что для поднятия значения службы в армейской пехоте необходимо *уничтожить более быстрое движение в чинах офицеров, служащих в генеральном штабе и в гвардии, сравнительно с армейскими офицерами.* Уже и ныне офицеры армейской пехоты дают массу выдающихся командиров полков. Надо только уметь выбирать их. Несомненно, что со времени Русско-турецкой войны наш офицер армейской пехоты подвинулся вперед. Надо обеспечить и дальнейший духовный рост армейского офицера улучшением его образования, служебного и материального положения. Командиры рот слишком часто менялись вследствие потерь в боях, но в общем были хороши, а многие совершили выдающиеся подвиги. Но недостаток предприимчивости и самостоятельности составлял и среди них обычное явление. Для пользы службы весьма важно, чтобы капитаны и ротмистры всех родов оружия, показавшие особые боевые отличия, могли быть быстро произведены в штаб-офицерский чин. Между тем представления в Петербург требуют много времени. Необходимо оказать в этом важном вопросе доверие главнокомандующему и в число его прав включить и право производства за особые заслуги в первый штаб-офицерский чин. Тогда мы получим возможность особо выдающихся капитанов, по производстве их в штаб-офицерский чин, поставить во главе отдельных частей войск, назначая командующими полками.

Особо важное значение, как сказано выше, имеет в пехоте личность командира полка. Во многих случаях полк, неудачно действовавший, с заменой командира полка энергичным,

храбрым штаб-офицером в последующих боях становился неузнаваемым. Можно с уверенностью утверждать, что штаб-офицерский состав нашей армии представлял в прошлую войну вполне достаточный контингент для выбора отличных командиров полков. Не следовало лишь при этом держаться старшинства, но давать полки даже только что произведенным за особые отличия подполковникам. Во всех армиях ко времени расположения нашего на Сыпингайских позициях состав командиров полков во многих случаях был отличный. В особенности богата ими была 1-я Маньчжурская армия. Наши командиры бригад, с которыми наши пехотные части вышли на войну, частью оказались несоответствующими. Но среди командиров полков оказалось много весьма энергичных, способных штаб-офицеров, производство коих в генеральские чины дало нам большое число отличных командиров бригад. Вспомню только в 1-й Маньчжурской армии г.-м. Лечицкого, Стельницкого, Душкевича, Леша, Редько, Добротина и др.

Таким образом, среди офицерского состава нашей армейской пехоты даже при неблагоприятных условиях прохождения службы оказались большие силы, которые при правильном развитии их должны дать нам спокойствие за будущее.

При продолжении военных действий многие полковники, произведенные в генералы за военные отличия, с успехом могли занять и должности начальников дивизий. *Надо и в будущем так обставить боевую службу войск, чтобы отличившиеся лица вне всяких правил о старшинстве становились во главе крупных частей, заменяя оказавшихся негодными. Надо, чтобы талантливый и выдающийся в военном отношении командир полка мог в 1 год попасть в командиры корпуса.*

Повторяю, на пехоту выпадают в бою столь исключительно тяжелые задачи, что и служебное движение пехотинцев за оказанные ими боевые отличия надо сделать исключительно быстрым. Я знаю, что отличные боевые командиры полка могут оказаться плохими начальниками дивизий, но знаю, что если, командуя в нескольких боях полком, командир полка проявит знание дела, любовь к нему, решительность, предприимчивость, личное мужество, если солдаты будут крепко верить в него, а успех будет сопровождать его действия, то необходимо возможно быстрее двигать вперед такого командира полка. Он может на первых шагах и не разобраться в сложной обстановке высшего командования, где личное присутствие придется заменить картой и изучением донесений, но во всяком случае такой начальник лучше справится с задачей командира корпуса, чем генерал, никогда боя не видевший и попавший в командиры корпуса после кропотливой, мелочной, специальной деятельности в Усть-Ижорском лагере, и не столько с людьми, сколько с землей, деревом и проволокой.

Таким образом, для поднятия значения главного рода оружия — пехоты — и поднятия значения армейской пехоты, мне представляется необходимым принятие следующих мер:

1) Улучшить образование офицеров, поступающих на службу в армейскую пехоту.

2) Улучшить их материальное и общественное положение.

3) Улучшить форму одежды армейской пехоты.

4) Ускорить служебное движение служащих в армейской пехоте, не допуская более быстрого движения в чинах офицеров, служащих в гвардии и в генеральном штабе, дабы эти более счастливые по службе лица не «садились на шею» армейским пехотинцам полковыми командирами.

5) Облегчить в военное время производство особо отличившихся в первый штаб-офицерский чин.

6) Предоставить командирам пехотных полков, проявившим особые боевые достоинства, весьма быстрое служебное движение с производством их в генеральские чины вне всякого старшинства в чине, хотя бы через месяц по производстве в полковники.

Более быстрое движение лиц, оказавших особые боевые отличия, должно, очевидно,

применяться и к офицерам других родов оружия[292].

Строевая организация войск

На основании опыта минувшей войны полагаю необходимым принять в нашей армии следующую строевую организацию войск всех родов оружия.

Пехотный полк — 4 батальона, четырехротного состава каждый. Рота в 250 человек боевого состава. Кроме 16 строевых рот в полку состоят охотничьи команды, пешая и конная, и пулеметная команда с 16 переносимыми людьми пулеметами. Сила полка — 5 тыс. человек.

Кавалерийский и казачий полки без изменений.

Бригада пехоты — 2 полка — 8 батальонов.

Бригада конницы — 2 полка — 12 эскадронов или сотен.

Все бригады, как пехотные, так и кавалерийские, имеют значение отдельных бригад.

Дивизия пехоты — 2 бригады пехоты, полк артиллерии[293], саперный батальон, телеграфная рота, 2 эскадрона или сотни конницы, обозная рота, парки, хлебопекарня, госпитали. Итого 17 батальонов, 48 орудий и 2 эскадрона или сотни.

Дивизия конницы — 3 отдельных бригады и 1 батарея, 36 эскадронов или сотен и 12 конных орудий.

Армейский корпус — 3 дивизии пехоты, бригада артиллерии, в том числе полк гаубичных батарей, бригада конницы[294], бригада саперов[295], обозный батальон, батальон этапных войск. Итого 48 батальонов пехоты, 168 орудий, 12 эскадронов или сотен и 3 саперных батальона.

Резервные войска в случае мобилизации формируют отдельные пехотные бригады с придачей им резервных же частей артиллерии, конницы и саперов. Каждая резервная бригада состоит из 8 батальонов, 2 батарей (24 орудий), 1 эскадрона резервной конницы или льготных казачьих частей третьей очереди, 2 рот саперов, полуроты телеграфистов, обоза, госпиталей, хлебопекарни.

Такие самостоятельно организованные резервные бригады придаются к армиям, откуда они получают назначение, или в состав армейского резерва, или для выполнения самостоятельных задач по охране флангов, по охране тыла, или присоединяются к корпусам *в зависимости от важности задачи, возложенной на корпус, или в зависимости от личности командира корпуса.*

При такой организации получится большая самостоятельность полков, бригад, дивизий и корпусов, а существование отдельных резервных бригад вне дивизионной и корпусной организации устранит во многих случаях во время боя нарушение корпусной и дивизионной организации.

Включать резервные войска заблаговременно в состав полевых войск — дивизий (третьими бригадами) — или в состав корпусов не представляется удобным и потому, что резервные войска будут готовы к бою позже полевых войск.

Меры к увеличению упорства войск в бою[296]

Изложенные выше предложения по поднятию боевой готовности и годности нашей армии касаются лишь некоторых сторон организации и подготовки армии в целях более успешного

ведения войны с любым противником.

Главными средствами для обеспечения успеха останутся, как то было и ранее: *высокий нравственный дух войск и быстрый сбор превосходных сравнительно с противником сил.* Политическая подготовка к войне должна давать возможность располагать по возможности *всеми вооруженными силами государства* для вооруженной борьбы с тем или другим противником. Обилие и сила железных дорог должны давать средства быстрого сбора превосходных по численности сил. В зависимости от этих двух важнейших данных и будет определяться план войны.

Возможность принять наступательный план войны представляет огромные преимущества, ибо противнику диктуется наша воля, передовые войска противника вынуждены отступать, появляется возможность наносить менее готовым к бою силам противника частные поражения, подвозимые подкрепления могут быть подставляемы под удары по частями. В результате таких действий нравственный дух войск наступающего поднимется и, наоборот, нравственный дух обороняющегося неизбежно понизится. Восстановить равновесие в силах материальных и моральных составит при этих условиях крайне тяжелую, медленно достигаемую задачу. Надо иметь непоколебимую веру в окончательный успех и огромные терпение и энергию, чтобы при оборонительном плане войны преодолеть все трудности и с переходом в наступление победить врага.

Из краткого очерка боевых задач, выполненных русской вооруженной силой в XVIII и XIX столетиях, видно, что большую часть веденных нами войн мы начинали наступлением. При отсутствии железных дорог и содержании в мирное время многочисленной армии постоянного состава (сроки службы 25 лет), при равенстве, а часто и при превосходстве[297] вооружения и обучения, Россия имела возможность, начиная войну, диктовать свой волю противнику, т. е. действовать наступательно.

Ныне готовность армии тесно связана с культурным ростом нации, поэтому мы и стали быстро отставать в готовности от наших западных соседей, а в войну Русско-японскую обозначилась и наша отсталость от восточного соседа — Японии.

Несомненно, что великая Россия найдет со временем силы и средства занять снова среди других держав прежнее по боевой готовности своей армии место. Но для сего потребуется много лет непрерывной работы по поднятию жизненных сил всей страны. В особенности без большого развития железнодорожной сети быстрое сосредоточение огромной армии и принятие ей общего наступательного плана действий невозможны[298].

Совершенно неизвестно, дадут ли нам время дожидаться такого результата и не будем ли мы вновь вовлечены в войну ранее усиления своей армии во всех отношениях, в том числе и железнодорожном. Поэтому нам надо, не теряя времени, готовиться к новой вооруженной борьбе при условии неблагоприятных для нас, подобных тем, кои сложились в минувшую войну.

Не касаясь здесь необходимости дипломатической подготовки войны и настроения во время войны всех слоев русского населения, я намечу в самых общих чертах лишь те мероприятия, которые надлежит, по моему мнению, принять, чтобы возможно производительнее использовать те силы, которые уже прибыли в состав действующей армии.

В тактике для действия войск на поле сражения принят весьма важный принцип несменяемости частей войск, введенных в бой. Поэтому каждая двинутая в бой часть войск должна знать, что поддержка будет, но смены не будет. Этот принцип в самой широкой степени должен быть применен *и ко всем без различия чинам, попавшим в действующую армию. До достижения победы никто из них не может возвратиться домой или получить вне театра военных действий иное назначение.* Лица, коим оказалось не под силу возложенное на них боевое командование, должны быть использованы для иной службы, где их силы моральные и

физические могут оказаться достаточными. В таком грозном деле, как война в целях защиты целости и величия родины, никакое личное самолюбие не может и не должно иметь место. Наибольшим позором, не смываемым всю жизнь, должно считаться удаление из действующей армии лиц любого ранга. Такие удаляемые лица должны одновременно лишаться воинского звания, исключаться из службы и терять все приобретенные ими службой права. Как офицеры, так и нижние чины, удаленные из рядов действующей армии, должны считаться лишенными прав на занятие каких-либо должностей по выбору или назначению и вне военного ведомства.

За проявленную трусость все чины армии заслуживают смертную казнь.

Выше я указывал не необходимость самого быстрого движения вперед офицеров, обнаруживших военные дарования, отвагу, самостоятельность. Одновременно старших начальствующих лиц, оказавшихся несоответствующими, надо быстро удалять от командования, давая им подходящее их силам назначение. Командиры корпусов и начальники дивизий, признанные не соответствующими, должны в защиту своей военной чести ходатайствовать остаться в рядах армии в голове дивизий, бригад. На войне можно признавать только одно старшинство, а именно старшинство лиц, способных одержать победу над врагом. Старшие генералы, прибывшие в голове корпусов и дивизий, неспособные продолжать боевую службу в строю, могут оказаться весьма полезными для службы в тылу, для начальствования этапными линиями, заведывания запасными войсками, для их обучения, заведывания госпиталями, для управления населением и проч.

Если мы в будущем хотим одержать победу над сильным врагом, то не должны допускать, чтобы не выдержавшие боевого испытания начальники дивизий, бригадные и полковые командиры получали в немобилизованных частях назначения; не должны допускать, чтобы многие сотни офицеров, выбывшие из армии по выздоровлении, под разными предлогами уклонялись от возвращения в армию.

Если в мирное время необходимы в частях войск суды чести, то таковые особенно необходимы в военное время. Эти суды должны быть образованы не только полках, но и в корпусах и армиях для суждения о поведении в бою старших начальствующих лиц до начальников дивизий включительно.

Настоятельно необходимо прекратить и безнаказанность нижних чинов, обнаруживших малодушие в бой или содеявших позорящие честь части поступки вне боя. Прежде всего необходимо возвратить начальствующим лицам право перевода нижних чинов в разряд штрафованных. Затем одним из средств для обуздания худших элементов считаю образование в каждой роте и отдельной части войск солдатских судов чести — ротных и полковых.

При современном духовном развитии нашего простолюдина признаю необходимым в военное время предоставить солдатским судам чести налагать по их усмотрению на виновных рядовых телесное наказание.

Одной из главных причин ослабления боевого состава наших частей войск являлся вынос раненых. Надлежит по этому важному вопросу постановить неизменный закон, по которому вынос раненых во время боя должен составлять заботу только чинов, специально для сего определенных, а выход во время боя из строя под предлогом выноса раненых приравнять к оставлению поля сражения из трусости и карать по закону.

Для доведения боя до необходимого упорства все начальствующие чины, ранее отказа от выполнения порученной им задачи, *обязаны употребить и последнее средство — свой личный пример с последним своим резервом, или возглавляли ту или другую из введенных в бой частей.*

В третьем томе моего отчета указаны случаи, где начальствующие лица, отдав приказание об отступлении, сами преждевременно уезжали в тыл. Такие примеры всегда заразительны и ведут к расстройству частей вместе с подрывом доверия к своему начальству.

Начальники частей войск, не оказавших, имея к тому возможность, поддержки соседним частям войск в бою, подлежат отстранению от должностей, суду по законам военного времени и наказанию до смертной казни включительно.

Начальники всех степеней должны сознавать важность каждого лишнего человека в рядах бойцов. Поэтому как перед боем, так и во время боя, надлежит принимать все меры, чтобы поддерживать возможно сильный боевой состав частей войск.

Наконец, позволю себе высказать мнение, что существующие законоположения о наградах в военное время надлежит пересмотреть и значительно изменить. Число боевых наград слишком велико. Выдача их производится массовым порядком. Через несколько месяцев войны значительное число офицеров сравниваются в числе боевых наград, причем сравниваются командиры рот, все время бывшие со своими ротами в боевой линии, с заведывающими хозяйством, командирами обозов и в особенности со служащими в штабах.

Как выяснилось в минувшую войну, болезненность среди офицеров, несмотря на их лучшие сравнительно с нижними чинами жизненные условия, была большей, чем у нижних чинов. Необходимо на этот факт обратить самое серьезное внимание. К сожалению, при посещении госпиталей врачи неоднократно указывали мне на случаи притворства не только среди нижних чинов, но и среди офицеров. Большинство, конечно, были действительно больны, но многие из них заболели по своей неосторожности. Необходимо, чтобы сами офицеры признавали, что насколько почетно во время войны быть раненым, настолько мало почетно проводить время в госпиталях, когда их товарищи ведут бой с врагом.

Следует установить законом, при каких заболеваниях всем офицерам армии, чиновникам и нижним чинам время болезни должно исключаться из действительной службы, с прекращением выдачи содержания по военному времени. Все офицеры и чиновники, отсутствующие по болезни свыше двух месяцев, должны отчисляться от занимаемых ими должностей с перечислением в запасные войска.

В минувшую войну в числе печальных явлений надо отметить большую легкость, чем то было в прежнее время, сдачи в плен не только нижних чинов, но и офицеров. К сожалению, по отношению к таким лицам даже не применялся существующий закон, предписывающий расследование обстоятельств, при которых произошло пленение. Прямо из

Японии бывшие пленные приказами по военному ведомству получали назначения даже начальниками дивизий. Между тем может существовать только одно обстоятельство, оправдывающее сдачу в плен — это ранение. Все же сдавшиеся в плен не ранеными должны быть ответственны за то, что не сражались до последней капли крови.

Закон о крепостях должен быть пересмотрен, и из него надлежит вовсе выкинуть случаи, когда оправдывается сдача крепости. Крепости могут быть взяты, но сдаваться не должны ни при каких условиях. Коменданты крепостей, сдавших крепости, командиры судов, сдавших суда, начальники частей войск, положивших оружие, должны признаваться лишенными всех прав состояния и приговоренными к расстрелу без суда. Все сдавшиеся в плен не ранеными должны считаться со дня сдачи в плен лишенными воинского звания.

Периодическая печать во время войны много способствовала подрыву авторитета начальствующих лиц, офицеров, понижению нравственного духа войск. При будущей войне в печать должны проникать только такие сообщения, которые могут способствовать поднятию духа войск, способствовать победе, а не поражению. После окончания войны — другое дело: тут, по моему мнению, необходимо допускать для пользы дела самое откровенное исследование всех наших недочетов, обозначившихся во время войны.

Но недостаточно еще, чтобы все чины армии были проникнуты сознанием необходимости вести начатую борьбу до победы над врагом. Необходимо, чтобы весь русский народ был

проникнут этим сознанием и в мере сил и средств способствовал успешному выполнению армией возложенной на нее тяжелой задачи.

При нашей отсталости, особенно в железнодорожном отношении, мы и ныне обречены в случае новой войны на медленный сбор своих сил. Поэтому для нас война и в будущем может получить длительный характер. Не будучи в силах сразу выставить большие силы и овладеть инициативой в действиях, мы можем снова быть вынуждены нести все последствия нашей неготовности: частные неудачи, отступления. Надо непоколебимо твердо верить в конечный победный исход войны, при каких бы неблагоприятных условиях ни протекало начало войны. Духовные и материальные силы России огромны. В непреклонной решимости армии и всего русского народа продолжать войну до победного исхода борьбы и будет заключаться главный залог победы.

Окончу эту главу возвращением к основному для нашей армии вопросу: о лучшей подготовке в мирное время командного состава нашей армии.

Выше была объяснена необходимость дать возможность нашему командному составу не только учить других, но и учиться самому. В этих видах необходимо пересмотреть и изменить наши расписания летних занятий. Эти расписания почти не дают практики старшим начальствующим лицам.

В настоящее время летние занятия войск оканчиваются для очень многих частей уже в августе. Это слишком рано. Например, в Петербургском военном округе летние занятия для масс войск оканчивались даже в первой половине августа. Между тем, для войсковых занятий в поле наилучшим месяцем можно считать сентябрь, потому что жатва уже снята и войска не ставятся в неестественную обстановку, признавая засеянное, например, картофелем поле непроходимым препятствием.

Представляется необходимым летние занятия войск всюду продолжить *еще на один месяц специально для обучения своим обязанностям старшего командного состава армии.*

В этот период все командиры корпусов и начальники дивизий должны командовать частями войск, во главе которых поставлены. Чтобы найти нужное число посредников, занятия с крупными частями войск должны в разных округах производиться в разное время, начиная с августа и оканчивая октябрем Занятия эти должны вестись на совершенно незнакомой местности.

Офицеры генерального штаба при этих занятиях должны усиленно практиковаться в своевременном представлении своим начальникам *материала для постановки решений,* вместо подсказки решений без сбора этих материалов и знакомства с обстановкой.

Командир корпуса и начальник дивизии должны ежедневно получать отчетную карточку с нанесением на ней условными знаками расположения войск, предполагаемого расположения сил противника, справку о путях, о местности. Если предстоит атака позиций, то о предполагаемом занятии ее противником (фланги, пути отступления и проч.). Имея своевременно эти данные, наши начальники приучатся вполне сознательно принимать решения о распределении и направлении своих войск для марша, атаки и обороны.

Командующие войсками в округах должны непрерывно присутствовать на этих занятиях и завершать их действиями под своим личным начальством. Для облегчения войск и сокращения расходов казны часть этих важных занятий может производиться войсками в сокращенном количестве: ротой обозначать батальон и т. д.

Когда рядом мер будет приподнята подготовка в мирное время наших старших начальников войск, улучшится их выбор, самостоятельность в их деятельности, разовьется в них инициатива, тогда облегчится решение важного и трудного вопроса для армии: выбора главнокомандующих и командующих армиями в военное время.

Один из самых выдающихся стратегов и военных мыслителей прошлого столетия, Блюме, в своем труде «Стратегия» делает следующий вывод о значении частных начальников на войне: «Даже величайший гений полководца не заменит ему самостоятельного содействия частных начальников».

Немцы в 1870—1871 годах вполне подтвердили правильность этого положения.

Уже после напечатания XXXVI главы в журнале «Русская мысль» за март сего года появилась статья Л. Гальберштадта в отделе иностранной политики под заглавием «Дальний Восток». В статье этой на основании наблюдений европейцев, проживающих в Китае, приводится несколько интересных данных, служащих подтверждением изложенных мной в этой главе мыслей о *«желтой опасности».*

Русско-японская война всколыхнула все народы Азии. В Китае возникли две могущественные партии, из которых одна *японофилъская,* другая *японофобская.* «Так называемая миссия Японии среди желтой расы встречает в Китае столько же энтузиастов, сколько заклятых врагов».

Уже в конце Русско-японской войны китайское правительство проявило кипучую деятельность. Прежде всего был разработан ряд мероприятий, имевших целью реформировать систему обучения с целью дать возможность выдвигаться вперед наиболее сильным ученикам.

«Школьная реформа ввела в программу средней школы преподавание наук, почти устранив из нее схоластику, давившую и душившую китайца с начальной школы и до высшей». В деле этой реформы проявился патриотический порыв. Так, в одной Печилийской провинции было открыто до 3 тыс. новых школ.

В школьной реформе, как и в железнодорожном строительстве, китайцы проявили страстное желание взять у Европы ее культуру, но обойтись при этом, по возможности, без европейцев. Китайцы начали усиленно учиться в Японии. Японские университеты переполнены китайскими студентами. С каждым годом число образованных китайцев растет. Основной лозунг в Китае вполне определился: «Китай для китайцев».

Военная реформа в Китае началась после Японо-китайской войны. Первая династия, обученная при помощи немецких инструкторов, уже была сформирована в 1900 году, но участия в военных действиях не принимала. В 1901 году Юан-Шикай заменяет Ли-хун-чанга в Тиентзпне и создает там регулярные войска. Вице-король Нанкина и затем Ханькоу формирует 2 дивизии. Эти войска составили ядро новой китайской армии.

Европейцы, видевшие китайские войска на маневрах в 1905 году, признали их серьезной силой.

Пока в китайских войсках много иностранных инструкторов, преимущественно японцев, но китайцы усиленно борются, чтобы скорее заменить их своими. С этой целью открыто до 40 кадетских корпусов[299], в которых ныне свыше 7 тыс. учащихся и несколько офицерских школ, соответствующих нашим военным училищам. Кроме того, до 2 тыс. человек готовится к офицерским обязанностям в японских военных школах и в японской армии. Ежегодный выпуск офицеров будет доведен в настоящем году до 1500 человек. Для подготовки штабных офицеров основана высшая школа.

Для реформирования армии составлен план, по которому в каждой из провинций собственно Китая должно быть создано по 2 дивизии по японскому образцу: каждая из дивизий будет заключать в себе 4 трехбатальонных полка, трехэскадронный полк конницы, 9 батарей (54 орудий), саперный батальон и обоз — всего 12 тыс. человек.

Все 36 дивизий составят армию в 430 тыс. человек, по-европейски сформированную и обученную. Такая армия будет существовать уже через несколько лет и с резервными войсками, в случае войны, достигнет миллионной численности.

Год тому назад в Китае уже находилось в составе европейски обученных войск 150 тыс. человек, образующих 25 бригад; 17 из этих бригад были снабжены артиллерией, кавалерией и саперными частями.

О том, какие планы могут зреть в умах китайцев на будущее, указывает заявление в 1907 году в Берлине китайского посла Уин-чанга о том, что в Китае разрабатывается план создания армии в 10 млн человек строевого состава.

Патриотический подъем, охвативший китайскую нацию, отразился и на армии. Вместо прежнего нерасположения к военной службе явился порыв к ней. В 1904 году при открытии низшей офицерской школы в Ханькоу (соответствующей нашему кадетскому корпусу) на 60 вакансий явилось свыше тысячи кандидатов. Военные школы полны сыновьями мандаринов и богатых купцов.

Нижние чины служат по найму и по рекрутским наборам. Семьи служащих получают часть жалования, определенного для нижних чинов; во все время нахождения в запасе получает военное пособие.

С китайской точки зрения громадное моральное значение имеет то обстоятельство, что *образованные* (по китайским понятиям) люди идут и на военную службу, а не только на гражданскую. При том ореоле, которым издревле в Китае окружено знание, это придает офицерам новое и почетнейшее положение в китайском обществе.

D'Ollone[300] рассказывает, что теперь в Китае, даже в глуши на улицах видны «отряды» ребятишек, играющих в «военное учение» и точно подражающих эволюциям войск. В той самой долине нижнего Янг-тзу, о которой еще Марк Поло презрительно говорил, что там «нет и не бывало рыцарей», теперь всюду распространились гимнастические общества: молодежь по собственному почину изучает военный строй. *«Скоро, скоро наши вожди поведут миллионы молодых воинов, которые покорят Европу и Америку. О вы, безумные белые варвары, не рассчитывайте, что страдания Китая будут еще долго длиться»,* — вот какие песни поются членами гимнастических обществ в Китае.

В начальных школах провинции Кианг-су, в книге для чтения учеников имеется песня патриотического характера, которая оканчивается словами: «Боги, воззрите на наше государство, чтобы уснувший лев проснулся, наконец, и с ревом кинулся на поле битвы».

Таковы в общем данные, сообщаемые в статье «Дальний Восток»[301].

Необходимо отнестись к ним с величайшим вниманием, чтобы не пропустить военного пробуждения Китая, подобно тому, как было пропущено военное пробуждение Японии.

Долгое время Китай признавал лучшей гарантией для поддержания дружественных отношений с Россией пустынность местностей, прилегавших к русской границе со стороны Монголии и Маньчжурии. Поэтому переселение китайцев в эти пограничные местности было запрещено. Этим объясняется, почему в обширной северной части Маньчжурии, способной вместить и прокормить многочисленное население, ко времени Русско-японской войны проживало всего около 1 миллиона душ. Теперь положение, к нашей невыгоде, быстро меняется. Китайцы перестали считать пустынность хорошим средством защиты против белых варваров и, надеясь на свой армию, двинули колонизационную волну не только в северную Маньчжурию, но и в Монголию.

Пока нашей огромной границе с Китаем грозит опасность только в ее восточной части. Через 15—25 лет, если заселению китайцами пограничной полосы не будет поставлено препятствий, нашей границе с Китаем будет угрожать опасность на всем ее протяжении со стороны Сибири, что составляет около 7 тыс. верст[302].

Ныне китайцы оспаривают заработок русского населения главным образом в Приамурском

крае. Со временем они будут оспаривать этот заработок во всей Сибири к пользе представителей капитала, но ко вреду для рабочих масс русского населения.

Заключение

Возвращение к русской национальной политике во внутренних делах поведет к увеличению духовных и материальных сил русского племени. Какие при этом надлежит преследовать цели —указано выше.

Главнейшие из мер по подъему духовных сил русского народа должны заключаться в утверждении твердой и попечительной власти на местах, в преобразовании школы, в борьбе с пьянством.

В «России для русских» представители высшей правительственной власти, а также выборные члены в высшие законодательные учреждения — Государственный Совет и Государственную Думу — должны принадлежать к русскому племени, с допуском тех инородцев, которые по языку и по убеждениям признают себя русскими, а Россию признают своей родиной. Основной задачей духовного развития русского народа должно служить поддержание православной веры, преданности царю и любви к родине.

Главнейшие меры к подъему материальных сил русского народа прежде всего должны быть направлены к подъему деятельности русского населения коренных губерний России. Вместо одностороннего развития фабрично-заводской промышленности, необходимо планомерное развитие как сельскохозяйственной деятельности населения России, так и фабрично-заводской.

Особой заботой правительства должно служить поднятие уровня среднего достатка населения. Сообщение населению сельскохозяйственных и иных технических знаний, путем широкого развития профессионального образования, должно служить одним из средств облегчить населению наилучшее использование естественных богатств России. В сельскохозяйственной деятельности обращается особое внимание на поддержание и упрочение образуемого ныне, расходом на углы или отрубные участки, мелкого землевладения.

Охрана личности, труда и имущества населения должна составлять одну из важнейших забот правительства.

В целях охраны труда русского населения необходимо постепенное удаление еврейского элемента из местностей вне черты еврейской оседлости. В тех же видах должен быть приостановлен переход богатств России в иностранные руки.

Представляя роспись доходов и расходов на 1910 год на рассмотрение высших государственных учреждений, министр финансов, в своих объяснениях к ней, поместил следующие драгоценные слова:

> «Земля и земледельческие промыслы остаются, однако, коренными устоями русской народной жизни и первоисточником, на котором стоит весь хозяйственный быт страны. Оздоровление этих устоев, увеличение их производительной силы и лучшее приложение труда, энергии и предприимчивости населения к разработке скрытых в недрах земли и водах России богатств несомненно приведут страну верным путем к экономическому ее расцвету».

К сожалению, такие пожелания в значительной степени пока остаются только на бумаге. По смете на 1910 год предполагалось ассигновать на землеустройство 23 млн руб., но из них *на улучшение полеводства во всей России ассигнуется всего 2 млн руб.*

Все расходы по министерству земледелия и землеустройства, имеющие в настоящее время особую важность и настоятельность, составляют на 1910 год лишь *около 3 % всего государственного бюджета.* Для поддержания «коренных устоев» народной жизни и

«оздоровления» их, очевидно, лекарства отпускаются пока лишь в дозах гомеопатических.

Вместе с заботами об увеличении достатка живущего населения правительству необходимо принимать меры к возможному увеличению источников естественных богатств России для обеспечения будущих поколений. Сюда входят: изучение севера, борьба с северной природой, увеличение рыбных богатств и проч.

Содействуя всеми мерами подъему материальных сил русского племени, отставшего не только от западных соседей, но и от инородцев-русско-подданных, наше правительство должно заботливо охранять достигнутые инородческими племенами России культурные успехи.

Переход к русской национальной политике усилит и внешнее положение России. С прекращением забот об устройстве «блаженства» других народов, в ущерб силам и средствам русского племени, исчезнет и общее недоверие к планам России, сопровождавшее нашу внешнюю деятельность все XIX столетие. Явится возможность, даже прочно охраняя самостоятельное положение основанных русской кровью государств на Балканском полуострове, прийти к соглашению по делам Ближнего Востока. Все более и более ясное понимание государствами Европы растущей на Дальнем Востоке для всей Европы «желтой опасности» позволяет надеяться, что можно будет положить конец взаимным распрям различных государств Европы между собой и объединиться в мощном европейском союзе с целью удержать и на XX столетие господствующее положение Европы на азиатском и африканском материках. Достижение такого соглашения позволит государствам Европы начать ослаблять бремя «вооруженного мира».

Усиление военного положения России тоже тесно связано с возвращением к русской национальной политике.

Как изложено выше, весьма важные меры по усилению военного положения России лежат вне ведения военного министерства.

С достижением соглашения по делам Ближнего Востока существовавшая в России более 100 лет необходимость при каждой войне оставлять в бездействии большую часть наших сил на западной границе исчезнет. В случае, например, новой опасности на Дальнем Востоке явится возможность располагать всеми русскими военными силами.

С ростом материальных сил России облегчится и ассигнование нужных средств на поддержание русской армии на высоте современных требований. Отсталость в техническом отношении от соседей, составлявшая, вследствие недостаточных на армию денежных отпусков, неизменное явление уже около столетия, наконец исчезнет. При культурном росте населения России сгладится и огромное неравенство, существующее ныне между нами и соседями в железнодорожном отношении.

В развитием железных дорог облегчится для действующей на окраинах России или за ее пределами армии связь с центральными местностями России. Эта связь, как указано выше, во все войны, веденные Россией даже и после начала постройки железных дорог, была недостаточная.

Основной задачей русской армии на XX столетие будет: охрана целости границ, защита безопасности и чести России. Принятие национальной политики будет содействовать приданию войнам в XX столетии, если таковые выпадут на ее долю, характера национальных войн.

Из мер по военному ведомству, которые принимаются к увеличению боевой годности нашей армии, заслуживают особого внимания меры по улучшению состава нижних чинов и меры по улучшению командного состава армии. В целях улучшения состава нижних чинов представляется необходимость пересмотреть устав о воинской повинности и ввести в него некоторые изменения. В число племен, которые не будут призываться по новому уставу к несению службы в войсках, необходимо включить и евреев, обложить это племя особым

налогом, соответствующим числу подлежащих приему новобранцев из евреев. Замеченное в течение последних войн постепенное ухудшение унтер-офицерского состава побудило меня высказать мнение о необходимости возвратиться к срокам службы, существовавшим до Русско-японской войны.

Несоответствие численности армии мирного состава со средствами государства вело к неготовности армии по военному составу. При соглашении с Австрией по делам Ближнего Востока возможно будет несколько уменьшить быстро возросшую в последние 9 лет численность армии по мирному составу и поставить задачей на будущее — постепенный переход к содержанию армии мирного состава по 1 солдату на 150 душ населения обоего пола, а затем — по 1 солдату на 200 душ населения.

Улучшение командного состава армии должно состоять главным образом в освобождении начальствующих лиц разных степеней от хозяйственных забот и в направлении их деятельности преимущественно к подготовке не только их подчиненных, но и их самих к командованию в военное время. Эта мера должна иметь особо важное значение по отношению к старшему командному составу, ныне поставленному в такие условия, при которых для этих чинов не имеется достаточной практики в командовании вверенными им частями в поле.

Значение офицерского звания и в особенности строевой службы должно быть поднято. Значение штабов дивизий, корпусов, округов и главного штаба, ослабляющее авторитет начальников строевых частей ко вреду для дела, должно быть понижено.

Всемерно необходимо добиваться, чтобы старшие начальники войск обладали твердым характером, самостоятельностью, инициативой, знанием военного дела и путем обширной практики в мирное время были подготовлены к успешному командованию вверенными им частями в военное время.

Непрерывное комплектование войск в случае войны должно быть подготовлено в широких размерах.

Все увеличивающееся значение на войне технических сил и средств обязывает усилить и в русской армии технические войска и технические средства. Развитие положительных наук вдет таким быстрым шагом вперед, и прикладные знания так развиваются, что трудно предвидеть, на чем остановится в XX веке развитие техники.

При помощи науки европейские государства одолели землю и воду. Земля у них покрыта благоустроенными городами, фермами, селениями, земля прорезана массой путей — шоссейных и железнодорожных; огромные фабрики и заводы перерабатывают богатства недр земли и сельскохозяйственные продукты. Земля взята крепко в руки и щедро окупает труд земледельца, подкрепляемый знаниями и опытом.

Вода тоже завоевана. Внутренние воды стали источниками богатств. По ним идет огромное движение, не ослабляя железнодорожного. Мощные каналы дополняют речные системы. Воды начинают служить регулятором урожаев (ирригационное орошение). Моря перестали разъединять материки. В несколько дней морские колоссы переплывают океан.

Завоевав землю и воду, ненасытные иноземцы ныне завоевывают и воздух. Россия, занятая в XIX столетии чужими делами, очень отстала в этом движении. Надо, чтобы в XX веке эта отсталость исчезла.

Нашему военному ведомству, в своей области, приходится крепко работать, чтобы не слишком отставать в этой лихорадочной работе от западных соседей.

Отсталость нации в культурном отношении отражается и на ее отсталости в военном отношении. Мы в России еще не успели завоевать ни свой землю, ни свои внутренние воды, а военному ведомству, без этих предварительных побед, уже приходится прямо перескакивать к завоеванию воздуха.

Но без общего культурного подъема всей нации военному ведомству в XX столетии почти невозможно будет догнать в техническом отношении наших западных соседей.

Таковы в самых общих чертах задачи России и русского войска на XX столетие по делам внутренним, внешним и военным. В различных главах моего труда имеются указания царствовавших в России лиц и мнения выборных людей в земских соборах и комиссиях в XVII, XVIII и XIX столетиях на задачи России, которые до сих пор еще не выполнены и перешли на XX столетие.

Приведу ниже главнейшие из этих указаний.

На земском соборе в 1642 году представители населения, для улучшения экономического положения России и улучшения самого порядка управления, признавали необходимым:

1) *Введение подоходного налога без каких-либо изъятий.*

2) Прекращение роста податей и повинностей.

3) Прекращение канцелярской волокиты, неправды и неправедных судов.

4) Ограждение от иноземцев, захвативших в свои руки торговлю.

5) Расширение прав населения по самоуправлению. Этой программе 248 лет, а она и ныне еще не выполнена и может послужить, с принятием русской национальной политики, программой для деятельности на ближайшие годы в Государственном Совете и в Государственной Думе.

В особенности настоятельно необходимо спешить с введением подоходного налога. Могущество капитана сказывается и в этом вопросе. Строго проведенный подоходный налог облегчит податное бремя бедной части населения и будет способствовать поднятию уровня достатка русских людей.

Великий Петр, заимствуя с Запада различные меры, смотрел на них лишь как на средство, а не на цель. Но как только русские люди осиливали иноземную выучку, Петр I быстро выдвигал их и ставил выше иноземцев.

За 100 лет до появления национальной системы политической экономии Ф. Листа Великий Петр уже держался этой национальной системы в России по отношению к заводской и фабричной промышленности. Петр I признавал необходимым сильную государственную опеку при создании собственной добывающей промышленности и принимал меры, чтобы ввоз иностранных товаров не вредил отечественной промышленности.

В первом для России тарифе, изданном в 1724 году, уже проводится сознательное покровительство производствам, успевшим возникнуть в России. В зависимости от этого успеха обложение высокими пошлинами ввозимых товаров колебалось от 25 до 75 % их стоимости. Товары же, не производившиеся в стране, были обложены сравнительно низкими пошлинами.

В дипломатических сношениях Петр I не знал другого языка кроме русского, и в его царствование заведывание иностранными делами находилось в русских руках.

Относительно вреда евреев Петр I держался вполне определенного мнения, он говорил: «Я искореняю зло, а не распложаю; не будет для них (евреев) в России ни жилища, ни торговли, сколько о том ни стараются и как ближних ко мне ни подкупают».

Екатерина II относительно окраинных местностей России — Финляндии и балтийских провинций — следовала национальной политике, признавала эти местности частью русской земли и стремилась к уничтожению их обособленности. Когда в 1767 году в Москву явились «в комиссию для сочинения проекта нового уложения» депутаты от окраинных местностей, в том числе балтийской и финляндской, с целью отстаивать свои старые привилегии, русские депутаты дружно поддержали Екатерину II против этих притязаний: *«побежденные не должны иметь преимущества над победителями»* — было провозглашено русскими людьми около 150 лет тому назад, а потом забыто.

Императрица Екатерина II относительно балтийской и финляндской окраин решила, что «сии провинции надлежит привести легчайшими способами к тому, чтобы они обрусели».

Первый из этих заветов — о том, что побежденные не должны иметь преимущества над победителями, остается в силе и в настоящее время; что касается второго завета — по обрусению балтийских и финляндских провинций, то задача эта, при отсталости русского племени в культурном отношении, должна быть отложена до того времени, когда русское племя настолько усилится в духовном и материальном отношениях, что финляндцу и балтийскому немцу станет выгодно признавать себя всюду прежде всего русским. Пока же русское племя должно сближаться с обогнавшими его в культурном отношении народностями — путем неуклонного распространения русского языка и поддержания русской государственности на всех окраинах.

Относительно окраин России необходимо прекратить дальнейшие жертвы русского племени на материальное и духовное развитие населения этих окраин. Многие из них достигли, сравнительно с русскими местностями, таких культурных успехов, что и без помощи русского населения могут продолжать развиваться. *Но необходимо самым тщательным образом охранять уже достигнутые культурные успехи в Финляндии, балтийских и польских губерниях.*

Эти успехи усиливают Россию и могут послужить к усилению русского племени. В особенности заслуживают уважения, изучения и подражания культурные успехи, достигнутые в Финляндии по земледельческой деятельности населения, по образованию этого населения, благоустройству финляндских местностей, трезвости населения и уважения населения к законам.

Сельскохозяйственная деятельность в балтийских провинциях и в Польше тоже должна служить предметом изучения и подражания в русских губерниях центральных и северных.

Школы всех степеней в России должны сообщать детям и юношам любовь к родине, преданность царю и поддерживать в них религиозные чувства.

Школьное обучение для массы населения должно прежде всего преследовать утилитарную цель: научить население более производительно прилагать свой труд к земледельческой и другим видам деятельности.

По важному вопросу о переустройстве средней школы необходимо принимать во внимание следующее определение значения средней школы, сделанное в 1797 году великой Екатериной.

«Целью *воспитания* и учения в гимназии полагается то, чтобы со временем можно было получить людей, способных более *к гражданской жизни* и к гражданской и военной службе, нежели к состоянию, отличающему ученого человека».

Этот завет мудрой государыни был забыт. Гимназии XIX столетия выкинули из своих программ воспитание, а для приготовления к гражданской жизни наилучшим средством признали забивание духовных и физических сил детей и юношей усиленными дозами латыни и греческого языка.

Получение «скромных молодых людей» стало целью средней школы. Предоставление разных прав для окончивших среднюю школу привело к тому, что в средней школе искали не знаний, а этих прав. Родители, сознававшие вред мертвых языков, все же ради этих прав отдавали своих детей в классические гимназии.

Высшая школа должна быть освобождена от увлечения политикой. Занятия науками должны быть поставлены более прочно, чем в настоящее время. В школах всех типов необходимо обратить внимание на физическое развитие детей и юношей.

Профессиональное образование в России должно получить особое развитие, избегая подготовки учащихся одновременно к различным видам деятельности. При этом при разработке программ теоретических и практических знаний в профессиональных школах всех степеней

полезно будет принять в основание рескрипт 19 августа 1828 года, императора Николая I о том, чтобы «повсюду предметы учения и самые способы преподавания были по возможности соображены с будущим вероятным назначением обучающихся».

80 лет XIX столетия Россия жила, отказавшись от русской национальной политики, пока не вступил в 1881 году на престол император Александр Ш.

По внешним и внутренним делам русский государь-богатырь, по свидетельству Н. Бунге, признал необходимым:

1) Удовлетворить народному чувству, по которому Россия должна принадлежать русским.

2) Освободить нашу внешнюю политику от опеки иностранных держав.

3) Упорядочить и скрепить внутренний строй управления.

4) Развить духовные и материальные силы русского народа.

Для достижения этих целей в русском государстве должны были господствовать: русская государственность, т. е. русская государственная власть и русские учреждения, примененные, где то требовалось, к бытовым условиям инородцев и окраин; русская народность, освобожденная от иноплеменного преобладания; русский язык как общегосударственный; уважение к вере, исповедываемой русским народом и его государем.

В предстоящей ныне работе по упрочению власти на местах необходимо неизменно руководствоваться высокими мыслями, изложенными в указе Сенату от 12 июня 1889 года, при учреждении должностей земских начальников. Одну из причин, препятствовавших развитию благосостояния в среде сельского населения, император Александр III видел «в отсутствии близкой к народу, твердой правительственной власти, которая соединяла бы в себе попечительство над сельскими обывателями с заботами по завершению крестьянского дела и с обязанностями по охранению благочиния, общественного порядка, безопасности и прав частных лиц в сельских местностях».

Относительно ведения внешних дел заслуживают глубокого внимания основания для внешней политики, принятые государем императором Александром III, изложенные в циркуляре к иностранным дворам 4 марта 1881 года.

В этом циркуляре между прочим значилось:

> «Внешняя политика императора будет вполне мирной. Россия останется верной друзьям своим, она сохранит в неизменности свои симпатии, освященные преданиями, и будет отвечать взаимностью на дружественное расположение всех остальных держав. Она удержит подобающее ей значение в ряду других держав и озаботится поддержанием политического равновесия. Соответственно своим интересам Россия не отступит от призвания, в согласии с прочими правительствами, охранять основанный на уважении прав и договоров всеобщий мир.
>
> *Долг России — заботиться прежде всего о себе самой.* Одна только обязанность защищать свой честь или безопасность может отвлечь ее от внутренней работы. Наш августейший государь напрягает свои усилия к утверждению могущества и благосостояния России на благо ей и никому во вред».

В этих немногих словах заключается целая программа действий России во внешних делах в XX столетии.

Припомним, что в 1805 году, перед Аустерлицким сражением, Наполеон, относительно политики вмешательства в чужие дела, принятой Александром I, высказал следующие замечательные слова: *«России надо следовать совсем другой политике и помышлять о своих собственных выгодах»*[303].

В июле 1807 года Наполеон I снова подтвердил Александру I верную мысль, «что воевать России с Францией не из-за чего, *что у России, как и у Франции, должна быть своя национальная политика, следуя коей, обе державы никогда не столкнутся*[304].

Другой великий человек прошлого столетия — Бисмарк — еще в 1830 году, относительно значения национальной политики, выразился так: «Единственная здоровая основа великого государства, и ей только и отличается оно от государства малого, есть государственный эгоизм, а не романтика, *и не достойно великой державы бороться за дело, не касающееся ее собственного интереса»*[305].

В 1881 году Россия, наконец, получила программу действий, основанную на здоровом государственном эгоизме, программу вполне национальную. С принятием национальной политики таковая должна неуклонно проводиться не только во внутренних, но и во внешних делах.

Опыт деятельности наших дипломатов XIX столетия указал опасность назначать представителями России людей нерусского происхождения. Поэтому в XX веке необходимо возвратиться, при назначении наших дипломатических представителей, к порядкам XVIII века: представители за границей «России для русских» должны быть русские и православные.

Мной уже изложено, почему только небольшая часть программы императора Александра III была выполнена в его царствование. Но то, что не выполнено, должно полностью войти в программу действий русского правительства в XX столетии: слова «Россия для русских» были вновь произнесены в 1881 году государем императором Александром III.

Ныне во всей великой России эти слова раздаются из края в край. Но чтобы постоянно напоминать их русскому народу, необходимо снять с памятника императору Александру Ш надпись, гласящую о железнодорожных заслугах русского самодержца, и заменить ее тремя словами: «Россия для русских».

Национальное движение в России охватывает в настоящее время все сословия и представителей различных политических партий. Объединение в составе Государственной Думы умеренно-правой партии и националистов придает этому движению большую силу. Образовавшийся ныне Всероссийский Национальный союз, кроме членов Государственной Думы, имеет и представителей Государственного Совета.

22 января сего года Всероссийский Национальный союз объявил нижеследующую программу своей деятельности:

Всероссийский Национальный союз, опираясь на основные законы, исповедует следующие начала:

1) Единство и нераздельность Российской империи и ограждение во всех ее частях господства русской народности.

2) Незыблемость представительного образа правления. Законодательная власть самодержавного царя в единении с Государственной Думой и Государственным Советом. Наблюдение законодательных учреждений за закономерностью действий правительства.

3) Свобода веры на основах христианского государства с сохранением установленных преимуществ первенствующей православной церкви.

4) Подъем производительных сил государства путем развития народной самодеятельности.

5) Восстановление военного могущества Российской империи.

6) Суд близкий к народу, правый, скорый и равный для всех.

7) Неприкосновенность частной собственности.

Ближайшими своими задачами союз ставит:

а) развитие русского национального самосознания путем всеобщего образования, в основу коего должны быть положены незыблемые начала религии, любви к царю и родине, развитие и

укрепление чувств долга и законности. Устранение политики из школы.

б) предоставление инородческим окраинам хозяйственного самоуправления, при обязательном и полном ограждении русских интересов как местных, так и общегосударственных; равноправие евреев недопустимо;

в) широкое развитие в господствующей православной церкви общецерковной епархиальной и приходской жизни, во всем согласно канонам церкви. Улучшение материального положения духовенства, в особенности сельского;

г) полное и планомерное содействие правильному подъему и развитию промышленности вообще и сельскохозяйственной в особенности как главного устоя благосостояния страны;

д) наискорейшее и полное уравнение в правах крестьян с остальными гражданами империи, а также улучшение их экономического положения: во-первых, уничтожение чересполосицы и переход от существующих форм крестьянского землевладения и землепользования к другим, более культурным (хуторское и отрубное хозяйство), для каковой цели должен быть использован имеющийся свободный государственный земельный запас и нужные средства из государственного казначейства; во-вторых, упорядочение переселенческого дела и, в-третьих, организация дешевого и мелкого кредита;

е) борьба с народными пьянством и распущенностью, изыскание средств борьбы с детской смертностью, эпидемиями, пожарами, отсутствием путей сообщения, и другими губящими деревню явлениями;

ж) появление учреждений, обеспечивающих всякого труженика в случае болезни, увечья и старости;

з) ограждение свободы труда;

и) возможно большее распространение среди народных масс прикладных знаний;

к) наискорейшее развитие местного самоуправления без излишней правительственной опеки, но с ограждением интересов меньшинства;

л) улучшение судоустройства и судопроизводства в видах общедоступности суда;

м) пересмотр законов и правил о печати в направлении расширения ее значения в деле служения правде, справедливости и общественному благу. Обуздание революционной, клеветнической и безнравственной деятельности некоторых видов печати.

С переходом к русской национальной политике с девизом «Россия для русских» нельзя не пожелать, чтобы программа Национального союза, в своих основных требованиях, скорее стала и программой для правительственной деятельности, до тех пор, пока русское племя духовно и материально не станет во главе всех племен, населяющих Россию.

Главными двигателями русского племени, при совершении им великого подвига — создания русского государства были преданность вере, царю и родине.

Обладая в тайниках народных масс огромным запасом духовных и физических сил, русский народ не только до сих пор выходил из всех испытаний, сохранив свои народность и верования, но самые неудачи только укрепляли его.

В той важной обновительной работе, которая ныне идет в России на пользу русского народа и армии, необходимо неизменно помнить высокие слова Державного Вождя русской армии и русского народа, обращенные к армии и флоту 5 с лишком лет тому назад:

> *«Россия могуча. В тысячелетней ее жизни были годины еще более тяжелых испытаний, более грозной опасности, и каждый раз она выходила из борьбы с новой славой, с новой мощью».*

Преданность царю, преданность вере и родине составляют основные устои, на которых

созидалось русское государство в течение многих столетий. Для того, чтобы задачи России и русской армии на XX столетие оказались выполнимыми, необходимо самое тщательное охранение и укрепление этих устоев. Рухнут они — рухнет и русское государство. Закончу выражением глубокого убеждения, что только с принятием русской национальной политики эти устои будут должным образом охранены и составят в XX столетии источник силы и успеха для русского племени в «России для русских».

12 февраля 1910 года, с. Шешурино.

---

notes

Примечания

2

Говорят, что только генерал М. Драгомиров саркастически улыбался и спрашивал: «А кто будет при нем Скобелевым?» Драгомиров, как отличный психолог, подметил, что для роли полководца у А. Куропаткина нет таланта, нет вдохновения, нет священного огня, который полководцу нужен так же, как поэту, художнику и музыканту. Драгомировский вопрос пробил первую брешь в стене слепого доверия к Куропаткину. Стали припоминать, будто М. Скобелев неоднократно говорил Куропаткину: «Как второе лицо ты, Алексей Николаевич, хорош, но да хранит тебя Бог браться когда-нибудь за командование. Ты нерешителен, у тебя нет воли и тебя всякий собьет… И как бы выработанный тобою план ни был хорош, ты никогда не доведешь его до конца» (см.: Любинский А. И. Русская армия и генерал Куропаткин как полководец. Киев, 1909).

3

Соловьев С. История России.

4

Милюков П . Очерки из истории русской культуры, ч. III, с. 73.

5

Милюков П. напоминает мнение Вольтера, что народ всегда останется глуп и невежествен: «Это скот, которому нужно лишь ярмо, кнут да сено» (Очерки по истории русской культуры, ч. III, с. 253).

6

Милюков П., ч. III, с. 409.

7

Пыпин А. Общественное движение при Александре I. 1885, с. 74.

8

Шильдер Н. Император АлександрI, его жизнь и царствование.

9

Шильдер Н. , т. II, с. 7.

10

Шильдер Н. , т. II, с. 15.

11

Шильдер Н. , т. II, с. 15.

12

Шильдер Н. Император Александр I, его жизнь и царствование, т. II, с. 46.

13

Бехтеев С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему, 1902, с. 1—4.

14

Бехтеев С, с. 1—4.

15

Бехтеев С, с. 281.

16

Лишенные права налагать взыскания за найденные непорядки, земские начальники стали реже объезжать селения своего участка с попечительными целями.

17

Бехтеев С, с. 282.

18

Ковалевский В. Россия в конце XIX века, с. 237 (официальное издание министерства финансов).

19

Озеров П. Наш государственный долг, 1908, с. 1.

20

Ковалевский В., с. 256.

21

Ковалевский В., с. 672.

22

Продукты для вывоза уменьшаются в цене в зависимости от расстояния до границы. Продукты, ввозимые из-за границы, по той же причине увеличиваются в цене.

23

Бехтеев С, с. 11.

24

Бехтеев С., с. 19—21.

25

Общественное движение в России, в начале XX века, с. 4—5.

26

Жуковский Ю. Население и земледелие, 1907, с. 176—178.

27

Жуковский Ю. Население и земледелие, 1907, с. 183.

28

Жуковский Ю. Население и земледелие, 1907, с. 184.

29

Жуковский Ю. Население и земледелие, 1907, с. 187.

30

Жуковский Ю., с. 28.

31

Бехтеев С, с. 64.

32

Бехтеев С, с. 67.

33

Бехтеев С, с. 130.

34

Бехтеев С, с. 127-131.

35

Озеров И, К аграрному вопросу в России, вып. I, с. 5—7.

36

Бехтеев С, с. 146.

37

Бехтеев С, с. 136-137.

38

Озеров И. Наша торговля, вып. X, с. 11.

39

Ковалевский В. Россия в конце XIX века, с. 137.

По этому вопросу имеются весьма интересные данные в труде Н. Крюкова «Австралия», показывающие, как заботливо и выгодно для населения местные власти организовали продажу шерсти, вырабатываемой населением Австралии (европейским).

41

Бехтеее С, с. 116. Ссылка на Шванебаха П. Денеж. преобр. и народ. хоз., с. 157.

42

Уменьшение запасов частью произошло вследствие образования вместо запасов хлеба особых капиталов, имевших ту же цель.

43

ГуркоВ. Устои народного хозяйства в России, 1902, с. 14.

44

ГуркоВ. Устои народного хозяйства в России, 1902, с. 194.

45

ГуркоВ. Устои народного хозяйства в России, 1902, с. 199.

46

Литвинов-Фалинский В. Наше экономическое положение, 1908, с. 136—145.

47

Гурко В. Наше государственное и народное хозяйство, с. 11.

48

Бржеский Н. Очерки аграрного быта крестьян, 1908, с. 96—97.

49

Озеров И. Россия в мировой семье, вып. VIII, с. 13.

50

В 1906 году вывезено за границу масла на 44 млн. руб.

51

Озеров И. Наши задержанные потребности, с. 145.

52

Бехтеев С, с. 110.

53

Бехтеев, с. 113—114.

Общественное движение в России в начале XX века, т. I, с. 39—88.

55

Общественное движение в России в начале XX века, т. I; Балабанов М. Промышленность России в начале XX века, с. 58—59.

56

Общественное движение в России в начале XX века, т. I; Балабанов М. Промышленность России в начале XX века, с. 58—59.

57

Общественное движение в России в начале XX века, т. I, с. 63.

58

Брандт Б. Торгово-промышленный кризис в Западной Европе и в России, 1904,ч. 2.

59

Брандт Б.,с. 286—313.

60

Озеров И. Наша торговля, вып. IV, с. 13.

61

Бехтеев С, с. 334

62

Ковалевский В. Россия в конце XIX века.

63

До войны с Японией.

Мякотина В. Наброски современности//Русское богатство, 1909, №11.

65

Новое время, 1909, № 11 972.

Финансовое образование, 1910, № 6.

67

Новое время, 1909, № 11 972.

68

Новое время, 1909, № 11 970.

69

Новое время, 1909, № 12 046.

70

Предприятие г. Надецкого поступило за долг в собственность Русско-китайского банка; банк сдал это предприятие в аренду еврею, а еврей вошел в сделку с японцами. (Новое время, 1910, № 12 192.)

71

Новое время, 1909, № 12 130.

72

Новое время, 1909, № 11 954.

73

Воронежскую, Курскую, Орловскую, Рязанскую, Тамбовскую и Тульскую.

74

Крестьяне Холмского уезда за редкими исключениями пашут сохой, а боронят землю деревянной бороной.

75

Новое время, 1909, № 12 133.

76

Новое время, 1909, № 11 952.

77

Озеров И. Наша торговля.

Завацкий, Моневский, Козелло, Солтан, Лисовский и многие другие.

Исключения, имевшие место в XVIII столетии, указаны ниже.

80

Татищев С. Из прошлого русской дипломатии, с. 19.

81

Шильдер Н , т. III, с. 128—130.

82

Татищев С, с. 21.

83

Татищев С, Император Александр II, т. II, с. 45.

84

Татищев С. Дипломатические беседы о внешней политике России, 1890, с. 13—16.

85

Татищев С. Дипломатические беседы о внешней политике России, с. 133—134.

86

Татищев С. Дипломатические беседы о внешней политике России, с. 60.

87

Сергеев С. (В. Кривенко). Император Вильгельм II и вопросы международной политики, 1890, с. 17.

88

Ландверисты—категория военнообязанных запаса 2-й очереди в Пруссии, Германии, Австро-Венгрии и других государствах в XIX— начале XX в. — Прим. изд.

89

Татищев С. Дипломатические беседы о внешней политике России, с. 10. Курсив мой.

90

Сеньобос Ш. Политическая история современной Европы, ч. 2, с. 768—769.

91

Сухотин Н. Война в истории русского мира, 1898, с. 38—39.

92

Толстой Л. Н. Война и мир, 1873, т. 2, с. 422—423. Вот как описана гр. Л. Толстым сцена в приемной главнокомандующего Кутузова в походе 1805 года, в г. Ольмюце перед Аустерлицем.

«В приемной было человек десять офицеров и генералов.

В то время, как вошел Борис, князь Андрей, презрительно прищурившись (с тем особенным видом учтивой усталости, которая ясно говорит, что коли бы не моя обязанность, я бы минуты с вами не стал разговаривать), выслушивал старого русского генерала в орденах, которых почти на цыпочках, на вытяжке, с солдатским подобострастным выражением багрового лица, что-то докладывал князю Андрею.

— Очень хорошо, извольте подождать, — сказал он генералу по-русски тем французским выговором, которым он говорил, когда хотел говорить презрительно, и, заметив Бориса, не обращаясь бо лее к генералу (который с мольбой бегал за ним, прося еще что-то выслушать), князь Андрей с веселой улыбкой, кивая ему, обратился к Борису. Борис в эту минуту уже ясно понял то, что он предвидел прежде, именно то, что в армии, кроме той субординации и дисциплины, которая была написана в уставе и которую знали в полку и он знал, была другая, более существенная субординация, та, которая заставляла этого затянутого с багровым лицом генерала почтительно дожидаться в то время, как капитан князь Андрей для своего удовольствия находил более удобным разговаривать с прапорщиком Друбецким. Больше чем когда-нибудь Борис решился служить вперед не по той писанной в уставе, а по этой неписанной субординации. Он теперь чувствовал, что только вследствие того, что он был рекомендован князю Андрею, он уже стал сразу выше генерала, который в других случаях, во фронте, мог уничтожить его, гвардейского прапорщика».

93

Милюков П. Очерки по истории русской культуры, ч. III, с. 104.

94

Ключевский В. Лекции по русской истории, ч. II, с. 100.

95

Соловьев В., т. XIII, с. 798.

96

Ключевский В., ч. II, с. 98—99.

97

Милюков П.,ч. II, с. 43.

98

Милюков П.,ч. II, с. 44.

99

Находившегося за границей.

100

Ордин. Покорение Финляндии, ч. I, с. 102.

101

Милюков П., ч. III, с. 144—145.

102

Соловьев С, т. XV, с. 1345.

103

Милюков П., ч. II, с. 296.

104

Татищев С. Из прошлого русской дипломатии, с. 9.

105

Соловьев С, т. XV, с. 1345.

106

Данилевский Н. Россия и Европа, с. 364.

107

Или турецким «янычарством».

108

Милюков П., ч. III, с. 206.

109

Татищев С. Из прошлого русской дипломатии, с. 10.

110

Милюков П., ч. III, с. 253.

111

Милюков П., ч. III, с. 276.

112

Ордин, ч. I, с. 336.

113

Пыпин А. Общественное движение в России при Александре I, 1885.

114

Пыпин А, с. 71—72.

115

Пыпин А, с. 74.

116

Татищев С. Из прошлого русской дипломатии, с. 17.

117

Пыпин А, с. 73.

118

Пыпин А., с. 180.

119

Пыпин А., с. 166-167.

120

Пыпин А., с. 174.

121

Пыпин А, с. 434—435.

122

Пыпин А., с. 443.

123

Контроль Сената над министрами был уничтожен.

124

Предками Барклая-де-Толли были шотландцы, переселившиеся в Лифляндию в начале XVIII века. (Столетие военного министерства: Исторический очерк развития военного управления в России, т. I, с. 157.)

125

Татищев С Из прошлого русской дипломатии, с. 340—341.

126

Татищев С, с. 341—342.

127

Татищев С, с. 21.

128

Татищев С, с. 17.

129

Татищев С, с. 31.

130

Татищев С, с. 32.

131

Татищев С, с. 33.

132

Пыпин А, с. 286—287.

133

Пыпин А, с. 41.

134

Татищев С, с. 57—59.

135

Скальковский К. Внешняя политика России, 1897, с. XVI.

136

Данилевский Н. Россия и Европа, 3-е изд., 1888, с. 119. Первое издание этого замечательного труда появилось в 1871 году, а рукопись была написана в 1868-м.

137

Данилевский Я, с. 66.

138

Соловьев Вл. Собр. соч., т. V (2-е изд., 1888), с. 95,97 и 115.

139

Милюков П., ч. 3, с. 2—3.

140

Данилевский К, с. 287—288.

141

Милюков Л. Очерки по истории русской культуры, ч. 2, с. 333.

142

Милюков Л. Очерки по истории русской культуры, ч. 2, с. 343.

143

Милюков П., с. 344.

144

Ядринцев Н. Сибирь как колония, с. 121.

145

Милюков П., с. 347—348.

146

Милюков П., с. 347—348.

147

Милюков П., ч. 2, с. 354.

148

Милюков П., ч. 2, с. 365—366.

149

Милюков П., ч. 2, с. 366.

150

Милюков П ., ч. 3, с. 369—370.

151

Татищев С. Император Александр II, с. 585.

152

Ныне, кроме французского и немецкого, во многих учебных заведениях преподают и английский язык.

153

Татищев С. Из прошлого русской дипломатии, с. 63.

154

Иенс М. Военное дело и народная жизнь/Пер. с нем, 1898, с. 20—27.

155

Иенс М.,с. 5.

156

Полуномады — полукочевники (от греч. pomados — кочующий). — Прим. изд.

157

Иенс М.,с. 151—152.

158

Иенс М., с. 167—168.

159

Иенс М, с. 275.

160

Иенс М, с. 360.

161

Конскрипция — способ комплектования войск. Основан на принципе всеобщей воинской повинности, в отличие от которой допускался и денежный выкуп. — Прим. изд.

162

Чарыков Н. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия, с. 22.

163

Чартыков Н., с. 22.

164

Чартыков Н., с. 26; курсив —А К.

165

Мышлаевский. Война с Турциею 1710 г ., с. 140—141.

166

Соловьев С, т. XVI, с. 60.

167

Менделеев Д. К познанию России, изд. 6, с. 33.

168

В труде Н. Данилевского «Россия и Европа» есть указание, что в жителях Греции течет кровь славянских варваров, а не сынов древней Эллады (1888, с. 354). Выходит, что если поскоблить грека, то получится славянин, новый наш родственник.

169

Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки, 1898, с. 67.

170

Бор-нMих. Происхождение славянофильства, с. 3,24,25,29.

171

Бор-нМих., с. 41—42.

Бор-нMих. Всеславянское братство,1892, с. 5.

173

Бор-нМих. Всеславянское братство,1892, с. 9

174

Бор-нМих. Всеславянское братство,1892, с. 10-11

175

Бор-нМих., с. 13.

176

Данилевский Н. Россия и Европа, 1888, с. 130,133.

177

Данилевский Н. Россия и Европа, 1888, с. 422.

178

Данилевский Н. , с. 423—424.

179

Бор-н Мих. Всеславянское братство, 1892, с. 12—13.

180

Бор-н Мих. Всеславянское братство, 1892, с. 14—15.

181

Бор-нМих., с. 16.

182

Данилевский Н , с. 365.

183

ГирсА. Россия и Ближний Восток, с. 181.

184

Данилевский Н., с. 269.

185

Бор-нМих., с. 41.

186

Соловьев Вл. Национальный вопрос в России,1888, с. 77—78.

187

Данилевский Н. Россия и Европа, с. 175,180.

188

Новое время, 1909, № 11 797.

189

Очевидец. Галицкая Русь прежде и ныне, 1907.

190

Очевидец., с. 38, 39.

191

Очевидец., с. 38, 79.

192

Очевидец, с. 80.

193

Бор-нМих. Всеславянское братство, с. 11.

Соловьев Вл. Национальный вопрос в России, с. 203—204.

195

Соловьев Вл., с. 208.

Лавров И. Аннексия Боснии и Герцеговины//Вестник Европы, 1909, апрель.

197

Меньшиков М. Славяне и англосаксы//Новое время, 1909, №11791.

Всего в Германии по мирному составу было 600 тыс. человек, по военному предполагалось 2600 тыс. человек.

Всего в Австрии по мирному составу было 373 тыс. человек, по военному предполагалось свыше 1500 тыс. человек.

199

Формируемые в первую очередь западные войска придется непрерывно пополнять.

200

По малому числу железнодорожных путей.

201

Вебер Ф. Всеобщая история, 1893, т. 15, ч. 2, с. 348—349.

202

Дживегелов А. Происхождение германской империи//Вестник Европы, 1909, № 4, с. 571.

203

Фон дер Гольц. Вооруженный народ, с. 438-439.

204

Фон дер Гольц. Вооруженный народ, с. 440.

205

Иенс М. Военное дело и народная жизнь, 1898 (Предисловие, с. П.).

206

Киреев А. Россия в начале XX столетия, 1903, с. 27.

207

Соловьев Вл. Собр. соч. 1888, т. V, с. 376—377.

208

Издания генерала Богдановича и др.

209

В духовных семинариях на преподавание латинского и греческого языков уделяется в первых двух классах по 8 уроков в неделю.

210

Этот бюджет с некоторым основанием называют поэтому «пьяным бюджетом».

211

Озеров К Алкоголизм и борьба с ним, 1909, с. 41—43.

212

Что составляет 0,4 ведра.

В. В. Финансы переходного времени//Вестник Европы, 1909, №12.

214

Озеров И. Алкоголизм и борьба с ним, с. 15. Автор делает ссылку на выпуск IX, с. 1158 «Трудов комиссии по вопросу об алкоголизме и мерах борьбы с ним».

215

Озеров И. Алкоголизм и борьба с ним, с. 17.

216

Озеров И. Алкоголизм и борьба с ним, с. 18—19.

217

Озеров И. Алкоголизм и борьба с ним, с. 20.

218

Новорусский М. Параллели и наблюдения// Финляндия, 1910, № 4,25 февр., с. 111—112.

219

Вигдорчик Н. Врачебные отклики//Практический врач, 1909, №47.

220

В Германии 106 крупных фабрикантов, у которых работает 103 тыс. рабочих, показали, что улучшением пищи рабочих и рас пространением продажи прохладительных напитков достигалось улучшение здоровья рабочих, повышение их продуктивности на 20 % и понижение наклонности к пьянству (Дриль И. Труды комиссии по вопросу об алкоголизме, 1899, вып. 11, с. 108).

221

Вигдорчик Н. Врачебные отклики//Практический врач, 1909, № 47, с. 827.

222

Каталог выставки по борьбе с пьянством. Статистический отдал, с. 1.

223

Краткий очерк деятельности С.-Петербургского городского попечительства о народной трезвости 1898—1908годов, 1908, с. 15.

224

Называемой в народе «мерзавчиком».

225

По цифровым данным, сообщенным мне на выставке по борьбе с пьянством, цифры получаются несколько иные, а именно: в 1863 году доход с питей составлял 29 % всего прихода, а в 1908 году лишь 22 % (обыкновенные доходы на 1908 год 2,420 млн, и из них питейный доход 530 млн руб.).

226

«Большинство дел по продаже вина без разрешения оканчивается присуждением виновных только к денежному штрафу от 1 до 5 руб.» (Отчет главного управления неокладных сборов с казенной продажей питей, 1909, с. 66).

227

Практический врач, 1909, № 47.

228

Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество//Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции, 1909, с. 32.

229

Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество//Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции, 1909, с. 46.

230

Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество//Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции, 1909, с. 6 0-61.

231

Изгоев А. С. Об интеллигентной молодежи//Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции, 1909, с. 184—187.

232

Изгоев А. С, с. 192—194.

233

Фон дер Гольц. Вооруженный народ, с. 433—439.

234

Иенс М. Военное дело и народная жизнь, с, 11.

235

Он же гласный Санкт-Петербургской Думы, педагог и литератор.

236

Фальборк Г. Всеобщее образование в России, 1908, с. 163.

237

Фальборк Г., с. 80. На чем основано такое неожиданное утверждение, автор не объясняет.

238

Фальборк Г., с. 32.

239

Фальборк Г., с. 174.

240

Фальборк Г., с. 32.

241

Фальборк Г., с. 178.

242

Фальборк Г., с. 179.

243

Фальборк Г., с. 70.

244

Шимкевич В. Будущее человечества.

245

Образование в Японии//Новое время, 1910, № 12 214.

246

Программы для церковно-приходских школ, 1905, с. 44—45. По этим программам в первый год на церковно-славянскую грамоту уделяется 3 часа в неделю, во второй и третий год — по 4 часа в неделю. В начальных народных училищах ведомства министерства народного просвещения на церковно-славянскую грамоту назначается еженедельно 3 часа.

247

Новое время, 1910, № 12 196.

248

Победоносцев К П. Новая школа, 1899, с. 4.

249

Победоносцев К П. Новая школа, 1899, с. 88.

250

Победоносцев К. П., с. 37.

251

Как упорно держатся устаревшие взгляды в пользу классической системы образования, видно из труда гр. П. Капниста «К вопросу о реорганизации среднего образования» (1901). Автор отстаивает не уменьшение, а увеличение занятий древними языками. Он искренно доказывает, что, например, латинский язык более, чем какой-либо предмет гимназического курса, доступен пониманию учащихся (с. 36). Относительно допуска реалистов вуниверситеты автор высказывается, что без дополнительного изучения древних языков такой допуск нежелателен с принципиальной университетской точки зрения.

252

Для подания врачебной помощи среди врачей и студентов-охотников было большое число, и они вели себя самоотверженно.

253

Лист Ф. Национальная система политической экономии, 1891, с. 232. Труды Фридриха Листа появились в 1843—1846 годах.

254

Лист Ф. Национальная система политической экономии, 1891, с. 444.

255

Лист Ф. Национальная система политической экономии, с. 444—445.

Лист Ф. Национальная система политической экономии, с. 450—451.

257

Лист Ф. Национальная система политической экономии, с. 7—8 (вступление).

258

Лист Ф., с. 139—140.

259

Лист Ф., с. 141.

260

Лист Ф., с. 147—148.

261

Лист Ф., с. 147—178.

262

Менделеев Д. К познанию России, издание 6, с. 35.

263

М. Аничков в своем труде «Война и мир» признает, что упрочение безопасности должно составлять основной устой положительного государственного покровительства труду (ч. 3, с. 10).

264

В местности, где я живу, все крестьяне называют себя и своих сыновей, способных уже к работе, мужиками, своих жен — бабами, своих дочерей — девками. Если девушку по ошибке назовешь бабою, она обидится и ответит: «что вы, барин, я еще девка».

265

Брошюра эта была прислана мне после Русско-японской войны, и происхождение ее мне неизвестно.

Меньшиков М. Правительство и евреи//Новое время, 1909, № 11935,11955.

267

Новое время, 1909, № 12 122.

268

Первый съезд по борьбе с пьянством//Новое время, 1910, № 12147,10 янв.

269

Американцы начали искусственно разводить омаров, выпуская в океан.

270

Эпизоотия — широкое распространение заразных болезней животных, значительно превышающее уровень обычной заболеваемости на данной территории. — Прим. изд.

271

Даже во второй половине XVIII века, ведя войны с Турцией, Россия была вынуждена оставлять главные силы против Австрии и Пруссии.

272

Два в бригадах и два в штабе дивизии.

273

Ниже будет выяснена необходимость возврата к четырем годам службы в рядах войск.

274

Обозы не были запряжены полностью.

275

По финансовым соображениями эти сборы часто отменяются.

276

То, что в последнее время начали учить нижних чинов срочной службы в войсках сельскому хозяйству, только ухудшит военные достоинства как срочнослужащих, так и запасных.

277

Чумаков В. К пересмотру устава о воинской повинности//Русский инвалид, 1910, № 5.

278

Военный сборник, 1909, № 11.

279

Призыв 1904 года совершался с 15 октября по 15 ноября.

В Германии, где главным образом думают о военном времени, средний отпуск сумм в годы, предшествовавшие Русско-японской войне, был тот же, что и у нас при вдвое меньшей численности войск в мирное время.

281

За последние 45 лет прошлого столетия мы увеличили мирный состав нашей армии на 105 тыс. человек. За последние 75 лет, с 1825 по 1900 год, мы увеличили мирный состав нашей армии на 355 тыс. человек.

282

По расчету Менделеева, ранее 20 лет.

283

Во Франции уменьшение сроков службы до двух лет достигается главным образом работой антимилитаристов, ставящих открыто целью своей деятельности обращение регулярной армии в милицию.

284

Не служивших в армии, но получающих небольшую подготовку на особых сборах.

285

Укомплектование для нестроевых частей и учреждений следовало бы сводить в батальоны и передавать в распоряжение начальника тыла армии.

При сухой, хорошей дороге этот груз значительно увеличивался. Во время сильных дождей лошади во многих случаях не могли везти пустой повозки.

287

В том числе ножниц для уничтожения проволочных заграждений.

288

Испытанные мною в Маньчжурии вьючные телефоны системы полковника Ухина дали хорошие результаты.

289

Заслуживает внимания и подражания введение в Японии в снаряжение нижних чинов пехоты ножниц, для перерезывания проволоки. По имеющимся сведениям в каждой японской роте военного времени 50 человек будут иметь такие ножницы.

Например, 7-й Сибирский казачий полк под начальством полковника князя Трубецкого.

291

Все перечисленные ниже полки имели трехбатальонный состав. Наличный состав офицеров в этих полках в различных боях составлял от 45 до 20 офицеров на полк.

292

Для отличного командования полком в мирное и в военное время не требуется прохождения курса военной академии. Преимущества для лиц, получивших высшее военное образование, должны проявляться только с назначений на генеральские должности.

293

Артиллерийские полки в командном отношении находятся в полном подчинении начальников дивизий. Командиры артиллерийских бригад по отношению ко всем батареям, входящим в состав корпуса, ведают инспекторской, технической частями и учебным отделом.

294

1 полк конницы при дивизиях.

295

3 батальона саперов и 3 роты телеграфистов при дивизиях. Минная рота и 2 телеграфные роты при корпусе.

296

Изложенные ниже соображения высказаны мною 4 года тому назад и помещены в моем отчете.

297

В войнах с Турцией, Персией, на Кавказе и в Средней Азии.

298

Частное наступление тех или других групп войск возможно и желательно и при более медленном накоплении сил в период сосредоточения, чем у противника.

299

Так называемых низших офицерских школ.

300

Автор труда «La Chine gserriere et novatrice».

301

Русская мысль, 1910, № 3.

302

Протяжение всей русско-китайской границы от Памира почти до берегов Великого океана составляет 9100 верст.

303

Шильдер Н. Император Александр 1,т. П,с. 136.

304

Татищев С. Из прошлого русской дипломатии, с. 19.

305

Татищев С. Из прошлого русской дипломатии, с. 361.